

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет»

На правах рукописи

Малых Олег Олегович

**«ДЛИННОКЛИНКОВОЕ ОРУЖИЕ ПРИКАМЬЯ ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЫ I ТЫС. Н.Э. И ЕГО РАСПРОСТРАНЕНИЕ В КОНТЕКСТЕ
СОЦИАЛЬНЫХ И МИГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ»**

5.6.3. – Археология

Диссертация на соискание ученой
степени кандидата исторических наук

Научный руководитель:

Доктор исторических наук, профессор

Белавин Андрей Михайлович

Пермь - 2023

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Мечи	
1.1 Методические проблемы исследования длинноклинкового оружия	17
1.2 Мечи. Отделы	20
1.3 Мечи. Разделы	27
1.4 Конструктивно хронологические типы мечей	38
Глава 2. Палаши и технологические аспекты изготовления длинноклинкового оружия	
2.1 Палаши. Отделы	57
2.2. Палаши. Разделы	59
2.3 Классификация ранних палашей.	63
2.4 Технологические аспекты изготовления длинноклинкового оружия первой половины I тыс. н. э.	65
Глава 3. Классификация элементов эфеса длинноклинкового оружия и ножен	
3.1 Классификация форм наверший	71
3.2 Классификация форм перекрестий	78
3.3 Ножны длинноклинкового оружия	84
3.4 Привески	92
Глава 4. Влияние социальных процессов на распространение длинноклинкового оружия в первой половине I тыс. н. э. в Прикамье	
4.1 Социальные процессы I – первой половины III вв.	97
4.2 Социальные процессы III–V вв.	110
4.3 Мужские союзы	125
Глава 5. Влияние миграционных процессов на распространение длинноклинкового оружия в первой половине I тыс. н. э. в Прикамье	
5.1 Миграционные процессы I – второй половины III вв.	133
5.2 Миграционные процессы конца III – начала IV вв.	140
5.3 Миграционные процессы второй половины IV – начала V вв.	153
Заключение	168
Список источников и литературы.	181
Приложения	
Приложение 1.	209
Приложение 2.	228
Приложение 3.	257
Приложение 4.	291
Приложение 5.	323
Приложение 6.	357
Приложение 7.	368

Введение

Актуальность. Прикамье – культурно-географический регион, сформировавшийся в бассейне р. Кама. Регион с яркой и самобытной историей и культурой народов, населявших и населяющих его. Многие аспекты культуры и истории древности нашли свое отражение в погребальной обрядности. Погребальный обряд – наиболее устойчивый признак культуры, нередко являющийся одной из немногих возможностей проследить этапы культурного развития этноса [Клейн, 2013. С. 80].

Среди погребального инвентаря захоронений, оставленных на территории Прикамья редки находки длинноклинового оружия. При проведении научного исследования памятников первой половины I тыс. н.э., обнаружено 169 единиц длинноклинового оружия. Погребения финального этапа РЖВ являются одними из наиболее насыщенных подобными находками в сравнении с другими этапами истории Прикамья. Длинноклиновое оружие, происходящее из закрытых погребальных комплексов, стоит рассматривать как отражение социальной структуры изучаемого этноса, а не просто как аспект военного дела. Выявление процессов и событий, приведших к появлению данной категории погребального инвентаря, есть выявление процессов, приведших к изменению социальной структуры или этнокультурного состава той или иной группы населения. Подобные исследования приобретают большую значимость, если рассматривать интересующие изменения не в контексте одной археологической культуры, а в масштабах целого культурно-географического региона в течении его полутысячелетней истории.

На рубеже эр длинноклиновое оружие появляется в погребальных комплексах, относимых сегодня к чегандинской культуре (III в. до н.э. – II в. н.э.) Среднего Прикамья и кара-абызской общности (IV до н.э. – III н.э.), существовавшей на просторах Нижнего Прикамья [Генинг, 1970. С. 3; Проценко, 2015. С. 39]. В период формирования рассматриваемой практики в регионе не фиксируется закрепления на его территории инокультурных групп,

соответственно, данная традиция возникает под влиянием социальных изменений. Впрочем, рассматриваемые изменения могли происходить под влиянием внешних контактов, но не определяться исключительно ими.

Следующий виток в историко-культурном развитии Прикамья и распространении даже не самого длинноклинкового оружия, а практики его помещения в захоронения происходит на рубеже II-III вв. н.э. В результате влияния различных факторов происходит передислокация части местного населения на земли правобережья р. Камы. В III в. на базе чегандинского населения возникает мазунинская культура (III-V вв.) [Генинг, Мырсина, 1967. С. 84]. По мнению Н.А. Мажитова, памятники, функционировавшие в III-V вв. на территории удмуртской части Прикамья, стоит рассматривать как часть раннебахмутинской общности [Мажитов, 1968. С. 102]. В Волго-Вятском междуречье происходит генезис азелинской культуры, существование которой приходится на III-V вв. [Генинг, 1963. С. 3]. Вслед за культурными изменениями меняется и география распространения погребений с длинноклинковым оружием.

Во второй половине IV-V вв. Прикамье затронули события эпохи Великого переселения народов, выразившиеся в проникновении в регион групп мигрантов различного этнокультурного происхождения. Под влиянием миграционных процессов и иных обстоятельств в V в. прекращает свое существование мазунинская и азелинская культуры. Это приводит к прекращению практики совершения захоронений с длинноклинковым оружием у населения Нижнего и Среднего Прикамья.

Миграции приводят к появлению интересующих захоронений в тех частях региона, для которых они ранее были не характерны. В Верхнее Прикамье проникают группы носителей позднесарматской культуры и представители иных культур кочевого мира. Различные формы взаимодействия местного и пришлого населения приводят к прекращению существования гладеновской культуры (III в. до н.э. – VI в. н.э.) и началу генезиса неволинской и ломоватовских культур [Голдина, 1985; Голдина, Водолаго, 1990]. Появление в Верхнем Прикамье групп мигрантов привело не только к культурным изменениям, но и к закреплению в

данной части Прикамья практики захоронения мечей вместе с частью умерших, следовательно, и к закреплению определенных социальных структур и представлений. Выявление процессов, приведших к появлению определенных категорий находок и практик, связанных с ними, позволяет лучше понять парадигму развития изучаемых этносов и их социальную структуру и историю.

Степень изученности темы. Из погребальных комплексов, оставленных в I-V вв. н.э., происходит 154 меча и 15 палашей – объём находок, достаточный для их всестороннего научного изучения.

Научное изучение мечей и палашей первой половины I тыс. н.э. возможно разделить на два условных этапа.

Первый этап – начало XX – 80 гг. XX в. Научное изучение длинноклинкового оружия начинается в 1910 г., когда при осмотре территории Мазунинского могильника Л.П. Беркутовым были обнаружены обломки меча. В 1917 г. упоминания о данной находке были опубликованы сарапульским краеведом [Генинг, Мырсина, 1967. С. 85].

Одними из первых мечей, обнаруженных при раскопках закрытых погребальных комплексов, стали находки, сделанные В.Ф. Генингом. Под его руководством при проведении раскопок Суворовского (1955 г.) и Азелинского могильников (1959 г.). В публикации 1963 г. исследователь отнес данные находки к категории двуручных мечей, предназначенных для сражения в пешем строю [Генинг, 1963. С. 69–70].

В 1967 году В.Ф. Генинг, публикуя материалы раскопок Ижевского могильника, высказал общее представление о мечах, найденных в Прикамье. «Железные мечи с широкими обоюдоострыми клинками, лишь слегка сужающимися у колющего конца, и с длинной деревянной рукоятью без перекрестия распространены на обширной территории в так называемую эпоху переселения народов III–V вв. В дальнейшем они сменяются однолезвийными мечами» [Генинг, 1967. С. 130].

В 1960 и 1969 гг. В.Ф. Генингом производились раскопки Тураевского курганно-грунтового могильника, в 23 захоронениях которого обнаружено 8 мечей

или их фрагментов [Генинг, 1976. С. 55]. В 1976 году В.Ф. Генингом было высказано предположение о южном (сасанидском?) происхождении меча, помещенного в курган V [Генинг, 1976. С. 82]. В 2009 г. в пользу сасанидского происхождения тураевского меча высказались М.М. Казанский и А.В. Мастыкова. Мечи с рюмкообразными навершиями были отнесены к предметам восточного (сасанидского?) происхождения. Подобные мечи известны только к востоку от Днепра, в Боспоре Киммерийском, на Урале и в Поволжье, в Закавказье и в Южной Сибири [Казанский, Мастыкова, 2009. С. 120].

В 1984 году была опубликована монография В.А. Иванова «Вооружение и военное дело финно-угров Приуралья в эпоху раннего железного века». Автором проанализированы и обобщены материалы раскопок памятников, функционировавших в I тыс. до н.э. – первой половине I тыс. н.э. К моменту выхода монографии в научный оборот введены сведения о находках 19 мечей. В.А. Иванов связал происхождение большинства мечей с сарматскими прототипами [Иванов, 1984. С. 17–18].

Исследователем поднят вопрос о необходимости отнесения однолезвийных кинжалов и так называемых однолезвийных мечей к палашам [Иванов, 1984. С. 18]. Это мнение было поддержано в работах Б.Б. Агеева и С. Э. Зубова и иных исследователей, обращавшихся к проблеме изучения палашей, обнаруженных на территории Прикамья [Агеев, 1992. С. 47; Зубов, 2007. С. 126–127; Малых, 2009. С. 57, Малых, 2011. С. 82].

К 80-м гг. XX в. в научный оборот не было введено достаточно находок для рассмотрения длинноклинкового оружия как самостоятельного объекта исследования.

Второй этап – 90-е годы XX – начало XXI вв. В начале 90-х годов начинается активное использование методов естественных наук для проведения гуманитарных исследований. Больше внимание уделяется процессу теоретического осмысления и интерпретации имеющихся материалов, что можно заметить в работах, представляющих типологии тех или иных категорий предметов материальной культуры.

Первым из прикамских ученых, разработавшим типологию длинноклинкового оружия, стал Б.Б. Агеев. Исследователь, обобщая материалы раскопок нижекамских могильников, разделил интересующие находки на две категории: А – мечи (двулезвийные клинки), Б – палаши (однолезвийные клинки). Критериями выделения типов были выбраны моменты наличия или отсутствия перекрестий и наверший, особенности их форм находки.

В результате Б.Б. Агеевым были выделены следующие типы мечей. *Тип 1* – мечи без перекрестия и навершия; *тип 2* – мечи с кольцевым навершием; *тип 3* – мечи с антенновидным навершием из двух противостоящих друг другу змеек; *тип 4* – мечи с бронзовым ромбическим перекрестием; *тип 5* – мечи с бронзовым секирообразным перекрестием [Агеев, 1992. С. 46].

Типология палашей была представлена следующим образом. *Тип 1* – палаши без перекрестия и навершия, клинок плавно переходит в хвостовик; *тип 2* – палаши с бронзовым перекрестием, прямым брусковидным черенком и антенновидным навершием, оформленным в виде двух спиралей; *тип 3* – палаши с бронзовым перекрестием [Агеев, 1992. С. 46].

По мнению ученого, аналогиями палашам типа 1 являлись палаши, обнаруженные при раскопках памятников кулайской культуры Среднего Приобья. Палаши типов 2 и 3 определены как прикамский тип оружия [Агеев, 1992. С. 46].

Следующая типология длинноклинкового оружия была опубликована в 1997 г. Т.И. Останиной в работе «Население Среднего Прикамья в III–V вв.» [Останина, 1997. С. 73]. Основываясь на критериях выделения типов мечей, предложенных А.М. Хазановым, автор предложила разделить мечи, обнаруженные при раскопках памятников мазунинской культуры, на два типа мечей [Хазанов, 1971. С. 17; Останина, 1997. С. 73].

Тип 1 – мечи с подтреугольным основанием пяты клинка. *Тип 2* – мечи с прямоугольным переходом от клинка к хвостовику. В зависимости от длины и ширины клинка выделялись варианты находок. К примеру, у типа 1 выделялся *вариант 1* – оружие с длиной клинка от 70 до 80 см и шириной в пределах 4,5–5

см, *вариант 2* – с длиной полосы меча от 56 до 61,5 см и шириной 4,5–5 см [Останина, 1997. С. 73].

В 2007 г. С.Э. Зубов опубликовал статью «Ранние палаши Волго-Уралья», в которой обобщались сведения о палашах, происходящих из захоронений представителей чегандинской культуры Прикамья и адреевско-писеральской общности Среднего Поволжья. Имеющиеся находки было предложено разделить на следующие группы. *Группа 1* – палаши, рукояти которых имеют навершие и перекрестие. *Группа 2* – палаши без навершия, но с перекрестием. *Группа 3* – палаши без металлического навершия и перекрестия [Зубов, 2007. С. 129–131]. По мнению С.Э. Зубова, появление ранних палашей связано с деятельностью населения лесостепи и не является результатом развития военного дела поволжского или прикамского населения [Зубов, 2007. С. 131].

В 2013 г. Р.В. Матвеевым защищена диссертация «Вооружение населения Волго-Вятского междуречья в конце II–IV вв. н.э.» [Матвеев, 2013]. В работе были проанализированы находки мечей, происходящих из захоронений, относимых к азелинской культуре.

Р.В. Матвеевым выделено 3 типа мечей. *Тип 1* – мечи без перекрестий, клинок переходит в хвостовик под тупым углом. *Тип 2* – мечи без перекрестий, клинок которых переходит в хвостовик под прямым углом. *Тип 3* – короткий меч/кинжал с вырезами у пяты [Матвеев, 2013. С. 45, 50, 55].

В 2017 г. особенности мечей и палашей, обнаруженных при проведении раскопок Тарасовского могильника, были рассмотрены Р.Д. Голдиной и С.Е. Перевощиковым. Из захоронений некрополя происходит 25 мечей и 3 палаша. Принимая во внимание особенности клинка, наличие или отсутствие перекрестия и навершия, палаши разделили на следующие типы.

Тип 1 – палаши с прямым клинком, уступом при переходе от клинка к хвостовику, без перекрестия и навершия. *Тип 2* – палаши со слабоизогнутыми клинками, с оформленными уступами при переходе к хвостовику, с манжетовидными перекрестиями и калачковидными навершиями [Голдина, Перевощиков, 2017. С. 114].

На основании ширины клинка выделены следующие типы мечей. *Тип 1* – мечи с шириной клинка от 1,8 до 4 см. *Тип 2* – мечи с шириной клинка от 4,1 до 5,7 см [Голдина, Перевошиков, 2017. С. 114–115].

Авторами статьи было произведено деление находок на группы на основании особенностей технологических решений, использованных дляковки клинков. *Группа 1* – находки, выкованные из железа; *группа 2* – мечи из высокоуглеродистой стали; *группа 3* – мечи, выполненные из заэвтектонидной стали; *группа 4* – мечи, изготовленные из дамасской стали [Голдина, Перевошиков, 2017. С. 120–121].

В свете вышеизложенного, актуальность исследования возможно определить следующими моментами:

- несмотря на обнаружение в нашем регионе 169 единиц длинноклинкового оружия или его фрагментов, данная категория находок остается малоизученной;

- работы, в которых клинковое оружие являлось основным объектом исследования, практически отсутствуют. Большинство ученых обращаются к проблемам изучения подобного оружия в процессе характеристики всего комплекса находок, относящихся к одной археологической культуре или памятнику.

- типологические схемы, использовавшиеся ранее для описания мечей и палашей, не в полной мере соответствуют современным методологическим требованиям. Во многом это связано с выделением типов на основании учета одного элемента конструкции оружия, а не всей совокупности элементов, его образующих. Необходимо рассмотреть длинноклинковое оружие как целостную систему всех образующих его элементов.

- назрела необходимость рассмотрения вопросов развития социальных и миграционных процессов, отражением которых стала практика помещения длинноклинкового оружия в состав погребального инвентаря захоронений первой половины I тыс. н.э., оставленных на территории Прикамья.

Объектом исследования является длинноклинковое оружие, обнаруженное в захоронениях, оставленных на территории Прикамья в первой половине I тыс. н.э.

В нашем исследовании под длинноклинковым оружием понимается оружие, состоящее из эфеса (рукояти) и однолезвийного или двулезвийного клинка длиной от 39 см. В период первой половины I тыс. н.э. длинноклинковое оружие на территории Прикамья представлено мечами и палашами.

Предметом исследования являются миграционные и социально–политические процессы, способствовавшие распространению длинноклинкового оружия в среде населения Прикамья в период первой половины I тыс. н.э.

Цель исследования: выявление миграционных и социальных процессов, способствовавших распространению длинноклинкового оружия в среде населения Прикамья в первой половине I тыс. н.э.

В рамках представленной работы реализуются следующие **задачи:**

1. Осуществить историографический анализ работ, посвященных изучению и публикации находок длинноклинкового оружия, обнаруженного на территории Прикамья.

2. Сформировать источниковедческую базу, отражающую факты находок длинноклинкового оружия, его параметры и особенности. Формализовать полученные сведения для последующей обработки статистическими методами.

3. Применить для обработки имеющихся данных метод дискриминантного анализа.

4. Разработать на основании данных, полученных в ходе применения дискриминантного анализа, типологию мечей, относящихся к первой половине I тыс. н.э.

5. Соотнести распространение длинноклинкового оружия с течением миграционных и социальных процессов, затронувших население Прикамья в период первой половины I тыс. н.э.

Территориальные рамки исследования определяются бассейном реки Камы и ее притоков. Связано это с тем, что в древности освоение территорий происходило вдоль русла рек и иных водных объектов. В рамках работы будет использоваться термин «Прикамье», под которым понимается культурно–географический регион, сложившийся в бассейне р. Камы, в котором проживало

население, обладавшее общим происхождением, способами ведения хозяйства, основами материальной и духовной культуры.

Если обратиться к современному территориально–административному делению, бассейн р. Камы объединяет: Пермский край, республики Удмуртия, Башкирия, Татарстан и Кировскую область. Таким образом, исходя из современного политического устройства, исследование носит межрегиональный характер.

Хронологические рамки определены первой половиной I тыс. н.э. В захоронения данного периода помещали не только мечи и палаши, но и целые комплексы защитного вооружения – предметов, наличие которых может свидетельствовать о течении достаточно сложных социальных процессов и осуществлении разнообразных внешних контактов. Необходимость исследования данных процессов не вызывает сомнений. В истории населения Прикамья были и другие периоды, в течение которых происходили рассматриваемые общественные изменения. Однако если сравнивать количество и разнообразие предметов статусного вооружения, остальным периодам сложно конкурировать с эпохой первой половины I тыс. н.э.

Источники исследования – музейные коллекции, отчеты и опубликованные материалы, полученные в ходе раскопок 33 могильников следующих культур:

- чегандинская культура – Тарасовский, Чегандинский II, Ново–Сасыкульский, Кушулевский III, Афонинский, Ныргандинский II могильники (Граф. 6; 7);

- кара–абызская культура – Юлдашевский, Охлебнинский, Камышлы–Тамакский могильники;

- мазунинская культура – Тарасовский, Усть–Сарапульский, Нивский, Покровский, Ижевский, Красноярский, Мазунинский могильники (Граф. 8);

- азелинская культура – Азелинский, Суворовский, Рождественский V, Тюм–Тюмский, Первомайский, Ошкинский, Городищенский, Усть–Брыскинский, Гремячинский, Нармонский могильники (Граф. 9).

В исследование входит группа памятников, на территории которых во второй половине IV – начале V вв. совершали захоронения представители местного населения и группы мигрантов. К подобным памятникам относятся Тураевский, Старо–Муштинский, Мокинский, Качка, Калашниковсковский, Бродовский, Бурковский, Дубровский (Красная горка), Кудашевский, Митинский, Больше–Висимский, Старо–Кабановский могильники (Граф. 10).

Методология и методы исследования. Основным методологическим принципом в настоящей диссертации выступает системный подход. Системный подход позволяет исследовать изучаемые объекты как единую систему образующих их элементов, выявить возможное наличие связей и свести их в целостную теоретическую систему [Рузавин, 1999. С. 272–276]. Помимо этого, предложенная работа опирается на принцип историзма, который требует изучения любого общественного явления в его конкретно-исторической обусловленности и развитии [Могильницкий, 1989. С. 85], а также принцип объективности, предусматривающий воспроизведение исторического объекта таким, каким он существует сам по себе, на основе непредвзятого научного анализа фактов [Бочаров, 2006. С. 13–14].

Работа написана на основании данных, полученных в результате применения различных методов, используемых при проведении археологических исследований. К традиционным методам относятся историко-сравнительный, историко-генетический, историко-картографический и иные методы исторического познания. Данные методы позволяют выявить закономерности в географии распространения интересующих находок и их морфологических изменениях, происходящих в различные исторические периоды.

Для достижения поставленной цели исследования и сопутствующих задач применены формализовано-статистические методы. Для анализа конструкции мечей и выделения их типов применен метод дискриминантного анализа. В рамках дискриминантного анализа нами используется теория нечетких множеств, позволяющая создать наиболее адекватную математическую модель, описывающую процесс выделения типов в гуманитарных науках [Zaden, 1965. S.

338–353]. Преимущество данного метода заключается в возможности не только математически обосновать целесообразность выделения типов, но и просчитать степень вероятной принадлежности каждой находки к выделяемым временным периодам.

Анализ особенностей погребального обряда захоронений с длинноклинковым оружием произведен на основании формально-статистических методов, использование которых получило широкое распространение благодаря работам Г.А. Федорова-Давыдова, В.Ф. Генинга и иных советских и российских археологов [Федоров-Давыдов, 1987; Генинг, Борзунов, 1975]. В основе лежит количественный анализ особенностей погребального инвентаря и обрядности, позволяющий высказывать обоснованное предположение о социальной структуре изучаемого населения или этнокультурных изменениях, происходящих в Прикамье в первой половине I тыс. н.э. Формализация данных и их последующий программный анализ производились в компьютерных средах Excel и SPSS.

Научная новизна исследования заключается в изучении длинноклинкового оружия не одной культурной общности, а целого культурно – географического региона на протяжении его полутысячелетней истории. В постановке основной цели исследования, связанной с выявлением процессов, повлиявших на распространение длинноклинкового оружия, а не с вопросами влияния подобных находок на развитие военного дела.

В рамках предложенной работы проведена апробация использования метода дискриминантного анализа для изучения длинноклинкового оружия. Данный метод позволяет не просто разделить имеющиеся находки на группы (типы) на основании 1–2 критериев, а математически просчитать характерные черты оружия для различных этапов эпохи первой половины I тыс. н.э., выделить конструктивно–хронологические типы мечей. Просчитать вероятность принадлежности каждой находки для выделяемых этапов.

Теоретическая и практическая значимость работы. Для исследования создана база данных, в которую занесена имеющаяся на текущий момент информация о длинноклинковом оружии, отражающая их метрические размеры и

конструктивные особенности. База данных составляется не по материалам одной культурно–исторической общности, а по итогам изучения памятников, относящихся к чегандинской, гляденовской, азелинской (худяковской), мазунинской культурам, тураевско–кудашевской, старо–муштинской и харинской общностям, сформировавшимся в результате интеграции в среду местного населения групп мигрантов. Использование базы данных упростит изучение развития систем вооружения представителей различных культур населения Прикамья. Предложенный вариант адаптации метода дискриминантного анализа, примененный для изучения длинноклинкового может быть использован для изучения иных категорий предметов материальной и духовной культуры населения древности.

Степень достоверности и апробация результатов исследования. Достоверность и обоснованность результатов и выводов, представленных в работе, определяется разнообразием использованных источников, применением как традиционных для археологических исследований методов, так и естественнонаучных методов. Среди естественнонаучных методов, одними из самых значимых для гуманитарных исследований являются формализовано-статистические методы, существенно повышающие обоснованность выдвигаемых предположений и гипотез. Апробация достигнутых результатов произведена в серии публикаций и выступлениях на научных конференциях.

По теме диссертации было опубликовано 4 научные статьи в рецензируемых изданиях – «Вестник Челябинского государственного университета», «Самарский научный вестник», «Вестник Томского государственного университета» [Перевощиков, Малых, 2014. С. 18–24; Малых, Шмуратко, 2019. С. 135–14; Малых, 2019а. С. 179–183; Малых, 2022. С. 133–145]. Помимо этого в иных изданиях опубликовано еще 10 статей и тезисов [Малых, 2006. С. 165–166; Малых, 2007. С. 104–108; Малых, 2007а. С. 216–219; Малых, 2008. С. 235–239; Малых, 2009. С.57–66; Малых, 2010. С.103–105; Малых, 2011. С.81–92; Малых, 2012. С.183-190; Малых, 2013. С.183–185; Малых, 2017. С.26–32]. Некоторые результаты исследования апробированы на конференциях всероссийского (с

международным участием) и регионального уровня: «Урало–Поволжская археологическая студенческая конференция» (Астрахань, 2006; Пермь, 2007; Самара, 2008), «Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко – культурного населения Евразии» (Ижевск, 2008), «Пермские финны и угры Урала в эпоху железа» (Пермь, 2009), «Проблемы истории материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран: 9 Всероссийская научная конференция студентов и аспирантов» (Сыктывкар, 2010), «Археологические памятники Поволжья и Урала: современные исследования, проблемы сохранения и музеефикации» (Пермь, 2012), «Русановские чтения» (Оса, 2013, 2022).

Основные положения выносимые на защиту :

1. Доказано, что на основании анализа материалов, полученных при проведении археологических раскопок погребальных памятников, функционировавших в первой половине I тыс. н.э. на территории Прикамья, возможно создать репрезентативную базу данных, позволяющую произвести исследование длинноклинкового оружия.

2. Подтверждено, что на основании метода дискриминантного анализа возможно разделить интересующие находки на конструктивно–хронологические типы, для каждой находки возможно математически просчитать степень ее принадлежность к каждому из рассматриваемых периодов.

3. Появление в первой половине I тыс. н.э. в Прикамье длинноклинкового оружия связано не только с проникновением групп мигрантов, но и с военной активностью местного населения за пределами региона. Военная активность совпадает с течением таких крупных исторических событий как Скифская война или походы Германариха.

4. Появление в захоронениях представителей коренных культур населения Прикамья длинноклинкового оружия не связано с переходом в общественном развитии к стадии военной демократии присутствие в захоронениях отдельных представителей общества предметов статусного вооружения стоит связывать с реализацией механизмов ситуационного ранжирования.

5. Погребения первой половины I тыс. н.э. с длинноклинковым оружием не принадлежат представителям социальных институтов дружин и вождей, формирующихся на предгосударственной стадии общественного развития, а могут принадлежать представителям мужских союзов – общественных объединений, являвшихся генетическими предшественниками дружинных структур.

Структура исследования. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка использованных архивных источников и литературы и приложений.

Глава 1. Мечи

1.1. Методические проблемы исследования длинноклинкового оружия

Меч – разновидность длинноклинкового оружия, обладающая прямым двулезвийным клинком, предназначенная для нанесения рубяще–колющих повреждений (Рис. 52). В Прикамье, как и в остальных регионах Евразии, мечи являлись основной разновидностью длинноклинкового оружия в период первой половины I тыс. н.э. Мечи были обнаружены при раскопках 33 могильников 6 археологических общностей.

Результаты изучения интересующих находок во многом зависят от применяемых методов. Одним из важнейших методов изучения археологического наследия является типологический метод. При правильном построении типологии можно выявить закономерности в развитии изучаемых находок и через них осветить ряд исторических событий и процессов, влиявших на жизнь населения древности.

На основании изучения длинноклинкового оружия обнаруженного на территории Прикамья было создано три типологии. Б.Б. Агеевым рассмотрены мечи и палаши, происходящие из захоронений представителей пьяноборской общности [Агеев, 1992. С. 46–47]. Т.И. Останина проанализировала особенности мечей обнаруженных при раскопках могильников мазунинской культуры [Останина, 1997. С. 73–74]. Р.В. Матвеевым изучены мечи ставшие частью погребального инвентаря населения Волго–Вятского междуречья (азелинская культура) [Матвеев, 2013. С. 45–55].

Указанные работы в той или иной мере основаны на типологии предложенной А.М. Хазановым для описания сарматских мечей [Хазанов, 1971. С. 15–17]. Соответственно имеет смысл рассмотреть данную типологию более подробно. Сарматские мечи были разделены на следующие типы. *Тип 1* – мечи, рукояти которых имели перекрестия, но не имели наверший. *Тип 2* – мечи, у которых основание клинка имело треугольное основание, плавно переходящее в хвостовик. *Тип 3* – мечи, у которых переход от клинка к хвостовику выполнен под

прямым углом. *Tun 4* – меч, у которого хвостовик был приварен к клинку. *Tun 5* – мечи и кинжалы, имеющие боковые вырезы у основания клинка [Хазанов, 1971. С. 16].

Основаниями для деления находок на различные типы стали:

- форма перехода от клинка к хвостовику (пята клинка).
- наличие перекрестия.
- способ крепления хвостовика.
- наличие вырезов в основании клинка.

Прикамские ученые в своих исследованиях использовали критерии: формы перехода, наличие/отсутствие перекрестия, наличие вырезов в основании клинка [Останина, 1997. С. 73; Матвеев, 2013. С. 45–55]. На данных основаниях имеющиеся находки, возможно, разделить на группы или типы, но возникает ряд методических проблем.

Указанные критерии описывают не весь предмет, а только отдельные его части. Элементы компоновки эфеса могут пролить свет на возможные варианты происхождения мечей или социальный статус человека, для которого их создавали. Но без учета параметров клинка невозможно понять военно–техническое назначение мечей, однако особенности клинка не всегда принимаются в расчет. Особенности клинков должны быть включены в описание рассматриваемых находок при выделении типов.

В типологиях Т.И. Останиной и Р.В. Матвеева основным критерием деления мечей на типы стала форма перехода от клинка к хвостовику (пята клинка). Возникает вопрос о значимости подобного признака.

Форма перехода клинка от хвостовика не влияет на функциональное назначение оружия. Плечики клинка могла скрывать деревянная рукоять, и владельцы оружия не всегда имели представление о форме основания полосы меча. Изначальную форму пяты клинка не всегда возможно определить достоверно, так как находки длительное время подвергались воздействию коррозий и иных негативных факторов приводящих к изменению формы плечиков клинка.

Следует согласиться с мнением Л.С. Клейна заявившего о необходимости выделения типов на основании критериев имевших значение для людей, создававших или использовавших изучаемые предметы [Клейн, 1991. С. 285]. Критерий формы перехода от клинка к хвостовику имеет недостаточный вес для выделения на его основе типов мечей.

Существует мнение о необходимости выделения культурных типов. Согласно Л.С. Клейну, *культурный тип* – это тип предметов, развитие и взаимосвязь которых отражают смену ценностной ориентации, движение социальных групп, расцвет и упадок культуры [Клейн, 1991. С. 283–285].

Население Прикамья не достигло того уровня социально–политического развития, когда возникает необходимость в налаживании местного массового производства мечей. Большую часть мечей стоит отнести к объектам импорта. Выделение культурных типов имеет смысл только для предметов, производимых представителями рассматриваемых исторических общностей на основе своих представлений. Мечи могли использоваться населением Прикамья, но не нести на себе отпечатка их культуры. Следовательно, выделение культурных типов длинноклинкового оружия, обнаруженного на территории Прикамья, не будет иметь смысла.

Прикамские находки длинноклинкового оружия следует разделить на конструктивно–хронологические типы. Под *конструктивно–хронологическим типом* подразумевается – группа находок, параметры и конструкция которых характерны для конкретного исторического периода.

Подводя итоги вышеизложенному, остановимся на следующих моментах:

- создание типологии на основании использования одного критерия не соответствует современным требованиям методики исследований. В основу деления на типы должно быть заложено несколько критериев, в идеале значимых для лиц создававших или использовавших рассматриваемые предметы.
- изучаемые объекты должны рассматриваться как единая система элементов их образующих.

– выделение культурных типов мечей невозможно, так как большая их часть для населения Прикамья являлась объектами импорта, не предметами созданными и оформленными самостоятельно на основании своих культурных представлений.

– мечи, обнаруженные на территории Прикамья, имеет смысл разделить на конструктивно–хронологические типы.

1.2. Мечи. Отделы

Длинноклинковое оружие образовано двумя подсистемами: клинком и рукоятью (эфесом). Без каждой из этих подсистем оружие теряет свою функциональность. Прежде чем приступать к созданию типологии имеет смысл проанализировать особенности клинков и рукоятей имеющихся находок.

Для анализа данных частей оружия нами будут введены следующие понятия. *Отдел* – находки, объединенные в одну группу на основании сопоставимости параметров, влияющих на функциональное назначение изделий. Отделы будут выделяться на основании учета параметра длины клинка.

Для анализа конструкции рукоятей (эфесов) будет использовано понятие раздел. *Раздел* – это совокупность предметов, имеющих устойчивое сочетание конструктивных признаков.

Важнейшей составляющей меча является клинок, от особенностей которого зависят функциональные возможности (военно–техническая функция) оружия. Параметром, во многом определяющим возможности клинка, является его длина.

При изучении мечей к проблемам длинны клинков в своих исследованиях обращались А.И. Мелюкова, А.М. Хазанов, А.С. Скрипкин, В.В. Белоусов, что подтверждает обоснованность внимания к данному параметру [Мелюкова, 1964. С. 46; Хазанов, 1971. С. 15; Скрипкин, 1990. С. 60; Белоусов, 2012. С. 75].

Для изучения длины клинков мечей обнаруженных на территории Прикамья нами было отобрано 54 меча клинки, которых не имеют повреждений или их повреждения минимальны.

После проведения статистической обработки данных все находки были разделены на три группы (отдела) (Граф.2, 3). Мечи с коротким клинком – от 38 до 61,2 см (*отдел 1*) (Рис. 56). Мечи с клинком средней длины – от 66 до 80 см (*отдел 2*) (Рис. 58). Мечи с длинными клинками – от 81 до 102 см (*отдел 3*) (Рис. 60).

При изучении клинкового оружия необходимо принимать во внимание не только длину клинка, но и его ширину. Замеры ширины производились у основания клинка (пяты) или в непосредственной близости от него.

В зависимости от ширины клинка нами будут выделяться подотделы находок. Анализ ширины клинков позволяет выделить два подотдела. Мечи с узким клинком – от 2,1 до 4,2 см (*подотдел А*). Мечи с широким клинком – от 4,3 до 6,1 см (*подотдел Б*) (Граф. 3,4).

Отдел 1 – мечи с коротким клинком

Отдел образован мечами, имевшими длину клинка от 38 до 61,2 см (в среднем 52,5 см) и шириной основания, варьирующейся в пределах от 3,2 до 5,5 см (в среднем 3,86 см). В современном состоянии сечение клинков определяется как линзовидное. Геометрия клинков в 50% случаев определяется как V – образная, то есть имеется заметное сужение полосы от основания к острию. Подобная геометрия повышала проникающую способность клинка при нанесении колющих ударов. Другая часть оружия (50%) обладала геометрией, близкой к U – образной, что более характерно для оружия, рассчитанного на нанесение рубящих ударов.

Мечи с коротким клинком обнаружены в погр. 608, 1125, 1307 Тарасовского (Рис. 2–3; 9–1,2), погр. 66, 306 Кушулевского III (Рис. 8–1,2), погр. 346, 361 Ново–Сасыкульского (Рис. 5–4,1) могильников чегандинской культуры и погр. 68 Камышлы–Тамакского (Рис. 8–3) могильника кара–абызской культуры [Голдина, 2004. С. 109, 187, 209; Агеев, 1985. Рис. 5–1,2; Зубов, Саттаров, 2014. Рис. 2–3]. В погр. 75 Рождественского V некрополя (Рис. 34–1; 39–1), относящегося к азелинской культуре, и погр. 19, 59, 99 Покровского могильника мазуниской культуры (Рис. 17–1; 27–6) [Старостин, 2009. Рис. 16–6; Останина, 1992. С. 17, 19,

22]. В погр. 2 В кургана 25 Бродовского могильника который относится к захоронениям представителей харинской общности [Голдина, Водолаго, 1990. Табл. LII–2].

Если исходить из статистических показателей (61,5%), то можно считать мечи отдела 1 оружием характерным для представителей населения Удмуртского Прикамья в период I–II вв. (Рис. 57). Второй этап бытования коротких мечей приходится на IV – начало V в. (30,7%).

Разделение находок на подотделы выглядит следующим образом.

Подотдел А (узкие клинки): погр. 608, 1125, 1307 Тарасовского, погр. 66, 306 Кушулевского III, погр. 346 Ново–Сасыкульского, погр. 68 Камышлы–Тамакского могильников. *Подотдел Б* (широкие клинки): погр. 19, 59, 99 Покровского, погр. 75 Рождественского V, погр. 2 кургана 25 Бродовского могильников.

Оружие с коротким клинком лучше приспособлено для нанесения колющих ударов, чем рубящих. Различия в ширине клинков, в данном случае не будут иметь принципиального значения.

У большинства находок (67%) отдела 1 не фиксируется следов наличия наверший и перекрестий. Среди имеющихся находок 3 меча имели металлические перекрестия, и только 1 меч был снабжен перекрестием и навершием.

Отдел 2 – мечи с клинком средней длины

Мечи с клинками средней длины являются самой многочисленной группой находок (55 экз.), что связано с их универсальностью в использовании в сравнении с оружием других отделов. К отделу 2 относятся мечи с длиной клинка от 61,2 до 80 см (в среднем 74 см) (Рис. 58). У 50 – ти клинков сечение клинка (90,9%) определяется как линзовидное. Сечение близкое к ромбовидному фиксируется только у оружия, использовавшегося в период I–II вв. В большинстве случаев клинки не имели выраженного сужения от основания к острию (U – образная геометрия).

Культурную, или скорее временную, принадлежность интересующих погребальных комплексов, можно попытаться определить следующим образом.

К комплексам представителей чегандинской культуры относятся погр. 152 Ныргандинского II (Рис. 3–3; 6–1), погр. 26, 156 Чегандинского II (Рис. 2–1; 7–1,2), погр. 264 Ново–Сасыкульского (Рис. 5–3) могильников. При раскопках Ново – Сасыкульского могильника в квадратах 19/С и 22/Ж были найдены мечи, длина которых соответствует заявленным требованиям (Рис. 5–2,6) [Генинг, Одинцов, 1970. С. 18; Генинг, 1971. Табл. XI–7, 8; Васюткин, Калинин, 1986. Рис. 16–3,4,9].

К комплексам носителей азелинской культуры относятся погр. 17 Суворовского (Рис. 37–2), погр. 76, 94 А и В Тюм–Тюмского (Рис. 36–2; 42–1,4, 2), погр. 23, 36, 44 Усть–Брыскинского (Рис. 40–4,5,6), погр. 9 Первомайского (Рис. 34–4; 43–1), погр. 2 Городищенского (Рис. 26–3), погр. 117 Рождественского V (Рис. 34–1; 39–2,3), погр. 19 Нармонского (Рис. 41–3) могильников [Генинг, 1963. С. 118; Ошибкина, 2010. Табл. 64–1, 2,4; Матвеев, 2013. Рис. 9–4,5,6; Лещинская, 2014. Табл. 140–8; Наговицин, Семенов, 1978. Табл. II–4; Старостин, 2009. Рис. 24–32; Овчинников, 2014. Рис. 12–1; Старостин, 2009. Рис. 47–8].

Среди случайных находок, сделанных при исследовании памятников Волго–Вятского междуречья следует отметить мечи, обнаруженные на территории Рождественского V (1 экз.), Масловского (1 экз.), Усть–Брыскинского (1 экз.) (Рис. 40–2) могильников и Серебрячихинского селища (1 экз.).

К комплексам представителей мазунинской культуры можно отнести погр. 6, 60, 129, 474, 765 А, 790, 1772, 1779 Тарасовского (Рис. 18–2,3; 19–1; 24–2,3,4,9; 25–1,4,5,6;), погр. 63, 115, 261, 325 Покровского (Рис. 17–4; 27–2,3,4), погр. 10, 16 Ижевского (Рис. 21–2,3), погр. 89, 105 Усть–Сарапульского (Рис. 23–3,2), погр. 16 Нивского могильников [Голдина, 2003. Табл. 4–24; 23–32; 45–14; 205–3; 330–13; 347–13; 655–12; 661–7; Останина, 1992. С. 23, 33, 36; Генинг, 1967. Рис. 2–2,3; Арматынская, 1986. Рис. 6–19]. Среди случайных находок стоит отметить меч, обнаруженный на территории Ижевского могильника.

Мигрантами во второй половине IV – начале V вв. могли быть оставлены погр. 4 кургана 24, погр. 1 кургана 25 Бродовского, погр. 5, 6, 7, 8, 16 Кудашевско

(Рис. 48–2), погр. 75 Бурковского (Рис. 52–5; 44– 3), погр. 171, погр. 1 кургана 1, кургана 5, погр. 1 А и Б кургана 7 Тураевского (Рис. 9; 48–3), погр. 29 Дубровского могильников (Рис. 22–2), содержащие в погребальном инвентаре мечи [Голдина, Водолаго, 1990. Табл. LII–1, 2, 3; Казанцевой, 1991. Рис. 8,36,50; Казанцевой, 1992. Рис. 15,49; Генинг, Голдина, 1973. С. 97; Голдина, Бернц, 2004. С. 158; Генинг, 1976. С. 60, 70, 76; Черных и др., 2010. С. 209].

Мечи с длинными клинками выявлены при раскопках памятников функционировавших в различных частях Прикамья, в их распространении не прослеживается каких либо значимых территориальных особенностей (Рис. 61).

Мечи из погр. 5, 6, 7, 8 Кудашевского могильника (Рис. 50) имеют значительные повреждения клинков, поэтому существует вероятность принадлежность части из них к отделу 3.

Если исходить из статистических данных, рассматриваемые мечи более характерны для носителей мазунинской культуры (30,9%). Большинство средних мечей (55,5%) использовалось в период конца III – первой половины – третьей четверти IV вв.

Разделение находок на основании параметра ширины выглядит следующим образом. *Подотдел А* (узкие клинки): погр. 26, 156 Чегандинского II, кургана 5 Тураевского, погр. 89 Усть–Сарапульского, погр. 117 Рождественского V, погр. 765А Тарасовского, погр. 264, 361 Ново–Сасыкульского, погр. 2 Городищенского, погр. 16 Нивского, погр. 105 Мокинского могильников.

К подотделу А относятся случайные находки мечей, сделанные на территории Ново–Сасыкульского (кв.19/С) и Ижевского могильников и Серебрячихинского селища.

Подотдел Б (широкие клинки): погр. 152 Ныргандинского II, погр. 4 кургана 24, погр. 1 кургана 25 Бродовского, погр. 5, 6, 7, 8, 16 Кудашевского, погр. 75 Бурковского, погр. 6, 474, 790, 1772, 1779 Тарасовского, погр. 17 Суворовского, погр. 76, 94 А и В Тюм–Тюмского, погр. 23, 36, 44 Усть–Брыскинского, погр. 63, 115, 261, 325 Покровского, погр. 10, 16 Ижевского, погр. 105 Усть–Сарапульского,

погр. 171, погр. 1 кургана 1, погр. 1 А и Б кургана 7 Тураевского, погр. 9 Первомайского, погр. 129 Дубровского, погр. 19 Нармонского могильника.

Среди случайных находок к подотделу Б относятся мечи, найденные при исследовании Масловского, Рождественского V и Усть-Брыкинского могильников (Рис. 38).

Среди находок отдела 2 наибольшее распространение получило оружие с широким клинком (72,7%). Основной функцией меча является нанесение рубящих ударов, вероятно с этим связано преобладание мечей с широким клинком. Основное количество находок подотдела Б это оружие ставшее частью погребального инвентаря в конце III – начале IV–V вв.

У 24% находок (12 экз.) отдела 2 фиксируется наличие перекрестий или наверший. В различные временные периоды использовались различные схемы компоновки рукояти. В I–II и второй половины IV–V вв. для рукоятей мечей характерно использование навершия и перекрестия. В III в. эфесы оружия снабжали только навершиями.

Отдел 3 – мечи с длинным клинком

К отделу 3 относится 23 находки, длина клинков которых превышала 80 см (Рис. 60). Находки отдела 3 – это оружие с длиной клинка в среднем около 88 см (от 81 до 105 см) и шириной клинка в пределах от 3 до 5,5 см (в среднем 4,48 см). Привлекает внимание находка из числа подъемного материала Красноярского могильника (Рис. 26–2), имевшая клинок длиной 105 см, и меч из погр. 782 Тарасовского могильника (Рис. 25–3) с клинком в 102 см [Казанцева, 2004. Рис. 91–11; Голдина, 2003. Табл. 341–38]. В современном состоянии сечение 21 клинка определяется как линзовидное (91,3%). Необычно сечение красноярского меча, верхней половине клинка которого придали линзовидную, а нижней – ромбовидную форму. Клинки большинства длинных мечей имели U – образную геометрию, то есть не имели выраженного сужения от основания к острию.

Попытка определить культурную принадлежность умерших, в чьих захоронениях были обнаружены длинные мечи, выглядит следующим образом.

К чегандинским комплексам можно отнести погр. 260 Ново–Сасыкульского могильника (Рис. 5–5) [Васюткин, Калинин, 1986. Рис. 16–1]. Возможно, из разрушенного захоронения чегандинского времени происходит меч, обнаруженный при исследовании Красноярского могильника (Рис. 26–2) [Казанцева, 2004. Рис. 91–11].

Представителями мазунинской культуры могли быть оставлены погр. 4, 131А, 199, 235, 446, 680, 765Б, 782, 1685, 1703 Тарасовского (Рис. 24–1,5,6,7,8; 9–1; 25–2,3; 18–1,4; 19–1), погр. 26, 289 Покровского (Рис. 27–1,5; 17–2) и погр. 17 Нивского (Рис. 26–4) могильников [Голдина, 2004. С. 10, 31, 44, 50, 85, 120, 135, 138, 305, 258; Останина, 1992. С. 17, 34; Останина, 1978. С. 104].

Погребение 5 Азелинского (Рис. 41–2), погр. 1 Суворовского (Рис. 41–4), погр. 94Б Тюм–Тюмского (Рис. 42–3; 36–2), погр. 27 Ошкинского (Рис. 43–2) могильников относятся к числу комплексов азелинской культуры [Генинг, 1963. С. 109, 100; Ошибкина, 2010. С. 27–28; Лещинская, 2000. С. 65]. Из разрушенного захоронения происходит меч, обнаруженный в процессе исследования Усть–Брыскинского могильника (Рис. 40–7) [Матвеев, 2013. Рис. 9–2].

С появлением во второй половине IV – начале V вв. в регионе групп мигрантов связано совершение погр. 15 на территории Кудашевского, кургана 4 Калашниковского, погр. 3 кургана 5 Бурковского могильников, а также совершение тайника в кургане 17 Старо–Муштинского некрополя (Рис. 51–3; 45) [Казанцевой, 1991. С. 9; Генинг, Голдина, 1973. С. 89; Сунгатов и др., 2004. С. 22–23].

В ходе картографирования находок не удалось выявить значимых закономерностей в территориальном распространении находок отдела 3 (Рис. 61).

Рассмотрение ширины клинков позволяет группировать находки следующим образом. *Подотдел А.* (узкие клинки): погр. 27 Ошкинского, погр. 4, 131 А, 680, 782 Тарасовского могильников и меч из подъемного материала Красноярского некрополя.

Подотдел Б. (широкие клинки): погр. 5 Азелинского, погр. 94 Б Тюм–Тюмского, погр. 199, 235, 446, 765Б, 1685, 1703 Тарасовского и погр. 26, 289 Покровского, погр. 15 Кудашевского, кургана 4 Калашниковского, погр. 3 кургана 5 Бурковского, погр. 1 Суворовского, погр. 260 Ново–Сасыкульского, погр. 17 Нивского могильников. К рассматриваемой группе относится меч из числа случайных находок, собранных на территории Усть–Брыскинского могильника.

Среди находок отдела 3 наибольшее распространение получило оружие с широким клинком (73,9%). Мечи с длинным и широким клинком можно определить как рубящее – колющее оружие.

В 28,5% случаев (6 экз.) рукояти мечей отдела 3 имели перекрестия, и 42,8% (9 экз.) эфесы оружия были снабжены навершиями.

Параметры клинка являются одним из важнейших элементов конструкции меча, определявшим функциональное назначение оружия. Метрика клинка в некоторых случаях может выступать как один из косвенных датирующих признаков. Мечи с коротким и узким клинком в большей мере характерны для периода I–II вв., в III в. в Прикамье использовалось оружие с длинным узким клинком. В IV–V вв. в обиход вошли широкие клинки средней длины. Создание типологии или классификации длинноклинкового оружия как целостной системы элементов, его образующих, невозможно без учета параметров клинка. На основании учета только длины и ширины клинков нельзя создать типологию мечей, так как следует принимать во внимание и особенности конструкции рукояти.

1.3. Мечи. Разделы

Эфес, также называемый рукоятью, является одной из самых динамически изменяющихся подсистем, образующих длинноклинковое оружие. Возможно, это привело к тому, что как отечественной, так и в зарубежной методологии укоренилась практика деления имеющихся находок на типы или группы на основании учета особенностей конструкции и оформления рукоятей. Современная

методология предусматривает рассмотрение объектов изучения как единой системы всех его элементов. Для реализации данной цели уже были рассмотрены особенности клинков, теперь необходимо уделить внимание особенностям рукоятей мечей.

Раздел А – рукояти мечей без перекрестий и наверший

Оружие рукояти, которого не имело наверший и перекрестий, образует самую многочисленную группу (40 экз.) мечей первой половины I тыс. н.э. (Рис. 62,63). Под влиянием работы А.М. Хазанова в отечественной историографии сложилась традиция деления подобного оружия на два типа: 1) мечи, основание клинка которых имеет треугольную форму и плавно переходит в хвостовик (*тип 2*); 2) мечи, основание клинка которых образует прямой угол с хвостовиком (*тип 3*) [Хазанов, 1971. С. 17].

Находки типа 2 и 3 получили распространение у групп населения, проживавших на обширной территории, включавшей в себя Малую и Центральную Азию, Северное Причерноморье, Подонье и Поволжье, Южный Урал, Восточную Европу, Сибирь [Хазанов, 1971. С. 29,21].

Мечи без перекрестий и наверший появляются в европейской части лесостепной полосы в период II–I вв. до н.э. вместе с мечами с перекрестиями, имеющими китайские прототипы (Рис. 111) [Хазанов, 1971. С. 57]. Находки II–I вв. до н.э. отражают наличие торговых контактов. Начало массового распространения оружия с подобной компоновкой рукоятей приходится на I–II вв., становясь во второй половине II – первой половине III вв. основной формой мечей [Хазанов, 1971. С. 21].

По мнению А.М. Хазанова и А.В. Симоненко, в III–IV вв. у сармат происходит замена мечей с подтреугольной пятой клинка (по Хазанову, *тип 2*) на оружие с прямоугольным переходом от клинка к хвостовику (*тип 3*) [Хазанов, 1971. С. 20]. Вполне возможно, что форму пяты клинка стоит рассматривать как

«неосознанную» ремесленную традицию, а изменение ее формы отражает смену регионов, из которых поступало оружие.

На основании формы перехода от клинка к хвостовику нецелесообразно выделять типы мечей ввиду незначительного веса данного признака. Мечи, рукояти которых не имели наверший и перекрестий, можно разделить на два подраздела: *подраздел 1* – мечи, у которых переход от клинка к хвостовику имеет подтреугольную форму (*тип 2*, по Хазанову) (Рис. 62), *подраздел 2* – мечи, у которых переход от клинка к хвостовику выполнен под прямым углом (*тип 3*, по Хазанову) (Рис. 63).

Подраздел 1. Состояние находок позволяет проанализировать особенности 30 мечей имевших подтреугольную форму основания клина.

Начало распространения интересующих мечей фиксируется по инвентарю погр. 608, 1125 Тарасовского (Рис. 2–3; 9–1,2), погр. 66 Кушулевского III (Рис. 8–1) и погр. 264 Ново–Сасыкульского (Рис. 5–3), погр. 156 Чеганда II (Рис. 7–2) могильников, оставленных в I–II вв. и относящихся к числу памятников чегандинской культуры [Голдина, 2004. С. 109,187; Агеев, Мажитов, 1985. С. 8; Васюткин, Калинин, 1986. С. 116; Генинг, 1970. С. 63].

К периоду первой половины III в. относятся погр. 446 (Рис. 24–8), содержащее в своем составе меч. Во второй половине III в., предположительно, были оставлены захоронения 6, 790 Тарасовского могильника (Рис. 24–2; 25–4) [Голдина, Перевошиков, 2017. Рис. 1–1,11,12]. По мнению Р.В. Матвеева, во второй половине III – первой четверти IV вв. были оставлены погр. 17 Суворовского (Рис. 41–5) и погр. 36 и 44 Усть–Брыскинского (Рис. 40–5,6) могильника [Матвеев, 2013. С. 135].

В первой – третьей четверти IV в. могли быть совершены погр. 19, 59, 63, 99, 115, 325 Покровского (Рис. 27–6,2,3), погр. 10, 16 Ижевского могильников (Рис. 21–2,3) мазунинской культуры [Останина, 1992. С. 17, 19, 22, 23, 36; Генинг, 1967. С. 113–134]. К этому же периоду следует отнести время совершения погр. 1, 20, 30 Суворовского (Рис. 41–4,5,1) и погр. 5 Азелинского (Рис. 41–2) могильников азелинской культуры [Генинг, 1963. С. 109, 118, 125].

К периоду второй – третьей четверти IV в. могут относиться погр. 36, 76, 94 могильника Тюм–Тюм (Рис. 42–2, 4; 36–2) и погр. 9 Первомайского (Рис. 34–4; 43–1) некрополя азелинской культуры [Ошибкина, 2010. С. 41]. По мнению Н.А. Лещинской, первомайский комплекс с мечом следует датировать концом IV в. [Лещинская, 2014. С. 173].

Наличие в Прикамье длинноклинкового оружия в последней четверти IV – начале V вв. отражают находки мечей в погр. 235 Тарасовского (Рис. 24–4) и погр. 171, погр. 1Б кургана VII Тураевского (Рис. 49–1; 48–3; 49–3) могильников [Голдина, Перевошиков, 2017. Рис. 2–12; Голдина, Бернц, 2004. С. 158; Генинг, 1976. С. 77]. Перечисленные находки отражают финальный этап использования мечей, рукояти которых не имели фиксируемых перекрестий и наверший.

Если исходить из данных имеющейся выборки, мечи с подтреугольным основанием клинка получили наибольшее распространение среди носителей мазунинской культуры (40% имеющихся находок). В Прикамье основная масса мечей (53%) с подтреугольным основанием клинка происходит из погребальных комплексов, оставленных в течение IV в. (без последней четверти). Результаты картографирования не позволяют локализовать интересующие нас находки, в какой либо одной части Прикамья (Рис. 64).

Мечи, относящиеся к подразделу 1, имели рукояти, изготовленные из дерева или с применением других органических материалов. Рукояти могли иметь как простую конструкцию, так и сложную форму. О фактах использования изделий простой формы свидетельствует находка, сделанная при раскопках погр. 16 Ижевского могильника (Рис. 21–3). У меча сохранилась прямая деревянная рукоять округлой формы длиной 40 см. Верхний конец рукояти усиливали 5 бронзовых колец, распложенных в 1–1,5 см друг от друга [Генинг, 1967. С. 134]. Возможно, длинным рукоятям не имело смысла придавать сложные формы.

Наблюдается взаимосвязь между длиной клинка и хвостовика оружия. У мечей с коротким клинком длина хвостовика в современном состоянии составляет 5–7 см. Если длина деревянной части будет превосходить длину хвостовика на 5–10 см, то получим габариты эфеса в пределах 10–15 см. Параметр хвостовиков

мечей с длинным и средним клинком составляет около 10 см. В случае с оружием из погр. 199 Тарасовского и погр. 16 Ижевского могильников длина хвостовиков достигала 15 и 14 см. (Рис. 21–2; 24–6) [Голдина, 2003. Табл. 83–9]. Длина рукоятей оружия с длинным и средним клинком, предположительно, составляла около 20–25 см.

В качестве дальних аналогий находкам, относящимся к подразделу 1 могут рассматриваться мечи найденные в погр. 1 кургана 37 мог. Усть–Каменка (Рис. 113–1,3), в погр. 4 кургана F у села Бород (Рис. 113–4) [Симоненко, 2010. Рис. 28–2; Хазанов, 1971. Табл. XI–6]. Мечи, найденные при раскопках памятников, расположенных в бассейне р. Дон (погр. 1 кургана 20 Сладковского, погр. 1 кургана 12 Высочино VII, погр. 1 кургана 5 Кобяково могильников [Безуглов, 2000. Рис. 3–4–6]. В Причерноморье оружие с сопоставимой конструкцией рукояти найдено у деревни Щербаковки, в захоронении кургана 1 мог. Фриденберг II, погр. 1 кургана 62 мог. Старица, кургане 3 мог. Абганеры (Рис. 116) [Хазанов, 1971. Табл. XII–2,3; XI–1,2].

Территориально близкие аналогии рассматриваемому оружию могут быть найдены среди мечей из погр. 75 Кошебеевского, погр. 81 мог. Кораблино, погр. 41 Кузьминского, погр. 265 Борок II могильников, относящихся к культуре рязанско–окских могильников (Рис. 113) [Ахмеров, 2007. Рис. 4–10; 16–11; 20–7].

Подраздел 2. Мечи с прямоугольным переходом от клинка к хвостовику образуют менее многочисленную группу находок в сравнении с подразделом 1 (10 против 30 экз.). В изучении мечей без перекрестий имеется сложность с определением формы перехода. Находки длительное время подвергались воздействию коррозионных процессов и иных факторов, в результате предметы могли получить повреждения, не позволяющие определить тип перехода. Поэтому часть находок подраздела 2 может быть ошибочно отнесена к находкам подраздела 1. К рассматриваемой группе были отнесены клинки, имеющие так называемые «покатые» плечики.

Основываясь на имеющихся данных, хронологию появления мечей в погребениях можно представить следующим образом. В эпоху второй половины III

в. было совершено погр. 27 Ошкинского могильника азелинской культуры (Рис. 43–2; 34–3) [Лещинская, 2014. С. 167]. По мнению Р.В. Матвеева, в конце III – первой четверти IV вв. мечи могли быть помещены в погр. 75 Рождественского V (Рис. 39–1; 34–1), погр. 23 Усть–Брыскинского, погр. 5 Азелинского (Рис. 41–2; 37–3) могильников азелинской культуры [Матвеев, 2013. С. 135]. Вполне возможно, что погр. 5 Азелинского могильника могло быть совершено в IV в. (без последней четверти). Захоронения 23 Усть–Брыскинского и погр. 75 Рождественского V могильников могли принадлежать инокультурному населению (или их потомкам), появившемуся в Волго–Вятском междуречье в конце III – начале IV вв.

К второй – третьей четверти IV в. может относиться погр. 94 Б мог. Тюм – Тюм (Рис. 42–1,3,3; 36–2) азелинской культуры, а к третьей четверти IV в. погр. 129 Тарасовского (Рис. 24–4; 18–3) могильника мазунинской культуры [Матвеев, 2013. С. 141; Голдина, Перевошиков, 2017. Рис. 2–5]. Погребение 474 Тарасовского (Рис. 24–9) могильника датируется четвертой четвертью IV в. [Голдина, Перевошиков, 2017. Рис. 2–5].

В период четвертой четверти IV – начала V вв. могли быть оставлены погр. 11 и 29 Дубровского могильника и курган 17 Старо–Муштинского некрополя принадлежащие мигрантам или оставленные под их влиянием.

Хронология распространения мечей с прямоугольной пятой клинка соответствует общей картине распространения подобного оружия в других регионах евразийского пространства. Основная масса находок (90%) происходит из погребений, оставленных в IV – начале V вв.

В большинстве случаев хвостовик имел форму прямоугольного штыря, длина которого колебалась в пределах 9–12 см. У меча из погр. 5 Азелинского могильника (Рис. 41–2) длина хвостовика составила 20 см, что следует считать исключением, а не общим правилом [Генинг, 1963. Табл. XIX–11].

Среди находок подраздела 2, следует отметить крупный кинжал или короткий меч, обнаруженный в погр. 75 Рождественского V могильника (Рис. 39–1). Существует мнение, что вырезы использовались для фиксации деревянной

рукояти при помощи ремней [Симоненко, 2010. С. 53]. Оружие подобной конструкции А.М. Хазанов выделил в *тип 5* [Хазанов, 1971. С. 17].

Мечи и кинжалы подобной конструкции преимущественно происходит из захоронений, оставленных на территории Кавказа, Северного Причерноморья, Прикарпатья (Рис. 115) [Иштанович, Кульчар, 2009. С. 146–150]. Не исключено, что и находка из погр. 75 имеет южное происхождение.

К аналогичным находкам, сделанным на сопредельных с Прикамьем территориях, можно отнести меч из погр. 50 могильника Ундрих, погр. 151 Абрамовского могильника (Рис. 114–1) культуры рязанско–окских могильников [Ахмеров, 2007. Рис. 17–14; Нефедов, 2004. Рис. 3–8].

Раздел Б – рукояти мечей с перекрестиями, но без наверший

Начало распространения мечей раздела Б в европейской части лесостепной полосы приходится на период II–I вв. до н.э., локальное использование сохраняется до первой половины III в. [Симоненко, 2010. С. 55–56]

В распространении мечей раздела Б возможно выделить ряд периодов. Первый период приходится на I–II вв. в течении которых мечи с перекрестиями были помещены в : погр. 361 Ново–Сасыкульского (Рис. 5–1), погр. 306 Кушулевского III (Рис. 8–2), погр. 68 Камышлы–Тамакского (Рис. 8–3) могильников [Васюткин, Калинин, 1986. Рис. 16–2; Агеев, Мажитов, 1985. Рис. 5–2; Зубов, Саттаров, 2014. Рис. 2–3]. К эпохе первой половины IV в. относятся погр. 30 Суворовского и погр. 36 Тюм–Тюмского могильников (Рис. 107; 36–1) содержащие в составе мечи [Ошибкина, 2010. Рис. 10–4]. В последнюю четверть IV – начале V вв. мечи были помещены в погр. 4 кургана 24, погр. 1 кургана 25, погр. 2 кургана 25 Бродовского (Рис. 52–1,2,3), погр. 5, 15, 16 Кудашевского (Рис. 50), кургана 4 Калашниковского, погр. 75 (Рис. 44–3), погр. 3 кургана 5 Бурковского (Рис. 44–1; 52–5), погр. 23 Митинского (Рис. 52–4; 44–4) могильников [Голдина, Водолаго, 1990. Табл. LII; Казанцева, 1991. Рис. 49; Казанцева, 1991. Рис. 49; Генинг, Голдина, 1973. Рис. 6–1; 13–1].

Анализ хронологии совершения захоронений с мечами раздела Б позволяет утверждать, что подобное оружие характерно для вооружения населения I–II вв. и последней четверти IV – начала V вв. Для мечей I–II вв. свойственны перекрестия сложной формы изготовленных из цветных металлов. Ряд перекрестий находит аналогии среди элементов оружия использовавшегося представителями царства Чжоу. Мечи периода последней четверти IV – начала V вв. имели железные перекрестия простой формы и в основном обнаружены при раскопках памятников на территории которых выявлены захоронения групп инокультурного населения.

В сопредельных с Прикамьем регионах оружие с сопоставимой конструкцией рукоятей обнаружено в погр. 25–2 Андреевского кургана, погр. 4 Старокадомского могильников [Зубов, 2011. Рис. 17–1; Нефедов, 2004. Рис. 3–5]. К дальним конструктивным аналогам мечей второй половины IV–V вв. допустимо отнести меч, обнаруженный в погр. 9 у села Новогригорьевки [Засецкая, 1994. Табл. 3–1]. Аналогией оружия I–II вв. являются мечи найденные при раскопках Орлатского могильника и в погр. 3 кургана 14 Первомайского VII некрополя [Скрипкин, 2000. Рис. 2–7, 10].

Среди рассматриваемых находок вызывает интерес оружие из погр. 4 кургана 24 Бродовского могильника (Рис. 52–3), имевший подтреугольный переход от клинка к хвостовику и перекрестие [Голдина, Водолаго, 1990. Рис. LI–1]. При наличии перекрестия клинок традиционно снабжался прямоугольным переходом, что облегчало крепление данного элемента рукояти. Для изготовления перекрестия бродовского меча в его центре было пробито не прямоугольное отверстие, а отверстие линзовидной формы. Благодаря чему гарда могла крепиться на основании клинка меча без его переточки основания для придания ему прямоугольной формы.

Аналогичную ситуацию мы наблюдаем в случае с мечом, происходящим из погр. 23 Митинского могильника [Перескоков, 2013. Рис. 65–6]. Оружие, имевшее «покатые плечики» в основании клинка было снабжено перекрестием.

Сопоставимые конструктивные решения, использованные для крепления перекрестий мечей, найденных при раскопках захоронений проводимых в 1902 г.

В.В. Шикорпилом в Боспоре, и погр. 179 из раскопок того же автора в 1904 г., и в погр. 50 некрополя Фаногорея [Сокольский, 1954. Табл. VIII–1,4; IX–1].

Раздел В – мечи, рукояти которых не имели перекрестий, но были снабжены навершиями

Появление в Прикамье оружия с рассматриваемой комплектацией рукоятей во многом связано с традицией украшать эфесы оружия халцедоновыми дисками, получившей в сарматской среде основное распространение в период II – первой половины III вв. [Безуглов, 2000. С. 173–174, 180–182].

В 63% случаях прикамские находки раздела В комплектовались халцедоновыми навершиями. Мечи с халцедоновыми навершиями (Рис. 96) обнаружены в погр. 171 Тураевского (Рис. 49–1; 48–3), погр. 4, 765 А и Б, 782, 1685 Тарасовского (Рис. 24–1,5; 25–1,3; 18–1; 19–1,2,3), погр. 98 Мокинского могильников (Рис. 97–8) [Голдина, Бернц, 2004. Рис. 12–1; Голдина, 2003. Табл. 2–26; 330–6; 332–8; 339–2; С. 255; Колобов и др., 2001. С. 103]. Помимо халцедона навершия мечей могли изготавливаться из зеленого стекла (погр. 1784 Тарасовского мог.), створок раковин моллюсков *Turbomarmatus* семейства *Turbinidae* (погр. 26 и 261 Покровского мог.), бронзы (погр. 117 Рождественского V мог.) или железа (погр. 1 Суворовского и погр. 19 Нармонского мог.) [Голдина, 2004. С. 272; Останина, 1992. С. 17,33; Останина, 1992. С. 17,33; Старостин, 2009. Рис. 24–30,32; Генинг, 1963. С. 109; Овчинников, 2014. Рис. 12–1].

Важным аспектом изучения любой категории находок является проблема хронологии. Второй половиной III в. датируется погр. 4 и 782 Тарасовского могильника (Рис. 18–1; 19–2) [Голдина, Перевошиков, 2017. Рис. 1–10,9]. К началу IV в. отнесено погр. 98 Мокинского некрополя [Перескоков, 2013. С. 195]. В период третьей четверти IV в. могли быть совершены захоронения 765 А, Б и 1685 (Рис. 1–1; 19–3), а в четвертой четверти IV в. оставлено погр. 1784 Тарасовского могильника [Голдина, Перевошиков, 2017. Рис. 2–4,5,8,9]. Во второй половине IV –

начале V вв. могло быть оставлено погр. 171 Тураевского могильника [Голдина, Бернц, 2010. С. 452.].

Картографирование находок позволило прийти к выводу, что мечи снабженные статусными навершиями в большей мере характерны для населения Среднего Прикамья (Рис. 97).

В сопредельных с Прикамьем регионах не удалось обнаружить примеров находок мечей с халцедоновыми навершиями. К категории дальних аналогий относятся находки сделанные при раскопках кургана 4 мог. Каратобе, кургана 5 мог. Комсомольский IV, кургана 2 Покровского мог., кургана 3 мог. Красный Яр, погр. 9 у С. Новогригорьевка, курган 1 мог. Покровка [Кривошеев, 2007. Рис. 1–8,6; Пшеничнюк, 1983. Табл. LIII–2,12; Пшеничнюк, 1989. Рис. 3–2,3; Хазанов, 1971. Табл. XIV–7; Боталов, 2009. Рис. 35–37].

Примерами использования створок для оформления рукоятей мечей, ножен или их портупей могут служить находки, происходящие из : погр. 1 кургана 8 мог. Камышевский I, кургана 43 мог. Покровка 10, кургана 37 мог. Лебедевка VI [Красноперов, 2011. С. 237; Безуглов, 2000. Рис. 4–9; Яблонский, Малашев, 2008. Рис. 162–5]. Как и в случае с халцедоновыми навершиями, традиция использования раковин для оформления оружия получила распространение в сарматской среде (Рис. 125).

В период первой половины I тыс. н.э. использовались мечи с рукоятями, чья длина доходила до 40 см. При таких параметрах необходимо было усиление верхней торцевой части деревянной рукояти для предотвращения ее разрушения. Подобную проблему решали и навершия мечей из погр. 1 Суворовского и погр. 19 Нармонского могильников [Генинг, 1963. С. 109; Овчинников, 2014. Рис. 12–1]. Рукояти суворовского и нармонского мечей венчали железные набалдашники чашеобразной формы. Аналогичным навершием мог обладать меч, обнаруженный в погр. 20 Суворовского могильника [Генинг, 1963. С. 118].

Железные набалдашники выявлены преимущественно у мечей, использовавшихся населением Волго–Вятского междуречья в период второй половины III – первой половины IV вв.

Раздел Г – рукояти мечей, снабженные перекрестиями и навершиями

Находки, относящиеся к разделу Г (Рис. 67), как и в случае с разделом Б, стоит рассматривать как статистическую группу, объекты которой не объединены ни временем бытования, ни источниками происхождения или событиями, способствовавшими их появлению в Прикамье (Рис. 68).

Анализ хронологии погребений позволяет выделить несколько периодов, в течение которых интересующие нас находки попали в состав погребального инвентаря. Первый приходится на I–II вв. когда в погр. 260, 346 Ново–Сасыкульского (Рис. 5–4,5; 2–2), погр. 26 Чеганда II (Рис. 7–1; 2–1), погр. 152 Нырганда II (Рис. 6–1; 3–4) могильников были помещены интересующие мечи [Васюткин, Калинин, 1986. Рис. 16–1, 5; Генинг, 1971. Табл. XI–1; Генинг, Одинцов, 1970. С. 18, Табл. XXIII]. Второй период – вторая половина III – первой половина IV вв., когда мечи попали в погр. 30 Суворовского (Рис. 41–1) и погр. 17 Нивского (Рис. 26–4) могильников [Генинг, 1963. С. 125; Останина. 1978. С. 110, Табл. V–1]. Последний период представляет оружие, попавшее в захоронения в промежуток последней четверти IV – начала V вв. в погр. 6 и 10 Кудашевского и в погр. 1 кургана 1, курган 5 Тураевского (Рис. 49–2,4; 47) могильников [Казанцева, 1991. С. 8–9; Казанцева, 1992. С. 30; Генинг, 1976. С. 60].

Возможно, к периоду I–II вв. стоит отнести меч из подъемного материала, собранного при обследовании Красноярского могильника (Рис. 26–2), функционировавшего в I–V вв.

Рукояти мечей раздела Г имели перекрестия и навершия разнообразных форм. От железных перекрестий прямой формы (погр. 152 мог. Нырганда II) до секирообразных украшенных эмалями (погр. 260 Ново–Сасыкульский мог.). Навершия могли изготавливаться из серебра и иметь рюмкообразную форму (курган 5 Тураевского мог., погр. 6, 10 Кудашевский мог.), части из них придавали

кольцеобразную форму (погр. 152 мог. Нырганда II) или выполняться из створок раковин моллюсков (погр. 260 Ново–Сасыкульский мог.).

Некоторые находки позволяют пролить свет на габариты эфесов мечей. При раскопках кургана 5 Тураевского (Рис. 49–4) и погр. 17 Нивского (Рис. 26–4) могильников были обнаружены мечи, у которых длина рукоятей составила 24 и 33 см [Генинг, 1976. С. 70; Останина, 1978. С. 104]. У меча из погр. 152 могильника Нырганда II (Рис. 6–1) длина рукояти от перекрестия до навершия составила 9 см [Генинг, Одинцов, 1970. Табл. XXIII]. Рукояти мечей из погр. 17 Нивского и погр. 1 кургана 1 Тураевского могильников демонстрируют существование практики окрашивания деревянных рукоятей красной краской [Останина, 1978. С. 104; Генинг, 1976. С. 60].

Рукоять (эфес) одна из важнейших частей конструкции меча, несущая на себе как функциональную, так и социальную нагрузку. В конструкции рукоятей присутствуют закономерности определённые временем изготовления, использования оружия. Для периодов I–II вв. и второй половины IV–V вв. характерны мечи рукояти, которых снабжались перекрестиями, но не имели наверший. В III – первой половине IV в. на территории Среднего Прикамья получили распространение мечи имевшие навершия, но не имевшие перекрестий. В остальных частях региона в III – первой половине IV в. использовались мечи, большинство которых не имело наверший и перекрестий. При объединении в одну систему описания параметров клинков и конструкции рукоятей мечей, возможно, выделить конструктивно–хронологические типы мечей, использовавшиеся населением Прикамья в период первой половины I тыс. н.э.

1.4. Конструктивно хронологические типы мечей

Конструкция рукоятей, параметры клинков несут на себе информацию о хронологии использования оружия, специфике военно–технического и социального использования. Но ни один из элементов или подсистем, образующих

оружие, по отдельности не может отразить всего своеобразия изучаемых объектов. На сегодняшний день назрела необходимость изучения мечей как единства всех элементов, превращающих их в законченную военно–техническую и социальную систему.

Как уже отмечалось, у нас отсутствует возможность выделения культурных типов оружия, так как исследуются предметы импорта или объекты подражания им, а не изделия, созданные населением Прикамья (Рис. 79). *Конструктивно–хронологический тип* – группа находок, параметры и конструкция которых характерны для конкретного исторического периода [Малых, Шмуратко. С. 136].

Одно из ключевых отличий типологии от классификации заключается в использовании конкретного метода для анализа данных. На сегодняшний день наиболее адекватной математической моделью, описывающей процесс выделения типов в гуманитарных науках, считается теория нечетких множеств. Впервые понятие «нечеткие множества» («Fuzzy sets») было введено профессором Калифорнийского университета Л.А. Заде в 1965 г. Источником неточности, как отмечает Л.А. Заде, является отсутствие точно определенных критериев членства в классе. В рамках данной модели допустимо пересечение классов, при котором объект может одновременно принадлежать нескольким группам. Принадлежность объекта группе характеризуется функцией, которая принимает значение в диапазоне от нуля до единицы [Zaden, 1965. S. 338–353]. Как отмечает Л.И. Бородкин, первые попытки применения теории нечетких множеств в гуманитарных исследованиях относятся к 1980 – м годам. Этим же временем датируются первые археологические публикации, апеллирующие к принципам нечеткой классификации. Параллельно с разработкой теории нечетных множеств решался вопрос о формулировке статистического алгоритма формализации данных идей. Метод дискриминантного анализа был определен как один из наиболее предпочтительных методов анализа данных [Бородкин, 1995. С. 78–101].

Дискриминантный анализ – раздел математической статистики, содержанием которого является разработка и исследование статистических методов решения следующей задачи различения (дискриминации): основываясь на результатах

наблюдений, определить, какой из нескольких возможных совокупностей принадлежит объект, случайно извлеченный из одной из них.

В рамках дискриминантного анализа ставится задача «поиска такой линейной дискриминантной функции (ЛДФ), которая соответствует минимуму ошибок распознавания объектов из обучающей выборки; при этом предполагается, что, если включить в обучающую выборку набор объектов, явно относящихся к первому типу, и набор объектов с выраженными чертами второго типа, то, вычисляя значения ЛДФ, можно определить, к какому из этих типов ближе каждый из объектов всей рассматриваемой совокупности» [Бородкин, 1995. С. 84].

Преимущества метода заключаются в том, что он позволяет изучать различия между двумя и более выборками по нескольким признакам одновременно [Коробов, 2003. С. 12]. Данный метод дает точную количественную оценку степени близости анализируемых выборок, указывает, какие конкретно объекты из выборки не удовлетворяют теоретически вычисленной дискриминантной функции.

К слабым сторонам метода стоит отнести возможность ошибки при классификации пограничных объектов [Шмуратко, 2012. С. 91].

Для проведения исследования нами был отобран 91 меч, происходящий из закрытых комплексов, и 11 экземпляров, относящихся к категории случайных находок, состояние которых позволяло получить представления об их параметрах и конструкции (всего 102 экз.) (Табл. 6).

Анализ данных производился в статистическом пакете для социальных наук. При реализации алгоритма дискриминантного анализа был установлен метод пошагового ввода переменных в модель, кроме того, был активизирован параметр Use probability of F, который позволяет вводить переменные в регрессионную модель более гибко [Таганов, 2005. С. 143].

Независимыми переменными были определены параметры клинков мечей и конструкция их рукоятей. Клинок и рукоять образуют две подсистемы, в отсутствие любой из которых оружие теряет свои функциональные и социальные свойства.

При описании клинков учитывались их линейные размеры (длина и ширина). На основании длины полосы можно выделить короткие клинки, линейные размеры которых составляют от 38 до 61,2 см; средние клинки – свыше 61,2 и до 80 см; длинные клинки – от 81 см (Граф. 2). Ширина основания полосы позволяет выделить оружие с узкими (до 4,2 см) и широкими клинками (от 4,3 см и более) (Граф.3). Сочетание групп, отражающих параметры клинка, позволяет лучше понять особенности военно–технических функций оружия [Малых, Шмуратко, 2019. С. 136].

Конструкция рукояти анализируется по фактам наличия или отсутствия наверший и перекрестий. Форма и особенности декорирования элементов эфеса в дискриминантном анализе напрямую не учитываются, так как они во многом определяются социально–эстетическими предпочтениями, и без данных письменных источников определить их значение крайне затруднительно, тем более в рамках дискриминантного анализа должны учитываться данные одного порядка. Сложно считать равнозначными длину клинка и орнаментацию перекрестия. К сожалению, у большинства находок не сохранились деревянные части рукоятей, что не позволяет установить их параметры и учесть их при разделении находок на группы. Поэтому в расчет будет приниматься длина хвостовиков, позволяющих хоть в какой–то мере судить о параметрах рукояти. Выделяются: *группа 1* – мечи с длиной хвостовика до 10 см и *группа 2* – мечи с длиной хвостовика свыше 10 см [Малых, Шмуратко, 2019. С. 136].

Конструктивно–хронологические типы будут выделяться для следующих периодов: *группа 1* – I–II вв., *группа 2* – III в., *группа 3* – IV в. (без последней четверти века), *группа 4* – последняя четверть IV – начало V вв. Хронологические периоды были использованы в качестве зависимых (группирующих) переменных при проведении дискриминантного анализа [Малых, Шмуратко, 2019. С. 136].

На первый период (I–II вв.) приходится два века, так как имеющихся методических наработок не всегда достаточно для обоснованного отделения комплексов I в. от комплексов II в. Материалы, относящиеся к IV вв., разделены на две неравные хронологические группы ввиду важности событий, затронувших

население Прикамья. Во второй половине IV в. в регионе появляются группы мигрантов, не объединенные общим происхождением. Мигранты оказывали существенное влияние на культуру и вооружение населения всего региона.

Датирование погребальных комплексов чегандинской и мазунинской культур, существовавших в период II до н.э. – III в. н.э. и III–V вв., производилось на основании исследований, опубликованных Р.Д. Голдиной и В.А. Бернц (Табл. 1, 2) Время совершения захоронений относимых к азелинской культуре (III–V вв.) определялось в соответствии с критериями, предложенными Н.А. Лещинской и Р.В. Матвеевым (Табл. 3), харинских – по М.Л. Перескокову (Табл. 4) [Голдина, Бернц, 2016. С. 172–205; Лещинская, 2014. С. 65–208; Матвеев, 2013. С. 130–138; Перескоков, 2013. С. 172–188].

На основании дискриминантного анализа формализованных данных, отражающих конструкцию рукоятей и параметры клинков мечей, получаем следующие результаты (Табл. 5).

Адекватность классификационной модели, основанной на гипотезе существования культурно–хронологических типов клинкового оружия, оказалась равной 65,5%. Это результат, позволяющий говорить о том, что 2/3 всех проанализированных мечей действительно обладают специфическими параметрами и особенностями конструкции, имеющими хронологическую привязку.

Наиболее отчетливо «опознаются» мечи, принадлежащие к третьей хронологической группе (IV вв. (без последней четверти) – 85,3%. Наименее «узнаваемыми» оказались мечи четвертой группы (последняя четверть IV – начало V вв.) – 42,3%.

Хронологическая группа 1 описывает оружие, обнаруженное при раскопках погребений I–II вв. (Табл. 7). Дискриминантный анализ позволяет говорить о достаточно высоком проценте «узнаваемости» мечей данной хронологической группы. В 11 – ти из 15 – ти случаев (73%) датировка по аналогиям совпала с результатами, полученными по итогам расчета дискриминантной функции (Табл. 5). Данный факт дает основания полагать, что конструктивные особенности мечей

указанной хронологической группы могут быть рассмотрены как хронологические маркеры [Малых, Шмуратко, 2019. С. 137].

Методом датировки по аналогиям к I–II вв. отнесены мечи из погр. 26, 156 Чегандинского II (Рис. 7–1,3), погр. 152 Ныргандинского II (Рис. 6–1), погр. 66, 306 Кушулевского III (Рис. 8–1, 2), погр. 260, 264, 346, 361 Ново–Сасыкульского (Рис. 5), погр. 68 Камышлы–Тамакского (Рис. 8–3), погр. 608, 1125, 1307 Тарасовского (Рис. 9–1,2) могильников (Рис. 72) [Генинг, 1971. Табл. XI–7,8; Генинг, Одинцов, 1970. Рис. 12–2; Агеев, Мажитов, 1985. Рис. 5–1,2; Васюткин, Калинин, 1986. Рис. 16–1,3,2,5; Зубов, Саттаров, 2014. Рис. 2–3; Голдина, 2003. Табл. 329–19; 453–19].

Статистически подтверждена принадлежность к одному хронологическому периоду оружия из погр. 68 Камышлы–Тамакского, погр. 26 Чегандинского II, погр. 66, 306 Кушулевского III, погр. 346, 361 Ново–Сасыкульского, погр. 608, 1125, 1307 Тарасовского могильников [Малых, Шмуратко, 2019. С. 137].

Из числа случайных находок к данному периоду отнесены мечи, обнаруженные на территории Красноярского могильника (Рис. 26–2) и Ново–Сасыкульского могильника (кв.19/С) (Рис. 5–2; Табл. 1–2,1) [Казанцева, 2012. Рис. 91–11; Васюткин, Калинин, 1986. Рис. 16–4]. При внесении данных в таблицу случайных находок нами не указывался предполагаемый период, к которому могло относиться оружие. Для случайных находок показатель принадлежности составил 0,53680, следующий по значимости показатель не превысил значения 0,28676 (период III в.) [Малых, Шмуратко, 2019. С. 137].

Дискриминантный анализ позволяет не только датировать находки, но и выявить среди них эталонные предметы. Эталонные предметы – это изделия, особенности конструкции и параметров которых наиболее характерны для рассматриваемого периода [Малых, Шмуратко, 2019. С. 137].

Эталонными для данной группы являются мечи из погр. 68 Камышлы–Тамакского, погр. 346, 361 Ново–Сасыкульского, погр. 306 Кушулевский III могильников (коэффициент принадлежности 0,98380) (Рис. 71; Табл. 7).

Конструктивно это оружия с коротким (среднее значение 55,5 см) и узким (3,37 см) клинком, рукоятью, снабженной перекрестием длиной 5 см. У половины

находок хвостовики имеют повреждения, что не позволяет установить их среднюю длину. Навершие кольцевидной формы присутствовало только у меча из погр. 346 Ново–Сасыкульского могильника (Рис. 86–2) (25%), что не позволяет считать данный элемент компоновки рукоятей обязательным признака оружия, эталонного для периода I–II вв.

Мечи с коротким узким клинком стоит рассматривать как разновидность оружия, рассчитанного на нанесение колюще-рубящих ударов. Хотя следует признать, что каждый владелец оружия мог использовать его, исходя из собственных предпочтений.

В каждый исторический период в использовании находятся три группы оружия. Оружие, наиболее характерное для данного периода (эталонная группа), оружие, отражающее тенденции предшествующего периода (возможно изготовленное в предшествующий период), и оружие, формирующее тенденции, которые будут актуальны в последующее время.

Имеет смысл классифицировать не только сходства и различия элементов мечей, но и тенденции в их развитии. Смысл типологии заключается в поиске тенденций в развитии изучаемых объектов. Поэтому мы выделим не только эталонные группы (типы), но и хронологические подгруппы. Выделены *подгруппа А* – находки, которые отражают тенденции выхода из употребления предметов, для которых характерны определенная форма и параметры; *подгруппа Б* – находки, которые отражают тенденции начала распространения предметов, для которых характерны определенная форма и параметры [Малых, Шмуратко, 2019. С. 137].

В связи с тем, что анализируются мечи, попавшие в погребения в период I–V вв., у нас отсутствует возможность выделения подгруппы А для хронологической группы 1. Оружия которое бы отражало тенденции, существовавшие в период до наступления Нашей эры.

Вторую по значимости показателей группу образовали мечи, обнаруженные в погр. 608, 1125, 1307 Тарасовского и погр. 66 Кушулевского III могильников (0,90837). От эталонной группы данные мечи отличаются отсутствием перекрестий

и переходом от клинка к хвостовику, выполненному под тупым углом [Малых, Шмуратко, 2019. С. 137].

Мечи без перекрестий и наверший появляются в европейской части лесостепной полосы в период II–I вв. до н.э. [Симоненко, 2010. С. 57]. Начало массового распространения оружия с подобной компоновкой рукоятей приходится на I–II вв., во второй половине II – первой половине III вв. такая форма мечей становится основной [Хазанов, 1971. С. 21; Симоненко, 2010. С. 57].

Оружие из погр. 608, 1125, 1307 Тарасовского и погр. 66 Кушулевского III могильников можно отнести к подгруппе Б (Табл. 8). Стоит отметить, что распространение подобного оружия в европейской части, как и в случае с эталонной группой мечей связано с появлением в нижневолжских и южноуральских степях групп кочевого населения пришедшего из Средней и Центральной Азии.

При исследовании предметов кустарного, а не стандартизированного промышленного производства следует понимать, что возможно выявление предметов, форма и параметры которых не вписываются в тенденции своего времени. Такого типа находки при проведении дискриминантного анализа могут порождать ошибки распознавания. Подобные случаи легко устанавливаются по тем фактам, что оружие статистически определяется как принадлежащее к периодам, в течение которых памятники, где были сделаны находки, уже длительное время не функционируют. Или, наоборот, к ранним периодам относятся мечи из захоронений могильников, которые в это время еще не существуют.

Математическая природа подобных ошибок распознавания заключается в ограниченном неполном перечне независимых переменных, включенных в модель. В нашем случае, это линейные параметры клинка, а также наличие или отсутствие перекрестия. Безусловно, этих данных недостаточно для абсолютно точного расчета дискриминантной функции. Напомним, что анализируемая классификационная модель для рассматриваемой конструктивно–хронологической группы обладает точностью распознавания – 85,3% [Малых, Шмуратко, 2019. С. 138].

К числу ошибок распознавания стоит отнести датировку по результатам дискриминантного анализа следующих находок (Табл. 14). К периоду последней четверти IV–началу V вв. отнесены мечи из погр. 152 Ныргандинского II (Рис. 6–1) и погр. 260 Ново–Сасыкульского (Рис. 5–5) могильников. Коэффициент принадлежности находок к периоду 1 составил 0,02170, а к периоду 5 – 0,89601. Причины ошибки связаны с тем, что оружие имело более длинные и широкие клинки, чем это принято для мечей I–II вв. К IV в. отнесен меч из погр. 156 могильника Чеганда II (Рис. 7–2), так как оружие с подобными параметрами клинка (80/4,3 см) и конструкцией рукояти (отсутствие перекрестия и навершия) наиболее характерно для данного времени (0,01310 / 0,62589). Меч обнаруженный в погр. 156 возможно рассматривать как находку относящуюся к подгруппе Б оружия использовавшегося в период I–II вв. [Малых, Шмуратко, 2019. С. 138].

Имеются случаи, когда мечи, происходящие из погребений, оставленных в более позднее время, были отнесены к группе оружия, бытовавшей в I–II вв. К таким находкам относятся мечи, происходящие из погр. 23 Митинского (Рис. 52–4), погр. 4 кургана 24 Бродовского (Рис. 52) и кургана 5 Тураевского (Рис. 49–4) могильника. Показатель принадлежности находок к периоду 4 составил 0,16681, а к периоду 1 – 0,53680. Причина ошибки заключается в наличии у оружия коротких узких клинков и перекрестий, что сближает его с оружием, использовавшимся в I–II вв. [Малых, Шмуратко, 2019. С. 138].

Ошибочно отнесение к I–II вв. мечей из погр. 2В кургана 25 Бродовского и погр. 75 Рождественского (Рис. 39–1) могильников.

Ошибки распознавания, полученные в ходе дискриминантного анализа, позволяют понять, какие находки для своего времени нетипичны и уникальны.

Хронологическая группа 2 представляет собой оружие, попавшее в захоронения в течение III в. (Табл. 9) Представленная группа находок имеет высокий процент «узнаваемости» (75%) при проведении дискриминантного анализа (Табл. 5).

В III в. в могилы могли попасть мечи, найденные в погр. 4, 6, 131 А, 446, 782, 790 Тарасовского (Рис. 24–1,2,5,8), погр. 16 Нивского, погр. 27 Ошкинского (Рис.

43–1) могильников (Рис. 74) [Голдина, 2003. Табл. 2–27; 47–13; 341–38; Останина, 1978. С. 110; Лещинская, 2000. Рис. 26–4].

Статистическим анализом подтверждена принадлежность к III в. мечей, обнаруженных в погр. 27 Ошкинского, погр. 4, 131А, 782, 790 Тарасовского, погр. 16 Нивского могильников. Перечисленные находки образуют эталонную группу с показателем принадлежности к периоду 2 равным 0,76993 (Табл.9). Конструктивно это оружие с длинным (от 75,5 до 102 см, в среднем 85,3 см) и узким (среднее значение 3,5 см) клинком, рукояти которых в 50% случаев снабжались халцедоновыми навершиями. Не совсем обычна длина хвостовиков, которая варьировалась от 10 до 17,5 см (среднее значение 13,6 см) [Малых, Шмуратко, 2019. С. 138].

Если сравнивать эталонные группы 1 и 2 периодов, обнаруживаем, что у оружия в III в. происходит увеличение средней длины клина на 30 см, у рукоятей исчезают перекрестия, а для оформления некоторых изделий используются навершия из халцедоновых дисков. Изменения в параметрах и конструкции оружия могут свидетельствовать о смене источника, из которого поступали находки.

С.И. Безуглов рассматривает длинные сарматские мечи II–III вв. как северо–западную группу азиатского оружия, распространенного в Средней и Центральной Азии, Переднем и Дальнем Востоке [Безуглов, 1998. С. 88].

На период II – первой половины III вв. приходится расцвет всаднической субкультуры в кочевой среде. Длинные мечи можно рассматривать как проявление данного культурного феномена. Если рассматривать мечи эталонной группы как оружие, создаваемое для нужд всадника, становится понятным удлинение клинка. Всаднику необходимо длинное и легкое оружие, которым можно действовать одной рукой.

Дискриминантным анализом не подтверждена принадлежность к III в. мечей, обнаруженных в погр. 6 и 446 Тарасовского могильника (Рис. 24–2,8). Находки отнесены к IV в. с показателем принадлежности 0,62589 против 0,13053 [Голдина,

2003. Табл. 22–32; 193–14]. Оружие из погр. 6* и 446 не стоит выделять в подгруппу Б не только из-за небольшого количества находок, но и потому, что они неточно отражают тенденции развития мечей в IV в. Ключевое отличие находок от эталонной группы заключается в большей ширине клинка (5 см против 3,5 см).

Хронологическая группа 3 образована мечами, ставшими частью погребального инвентаря в IV в. (без последней четверти) (Табл.10) .

Методом поиска аналогий предметам погребального инвентаря к IV в. отнесены мечи, обнаруженные в погр. 60, 129, 199, 765А, Б, 1685, 1779 Тарасовского (Рис. 24–3,4; 25–1,6), погр. 1, 17, 30 Суворовского, погр. 5 Азелинского (Рис. 41–4,5,1,2), погр. 19 Нармонского (Рис. 41–3), погр. 10, 16, 110 Ижевского (Рис. 21), погр. 76, 94 А, Б, В Тюм–Тюмского (Рис. 42), погр. 19, 26, 59, 63, 83, 99, 115, 261, 289, 325, 347 Покровского (Рис. 27), погр. 89, 104, 105 Усть–Сарапульского (Рис. 23), погр. 83 Красноярского (Рис. 26–1) могильников [Голдина, 2003. Табл. 23–32; 45–14; 83–9; 329–19; 330–13; 618–32; 661–7; Генинг, 1963. Табл. XIX–10, 11. С. 118; Овчинников, 2014. Рис. 12; Генинг, 1967. Табл. XIX–10,11; Ошибкина, 2010. Табл. 64–1–4; Арматынская, 1986. Рис. 6–19; Казанцева, 2004. Рис. 58–3].

Дискриминантным анализом подтверждена датировка оружия, помещенного в погр. 60, 129, 199, 765Б, 1685, 1779 Тарасовского, погр. 1, 17 Суворовского, погр. 5 Азелинского, погр. 76, 94 А, Б, В Тюм–Тюмского, погр. 19 Нармонского, погр. 19, 26, 59, 63, 83, 99, 115, 261, 289, 325, 347 Покровского, погр. 10, 16 Ижевского, погр. 105 Усть–Сарапульского, погр. 83 Красноярского могильников. Процент «узнаваемости» находок составил 85% (29 из 34) (Табл. 5) [Малых, Шмуратко, 2019. С. 139].

При анализе показателей принадлежности находок к IV в. выявляется методическая проблема. Наибольший показатель принадлежности к периоду 4 демонстрируют мечи из погр. 19, 59, 83, 99, 325, 347 Покровского могильника (0,73542) (Табл. 10). Оружие имело клинки длиной от 39 и 57 см (среднее значение

* Длина клинка из погр. 6 в современном состоянии составляет 73,5 см, но он имеет повреждения, и нельзя исключать того, что в древности его длина могла превышать 80 см.

51,5 см) и шириной 4,4 и 5,5 см (в среднем 4,8 см). Рукояти мечей не имели фиксируемых перекрестий и наверший.

Мечи Покровского могильника демонстрируют самый высокий показатель принадлежности к периоду 4, но их сложно считать эталонными находками, так как они не в полной мере отражают конструктивные тенденции оружия своего времени. Средняя длина кликов мечей, относящихся к IV в., составляет 71,5 см, без учета упомянутого оружия Покровского могильника данная величина будет составлять 76,2 см [Малых, Шмуратко, 2019. С. 140].

Мечи, обнаруженные в погр. 19, 59, 83, 99, 325, 347 Покровского могильника, стоит рассматривать как локальную традицию, в качестве эталонной группы – рассматривать оружие с показателем принадлежности 0,62589, так как данные находки более точно отражают тенденции развития вооружения своего времени [Малых, Шмуратко, 2019. С. 140].

Эталонными находками для IV в. будут считаться мечи, найденные в погр. 60, 129, 199, 765Б, 1685, 1779 Тарасовского, погр. 1, 17 Суворовского, погр. 5 Азелинского, погр. 10, 16 Ижевского, погр. 76, 94 А, Б, В Тюм–Тюмского, погр. 26, 63, 115, 261, 289 Покровского, погр. 19 Нармонского, погр. 105 Усть–Сарапульского, погр. 83 Красноярского могильников (Рис. 75). Мечи имели клинки без выраженного сужения к острию длиной в среднем 76,2 см и шириной основания в 4,8 см. У 20,6% находок рукояти были снабжены навершиями, у всего оружия отсутствовали перекрестия (100%)[Малых, Шмуратко, 2019. С. 140].

Сравнивая находки эталонных групп 2 и 3, получаем фиксацию следующих изменений. У оружия, попавшего в могилы в IV в., средняя длина клинка сокращается на 9,4 см при увеличении ширины на 1,3 см. Если в III в. в качестве наверший использовались только халцедоновые диски, то в IV в. навершиями становились халцедоновые диски (33%), железные набалдашники (33%), створки раковин моллюсков *Turbomarmatus* семейства *Turbinidae*.

События второй половины III в. могли привести к смене производственных центров, из которых поступало оружие, что оказало влияние на параметры клинка и оформление рукоятей мечей.

Дискриминантным анализом к хронологической группе 3 были отнесены случайные находки мечей, обнаруженных на территории Ново–Сасыкульского (кв. 22/Ж) (Рис. 5–6), Старо–Кабановского (1 экз.) (Рис. 51–4), Рождественского V (1 экз.) (Рис. 39–4), Масловского (1 экз.), Усть–Брыскинского (2 экз.) (Рис. 40–1, 2) могильников (Табл.13). Коэффициент принадлежности находок к IV в. составил 0,62589, к III в. – 0,13053 [Васюткин, Калинин, 1986. Рис. 16–9; Сунгатов и др., 2004. Рис. 73–1].

Ошибкой распознавания является отнесение меча, обнаруженного на территории Ново–Сасыкульского могильника, к IV в., так как памятник прекращает свое функционирование во II в. На всех остальных некрополях захоронения совершались, в том числе в IV в.

Датирование случайных находок на основании метода дискриминантного анализа может являться еще одним доказательством предположения о том, что параметры и конструкция рукоятей могут служить основанием для определения времени бытования оружия.

При раскопках Усть–Брыскинского могильника, на территории которого совершались захоронения в конце III–IV вв., было найдено 7 мечей. Материалы раскопок памятника опубликованы лишь частично, что не позволяет определиться со временем совершения погребений, содержащих в своем составе мечи. Для датирования мечей был применен метод дискриминантного анализа, на основании которого оружие из погр. 26, 36, 44 Усть–Брыскинского могильника (Рис. 40–4,5,6) было отнесено к категории оружия, чьи параметры и конструкция характерны для IV в. Коэффициент принадлежности мечей к рассматриваемому периоду имеет такое же значение, как и у находок эталонной группы (0,62589). Показатель принадлежности находок к периоду III в. не превысил 0,13053. Насколько оправдана датировка времени совершения погр. 26, 36, 44 Усть–Брыскинского могильника IV в., покажет дальнейшее исследование материалов полученных в ходе раскопок памятника.

Стоит обратить внимание на мечи, происходящие из погр. 765 Б Тарасовского (Рис. 25–2), погр. 89, 104 Усть–Сарапульского (Рис. 23–3,1)

могильников. Захоронения, предположительно, оставлены в IV в., однако статистическим анализом содержащиеся в них мечи отнесены к III в. Коэффициент принадлежности к IV в. составил 0,05043, а к III в. - 0,76993, что соответствует показателю эталонной группы для данного периода. Не исключена возможность того, что оружие, изготовленное в III в. (или по представлениям этого времени) попало в погребения в более поздний период. В случае выделения мечей IV в. в отдельный тип мечи, обнаруженные в захоронениях Тарасовского и Усть-Сарапульского могильников, можно отнести к подгруппе А (Табл. 11) [Малых, Шмуратко, 2019. С. 140–141].

Исходя из данных дискриминантного анализа, формирующиеся тенденции развития оружия конца IV – начала V в., отражает находка меча из погр. 30 Суворовского могильника (Рис. 41–1) [Генинг, 1963. Табл. XIX–10]. Коэффициент принадлежности оружия к периоду первой половины – третьей четверти IV в. составил 0,05849, а к эпохе конца IV в. данный показатель определен на уровне 0,89601. Причина неточной датировки, вероятно, связана с наличием у меча перекрестия. На основании единичной находки нецелесообразно выделение подгруппы Б, для мечей бытовавших в IV в.

Последняя из рассматриваемых групп находок (*группа 4*) образована оружием, найденным при раскопках захоронений, оставленных в конце IV – начале V вв. (Табл. 12).

К интересующему нас периоду отнесены мечи из погр. 235, 474, 1703, 1772 Тарасовского (Рис. 24–7, 9; 25–5), погр. 171, погр. 1 кургана 1, курган 5, погр. 1 А, Б кургана 7 Тураевского (Рис. 49), курган 17 Старо-Муштинского (Рис. 51–3), погр. 11, 29 Дубровского (Рис. 29), погр. 5, 6, 7, 8, 10, 15, 16 Кудашевского (Рис. 50), погр. 3 кургана 5 Бурковского, погр. 23 Митинского (Рис. 52–4), курган 4 Калашниковского, погр. 9 Первомайского (Рис. 43–2), погр. 4 кургана 24, погр. 1, 2В кургана 25 Бродовского (Рис. 52–1,2,3) могильников (Рис. 78) [Голдина, 2003. Табл. 99–8; 205–3; 632–10; 655–1; Голдина, Бернц, 2004. Рис. 12–1; Генинг, 1976. С. 60, 70, 74–78; Сунгатов и др., 2004. Рис. 36–1; Бернц и др., 2015. Рис. 3–7; Черных и др., 2010. Рис. 2–8; Казанцева, 1991. Рис. 32,36; Казанцева, 1992. Рис. 15,20,49;

Генинг, Голдина, 1973. С. 89; Лещинская, 2014. Табл. 53–2; Голдина, Водолаго, 1990. Табл. LII–1].

Дискриминантным анализом подтверждено отнесение к концу IV – началу V в. мечей из погр. 1 кургана 1 Тураевского, погр. 5, 6, 7, 8, 10, 15, 16 Кудашевского, погр. 3 кургана Бурковского, кургана 4 Калашниковского, погр. 1 кургана 25 Бродовского могильников. Процент «узнавания» находок составил 44% (11 из 25 находок) [Малых, Шмуратко, 2019. С. 141].

Эталонную группу образуют мечи, обнаруженные при раскопках погр. 1 кургана 1 Тураевского, погр. 5, 6, 7, 8, 10, 15, 16 Кудашевского, погр. 3 кургана 5 Бурковского, кургана 4 Калашниковского, погр. 1 кургана 25 Бродовского могильников (Рис. 75; Табл. 12). Показатель принадлежности эталонных находок к периоду конца IV в. составил 0,89601, а к первой половине IV в. – 0,05849. Находки эталонной группы 4 – это оружие со средней шириной основания клинка 5,58 см. Среднюю длину клинка установить сложно, так как многие клинки мечей, обнаруженных при раскопках Кудашевского могильника, имеют сильные повреждения. Если исключить наиболее поврежденные образцы, то средняя длина полосы мечей составит 77 см^{**}. В 100% случаев рукояти оружия обладали перекрестиями длиной 7,6 см (среднее значение). У четырех находок имелись навершия (36,3%), но их количества недостаточно для того, чтобы считать навершия характерной чертой комплектации рукоятей оружия, попавшего в могилы в конце IV – начале V вв. [Малых, Шмуратко, 2019. С. 141].

Если сравнивать эталонные группы первой половины и конца IV в., видим, что изменения преимущественно коснулись конструкции рукоятей. Рукояти вновь начинают комплектовать перекрестиями, что повышает защитные свойства оружия. Отличия перекрестий мечей конца IV – начала V вв. от перекрестий оружия I–II вв. заключаются не только в более простой их форме, но и в большей длине (7,6 см против 5 см).

^{**} Учитывая, что клинки мечей Кудашевского могильника в целом состоянии были длиннее, логично предположить, что средняя длина клинков эталонной группы должна превышать показатель в 80 см.

Следует обратить внимание на неоднородность элементов конструкции находок, образовавших эталонную группу. Длина клинков колеблется от 68,3 до 88 см. В качестве перекрестий мечей из погр. 5, 6, 7, 8, 10, 15 Кудашевского могильника использовались бронзовые пластины, у остального оружия гарды ковались из железа. В качестве наверший могли использоваться как халцедоновые диски, железные набалдашники так серебряные изделия рюмкообразной формы. Особенности находок могут свидетельствовать о поступлении оружия из различных источников и влиянии различных представлений на их создание.

Изменение требований к оружию, произошедшее в короткий срок, порождает достаточно большую группу находок подгруппа А – предметов, отражающих тенденции развития материальной культуры предшествующего времени. Дискриминантным анализом к периоду первой половины – третьей четверти IV в. отнесены мечи, обнаруженные в погр. 235, 474, 1703, 1772 Тарасовского, погр. 171, погр. 1А, Б кургана 7 Тураевского, в тайнике кургана 17 Старо–Муштинского, погр. 11, 29 Дубровского, погр. 9 Первомайского могильников. Показатель принадлежности к периоду 3 составил 0,62589, а к периоду 4 не превысил 0,23047. Оружие, изготовленное в первой половине века, могло использоваться до его завершения. Так как исследование ограничено V в. отсутствуют основания для выделения подгруппы Б [Малых, Шмуратко, 2019. С. 141].

На основании применения различных методов датировки были выделены 4 конструктивно–хронологические группы находок. Возникает вопрос: сколько из них с математической точки зрения могут рассматриваться в качестве устойчивых типов?

Хронологическая «узнаваемость» (обусловленность) конструкций и параметров мечей, относящихся к хронологической группе 1, составляет 60%, «заваливание» в пограничную группу 2 (III в.) не превышает 20%. При таких условиях статистически возможно обосновать выделение конструктивно–хронологического типа 1 (Рис. 80–1; Табл. 5), описывающего мечи, использовавшиеся в период I– II вв. К характерным признакам находок типа 1

относятся короткие и узкие клинки (100%), а также короткие металлические перекрестия (100%).

Происхождение данной конструктивной формы оружия может быть связано с китайскими прототипами. Источником поступления находок могли стать представители формирующейся позднесарматской общности, проживавшие в степях Южного Приуралья и Нижнего Поволжья.

Показатель узнаваемости мечей группы 2 составляет 66,7%, чего достаточно для выделения конструктивно–хронологического типа 2 (Рис. 80–2; Табл. 5), отражающего особенности оружия III в. Конструктивно это оружие с длинным (66,6%) узким (100%) клинком, рукояти которого не имели перекрестий (100%) и в 50% случаев были снабжены навершиями. «Заваливание» в первую пограничную группу (I–II вв.) составляет 0%, в пограничную группу 2 (первая половина – третья четверть IV в.) – варьируется в пределах 22,2%. Происхождение мечей типа 2 могло быть связано с оружием, поступавшим из Средней и Центральной Азии к сарматам, а уже из сарматской среды подобные мечи или подражание им поступало к населению Прикамья [Малых, Шмуратко, 2019. С. 142].

Конструктивно–хронологическая группа 3 отражает специфику длинноклинкового оружия, использовавшегося в первой половине IV в. «Узнаваемость» находок эталонной группы составляет 85,3%, что является самым высоким показателем среди всех рассматриваемых групп. Соответственно, имеются основания для выделения типа 3 (Рис. 80–3; Табл. 5). «Заваливание» находок в пограничную группу 1 (III в.) составляет 11,8%, а в группу 2 (конец IV – начало V вв.) – 2,9%, что свидетельствует о резком изменении представлений, определявших особенности оружия.

Эталонные мечи IV в. обладали широкими (100%) клинками средней длины (44,8%). Рукояти оружия не комплектовались перекрестиями (100%) и иногда могли украшаться навершиями (20,6%). Отсутствие в параметрах клинка и оформлении рукояти специфических черт не позволяет строить обоснованных предположений о регионах, из которых могло поступать оружие [Малых, Шмуратко, 2019. С. 142].

На уровне 42,3% определяется принадлежность мечей группы 4 (конец IV – начало V вв.), что является самым низким показателем среди рассматриваемых групп находок. Показатель не превышает 50%, что позволяет поднять вопрос о нецелесообразности выделения типа 4 (Рис. 80–4; Табл. 5). С другой стороны, при анализе находок, образовавших группу 4, присутствуют ошибки распознавания (4 случая) в датировке мечей. Следует обратить внимание на то, что находки рассматриваемой группы могли попасть в могилы в срок до нескольких десятилетий. События второй половины IV – начала V вв. приводят к появлению в регионе мигрантов, передислокации групп местного населения, прекращению функционирования многих государственных, производственных и торговых центров, расположенных за пределами Прикамья, центров, которые прямо или опосредованно могли служить источниками поступления предметов статусного вооружения к населению Прикамья. В сложившейся ситуации практика помещения мечей в захоронения для многих групп населения могла стать невозможной. Часть мечей, использовавшихся на территории региона, не попала в могилы и не может быть учтена в нашем исследовании.

На наш взгляд, мечи типа 4 не стоит рассматривать как группу оружия в полной мере характерного для вооружения населения Прикамья в первой половине I тыс. н.э. В конце IV–V вв. происходит формирование типа мечей, который будет использоваться населением региона вплоть до IX–X вв. «Заваливание» находок группы 4 в группу мечей первой половины – третьей четверти IV в. выразилось в показателе, равном 42,3% [Малых, Шмуратко, 2019. С. 142].

Эталонные мечи данного периода имели широкие клинки (90%) средней длины (72,7%). Все рукояти оружия комплектовались перекрестиями (100%) и в некоторых случаях обладали навершиями (36,3%). Оружие создавалось в производственных центрах, расположенных на территории различных регионов, но на его развитие существенное влияние оказали военные конфликты второй половины IV в., вызванные движением представителей гуннского союза на запад.

Возможно, поднять вопрос об излишней дробности предложенной типологии о неоправданно быстрой смене типов мечей. Однако следует принять во внимание следующие моменты. В работах предшествующего времени преимущественно анализируются комплектация рукоятей, особенности форм наверший и перекрестий или форма перехода от клинка к хвостовику. Параметры клинков напрямую не принимались в расчет. Разделение на типы или группы производилось на основании учета 1–2 критериев.

Изменение отдельных элементов конструкции мечей будет происходить медленнее и фиксироваться менее четко, чем изменение в возможных комбинациях конструкции и параметров оружия. В рамках предложенной работы особенности мечей анализируются по 5 составляющим, что в теории может дать 48 вариантов комбинации параметров клинка и особенностей конструкции рукояти. Соответственно возможно предполагать выделение большего количества типов в сравнении с ситуацией, если бы анализ находок был произведен на основании схемы предложенной А.М. Хазановым [Хазанов, 1971. С. 15–17].

Подводя итоги, следует остановиться на следующих пунктах.

Дискриминантный анализ позволяет не только разделить имеющиеся находки на типы или классы, но и обосновать степень принадлежности каждой находки к выделяемой группе. При этом необходимо понимать, что на первом этапе исследования датирование находок возможно только после анализа выборки предметов продатированных на основании особенностей погребального инвентаря и времени функционирования памятников.

Вполне обоснованно можно поднимать вопросы о существовании самих типов. В случае использования дискриминантного анализа существует возможность статистически обосновать целесообразность выделения типов.

Статистический метод предоставляет возможность датировать отдельные находки не только благодаря сопутствующему инвентарю, но и на основании конструктивных особенностей самих изделий при условии создания и анализа выборки аналогичных предметов.

Глава 2. Палаши и технологические аспекты изготовления длинноклинкового оружия первой половины I тыс. н. э.

2.1. Палаши. Отделы

Палаши – разновидность длинноклинкового оружия, имевшего однолезвийный клинок, предназначенный для нанесения повреждений колюще–режущего характера (Рис. 55).

От мечей своего времени палаши отличаются не только односторонней заточкой, но и наличием клиновидного, а не линзовидного или ромбовидного сечения клинка. В ряде случаев палаши обладают асимметричным острием, асимметричным расположением хвостовика относительно плечиков клинка, наличием «манжетовидных» перекрестий и прочих особенностей.

Особенности конструкции палашей будут анализироваться по той же схеме, что и конструкции мечей. Основываясь на анализе параметров клинков, можно выделить два отдела находок: *отдел 1* – палаши с коротким клинком и *отдел 2* – палаши с клинком средней длины. Ширина основания всех клинков составляет около 3 см, что позволяет отнести все находки к одному *подотделу А* – оружие с узким клинком.

Отдел 1 – палаши с коротким клинком

К рассматриваемому отделу относятся палаши, найденные в погр. 7 Чегандинского II (Рис. 7–3), погр. 71 Ныргандинского II (Рис. 6–4), погр. 133 и 143 Афонинского (Рис. 10–1,3) и погр. 230 Охлебнинского (Рис. 10–3) могильников [Генинг, 1971. Табл. XI–1 ; Одинцова, Генинг, 1969. С. 9; Зубов, 2007. Рис. 2–3; 3–5,6]. Короткие палаши составляют 64,2% от находок, параметры клинка которых можно определить. Большая часть оружия (55,5%) происходит из погребений, оставленных на территории памятников, относящихся к кара–абызской культуре.

Длина клинков рассматриваемых находок варьировалась в пределах от 45 до 60 см (среднее значение 51 см) при ширине основания полосы от 2,4 до 3 см (в среднем 2,68 см). В современном состоянии вес коротких палашей колеблется в пределах 300–500 гр. Полосы имели клиновидное сечение, что обусловлено однолезвийной заточкой оружия. Основываясь на массогабаритных параметрах и особенностях геометрии клинка, можно утверждать, что короткие палаши являются разновидностью колюще–режущего оружия.

Отдел 2 – палаши со средней длиной клинка

Среднюю длину клинка имели палаши, обнаруженные в погр. 733, 1291, 1317 Тарасовского (Рис. 11–1,2,3) и погр. 210, 502 Охлебнинского (Рис. 10–4,5) могильников [Голдина, 2003. Табл. 325–19; 499–3; 509–10; Зубов, 2007. Рис. 4–5,6]. Палаши отдела 2 составляли 35,7% всех рассматриваемых находок, из которых 60 % находок происходит из чегандинский захоронений.

Длина клинков оружия колеблется от 69 до 77,4 см (в среднем 72 см) при ширине 2,4–3,2 см (среднее значение 2,8 см). Палаши из погр. 210, 502 и 1291 имели прямую спинку клинка, который сужался со стороны лезвия в последней трети полосы, в результате у оружия формировалось асимметричное острие [Зубов, 2007. Рис. 4–5,6; Голдина, 2003. Табл. 499–3]. У оружия из погр. 733 и 1317 клинок сужается в последние 5–10 см, как по лезвию, так и по спинке придавая острию определенную симметрию [Голдина, 2003. Табл. 329–19; 509–10]. Необычна конструкция клинка из погр. 1317 Тарасовского могильника (Рис. 9–3): ширина спинки составляет около 1,2 см против традиционных 0,4–0,5 см, образуя дополнительную грань с каждой из двух вертикальных плоскостей полосы. Выступы у спинки могли еще приостряться, чтобы обеспечить дополнительные повреждения при колющем ударе. Подобные конструктивные решения использовались в граненых штыках. Об интерпретации назначения палашей со средней длиной клинка судить достаточно сложно. С одной стороны, оружие имело узкий клинок, что более характерно для колюще–режущего оружия, с

другой стороны, длина клинков палашей, достигающая до 77,4 см, могла обеспечить необходимую массу для нанесения рубящих ударов. Специфика использования палашей отдела 2, вероятно, зависела от предпочтений владельца оружия.

Параметры клинков большинства ранних палашей соответствуют параметрам основной массы мечей, использовавшихся на территории Прикамья в период I–II вв. Сравнение двух видов длиннокликового оружия позволяет предполагать, что для оружия начала новой эры характерны короткие и узкие клинки.

2.2. Палаши. Разделы

Раздел А – палаши, рукояти которых не имели перекрестий и наверший

К моменту археологической фиксации находок не всегда можно проследить наличие элементов рукояти, если они были изготовлены из органических материалов. Поэтому, описывая находки, мы будем исходить из их современного состояния.

Палаши без металлических наверший и перекрестий обнаружены в погр. 1291 Тарасовского и погр. 502 Охлебнинского могильников (Рис. 11–2; 10–4) [Голдина, 2003. Табл. 499–3; Зубов, 2007. Рис. 4–7]. Хвостовики представляют собой пластину, одна сторона которой была продолжением спинки клинка, нижняя часть пластины не образует четко выраженного перехода от клинка. Длина охлебнинской пластины составляет 5,3, а тарасовской – 7 см. Оружие не имеет четко выраженного перехода от клинка к хвостовику.

Упомянутые находки могут отражать влияние на палаши традиции боевых ножей, длина клинков которых могла достигать 35–40 см. По мнению В.А. Иванова, боевые ножи могут являться наследием раннеананьинских племен Волго–Камья [Иванов, 1984. С. 19]. В период II в. до н.э. – I в. н.э. на территории Южной Сибири и Центральной Азии использовались палаши, не имевшие перекрестий и наверший. Подобное оружие могло попасть в Прикамье вместе с военизированной

группой, деятельность представителей которой привела к возникновению андреевско–писеральской общности Среднего Поволжья [Худяков, 1986. Рис. 98].

Если палаши *раздела А* возникли под влиянием традиции боевых ножей ананьинских племен, допустимо предположение об изготовлении оружия из погр. 1291 и 502 прикамскими мастерами.

Раздел Б – палаши, рукояти которых были снабжены перекрестиями

К разделу Б относятся палаши, найденные в погр. 230 и 502 Охлебнинского могильника (Рис. 10–3,4) [Зубов, 2007. Рис. 4–5,6]. Оружие имело перекрестия, представляющие собой железную пластину, обернутую вокруг основания клинка на манер «манжета». Длина перекрестий превышает ширину клинка на 1–2 см, что ставит под сомнение высокие защитные свойства перекрестий. Возможно, «манжеты» имели значение для крепления деревянной части рукояти или выступали как дань традиции компоновки длинноклинкового оружия, существовавшей в раннем железном веке.

Хвостовики представляют собой пластины, не имеющие четко выраженного перехода к клинку. Длина хвостовиков обеих находок составляет 10 см. К категории оружия с коротким клинком (отдел 1) относится палаш из погр. 230, а оружие из погр. 210 представляет отдел 2 (палаши с клинком средней длины).

Аналогиями палашей, обнаруженных при раскопках Охлебнинского могильника, можно назвать палаши, найденные в погр. 25/1 и 50 Андреевского кургана и при исследовании территории Пильнинского I могильника [Зубов, 2007. Рис. 4–3,4; Зубов и др., 2011. Рис. 5–5].

Раздел В – палаши, рукояти которых снабжались навершиями и перекрестиями

Раздел В образуют палаши, обнаруженные при раскопках погр. 733 и 1317 Тарасовского (Рис. 9–3,5), погр. 7 Чегандинского II (Рис. 7–3) и погр. 71, 78, 79 Ныргандинского II (Рис. 6–4-6), погр. 133, 143 Афонинского (Рис. 10–1,2)

могильников [Голдина, 2003. Табл. 325–19; 509–10; Генинг, 1971. Табл. XI–1; Зубов, 2007. Рис. 2–3,4,5; 3–5,6; Агеев, 1992. С. 46]. Палаши рассматриваемой конструкции обнаружены при раскопках могильников чегандинской культуры, отсутствуют в кара–абызских захоронениях (Рис. 81).

Основываясь на конструкции наверший имеющиеся находки возможно разделить на два подраздела: оружие с надсадными и интегрированными навершиями.

Подраздел 1. Под надсадными навершиями понимаются литые бронзовые изделия, имеющие втулку и два антенновидных выступа, изогнутых таким образом, чтобы получился незамкнутый овал (Рис. 99). Концы антенн стилизованы в виде змеиных голов. Втулка изделий надевалась на деревянную часть рукояти, дополнительно фиксируясь «гвоздиками» через отверстия в нижней части изделия.

Рассматриваемые конструктивные решения были использованы для изготовления наверший палашей, помещенных в погр. 7 могильника Чеганда II и погр. 71 могильника Нырганда II (Рис. 99) [Генинг, 1971. Табл. XI–1; Зубов, 2007. Рис. 2–3]. Среди поволжских находок ранних палашей отсутствуют экземпляры, снабженные литыми навершиями (Рис. 38). Учитывая сопоставимость форм изделий и близкое расположение могильников Чеганда II и Нырганда II, высока вероятность изготовления наверший в одном производственном центре, находившемся на территории Прикамья. Если навершия были изготовлены в среде носителей чегандинской культуры, не свидетельствует ли это о том, что и клинки изготовили местные мастера? Повышает вероятность местного изготовления, по крайней мере, части палашей ограниченность территорий, чье население их использовало. Если палаши появились в Прикамье и Среднем Поволжье как результат деятельности военного отряда, пришедшего с востока, то это снижает вероятность поступления оружия по торговым каналам и увеличивает необходимость организации его производства на местах.

Палаш из погр. 7 имел двусторонне перекрестие, отлитое из меди, что не вписывается в рассматриваемую традицию (Рис. 11–7) [Генинг, 1971. Табл. XI–7]. Перекрестиями, аналогичными чегандинскому, обычно снабжались рукояти мечей,

а не палашей. Учитывая уровень развития цветной металлургии и литейного дела у чегандинского населения, бронзовые навершия могли в большей мере отвечать эстетическим предпочтениям местного населения.

Подраздел 2. Под интегрированными навершиями понимаются железные изделия, представляющие собой незамкнутый овал, концы которого имели округлые уплотнения или граненые «шишечки». Навершие отковывалось как часть хвостовика, наваривалось или наклепывалось на него.

Подобными навершиями были снабжены рукояти палашей, находившихся в погр. 733 и 1317 Тарасовского (Рис. 11–1: 101–1,3,2), погр. 78, 79 Ныргандинского II (Рис. 101–2,3), погр. 133, 143 и 167 Афонинского могильника (Рис. 101–4,5) [Голдина, 2003. Табл. 325–19; 509–10; Зубов, 2007. Рис. 3–5,6; 2–2,4].

А. П. Зыков описал изготовление навершия палаша из погр. 78 следующим образом. Навершие изготовлялось из отдельной железной детали, концам которой при помощи ручнойковки придавались ромбовидные утолщения. В центральной части изделия пробивалось сквозное отверстие, после чего будущее «калачковидное» навершие сгибалось и насаживалось на хвостовик палаша [Зубов, 2007. С.71].

Железные навершия и перекрестия, формирующие рукоять как единое целое, вероятно, являются отражением традиций, существовавших в эпоху раннего железного века. Овальная форма изделий обеспечивает эффективное удержание оружия при возвратных движениях, что особенно важно для условий сражения верхом.

Аналогии палашам, обнаруженным при раскопках чегандинских могильников, можно найти среди оружия, бывшего в погр. 13 Кошечеевского могильника и погр. 32 Андреевского кургана, а также найденного при раскопках погр. 43 Андреевского кургана [Зубов, 2007. Рис. 1–1,4; Зубов, 2011. Рис. 17–3].

Сопоставимость конструкции палашей, использовавшихся на территории Удмуртского Прикамья и Среднего Поволжья, позволяет утверждать, что оружие было изготовлено под влиянием одной традиции или в одних производственных центрах.

Обратимся к иным особенностям палашей подраздела 2, помимо наличия у них наверший и перекрестий. У оружия, найденного в погр. 133, 143 Афонинского (Рис. 10–1,2) и погр. 78, 79 Чегандинского II (Рис. 6–5,6) могильников, имелись цельнометаллические рукояти. Длина рукоятей палашей из погр. 133 и 143 от перекрестия до навершия составляла 9 см. Если у палашей разделов А и Б палаши представляли собой пластины неправильной формы, то находки раздела В имели хвостовики (рукояти), представляющие собой штыри прямоугольной или овальной формы.

2.3. Классификация палашей

Палаши – одна из наиболее редких разновидностей длинноклинкового оружия первой половины I тыс. н. э. в западной части степной и лесных зон. Для предметов, не относящихся к категории массовых находок, многие методы исследования становятся неинформативными или малоэффективными. Небольшое количество находок, отсутствие возможности их деления на значимые территориальные или хронологические группы не позволяют использовать для изучения ранних палашей метод дискриминантного анализа.

Рассмотрение палашей возможно на основании статистического метода, данные которого позволят выделить конструктивные группы. Проблема выделения значимых групп находок может быть решена в случае рассмотрения палашей Прикамья и Среднего Поволжья в рамках одного исследования. Оружие обоих регионов имеет не просто сопоставимую конструкцию, но и появилось оно благодаря развитию одних и тех же событий. Однако подобное исследование не соответствует контексту заявленной темы работы, и его проведение является делом будущего.

Формализация данных, отражающих особенности конструкции и параметров находок будет производиться по следующей схеме. Клинки можно разделить на две группы: отдел 1 – оружие с коротким клинком (менее 61,2 см), отдел 2 – оружие с клинком средней длины (более 61,2, но менее 80 см). Среди учтенных

находок отсутствуют палаши, длина клинка которых превышает 77 см, поэтому в выделении иных отделов нет необходимости.

Конструкция эфесов (рукоятей) будет оцениваться на основании фактов наличия или отсутствия наверший и перекрестий.

На основании учета параметров клинка и конструкции рукояти получаем следующие группы.

Группа 1 – это оружие с коротким и узким клинком (от 50,5 до 55 см; от 2,6 до 3 см), рукояти которого имели перекрестия и навершия. Подобными особенностями обладали палаши, находившиеся в погр. 133, 143 Афонинского, погр. 71 Ныргандинского II, погр. 7 Чегандинского II могильников (Рис. 82) [Зубов, 2007. Рис. 3–5, 6; Одинцова, Генинг, 1969. С. 9; Генинг, 1971. Табл. XI–1].

Группа 2 образована находками, происходящими из погр. 733 и 1317 Тарасовского могильника (Рис. 83) [Голдина, 2003. Табл. 325–19; 509–10]. Оружие обладало узкими клинками средней длины (от 69 до 77,4 см; от 3 до 3,2 см) и рукоятями, имевшими навершия и перекрестия. Базовое отличие от предыдущей группы заключается в большей длине клинка.

Оружие, рукояти которого обладали навершиями и перекрестиями, происходит из памятников чегандинской культуры, расположенных в Ижско–Камском междуречье, что в сравнении с находками башкирской группы позволяет говорить если не о некой традиции, то об общих представлениях об особенностях компоновки эфесов. Исключением является находка из погр. 1291 Тарасовского могильника [Голдина, 2003. Табл. 499–3].

Группа 3 представляет собой еще одну локальную традицию одного памятника. В погр. 230 и 502 Охлебнинского могильника (Рис. 84) были помещены палаши с узкими клинками средней длины (от 60 до 71 см; 2,4 см) и эфесами, имевшими только железные перекрестия [Зубов, 2007. Рис. 4–5,6].

Группа 4 – это оружие, являвшееся частью инвентаря погр. 210 Охлебнинского и погр. 1291 Тарасовского могильников (Рис. 85) [Зубов, 2007. Рис. 3–6; Голдина, 2003. Табл. 325–19]. Палаши имели узкие клинки средней длины (69 см, от 2,4 до 3 см) с рукоятями без наверший и перекрестий.

Если сравнивать палаши и мечи, видим, что палаши соответствуют тенденциям эпохи I–II вв. как в параметрах клинков, так и в конструкции рукоятей.

2.4. Технологические аспекты изготовления длинноклинкового оружия первой половины I тыс. н. э.

Технологии изготовления являются одной из ключевых проблем исследования длинноклинкового оружия. От методов металлообработки зависит степень функциональности изделий в качестве оружия.

В период I–II вв. на территории Прикамья мечи помещались в захоронения представителей чегандинской общности. Из погр. 608 Тарасовского могильника изготовленный из многослойной железной заготовки (Рис. 102–4). На это указывает ферритная и феррито–перлитная структуры, содержащие параллельные поля и цепочки, состоящие из коротких узких шлаковых включений, идущих по направлениюковки. Металл обладал невысокими прочностными характеристиками, микротвердость ферритных участков составляет 110–143 кг/мм², феррито–перлитных – 151–170 кг/мм² (Таб. 4) [Перевощиков, Малых, 2014. С. 20].

Вызывает интерес технология изготовления клинка из погр. 1125 Тарасовского могильника (Рис. 102–7). Клинок выполнен из равномерно науглероженной стальной заготовки, демонстрирующей низкую твердость металла (от 128 до 143 кг/мм²). На лезвии выявлена структура перлита, образующуюся при медленном охлаждении изделия, нагретого до 700 градусов (Таб. 4) [Перевощиков, Малых, 2014. С. 19].

В погр. 1307 Тарасовского могильника был обнаружен меч, откованный из железной и стальной полос, сваренных между собой, после чего получившаяся заготовка многократно перегибалась и проковывалась. В результате металл клинка представлял собой последовательное чередование слоев железа и стали. При этом хвостовик изготовлен из однородного металла, имеющего феррито–перлитную структуру, содержащую большое количество шлаковых включений. Микротвердость стальной части полосы варьируется в пределах 297–322 кг/мм², а

железной 221–254 кг/мм² [Перевощиков, Малых, 2014. С. 20] По замечанию С. Е. Перевощикова, ковка клинка производилась настолько качественно, что наличие сварных швов можно определить только по последовательному чередованию участков металла с различным содержанием углерода.

Проведено металлографическое исследование палаша происходящего из погр. 1317 Тарасовского могильника (Рис. 102–8). Клинок изготовлен из качественно прокованной многослойной заготовки, набранной из неравномерно науглероженных стальных полос. Микротвердость феррита – перлитовых структур варьируется от 178 до 242 кг/мм², феррита 103 и 146 кг/мм². По краю шлифа шла ферритовая структура твердостью 91–129 кг/мм². В верхней части клинок подвергался локальной цементации, которая после проведения мягкой закалки приобрела структуру сорбита с микротвердостью 636 кг/мм² [Казанцева, 2004. С. 74–75].

Дискриминантным анализом к периоду I–II вв. отнесен меч, происходящий из подъемного материала Красноярского могильника (Рис. 26–2). Клинок ковался из сырцово-й стали, у него тщательно проковывалась нижняя часть клинка, образующая острие, в то время как остальная часть полосы прорабатывалась менее тщательно. Об этом свидетельствуют крупные шлаковые включения, выявленные в шлифе, взятом ближе к рукояти, и их отсутствие в металле острия [Казанцева, 2004. С. 74–75].

Второй этап притока мечей к населению Прикамья фиксируется по материалам погребений, оставленных в III в. представителями мазунинской культуры.

Из многослойной железной заготовки, металл которой был засорен короткими узкими шлаковыми включениями, изготовлен меч из погр. 131 А Тарасовского могильника. Микротвердость сердцевины клинка не превышала 160 кг/мм², а твердость лезвия составила 235–340 кг/мм². После остывания клинок мог быть дополнительно прокован по краю лезвия, что придало ему большую твердость [Перевощиков, Малых, 2014. С. 20].

В III в. в погр. 446 Тарасовского могильника мог попасть меч, полоса которого ковалась из трех стальных полос. О высоком качествековки свидетельствует отсутствие во взятых шлифах следов шлаковых включений (Рис. 102–3). Как и у меча из погр. 1125, микротвердость металла внутренней части основы клинка (208 кг/мм^2) превышает твердость режущей кромки ($158\text{--}163 \text{ кг/мм}^2$) (Таб. 4) [Перевошиков, Малых, 2014. С. 19]. Причины подобного явления могли быть связаны как с технологическими ошибками в процессе изготовления оружия, так и с обрядовыми действиями во время погребальной церемонии.

Дискриминантным анализом параметры и конструктивные особенности меча из погр. 105 Мокинского могильника были отнесены к традиции III в. (Рис. 103–6). Оружие ковалось из заготовки, набранной из 6 стальных полос с примерно одинаковым содержанием углерода (0,4–0,5%) [Перевошиков, Малых, 2014. С. 20]. Пакетирование основы клинка могло быть связано с отсутствием достаточно большой стальной заготовки.

В конце III – начале IV вв. на территории Прикамья получает более широкое распространение практика помещения длинноклинкового оружия в состав погребального инвентаря представителей мазунинской и азелинской общностей. Среди находок данного времени металлографическим исследованиям было подвергнуто следующее оружие.

В погр. 782 Тарасовского могильника присутствовал меч, который ковали из стальной заготовки с высоким содержанием углерода (Рис. 102–6). На шлифе, взятом ближе к острию клинка, металл имеет структуру цементита в виде смешанной, частично разрушенной сетки. Шлиф, изъятый из центральной части клинка, содержит цементитные иглы. Хвостовик ковался из металла, имевшего ферритно–цементитную структуру [Перевошиков, Малых, 2014. С. 19].

В рассматриваемой группе находок самым низкотехнологичным изделием является меч, происходящий из числа случайных находок, собранных на территории Усть–Брыскинского могильника. Клинок откован из двух полос железа, сильно засоренного шлаковыми включениями. Помимо этого, металл

имеет очень низкую микротвердость, значения которой не превышают 108–142 кг/мм² [Завьялов и др. 2009. С. 110–111].

К IV в. относятся следующие находки. Клинок меча из погр. 129 Тарасовского могильника был откован из заготовки, набранной из полос малоуглеродистой стали, которые сваривались между собой поперек, а не параллельно друг другу. Лезвие образовывали пластины из среднеуглеродистой стали, наваренные на основу клинка. В дальнейшем изделие было резко закалено с последующим отпуском металла. В результате микротвердость основы полосы клинка оставила 128–225 кг/мм², а твердость лезвия варьировалась в пределах 304–554 кг/мм² [Перевощиков, Малых, 2014. С. 20].

В погр. 1737 Тарасовского могильника был обнаружен фрагмент клинка, выкованный из заэвтектоидной стали. Структура металла представлена тонкопластинчатым перлитом, микротвердость которого составила 206 кг/мм². В процессе изготовления в теле клинка образовалась структура видманштетта. Дефект, вызванный наличием видманштетта, мог стать причиной разрушения клинка [Перевощиков, Малых, 2014. С. 21].

Из заэвтектоидной стали откован как минимум 1 из 3 мечей, обнаруженных в погр. 94 могильника Тюм–Тюм [Ошибкина, 2010. С. 58–59]. Заэвтектоидную сталь (литую, тигельную) можно получить только путем плавления металла, в то время как большая часть черного металла древности получена в ходе химического процесса восстановления железа. По мнению В.И. Завьялова, Л.С. Розановой и Н.Н. Тереховой, в период первой половины I тыс. н.э. технологии получения литой стали применялись в производственных центрах Индии, Сирии и ряде других стран Востока. В Европе не выявлено находок, свидетельствующих о производстве или обработке подобной стали [Завьялов и др. 2009. С. 110].

Мечи, откованные из заэвтектоидной стали, встречаются не только в погребениях IV в. (без последней четверти века), но и в захоронениях конца IV – начала V вв.

К подобным находкам относится меч из погр. 1772 Тарасовского могильника, ковавшийся из высокоуглеродистой стальной заготовки. Микротвердость

внутренней части основы клинка варьируется от 254 до 334 кг/мм², в то время как твердость лезвия составляет 160 кг/мм² [Завьялов и др. 2009. С. 110; Перевошиков, Малых, 2014. С. 19]

В погр. 160 Кудашевского могильника был помещен еще один меч, выполненный из литой стали. Структура металла представляет собой зернистый цементит, который мог образоваться после непродолжительного нагрева изделия при температуре 750–780° с последующим медленным охлаждением. Показатели микротвердости составили 181–236 кг/мм² [Казанцева, Нагиев, 2017. С. 85].

Как и сегодня, параллельно с качественными изделиями используются предметы, для изготовления которых были применены менее сложные технологии или приложено меньше усилий.

Таким изделием является меч, происходящий из погр. 2 кургана 4 Калашниковского могильника. Клинок ковался из пакетной заготовки, о количестве слоев в которой судить сложно. Сварочные швы обладают относительно большой шириной и сильно засорены шлаковыми включениями, что свидетельствует о низком качестве проковки заготовки. Содержание углерода в металле колеблется от 0,6–0,7 до 0,1%, также встречаются участки чистого феррита [Завьялов и др., 2009. С. 104].

Из разрушенных захоронений Тарасовского могильника происходили обломки двух мечей. Структура металла первого клинка (ан. 400) представляет собой чередование структур феррито–перлита и феррита. Полоса меча была получена после кузнечной сварки полос железа и стали, которые были произведены путем пакетирования. Полученный металл можно определить как дамаск. Второй обломок меча (ан. 39) ковался из заэвтектоидной стали [Голдина, Перевошиков, 2017. С. 119].

На основании результатов дискриминантного анализа меч из погр. 81 Мокинского могильника был отнесен к периоду конца IV – начала V вв. Оружие ковалось из железной заготовки, сильно засоренной шлаковыми включениями [Завьялов, 2005. С. 103]. Меч интересен тем, что на его полосе были прокованы 3

дола. В погр. 85 того же могильника найден фрагмент клинка меча, у которого выпали лезвия. Лезвия не наваривались, а вваривались в основу клинка.

Произведенного количества металлографических исследований недостаточно для того, чтобы описать технологии изготовления основной массы длинноклинкового оружия, но, возможно, достаточно для определения общих тенденций.

Качество металла и качествоковки клинков, происходящих из погр. 782, 1737, 1772 Тарасовского, погр. 160 Кудашевского, погр. 94 Тюм–Тюмского могильников, и случайных находок, сделанных на территории Тарасовского и Гремячинского некрополей, позволяют предположить их импортное происхождение. Мечи, найденные в погр. 2 кургана 4 Калашниковского, погр. 81 и 105 Мокинского могильников, и случайные находки Усть–Брыскинского могильника изготовлены в соответствии с возможностями местных мастеров.

Результаты металлографических исследований длинноклинкового оружия демонстрирует применение различных технологий использованных для его изготовления. Выявлена серия клинков, с высокой долей вероятности, изготовленных за пределами Прикамья в мастерских высококвалифицированных мастеров. Так и серия образцов, которая могла быть произведена местными мастерами [Малых, 2013. С. 185].

Глава 3. Классификация элементов эфеса длинноклинкового оружия

3.1. Классификация форм наверший

Для классификации элементов эфеса длинноклинкового оружия будет использовано понятие группа. На основании способа крепления наверший будут выделяться группы изделий. Материалы, из которых выполнены навершия, и способы их обработки будут учтены при выделении подгрупп находок.

Группа А. Штифтовые навершия

К данной группе относятся навершия, крепившиеся при помощи металлического штифта, продеваемого через отверстие в центре изделия и забиваемого в торец деревянной части рукояти.

Появление наверший группы А стоит связывать с влиянием традиции использования халцедоновых наверший получившей распространение в сарматской среде в II – первой половине III вв. Отдельные экземпляры мечей с халцедоновыми навершиями встречаются в сарматских погребениях конца III–IV вв. [Безуглов, 2000. С. 173–174, 180–182].

В 71 % случаев находки *группы А* представлены дискообразными навершиями изготовленными из халцедона. Подобные навершия венчали рукояти мечей обнаруженных в : погр. 171 Тураевского, погр. 4, 765А, Б, 782, 1685 Тарасовского, погр. 89 Усть–Сарапульского и погр. 5 и 8 Кудашевского могильника (Рис. 96) [Голдина, Бернц, 2004. Рис. 12–144; Голдина, 2003. Табл. 2–27; 47–13; 329–19; 300–13; Арматынская, 1986. Рис. 5–26; Казанцева, 1990. Рис. 33]. Вариациями рассматриваемой традиции является навершие меча из погр. 1784 Тарасовского могильника выполненное из зеленого стекла [Голдина, 2004. С. 272]. И навершия мечей из погр. 260 Ново–Сасыкульского могильника (Рис. 5–5; 2–2) и погр. 26, 261 Покровского могильника (Рис. 27–1,4; 17–2) изготовленные из створок моллюсков *Turbomarmatus* семейства *Turbinidae*, обитающих в

тропических частях Тихого и Индийского океанов [Красноперов, 2011. Рис. 5–5; Останина, 1992. С. 17, 33, 63].

Подражанием традиции халцедоновых наверший возможно считать навершие меча обнаруженного в погр. 117 Рождественского V могильника [Старостин, 2009. С. 55]. Находка представляла собой бронзовый диск с отверстием в середине для крепления его к рукояти при помощи штифта.

В большинстве случаев халцедоновые навершия представляли собой диски диаметром около 5–6 см и высотой 1,5–2,5 см. Спектральный и рентгенофазовый анализы позволили установить, что исследованные находки не могли быть произведены из халцедонов, залегающих на территории Прикамья, так как они не соответствуют местным минералам ни по химическому составу, ни по характеру примесей, содержащихся в их составе [Старостин, 2008. С. 10–11].

Прикамское население использовало халцедоновые диски, аналогичные навершиям мечей, для оформления поясных наборов, шейных и нагрудных украшений, это особенно характерно для представителей азелинской культуры. За пределами Прикамья халцедоновые диски использовались преимущественно в качестве наверший мечей (бусы в расчет не принимаются).

Учитывая редкость и сложность обработки минерала, маловероятно, чтобы его обработка велась в кочевой среде, скорее, ремесленные центры располагались на территории Северного Причерноморья или иных регионов.

Мечи, обнаруженные при раскопках Тарасовского могильника, происходят из погребений, датируемых двумя периодами: погр. 4 и 782 совершены во второй половине III в., погр. 765А и Б, 1685 датируются третьей четвертью IV в.. Погр. 5 и 8 Кудашевского и погр. 171 Тураевского могильника, предположительно, относятся к концу IV – началу V вв. [Голдина, Перевошиков, 2017. Рис. 1–2,3].

Мечи с навершиями из раковин происходят из захоронений I–II вв. (погр. 260 Ново–Сасыкульского мог.) и первой половины IV в. (погр. 26, 261 Покровского мог.).

Группа Б. Насадные навершия

Под насадными навершиями понимаются изделия, имеющие раструб, который надевался на торец деревянной части рукояти. На основании учета материалов из которых изготавливались интересующий находки и их формы, возможно выделить несколько подгрупп насадных наверший.

Подгруппа 1. Навершия, представляющие собой железные набалдашники чашеобразой формы. Набалдашники, предположительно, ковались из овальной пластины, края которой загибались в одну сторону под углом около 90 градусов, образуя крепежное кольцо.

Оружие с навершиями подгруппы 1 выявлено при раскопках погр. 19 Нармонского (Рис. 41–3), погр. 1 кургана 1 Тураевского (Рис. 49–2), погр. 17 Нивского (Рис. 26–4), погр. 1 и 30 Суворовского (Рис. 41–4,1) могильников [Овчинников, 2014. Рис. 12–1; Генинг, 1976. Рис. 26–13; Останина, 1978. С. 104; Генинг, 1963. С. 109, 125]. Вполне возможно, что к рассматриваемой подгруппе стоит отнести навершие меча из погр. 20 Суворовского могильника [Генинг, 1963. С. 118].

Использование набалдашников обусловлено большой длиной рукояти. Длина деревянной рукояти меча из погр. 17 Нивского могильника (Рис. 26 – 4) составила 33 см, рукоять из погр. 1 Суворовского могильника (Рис. 41–4) имела длину 36 см, рукоять из погр. 30–30 см [Останина, 1978. С. 104; Генинг, 1963. С. 109, 125]. Деревянные рукояти подобной длины нуждаются в усилении верхней торцевой части, для этого использовались железные набалдашники.

Основная масса мечей с навершиями подгруппы 1 происходит из захоронений, совершенных в конце III – первой половине IV вв., а тураевская находка оказалась в захоронении в конце IV – начале V вв. Навершия в виде железных набалдашников в большинстве случаев (60%) обнаружены при раскопках памятников Волго–Вятского междуречья.

На наш взгляд, навершия подгруппы 1 являются одной из немногих групп, использование которых в первую очередь продиктовано функциональными, а не эстетическими соображениями.

Подгруппа 2. К следующей подгруппе наверший относятся серебряные изделия, форма которых в научной литературе обозначается как «рюмкообразная». Интересующие нас предметы происходят из погр. 6 и 10 Кудашевского и кургана 5 Туревского могильников (Рис. 98–1,2,3) [Казанцева, 1990. Рис. 33; Казанцева, 1991. Рис. 20; Генинг, 1976. Рис. 15]. От типа 3 рюмкообразные навершия отличаются не только формой, субстанциональными свойствами, но и технологией изготовления.

Навершие мечей из погр. 6 (Рис. 98–2) состоит из чашеобразного тела (основы), переходящего в «ножку», которая на противоположном конце имеет расширение. К расширению «ножки» крепится выгнутая пластина округлой формы. Основа изделия, вероятно, ковалась из серебряного листа, соединяясь с верхней накладкой при помощи припоя или ободка, фиксируемого заклепками.

Скальвается впечатление, что навершие из погр. 10 (Рис. 98–1) было изготовлено путем применения технологии литья. Изделие имеет более грубую форму и изготовлено более простым способом, чем образец из погр. 6. Навершие меча из погр. 10 изготовлено менее квалифицированным ремесленником, который мог проживать на территории Прикамья.

Навершие из кургана 5 Тураевского могильника (Рис. 98–3) изготовлено методом литья, причем качество проработки деталей свидетельствует о труде более квалифицированных мастеров, чем в случае с находкой из захоронения 6.

Серебряные рюмкообразные навершия обнаружены в погребениях, оставленных в конце IV – начале V вв., это позволяет предположить, что мечи с подобным оформлением рукоятей бытовали на территории Прикамья во второй половине IV – начале V вв., являясь одним из свидетельств проникновения в регион военного отряда, представители которого оставили после себя часть погребений Тураевского и Кудашевского могильников.

Помимо Прикамья, мечи с рюмкообразными навершиями известны по материалам раскопок могильников Муслимовского, Цибилиум, Совхоз Калинина и склепа 145 / 1904 г. в Керчи [Казанский, 2009. С. 121, Рис. 4].

М.М. Казанский и А.В. Мастыкова связывают происхождение мечей с рюмкообразными навершиями с влиянием сасанидской традиции, основанной на

оформлении оружия, бытовавшего на территории Ближнего востока в III в. н.э. [Казанский, 2009. С. 120].

В процессе проведения археологических исследований часто возникает ситуация наличия в выборке единичных находок, конструкция или особенности декора которых более не повторяются. Подобной находкой является медное навершие меча, обнаруженное в погр. 26 могильника Чеганда II чегандинской культуры (Рис. 98–4). Изделие имело форму раструба, расширяющегося в верхней части. В верхней части изделия имеется углубление с отверстием в центре, дно которого украшает орнамент в виде двух перекрученных жгутиков, образующих круг [Генинг, 1970. Табл. XI–1].

Данную находку с навершиями рюмкообразной формы сближает способ крепления изделий на рукоятях и способ изготовления предметов, представленный литьем по объемной модели.

Рассматриваемые находки не связаны общим временем бытования и представлениями, приведшими к их появлению. Меч из погр. 26 использовался в период I–II вв., а оружие из погр. 6, 10 и курган 5 попало в могилы в конце IV – начале V вв.

Аналогии навершию чегандинского меча находим среди китайского оружия, использовавшегося от эпох царств Чуньцю и Чжаньго (VIII – V в. до н.э.) до эпохи царства Цинь (III в.) [Зубов, Саттаров, 2014. С. 317; Зубов, Саттаров, 2014. С. 317]. Появление оружия, имеющего китайские прототипы в оформлении рукоятей, вероятно, связано с одной из форм посредничества кочевников, переместившихся от границ Китая в европейские степи.

Подгруппа 3. Медные (бронзовые) насадные навершия с антенновидными выступами в верхней части, стилизованные в виде двух змеек, противостоящих друг другу и образующих незамкнутый овал (Рис. 99). Рассматриваемая подгруппа наверший использовался исключительно для оформления рукоятей палашей. Палаши с подобными навершиями обнаружены в погр. 7 Чегандинского II (Рис. 7–7) и погр. 71 Нырганинского II (Рис. 3–1; 6–4) могильников [Генинг, 1970. Табл. XI–1; Генинг, 1970. Табл. XI–1].

Для изготовления наверший использована технология объемного литья по восковой модели. Следует обратить внимание на прямоугольные пустоты, оставленные с тыльной стороны изделий.

Аналогичные вырезы присутствовали в ножнах ножей, наконечников и обойм ножен палашей, обнаруженных при раскопках Ново–Сасыкульского, Юлдашевского, Охлебнинского, Тарасовского, Чегандинского II могильников [Васюткин, Калинин, 1986. Рис. 4–17; Пшеничнюк, 1963. Рис. 14–1,3,7,8; Голдина, 2004. Табл. 257–14; 289–3; 315–23; Генинг, 1970. Табл. X–15,17,18].

Технологические и конструкционные решения, примененные для создания наверший из погр. 7 и 71, позволяют предположить, что они могли быть изготовлены на территории Прикамья.

Изделия подгруппы 3 стоит рассматривать как подражание железным навершиям палашей (Рис. 101). Находки обеих групп можно объединить в одну подгруппу, но различия в способе изготовления, крепления, конструктивных особенностях и использованных материалах позволяют обосновать разделение на две самостоятельные подгруппы.

Группа В. Интегрированные навершия

Под интегрированными навершиями понимаются изделия, выкованные как продолжение хвостовика или приваренные к нему. Навершия данной группы, в отличие от других находок, являются неотъемлемой частью рукояти.

Подгруппа 1. Тип образуют железные навершия, которым придавали кольцообразную форму. Кольцеобразные навершия изготавливались путем ручнойковки как часть хвостовика, которой придавали необходимую форму или отковывали отдельно, впоследствии приваривая их к хвостовикам. Мечи с кольцообразными навершиями происходят из погр. 152 Ныргандинского II (Рис. 6–1) и погр. 346 Ново–Сасыкульского (Рис. 5–4) могильников [Одинцова, Генинг, 1970. Табл. XXIII; Васюткин, Калинин, 1986. Рис. 16–5]. Небольшое количество оружия с подобным оформлением рукоятей стоит связывать с тем, что традиция

помещения длинноклинкового оружия в погребения появляется у населения Прикамья в I в., в то время как мечи с кольцеобразными навершиями получили свое основное распространение в период I в. до н.э. – I в. н.э. [Хазанов, 1971. С. 11–12]. К моменту появления рассматриваемой традиции подобное оружие выходит из употребления.

Подгруппа 2. Антенновидные навершия, концы которых образуют незамкнутый овал (калачковидные навершия). На концах антенн присутствуют шишкообразные уплотнения округлой или граненой формы. Оформление наверший группы Б, подгруппы 3 позволяет предположить, что шишкообразные выступы на концах антенн могут обозначать головы змей.

Навершия подобной конструкции использовались для оформления рукоятей палашей, найденных в погр. 133, 143 Афонинского (Рис. 101–4,5), погр. 78, 79 Ныргандинского II (Рис. 101–3,2) и погр. 733 и 1317 Тарасовского могильника (Рис. 93 – 2; 101 – 1) [Зубов, 2007. Рис. 3–5,6; Одинцова, Генинг, 1969. Табл. III–9, Табл. X–2; Голдина, 2003. Табл. 329–19; 509–10]. В погр. 169 Афонинского могильника мог находиться меч с аналогичным навершием.

Прямыми аналогиями прикамским находкам подгруппы 2 являются навершия рукоятей палашей, найденных при раскопках погр. 21, 32, 43 Андреевского кургана [Зубов, 2007. Рис. 3–1,2,3,4].

Время бытования оружия с навершиями подгруппы 2 можно определить периодом I–II вв., не исключено, что отдельные образцы использовались в первой половине III в.

Подводя итоги рассмотрения особенностей наверший длинноклинкового оружия, обнаруженного на территории Прикамья, остановимся на следующих пунктах.

На основании способа крепления наверший палашей и мечей можно выделить 3 группы находок, форма и особенности материалов которых позволяет разделить их на 9 подгрупп, из которых 7 подгрупп отражают особенности оформления рукоятей мечей и 2 подгруппы принадлежат палашам.

Навершия, в отличие от перекрестий, использовались в течение всей первой половины I тыс. н. э. Выбор формы и материала наверший во многом определены не функциональными, а эстетическими или сакрально–магическими представлениями. Исключением являются находки группы Б, подгруппы 1, представляющие собой железные набалдашники.

Наиболее многочисленной группой (11 экз.) являются дискообразные навершия мечей. Сравнительно большое количество халцедоновых наверший связано с тем, что подобные изделия были широко распространены во многих регионах евразийского пространства.

3.2. Классификация перекрестий

На момент написания работы нам известно о 30 мечах и 9 палашах, рукояти которых имели перекрестия, что составляет около 25% от имеющихся находок.

Остается неизвестным, у остального оружия отсутствовали перекрестия или их аналоги были изготовлены из органических материалов. Классификацию перекрестий можно построить на основании анализа формы изделий.

Группа А. Перекрестия простой формы

К оружию, обладавшему прямыми перекрестиями, относятся 21 меч и 1 палаш, что делает данную группу находок самой многочисленной (56,4%). Распространенность прямых перекрестий стоит связывать с простотой изготовления и функциональностью изделий. В большинстве случаев в процессе изготовления перекрестиям придавали линзовидную форму в горизонтальной плоскости и прямоугольную форму в вертикальной проекции.

Наличие перекрестий наиболее характерно для оружия, использовавшегося в течение двух периодов эпохи первой половины I тыс. н. э.: период I–II вв. и период второй половины IV – начала V вв.

К I–II вв. относятся мечи, обнаруженные в погр. 346, 361 Ново–Сасыкульского (Рис. 86–2,3), погр. 26 Чегандинского II (Рис. 86–1), погр. 152

Ныргандинского II могильников [Васюткин, Калинин, 1986. Рис. 16–5,2; Генинг, 1971. Табл. XI–7; Генинг, Одинцов, 1970. С. 18]. В погр. 7 Чеганда II (Рис. 87–1) находился палаш с железной гардой [Генинг, Одинцов, 1970. Табл. XI–1]. Упомянутые погребальные комплексы, вероятнее всего, были оставлены представителями чегандинской культуры (Рис. 31).

К погребениям конца III – первой половины IV вв. относятся мечи из погр. 17 Нивского (Рис. 86–7), погр. 36 Тюм–Тюмского (Рис. 87–4; 36–1) и погр. 30 Азелинского (Рис. 87–2) могильников [Останина, 1978. Табл. V–1; Ошибкина, 2010. Рис. 10–4; Генинг, 1963. Табл. XIX–1]. Захоронения 30 и 36 относятся к комплексам представителей азелинской культуры.

Из комплексов второй половины IV – начала V вв. происходят мечи, найденные в погр. 1 кургана 22, погр. 4 кургана 24, погр. 2 В кургана 25, погр. 1 кургана 26 Бродовского (Рис. 52–1,2,3), погр. 5, 6, 7, 10, 16, 17, 160 Кудашевского (Рис. 50), кургана 4 Калашниковского могильников [Голдина, Водолаго, 1990. Табл. LII–1,2,3; Казанцева, 1990. Рис. 33,36,50; Казанцева, 1991. Рис. 22,49; Казанцева, Нагиев, 2017. Рис. 2–22]. Упомянутые захоронения принадлежат мигрантам или оставлены на территории некрополей, использовавшихся как местным, так и пришлым населением.

Частичная публикация материалов раскопок Мокинского могильника осложняет датировку погр. 81 (Рис. 86–4), содержащего в своем составе меч с прямым перекрестием. Еще один меч относится к категории подъемного материала, собранного при исследовании Красноярского могильника (Рис. 86–6) [Казанцева, 2012. Табл. 78–18].

В период I–II вв. длина перекрестий в среднем составляет 5 см, превышая ширину основания клинка на 1–2 см. Мечи конца IV–V вв. имели перекрестия длиной около 7–9 см, превышая ширину клинка на 3–4 см. Высота изделий может колебаться от 1 до 5 см.

Изучая перекрестия длинноклинкового оружия первой половины I тыс. н.э., следует обратить внимание на особенности следующих находок.

О комплектации рукоятей оружия заставляет задуматься перекрестие меча из погр. 36 могильника Тюм–Тюм, изготовленное из рога (Рис. 87–4) [Ошибкина, 2010. Рис. 10–4]. На основании азелинской находки допустимо предположить, что гораздо больше мечей, не сохранившихся до нашего времени, имело перекрестия, выполненные из органических материалов.

Представляют интерес бронзовые перекрестия погр. 5, 6, 10, 15, 160 Кудашевского могильника (Рис. 50) [Казанцева, 1990. Рис. 33,36,50; Казанцева, 1991. Рис. 22,49; Казанцева, Нагиев, 2017. Рис. 2–22]. Изделия представляют собой пластины толщиной около 1–1,5 см, длина которых варьировалась от 6,2 до 7,7 см. Длина перекрестий превышала ширину основания клинков на 1–2 см. Пластины могли быть не перекрестиями, а обкладкой нижней части деревянной рукояти. Сопоставимое конструктивное решение использовалось для комплектации рукоятей римских спат и гладиусов.

Длинноклинковое оружие, рукояти которого комплектовались прямыми перекрестиями, получило наибольшее распространение (60%) в период второй половины IV–начала V вв. Железные перекрестия оружия данного времени отличаются от перекрестий мечей I–II вв. большей длиной.

Группа Б. Перекрестия сложной формы

В период первой половины I тыс. н.э. части перекрестий 11 придавали сложную форму с целью наделить оружие большей эстетической привлекательностью, а не повысить функциональность изделий как элемента защиты руки.

Мечи с перекрестиями сложной формы происходят преимущественно из погребений, оставленных в I–II вв. К таким погребениям относятся погр. 306 Кушулевского III (Рис. 8–2), погр. 68 Камышлы–Тамакского (Рис. 89–5), погр. 260 Ново–Сасыкульского могильников (Рис. 89–3) [Агеев, Мажитов, 1985. Рис. 5–2; Зубов, Саттаров, 2014. Рис. 2–3]. В квадрате 19/С Ново–Сасыкульского могильника (Рис. 5–6) был обнаружен еще один меч, который обладал перекрестием

рассматриваемой группы (Рис. 34) [Васюткин, Калинин, 1986. Рис. 16–1,4]. Перечисленные захоронения относятся к комплексам чегандинской культуры.

К периоду второй половины IV – начала V вв. относится оружие, найденное при раскопках погр. 1 кургана 1, кургана 5 Тураевского (Рис. 49–2,4) и погр. 1 кургана 25 Бродовского могильника [Генинг, 1976. Рис. 26–13; Генинг, 1962. Рис. 30–2; Голдина, Водолаго, 1990. Табл. LI–3]. Данные захоронения, вероятнее всего, принадлежали представителям инокультурного населения.

Перекрестия мечей, обнаруженных при раскопках могильников первой группы, обладали сопоставимой формой, свидетельствующей о влиянии общей традиции или представлений. В вертикальной проекции изделия имели ромбовидную форму с клиновидным вырезом на месте вершины, прилегающей к рукояти. В горизонтальной плоскости форма перекрестий также близка к ромбовидной.

А.С. Скрипкин предположил, что для сарматских мечей с ромбовидными перекрестиями прототипами послужили перекрестия китайских бронзовых мечей эпохи Чжанго (V–III в. до н.э.). Железные мечи с подобными гардами получили распространение в эпоху Хань и Цинь (III в. до н.э.) (Рис. 111) [Скрипкин, 2000. С. 149]. С одной стороны, в западные регионы лесостепной полосы оружие с подобным оформлением рукоятей могло поступать в ходе осуществления торговых контактов. С другой – в последние века до н. э. часть кочевников вынуждена передислоцироваться от границ Китая на территорию Средней и Центральной Азии. В I–II вв. н.э. кочевники продолжают свое движение на запад, появляясь в степях Южного Предуралья и Нижнего Поволжья. Мигранты, пришедшие из азиатских регионов, принесли с собой не только интересующее нас оружие, но и инициировали процессы генезиса позднесарматской культуры [Скрипкин, 2000а. С. 27–29].

Еще одним отражением событий I–II вв. является меч, обнаруженный в погр. 260 Ново–Сасыкульского могильника, имевший перекрестие секировидной формы, выкованное из железа (Рис. 89–3) [Васюткин, Калинин, 1986. Рис. 16–1]. На лицевой стороне изделия в технике перегородчатой эмали был выполнен орнамент

в виде трехлепесткового цветка. С каждого из концов перекрестия присутствовало еще 3 лепестка. Перегородки орнамента были выполнены из белой бронзы, заполненной желтой краской или исключено, что декорированное таким необычным образом пастой [Красноперов, 2011. С. 236–237]. Не перекрестие могло быть создано восточными мастерами.

К фигурным перекрестиям поздней группы мечей относятся следующие находки. В захоронении, оставленном под курганной насыпью 5 Тураевского могильника, найден меч с железным перекрестием ромбовидной формы (Рис. 49–4). Поверхность изделия была орнаментирована растительным узором, выполненным из серебра [Генинг, 1962. Рис. 30–2]. Тураевский курган был оставлен в конце IV – начале V вв., что делает сомнительной связь происхождения железного ромбовидного перекрестия с традицией «китайских перекрестий». От «китайских» перекрестий тураевскую находку отличает отсутствие клиновидного выреза в верхней части изделия. Сочетание особенностей перекрестия и рюмкообразного навершия дают основания предполагать, что на изготовление меча, обнаруженного при раскопках кургана 5, повлияли традиции Сасанидского Ирана.

В погр. 1 кургана 1 Тураевского могильника находился меч, перекрестие которого было слегка изогнуто в сторону острия (Рис. 49–2) [Генинг, 1976. Рис. 26–13]. На концах перекрестия незначительно расширялось и имело сквозные отверстия.

Особенности некоторых фигурных перекрестий позволяют высказывать предположение о происхождении оружия или о влиянии на него традиций, существовавших в различных регионах евразийского пространства. Перекрестия сложной формы получают меньшее распространение в сравнении с находками, так как они сложнее в изготовлении, но при этом не предоставляли существенных преимуществ как защитного элемента.

Группа В. Прямые односторонние перекрестия

Перекрестия данной группы использовались исключительно для компоновки рукоятей палашей. Перекрестия изготавливались из железной пластины, которая оборачивалась вокруг пяты клинка, после чего концы пластины сваривались между собой или фиксировались при помощи заклепки.

Средняя ширина основания клинка палаша составляет 3 см, длина перекрестий колеблется в пределах 4–5 см. Соотношение параметров клинка и перекрестия ставит под сомнение высокие защитные свойства гард палашей. Возможно, на использование палашей перекрестия не оказывали существенного влияния, но их наличие требовали представления о внешнем виде оружия, сложившиеся в эпоху РЖВ.

Палаши с односторонними перекрестиями обнаружены в погр. 71, 78, 79 Ныргандинского II, погр. 733, 1317 Тарасовского, погр. 133, 143 Афонинского могильников чегандинской культуры и погр. 230 и 502 Охлебнинского могильника кара-абызской культуры (Рис. 93) [Зубов, 2007. Рис. 2–2,3; 3–5,6,4; 4–5,6; Голдина, 2003. Табл. 325–19; 509–10].

Наиболее точными аналогиями перекрестиям прикамских палашей являются гарды палашей, найденных при раскопках памятников андреевско–писеральского типа Среднего Поволжья. В Прикамье и Среднем Поволжье палаши использовались в период I–II вв. Следовательно, существование подобной формы перекрестий ограничено указанным периодом.

Основываясь на анализе форм перекрестий длинноклинкового оружия первой половины I тыс. н. э., возможно сделать следующие выводы.

Статистические данные не позволяют рассматривать перекрестия (25%) в качестве обязательного элемента компоновки рукоятей мечей. Иная картина наблюдается в случае с палашами, у которых 65% рукоятей были снабжены перекрестиями. Наличие у большинства палашей перекрестий стоит связывать не с их высокой функциональностью, а с традициями компоновки оружия, существовавшими в раннем железном веке.

В I–II вв. для мечей характерно использование перекрестий сложной формы (группа Б). В раннем железном веке мечи являлись предметом элитарной

культуры, а предметы элитарной культуры требуют более серьезного внимания к оформлению и декорированию изделий.

В III – первой половине IV вв. употребляются мечи, рукояти которых не имели металлических элементов гарнитуры рукояти. В период III – первой половине IV вв. большинство мечей не имело металлических перекрестий, что не исключает изготовления их аналогов из органических материалов. Использование перекрестий возобновляется во второй половине IV–V вв. К характерным особенностям изделий позднего периода следует отнести простоту конструкции и увеличение длины перекрестий, а значит, их физической функциональности.

Особенности перекрестий могут быть использованы для выделения конструктивно – хронологических типов мечей. Для статистического анализа достаточно учитывать сложную или простую форму изделий.

3.3. Ножны длинноклинкового оружия

Основная функция ножен заключается в обеспечении безопасного ношения клинкового оружия, но они могут выполнять и социальные функции. В зависимости от украшения изделий они могут являться элементом, подчеркивающим социальное положение владельца оружия.

В нашем распоряжении имеются сведения о фиксации фрагментов ножен у 44 мечей. Среди находок палашей нам известно об обнаружении элементов 4 ножен. Небольшое количество находок может быть связано с изготовлением большинства ножен целиком из дерева и кожи, которые могли не сохраниться. А.М. Хазановым было допущено предположение об изготовлении некоторых ножен сарматских мечей целиком из кожи [Хазанов, 1971. С. 12].

В 98 % случаев при раскопках погребений мечи были обнаружены в районе пояса умерших, то есть оружие располагалось примерно так же, как и во время ношения. Положение оружия может служить доводом в пользу помещения в погребения его в ножнах, следы которых не сохранились.

В некоторых случаях оружие помещалось в могилы вне порядка ношения. К примеру, в погр. 181 могильника Нырганда II меч был обнаружен слева от костяка лежащим вдоль левого бедра острием к стопам, а железный наконечник ножен находился в районе тазобедренных костей [Генинг, 1970. Рис. 14–3.]. Меч мог быть положен вдоль бедра, а ножны положены на тело. В погр. 27 Ошкинского могильника (Рис. 34–3) найден меч, лежащий рукоятью у левой стопы, острием в сторону головы [Лещинская, 2014. Табл. 32]. Рядом с оружием не обнаружено фрагментов ножен или металлических пряжек от перевязи или портупей.

Особенности конструкции ножен длинноклинкового оружия имеет смысл рассмотреть не в культурном, а в хронологическом контексте. Находки будут рассматриваться в соответствии с периодами, выделенными для анализа конструкции мечей.

Первый из рассматриваемых периодов приходится на I–II вв. н.э. Мечи с фрагментами ножен или их украшениями были обнаружены при раскопках погр. 26 могильника Чеганда II, погр. 608 Тарасовского могильника Генинг, 1971. С. 15; Голдина, 2004. С. 109]. Фрагменты ножен палашей выявлены в погр. 79 мог. Ныргандского II, погр. 1291 Тарасовского, погр. 143 Афонинского могильника, погр. 7 могильника Чеганда II [Одинцова, Генинг, 1970. С. 3; Голдина, 2004. С. 207; Зубов, 2007. Рис. 3–6; Генинг, 1971. Таб. XI–1].

В захоронениях 7 и 26 могильника Чеганда II были обнаружены палаш и меч ножны с металлическими обоймами (Рис. 108–1,2). Обоймы изготавливались методом литья из меди или бронзы, на тыльной стороне изделия имели вырезы. Лицевая сторона изделий украшена орнаментом, выполненным в виде треугольных вырезов [Генинг, 1971. XI–1,7]. Форма и орнаментация находок позволяет предположить, что обоймы могли быть изготовлены в одном производственном центре. На основании орнаментации В.Ф. Генинг выдвинул предположение об изготовлении оружия из погр. 7 и 26 в среде чегандинских племен. В основе предположения рассматривалось сходство орнаментации обойм ножен и поясных накладок и нагрудных блях [Генинг, 1970. С. 63]. В отношении происхождения

клинков меча и палаша вопрос остается открытым, а с предположением о местном изготовлении ножен возможно согласиться.

В захоронении 181 могильника Нырганда II был обнаружен меч, ножны которого в нижней части комплектовались железным наконечником (обоймой) [Одинцова, Генинг, 1969. С. 22]. Задача наконечника заключалась в предотвращении разрушения нижнего конца ножен от воздействия на него острия клинка.

В погр. 143 Афонинского могильника находился палаш, у которого сохранился наконечник ножен (Рис. 108–4). В отличие от других подобных находок, наконечник ножен в последней трети имеет изгиб и заканчивается каплевидным расширением [Зубов, 2007. Рис. 3–6]. Аналогичный наконечник ножен имелся у палаша, обнаруженного в погр. 32 Андреевского кургана расположенного в Среднем Поволжье [Зубов, 2007. Рис. 3–1].

Среди ножен оружия происходящего из захоронений I–II в. н.э. известны находки для комплектации, которых не использовались металлические обоймы. Подобные ножны имели мечи из погр. 156 могильника Чеганда II, погр. 608 Тарасовского могильника, палаши из погр. 79 могильника Нырганда II, погр. 1291 Тарасовского могильника [Генинг, 1971. С. 63; Голдина, 2004. С. 109; Одинцова, Генинг, 1970. С. 3]. В случае с палашом из погр. 79 могильника Нырганда II деревянные ножны были украшены круглой бронзовой бляшкой (Рис. 109–1) [Одинцова, Генинг, 1970. Табл. IV–1]. Круглой накладкой с валиком по краям, были украшены ножны меча из погр. 608 Тарасовского могильника (Рис. 109–2) [Голдина, 2003. Табл. 499–3].

Использование круглых накладок или бляшек для украшения ножен известно не только по материалам раскопок пьяноборских памятников, но и по материалам раскопок захоронений относящихся к андреевско–писеральской общности Среднего Поволжья. Примером может служить большая круглая бляха, украшавшая ножны меча, обнаруженного при раскопках погр. 1 кургана 1 Писеральского могильника [Зубов, 2011. Рис. 51].

Следует обратить внимание на ножны меча, обнаруженного в погр. 156 могильника Чеганда II. В верхней части деревянных ножен была закреплена костяная накладка в виде головы птицы [Генинг, 1970. С. 63]. В период III–IV в. в Прикамье получает распространение традиция привешивания к рукояти или верхней части ножен бусин преимущественно изготовленных из халцедона. Находка, происходящая из погр. 156, может являться свидетельством начала распространения данной традиции в нашем регионе. Или наличие костяной накладки связано с личными представлениями владельца оружия и не имеет отношения к упомянутой практике.

Следующий этап распространения мечей приходится на III в. н.э. В III в. мечи были помещены в погр. 4, 6, 446, 765А, 782, 790 Тарасовского могильника [Голдина, 2004. С. 10, 11, 85, 134, 138, 140]. Ножны мечей из погр. 4, 6, 446, 782 представляют собой деревянные футляры, для оформления которых не использовались металлические накладки, не выявлено так же и следов использования кожи.

Деревянные ножны клинка из погр. 790 окрашены в красный цвет. Окрашивание ножен не является практикой возникшей в среде населения Прикамья [Голдина, 2004. С. 140]. Данная традиция хорошо известна по материалам раскопок сарматских памятников [Хазанов, 1971. С. 12]. В нижней части ножен меча находилось бронзовое кольцо необходимое для подвешивания оружия (Рис. 109–6).

Предположительно в конце III – начале IV вв. могло быть совершено захоронение 117 Рождественского V могильника, в котором был обнаружен меч в ножнах (Рис. 39–3). Ножны представляли собой деревянный футляр, обтянутый кожей, лицевая сторона украшена бронзовыми сферическими накладками (26 экз.), идущими в один ряд вдоль всей длины изделия (Рис. 109–8). Устье ножен оформлено бронзовой пластиной, украшенной двумя рядами кружков, выполненных в технике чеканки [Старостин, 2009. Рис. 24–32А]. Если судить по наличию в захоронении фрагментов конского скелета, не исключена вероятность прямой или косвенности принадлежности владельца к группе мигрантов,

появившихся на Нижней Каме в конце III – начале IV вв. Соответственно, оформление ножен может отражать представления о внешнем виде оружия, сложившиеся в других регионах.

При раскопках Мокинского могильника была выявлена группа мечей, у которых сохранились фрагменты ножен. В погр. 98 находился меч с разрушенным клинком и навершием, изготовленным из античной фалеры (Рис. 978–8). От ножен сохранилась обкладка нижней торцевой части, изготовленная из серебряного листа, декорированного рельефным пояском с зигзагообразным орнаментом. Аналогии подобного узора есть среди вещей римского происхождения [Колобов и др., 2001. С. 104].

Серебряная обкладка ножен зафиксирована у меча из погр. 232. Оружие имело деревянные ножны, окрашенные в красный цвет, в устье которых сохранились фрагменты серебряной фольги со сложной орнаментацией в виде серебряных кругов (прикреплены с помощью штифтов) украшенных по центру концентрическими кругами из зерни. Аналогии находятся в позднесарматских памятниках. В могиле были найдены фрагменты золотой фольги, которая, по мнению авторов раскопок, являлась частью оформления ножен [Мельничук, 1995. С. 12].

В захоронениях 144, 160, 255 Мокинского могильника обнаружены мечи, у которых сохранились фрагменты деревянных ножен, окрашенные красной краской [Соболева, 1991. С. 13, 22; Мингалев, Перескоков, 2014. С. 258]. Иных элементов конструкции ножен не зафиксировано.

Следующий этап в распространении мечей на территории Прикамья связан с событиями и процессами, произошедшими в IV в. (без последней четверти века). Ножны сохранились у мечей, обнаруженных в погр. 199, 765 А, Б, 1779 Тарасовского, погр. 1, 30 Суворовского, погр. 5 Азелинского, погр. 89 Усть–Сарапульского, погр. 17 Нивского, погр. 10 Ижевского, погр. 83, 99, 115, 325, 347 Покровского, погр. 36 и 94 Тюм–Тюмского могильника [Голдина, 2004. С. 44, 134, 135, 214; Генинг, 1963. С. 109, 118, 119; Арматынская, 1986. С. 105; Останина,

1978. С. 110; Генинг, 1967. С. 133; Останин, 1992. С. 22, 23, 25, 36, 38; Ошибкина, 2010. С. 42].

Оружие, происходящее из погр. 199, 1779 Тарасовского, погр. 83, 99, 115, 325, 347 Покровского, погр. 10 Ижевского могильников имело простые деревянные ножны без следов окрашивания [Голдина, 2004. С. 44, 214; Останина, 1992. С. 22, 23, 25, 36, 38; Генинг, 1967. С. 133]. У мечей из погр. 1, 30 Суворовского и погр. 5 Азелинского могильников ножны были окрашены красной краской [Генинг, 1963. С. 109, 118, 119]. В погр. 17 Нивского могильника присутствовал меч, ножны которого были окрашены красной и зеленой краской [Останина, 1978. С. 110]. Меч из погр. 30 Суворовского могильника имел меч с медной окантовкой ножен [Генинг, 1963. С. 119]. Ножны из погр. 5 Азелинского могильника позволяют проследить один из способов крепления оружия к портупее или поясу. К ножнам крепились деревянная пластина с небольшим стержнем и кольцом, через которое продевался ремень портупей [Генинг, 1963. С. 119].

Рядом с костяком А захоронения 765 Тарасовского могильника находился меч, около которого присутствовали фрагменты бронзовых накладок, и пронизок, возможно, являвшиеся частью портупей или перевязи оружия (Рис. 109–4). Сохранился элемент крепления ножен к портупее, или поясу, представляющий собой накладку в виде двух овалов соединённых между собой перемычками [Голдина, 2004. С. 134]. К краю одного из овалов крепилось кольцо, через которое продевался ремешок являвшийся элементом подвешивания ножен. Как и в случае с ножнами меча из погр. 790 Тарасовского могильника, крепежное кольцо было необходимо для подвешивания оружия под определенным углом.

Представляют интерес ножны мечей, обнаруженные при раскопках могильника Тюм–Тюм. Среди скопления вещей в погр. 94 находился меч в деревянных ножнах, обшитых сафьяном [Ошибкина, 2010. С. 28]. Оружие из погр. 36 было помещено в деревянные ножны, обтянутые тонкой кожей, окрашенной в красный цвет (Рис. 107). Края ножен с двух сторон обшиты бронзовой полосой, укрепленной множеством круглых заклепок. Необычен факт того, что ножны находились в меховом чехле [Ошибкина, 2010. С. 14–15].

Последний из этапов распространения длинноклинового оружия на территории Прикамья, рассматриваемый в нашем исследовании приходится на последнюю четверть IV–V вв.

В последнюю четверть IV–V вв. были оставлены погр. 171, погр. 1 кургана 1, курган 5, погр. 1 Б курган 7 Тураевского, погр. 5, 8 Кудашевского, погр. 3 кургана 5 Бурковского, погр. 23 Митинского, тайник кургана 17 Старо Муштинского, погр. 1703, 1772, 1784 Тарасовского могильников [Голдина, Бернц, 2010. С. 44; Генинг, 1976. С. 60, 70, 77; Казанцева, 1990. С. 8,10; Генинг, Голдина, 1973. С. 89, 112; Сунгатов и др., 2004. Рис. 36; Голдина, 2004. С. 269, 272].

Среди рассматриваемого оружия практика окрашивания ножен в красный цвет фиксируется по ножнам мечей из погр. 1 кургана 1, погр. 1 Б кургана 7 Тураевского, погр 5, 8 Кудашевского, тайника кургана 17 Старо–Муштинского могильников. В простых деревянных ножнах находились мечи в погр. 1703, 1772, 1784 Тарасовского, погр. 3 кургана 5 Бурковского могильников. В погр. 171 Тураевского могильника присутствовал меч, устье ножен которого было укреплено бронзовой обоймой.

Из общего ряда находок выбиваются ножны меча, происходящие из погр. 5 Тураевского могильника. Ножны изготовлены из деревянных пластин, обтянутых кожей окрашенной красной краской. Верхний край ножен обтянут серебряной обоймой, ниже которой 4 ряда пирамидальных круговых узора, как и на рукояти. Серебряные элементы оформления рукояти и ножен покрыты тисненными узорами, в которых основной мотив, по мнению В.Ф. Генинга имеет южное (сасанидское ?) происхождение. По краям к пластинам обкладок припаяны серебряные жгутики с насечками, имитирующими зернь [Генинг, 1976. С. 71]. Сложность и богатство оформления ножен меча происходящего из кургана 5 Тураевского могильника, стоит связывать со статусом владельца оружия. Умерший, вероятно, являлся предводителем военного отряда появившегося в Прикамье во второй половине IV в.

При раскопках погр. 23 Митинского могильника на клинке меча были обнаружены фрагменты кожи [Генинг, Голдина, 1973. С. 112]. Не исключено, что ножны меча были изготовлены из кожи целиком.

Основываясь на выше изложенном, возможно сделать следующие выводы:

Отсутствуют принципиальные отличия в оформлении ножен мечей и палашей. Ножны длинноклинкового оружия, использовавшегося на территории Прикамья в период первой половины I тыс. н.э. преимущественно изготавливались из дерева.

Металлическая гарнитура для комплектации и оформления ножен в большей мере характерна для ножен оружия, попавшего в захоронения в I–II вв. внимание к оформлению ножен вероятно связано с представлениями эпохи РЖВ, когда большая часть крупногабаритных металлических предметов относилась к объектам элитарной, а не массовой культуры. Статусные предметы предполагают более тщательное оформление и стилизацию.

В III в. происходит упрощение в оформлении ножен мечей. Практически не фиксируется использование металлических обойм и наконечников ножен. Также исчезают бронзовые накладки, служившие украшением изделий. Исчезновение металлических украшений, вероятно, стоит связывать с распространением практики окрашивания ножен в красный цвет. На красном фоне изделия из меди или бронзы могли быть слабозаметны, поэтому в их использовании терялся смысл. Ножны мечей, используемых в период IV–V вв. продолжают развиваться в той же логике, что и ножны III в. Мечи продолжают помещать в простые деревянные ножны, поверхность которых может окрашиваться.

Основываясь на имеющихся данных, можно предположить существование следующих конструктивных групп ножен: *Группа 1* – ножны, выполненные из дерева и не имеющие металлических элементов отделки. Поверхность ножен может быть обтянута кожей или окрашена. Ножны группы 1 характерны для мечей, использовавшихся в период III–V вв. *Группа 2* – деревянные ножны, для оформления которых использовались металлические накладки. *Группа 3* – деревянные ножны, снабженные металлическими обоймами. Ножны групп 2 и 3 использовались для переноски мечей и палашей периода I–II вв.

3.4. Привески

В ходе раскопок погребальных комплексов первой половины I тыс. н.э. рядом с мечами нередко фиксируется наличие бусин.

В период III в. мечи с бусинами могли быть помещены в погр. 4 (2 шт., стекло), 6 (хрусталь, ниже пяты клинка), погр. 446 (стекло, в районе левого колена, у острия меча), погр. 782 (халцедон, у средней части рукояти) Тарасовского могильника (Рис. 106) [Голдина, 2004. С. 10, 11, 85, 138].

В IV в. (без последней четверти) мечи могли попасть в погр. 60 (халцедон, в области таза (слева), погр. 765 А (халцедон, под мечом), Б (стекло, нижняя половина меча), погр. 1685 (стекло, у пяты клинка), 1779 (раковина, у пяты клинка) Тарасовского [Голдина, 2004. С. 21, 134, 135, 246, 271]. (Рис. 106), погр. 5 (халцедон, у пяты клинка) Азелинского, погр. 1 (халцедон, у рукояти), погр. 17 (стекло, у рукояти), погр. 30 (халцедон, верхняя половина ножен) Суворовского, погр. 17 (халцедон) Нивского, погр. 19 (не указ., у рукояти), погр. 59 (не указ.), погр. 63 (не указ., верхняя половина ножен), погр. 83 (2 шт., не указ., верхняя половина ножен), погр. 261 (не указ., на костях таза), погр. 289 (халцедон, у рукояти), погр. 325 (не указ., у левого локтя) Покровского могильника [Генинг, 1963. С. 100, 109, 125; Останина, 1978. С. 104; Останина, 1992. С. 17, 22, 23, 25, 33, 34, 36; Голдина, Бернц, 2010. С. 44].

К концу IV – началу V вв. может относиться время совершения погр. 474 (стекло, в средней части обломка клинка), погр. 1703 (не опр.), 1772 (стекло, под мечом), 1784 (глиняное пряслице, у пяты клинка) Тарасовского (Рис. 106), погр. 171 (халцедон, стекло, верхняя половина), погр. 1 кургана 1 (халцедон, в средней части клинка), кургана 5 (янтарь, несколько стеклянных бусин, верхняя половина ножен), погр. 1А (янтарь, часть портупей?), Б (халцедон, несколько ниже пяты клинка) кургана 7 Тураевского, тайник кургана 17 (известняк, верхняя часть ножен) Старо–Муштинского, погр. 9 (халцедон, часть портупей) Первомайского могильников [Голдина, 2004. С. 89, 258, 269, 272; Голдина, Бернц, 2010. С. 44; Генинг, 1976. С. 60, 70, 75, 77; Сунгатов и др., 2004. С. 23; Лещинская, 2014. С. 374].

На данный момент отсутствует возможность определиться с отнесением к одному из предложенных периодов погр. 117 Рождественского V могильника, содержащего в своем составе меч, рядом с которым находилась глазчатая бусина (стекло, у устья ножен, часть перевязи меча?) [Старостин, 2009. С. 15]. В погр. 106 Мокинского могильника рядом с мечом присутствовала халцедоновая бусина [Колобов и др., 2001. С. 107]. Погребальный комплекс мог быть оставлен в традиции обезвреживания умерших и практики вторичного захоронения. В погр. 20 Суворовского могильника были обнаружены 2 стеклянные бусины, но из-за того, что захоронение было ограблено, затруднительно определить имели ли они отношение к мечу или нет [Генинг, 1963. С. 119].

В нашем исследовании учтено 34 факта обнаружения бусин имевших отношение к мечам. Для оформления оружия используется 1 бусина, случаи использования 2 и 3 бусин являются определенным исключением из правил (погр. 83 Покровский, погр. 4 Тарасовский, курган 5 Тураевский могильник) [Останина, 1992. С. 23; Голдина, 2004. С. 10; Генинг, 1976. С. 70].

Если не принимать в расчет находки, у которых не указаны материалы их изготовления и положение в погребении складывается следующая ситуация.

В выборе материала предпочтение отдается халцедону (12 случаев) и стеклу (12 случаев). Использование хрусталя, глины, известняка, створок раковин носят единичный характер.

Положение бусин определяется следующим образом: 7 бусин обнаружены в районе рукояти, 6 находок сделано около пяты клинка, рядом с верхней половиной ножен выявлено 12 бусин, 2 бусины в нижней части ножен и 5 бусин возможно рассматривать как элемент перевези или портупеи оружия.

Мечи, обнаруженные в Прикамье, адресуют нас к оружию, бытовавшему в регионах проживания представителей сарматской общности. Поэтому назначение бусин имеет смысл рассмотреть на примере версий использования подобных предметов сарматских мечей.

И. Вернер рассматривал бусы, обнаруженные рядом с мечами, как украшение ножен. Помимо эстетических моментов назначение бусин связывалось с

магическими представлениями [Werner, 1956. S. 33]. А.М. Хазанов рассматривал бусины как украшения темляков и кистей оружия [Хазанов, 1971. С. 25]. По мнению С.И. Безуглова, бусины, раковины, пронизки обнаруживаемые вблизи рукоятей мечей, имеет смысл рассматривать как фиксаторы ножен, препятствовавшие их движению по портупейному ремню [Безуглов, 2000. С. 177–178]. А.В. Симоненко, допуская возможность использования бусин для украшения темляков оружия, рассматривал использование бусин в качестве фиксаторов узелков на ремешках [Симоненко, 2010. С. 61, 67]. Как мы видим, у исследователей сарматских древностей не сложилось единого мнения относительно назначения бусин обнаруживаемых рядом с мечами.

Если рассматривать версию использования бусин в качестве фиксаторов оружия на портупее, стоит обратить внимание на наблюдения, сделанные Е.В. Голдиной и Л.И. Липиной в процессе изучения бус Тарасовского могильника. Использование бусин в качестве фиксаторов ножен слабо подтверждают иконографические материалы. Бусины различимы на ремешках, идущих от пояса к ножнам мечей воинов, на фресках, сделанных в Пянджикенте. Изображения, созданные в других регионах, не демонстрируют наличия бусин на перевязи или портупях оружия [Голдина, Липина, 2015. С. 288]. Часть бусин тарасовских мечей имеет диаметр 9–17 мм и диаметр отверстия 5–9 мм. В такое отверстие не может быть просунут ремень способный выдержать вес меча или крупного ножа. Хрупкость используемых материалов так же не свидетельствует в пользу возможности фиксировать оружие на портупее при помощи бусин [Голдина, Липина, 2015. С. 288].

В Прикамье большая часть находок бусин сделана вблизи рукояти или клинка (ножен), что снижает вероятность использования бусин в качестве фиксаторов ножен. По тем же причинам маловероятно использование бусин в качестве фиксаторов узелков на ремешках.

Имеет смысл обратить внимание на мнение И. Вернера и А.М. Хазанова, согласно которому бусины могли использоваться как украшения ножен, темляков и кистей оружия [Werner, 1956. S. 33; Хазанов, 1971. С. 25]. На основании

высказанных предположений возможно объяснить причины нахождения большинства бусин в районе рукоятей или в верхней трети ножен. Использование бусин в качестве украшений допускает использование такого хрупкого материала как стекло. Если бусины использовать не как фиксаторы, а как элементы украшений то они могут иметь небольшой диаметр отверстий.

В 99% случаев для оформления оружия используется 1 бусина, с учетом их размеров они могли быть малозаметны. Следовательно, рассматриваемая категория мало функциональна в качестве элементов декорирования оружия.

Должна быть более существенная причина существования традиции комплектования элементов клинкового оружия рассматриваемой категорией находок. Существует мнение о том, что наличие бусин отражает наличие определённых магических представлений, которые они воплощают. В поисках подобных представлений обратимся к европейским аналогиям. По наблюдениям Э. Окшотта, в захоронениях представителей германских племен эпохи Великого переселения народов рядом с мечами нередко можно встретить бусины, изготовленные из различных минералов, стекла, керамики и иных материалов. Объяснение причин использования бусин возможно найти в сагах, согласно которым привески к мечам, именуемые «камнями жизни», обладали способностью исцелять ранения [Окшотт, 2004. С. 121–122]. Сопоставимые представления могли существовать в среде населения степных и лесостепных регионов [Малых, 2006. С. 166].

На наш взгляд, именно с наличием магических представлений, а не с попытками украсить или зафиксировать оружие на портупее стоит связывать большинство находок бусин рядом с оружием [Малых, 2006. С. 166].

Стоит согласиться с мнением С.И. Безуглова, считающего, что у представителей лесных культур практика снабжения оружия бусинами появилась под влиянием традиций и представлений, существовавших в среде сарматских дружинников в период II–III вв. [Безуглов, 2000. С. 181]. В нашем регионе мечи с бусинами происходят из погребений совершенных в период III–V вв.

К сожалению, не совсем понятно, какое значение могло придавать население Прикамья рассматриваемой традиции. Оружие могло поступать с ножнами, рукоятями и портупьями, уже снабжёнными бусинами, наличие которых не придавалось особого значения. Об этом могут свидетельствовать факты обнаружения мечей при раскопках одного и того же памятника как «украшенных» бусинами, так и без них. Подобные захоронения оставлены в сопоставимый период на территории Тарасовского, Тураевского, Покровского, Рождественского V могильников. В парном захоронении 94 из 3 мечей бусину имел только 1 клинок.

Для «украшений» элементов мечей использовалась одна халцедоновая, стеклянная или янтарная бусина, что вполне позволяло местному населению воспроизводить рассматриваемую традицию. Для оформления оружия могли быть использованы бусины, входившие в состав женских украшений. К тому же имеются примеры использования материалов, к которым мазунинское население имело доступ. Для оформления мечей из погр. 1779, 1784 Тарасовского могильника было использовано глиняное пряслице и диск, вырезанный из створки моллюска [Голдина, 2004. С. 271, 272]. В тайнике кургана 17 Старо-Муштинского могильника находился меч, в оформление которого входила бусина из известняка [Сунгатов, 2004. С. 22].

Рассматриваемая категория находок, безусловно, относится к культурно-функциональному комплексу длинноклинкового оружия эпохи первой половины I тыс. н.э. Функциональное и семантическое назначение бусин обнаруженных рядом с мечами остается не совсем понятным. В Прикамье традиция использования оружия, снабженного бусинами, фиксируется по материалам погребений, оставленных в период III – конца IV – начала V вв.

Глава 4. Влияние социальных процессов на распространение длинноклинкового оружия в Прикамье в первой половине I тыс. н.э.

4.1. Социальные процессы I–II вв.

В рамках предложенной главы будут рассмотрены социальные процессы, способствовавшие распространению длинноклинкового оружия в Прикамье и отражающие особенности общественного развития местного населения.

Результаты археологических исследований свидетельствуют, что в I–II вв. н.э. у части населения Удмуртского Прикамья и севера Башкирии получила распространение практика помещения длинноклинкового оружия в состав погребального инвентаря. Мечи обнаружены в погр. 26, 33, 156 Чегандинского II (Рис. 2–2), погр. 15, 169 Афонинского, погр. 260, 264, 346, 361 Ново–Сасыкульского (Рис. 2–2), погр. 152, 181, 195, 196 Ныргандинского II (Рис. 3–2,3,4), погр. 608, 1125 Тарасовского (Рис. 2–3), погр. 66, 306 Кушулевского III могильников [Генинг, 1970. Табл. XI–7; Агеев, 1992. С. 118; Васюткин, Калинин, 1986. Рис. 16–1,3,5,2; Генинг, Одинцов, 1970. С. 18, 22, 25; Голдина, 2003. Табл. 329–19; 453–19; Агеев, Мажитов, 1985. Рис. 5–1,2].

Палаши выявлены в погр. 71, 78, 79 могильника Нырганда II (Рис. 3–1), погр. 7, 36 могильника Чеганда II, погр. 733, 1297, 1307 Тарасовского (Рис. 2–4), погр. 133, 143, 167 Афонинского, погр. 210, 230, 502 Охлебнинского могильников [Генинг, Одинцов, 1969. С. 9; Генинг, Одинцов, 1970. Табл. III–9, X–2; Голдина, 2003. Табл. 329–19; 499–3; 509–10; Зубов, 2007. Рис. 3–3,4; 4–5–7].

Появление в захоронениях статусного вооружения свидетельствует не только о притоке в регион подобных предметов, но и о существовании социальных групп, статус представителей которых позволял использовать мечи и палаши как часть погребального инвентаря.

Оружие является одним из социальных маркеров, отражающих статус своего владельца. Так, Корнелий Тацит упоминает, что древние германцы решали частные или общественные дела вооруженными. Ношение оружия для юношей становилось

возможным только после признания племенем [Тацит, 1993. С. 345]. Данный пример свидетельствует о том, что для ношения оружия нужно было не только владеть им, но и соответствовать определенным возрастным и социальным статусам.

Результаты раскопок прикамских памятников демонстрируют сопоставимые проявления возрастной дифференциации. По итогам исследований антропологических материалов Ново–Сасыкульского могильника В.В. Куфтерен пришел к выводу, что из оружия в могилы мужчин возрастом до 20 лет помещались только наконечники стрел. Мечи, боевые ножи, наконечники копий обнаружены только в захоронениях представителей более старших возрастных групп [Воробьева, 2019. С. 63].

Аспекты общественных отношений, описанные античным автором, характерны для стадии общественного развития, именуемой военной демократией. Возникает вопрос: связано ли появление длинноклинкового оружия в захоронениях с переходом части населения Прикамья к предгосударственной стадии общественного развития?

Если поднимать вопрос о возможном переходе к новой стадии общественного развития, стоит определиться с критериями, свидетельствующими об интересующих изменениях. С.А. Апатовым к признакам перехода от родовой общины к военной демократии отнесено:

- объединение отдельных племенных территорий в племенные союзы;
 - становление войны системным занятием, в ходе которого происходит захват рабов и территорий;
 - переход власти от общего собрания к военачальнику (вождю);
 - сосредоточение функций не только военачальника, но и главного судьи, жреца и иных полномочий в руках части вождей;
 - формирование военных дружин, становящихся опорой власти вождей;
 - усиление социально–экономической дифференциации внутри обществ
- [Апатов, 2019. С. 93].

Некоторые черты, характерные для военной демократии, начинают развиваться в эпоху начала освоения металлов или даже ранее. Но многим обществам объёма происходящих изменений может быть недостаточно для перехода к новой стадии развития.

Материалы раскопок памятников перовой половины I тыс. н.э. позволяют обосновать существование племенных союзов [Агеев, 1992. С. 82; Генинг, 1970. С. 137; Иванов, 1984. С. 74], присутствие социально-экономической дифференциации и следов участия местного населения в военных действиях [Генинг, 1992. С. 89; Воробьева, 2019. С. 63; Агеев, Мажитов, 1985. С. 11]. Однако без появления социальных институтов военных вождей и дружин невозможно говорить о переходе обществ к военной демократии. Существование в среде населения Прикамья данных социальных институтов могло бы объяснить причины помещения в захоронения длинноклинкового оружия. Для дружинников и вождей мечи или палаши выступали в качестве одного из индикаторов социального положения, значимость которого сохранялась и в загробном мире.

Понятие вождь эпохи военной демократии возможно определить следующим образом. *Вождь* – лицо, в той или иной мере сосредоточившее в своих руках административные, военные и иные полномочия по управлению более чем одной общиной опирающееся на поддержку лично преданных ему воинов образующих дружину.

Основываясь на инвентаре и обрядности, погребальные комплексы захоронений вождей возможно выделить по следующим критериям:

- особая планиграфия захоронений вождей и их приближенных;
- наличие надмогильных сооружений, не характерных для основной массы представителей изучаемой общности;
- повышенная трудозатратность подготовки захоронений;
- наличие импортов в составе погребального инвентаря;
- значительное количество погребального инвентаря.

Рассматривая проблемы формирования дружин, следует обратить внимание на замечание, высказанное П.С. Стефановичем: «Понятие «дружина» принадлежит

к числу тех, которые широко используются в специальной и учебно–популярной литературе, но смысл и содержание которых широки и неоднозначны» [Стефанович, 2011. С. 27]. Нередко к захоронениям дружинников относят любое погребение, содержащее предметы вооружения. Дружины не стоит путать со структурами «народа–войска», народными ополчениями и иными военизированными образованиями.

Дружина – надплеменное устойчивое объединение, специализирующееся на военной деятельности, члены которого связаны с предводителем отношениями личной преданности [Вдовиченков, 2016. С. 138].

Дружинник – это лицо, в ряде случаев вышедшее из состава рода или племени для вступления в социально–политическое образование, представленное воинским коллективом.

О существовании в древности дружин возможно судить по наличию следующих признаков:

- захоронения представителей дружины совершались на отдельных могильниках, или их комплексы были отделены от погребений остальных групп населения;
- «поголовная вооруженность» лиц, погребенных на территории «дружинных могильников»;
- выделение на «дружинных некрополях» захоронений вождей;
- выявление в антропологическом материале следов травм, которые могли быть получены в вооружённых столкновениях.

В нашем распоряжении имеются сведения о 21 захоронении I–II вв. н.э., содержащем в своем составе длинноклинковое оружие. Рассмотрим возможность выявить захоронения вождей.

Одним из важнейших критериев выделения комплексов вождей является планиграфия захоронений интересующих лиц. На определённом этапе формирования социального института вождей их власть приобретает наследственный характер, может подкрепляться религиозными и иными представлениями. Поэтому возникает необходимость дистанцироваться от рядовых

членов обществ, в том числе в погребальной обрядности. Захоронения вождей и их приближенных могут совершаться на отдельных памятниках или каким-то образом отделяться от погребений остальных представителей общества. Возможен вариант, при котором, интересующие комплексы могли занимать центральное место на некрополе.

Исследованием памятников, функционировавших в I–II вв. н.э., не выявлено могильников, в которых захоронения с мечами и палашами производились без захоронений рядовых представителей общества. Комплексы с длинноклинковым оружием никаким образом не обособлялись от остальных погребений.

Случаи соседства захоронений с мечами и палашами на территории одного памятника зафиксированы на территории могильника Чеганда II. В северо-западной части некрополя были оставлены погр. 7, 26, 33, 36 и 156 [Генинг, 1971. Рис. 2]. По наблюдениям Б.Б. Агеева, на территории Камышлы–Тамакского могильника все захоронения с оружием сосредоточены в северо-западной части памятника [Агеев, 1992. С. 97]. На Кушулевском III могильнике погребальные комплексы с наконечниками копий, боевыми ножами, удилами, наконечниками стрел равномерно распределяются по всей территории памятника. И только в северо-западной части некрополя сосредоточены погр. 306, 304, 347, 352, содержащие богатые наборы вооружения, в том числе меч (погр. 306) [Овсянников, 1994. С. 64–65].

Следует согласиться с В.В. Овсянниковым, считающим, что материалы раскопок памятников пьяноборского периода не дают оснований для выделения группы дружинников или вождей, противопоставляющих себя родовой организации. Мужчины, погребенные вместе с оружием, органично вписывались в структуру рода [Овсянников, 1994. С. 64–65]. Определенную концентрацию захоронений с предметами вооружения стоит связывать с принадлежностью мужчин к семьям или родам, обладавшим большим благосостоянием по сравнению с другими семьями или по каким-либо причинам более тесно связанным с военным делом.

Не зафиксировано следов сооружения над захоронениями с длинноклинковым оружием в I–II вв. надмогильных сооружений, которые должны были подчеркнуть социальный статус умершего.

Обратимся к трудозатратности подготовки захоронений. Большинство индивидуальных захоронений совершены в ямах объёмом 0,7–1 м³ (от 0,44 до 2,1 м³). Средний объём извлеченного грунта при рытье могил для лиц, погребаемых с длинноклинковым оружием, составляет около 1,1 м³. Объём интересующих захоронений, в целом, соответствует объёму большинства мужских могил того времени. Из общего ряда несколько выбиваются погр. 1125 Тарасовского и погр. 156 Чегандинского могильников, объёмы которых составляли 2,1 м³ [Голдина, 2004. Табл. Б; Генинг, 1971. С. 63].

В период I–II вв. в Прикамье отсутствовала практика повышенной трудозатратности совершения захоронений лиц, погребаемых с длинноклинковым оружием.

В погребениях с длинноклинковым оружием среднее количество категорий находок составляет 6 единиц (от 3 до 9), а количество находок составляет 12 единиц (от 3 до 40). Захоронением с самым многочисленным инвентарем является погр. 79 могильника Нырганда II, в котором обнаружено 40 предметов [Генинг, 1970. С. 3]. Однако большинство находок (31 ед.) представляют собой медные или бронзовые бляшки.

Количество категорий инвентаря, выявленного при раскопках погребений вышеупомянутых могильников без длинноклинкового оружия, варьируется в пределах 1–3 единиц, а среднее количество находок колеблется от 1 до 5. Большую часть захоронений с мечами или палашами можно отнести к категории богатых для своего времени, но количество погребального инвентаря не превышает на несколько порядков тот объём предметов, что помещался в могилы рядовых представителей древних обществ.

В рассматриваемый период совершались и более богатые захоронения. При раскопках погр. 15, принадлежащего женщине, могильника Чеганда II зафиксировано наличие 385 предметов. Среди находок отдельно стоит отметить

наличие золоченых бусин, 4 серебряных нагрудных блях, 15 серебряных трапециевидных подвесок [Генинг, 1971. С. 11–12].

Среди интересующих мужских захоронений предметы из драгоценных металлов обнаружены только в погр. 33 могильника Чеганда II. На фрагменте деревянных ножен меча была закреплена серебряная накладка, у левой ноги расчищена серебряная бляшка [Генинг, 1971. С. 15].

Импорты преимущественно представлены длинноклинковым оружием и элементами конской упряжи. Например, в погр. 156 могильника Чеганда II находились удила с двусторонними железными слегка гранёными псалиями, расширенными у концов. Сопоставимые по форме удила обнаружены в ходе раскопок кургана 46 у станицы Тифлисской [Генинг, 1970. С. 83–84]. В качестве примеров импортов возможно привести стеклянные бусы и металлические элементы костюма, но их количество невелико.

На основании анализа особенностей захоронений с длинноклинковым оружием можно сделать вывод: в период I–II вв. в среде населения Прикамья не сформировался социальный институт вождей. Безусловно, в среде местного населения присутствовали лица, осуществлявшие руководящие функции, в том числе военные. Но их деятельность могла носить не постоянный характер, и основываться на личных заслугах и опыте, а не принадлежности к социальным институтам.

Для предгосударственной стадии общественного развития характерно возникновение не только института военных вождей, но и дружин. Имеются ли основания считать лица, погребенные с длинноклинковым оружием, представителями военных дружин, существовавших на территории Прикамья?

Как уже отмечалось выше, планиграфия могильников не свидетельствует о выделении из состава родов и общин лиц, погребенных с мечами или палашами. Не выявлено памятников, на которых основная часть мужчин была бы погребена с предметами вооружения.

Если обратиться к предметам вооружения, попавшим в могилы, получаем следующую картину. В погребениях отсутствуют находки защитного вооружения

и топоров; наконечники копий обнаружены только в погр. 66 и 306 Кушулевского III и погр. 1125 Тарасовского могильников [Агеев, Мажитов, 1985. С. 10,16; Голдина, 2004. С. 187]. Наконечники стрел выявлены в погр. 66 и 306 Кушулевского III и погр. 7, 26, 33, 36, 156 Чегандинского II могильников [Агеев, Мажитов, 1985. С. 10, 16; Генинг, 1971. С. 9, 15, 24]. Ножи или кинжалы присутствуют

во всех могилах, за исключением погр. 733А Тарасовского и погр. 71, 78, 181, 196 Нырландинского II могильников [Голдина, 2004. С. 134; Генинг, Одинцов, 1970. С. 2, 3, 20, 25].

Определенный комплекс вооружения можно проследить в трех случаях. В погр. 1125 Тарасовского могильника мужчину сопровождали меч, копье и нож [Голдина, 2004. С. 187]. Совокупность предметов вполне достаточная для участия в военных действиях. Более сложный набор демонстрируют комплексы Кушулевского III могильника. В погр. 66 были помещены меч, копье, нож, 8 железных наконечников стрел. В погр. 306 находились меч, копье, нож, кинжал, 7 наконечников стрел, изготовленных из бронзы или железа [Агеев, Мажитов, 1985. С. 10,16].

Особенности комплектования погребального инвентаря захоронений с длинноклинковым оружием возможно объяснить через предположение, высказанное В.В. Овсянниковым. Изучая воинские погребения ананьинского периода, исследователь высказал следующее предположение: «Предметы, символизирующие ранг рассматриваемой категории погребенных, с точки зрения их сородичей, по возможности должны быть импортными. Вероятно, предметы, изготовленные в собственной среде, не обладали для древних должным престижем» [Овсянников, 1994. С. 56].

В начале первой половины I тыс. н.э. у населения Прикамья могли сохраняться аналогичные представления. В интересующих захоронениях из предметов импорта преимущественно встречаются мечи, элементы конской сбруи. Эти предметы в большей мере отражают статус (ранг) умершего, нежели комплекс его вооружения. Не исключено, что многие из таковых находок попали в могилы,

потому что являюсь импортами, полученными в ситуациях, влияющих на статус умерших.

На основании материалов захоронений, оставленных в I–II вв. н.э., отсутствуют основания предполагать существование в среде населения Прикамья военных дружин, структура которых соответствовала бы социальному институту, возникающему на предгосударственной стадии общественного развития. У местного населения существовали военные структуры обеспечивающие безопасность обществ, но их деятельность носила непостоянный характер. Подобные структуры включали в свой состав основную часть свободных мужчин, а не отдельных лиц решивших связать свою жизнь с военным ремеслом.

Возможно, главная причина того не произошло формирование социального института дружин заключается в недостаточном экономическом развитии местного населения: не достигнут тот уровень развития экономики, который бы позволил содержать военные формирования на постоянной основе.

На социальные изменения и появление инноваций в материальной культуре могут оказывать влияние внешние контакты изучаемого населения. Прикамские образцы длинноклинкового оружия имеют многочисленные аналогии среди подобных находок, сделанных в других регионах. Возможно, рассмотрение особенностей интересующих находок позволит пролить свет на их происхождение и причины помещения в захоронения.

В погр. 68 Камышлы–Тамакского (Рис. 8–3), погр. 8 Кипчаковского I, погр. 306 Кушулевского III (Рис. 8–2) могильников и подъемном материале Ново–Сасыкульского могильника (кв. 19/С) (Рис. 5–2) обнаружены мечи, имеющие дальневосточные прототипы [Зубов, Саттаров, 2014. Рис. 2–3,3; Агеев, Мажитов, 1985. Рис. 5–2]. Оружие имело бронзовые или железные перекрестия ромбической формы с прямоугольным вырезом в верхней части и клиновидным выступом в нижней. Прототипами ромбовидных перекрестий могли быть перекрестия китайских бронзовых мечей эпохи Чжаньго (Рис. 110) [Скрипкин, 2000. С. 152].

Представляет интерес навершие меча из погр. 26 могильника Чеганда II (Рис. 7–1; 98–4) [Генинг, 1971. Таб. 11]. Рукоять оружия была снабжена навершием

цилиндрической формы с закрытым раструбом. Цилиндрические навершия характерны для оформления бронзовых мечей заключительного периода существования царств Чуьню и Чжаньго (VIII–V в. до н.э.) [Зубов, Саттаров, 2014. С. 317]. На территории Китая подобные навершия мечей использовались как минимум до эпохи Цинь [Попов, 2001. С. 37].

В погр. 608, 1125 Тарасовского (Рис. 2–3; 9–1,2), погр. 66 Кушулевского III (Рис. 8–1) и погр. 264 Ново–Сасыкульского (Рис. 5–3) могильников, погр. 156 мог. Чеганда II (Рис. 7–2) обнаружены мечи, имевшие подтреугольную форму перехода от клинка к хвостовику (тип 2 по Хазанову) [Голдина, 2004. Таб. 257–15; 453–19; Агеев, Мажитов, 1985. Рис. 5–1; Васюткин, Калинин, 1986. Рис. 16–3; Генинг, 1970. С. 63].

Как и в предшествующем случае, происхождение мечей без металлических наверший и перекрестий могло быть связано с восточными регионами евразийского пространства. А.М. Хазанов допускал, что на процессы генезиса подобного оружия могло оказывать влияние население Сибири и Средней Азии [Хазанов, 1971. С. 20]. С.И. Безуглов связывает происхождение мечей с подтреугольным основанием со среднеазиатскими прототипами [Безуглов, 2000. С. 169–193].

Распространение мечей, имеющих дальневосточные и среднеазиатские прототипы, возможно рассматривать как отражение значимых исторических событий. По мнению А.С. Скрипкина, в конце I – начале II вв. происходит отток части кочевого населения из Средней Азии в Южное Приуралье и Нижнее Поволжье, что могло быть спровоцировано укреплением Кушанского царства. На основе пришлого ираноязычного и местного сарматского конгломератов племен в Заволжье происходит формирование позднесарматской общности [Скрипкин, 1976. С. 10]. Предки части мигрантов могли быть связаны с юэчжами, отступившими под ударами хунну в Среднюю Азию в середине II в. до н.э. [Скрипкин, 1982. С. 18].

Контакты с кочевниками среднеазиатского происхождения, обосновавшимися в Приуральских степях в I–II вв., могли стать каналом, по которому длинноклинковое оружие попадало к населению Прикамья.

В наличии торговых контактов между населением Прикамья и Предуралья не приходится сомневаться. При этом низка вероятность получения основной массы мечей в результате торговли с кочевниками.

Номады импортировали многие предметы вооружения и иные металлические изделия, так как при кочевом образе жизни сложно наладить металлообрабатывающее производство. Ограниченность количества мечей, находящихся во владении сармат сопредельных с Прикамьем регионов, возможно проиллюстрировать на основании следующего примера. При раскопках памятников Южного Предуралья, функционировавших в II–III вв., обнаружено порядка 40 мечей. Из прикамских захоронений I–II вв. происходит 38 мечей и палашей [Малашев, 2013. С. 88]. Население южных районов Прикамья использовало в своей погребальной обрядности такое же количество длинноклинкового оружия, что и сарматы Предуралья.

Ключом к пониманию одного из механизмов поступления к населению Прикамья мечей может являться предположение В.В. Ставицкого. По мнению исследователя, античные фибулы, обнаруженные при раскопках Ново–Сасыкульского могильника, не получены в ходе торговых контактов, а являются трофеями, принесенными в Прикамье вместе с одеждой [Ставицкий, 2013. С. 127].

Появление части мечей и иных импортов в Прикамье могло быть связано с военной активностью местного населения, представленной дальними военными походами, в течение которых могла происходить интеграция в состав военных формирований, существовавших в других регионах. В ходе подобных контактов могло приобретаться не только оружие, но и представления, а также практики, с ним связанные. Участие в военных действиях и дальних походах может быть связано не только с материальными, но и с социальными интересами.

Если пользоваться классификацией, предложенной М. Фридом, то население Прикамья в первой половине I тыс. н.э. могло находиться на стадии ранжированного общества. *Ранжированное общество* – это общество, в котором, в отличие от эгалитарного, произошел переход от стадии наличия незначительного различия в имущественном и социальном положении, к стадии,

когда в обществе присутствует имущественное и статусное неравенство [Fried, 1967. С. 717].

В подобных обществах принадлежность к определенному социальному рангу обуславливалась не происхождением, а физическими и профессиональными качествами индивидуума, его личными заслугами, например, воинской славой [Медведев, 2002. С. 105]. На данном этапе большинство захоронений рядовых представителей общества и престижные захоронения оставлены на территории одних семейно-родовых могильников. Погребения лиц с различным статусом соседствуют в границах одних погребальных групп.

А.Н. Гей в работе, посвященной описанию новотиторовской археологической культуры эпохи бронзы, ввел понятие «ситуативное ранжирование». Рассматривая проблему появления захоронений «воинов-колесничих», он не причисляет их погребения к комплексам аристократии. Исследователь определяет колесничих как представителей военизированных структур, возникших при наличии повышенной военной опасности или дальних миграций. В условиях отсутствия угроз подобные структуры деградируют. Исчезают лица, чей статус необходимо обозначать наличием в захоронениях колесниц и иных престижных предметов [Гей, 1991. С. 66].

Для «ситуационного ранжирования» необходимы определенные условия и ситуации, позволяющие индивиду проявить свои навыки и приобрести определенный социальный статус. В случае отсутствия необходимых условий в регионе своего проживания небольшие группы мужчин могли искать таковые за его пределами.

А.В. Симоненко отмечает, что находки ранних образцов мечей с перекрестиями, имеющих дальневосточные прототипы, в основном совершены на территории Приуралья и Поволжья и отсутствуют в Северном Причерноморье и на Нижнем Дону [Симоненко, 2010. С. 55].

Принимая во внимание географическое положение Прикамья, допустимо предположение, что контакты местного населения могли быть связаны с кочевниками Южного Предуралья и деятельностью их военных формирований.

У мигрантов, появившихся в европейских степях в конце I – начале II вв. н.э., вполне могла существовать потребность в союзниках, необходимых для борьбы за сферы влияния. В I–II в. н.э. произошло много крупных конфликтов с участием сармат. В первой половине I в. благоприятным для наемничества конфликтом являлась борьба за обладание Боспорским царством между Котисом и Митридатом VIII. В период 166–180 гг. благоприятные условия для дальних военных походов создавала Маркоманская война. Данные военные конфликты создавали условия для дальних военных походов, но у нас нет доказательств участия в них населения Прикамья.

Дальние военные походы местного населения в I–II вв. могли опираться на аналогичный опыт предшествующих периодов. В IV–II вв. до н.э. был оставлен ряд погребений, содержащих комплексы вооружения, характерные для представителей прохоровской культуры [Овсянников, 1994. С. 56].

Примером подобных комплексов может служить погр. 1 Ново–Уфимского могильника, содержащее в своем составе меч, 40 бронзовых наконечников стрел, бронзовую гривну, обернутую золотой фольгой. Из разрушенного захоронения того же могильника происходят железный меч, золотая гривна, бронзовые наконечники стрел [Овсянников, 1994. С. 56].

В обществах, в которых на положение их представителей влияло ситуационное ранжирование, а не происхождение, дальние военные походы могли играть роль социальных лифтов. На наш взгляд, версия получения основного объёма мечей в ходе военных акций местного населения за пределами Прикамья лучше объясняет причины помещения в захоронения длинноклинкового оружия, нежели предположение о получении подобного оружия в результате торговых контактов. Подобную торговлю не подтверждают материалы большинства культур, соседствовавших с кочевниками как в ранне и среднесарматский периоды, так и в эпоху позднесарматской культуры.

Для военных акций местного населения имелись благоприятные условия, связанные не только с наличием крупных военных конфликтов за пределами Прикамья, но и со стабильной ситуацией внутри региона. В I–II вв. н.э. крупными

группами мигрантов не предпринимаются попытки закрепиться на территории Прикамья. На рубеже эр происходит запустение Приуральских степей, вызванное уходом части кочевников на запад [Иванов, 1984. С. 75]. Стабильная военная обстановка позволяла небольшим группам мужчин время от времени уходить за пределы региона.

Дальние военные походы могли способствовать приобретению, как самих мечей, так и заимствованию представлений с ними связанных. Приобретению статусов позволяющих помещать в захоронения некоторых лиц длинноклинковое оружие. Стоит понимать, что мечи и палаши могли помещаться не только в могилы участников подобных военных акций, но и лиц приобретших необходимые статусы иными путями в результате деятельности осуществляемой на территории региона своего проживания. Распространение практики помещения в захоронения длинноклинкового оружия стоит связывать не только с внешними заимствованиями, но и с влиянием местных традиций и представлений.

Вполне возможно, что не все мечи были получены в результате как трофеи в дальних военных походах. Отдельные экземпляры могли быть получены в ходе торгово–культурных контактов или являлись продукцией местных мастеров копировавших импортные образцы.

Возможное участие в представителях местного населения в военных конфликтах за пределами региона своего проживания не приводит к значимым изменениям в социальной структуре или военной организации изучаемых обществ в период I–II в. н.э.

4.2. Социальные процессы III – первой половины IV вв.

В III в. происходят изменения в географии распространения длинноклинкового оружия на территории Прикамья, прекращают функционировать многие могильники и поселения, находившиеся на землях левобережья р. Камы, и появляются новые памятники правобережья. В данный период практика помещения мечей в захоронения присутствует только у населения

правобережья. Происходящие изменения вероятно связаны с процессами передислокацией групп местного населения.

Причины подобной передислокации не совсем ясны. По мнению Г.И. Матвеевой, движение готов в Причерноморье вызвало переселение части представителей пшеворской и зарубинецкой культур в Среднее Поволжье и Приуралье, что заставило фино–угорское население во II–III вв. сместиться на территорию Среднего Прикамья [Матвеева, 1986. С. 163–164]. В.Ф. Генинг предполагал, что причина ухода части пьяноборских племен на север связана с движением на запад угорского населения, вызванным деятельностью гуннов [Генинг, 1963. С. 14–18]. Возможно, причины начала миграции крылись в климатических изменениях или иных факторах.

Археологическими методами удастся зафиксировать передислокации групп населения, но не всегда получается выявить причины рассматриваемых событий. События, вызвавшие передислокацию групп прикамского населения в III в., до сих пор относятся к числу дискуссионных.

События первой половины III в. могли привести к усложнению военной обстановки в связи с передислокацией групп населения, закреплением на новых территориях и причинами начала миграции. Совокупность данных факторов создавала благоприятные условия для ситуационного ранжирования, но не привела к появлению в Прикамье значимого количества захоронений с длинноклинковым оружием. Для появления подобных комплексов важное значение могут иметь наличие стабильной обстановки в регионе и возможность осуществлять внешние контакты, в том числе представленные дальними военными походами.

Не все группы прикамского населения в первой половине III в. прекратили помещать в могилы длинноклинковое оружие. В погр. 131 А и 446 Тарасовского могильника (Рис. 24–5, 8) были помещены мечи [Голдина, 2004. С. 32,85].

Мечи из погр. 131А и погр. 446 Тарасовского могильника можно рассматривать как свидетельство продолжения внешних контактов частью населения Прикамья. В I–II вв. преимущественно использовались мечи с коротким клинком (до 61,2 см) и рукоятями, имевшими перекрестия (конструктивно–

хронологический тип 1). В первой половине III в. в захоронениях появилось оружие с длиной клинка от 80 до 102 см и без перекрестий (конструктивно-хронологический тип 2) [Малых, Шмуратко, 2019. С. 138]. С.И. Безуглов рассматривает длинные сарматские мечи II–III вв. как северо-западную группу азиатского оружия, распространенного в Средней и Центральной Азии, Переднем и Дальнем Востоке [Безуглов, 1998. С. 88]. Изменение конструкции и параметров мечей свидетельствует о новом притоке длинноклинкового оружия в регион.

Общины, оставившие Тарасовский могильник в первой половине III вв., могли сохранить контакты с населением Южного Предуралья, при посредничестве которого приобреталось оружие среднеазиатского происхождения.

Если поднимать вопрос погребальной обрядности лиц, в чьи могилы в первой половине III в. были помещены мечи, получаем следующую картину. Мужчины, умершие в возрасте 20–30 (погр. 131 А) и 30–35 лет (погр. 446), были погребены в могильных ямах объёмом около 2 м³. Из предметов вооружения в обоих захоронениях присутствуют только мечи и ножи. Количество категорий находок также невелико (5 и 6 единиц) [Голдина, 2004. С. 32, 85]. Захоронения с мечами первой половины III в. в целом соответствуют традициям, существовавшим в I–II вв.

События второй половины III – начала IV вв. приводят к появлению мечей в захоронениях в тех частях Прикамья, в которых они ранее отсутствовали. При раскопках памятников Волго-Вятского междуречья мечи были обнаружены в погр. 27 Ошкинского (Рис. 34–3), погр. 5 Азелинского (Рис. 37–5), погр. 1, 17, 20, 30 Суворовского (Рис. 37–1,2), погр. 17, 23, 36, 44 Усть-Брыскинского, погр. 75, 117 Рождественского V (Рис. 34–1), погр. 19 Нармонского могильников [Лещинская, 2014. С. 166–167; Генинг, 1963. С. 109, 118, 125; Матвеев, 2013. Рис. 9–3–6; Старостин, 2009. Рис. 16–6; Овчинников, Рис. 12–1]. Причины появления данной группы нами будут анализироваться в следующей главе.

В период конца III – начала IV вв. население Верхнего Прикамья стало использовать мечи как часть погребального инвентаря, о чем свидетельствуют погр. 98, 105 Мокинского могильника [Перескоков, 2013. Рис. 86].

При раскопках памятников Среднего Прикамья в погр. 4, 6, 782, 790 Тарасовского могильника найдены мечи (Рис. 18–4,2; 19–2), оставленные, предположительно, во второй половине III в. [Голдина, Перевошиков, 2017. Рис. 1–9–12]. К периоду конца III – начала IV вв. может быть отнесено совершение погр. 16, 17 Нивского и погр. 89, 104, 105 Усть–Сарапульского могильников.

Погребения, оставленные во второй половине III – начале IV вв., интересны не только наличием мечей, но и появлением защитного вооружения. В ходе раскопок могильников, относимых к мазунинской культуре, в погр. 6 и 782 Тарасовского, погр. 10 и 80 Нивского могильников были обнаружены шлемы [Голдина, 2004. С. 11, 138; Останина, 1978. С. 111–112].

Материалы раскопок мазунинских памятников не свидетельствуют о появлении групп инокультурного населения в Среднем Прикамье во второй половине III – первой половине IV вв. Как и в предшествующий период, мужчины, погребённые с мечами, были захоронены в могильных ямах простой формы, над которыми не совершалось курганных насыпей. В положении тел и погребальном инвентаре отсутствуют признаки, ставящие под сомнение принадлежность умерших к носителям мазунинской культуры.

Если сравнивать захоронения со статусным вооружением второй половины III – первой IV вв. с аналогичными комплексами I – первой половины III вв., получаем следующую картину.

В I – первой половине III вв. средний объём извлеченного грунта при рытье могил Тарасовского могильника составлял около 1,3 м³ (от 0,44 до 2,12 м³), а позднее данный показатель составил 2,5 м³ (от 1,25 до 4,9 м³). Увеличение трудозатратности подготовки захоронений могло быть связано не только с изменением социальных представлений, но и с совершенствованием орудий труда, применяемых для земляных работ.

Обращает на себя внимание погр. 790 Тарасовского могильника, объём которого составил около 4,9 м³ [Голдина, 2004. С. 138]. Четырехкратное превышение объёма могильной ямы могло быть связано со стремлением

подчеркнуть социальный статус умершего. Следует отметить, что захоронение принадлежит мужчине, умершему в возрасте 20–25 лет.

В период I–первой половины III вв. в захоронения с длинноклинковым оружием в среднем помещали около 13 предметов (5 категорий находок), в более поздних комплексах среднее количество находок составляет 33 единицы (9 категорий находок). Захоронением с самым многочисленным инвентарем является погр. 782, содержащее 80 предметов (14 категорий). Стоит отметить, что 33 предмета являются элементами пояса [Голдина, 2004. С. 138].

Захоронения с мечами других мазунинских могильников демонстрируют иную картину. Среднее количество находок в 11 погребениях Покровского могильника составляет 10 единиц (5 категорий). В 3 захоронениях Усть–Сарапульского могильника среднее количество находок составило 5 единиц (4 категории предметов).

Вызывают интерес импорты, попавшие в погребения Тарасовского могильника во второй половине III – начале IV вв. В погр. 782 найден меч (Рис. 102) с длинной клинка 102 см и шириной 3,2 см, навершием которому служил халцедоновый диск [Голдина, 2004. Табл. 341–38]. Важно отметить, что оружие изготовлено из заэвтектоидной стали [Перевошиков, Малых, 2014. С. 19].

Аналогией мечу из погр. 782 является находка, происходящая из кургана 37 группы VI Лебедевского могильника. В сарматском захоронении находился меч, откованный из заэвтектоидной стали, с длинной клинка 100 см и шириной 3,5 см. Как и в случае с тарасовской находкой, навершие оружия представляло собой халцедоновый диск [Мошкова, Демиденко, 2010. С. 254].

Для своего времени оба меча не являются рядовыми изделиями, так как изготовлены из заэвтектоидной (литой, тигельной) стали. До начала эпохи развитого средневековья технологиями производства подобного сорта стали владели немногочисленные представители ремесленных центров Ближнего Востока, Центрально – и Юго–Восточной Азии [Завьялов и др., 2009. С. 110].

Оружие из погр. 782 – не единственная находка, изготовленная из литой стали, выявленная при изучении материалов Тарасовского могильника.

Исследованиями С.Е. Перовщикова установлено, что из заэвтектоидной стали были откованы обломки мечей, обнаруженные в погр. 1737 и среди подъёмного материала [Перовщиков, Малых, 2014. С. 19].

Помимо мечей, из статусного вооружения в захоронениях второй половины III в. Тарасовского могильника присутствуют шлемы. В погр. 6 обнаружен шлем, конструкция которого может быть отнесена к сегментной (по Матвееву, тип I) или к сегментно–пластинчатой (по Зубову и Радюш) группе [Матвеев, 2014. С. 361, Рис. 2; Зубов, Радюш, 2014. С. 102]. Находка имеет полусферическую форму, купол собран из прямоугольных и трапециевидных железных пластин различного размера. К нижнему краю шлема при помощи шарниров крепилось лицевое покрытие, представленное двумя нащечниками. Для дополнительной защиты лица изделие было снабжено наносником (Рис. 128–2). Предполагаемый диаметр шлема составлял примерно 19,5 см, высота – около 13,5 см [Голдина, 2004. Табл. 4–17].

В Прикамье при раскопках синхронных Тарасовскому могильнику памятников сегментные шлемы обнаружены в составе инвентаря погр. 88 Худяковского, погр. 20, 30 Суворовского, погр. 117, 235 Рождественского V могильников (Рис. 127–1,2). По форме находка из погр. 6 близка к шлемам, обнаруженным вблизи городов Будапешт, Дерне, Концешти [Лещинская, 2014. Табл. 142–1; Генинг, 1963. С. 70, Рис. 37–1; Старостин, 2009. С. 15; Негин, 2007. Рис. 3–4, 7, 8]. Европейские находки от прикамской отличаются наличием гребня, элемента защиты шеи, богатством декорирования.

О происхождении сегментных шлемов высказываются различные точки зрения. С.Э. Зубов и О.А. Радюш считают подобные находки итогом развития римских традиций защитного вооружения [Зубов, Радюш, 2014. С. 102]. По мнению Р.В. Матвеева, сегментные шлемы развивались на основе каркасных шлемов, бытовавших в Парфии и Кушане, и впоследствии были заимствованы сарматами, под влиянием которых они поступили на вооружение частей римской армии [Матвеев, 2014. С. 360].

Возникает вопрос: каким образом были получены рассматриваемые импорты, и по каким причинам они были использованы как часть погребального инвентаря?

Если рассматривать версию контактов с представителями торговых или ремесленных центров Причерноморья и Азии, необходимо принимать, что местному населению было сложно предложить какие-либо материальные ценности в обмен на статусное вооружение. Представители культур лесных зон не могли предоставить зерно в объёмах, необходимых населению указанных регионов. Для поставок зерна в товарных объёмах мазунинское население должно было быть знакомо с пашенным земледелием, что не подтверждается археологическими находками. На территории Удмуртского Прикамья самые ранние находки наконечников пахотных орудий относятся к IX–XI вв. [Малых, 2022. С. 137].

Население Прикамья не могло конкурировать с кочевниками в поставках продуктов животноводства или рабов. В регионах Причерноморья и в Римской империи отсутствует значительная потребность в мехах, которые могло предложить население лесных регионов в обмен на ремесленную продукцию. Интерес к мехам у населения регионов Востока начинает формироваться в V–VI вв. [Казанский, 2010. С. 19–20].

Географическая близость Прикамья к степям Южного Приуралья и Нижнего Поволжья позволяет предположить, что вооружение могло быть получено в ходе торговых контактов с сарматами. В III в. в среде воинской верхушки населения Волго–Донского междуречья выработалась мода на престижные предметы ременной гарнитуры, центры производства которой могли находиться на территории Волго–Камья [Малашев, 2014. С. 136]. При раскопках сарматских захоронений нередко встречаются однолучковые фибулы с широкораскованной орнаментированной ножкой, центры производства которых могли находиться в лесных районах Приуралья (Рис. 125) [Малашев, 2014. С. 133].

Для сармат многие металлические предметы являлись объектами импорта. Вызывает сомнение, что номады стали бы обменивать статусное вооружение на поясную гранитуру. Вооружение для кочевников является востребованной и

иногда дефицитной категорией предметов материальной культуры [Малых, 2022. С.137]. Подобное предположение можно подтвердить тем, что при раскопках памятников II–IV вв. в Нижнего Поволжья и второй половины II–III в Южном Предуралье не зафиксировано находок защитного вооружения [Кривошеев, 2007. С. 65; Малашев, 2013. С. 88]. По мнению В.Ю. Малашева, у сармат Южного Приуралья из предметов вооружения, помимо мечей, высокий социальный статус умерших подчеркивали два топора и один наконечник копья, обнаруженные в курганах 1 и 2 могильника Лебедевка [Малашев, 2013. С. 90–91].

Для сармат нерентабельно вести торговлю статусного вооружения с населением лесных регионов еще и потому, что они для кочевников потенциально могли стать объектом набегов. Взаимоотношение кочевников с населением лесных зон можно проиллюстрировать следующим примером. С.В. Воронятов и В.Е. Еременко выдвинули предположение о том, что в I в. н.э. прекращение функционирования зарубинецких памятников на территории Среднего Приднестровья связано с принудительным переселением в Подесенье и Южное Побужье. Переселение было вызвано поражением в столкновениях с сарматами и попаданием в определенную зависимость от них. Постзарубинецкое население было вынуждено выплачивать сарматам дань в виде металлургического сырья [Воронятов, Еременко, 2013. С. 57–58].

Не в пользу торговли населения Прикамья с сарматами предметами вооружения свидетельствует следующая ситуация. По мнению В.Ю. Малашева, события середины III в. привели к разрыву контактов кочевников Южного Предуралья с такими производственными центрами как Танаис и исчезновению устойчивых контактов с западными соседями [Малашев, 2014. С. 136].

Рассматривая погребальные комплексы с мечами второй половины III в., следует обратиться к результатам антропологических исследований. В погр. 4 Тарасовского могильника был захоронен мужчина, умерший в возрасте 25–35 лет. В погр. 6 находился мужчина, возраст которого определен в пределах 17–20 лет. Возраст мужчин из погр. 782 и 790 определяется в пределах 18–20 и 20–25 лет [Голдина, 2004. С. 10, 138, 140].

Богатство инвентаря погр. 6 и 782, повышенная трудозатратность подготовки погр. 790 позволяют предполагать, что мужчины обладали высоким социальным статусом и благосостоянием, несмотря на свой юный возраст [Малых, 2022. С. 138].

Возраст умерших и наличие в их захоронениях предметов вооружения позволяют предполагать, что смерть мужчин могла быть связана с травмами, полученными во время участия в военных действиях. Военные действия, вероятно, стали основанием «ситуативного ранжирования», которое обеспечило молодым людям высокий социальный статус, достаточный для помещения в их могилы не только мечей, но и предметов защитного вооружения [Малых, 2022. С. 139].

Появление в Прикамье очередной группы престижных воинских захоронений по времени совпадает с событиями, затронувшими население многих регионов евразийского пространства.

В III в. таким событием являлась Скифская война (Готская война) – военный конфликт, развернувшийся на территории Малой Азии, Фракии, Северного Причерноморья, Прикарпатья, Пиренейского и Апеннинского полуостровов в промежуток между 238–271 гг. [Ременников, 1957. С. 3–7; Лавров, 2003. С. 333]. Согласно античным источникам, одной из сторон конфликта являлась Римская империя, против которой выступали племена готов, борадов, гревтунгов, тервингов, визигов, гепидов, герулов, вандалов, тайфалов, астрингов, бастарнов, певкинов, карпов, а также другие народы и племенные группы [Лавров, 2003. С. 333].

Рассматривая события Скифской войны, В.В. Лавров предположил следующее: «Действия племен в составе военных союзов должны были способствовать формированию надплеменных организаций, без которых вряд ли было бы возможно эффективное ведение военных действий на римской территории» [Лавров, 2003. С. 334].

Другими словами, события Скифской войны создавали благоприятные условия для создания военных союзов, включающих представителей различных племен, этносов, заинтересованных в захвате материальных ценностей. Набеги на

римские территории приводили к появлению в варварской среде значительного количества импортов, происхождение которых сложно объяснить наличием торговых контактов [Малых, 2022. С. 138].

Если население Удмуртского Прикамья в III в. осуществляло дальние военные походы, то они могли совершаться в составе военных формирований сармат, контакты с которыми могли быть налажены в предшествующий период. Статусное вооружение, попавшее в погр. 6, 782 и 790 Тарасовского могильника, могло являться трофеями или частью снабжения союзных войск [Малых, 2022. С. 141].

Если поднимать вопрос о появлении в регионе импортов, которые могли являться трофеями эпохи Скифской войны, стоит обратить внимание на следующие находки.

В частично разграбленном погр. 1679 Тарасовского могильника обнаружены две железные крицы, еще одна крица присутствовала в погр. 782 [Перевощиков, Сабиров, 2014. С. 72–73]. Находки имеют стандартную форму, представляющую собой «вогнутую лепешку» диаметром от 15 до 18 см. Вес крицы из погр. 782 составлял 5, 2 кг, из погр. 1679 – 5 и 5, 1 кг (Рис. 121) [Перевощиков, Сабиров, 2014. С. 72].

В металле крицы из погр. 1679 выявлено наличие никеля (0,14%), не относящегося к числу примесей, характерных для руд, добываемых на территории Прикамья. С.Е. Перевощиков и Т.М. Сабирова высказали предположение о том, что крица была выплавлена в регионах, расположенных к западу от Прикамья [Перевощиков, Сабиров, 2014. С. 73].

В погр. 1679 сохранился слиток латуни. По мнению С.Е. Перевощикова, существовавшие в древности способы производства латуни были слишком технологически сложны для прикамских мастеров. Ближайшим регионом, из которого могла поступать латунь, является Причерноморье. В Боспорском царстве при царе Рескупориде I часть монет чеканилась из аурихалка (разновидность «золотоподобной» латуни), поступавшего с территории Римской империи [Виноградов, Горончаровский, 2008. С. 273–274]. С продукцией античных

ремесленных центров слиток из погр. 1679 сближает вес, равный трем римским фунтам (980 гр.). Металл определен как золотоподобная латунь (аурихалк) [Перевошиков, Сабиров, 2014. С. 75]. Слиток латуни следует отнести к объектам импорта, или же импортами являлись предметы, пошедшие на его выплавку.

Крицы и слитки латуни не были единственными металлургическими полуфабрикатами, обнаруженными при раскопках памятников Удмуртского Прикамья. В погр. 156, 238, 335, 1850 Тарасовского могильника были найдены бронзовые дроты (Рис. 126 –1,2,3) [Голдина, 2003. С. 36, 50, 66, 81]. В погр. 92, 185, 199, 231, 289 Покровского могильника обнаружены слитки бронзы [Останина, 1992. С. 13].

На причины помещения в захоронения металлургических полуфабрикатов может пролить свет предположение А.Г. Мухамадиева, согласно которому подобные полуфабрикаты являлись аналогами денежных единиц [Мухамадиев, 1990. С. 66].

Металлургические полуфабрикаты, выполняющие функции денег, могли обладать достаточной престижностью для помещения в воинские захоронения. Особенно если данные предметы являлись трофеями, принесенными из других регионов.

В Прикамье известны не только аналоги денег, но и находки самих монет. При исследовании Ижевского и Рождественского V могильников обнаружены монеты императоров III в. Александра Севера (222–235 гг.) и Максимилиана I (285–305 гг.), использовавшиеся в качестве подвесок [Зыков, 2011. С. 73; Кропоткин, 1984. С. 139, 141].

Тарасовский могильник не единственный из памятников мазунинской культуры, в захоронения которого во второй половине III начале IV вв. были помещены шлемы. В погр. 10 и 80 Нивского могильника были обнаружены шлемы ажурной конструкции [Останина, 1978. С. 111–112]. В погр. 80 находился шлем высотой 16 см и диаметром 21 см, собранный из 32 Y – пластин различной длины, крепящихся при помощи медных заклепок на каркас, собранный из двух дуг. В верхней части изделия раздвоенные концы полос образовывали многолучевую

розетку. Наличие в нижней части обода железной петли и присутствие в могиле железных и медных изогнутых пластинок позволяют допустить предположение о наличии у шлема подобия бармицы [Голдина, Волков, 2000. Рис. 18–1,2]. Шлем из погр. 10 имеет существенные повреждения, не позволяющие точно определить его первоначальную форму, однако не исключено, что он имел конструкцию, аналогичную с конструкцией находки из погр. 80.

А.В. Симоненко при анализе шлемов сарматского времени отнес находку из погр. 80 Нивского могильника к группе каркасных боевых наголовий [Симоненко, 2014. Рис. 18,19]. Каркасные шлемы происходят преимущественно из захоронений, оставленных на территории Северного Кавказа (курган 13 мог. Кишпек, погр. 1, 6, 8, 10 мог. у хут. Городского) [Симоненко, 2014. С. 271]. Наиболее точной аналогией является ажурный (каркасный) шлем, обнаруженный в кургане 6 у ст. Тбилисской, также изготовленный из Y – образных полос, но не железных, а бронзовых [Ждановский, 1984. Рис. 1–41].

Шлем из погр. 80 возможно рассматривать как еще одно свидетельство получения сарматами и населением Прикамья статусного вооружения из общих источников.

Для лучшего понимания ситуации обратимся к проблемам социально–экономической дифференциации населения, оставившего Нивский могильник. Нивский могильник функционировал в течение III–V вв.; при его раскопках исследовано 156 захоронений. По расчетам Т.И. Останиной, число одновременно живущих взрослых колебалось в пределах 15–25 человек [Останина, 1997. С. 127]. Погребальные комплексы данного могильника возможно разделить на следующие группы. *Группа 1* – образована комплексами, содержащими 1 категорию находок, чаще всего представленную ножом или украшением (92 захоронения, 53,5%). *Группа 2* – состоит из комплексов, содержащих 2–5 категорий находок (орудие труда + украшение, пояс + украшение + нож). Подобных погребений выделено 65, что составляет 37,8% от всех исследованных комплексов. *Группа 3* – захоронения 5 мужчин, в которых присутствовали крупногабаритные железные изделия. В двух

захоронениях (погр. 16, 17) находились мечи, в двух комплексах топоры, и в погр. 80 присутствовал шлем [Останина, 1997. С. 127–128].

Население, оставившее Нивский могильник, не было многочисленным и не демонстрирует наличия большого количества материальных ценностей. Вызывает сомнения предположение о том, что данное население имело возможность приобретения оружия по торговым каналам – оно скорее поступало по каналам военным [Малых, 2022. С. 140].

Рассматривая проблему появления шлемов в мазунинских захоронениях, можно провести аналогию с событиями, происходившими в сарматской среде. Основная масса сарматских захоронений с боевыми наголовьями оставлена в II–I вв. до н.э.. М.Б. Щукин предположил, что шлемы попали к кочевникам после перевооружения Митридатом IV своих войск. «Морально устаревшее вооружение» могло быть передано союзниками, которыми выступали кочевники [Симоненко, 2010. С. 146–147]. Появление у сармат большой партии вооружения без значительных экономических затрат с их стороны и участие в войнах делают более понятными причины его наличия в могилах. Население Среднего Прикамья могло получить шлемы сопоставимым способом – в качестве снабжения союзников.

В конце III – начале IV вв. вооружение, адресующее нас к юго–западным регионам, присутствует не только в захоронениях Тарасовского и Нивского могильников, но и в погребениях Усть–Сарапульского могильника. В погр. 89, 104, 105 данного памятника были обнаружены мечи [Арматынская, 1986. Рис. 6–19]. Особый интерес представляет меч из погр. 89, навершием которому служил халцедоновый диск со спиралевидным орнаментом, вырезанным на его поверхности [Арматынская, 1986. Рис. 5–26].

Большинство халцедоновых наверший не имело орнаментации из–за сложности обработки минерала, обусловленной его высокой твёрдостью. За пределами Прикамья аналогией навершия оружия из погр. 89 может являться халцедоновый диск с вихреобразной розеттой, служивший навершием мечу из погр. 1 кургана 10 могильника Высочино–I [Трейстер, 2019. Рис. 1,6,7]. По мнению М.Ю. Трейстера, полусферические или сегментовидные навершия мечей,

украшенные вихреобразными розеттами, происходящие из захоронений Нижнего Дона, могли являться продукцией ремесленников Боспора [Трејстер, 2019. С. 571].

Использование халцедона для изготовления наверший оружия является отражением престижной моды, существовавшей в кочевой среде в период II – первой половины III вв. [Безуглов, 2000. С. 173–174]. А.М. Хазанов отмечал редкость у сармат мечей с навершиями, изготовленными из полудрагоценных камней [Хазанов, 1971. С. 16]. В захоронениях Нижнего Подонья обнаружено 6 наверший мечей, в Волго–Донском междуречье 3 экземпляра. В Нижнем Заволжье 5 подобных находок, в Прикубанье 2 навершия. Наибольшее количество интересующих находок происходит из погребений, оставленных на территории Южного Приуралья и Зауралья (20 экз.) [Трејсер, 2018. С. 141].

Навершия из полудрагоценных камней являются элементами оформления престижной воинской экипировки, редкими для представителей элит сарматских обществ. Появление у населения Прикамья аналогичного оружия стоит рассматривать как результат более сложных взаимоотношений с кочевниками, чем торговые контакты.

Рассматривая версию притока военных трофеев, стоит обратить внимание на навершие меча из погр. 98 Мокинского могильника Верхнего Прикамья. Навершие рукояти меча выполнено из халцедоновой фалеры, на которой могло быть изображено лицо младшего брата императора Гая Калигулы. По мнению О.Я. Неверова, фалера была медалью римского легионера или знаком отличия центуриона [Колобов и др., 2001. С. 103–105].

В III – начале IV вв. в распоряжении представителей мазунинской и гляденовской культур находилось богато оформленное оружие, которое могло появиться в Прикамье не в результате торговых контактов и не как имущество мигрантов, а в качестве трофеев дальних военных походов. К сожалению, невозможно установить, совершались военные походы гляденовцами самостоятельно или в союзе с представителями иных общностей Прикамья.

Возможное участие немногочисленных групп прикамского населения в крупном военном конфликте могло способствовать притоку в регион импортов,

обеспечить участникам высокие социальные статусы, но не привело к формированию в регионе социальных институтов вождей и дружин. Причины этого могли быть связаны не только с недостаточным экономическим развитием, но и с тем, что военные формирования, с которыми были связаны представители населения Прикамья, не были организованы по искомым принципам.

На появление в среде мазунинского населения статусного вооружения влияние могли оказать события, связанные с появлением в конце III – начале IV вв. в Волго–Вятском междуречье мигрантов, оказавших влияние на генезис азелинской культуры.

Население Среднего Прикамья продолжает помещать в захоронения мечи и в первой половине IV в. Интересующие комплексы демонстрируют упрощение погребального обряда в сравнении с аналогичными погребениями второй половины III в. В первой половине IV в. в могилы больше не помещают шлемы, из предметов вооружения, кроме мечей и ножей (кинжалов), в инвентаре присутствуют наконечники стрел (погр. 16 Ижевского и погр. 241 Тарасовского мог.). Своего рода инновацией стало появление в захоронениях топоров (погр. 289 и 325 Покровского мог.) [Останина, 1992. С. 34,36; Генинг, 1967. С. 134; Голдина, 2004. С. 51]. Количество обнаруженных в погребениях предметов в среднем составляет 15 единиц. Средний объём могильных ям составлял около 2 м³.

Сокращение объёмов вооружения, ставшего частью погребального инвентаря, вероятно, связано с целым рядом причин. В первой половине IV в. военная активность местного населения могла не приводить к появлению у мазунинского населения большого количества трофеев.

Начиная с середины II–IV вв. у кочевников Нижнего Поволжья происходит сокращение количества вооружения, использованного в погребальном инвентаре. По подсчетам М.В. Кривошеева, к данному периоду относится 15,5% погребений с оружием, в то время как в период второй половины II – первой половины III вв. таких комплексов насчитывается 37%. Из предметов вооружения в нижневолжских захоронениях преимущественно встречаются мечи и кинжалы [Кривошеев, 2007. С. 65, 69]. Население Прикамья заимствовало определенные элементы воинской

субкультуры у сармат, в том числе связанные с погребальной обрядностью. Возможно, вышеописанная тенденция нашла свое отражение в представлениях мазунинского населения.

Несмотря на все изменения, в первой половине IV в. в среде населения Удмуртского Прикамья присутствовали лица, чей статус позволял помещать в их захоронения длинноклинковое оружие. Местное население могло сохранять внешние контакты, в том числе связанные с участием в военных акциях, осуществляемых за пределами Прикамья.

События первой половины IV вв. не привели к формированию в Прикамье социального института дружин или вождей. Однако в регионе могли существовать иные общественные структуры, способствовавшие распространению длинноклинкового оружия в среде местного населения.

4.3. Мужские союзы и возрастные структуры.

В древности военные угрозы носили постоянный характер, оказывая существенное влияние на жизнь обществ и их социальную структуру. Отражение военных угроз, набеги, освоение новых территорий и удержание уже освоенных могли быть важной частью экономики и благополучия общества. Для реализации данных задач должны были существовать соответствующие общественные структуры.

В первой половине I тыс. н.э. подобные задачи могли решать общественные структуры, именуемые мужскими союзами или молодежными союзами. Понятие мужской союз возможно определить как общественный институт, возникший в эпоху первобытнообщинного строя и основанный на гендерно–возрастном делении, содействующий изменению и закреплению статусов и ролей лиц мужского пола, а также организации их социальной деятельности.

Деятельность мужских союзов была основана на таких ключевых понятиях для древних обществ как пол и возраст, определяющих совокупность прав и обязанностей человека [Кривошеев, 2007. С. 65, 69]. Если пол был моментом

неизменным, то с возрастом менялось социальное положение человека. Переход из одного возрастного класса мог быть связан с необходимостью прохождения определенных процедур, требующих демонстрации физических навыков претендентов. Одной из важнейших процедур ранжированных обществ являлся обряд инициации, проходивший под контролем мужских союзов.

У многих народов процесс инициации строился по следующей схеме: выделение иницируемых из состава общества, прохождение ими обучения в молодежных союзах, итоговые испытания и, наконец, возвращение в состав своего племени со сменой возрастного класса [Вдовиченков, 2013. С. 183]. Подготовка могла проходить на границах племенной территории, где молодежь занималась охотой, грабительскими набегами, охраной земель [Вдовиченков, 2013. С. 183]. Таким образом, часть юношей приобретала необходимые навыки.

Проведение подобного обучения и организация многих сторон ритуальной и общественной жизни мужчин могли являться одними из функций мужских союзов. Представители мужских союзов могли организовывать военные акции, в том числе дальние военные походы, необходимые для демонстрации молодежью своих способностей и навыков, завоевания воинской славы или улучшения своего благосостояния.

К возможности существования у населения Прикамья в первой половине I тыс. н.э. подобного социального института необходимо относиться с изрядной долей осторожности. Мужские союзы могли возникнуть еще в каменном веке, но фиксация их существования во многом возможна на основании данных письменных источников и этнографических материалов. Как это произошло в случае с дорийскими городами – государствами [Андреев, 2004].

Письменных источников, описывающих население Прикамья в первой половине I тыс. н.э., не известно. Учитывая многочисленные миграции и подвижки населения, происходившие во второй половине I–II тыс. н.э., сложно утверждать, что этнографические материалы, отражающие специфику социальной структуры удмуртов или коми, в полной мере применимы для характеристики общественных отношений населения первой половины I тыс. н.э. Критерии выделения

молодежных союзов на основании археологических материалов, если такое возможно, на сегодняшний день не сформулированы. Поэтому по данной проблеме ограничимся общими суждениями.

Многие захоронения с предметами статусного вооружения, определяемые как дружинные комплексы, на самом деле могли принадлежать представителям мужских союзов. Тем из них, что были связаны с военным делом более тесно, чем большинство рядовых членов общества. Подобная путаница связана с тем, что мужские союзы являлись генетическими предшественниками дружин [Лисюченко, 2009. С. 23]. Поэтому часть погребальных практик могла переходить от одного объединения к другому.

Мужские союзы в древности существовали не только у населения Прикамья, но и у сармат. По мнению М.А. Балабановой, «К III–IV вв. н.э. формируется аланский союз, который первоначально был организован по типу мужских союзов с резко милитаризированной направленностью, включающий иноплеменный состав. Название «аланы», в ранний период их истории, обозначало название мужского военного союза, воинских дружин, а позднее трансформировалось в этноним» [Балабанова, 2003. С. 75].

Возможно, многие известные нам племена или союзы племен кочевников, описанные в античных источниках, на самом деле являются мужскими союзами или являлись таковыми на первых порах.

Сарматы время от времени могли направлять активную часть молодых и зрелых мужчин на свою защиту, в наем или в грабительский набег [Балабанова, 2009. С. 86]. Подобные практики могли существовать и у части населения Прикамья, являясь механизмом не только общения, но и разрешения социальных конфликтов и противоречий, возникающих внутри обществ в результате противостояния различных возрастных групп. Для реализации своих военных акций, номады могли привлекать союзников, в том числе часть оседлого население лесных регионов.

Участие местного населения в военных акциях сармат могло приводить как к организационным, так и к культурным заимствованиям. К таким заимствованиям

могут быть отнесены практики и представления, связанные с использованием длинноклинкового оружия. Мужские союзы могли являться средой, в которой данные представления накапливались, культивировались и транслировались другим представителям населения региона.

Если поднимать вопросы половозрастных структур, необходимо обратиться к имеющимся антропологическим данным. В нашем распоряжении имеются сведения о возрасте 37 мужчин, захоронённых вместе с длинноклинковым оружием. Это составляет 22% от числа всех известных нам погребальных комплексов с мечами и палашами. Возраст смерти интересующих лиц варьировался в пределах от 6–7 до 45–55 лет. Комплексы, вошедшие в выборку, принадлежали носителям чегандинской (3 погр.) и мазунинской культур (28 погр.) и представителям азелинской общности (6 погр.).

На наш взгляд, имеет смысл выделить три возрастные группы. *Группа 1* – сформирована лицами, умершими в возрасте от 14–18 до 30 лет (молодые воины). *Группа 2* – представлена мужчинами, возраст смерти которых пришелся на 30–40 лет (опытные воины). *Группа 3* – объединяет мужчин, которым на момент смерти было от 3 –40 до 55 лет (престарелые воины).

В группу 1 мы не включили два детских захоронения ввиду того, что физическое развитие умерших не позволяло эффективно участвовать в вооруженных столкновениях. Меч присутствовал в погр. 21 Дубровского могильника, принадлежавшем мальчику 6–7 лет [Черных, 2010. С. 209]. Вторым детским комплексом является погр. 1779 Тарасовского могильника, в котором захоронен мальчик возрастом 11–12 лет [Голдина, 2004. С. 271]. Данные захоронения являются скорее исключением, нежели тенденцией.

К группе 1 относится 15 комплексов, что составляет 42,8% от имеющейся выборки. Из них 6 погребений принадлежат мужчинам, умершим в возрастной промежуток от 14 до 20 лет. Группа 2 представлена 9 комплексами, что составляет 25,7% захоронений. В группу 3 входит 11 погребальных комплексов с мечами и палашами (31,4%). Захоронения 2 и 3 групп демонстрируют, что мечи помещались

в погребения не только молодых воинов, но и представителей более старших возрастных групп.

Защитное вооружение преимущественно присутствует в захоронениях лиц, умерших в возрасте от 14 до 30 лет. Доспехи представлены находками 4 шлемов (погр. 6, 782, 1685 Тарасовского мог., погр. 30 Азелинского мог.) и 1 панциря (погр. 1685 Тарасовского мог.) [Голдина, 2004. С. 21, 138, 305; Генинг, 1963. С. 109]. Шлемы присутствуют в 26,6% погребений своей группы, а защита для торса в 0,6% погребений. В комплексах других возрастных групп шлем присутствовал только в погр. 9 Первомайского могильника, принадлежавшем мужчине возрастом 35–45 лет [Лещинская, 2014. С. 65].

В 35 захоронениях обнаружено 7 наконечников копий. Наибольшее их количество (5 ед.) было помещено в комплексы группы 1, а 2 копия сопровождало пожилых воинов. Топоры присутствуют в погребениях каждой группы в количестве двух находок. Если сравнивать трудозатратность подготовки могил, получаем, что средний объём извлеченного грунта для погребения мужчин в возрасте от 14–18 до 30 лет оставил 4,15 м³ (от 0,9 до 17,6 м³). Для захоронения мужчин, умерших в период от 30 до 40 лет, в среднем извлекалось 2 м³ земли (от 1,38 до 2,59 м³). Объём могил лиц старше 40 лет составлял около 1,98 м³ (от 0,84 до 2,8 м³).

В оседлых обществах мужчины в возрасте от 14–18 до 30 лет, вероятно, должны обладать меньшим социальным статусом, чем лица от 30 до 55 лет. Но часть захоронений группы 1 в сравнении с группами 2 и 3 демонстрируют наличие большего количества статусных элементов, прежде всего, представленных повышенной трудозатратностью подготовки могильных ям и использования защитного вооружения в качестве части погребального инвентаря. Учитывая возраст лиц, образовавших группу 1, допустимо предположение, что причины данного противоречия могут быть связаны с гибелью молодых мужчин в военных действиях.

Вероятно, обстоятельства смерти оказывали влияние на состав инвентаря и иные аспекты погребальной обрядности не меньше, чем социальные статусы умерших.

В этой связи стоит обратить внимание на следующий момент. На основании анализа материалов раскопок Азелинского и Суворовского могильников, В.Ф. Генинг предпринял попытку описать военную организацию азелинских племен. Автор выделял захоронения военных вождей, к которым отнесены погр. 5 Азелинского, погр. 1, 20, 27, 30 Суворовского могильников. Для вождей характерно наличие меча, копья, топора, стрел, кинжала или ножа в сочетании с защитным вооружением, а также богато украшенной уздечки и поясного набора [Генинг, 1963. С. 75]. Следующую группу составляли младшие военачальники или выдающиеся воины (погр. 10, 17, 29 Суворовского мог.). В могилы помещали меч или копье, топор, наконечники стрел, кинжал или нож, иногда уздечку. Поясной набор оформлен гораздо беднее, чем у представителей предшествующей группы [Генинг, 1963. С. 76]. Последнюю группу составляли мужчины, которые занимались военным делом в крайнем случае, вероятно, для защиты своих поселков (погр. 2, 12, 13 Азелинского, погр. 2, 15, 24 Суворовского мог.). В захоронения представителей данной группы помещался топор, реже добавлялось несколько наконечников стрел [Генинг, 1963. С. 75].

Вполне возможно, часть захоронений, по богатству инвентаря и разнообразию вооружения причисляемая к комплексам вождей, на самом деле принадлежала не лицам, осуществляющим руководящие функции, а участникам удачных дальних походов. Или лицам обстоятельства смерти которых повышали их статус в глазах представителей своих сообществ.

Данные антропологических исследований демонстрируют, что у населения Прикамья и сармат различалась часть возрастных практик. Мужчины возрастом 40–55 лет могли обладать опытом и необходимыми знаниями, но не всегда могли принимать участие в военных действиях. В силу своего физического состояния. Но их социальный статус позволял помещать в захоронения предметы статусного вооружения. Захоронения молодых и более опытных воинов совершались на

территории одних некрополей. Лица, погребаемые вместе с мечами, в течение всей жизни являлись частью рода, не противопоставляя себя ему.

У сармат, по замечанию римского историка, фиксируется обратная ситуация. «Счастливым у них считается тот, кто умирает в бою, а те, что доживают до старости и умирают естественной смертью, преследуются у них жесточайшими насмешками как выродки и трусы» [Аммиан Марцеллин, 1996. С. 25]. По мнению М.А. Балобановой, описываемая практика может найти свое подтверждение на основе археологических материалов. Малое количество захоронений, содержащих предметы вооружения и иные статусные вещи, в нижневолжских степях связано с передислокаций туда мужчин, которые уже не могли участвовать в дальних военных походах. Богатство воинских погребений, оставленных на Нижнем Дону, объясняется дислокацией наиболее боеспособной части дружины в данной части степей [Балабанова, 2003. С. 73].

Подводя итоги рассмотрению влияния социальных процессов на распространение длинноклинкового оружия в Прикамье, остановимся на следующих моментах. Если основываться на погребальном инвентаре, можно утверждать, что мечи и палаши получают распространение в регионе, начиная с I–II вв. н.э. В погребальной обрядности захоронений I – первой половины IV вв. не происходит изменений, свидетельствующих об интеграции в среду местного населения мигрантов. Соответственно, причины появления интересующих находок стоит искать в специфике деятельности местного населения. Поступление значимых объёмов статусного вооружения по торговым каналам нам кажется маловероятным.

Один из важнейших каналов поступления в регион мечей связан с наличием внешних контактов, преимущественно связанных с взаимодействием с кочевым населением сопредельных с Прикамьем степных регионов. Часть местного населения могла принимать участие в военных акциях сармат. Для дальних военных походов благоприятные условия создавало появление в степях Южного Предуралья кочевников, пришедших из регионов Средней и Центральной Азии в связи с событиями «Скифской войны», а также иные события.

Участие в военных акциях позволяло получать мечи в качестве трофеев или предметов снабжения союзных войск и создавало условия для ситуативного ранжирования, основанного на использовании физических способностей и навыков. Наличие в захоронениях длинноклинкового оружия могло отражать статусы, полученные в том числе в военных походах. Структурой, способствующей как организации военных акций, так и распространению воинской субкультуры, могли являться мужские союзы, являющиеся предтечей военных дружин. Организация дальних военных походов происходила не на постоянной основе, а при наличии благоприятных внутренних и внешних условий. Между подобными акциями могли проходить десятилетия.

Глава 5. Влияние миграционных процессов на распространение длинноклинкового оружия в первой половине I тыс. н. э. в Прикамье

5.1. Миграционные процессы I–II вв. н.э.

Появление в захоронениях длинноклинкового оружия можно рассматривать как одно из отражений развития не только социально–экономических, но и миграционных процессов.

Среди находок, происходящих из погребений I–II вв., привлекают внимание палаши, поскольку являются видом оружия, не характерным для данного периода. Палаши обнаружены в составе инвентаря погр. 71, 78, 79 Ныргандинского II (Рис. 3–1), погр. 7, 36 Чеганда II, погр. 733, 1297, 1307 Тарасовского (Рис. 2–4), погр. 133, 143, 167 Афонинского, погр. 210, 230, 502 Охлебнинского могильников [Одинцова, Генинг 1969. С. 9; Одинцов, Генинг, 1970. С. 2,3; Одинцова, Генинг 1969. С. 9; Одинцов, Генинг, 1970. С. 2, 3; Голдина, 2003. Табл. 329–19; 499–3; 509–10; Агеев, 1992. С. 118; Зубов, 2007. Рис. 4–5,6,7].

Данные захоронения не имеют отличий от обрядности остальных погребений памятников, на которых они были оставлены, и с высокой долей вероятности принадлежат представителям местного населения.

Представители культур населения Прикамья активно заимствовали образцы вооружения у кочевников приуральских и поволжских степей, однако у сармат отсутствуют палаши. В ходе раскопок сарматских памятников оружие с длинным однолезвийным клинком было найдено в погр. 4 кургана 13 могильника Старые Киешки и погр. 1 кургана 9 могильника Альмухаметово [Садыков, 1962. Табл. VI–8; Пшеничнюк, 1983. Табл. XXIII–3].

Маловероятно, что контакты с кочевниками западной части евразийских степей способствовали получению населением Прикамья подобного оружия. Отсутствуют основания считать, что подобный вид вооружения возник в среде местного населения [Малых, 2019а. С. 180].

В сопредельных регионах в начале нашей эры палаши получили распространение у населения андреевско–писеральской общности Среднего Поволжья (Рис. 81). Палаши, обнаруженные при раскопках андреевских памятников, являются точными аналогиями прикамским находкам. Аналогии позволяют поднять вопрос о едином источнике поступления интересующего оружия. Понимание причин появления палашей у населения Среднего Поволжья, возможно, позволит выявить события, способствовавшие появлению палашей в Прикамье [Малых, 2019а. С. 180].

К памятникам андреевско–писеральского типа относятся Андреевский I курган, Староардановский I курган, Писеральский курганный могильник, Климкинский курганный могильник, Пильнинский I и II грунтовые могильники, расположенные на территории Окско–Сурского междуречья [Зубов и др., 2011. С. 13].

Наличие курганных насыпей, комплексов защитного и наступательного вооружения, захоронения «рабов», фрагментов костяка лошади позволяет предполагать проникновение в Среднее Поволжье групп инокультурного населения.

П.Д. Степанов рассматривал появление андреевских курганов как результат взаимодействия представителей городецкой, пьяноборской и сарматской культур [Степанов, 1980. С. 46–47]. Г.И. Матвеева выступила сторонником западного импульса, связывая формирование андреевских памятников с процессами интеграции в Среднее Поволжье пьяноборских и городецких племен при участии пшеворско–зарубинецких компонентов [Матвеева, 1986. С. 160]. А.Х. Халиков предположил, что возникновение курганно–грунтовых могильников Среднего Поволжья связано с включением в местную среду представителей позднесарматской, пьяноборской и южносибирской общностей [Халиков, 1987. С. 15–16].

По мнению В.В. Гришакова и С.Э. Зубова, процесс генезиса андреевской общности стоит рассматривать как итог взаимодействия пьяноборского и

зауральского населения, подчинившего себе часть племен Среднего Поволжья [Гришаков, Зубов, 2009. С. 86–88].

Основываясь на версиях культурной принадлежности мигрантов, возможно выдвинуть ряд предположений о происхождении палашей.

Палаши в Среднем Поволжье могли появиться вместе с сарматами. Как уже отмечалось выше, сарматы не использовали длинные однолезвийные клинки. Маловероятно, что источником палашей для населения Поволжья или Прикамья являлись номады [Малых, 2019а. С. 181].

Второе предположение основано на гипотезе о проникновении в Среднее Поволжье групп населения западного происхождения. И.В. Нефедов высказал предположение о связи происхождения палашей с провинциально–римскими культурами Восточной Европы [Нефедов, 2004. С. 12]. Выводы основаны на сравнении форм наверший палашей с валютообразными навершиями мечей, найденных на территории Римской империи и ее периферии [Нефедов, 2004. С. 12]. На основании сопоставимости форм наверший сложно утверждать, что происхождение палашей связано с регионами римской периферии [Малых, 2019а. С. 181].

Последняя версия связана с предположением о проникновении в Поволжье групп зауральского населения. На наш взгляд, В.В. Гришаков и С.Э. Зубов привели обоснованные доводы в поддержку идеи появления в Окско–Сурском междуречье групп мигрантов, связанных с культурами населения Сибири [Гришаков, Зубов, 2009. С. 86–88].

В период РЖВ палаши хорошо известны по материалам кокэльской, верхнеобской, таштыкской, кулайской, берельской культур [Худяков, 1986. С. 79,80,100,119,120]. В.П. Никоноров и С.Ю. Худяков предположили, что палаши получили распространение на территории Сибири во время военных походов хунну [Никоноров, Худяков, 2004. С. 82–91]. Палаши использовались противниками хунну – племенами сяньби, оказывавшими влияние на комплекс вооружения представителей кок–пашской, кокэльской, улуг–хемской и в меньшей

мере таштыкской культур [Худяков, Су-Хуа Юй, 2000. С. 45–46; Никоноров, Худяков, 2004. С. 92–93].

Учитывая степень распространения интересующего оружия в среде населения Сибири и практически полное его отсутствие в большинстве регионов западной части лесостепной полосы, допустимо предположение, что в Поволжье палаши могли быть принесены мигрантами, пришедшими скорее с востока, чем с запада [Малых, 2019а. С. 181].

С.Э. Зубов пошел несколько дальше в интерпретации происхождения части андреевско–писеральского населения. Им высказано предположение о проникновении в Окско–Сурское междуречье военного отряда, а не группы с различным половозрастным составом [Зубов, 2007. С. 111].

Принадлежность умерших к военным формированиям лучше объясняет причины присутствия в погребениях большого количества оружия, таких специфических черт погребальной обрядности как захоронения «рабов», совершенные в одной могиле с «воином», наличие амулетов, сделанных из человеческих костей. Рассматриваемая группа, возможно, представляет из себя не просто военный отряд, а дружину. Дружина в процессе своего движения могла включать в свой состав представителей различных общностей. Основываясь на гипотезе о поликультурности отряда, можно объяснить разнообразие аналогий погребальной обрядности памятников андреевско–писеральского типа.

В статье, опубликованной в 2007 г. С.Э. Зубовым, картографированы памятники, при раскопках которых были обнаружены палаши. Интересующие памятники расположены вблизи рек Белая, Кама, Волга и их притоков [Зубов, 2007. Рис. 1]. В древности русла и побережья крупных рек являлись транспортными артериями, по которым перемещались товары и группы населения. И.А. Бажан и И.О. Васкул описали подобные объекты понятием «военно–торговые магистрали» [Бажан, Васкул, 1988. С. 76–89]. Интересующая группа мигрантов могла двигаться вдоль крупных водных магистралей, в том числе по территории Прикамья.

Палаши могли быть получены частью населения Прикамья как в качестве трофеев в ходе военных столкновений, так и в результате более сложных форм взаимодействия с мигрантами.

Вблизи д. Кипчаково Илишевского района республики Башкирия зафиксировано наличие могильника, функционировавшего в II в. до н.э. – I в. н.э. [Саттаров, 2020. С. 104]. В процессе раскопок памятника был выявлен ряд особенностей, сближающих его погребальную обрядность с обрядностью ряда могильников андреевско–писеральского типа.

На территории памятника зафиксировано наличие как грунтовых, так и подкурганных захоронений. В провале между погр. 12 и 13 Кипчаковского могильника обнаружен фрагмент обработанной человеческой челюсти, снабженной системой сквозных отверстий для подвешивания [Зубов, 2007. С. 79]. Аналогичные находки присутствовали в погр. 25–1 и 37 Андреевского кургана [Гришаков, Зубов, 2009. С. 56]. В погр. 53, кроме отсеченного черепа, покоящегося на груди умершего, присутствовали металлические пластины от доспеха, а в погр. 56 находился пластинчатый шлем [Зубов, 2007. С. 79–85]. Данный памятник с андреевскими дернистостями сближают не только находки защитного вооружения, но и обломка палаша [Зубов, 2007. Рис. 10–6].

По мнению С.Э. Зубова, погребальный обряд Кипчаковского могильника характерен для представителей пьяноборской культуры, но наличие курганных насыпей и ряд особенностей инвентаря позволяют предполагать включение в местную среду инокультурной группы [Зубов, 2007. С. 85]. Аналогии погребальному обряду подкурганных захоронений кипчаковского некрополя находятся в материалах гафурийско–убаларских памятников и древностях лесостепных культур Зауралья и Западной Сибири [Зубов, 2007. С. 85]. Материалы раскопок Кипчаковского I могильника могут свидетельствовать не только о движении через Прикамье группы мигрантов, осевших на территории Окско–Сурского междуречья, но и об интеграции части их представителей в среду местного населения.

Рассматривая взаимодействие групп населения обратим внимание на следующий момент. По мнению П.Д. Степанова, Г.И. Матвеевой, В.И. Вихляева, В.В. Гришакова, С.Э. Зубова, В.В. Ставицкого, Н.С. Мясникова, среди находок, полученных в ходе раскопок памятников андреевско–писеральского круга, были обнаружены предметы, характерные для представителей прикамских культур [Степанов, 1980. С. 46–47; Матвеева, 1986. С. 160; Вихляев, 2000. С. 51–52; Гришаков, Зубов, 2009. С. 107–109].

Среди них присутствуют поясные наборы с умбовидными бляшками, имевшими жгутовидное оформление края, застежки с неподвижным крючком, наконечники ножен, удила с псалиями, бусы с внутренней позолотой, медные и железные сюльгамы, сапожковидные подвески, круглые нагрудные бляхи, прямоугольные бляхи с пуговковидными выступами (Рис. 118; 119) [Халиков, 1962. С. 134–135].

Наличие предметов, образующих так называемый «пьянобрский компонент» андреевских древностей, можно попытаться объяснить не только наличием торговых контактов, но и передислокацией группы прикамского населения в Среднее Поволжье [Малых, 2019а. С. 182].

Возможно, прав А.П. Зыков, считающий, что из Прикамья в Поволжье ушла группа мужчин, а не общность с различным половозрастным составом. Вызывает сомнение трактовка причин переселения, связываемая исследователем с поражением некой военизированной группы в гражданской войне, развернувшейся на территории Среднего Прикамья [Зыков, 2011. С. 7].

Присутствие пьяноборского элемента в андреевско–писеральских древностях могло быть связано с включением представителей культур населения Прикамья в состав военного отряда, двигавшегося с территории Сибири в Среднее Поволжье. Причины ухода могли быть связаны как с наемничеством, стремлением завоевания воинской славы, так и с социальными конфликтами и противоречиями, происходящими внутри местных обществ.

Контакты с мигрантами могли привести к включению в состав вооружения местного населения палашей, традиция использования которых в Прикамье

сохраняется до конца II – первой половины III в. Могло оказываться влияние на развитие воинской субкультуры и военной организации [Малых, 2019а. С. 183].

Между носителями чегандинской и андреевско–писеральской культур могли сохраняться долговременные контакты, которые могли выражаться не только в торговых отношениях, но и в совместных военных акциях [Малых, 2019а. С. 183].

По мнению С.Э. Зубова и О.А. Радюш, «появление в погребениях Андреевского и Староардановского курганов, Пильнинских I и II могильниках сегментно–пластинчатых шлемов, копий–пилумов, кольчуг, римской металлической посуды, фибул типа «Aucissa» связано с участием поволжского населения в походах во владения Римской империи» [Зубов, Радюш, 2014. С. 103].

Совместные военные походы могли способствовать сохранению общих представлений о длинноклинковом оружии и особенностях его оформления (Рис. 123). В качестве трофеев могли быть получены предметы импорта, среди которых двушипные наконечники стрел и дротиков. Подобные наконечники встречаются в захоронениях как андреевской, так и чегандинской культур [Ставицкий, 2013. С. 131]. При раскопках Ново–Сасыкульского могильника было обнаружено 14 античных фибул, две из которых представлены раннеримскими шарнирными фибулами типа «Aucissa» [Гришаков, Зубов, 2009. С. 83]. Аналогичные фибулы найдены в погр. 33 и 53 Андреевского кургана, и еще два изделия обнаружены в насыпи кургана [Ставицкий, 2013. С. 128]. В материалах раскопок Ново–Сасыкульского, Кошибеевского, Польно–Ялтуновского могильников и Андреевского кургана присутствуют гривны со скользящей петлей. Сопоставимые шейные украшения использовались населением Крыма и Северного Кавказа в период конца I в. до н.э. – III первой половине III в. н.э. [Ставицкий, 2013. С. 132–133].

Военный отряд, осевший в Окско–Сурско–Цинском междуречье, совершивший транзитную миграцию через Прикамье, мог стать источником палашей для части местного населения и оказать влияние на военную активность местного населения за пределами своего проживания [Малых, 2019а. С. 183]. Рассматриваемая группа мигрантов была не единственной общностью

инокультурного населения, оказавшей влияние на распространение длинноклинкового оружия в Прикамье.

5.2. Миграционные процессы второй половины III – первой половины IV вв.

Следующий виток миграционных процессов затронул население Прикамья в конце III – начале IV вв. О развитии данных процессов свидетельствует локальное распространение традиции захоронения вместе с умершими фрагментов скелета лошади, фиксируемой по материалам раскопок Рождественского V, Нармонского, Усть-Брыскинского и ряда иных могильников, расположенных в районе слияния рек Кама и Волга (Рис. 28).

При раскопках части погребений, оставленных на территории Нижнего Прикамья, в засыпи, реже на дне могилы фиксируется наличие черепа и нижних костей ног лошади (от 1 до 3 особей) [Старостин, 2002. С. 21]. А.Г. Петренко на основании сочетания костей черепа и костей нижнего отдела конечностей, хвоста, шейных позвонков и в редких случаях коленных чашечек сделал вывод о захоронении шкуры лошади [Петренко, 2000. С. 81–88].

Среди погребений Рождественского V могильника захоронения с ритуальными останками лошади составляют около 40% от всех исследованных комплексов. Среди комплексов Нармонского могильника подобных захоронений выявлено 47% [Старостин, 2002. С. 21]. Части костяка лошади помещались преимущественно в мужские погребения, но известны женские захоронения, сопровождаемые останками лошади, при этом содержащие вещи, характерные для азелинской культуры. Речь идет о погр. 173, 195, 221 Рождественского V и погр. 10 Нармонского могильников [Лещинская, 2014. С. 210].

Рассматриваемая традиция не характерна для населения Прикамья ни в пьяноборский, ни в постпьяноборский период. Локальное распространение нового погребального обряда может свидетельствовать о проникновении на территорию Нижнего Прикамья групп мигрантов.

Погребальные комплексы Нижнего Прикамья представляют для нас интерес в связи с тем, что при раскопках погр. 17, 23, 36, 44 Усть–Брыскинского, погр. 75, 117 Рождественского V (Рис. 34–1,2), погр. 19 Нармонского могильника были обнаружены мечи. Случайные находки мечей сделаны при исследовании территории Гремячинского (1 экз.), Масловского (1 экз.), Рождественского V (1 экз.), Усть–Брыскинского (2 экз.) могильников и Серебрячихинского селища (1 экз.) [Матвеев, 2013. Табл. 1].

Мигранты могли оказать влияние на распространение длинноклинкового оружия в среде населения Волго–Вятского междуречья. Следует определиться с возможными версиями происхождения интересующей группы переселенцев.

По мнению Р.В. Матвеева, во второй половине III – начале IV вв. в Прикамье могли появиться представители сарматской общности. Сарматские аналогии прослеживаются у одночленных наконечников подвесок с подтреугольным или секировидным расширением (погр. 250, 264 Рождественского мог.), пряжек с овальным щитком и рамками, слабо прогнутыми язычками и площадкой у основания (погр. 74, 235 Рождественский и погр. 29 Суворовского мог.), фасетированных наконечников – подвесок (погр. 12 Азелинского, погр. 29 Суворовского, погр. 87 и 93 Рождественского V мог.), железных двухзвеньевых кольчатых удил с бронзовыми или железными обоймами – клипсами [Матвеев, 2013. С.136].

Многие категории предметов обладают высокой межкультурной мобильностью и получают распространение на значительных территориях. Наличие вещей, характерных для тех или иных культур, не означает присутствия их представителей в интересующем регионе.

При проведении раскопок памятников Волго–Вятского междуречья не выявлено погребальных традиций, свидетельствующих о присутствии в регионе сармат. К подобным традициям можно отнести диагональное расположение костяков в могиле, наличие подбоев, ступеней, находящихся между дном могилы и подбоем, катакомб, меловой подсыпки, присутствия в захоронениях минералов желтого цвета [Кривошеев, 2007. С. 120–128].

Аналогии в погребальном обряде и инвентаре части населения Нижнего Прикамья могут быть найдены не только в сарматской среде. Происхождение инокультурного населения могло быть связано с представителями андреевско-писеральской общности Среднего Поволжья. Одним из первых в пользу подобной версии высказывался П.А. Старостин [Старостин, 2002. С. 25].

Погребальную обрядность населения Окско–Сурского междуречья и Нижнего Прикамья сближают:

- Наличие практики помещения в могилы фрагментов скелета лошади. Примером этому могут являться погр. 50 Андреевского и погр. 117 Рождественского могильника, в которых находился череп коня и фрагменты ног двух лошадей [Гришаков, Зубов, 2009. С. 111–112; Старостин, 2009. С. 56–57].

- Использование в обоих регионах защитного вооружения в качестве части погребального инвентаря. На Нижней Каме шлемы найдены в погр. 117, 235 и 265 Рождественского V могильника. Кольчуга присутствовала в составе инвентаря погр. 265 Рождественского V могильника, остатки кольчужного полотна были обнаружены при обследовании территории Усть–Брыскинского могильника [Старостин, 2009. С. 56–57]. В Окско–Сурском междуречье шлемы и кольчуги найдены в погр. 21–1 и 50 Андреевского кургана. В грабительских вкопах, оставленных на территории Пильнинского I могильника, найдено 2 шлема, фрагменты доспехов кольчужного плетения и чешуйки ламеллярного доспеха [Зубов, 2011. С. 52].

- Использование металлической посуды в составе погребального инвентаря. В насыпи Андреевского кургана найдена бронзовая чаша южноиталийского производства. В насыпи погр. 21 Андреевского кургана находился кованый котелок, происхождение которого связывается с галло–римским производством [Зубов, 2011. С. 62]. В захоронениях 265 и 266 Рождественского V могильника найдены бронзовые котлы [Старостин, 2009. С. 27–28]. В погр. 6 Нармонского могильника обнаружен котел, выполненный из листовой бронзы; форма и техника изготовления аналогичны котлу, обнаруженному при раскопках Андреевского

кургана. По мнению П.А. Старостина, оба изделия имеют южное происхождение [Старостин, 2009. С. 34–35].

На территории Окско–Сурского междуречья известен ряд курганных могильников, среди которых Андреевский курган, Писеральский и Климовский некрополи [Зубов и др., 2011. Рис. 1]. Напомним, что, по крайней мере, один курган был оставлен на территории Усть–Брыскинского могильника [Старостин, 2002. С. 19–20].

Как уже упоминалось в первой части главы, ряд исследователей высказали предположение о наличии пьяноборских элементов в материалах андреевско–писеральской общности, что, вероятно, связано с появлением в Среднем Поволжье населения Прикамья [Гришаков, Зубов, 2009. С. 73]. Версия об уходе части поволжского населения после распада андреевско–писеральской общности в регион с родственным населением является вполне логичной. Особенно учитывая, что Среднее Поволжье и Нижнее Прикамье являются соседствующими регионами.

На территории Волго–Вятского междуречья можно выделить два района, на территории которых совершались захоронения с мечами. Первый, уже упомянутый, расположен на землях слияния рек Кама и Волга. Второй район приходится на бассейн р. Вятка, притока р. Кама.

При раскопках вятской группы азелинских памятников мечи были обнаружены в погр. 27 Ошкинского (Рис. 34–3), погр. 5 Азелинского (Рис. 37–5), погр. 1, 17, 20, 30 Суворовского, погр. 36, 76, 94 А, Б, В Тюмтюмского могильников [Лещинская, 2000. С. 65; Генинг, 1963. С. 109, 118, 125; Ошибкина, 2010. С. 41].

На Вятке не выявлено погребальных комплексов с фрагментами скелета лошади. Исключением является захоронение, исследованное в XIX в. С.К. Кузнецовым на могильнике Атамановы Кости [Лещинская, 2014. С. 14]. Данный факт может свидетельствовать о том, что нижнекамская группа мигрантов не закрепились на Вятке или не предпринимала подобных попыток.

Мигранты могли стать для вятского населения одним из источников статусного вооружения. Но стоит ли связывать появление всего длинноклинкового

оружия в Волго–Вятском междуречье только с упомянутой группой инокультурного населения?

В научной литературе существует еще одно предположение о проникновении мигрантов в данную часть Прикамья. Р.Д. Голдиной выдвинуто предположение о связи начала функционирования Азелинского и Суворовского могильников (Рис. 32, 33) и появления статусного вооружения в погр. 88 Худяковского и погр. 80 Нивского некрополей с одной из волн миграции вельбарского или черняховского населения [Голдина, 1997. С. 261–262].

В работе «Миграции и их роль в поступлении "дальнего импорта"» Р.Д. Голдина и Е.В. Голдина предприняли попытку обосновать версию проникновения в Прикамье военизированных групп, имевших отношение к державе Германариха [Голдина, Голдина, 2010. С. 182–185]. По мнению исследователей, о появлении мигрантов могут свидетельствовать курганный обряд захоронения, многочисленность мужских погребений Азелинского и Суворовского могильников, наличие большого количества предметов вооружения, появление новых категорий предметов (украшения с эмалями и халцедоновые диски), высокий уровень изготовления некоторых видов вооружения (косы–горбуши, мечи), различия в серии мужских и женских черепов [Голдина, Голдина, 2010. С. 187].

Особенности, подмеченные Е.В. Голдиной и Р.Д. Голдиной, заслуживают внимания, но им можно дать иные объяснения. Высказано предположение о наличии в древности курганных насыпей над погр. 23, 26, 28, 29, 30 Суворовского и погр. 10, 11 Азелинского могильников. Основное доказательство существования курганов основано на наличии гумуссированных пятен над данными захоронениями [Голдина, Голдина, 2010. С. 182–183]. На момент проведения раскопок на территории памятников не обнаружено не только самих насыпей, но и следов их создания, представленных рвами или ямами, из которых брался грунт. Происхождение пятен может быть объяснено гипотезой В.Ф. Генинга, согласно которой над захоронениями возводились сооружения в 2–3 бревенчатых венца с деревянной крышей [Лещинская, 2014. С. 16].

Выявленные М.С. Акимовой различия мужских и женских черепов могут быть связаны с тем, что жены брались из других общин или племен.

Распространение украшений и предметов статусного вооружения, в том числе находящихся аналогии в материалах западных и юго–западных культур и римской периферии, не обязательно связано с развитием миграционных процессов. Подобные предметы могли быть получены как трофеи, дипломатические и иные дары. Импорты могли быть приобретены по торговым каналам или как военные трофеи, принесены как личные вещи группой мигрантов, происхождение которых могло быть связано с потомками андреевской культуры.

Погребальный обряд Азелинского и Суворовского могильников также не свидетельствует в пользу версии появления на Вятке групп инокультурного населения. На основании статистических методов Д.В. Шмуратко предпринята попытка рассчитать «идеальный тип» погребения для Азелинского и Суворовского могильника. Согласно расчетам в 98,1 % случаев захоронение совершалось по обряду ингумации, в положении на спине с расположением одной или обеих рук на бедрах (15,4% и 21,2%). Погребённый снабжен жертвенным комплексом (9,6%), в составе которого бисер (7,7%), пояса (3,8%). Богато украшенные пояса, атрибутами которых являются подвески (34,6%), фибулы (11,5%,), бляшки (19,2%), сьюльгамы (36,5%). Из украшения типичны браслеты (21,2%), височные подвески в виде знака вопроса (17,3%), многочисленные бусы (59,6%). Из предметов воинского снаряжения – топоры (23,1%), копья (13,5%). Из бытовых вещей присутствуют шилья, иглы, проколки (19,2%) [Шмуратко, 2012. С. 104].

Вышеперечисленные особенности обряда соответствуют традициям культур населения Прикамья. Статистический анализ материалов Азелинского и Суворовского могильников не позволяет выявить значимых инноваций, свидетельствующих о появлении на Вятке групп инокультурного населения.

Одним из доказательств присутствия в регионе готских отрядов выступает интерпретация *arctoigentes*, изложенного в «Гетике» Иордана. Согласно источнику, представители державы Германариха испытывали интерес к лесной зоне, выразившийся в подчинении части финно–угорского населения [Голдина, Голдина,

2010. С. 182–183]. Основываясь на интерпретации *arctoigentes*, можно предположить, что в сферу интересов Германариха могли входить земли, лежащие вдоль течения Волги и Камы.

Для рассматриваемых процессов «Гетика» не является абсолютно надежным источником, так как она написана в VI в. византийским историком Иорданом. Автор произведения не являлся современником и, тем более, участником событий. Он мог использовать недошедшие до нас «Византийскую историю и деяния Атиллы» и «Готскую историю» Кассиодора. Но это не является гарантией отсутствия ошибок и неточностей, особенно когда речь идет о размещении и названии удаленных племен. Поэтому к сведениям, изложенным в «Гетике», нужно относиться с известной долей осторожности.

Если готы стремились взять под свой контроль торговые пути, проходящие через территорию Прикамья, то они должны были занять район слияния Волги и Камы, а не оседать на Вятке.

На наш взгляд, введенные в научный оборот материалы не позволяют обосновать версию связи начала функционирования Азелинского и Суворовского могильников с проникновением в Волго–Вятское междуречье готских отрядов, групп вельбарского или черняховского населения.

Формирование вятской группы памятников азелинской культуры могло быть связано с уходом части населения, ранее проживавшего на территории Нижней Камы, спровоцированным деятельностью мигрантов, которые используют обряд ритуального захоронения останков лошади. Переселенцы, вероятно, не селились обособленно, а тем или иным образом интегрировались в местную среду. На это указывает соседство на одних памятниках захоронений, оставленных в традициях постпьяноборского населения, с комплексами, содержащими в своем составе фрагменты скелета лошади. Не исключено, что подобная интеграция произошла в результате вооруженного конфликта, победу в котором одержали мигранты. Впрочем, возможны иные варианты взаимодействия различных групп населения.

В столкновениях с мигрантами население, отступившее на Вятку, могло получить часть статусного вооружения. Но это в полной мере не объясняет причин

его помещения в захоронения. При наличии военных угроз не всегда возможно таким образом утрачивать защитное вооружение, являющееся дефицитной категорией предметов.

Для лучшего понимания ситуации, сложившейся в конце III – первой половине IV вв., обратимся к анализу погребальной обрядности вятской группы захоронений с мечами. Степень опубликованности нижекамских могильников не позволяет провести сравнения погребальной обрядности захоронений с мечами двух групп населения, относимых к азелинской культуре.

Погребения с мечами совершались на территории некрополей, где погребались рядовые члены обществ. Статусные и рядовые захоронения располагаются в рамках одних рядов, не противопоставляясь друг другу.

Погребения совершались в ямах подпрямоугольной формы, у которых может наблюдаться несоответствие в размерах верхней и придонной частей, формирующее подобие уступов (погр. 1 Азелинский мог.). Вероятно, это связано с сооружением над могилой деревянной конструкции, углублённой в землю на 30–40 см [Лещинская, 2014. С. 16].

По наблюдениям Н.А. Лещинской, глубина захоронений Суворовского и Азелинского могильников зависит не только от гендерной принадлежности, но и от социальных аспектов. Средняя трудозатратность подготовки мужского захоронения для Азелинского могильника варьируется в пределах 0,7–1,87 м³, для Суворовского могильника 0,66–1,6 м³ [Генинг, 1963. С. 96–125]. Средняя трудозатратность подготовки захоронений с мечами составила 2,44 м³ (от 0,63 до 4,6 м³). Трудозатратность подготовки могильных ям захоронений с мечами превосходит аналогичные показатели остальных мужских комплексов в 1,5–2 раза.

В нашем распоряжении имеются сведения о результатах раскопок погр. 19 Нармонского, погр. 75 и 117 Рождественского V могильников, содержащих в своем составе мечи и ритуальные фрагменты скелета лошади. Данных материалов недостаточно для отражения общих тенденций, но они позволяют провести частные сравнения.

Максимальный объем извлеченного грунта (3,16 м³) зафиксирован в погр. 117, содержащем в своем составе фрагменты скелета двух лошадей. Минимальный объем могильной ямы (1,02 м³) зафиксирован у погр. 75 Рождественского V могильника [Старостин, 2009. С. 12]. По средним показателям захоронения нижекамской группы соответствуют практике совершения погребений с мечами вятской группы азелинских памятников.

Следует отметить особенность погр. 19 Нармонского могильника. На глубине 80 см было совершено подзахоронение младенца в возрасте около 1 года. Захоронение ребенка произошло не одновременно с мужчиной, а через какое-то время [Овчинников, 2014. С. 17]. Подобные практики не характерны для представителей местных культур населения Прикамья.

При рассмотрении социального статуса интересующих лиц следует обратиться к критерию количества погребального инвентаря. В одиночные захоронения в среднем помещалось 9 категорий предметов (от 2 до 15). Общее количество находок варьируется от 2 до 67 предметов (среднее 35 ед.).

Стоит остановиться на материалах погр. 5 Азелинского могильника. Интересно то, что помимо предметов вооружения и одежды вместе с умершим захоронены инструменты. Среди инструментов присутствуют нож для кожи, шилья, резцы, наковаленка, молоток, напильник, коса, кузнечные клещи, ральник с обломанным концом. Из предметов вооружения – меч, кольчуга, наконечник копья, нож, 16 наконечников стрел [Генинг, 1963. С. 98–99].

Инструменты также присутствуют в погр. 94 могильника Тюм–Тюм. В захоронении обнаружены двое кузнечных клещей, нож – ложкарь, долото, пешня, двуручный струг [Ошибкина, 2010. С. 27–28]. Среди захоронений интересующей группы металлообрабатывающий инструмент присутствовал в погр. 5 Суворовского могильника [Генинг, 1963. С. 100].

Сочетание оружия и инструментов свидетельствует о том, что при жизни лица были связаны как с военным делом, так и с ремеслом. Металлообрабатывающий инструмент присутствует в захоронениях нижекамской группы азелинских памятников. В женском погр. 33 Рождественского V

могильника находились 2 железных молотка, наковаленка и 3 каменные литейные формы [Старости, 2009. С. 50]. Также в женском погр. 10 Нармонского могильника обнаружены 2 молотка и железная наковаленка [Старостин, 2002. С. 13–15]. Возможно использование инструмента в погребальной обрядности является моментом культурного влияния мигрантов, осевших в Нижнем Прикамье.

В захоронениях нижекамской группы памятников количество категорий находок варьируется от 13 (погр. 117) до 7 (погр. 19) [Старостин, 2009. С. 15; Овчинников, 2014. С. 15–16]. Наибольшее количество предметов обнаружено в погр. 117 Рождественского V мог. (68 ед.), наименьшее количество – в составе погр. 19 Нармонского могильника (20 ед.) [Овчинников, 2014. С. 15–16]. При раскопках захоронений, оставленных на территории Прикамья, общее количество находок во многом зависит от количества элементов конструкции и оформления пояса. Богато оформленные пояса присутствуют и в захоронениях с ритуальными останками лошади.

Во многие захоронений с мечами были помещены копья (55%), топоры (66%), наконечники стрел (55%), что придает комплексу наступательного вооружения большую завершенность, а также защитное вооружение, представленное шлемами (погр. 20, 30 Суворовского, погр. 36 и 94А мог. Тюм–Тюм) и кольчугами (погр. 5 Азелинского, погр. 1 и 20 Суворовского мог.) [Генинг, 1963. С. 70; Ошибкина, 2010. С. 45; Генинг 1963, С. 70].

В погр. 88 Худяковского и погр. 123 Тюм–Тюмского могильника обнаружены шлемы, но в них отсутствовали мечи [Лещинская, 2014. С. 294; Ошибкина, 2010. С. 32]. В погр. 41 и 102 могильника Тюм–Тюм умерших сопровождала кольчуга при отсутствии мечей [Ошибкина, 2010. С. 16,29]. В разрушенном погр. 27 Суворовского могильника обнаружена еще одна кольчуга и шлем [Генинг, 1963. С. 122].

Защитное вооружение также обнаружено при раскопках нижекамской группы азелинских памятников. В погр. 117 Рождественского V могильника умершего в загробный мир сопровождали меч и шлем. В погр. 235 и 265 того же памятника были помещены шлемы, но отсутствовали мечи [Старостин, 2009. С.

19,25,27]. Обрывки кольчужного полотна происходят из одного из разрушенных захоронений Усть–Брыскинского могильника, целая кольчуга присутствовала в погр. 265 Рождественского V могильника [Старостин, 2009. С. 56].

Наличие статусного вооружения, относительно большое количество погребального инвентаря и высокая трудозатратность подготовки могил, как и в случае с погребальными комплексами Удмуртского Прикамья, свидетельствуют, что вятские захоронения с мечами принадлежали лицам, обладающим высоким социальным статусом. Особенности погребальной обрядности и планиграфия захоронений не позволяют обосновать выделение социального института вождей и дружин в формах, характерных для предгосударственной стадии общественного развития. Функции дружин могли выполнять мужские союзы, как генетические их предшественники.

Взаимоотношения пришлого и местного населения могли начаться с конфликта, но в определенный момент могли приобрести взаимовыгодный или нейтральный характер. Стабильная ситуация в Волго–Вятском междуречье могла позволить совершать совместные военные походы за пределы региона своего проживания, а также использовать большое количество предметов вооружения в погребальном инвентаре.

В IV в. осуществлялись военные акции готов, иногда именуемые «походами Германариха». М.Б. Щукин видит логику действий готов в попытках установить контроль над Балто–Волжским торговым путем, проходящим по бассейну Западной Двины или через Финский залив, Ладогу, Ильмень, в верховья Волги и далее на Среднюю Волгу и в Прикамье [Щукин, 2005. С. 209]. Контроль над данным торгово–транспортным путем позволяет оказывать влияние на значительную часть торговли мехами и иными ценностями на огромной территории.

Военные акции готов в Поволжье можно подтвердить следующими примерами. По мнению А.М. Воронцова, финальные слои памятников типа Ново–Клейменово несут следы пожаров и штурмов, произошедших в середине IV в. [Воронцов, 2008. С. 11, 17]. Вполне возможно, что следы разрушений являются

свидетельствами военных действий готских дружин. С событиями готских походов могло быть связано возникновение памятников типа Каширки–Седелок в Липецкой области, особенно если учесть близость поволжских находок с материалами, оставленными черняховско–киевским населением [Обломский, 2007. С. 87].

И.Р. Ахмеров связывает появление пшеворских и западно–прибалтийских импортов на Средней Оке с попытками Германариха покорить часть племен лесной полосы и последующими походами против герулов, венетов и эстиев. Рязанско–окское население могло принимать участие в военных действиях на стороне представителей готского союза [Ахмеров, 2007. С. 273].

На территории Прикамья не выявлено подобных явлений, как и следов масштабных военных действий. Вполне возможно, что Волго–Вятское междуречье не вошло в сферу интересов Германариха. Однако деятельность готов могла создать благоприятные условия для дальних военных походов носителей азелинской культуры.

В первой половине IV в. в регионах, расположенных к западу от Прикамья, усложнилась военная обстановка, что создало благоприятные условия для военных акций представителей азелинской культуры. Местное население могло выступать как в качестве союзников готов, так и на стороне их противников. Без захвата военных трофеев или получения снабжения союзных войск сложно объяснить причины помещения в захоронения большого количества импортного вооружения. На наш взгляд, важным условием для использования статусного вооружения, особенно доспехов, как части погребального инвентаря является наличие стабильной военной ситуации в рассматриваемом регионе.

Если поднимать вопрос об участии населения Волго–Вятского междуречья в военных действиях за пределами Прикамья и получении трофеев, обратимся в качестве примера к одному из самых богатых мужских захоронений первой половины I тыс. н.э.

В центре могильника Тюм–Тюм, расположенного в Уржумовском р-не Кировской области, находилось парное погр. 94 [Ошибкина, 2010. С. 26–28]. В

захоронение было помещено порядка 80 предметов, среди которых предметы вооружения, представленные мечами (3 ед.), шлемом, наконечниками копий (9 ед.), секировидными предметами (11 ед.), топорами (8 ед.), наконечниками стрел (6 ед.), ножами (3 ед.) и кинжалами (3 ед.) [Ошибкина, 2010. С. 26–28].

Погребение 94 интересно как количеством мечей, так и положением одного из них. Рядом с останками каждого мужчины находилось по мечу. Еще один клинок находился в свертке (скопление вещей В) с другим оружием и инструментами [Ошибкина, 2010. С. 28]. Находка из скопления вещей В является единственным примером, когда меч выступал не как маркер социального положения или рода занятий умерших, а как часть жертвенного комплекса.

Следует обратить внимание на металл, из которого изготовлены мечи. Согласно результатам металлографического исследования, все мечи из погр. 94 откованы из заэвтектоидной стали – вида стали, секретами производства которого обладало ограниченное количество ремесленных центров Средней и Центральной Азии и Ближнего Востока [Терехова и др., 1997. С. 143].

Как уже отмечалось выше, в погребении присутствуют инструменты, представленные кузнечными клещами (2 ед.), ножом–ложкарем, долотом, пешней, двуручным стругом [Ошибкина, 2010. С. 27–28]. Из статусных вещей следует обратить внимание на наличие бронзовых котлов (3 ед.) и халцедоновых дисков (5 ед.) [Ошибкина, 2010. С. 28–29].

В захоронении присутствуют 11 секировидных предметов, имеющих проушные отверстия диаметром не более 2 см, не позволяющие использовать их ни в качестве оружия, ни как инструменты [Ошибкина, 2010. С. 27]. Аналогии подобным предметам можно найти в материалах, оставленных в VIII–IX вв. населением, проживавшим на территории современной Норвегии и бывшей Чехословакии. Западные исследователи называют их секировидными гривнами, которые представляют собой металлургические полуфабрикаты, которые использовались как аналог денег [Терехова и др., 1997. С. 149].

Погребение 94 могильника Тюм–Тюм возможно сравнить с погр. 782 Тарасовского могильника, в материалах которого также присутствовали шлем, меч и железная крица как аналог денег [Голдина, 2004. С. 140].

Крупный военный конфликт на границах Прикамья мог создать условия не только для дальних военных походов и получения богатых трофеев, но и для развития института вождей. Примером может служить погр. 94 могильника Тюм–Тюм. Однако миграционные процессы второй половины IV в. приводят к прекращению существования азелинской культуры и не способствуют развитию данной структуры. Под влиянием тех же факторов во второй половине IV в. в захоронения прекращают помещать длинноклинковое оружие. Исключением является погр. 9 Первомайского могильника.

5.3. Миграционные процессы второй половины IV – начала V вв.

Следующий этап распространения длинноклинкового оружия приходится на вторую половину IV – начало V вв. В указанный период в Прикамье получает распространение подкурганный обряд захоронения. Совершены погребения лиц с искусственной деформацией черепов и иными свидетельствами появления в Прикамье групп инокультурного населения [Малых, 2017. С. 29]. Рассмотрим, каким образом миграционные процессы данного периода повлияли на распространение длинноклинкового оружия в среде населения Прикамья.

Во второй половине IV – начале V вв. под влиянием миграций происходит очередное изменение в географии распространения мечей. Мечи исчезают из погребений Волго–Вятского междуречья, но появляются в погребальных комплексах Верхнего Прикамья.

В Верхнем Прикамье мечи обнаружены в погр. 17 75, погр. 3 кургана 5 Бурковского, погр. 23 Митинского, кургана 4 Калашниковского, погр. 1 кургана 22, погр. 4 кургана 24, погр. 1 и погр. 2В кургана 25, погр. 1 кургана 26 Бродовского могильников [Генинг, Голдина, 1973. С. 109, 112; Голдина, Водолаго, 1990. Табл. ЛП–1–4]. Обломки одного меча (палаша?) были обнаружены в погр. 3 кургана 2

могильника Кала–Урын [Перескоков, 2017. С. 85]. В погр. 4 могильника Качка было обнаружено костяное навершие меча или крупного кинжала [Генинг, 1959. С. 199]. Обломок меча был обнаружен при осмотре ныне затопленного Больше–Висимского могильника.

Помимо этого, мечи или их обломки были обнаружены в погр. 81, 85, 105, 106, 144, 160, 232, 255 Мокинского могильника [Соболева, 1991. С. 13, 22; Мельничук, 1995. С. 12, 13; Колобов и др., 2001. С. 103, 107; Мингалев, Перескоков, 2014. Рис. 2–2]. Часть мечей данного могильника происходит из захоронений, оставленных в период конца III – начала IV вв.

В Среднем Прикамье продолжает сохраняться практика захоронения мечей вместе с умершими. Об этом свидетельствуют находки, сделанные в погр. 171, погр. 1 кургана 1, кургане 2, погр. 2 кургана 3, кургане 5, кургане 6, погр. 1 А, Б кургана 7, погр. 2 кургане 7 Тураевского могильника [Голдина, Бернц, 2004. С. 158; Генинг, 1976. С. 60, 63, 66, 74, 76, 78]. Мечи присутствовали в погр. 5, 6, 7, 8, 10, 15, 16, 24, 34, 129, 160, 328 Кудашевского могильника [Казанцева, 1990. Рис. 33, 36, 50; Казанцева, 1991. Рис. 22, 49; Казанцева, Нагиев, 2017. Рис. 2–22]. Мечи выявлены в погр. 60, 129, 235, 474, 765 А, Б, 1685, 1703, 1772, 1779, 1784 Тарасовского, погр. 11, 21А, 22, 29, 128 Дубровского (Красная горка), кургане 2, погр. 1 кургана 5, тайнике кургана 17 Старо–Муштинского могильников [Голдина, 2004. С. 21, 31, 50, 89, 134, 135, 205, 269, 272; Черных и др., 2010. С. 209; Сунгатов и др., 2004. С. 22, 59]. Среди случайных находок следует отметить факт обнаружения обломка клинка на территории Старокобановского могильника и еще один обломок обнаружен в деревне Старокобаново [Сунгатов и др., 2004. С. 22, 59].

Рассматривая влияние миграционных процессов на распространение длинноклинкового оружия, необходимо разобраться в сути интересующих событий. Анализ историографии позволяет выделить два подхода к интерпретации миграционных процессов второй половины IV – начала V вв.

Первый подход связан с версией проникновения в регион мигрантов, объединенных общим происхождением. Например, Ф.А. Сунгатов связал

появление тураевской, харинской и старомуштинской групп курганно–грунтовых могильников с проникновением в Прикамье представителей джетыясарской культуры Восточного Приаралья [Сунгатов и др., 2004. С. 153–155].

Второй подход основан на предположении о появлении в регионе групп населения различного этнокультурного происхождения. И.Ю. Пастушенко предложил рассматривать миграционные процессы в трех географических направлениях (векторах). Первый вектор связан с движением населения с территории юго–западных регионов, что привело к появлению подкурганных захоронений Кудашевского и Тураевского могильников [Пастушенко, 2009. С. 113]. Второй вектор определяется как южный и, вероятно, отражает уход на север части сармат, оставивших после себя ряд захоронений Старо–Муштинского могильника [Пастушенко, 2009. С. 113]. Третий северо–восточный вектор отражает перемещение в Верхнее Прикамье групп зауральского населения, оказавших влияние на формирование курганно–грунтовых могильников харинского типа [Пастушенко, 2009. С. 116].

На наш взгляд, версия различного этнокультурного происхождения мигрантов и разновременного их появления в регионе в большей мере отражает специфику событий второй половины IV – начала V вв. Погребальный обряд и инвентарь захоронений Тураевского, Старо–Муштинского и Бродовского могильников имеют между собой определенные аналогии, но их количества и значимости недостаточно для обоснования родства населений, их оставивших.

Материалы, введенные в научный оборот, позволяют высказать предположение о появлении в Прикамье групп населения, более сложно устроенных, чем отдельные рода, общины или племена. Мигранты, оставившие подкурганные захоронения Тураевского могильника, могли являться военной дружиной.

Если анализировать погребальные комплексы Тураевского могильника по ранее представленным критериям, получаем следующее положение вещей.

Тураевский могильник, функционировавший в период второй половины IV–V вв., состоит из двух частей: курганной и бескурганной. Если отсчитывать от

кургана IV, то части некрополя разделяет полоса шириной от 50 до 90 м. Комплексы VIII и IX вынесены от основного скопления курганов к границам участка грунтовых захоронений [Голдина, Бернц, 2010. С. 9, Рис. 6]. Курганная часть насчитывает 9 курганов, под которыми находилось 15 захоронений. Большая часть захоронений разграблена, однако сохранившийся инвентарь свидетельствует, что под курганами были погребены только мужчины. При изучении бескурганной части могильника выявлено 266 захоронений.

В соответствии с первым критерием видим противопоставление группы мужских курганных захоронений основной массе погребений Тураевского могильника.

Вторым критерием является фактор всеобщей вооруженности. Несмотря на ограбление многих могил, при проведении раскопок курганной части обнаружены мечи (8 ед. погр. 1 курган I, курган II, погр. 2 курган III, курган V, курган VI, погр. 1 А, Б курган VII, погр. 2 курган VIII), шлемы (2 ед. курган V, погр. 1 А курган VII), кольчуги (3 ед. курганы V, VI, VIII), панцирь (1 ед. погр. 1А курган VII), наконечники копий (10 ед.), кинжалы (8 ед.), топоры (5 ед.), щиты (3 ед.), наконечники стрел (7 ед.) [Генинг, 1976. С. 55–108]. Среди интересующих находок широко представлены боевое оружие и доспехи, характерные для профессиональных воинов.

Курганная часть Тураевского могильника соответствует критериям выделения дружинных комплексов и в моменте присутствия комплексов вождей. К захоронению вождя можно отнести комплекс, оставленный под курганом V. Кроме кургана V, одиночные захоронения оставлены под курганами II, VI, VIII [Голдина, Бернц, 2010. Рис. 6]. В планиграфии расположения курганов нет четкой системы, но если бы заполнение данной части могильника продолжалось в юго–западном направлении, то интересующий комплекс мог стать одним из центральных. Поверхность могильника распахивалась, поэтому первоначальную высоту курганов оценить сложно, но общее представление о трудозатратности можно составить по диаметру насыпей. Диаметр кургана V составлял около 12–13 м, что делает его насыпь одной из самых объёмных [Генинг, 1976. С. 67]. Несколько

меньший объём насыпи демонстрирует курган VII (9–12,5 м) под которым совершено 3 захоронения, и одиночное захоронение под курганом VIII (10–12 м) [Генинг, 1976. С. 74, 78].

При рытье могилы под курганом V было извлечено 10,8 м³ грунта. Среди курганов, под насыпями которых было оставлено только одно захоронение, больший объём демонстрирует могила под курганом VIII (14 м³). Меньший объём зафиксирован у могильной ямы кургана VI (6,69 м³) [Генинг, 1976. С. 68, 73, 78].

Об особом положении мужчины, погребенного под курганом V, свидетельствуют следующие аспекты погребального инвентаря. В могиле обнаружено 62 предмета, представленных 19 категориями находок, среди них защитное вооружение – кольчуга, шлем и щит [Генинг, 1976. С. 69]. В неразграбленных захоронениях аналогичное сочетание защитного вооружения зафиксировано только в погр. 1 А кургана VII. Наступательное вооружение составляют топоры (3 ед.), меч, копье, «косы–бумеранги» (2 ед.), нож [Генинг, 1976. С. 75].

Следует упомянуть наличие трех секирообразных предметов, возможно, являвшихся аналогом денег. К денежным средствам, вероятно, относится и медный прутик размером 22 x 1 x 1 см [Генинг, 1976. С. 69]. В могилу была помещена стеклянная лампадка [Генинг, 1976. С. 70]. По мнению С. И. Валиулиной, аналогии данному сосуду находятся среди продукции ремесленных центров Египта и Сирии, Пантикопеи, Фанагореи и Херсонеса [Валиулина, 2009. С. 134–135]. В захоронении также обнаружено 11 предметов, изготовленных из серебра, среди которых наконечники ремней, обоймочки, заклепки, пряжки [Генинг, 1976. С. 71].

Принимая во внимание факт разграбления части подкурганных комплексов, допустимо предположение, что под курганом V мог быть погребен предводитель военной дружины.

К последнему критерию отнесено наличие травм, свидетельствующих об участии в вооруженных столкновениях. В погр. 1 кургана I Тураевского могильника находились останки мужчины, у которого отсутствовала голова (Рис. 47). Череп был обнаружен в прикопе могилы с частично отрубленной затылочной

костью и отсутствующей нижней челюстью [Генинг, 1976. С. 60]. В погр. 1 Б кургана VII костяк мужчины также не имел черепа [Генинг, 1976. С. 77]. Подобные травмы могли быть получены в ходе боевых действий и никоим образом не связаны с практиками погребального обряда.

На основании вышеизложенного допустимо предположение о принадлежности лиц, погребенных в подкурганных захоронениях Тураевского могильника, к дружине.

Прежде чем переходить к вопросам этнической принадлежности лиц, оставивших подкурганные захоронения Тураевского могильника, и их влияния на распространении длинноклинкового оружия, остановимся на еще одном предположении.

Основываясь на сопоставимости инвентаря и обрядности «воинских захоронений» Тураевского и Кудашевских могильников, Р.Д. Голдиной выдвинута идея о необходимости объединить оба памятника в одну группу [Голдина, 1997. С. 270–271].

К сожалению, материалы раскопок Кудашевского могильника, функционировавшего в III–V вв., опубликованы частично, что не позволяет произвести детальное сравнение с материалами курганных захоронений Тураевского некрополя.

Если поднимать вопрос происхождения мигрантов «тураевской волны», остановимся на следующих гипотезах. В.Ф. Генинг, основываясь на находке плоскодонного горшка в погр. 1 кургана 3 Тураевского могильника, соотнес происхождение переселенцев с представителями именьковской культуры [Генинг, 1976. С. 108].

Г.М. Матвеева высказалась в пользу связи тураевских курганов с традицией княжеских погребений пшеворской культуры. Тураевские и пшеворские захоронения сближает наличие курганных насыпей, статусного вооружения, гробовищ, каменной обкладки могил [Матвеева, 1986. С. 166].

Еще одними сторонниками западного происхождения интересующей группы мигрантов выступили С.Н. Коренюк и М.Л. Перескоков. Ими была выдвинута

гипотеза об этнической неоднородности переселенцев «тураевской волны», в составе которой могли быть представители славяно–германской общности. Появление этнически неоднородной группы мигрантов предложено рассматривать в контексте военного всплеска [Коренюк, Перескоков, 2012. С. 138].

Для формирования военных дружин как социального института необходимо наличие определенного уровня экономического и политического развития, позволяющего содержать подобные структуры.

Подобные условия могли существовать в одном из государств, расположенных к юго–западу от Прикамья [Малых, 2017. С. 30]. По мнению М.Б. Щукина, «К середине IV в. «держава Германариха – Атанариха» уже создана, выплаты и поставки римлян обеспечивают достаточное благополучие, резко возрастает число населения, подрастает новое поколение молодежи, часть из которых не находит себе применения в хозяйственной деятельности и обращается к военному делу. Уж такова структура общества "военной демократии", что такие люди ищут жизненного выхода в походах и набегах, в военной службе у вождей» [Щукин, 2005. С. 210].

В 370 г. гунны форсировали Волгу и начали военные действия против сармат. После победы над сарматами было продолжено движение на запад, и в 375 г. гунны столкнулись с готами, что привело к крушению их государства в Северном Причерноморье [Голдина, 1997. С. 275].

После падения державы Германариха или иных поражений дружина могла отступить в более безопасный регион. В появлении мигрантов определённую роль могли сыграть военные контакты местного населения. Серия военных конфликтов второй половины IV в. создавала благоприятные условия для наемничества и дальних военных походов. Возвращаясь в Прикамье, представители мазунинской культуры могли вовлечь в свое движение рассматриваемый отряд или отряды.

В связи с последним предположением следует упомянуть мнение А.А. Красноперова, считающего, что воинские погребения Тураевского могильника были оставлены не мигрантами, а ветеранами военного отряда, вернувшегося после службы в других регионах [Красноперов, 2012. С. 222].

На наш взгляд, более обоснована версия принадлежности захоронений курганной части Тураевского могильника группе мигрантов, а не носителям мазунинской культуры. Каковы бы ни были причины появления в Прикамье данной группы мигрантов, представляющих собой военный отряд или отряды, их влияние на распространение длинноклинкового оружия могло ограничиться объёмом вооружения, принесенным в качестве своего имущества, что, вероятно, связано не только с прекращением функционирования многих каналов, по которым поступали импорты, но и дальнейшей судьбой рассматриваемой общности.

По мнению В.А. Иванова, переселенцы, оставившие после себя курганы Тураевского могильника, взяли себе жен из местного населения и быстро ассимилировались [Иванов, 1984. С. 77]. В результате потомки мигрантов могли утратить многие черты и представления, свойственные части их предков.

А.П. Зыков предположил, что мигранты «тураевской волны» или их потомки погибли в противостоянии с представителями именьковской и кушнаренковской культур [Зыков, 2011. С. 77]. Мигранты, оставившие курганы Тураевского могильника, могли проживать на территории Прикамья в течение кратковременного периода и не смогли или не успели оказать значимое влияние на местное население.

Мигранты «тураевской волны» были не единственной группой инокультурного населения, осевшего в Прикамье. В ходе раскопок Старо-Муштинского могильника был выявлен ряд подкурганных захоронений, содержащих в своем составе мечи. Появление курганов на юго-востоке Прикамья свидетельствует еще об одном направлении миграционных процессов второй половины IV–V вв. По мнению Ю.И. Пастушенко, появление курганов на севере Башкирии могло быть связано с миграциями познесарматского населения [Пастушенко, 2009. С. 115].

Данное предположение могут подтвердить следующие особенности погребального обряда: наличие подкурганных захоронений, могилы в виде прямоугольных удлиненных ям, наличие деревянных конструкций, выявление у ряда погребенных следов искусственной деформации черепов, меловая подсыпка

дна могилы. В остатках тризн преобладают кости лошади [Сунгатов и др., 2004. С. 66–69]. В то же время на территории некрополя присутствуют захоронения, по своей обрядности и инвентарю типичные для носителей мазунинской культуры.

В IV в. часть сармат могла уйти из сферы влияния готов или гуннов, продвинувшись на север в поисках безопасных земель, пригодных для кочевого скотоводства. Процесс формирования Старо–Муштинского могильника можно рассматривать как отражение взаимодействия и сосуществования мазунинского и позднесарматского населений [Коренюк, Перескоков, 2012. С. 135].

В захоронениях башкирской группы нет такого количество оружия, как в погребениях Кудашевского и Тураевского могильников. В тайнике кургана 17 Старо–Муштинского могильника обнаружен меч, обломки клинков зафиксированы в разграбленных курганах 2 и 5 [Сунгатов и др., 2004. С. 59]. Остатки ножен меча были обнаружены при раскопках в погр. 2 кургана 2 Ангасякского могильника. Обломки еще одного меча были найдены при осмотре территории Старокабановского могильника [Сунгатов и др., 2004. С. 59].

Если часть старомуштинского населения имела отношение к сарматам, то появление мечей в составе погребального инвентаря можно рассматривать как отражение традиций, принятых в сарматской среде. Небольшое количество мечей, ставших частью погребального инвентаря, вероятно, связано как с ограниченным объёмом оружия, являвшегося личным имуществом мигрантов, так и невозможностью получения подобных предметов из внешних источников.

Рассматривая процессы распространения мечей в среде мазунинского населения в связи с миграциями, следует обратить внимание на ряд захоронений Дубровского (Красная горка) могильника. Могильник находится в Киясовском районе республики Удмуртия на берегу левого притока р. Иж, правого притока р. Кама [Бернц и др., 2015. С. 130].

При раскопках памятника выявлены как традиции, характерные для носителей мазунинской культуры так и черты и практики, свидетельствующие о присутствии мигрантов. К таким особенностям относятся: обмазка стенок могилы глиной, следы обжига, меловая подсыпка, забутовка камнем (иногда камнем

значительного размера), заплечики и ниши в боковых стенках могил. Зафиксированы случаи ритуального разрушения костяков, преимущественно мужских. В одном из погребений тело умершего было уложено по диагонали могильной ямы. В погр. 137 тело было помещено на живот со связанными щиколотками. В захоронениях Дубровского могильника часть умерших сопровождали мечи (погр. 11, 22 А, 29, 128), причем одно погребение принадлежало двум детям [Черных, 2014. С. 439].

Погребения Дубровского могильника можно рассматривать как еще один пример взаимодействия мазунинского населения и сармат. Но это взаимодействие, вероятно, не приводит к распространению длинноклинкового оружия в объемах больших, чем было принесено как часть имущества.

Вероятно, было бы ошибкой считать, что все мечи, попавшие в захоронения второй половины IV–V вв., появились в Прикамье как часть имущества мигрантов.

В указанный период на территории Тарасовского могильника были оставлены погр. 60, 129, 235, 474, 765 А, Б, 1685, 1703, 1779, 1784, содержащие в погребальном инвентаре мечи [Голдина, 2004. С. 21, 31, 50, 89, 134, 135, 205, 269, 272]. Над указанными захоронениями не сооружалось курганов, могильные ямы не имели катакомб, подбоев или иных элементов погребальной обрядности, свидетельствующих о принадлежности данных комплексов мигрантам.

В захоронениях Тарасовского могильника второй половины IV – начала V вв. увеличивается количество и разнообразие предметов вооружения. В комплексах с мечами обнаружено 9 наконечников копий, 7 из них присутствовало в захоронениях финального этапа функционирования памятника. В указанный период в могилах появляются топоры (погр. 1685 – 5 ед., 1772 – 2 ед., погр. 1784 – 1 ед.), которые в сочетании с мечами ранее не встречались в комплексах Тарасовского могильника [Голдина, 2004. С. 255, 272]. В погр. 1685 и 1784 обнаружены доспехи, защищающие торс воинов, представленные панцирем и кольчугой; защитой голов служили шлемы [Голдина, 2004. С. 255, 272]. По мнению В.В. Горбунова, панцири, аналогичные по конструкции, встречаются среди материалов польцевской культуры Приамурья. Фрагменты подобных

панцирей обнаружены при раскопках поселений Польце–I и Кукелево [Горбунов, 2018. С. 15–16].

О повышении статуса и благосостояния лиц, погребенных вместе с мечами, свидетельствует увеличение количества погребального инвентаря. В среднем в интересующих могилах в среднем обнаружено 23 предмета (от 3 до 80). В захоронениях I – первой половины IV вв. выявлена 21 находка. В погребениях IV – начала V вв. среднее количество находок увеличивается до 26 (от 6 до 65). О повышении статуса и значимости мужчин интересующей группы свидетельствует увеличение трудозатратности подготовки могил. Для Тарасовского могильника средний объём извлеченного грунта при рытье могильных ям одиночных захоронений лиц, погребаемых с мечами, составляет 4,1 м³. Для захоронений финального этапа данный показатель составил 7,3 м³. Минимальный объём могилы составил 1,8 м³ (погр. 129), максимальный объём 17,63 м³ (1685) [Голдина, 2004. С. 255]. В Прикамье среди захоронений рассматриваемой выборки погр. 1685 является самым трудозатратным по подготовке могильной ямы. Среди захоронений Тарасовского могильника на втором месте находится погр. 1784 с объёмом 10,4 м³ [Голдина, 2004. С. 272]. Увеличение объёма могильных ям во многом происходило за счет повышения их глубины.

Миграции и военные конфликты второй половины IV–V вв. создавали благоприятные условия для развития военизированных структур и социальных институтов, связанных с ними. Погребальный инвентарь и обрядность погр. 1685 и 1784 Тарасовского могильника демонстрирует повышение статуса лиц, погребенных в них. Подобное положение дел могло быть связано с усилением роли воинов и вождей в жизни местных обществ. С другой стороны, определенное культурное влияние могли оказать контакты с мигрантами, оставившими после себя курганную часть Тураевского могильника.

Как и в случае с азелинской культурой, дальнейшему развитию воинских формирований и социально–политических институтов препятствует прекращение существования мазунинской культуры. По мнению Т.И. Останиной, в конце V – начале VI вв. прекращают существование мазунинские памятники,

функционировавшие на территории современной Удмуртии и севере Башкирии до р. Бирь. Исследователь связывает данную ситуацию не с влиянием внешних факторов, а с внутренними причинами, к числу которых могут относиться изменения климата или перенаселение [Останина, 1997. С. 179]. А.П. Зыковым выдвинуто предположение, что на рубеже V–VI вв. представители мазунинской культуры понесли поражение от носителей именьковской и кушнаревской культур. В результате остатки мазунинских племен были вынуждены покинуть ареал своего проживания [Зыков, 2011. С. 77].

Прекращение существования мазунинской культуры и передислокация ее носителей не способствовали сохранению практики помещения длинноклинкового оружия в состав погребального инвентаря у населения удмуртской части Прикамья.

В период второй половины IV–V вв. происходит продвижение мигрантов в Верхнее Прикамье в среду проживания представителей гляденовской культуры. Об этом свидетельствует не только появление подкурганных захоронений, но и факты совершения погребений по обряду полной или частичной кремации. При проведении раскопок выявлены погребальные комплексы лиц с искусственной деформацией черепов [Генинг, 1959. С. 185].

Как уже отмечалось выше, во второй половине IV – начале V вв. мечи стали частью погребального инвентаря захоронений, оставленных на территории Мокинского, Бурковского, Бродовского, Митинского, Калашниковского могильников. Использование статусного вооружения в погребальной обрядности не характерно для традиций гляденовского населения. Исключением может являться ряд захоронений Мокинского могильника, относящихся к периоду конца III – началу IV вв.

Если приток мечей и изменение их места в духовной культуре были связаны с появлением мигрантов, то каково их происхождение?

Одним из первых исследователей, кто высказался в пользу формирования харинских древностей под влиянием мигрантов, был А.П. Смирнов. Анализируя результаты раскопок курганных могильников Харино и Качка, он пришел к выводу

о появлении в Верхнем Прикамье сарматских племен [Смирнов, 1952. С. 80]. Иную гипотезу выдвинули О.Н. Бадер и В.А. Оборин. По их мнению, в Прикамье появились группы угорского населения, увлекшие в свое движение на север немногочисленные сарматские племена [Бадер, 1958. С. 140].

В дальнейшем идея появления в регионе угорского населения была поддержана В.Ф. Генингом [Бадер, 1958. С. 140]. Р.Д. Голдина предположила, что памятники харинского типа возникли вследствие переселения в регион саргатских племен, произошедшем в IV–V вв. [Голдина, 1997. С. 275–276].

Еще одним сторонником версии влияния населения, пришедшего с востока, на процессы генезиса харинских древностей выступает С.Г. Боталов. Исследователь предположил: «В Зауралье гунно–сарматское население смешивается с угорскими зауральскими племенами (кашинский и прыговский археологические типы) и мигрирует вдоль бассейна реки Чусовой далее на северо–запад в нижнее течение реки Камы, где участвует в формировании харинских памятников ломоватовской культуры» [Боталов, 2009. С. 127].

В пользу поликультурного происхождения мигрантов, оказавших влияние на генезис неволинской культуры, высказалась Е.М. Черных. Согласно мнению исследователя, на земли, лежащие в бассейне р. Сылвы, могли проникнуть группы зауральского населения, представлявшие собой сложный конгломерат этнических групп, к числу которых могли относиться саргаты, представители ираноязычных племен и носители позднесарматской культуры [Черных, 2002. С. 143].

Д.В. Шмуратко на основании применения методов кластерного и дискретного анализов пришел к выводу о миграции на территорию Верхнего Прикамья групп позднесарматского населения [Шмуратко, 2012. С. 159]. Материалы раскопок верхнекамских памятников свидетельствуют о взаимосвязи носителей гляденовской культуры с населением, принявшим участие в формировании салиховских и турбаслинских могильников Южной Башкирии [Шмуратко, 2012. С. 160].

В рамках нашего исследования мы поддержим версию проникновения в Верхнее Прикамье представителей позднесарматского сообщества. Допуская, что

совместно с сарматами или отдельно от них в регион продвигались представители иных этнических или полиэтнических групп населения. Следует признать что и сами сарматы являются не единой этнической группой, а скорее общностью для которой характерны определенные моменты материальной и духовной культуры распространенные среди населения значительной территории.

Если рассматривать гипотезу А.П. Смирнова о появлении в регионе сармат как одну из основных, становятся более понятными причины помещения мечей в могилы, оставленные на территории Верхнего Прикамья [Смирнов, 1952. С. 80].

Для носителей позднесарматской культуры из предметов вооружения нередко меч и кинжал являлись традиционными элементами, обозначающими высокий социальный статус умершего. При проведении раскопок погр. 17, 75, погр. 3 кургана 5 Бурковского, погр. 23 Митинского, погр. 1 кургана 22, погр. 4 кургана 24, погр. 1 и погр. 2В кургана 25, Бродовского могильников в составе погребального инвентаря из предметов вооружения обнаружены мечи и кинжалы или ножи [Генинг, Голдина, 1973. С. 109, 112; Голдина, Водолаго, 1990. С. 26, 27]. В погр. 1 курага 25 Бродовского могильника вооружение умершего дополнялось наконечником стрелы [Голдина, Водолаго, 1990. С. 27]. Следует отметить, указанные комплексы с мечами не демонстрируют особого богатства и разнообразия погребального инвентаря. В могилах фиксируется наличие меча, кинжала/ножа, удила, нескольких пряжек от одежды или конской сбруи.

Появление на севере Прикамья сармат не привело к массовому распространению длинноклинкового оружия, что, вероятно, связано как с небольшой численностью мигрантов, не представляющих собой военные отряды, так и с невозможностью получать мечи из внешних источников.

Подводя итоги главы, остановимся на следующих моментах. На распространение длинноклинкового оружия в Прикамье определенное влияние оказали миграционные процессы первой половины I тыс. н.э. Но присутствие в захоронениях мечей и палашей не стоит связывать исключительно с влиянием групп инокультурного населения, появившегося в регионе. Часть подобных предметов появилась у местного населения в результате его самостоятельной

деятельности, в том числе связанной с дальними военными походами и потенциальным участием в масштабных конфликтах своего времени.

Основной приток инокультурного населения произошел во второй половине IV–V вв. Среди мигрантов присутствовали группы, представляющие собой военные дружины и группы позднесарматского населения, для которых использование мечей как части погребального инвентаря является культурной традицией. Мигранты, утратив связь с центрами, ранее обеспечивавшими поступление мечей, не смогли наладить производство на новом месте. Утрата имеющегося оружия, быстрая ассимиляция переселенцев местным населением приводила к тому, что длинноклинковое оружие и практики, связанные с ним, могли не закрепляться или быть не так ярко представленным в культуре формирующихся новых общностей.

Заключение

В ходе раскопок погребальных памятников, оставленных в первой половине I тыс. н.э. в Прикамье, обнаружено 169 единиц длинноклинкового оружия или его фрагментов. Из них 154 единицы приходятся на мечи и 15 относятся к палашам. Несмотря на значительное количество находок, длинноклинковое оружие не так часто становилось объектом научного исследования, о чем свидетельствует небольшое количество научных работ, посвященных изучению данных объектов материальной культуры.

В рамках представленного исследования реализуется задача создания источниковедческой базы длинноклинкового оружия первой половины I тыс. н.э. Для удобства работы данные об объектах исследования обобщены в таблицы, фиксирующие сведения о находках по 18 критериям (Табл. 15; 16).

Один из этапов исследования связан с проблемами систематизации имеющихся материалов. На основании длины клинков было выделено три отдела мечей (Граф. 2,3). *Отдел 1* – оружие с длиной клинка от 38 до 61,2 см. Мечи данной группы составляют около 10% от числа всех известных находок. Оружие с коротким клинком наиболее характерно для I–II в., однако отдельные экземпляры встречаются и в более поздние периоды. *Отдел 2* – мечи с длиной клинка от 66 до 80 см. Подобные мечи составляют 36% находок. Такая длина клинка делает мечи отдела 2 эффективным оружием как для пешего, так и для конного боя, вследствие чего подобное оружие встречается в захоронениях всей первой половины I тыс. н.э. *Отдел 3* – мечи с клинками от 81 до 102 см, представленный 15% находок. Длинные мечи встречаются преимущественно в погребениях III и конца IV – начала V вв.

Анализ ширины клинков позволяет выделить *подотдел А* – мечи с шириной основания клинка от 2,1 и до 4,2 см и *подотдел Б* – мечи с основанием от 4,3 до 6,1 см (Граф. 4,5). Находки подотдела А составляют около 20% и наиболее характерны для периода I – первой половины III вв. Мечи подотдела Б попадали в состав погребального инвентаря (80%) чаще всего во второй половине III–V вв.

Анализ параметров палашей, вошедших в выборку, позволил разделить находки на два отдела. *Отдел 1* – оружие с длиной клинков от 45 до 60 см (5 ед.), *отдел 2* – оружие с длиной клинка от 69 до 77,4 см. (5 ед.). Палаша, использовавшиеся на территории Прикамья, обладали клинками шириной около 3 – 3,2 см, что позволяет отнести все находки только к одному подотделу (подотдел А). Палаша использовались в период I–II вв. что не позволяет делать значимых суждений о связи параметров с временными периодами.

Рассмотрение особенностей конструкции рукоятей оружия позволяет выделить 4 варианта (раздела) их комплектации. *Раздел А* – мечи, у рукоятей которых не фиксируется наличия наверший и перекрестий (Рис. 62,63). Без учета случайных находок и оружия из разграбленных погребений к разделу А возможно отнести порядка 60% находок. Мечи раздела А наиболее характерны для периода III – первой половины IV вв. *Раздел Б* – мечи с рукоятями, имевшими металлическими перекрестиями (Рис. 65). Находки раздела Б составляют около 12% изучаемых объектов. Мечи с перекрестиями использовались в течении двух периодов: I–II вв. и со второй половины IV по V вв. *Раздел В* – оружие с рукоятями, снабженными навершиями, но без перекрестий (Рис. 67). Мечи с навершиями отражают представления, существовавшие в III – начале IV вв. Оружие раздела В является самой малочисленной группой мечей – количество находок не превышает 6%. *Раздел Г* – мечи, рукояти которых имели и перекрестия, и навершия (Рис. 69). Оружие подобной комплектации в небольших количествах (8%) встречается в погребениях I–II вв. и второй половины IV–V вв.

Конструкция рукоятей палашей позволяет разделить их на три возможные группы (разделы). *Раздел А* – палаша, рукояти которых не имели наверший и перекрестий. *Раздел Б* – оружие с эфесами, снабженными перекрестиями. *Раздел В* – палаша, рукояти которых комплектовались перекрестиями и навершиями.

На основании способа крепления навершия возможно выделить следующие группы.

Группа А – навершия, крепящиеся к рукояти при помощи штифта (Рис. 96). Навершия могли изготавливаться из халцедоновых дисков (10 ед.) или створок

моллюсков (3 ед.). Мечи, украшенные халцедоновыми навершиями, получили распространение в сарматской среде во II – первой половине III вв. Часть подобного оружия могла быть получена от сармат, или оно было украшено в подражание материальной культуре элит кочевых сообществ. В Прикамье мечи с подобными навершиями помещались в захоронения III – начале IV вв. и конце IV – начале V вв.

Группа Б – насадные навершия, представляющие собой изделия, крепящиеся к рукояти при помощи раструба (Рис. 98,99). Подобные навершия могут представлять собой железные набалдашники (6 ед.), используемые в оружии IV – начала V вв. Выявлены навершия рюмкообразной формы (3 ед.), происхождение которых связано с традициями Сасанидского Ирана (Рис. 98–1,2, 3). Оружие с подобными навершиями было принесено в Прикамье группой мигрантов, оставивших часть захоронений Кудашевского и Тураевского могильников. Представляют интерес литые навершия палашей, имеющие антенновидные выступы, концы которых стилизованы в виде змеиных голов (2 ед.) (Рис. 99). Подобными навершиями могли являться изделиями местных мастеров.

Группа В – интегрированные навершия, откованные как часть хвостовика (Рис. 101). Навершия мечей и палашей I–II вв. могут иметь кольцеобразную или антенновидную форму.

Особенности формы перекрестий позволяют разделить находки на следующие группы.

Группа А – перекрестия простой формы (Рис. 86,87,88). Простота изготовления и универсальность использования подобной формы перекрестия делает данную группу самой многочисленной (56% от всех находок, имевших перекрестие). Оружие с перекрестиями прямой формы используется в течении всей первой половины I тыс. н.э. *Группа Б* – перекрестия сложной формы – представлена 11 находками (Рис. 89,90,91). Перекрестиями сложной формы снабжались мечи, использовавшиеся преимущественно в I–II вв. *Группа В* – односторонние перекрестия, использовавшиеся исключительно для компоновки палашей, так как их клинки имели одностороннюю заточку.

Параметры клинков и формы рукоятей длинноклинкового оружия имеют особенности, на основании которых возможно произвести датирование находок или провести поиск аналогий. Но меч или палаш – это целостная система, требующая своего рассмотрения как единого целого всех ее элементов.

В рамках исследования была произведена апробация использования метода дискриминантного анализа для классификации мечей как системы элементов, их образующих. Данный метод позволяет рассчитать вероятность принадлежности каждой находки к одному из рассматриваемых периодов (I–II в., III в., IV в., последняя четверть IV – начало V вв.). Основываясь на полученных показателях принадлежности мечей к предложенным периодам, возможно выделить конструктивно–хронологические типы оружия. В качестве критериев выделения типов рассматриваются длина и ширина клинков, длина хвостовика, факты наличия или отсутствия перекрестий и наверший у рукоятей оружия.

Исходя из статистических показателей, возможно математически обосновать выделение трех конструктивно–хронологических типов мечей. *Тип 1* – это оружие, характерное для I–II вв. и имевшее среднюю длину клинка около 55 см, при ширине 3,7 см. Рукоять снабжалась перекрестием длиной около 5 см, только в 25% случаев присутствует навершие (Рис. 80–1). Показатель хронологической узнаваемости составил 60% (Табл. 5).

Тип 2 – это мечи, происходящие из захоронений, оставленных в III в. (Рис. 80–2). Конструктивно это оружие с длинным (от 75,5 до 102 см, в среднем 85,3 см) и узким (среднее значение 3,5 см) клинком, рукоять которого не имело перекрестия, но в 50% случаев снабжалось навершием. Не совсем обычна длина хвостовиков, которая варьировалась от 10 до 17,5 см. Узнаваемость мечей типа 2 составляет 66,7% (Табл. 5).

Тип 3 отражает специфику оружия, наиболее характерного для периода IV в. (без последней его четверти) (Рис. 80–3). Мечи имели клинки длиной в среднем 76,2 см и шириной основания в 4,8 см без выраженного сужения к острию. У 20,6% находок рукояти были снабжены навершиями, у всего оружия отсутствовали перекрестия (100%). Узнаваемость находок определяется как

85,3%, что является самым высоким показателем среди рассматриваемых групп (Табл. 5).

Мечи, попавшие в погребения в конце IV – начале V вв., определяются на уровне 42,3%. Величина показателя недостаточна для обоснования выделения мечей *типа 4* (Рис. 80–4).

Мечи *типа 1*, вероятно, отражают представления о параметрах клинка и оформлении рукоятей оружия, которые могли формироваться в среде населения Юго–Восточной и Средней Азии. Мечи *типа 2* могли являться отражением представлений об оружии, возникших в Средней и Центральной Азии. Мечи *типа 3* формировались под влиянием восточных и западных оружейных традиций, и о какой–либо локализации говорить сложно. Мечи *группы 4* отражают изменения конструкции рукоятей, произошедшие в эпоху военных конфликтов, вызванных движением гуннов на запад.

Основываясь на полученных результатах, можно утверждать, что метод дискриминантного анализа способен быть эффективным инструментом изучения длинноклинка оружия, как и иных категорий предметов духовной и материальной культуры.

Начало распространения длинноклинка оружия в среде оседлого населения Прикамья фиксируется по инвентарю захоронений I–II вв. Появление у местного населения палашей возможно связать с транзитной миграцией военного отряда, двигавшегося из Зауралья в Среднее Поволжье. В ходе контактов с мигрантами, которые могли быть представлены не только военными столкновениями, носители чегандинской культуры могли заимствовать интересующее оружие. Мигранты могли вовлечь в свое движение на запад часть местного мужского населения. В результате деятельности представителей данного союза могло произойти завоевание населения Окско–Сурско–Цинского междуречья.

В захоронениях I–II вв. присутствуют не только палаши, но и мечи. Часть оружия обладает перекрестиями ромбовидной формы с клиновидным вырезом в

верней части. Прототипами ромбовидных перекрестий возможно считать перекрестия китайских бронзовых мечей эпохи Чжаньго (Рис. 111).

При раскопках погребальных комплексов адреевско–писеральской общности оружия с подобным оформлением не выявлено, что позволяет предполагать наличие иного источника мечей у населения Прикамья.

Появлению в захоронениях I–II вв. н.э. мечей могли способствовать контакты местного населения с кочевниками, пришедшими в степи Южного Предуралья из регионов Средней и Центральной Азии. Появление нового конгломерата кочевников привело к переделу сфер влияния, вероятно, сопровождавшегося военными конфликтами, для победы в которых могли привлекаться союзные или наемные войска. Союзниками одной из сторон могли стать небольшие группы населения Прикамья, воспользовавшиеся благоприятными условиями для приобретения материальных ценностей и социальных статусов.

В результате участия в военных действиях или в наемной службе представители прикамского населения могли получить часть мечей в качестве трофеев или снабжения союзных войск [Малых, 2017. С. 28]. Получение значимых объёмов длинноклинкового оружия в ходе торговли с сарматами нам кажется маловероятным ввиду отсутствия у кочевников металлургического производства, способного покрыть собственные потребности.

В первой половине III в. происходит сокращение количества мечей, попавших в состав погребального инвентаря. Причины подобных изменений связаны с передислокацией населения с территории левобережья р. Камы на земли правобережья. Мечи продолжают помещаться в захоронения Тарасовского могильника – общины, оставившие данный памятник, могли сохранить внешние контакты.

В конце III в. вновь увеличивается количество захоронений с длинноклинковым оружием, оставленных в Удмуртском Прикамье, а также мечи появляются в погребальных комплексах на территории Волго–Вятского междуречья.

На территории Удмуртского Прикамья во второй половине III в. появляются погребальные комплексы, содержащие в своем составе не только мечи, но и шлемы (погр. 4, 782 Тарасовского и погр. 80 Нивского мог.). Интересующие погребения не несут в себе инноваций, свидетельствующих о появлении в регионе групп инокультурного населения.

Время совершения подобных захоронений может совпадать с эпохой Скифской войны (238–271 гг.) или приходиться на чуть более поздний период. Возможно, мы имеем дело не просто с совпадением, а с взаимосвязью масштабного конфликта и усложнения погребальной обрядности ряда прикамских захоронений.

События Скифской войны в очередной раз обеспечили благоприятные условия для создания военных союзов и грабительских набегов «варварских племен» на границы Римской империи. Немногочленные группы прикамского населения могли войти в состав одного из таких военных союзов и принять участие в военных акциях данной эпохи. В результате набегов могли быть захвачены богатые трофеи, в том числе представленные предметами статусного вооружения. Не исключена возможность включения носителей мазунинской культуры в состав военных формирований, сложившихся в среде кочевого населения Южного Предуралья.

В первой половине IV в. на территории Удмуртского Прикамья продолжается совершение погребений с мечами, но в них уже отсутствуют шлемы. Наличие мечей свидетельствует о сохранении внешних контактов, способствующих поддержанию воинской субкультуры, и представлений характерных для элит кочевых сообществ в данный период.

Течение иных процессов могло способствовать распространению длинноклинкового оружия в среде населения Волго–Вятского междуречья в конце III – начале IV вв. При проведении раскопок захоронений Усть–Брыскинского, Рождественского V могильников и ряда иных памятников Нижнего Прикамья зафиксировано появление традиции захоронения вместе с умершими ритуальных фрагментов скелета лошади. Традиции,

свидетельствующей о появлении в регионе группы инокультурного населения. На наш взгляд, высока вероятность связи мигрантов с представителями андреевско–писеральской общности Среднего Поволжья.

Мигранты могли вынудить передислоцироваться на Вятку часть местного населения. В результате чего начинают свое функционирование Азелинский, Суворовский и ряд иных могильников. Богатые воинские захоронения, содержащие предметы импорта, могли принадлежать не представителям вельбарской или черняховской культуры, а носителям местной азелинской культуры.

Ряд погребальных комплексов, оставленных на территории Волго–Вятского междуречья, интересен не только наличием в их составе мечей, но и присутствием шлемов и кольчуг. Часть статусного вооружения могла быть принесена мигрантами, но они, вероятно, были не единственным источником подобных предметов. На определенном этапе взаимодействие пришлого и местного населения могло достигнуть уровня, при котором совершались совместные военные акции. Организации подобных акций могли способствовать контакты мигрантов в регионе предшествующего проживания.

Немаловажную роль в распространении статусного вооружения в данной части региона могли сыграть события конфликта, вызванного военными акциями представителей державы Германариха, направленными на установление контроля над основными торговыми путями, пролегавшими по территории ряда лесных регионов Восточной Европы.

Военные действия в сопредельных регионах могли создать благоприятные условия для военной активности носителей азелинской культуры, в результате которой приобретались не только предметы статусного вооружения, но социальные статусы и общественное положение, достаточное для помещения подобных предметов в захоронения.

Вторая половина IV в. обозначилась проникновением в Прикамье групп инокультурного населения различного этнокультурного происхождения. Приток в регион мигрантов вызван продвижением гуннов на запад, приведший к серии

военных конфликтов, в которых были разгромлены объединения сарматского мира и прекратило свое существование государство Германариха.

Носители азелинской культуры, вероятно, под давлением именьковских племен вынуждены передислоцироваться в северные и северо–восточные районы Волго–Вятского междуречья. Наличие реальных военных угроз и разрыв действовавших ранее внешних контактов привели к прекращению практики помещения статусного вооружения в захоронения носителей азелинской культуры.

На территорию Удмуртского Прикамья в разное время проникали группы мигрантов различного происхождения. С юга в среду проживания носителей мазунинской культуры могли проникать сарматы. Взаимодействие сармат с мазунинским населением привело к формированию на севере современной Башкирии Старо–Муштинской группы курганно–грунтовых могильников. Данная группа памятников представляет для нас интерес в связи с тем, что в ряде захоронений данной группы присутствуют мечи, которые с собой могли принести мигранты.

Отдельные группы сармат могли продвинуться дальше на север Удмуртского Прикамья. В результате в Ижско–Камском междуречье будут оставлены погребения Дубровского могильника, ряд захоронений которого не только несет в себе следы взаимодействия местного и пришлого населения, но и содержит мечи. Практику помещения в могилы мечей в IV–V вв. не следует рассматривать как исключительное влияние номадов, так как подобная традиция присутствует у местного населения в предшествующие периоды.

Появление на севере Башкирии и в Удмуртском Прикамье сармат не привело к значимому распространению длинноклинкового оружия. Кочевники принесли с собой определенное количество мечей, но без получения оружия из внешних источников запасы подобных предметов могли быть быстро исчерпаны. Ни мигранты, ни представители местного населения не смогли наладить производство мечей в значимых объёмах. Вероятнее всего, в организации подобного производства отсутствовала необходимость.

Сарматы не были единственной группой инокультурного населения, появившейся в Прикамье во второй половине IV в. Наличие курганных захоронений на территории Тураевского и Кудашевского могильников свидетельствует о появлении еще одной группы мигрантов. Особенность данной группы памятников заключается в отсутствии женских захоронений, погребальная обрядность которых отличалась бы от местных традиций. Мигранты, оставившие курганный участок Тураевского могильника, могли представлять собой военную дружину, представляющую собой не просто военный отряд, а социальный институт.

В мужских комплексах присутствуют не только мечи, но и большое количество защитного вооружения, характерного для профессиональных воинов. Данная группа мигрантов представляла собой военный отряд или отряды. Несмотря на большое количество вооружения, принесённого мигрантами, и особенности организации, они не смогли оказать существенного влияния на распространение мечей в среде населения Прикамья.

Во второй половине IV в. длинноклинковое оружие появляется в составе погребального инвентаря захоронений, оставленных на территории Верхнего Прикамья. Для данной части региона подобная практика не была характерной в период I – первой половины IV в. Исключением может являться ряд захоронений Мокинского могильника, относящихся к концу III – началу IV вв.

Распространение мечей на севере Прикамья совпадает с появлением подкурганных захоронений, что стоит связывать с проникновением в Верхнее Прикамье групп позднесарматского, а не саргатского населения.

С движением на север групп кочевого населения стоит связывать появление значительной части мечей, попавших в захоронения, оставленные на территории Верхнего Прикамья. Появление сармат, иных групп инокультурного населения, в данной части Прикамья не приводит к распространению мечей в больших объемах, чем могли принести мигранты как часть своего имущества.

Влияние на распространение длинноклинкового оружия в Прикамье могло оказывать не только появление в регионе мигрантов, но и внешние контакты, а

также факторы, связанные с социально–политическим развитием местного населения.

В ряде случаев появление предметов статусного вооружения в погребениях связывается с процессами общественного развития, именуемого военной демократией – предгосударственной стадией общественного развития, для которой характерно появление социальных институтов вождей и дружин. *Вожди* – лица, сосредоточившие в своих руках военные, административные и иные функции, которые приобретают наследственный характер передачи, а также обладающие властью над более чем одной общиной или племенем. *Дружины* – надплеменные устойчивые объединения, представители которых специализировались на военной деятельности и были связаны с предводителем отношениями личной преданности.

Для представителей данных структур меч или палаш имеют значение не только как элемент системы вооружения, но и как маркер социального статуса и положения. Исходя из вышеупомянутого, для вождей и дружинников длинноклинковое оружие нередко является частью погребального инвентаря.

Среди лиц, захороненных с длинноклинковым оружием, комплексы вождей выделялись на основании таких критериев: планиграфия погребений, высокая трудозатратности подготовки могил, наличие надмогильных сооружений, наличие большого количества погребального инвентаря и присутствие импортов. В период первой половины I тыс. н.э. указанным критериям отвечает только захоронение, оставленное под курганом 5 Тураевского могильника. Погребение, вероятно, принадлежало вождю военной дружины, пришедшей в Прикамье из других регионов. Захоронения представителей местного населения не демонстрируют обрядность, достаточную для того, чтобы причислить их погребения к комплексам вождей эпохи предгосударственной стадии. С течением времени увеличивалась трудозатратность подготовки захоронений и количество погребального инвентаря. Но этих изменений недостаточно для того, чтобы утверждать, что мужчины, погребённые с мечами или палашами, обособились от рядовых представителей своих обществ. Лица, погребенные вместе с

длинноклинковым оружием, не противопоставлялись остальным представителям общества, являясь частью родов или общин.

Появлению рассматриваемого социального института могли способствовать военные акции местного населения в эпоху Скифской войны, походов Германариха и появление мигрантов во второй половине IV в. Благодаря этим событиям могли появиться богатые и неординарные погр. 94 могильника Тюм–Тюм, погр. 4, 782, 790, 1685, 1784 Тарасовского могильника. Но они не привели к усилению отдельных лиц, когда их влияние превысило значимость целых общин или племен. Появлению вождей, сосредоточивших в своих руках различные управленческие функции мог препятствовать недостаточный уровень экономического развития местного населения и прекращение существования многих культур под влиянием миграционных процессов.

Комплексы дружинников возможно выделить на основании следующих критериев: планиграфия захоронений, всеобщая вооруженность, наличие захоронений вождей, выявление на антропологическом материале следов травм, полученных в военных действиях.

Как и в случаях с комплексами вождей, на основании анализа обрядности захоронений с длинноклинковым оружием не удастся выделить погребения, принадлежащие представителям дружин, существовавших на территории Прикамья. Захоронения с длинноклинковым оружием не образуют отдельных рядов и никаким образом не обособляются от остальных комплексов, не имеющих предметов вооружения в своем составе. В большинстве интересующих погребений оружие, кроме мечей, палашей и ножей (кинжалов), представлено единичными экземплярами, не образующими комплекс вооружения.

Единственным памятником, соответствующим критериям выделения дружинных комплексов, является курганная часть Тураевского могильника.

Появление в Прикамье групп инокультурного населения различного происхождения не привело к формированию в среде населения региона социальных институтов и вождей.

Социальными структурами, способными оказать существенное влияние на распространение длинноклинкового оружия, могли стать мужские (молодежные) союзы, являющиеся предшественниками дружинных организаций. Мужские союзы не только содействовали смене возрастных классов, но и могли играть важную роль в военной организации древних обществ. Союзы могли объединять юношей для прохождения военного обучения под руководством представителей старших возрастных классов, в числе прочего включающего охрану границ племенных территорий и совершение военных набегов.

Рассматриваемые структуры могли являться средой, в которой происходило развитие воинской субкультуры и ее дальнейшее распространение. Средой, активно осуществлявшей заимствования элементов воинской субкультуры у представителей различных этнокультурных общностей, в том числе традиций использования длинноклинкового оружия. Объединяя лица наиболее боеспособного возраста, являясь военизированной структурой, мужские союзы могли способствовать организации дальних военных походов и иных форм военной активности, осуществляемой за пределами Прикамья, способствующей приобретению импортов, среди которых присутствовали мечи и иные предметы статусного вооружения. Длинноклинковое оружие первой половины I тыс. н.э., является важным источником информации не только о военном деле, но и о социальном устройстве и контактах населения, проживавшего в древности на территории Прикамья.

Перспективы дальнейшего продолжения исследования могут быть связаны с рассмотрением проблем развития воинской субкультуры и социальной организации древних обществ по материалам захоронений с предметами статусного вооружения отставленных на территории Прикамья в период VIII в. до н.э. – X в. н.э. Подобное исследование позволит пролить свет не только на культурные и военные контакты местного населения, но и позволит проследить эволюцию погребальной обрядности лиц, чей социальный статус позволял использовать предметы статусного вооружения как части погребальной обрядности.

Список источников и литературы.

Архивные материалы :

1. Арматинская О.В. Отчет о работах в Сарапульском районе удмуртской АССР и Менделеевском р-оне в 1986. Инский и Усть-Сарапульский могильники. // Архив УдГУ. Ф.2. Д.147.
2. Генинг В.Ф., Одинцов В.В. Отчет о раскопках Ныргандинского II могильника. // Отчет об исследованиях удмуртского отряда Нижнекамской археологической экспедиции в 1969 г. // Архив УдГУ. Ф.2. Д.75А
3. Голдина Р.Д. Отчет о раскопках Бродовского могильника, проведенных летом 1978 года Камско-Вятской экспедицией Удмуртского университета. // Архив КАЭ ПГНИУ. Д.116.
4. Голдина Р.Д. Отчет о раскопках Бродовского могильника в Кунгурском районе Пермской области проведенных летом 1979 г. Камско-Вятской археологической экспедицией. // Архив КАЭ ПГНИУ. Д.118.
5. Казанцева О.А. Отчет о работах в Бардымском районе Пермской области в 1989 году. // Архив ГИООКН ПК. Ф.2. Д.284.
6. Казанцевой О.А. Кудашевский могильник. Отчёт о работах в Бардымском районе Пермской области в 1990 году. // Архив ГИООКН ПК. Ф.2. Д.293.
7. Казанцевой О.А. Кудашевский могильник. Отчет о работах в Бардымском районе Пермской области в 1991 году. // Архив ГИООКН ПК. Ф.2. Д.304.
8. Казанцева О.А. Отчет о работах в Бардымском районе Пермской области в 2004 году. // Архив ГИООКН ПК. Ф.2. Д.315.
9. Ленц Г.Т. Отчет о раскопках Калашниковского курганного могильника и Калашниковского I селища в Кунгурском районе Пермской области в 1982 г.// Архив КАЭ ПГНИУ. Д 148.
10. Лещинская Н.А. Отчет об археологических исследованиях в Тужинском, Уржумском районах Кировской области летом 1986 г. // Архив ИИКНП УдГУ. Ф.2. Д.251.

11. Лещинская Н.А.. Отчет об исследованиях Ошкинского могильника в Уржумском районе и Кривоборского городища в Кирово–Чепецком районе Кировской области в 1987 г.// Архив ИИКНП УдГУ. Ф.2. Д.292
12. Одинцова В.В., Генинг В.Ф. Отчет о раскопках Ныргандинского II могильника.// Отчет об археологических исследованиях на правом берегу р. Камы в пределах Удмуртской АССР /зона Камского водохранилища в 1968г. // Архив УдГУ. Ф.2. Д.77.
13. Макаров Л.Д. Отчет о работах 1987 года в Кировской области. // Архив ИИКНП УдГУ. Ф.2. Д.264.
14. Мельничук А.Ф. Отчет о полевых исследованиях Огурдинского мезолитического поселения в Усольском р–не и Мокинского могильника в Пермском р–не в 1994 г. // Архив КАЭ ПГНИУ Д.222.
15. Мельничук А.Ф. Отчет о полевых исследованиях Огурнинского мезолитического поселения в Усольском р–оне и Мокинского могильника в Пермском р–оне в 1994 г. // Архив КАЭ ПГНИУ. Д. 222.
16. Соболева Н.В. Отчет о раскопках Мокинского могильника в 1990 г. // Архив КАЭ ПГНИУ. Д.201.
17. Соболева Н.В. Отчет о раскопках Мокинского могильника в 1991 г. // Архив КАЭ ПГНИУ. Д.204.
18. Соболева Н.В. Отчет о раскопках Мокинского могильника в 1992 г. // Архив ИА РАН. Ф.Р–1. Д.207.
19. Соболева Н.В.. Отчет о раскопках Бурковского курганного могильника в июле 1993 года. // Архив КАЭ ПГНИУ. Д.212.
20. Соболева Н.В. Отчет о раскопках Мокинского могильника в 1998 г.// Архив КАЭ ПГНИУ. Рукопись.

Диссертации и авторефераты:

1. Воронцов А.М. Этнокультурная ситуация на Окско–Донском водоразделе в позднееримское время: автореф. дис.... канд. ист. наук. 07.00.06. / Воронцов Алексей Михайлович. – М, 2008. – 34 с.
2. Кривошеев М.В. Позднесарматская культура южной части междуречья Волги и Дона. Проблема хронологии и периодизации.: дис.... канд. ист. наук. 07.00.06. / Кривошеев Михаил Васильевич. – Волгоград, 2005. – 314 с.
3. Нефедов И.В. Вооружение финнов Западного Поволжья в первой–второй трети I тыс. н.э. (I–VII вв.): автореф. дис. канд. ист. наук. 07.00.06./ Нефедов Игорь Владимирович. – Самара, 2004. – 28 с.
4. Кондрашин В.В. Железообработка в Среднем Поволжье и Прикамье в III в. до н.э.–VII в. н.э.: Технологический аспект: дис... канд. ист. наук. 07.00.06. / Кондрашин Виталий Викторович. – Ижевск, 2003. – 154 с.
5. Малашев В.Ю. Позднесарматская культура Южного Приуралья во II – III вв. н.э.: дис... канд. ист. наук. 07.00.06. / Малашев Владимир Юрьевич. М, 2013. – 207 с.
6. Матвеев Р.В. Вооружение населения Волго–Вятского междуречья в конце II – IV вв.: дис... канд. ист. наук. 07.00.06. / Матвеев Руслан Валерьевич. – Казань, 2013. – 231 с.
7. Перескоков М.Л. Пермское Приуралье в финале раннего железного века (первая половина – середина I тыс. н.э.): дис... канд. ист. наук. 07.00.06. / Перескоков Михаил Львович. Йошкар–Ола, 2013. – 287 с.
8. Сабиров Т.Р. Погребальный обряд Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме: дис... канд. ист. наук. 07.00.06. / Сабиров Тимур Русланович. – Ижевск, 2011. – 345 с.
9. Шмуратко Д.В. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье в контексте культурно–исторических процессов эпохи Великого переселения народов (статистический анализ погребального обряда): дис... канд. ист. наук. 07.00.06. / Шмуратко Дмитрий Владимирович. – Казань, 2012. – 161 с.

Литература:

1. Агеев этноБ.Б. Пьяноборская культура./ Б.Б. Агеев - Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. – 140 с.
2. Агеев Б.Б. Мажитов Н.А. Новый памятник пьяноборской культуры в Башкирии. (Препринт)./ Б.Б Агеев., Н.А. Мажитов. – Уфа: БФАН СССР, 1985. – 40 с.
3. Акимова М.С. Черепа раннего средневековья с р. Вятки./ М.С. Акимова // Азелинская культура III–V вв. Очерки истории Вятского края в эпоху переселения народов. Тр. УАЭ. – Ижевск–Свердловск: Типография Облполиграфиздата г. В. Пышма 1963. – Т.2 – С. 145–152.
4. Акимова М.С. Антропология древнего населения Приуралья./ М.С. Акимова. – М: «Наука», 1968. – 120 с.
5. Аммиан Марцеллин. Римская история. Пер. с древнегреч. А.В. Махлаюка. / Аммиан Марцеллин. – СПб: Алтея, 1996. – 465 с.
6. Андреев Ю.В. Мужские союзы в дорийских городах – государствах (Спарта и Крит). / Ю.В. Андреев. – СПб: Алатея, 2004. – 336 с.
7. Арматынская О.В. Усть–Сарапульский могильник./ О.В. Арматынская // Приуралье в древности и средние века. Устинов: УдГУ, 1986. – С. 26–46.
8. Арматынская О.В. Особенности погребальных традиций Камско–Бельского междуречья в эпоху раннего железного века (конец IV в. до н.э. – V в. н.э.)./ О.В. Арматынская // Материалы по погребальному обряду удмуртов. – Ижевск: Удмуртский институт истории языка и литературы УрО РАН, 1991. – С. 92–104.
9. Ахмеров И.Р. Культура рязанско–окских могильников./ И.Р. Ахмеров // Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. – М: Институт археологии РАН, 2007. – № 9. – С. 137–153.

10. Ахмеров И.Р. Ранняя группа мечей из рязанско–окских могильников. / И.Р. Ахмеров // Воинские традиции в археологическом контексте: от позднего латена до позднего средневековья. – Тула: Куликово поле, 2014. – С. 24–40.
11. Бадер О.Н., Оборин В.А. На заре истории Прикамья. / О.Н. Бадер, В.А. Оборин. – Пермь : Пермское книжное издательство, 1958. – 244 с.
12. Балабанова М.А. Реконструкция социальной организации поздних сарматов на основе анализа антропологии курганных могильников Нижнего Поволжья и Нижнего Дона. / М.А. Балабанова // Нижневолжский археологический вестник. – 2003. – № 6. – С. 66–88.
13. Балабанова М.А. Половозрастная структура населения позднесарматского времени Нижнего Поволжья. / М.А. Балабанов // – 2009. – №3 – С. 79–89.
14. Бажан И.А., Васкул И.О. О связях населения лесной полосы Восточной Европы с Прибалтикой в первой половине I тысячелетия н.э. / И.А. Бажан, И.О. Васкул // Памятники эпохи камня и металла Северного Приуралья. Материалы по археологии Европейского Северо–Востока. – Сыктывкар, 1988. – № 11. – С. 80–85.
15. Безуглов С.И. Позднесарматский меч из ст. Камышевой / С.И. Безуглов. // Проблемы археологии Юго–Восточной Европы. VII Донская археологическая конференция. Тезисы докладов. – Ростов–на–Дону: Институт «Открытое общество» Фонд содействия, 1998. – С. 87–88.
16. Безуглов С.И. Позднесарматские мечи (по материалам Подонья). / С.И. Безуглов // Сарматы и их соседи на Дону: материалы и исследования по археологии Дона: сб. научн. тр. – Ростов–на–Дону: ООО «Терра»; НПК «Гефест», 2000. – №1. – С. 169–194.
17. Белоусов В.В. Изучение клинкового вооружения сармат: терминологический аспект./ В.В. Белоусов // Вестник ВГУ. История – Воронеж: Изд-во ФГБОУ Воронежский государственный университет 2012. – №1. – С. 74–78
18. Бернц В.А., Черных Е.М., Липина Л.И. Меч и всадник эпохи Великого переселения народов: комплекс погребения 11 Дубровского могильника в Южной

Удмуртии./ В.А. Бернц, Е.М. Черных, Л.И. Липина // Уфимский археологический вестник. – 2015. – №15. – С. 131–147.

19. Богачев А.В. К эволюции калачиковидных серег IV–VII вв. в Волго–Камье / А.В. Богачев // Культура Евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. – Самара – 1996. – С. 99–114.

20. Бородкин Л.И. Нечеткие множества распознавание образов и экономическая история / Л.И. Бородкин // История статистика информатика. – Барнаул, 1995. – С. 78–101.

21. Боталов С.Г. Гунны и тюрки. Историко–археологическая реконструкция. / С.Г. Боталов. – Челябинск : ООО «ЦИКР «Рифей», 2009. – 672 с.

22. Бочаров А.В. Основные методы исторического исследования / А.В. Бочаров. – Томск: НИ ТГУ, 2006. – 188 с.

23. Васюткин С.М. К дискуссии по бахмутинской культуре / С.М. Васюткин // СА. – 1971. – № 3 – С. 97–105.

24. Вдовиченков Е.В. Проблема существования мужских союзов у сарматов./ Е.В. Вдовиченков // Ранние формы потестарной организации. – СПб.: МАЭ РАН, 2013. – С. 182–198

25. Вдовиченков Е.В. Потестарная организация сарматского общества. / Е.В. Вдовиченков // Ранние формы потестарной организации. – СПб: СПбНЦ РАН; АНО» КИО», 2016. – С. 107–125

26. Валиулина С.И. Стеклоянная лампадка из V кургана Тураевского могильника./ С.И. Валиулина // Древняя и средневековая археология Волго–Камья. Сборник статей к 70–летию П.Н. Старостина. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – С. 236–261.

27. Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново–Сасыкульский могильник./С.М. Васюткин, В.К. Калинин // Археологические работы в низовьях Белой: Сборник научных статей. – Уфа: БФАН СССР, 1986. – С. 95–122.

28. Математическая энциклопедия. От. ред. И.М. Виноградов. – М: Изд-во «Советская энциклопедия», 1979. – Т.2. – 1058 с.

29. Виноградов Ю.А. Горончаровский В.А. Военная история и военное дело Боспора Киммерийского (VI в. до н.э. – середина III в. н.э.)./ Ю.А. Виноградов. В.А. Горончаровский. – СПб: Филологический факультет Санкт-Петербургского университета, 2008. – 322 с.
30. Вольфрам Х. Готы. / Х. Вольфрам./ Пер. с немецкого Б.И. Миловидов М.Ю. Некрасов. – СПб: Ювента, 2003. – 656 с.
31. Воронятов С.В., Еременко В.Е. «Плавильщики» царя Фарзоя./ С.В. Воронятов, В.Е. Еременко // Варварский мир северопонтийских земель в сарматскую эпоху: сборник статей к 60-летию А.Н. Дзиготовского. – Киев: Видавце Олег Філюк, 2013. – С. 51–63.
32. Воробьева С.Л. Вооружение оседлого населения Нижнего Прикамья по материалам Ново-Сасыкульского могильника I–II вв. н.э. (в сравнении с сарматским населением этого времени). / С.Л. Воробьева // Крым в сарматскую эпоху (II в. до н.э. – V в. н.э.). Материалы X международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Симферополь: ООО «Фирма «Салта» ЛТД», 2019. – С. 62–69.
33. Генинг В.Ф. Археологические памятники Удмуртии./ В.Ф. Генинг // – Ижевск: Удм. кн. изд-во, 1958. – 192 с.
34. Генинг В.Ф. Могильник Качка / В.Ф. Генинг //Отчет Камской (Воткинской) экспедиции. – М: Изд-во Акад. наук СССР, 1959. – №1. – С. 196–209.
35. Генинг В.Ф. Тураевский курганный могильник на Нижней Каме./ В.Ф. Генинг // ВАУ. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1962. – № 2. – С. 72–80.
36. Генинг В.Ф. Азелинская культура III–V вв./ В.Ф. Генинг // ВАУ. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1963. – №5. – 160 с.
37. Генинг В.Ф. Ижевский могильник IV–V вв./ В.Ф. Генинг // Памятники мазунинской культуры. ВАУ. – Свердловск–Ижевск: Изд-во Урал. ун-та, 1967. – № 7 – С. 123–140.
38. Генинг В.Ф., Мырси́на, Е. М. Мазунинский могильник./ В.Ф. Генинг, Е.М. Мырси́на // ВАУ. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1967. – №7. – С. 85–115.

39. Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. Часть 1. Чегандинская культура (III в. до н.э. – II в. н.э.). / В.Ф. Генинг // ВАУ. – Ижевск: Изд-во Урал. ун-та, 1970. – № 10. – 260 с.
40. Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. / В.Ф. Генинг // ВАУ. – Ижевск: Изд-во Урал. ун-та, 1971. – №11. – 158 с.
41. Генинг В.Ф. Южное Приуралье в III–VII вв. н.э. (проблема этноса и его происхождение). / В.Ф. Генинг // Проблемы археологии и древней истории угров. – М: «Наука», 1972. – С. 221–295.
42. Генинг В.Ф., Голдина Р.Д. Курганные могильники харинского типа в Верхнем Прикамье. / В.Ф. Генинг, Р.Д. Голдина. // ВАУ. – Свердловск: Изд-во Уральск. ун-т, 1973. – №12 – С. 12–121.
43. Методика статистической обработки характеристики и сравнительного анализа погребального обряда / В.Ф. Генинг, В.А. Борзунов // ВАУ. – Свердловск: Изд-во Ур. гос. ун-та, 1975 – № 13. – С. 42–72.
44. Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (Захоронения военачальников). / В.Ф. Генинг // Из археологии Волго–Камья. – Казань: ИЯЛИ им. Г. Ибрагимова КФАН СССР, 1976. – С. 65–108.
45. Гей А.Н. Новотиторовская культура (предварительная характеристика). / А.Н. Гей // СА. – 1991. – № 2 – С. 54–71.
46. Голдина Р.Д. К вопросу о своеобразии неволинских памятников бассейна р. Сылвы / Р.Д. Голдина // Учен. зап. Перм. гос. ун-та. – Пермь, 1968. – № 191 – С. 87–98.
47. Голдина Р.Д. Основные итоги работ Камско–Вятской археологической экспедиции за 1973–1975 гг. / Р.Д. Голдина // Материальная и духовная культура финно–угров Приуралья. – Ижевск, 1977. – С. 10–44.
48. Голдина Р.Д. Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье. / Р.Д. Голдина. – Иркутск: Изд-во Иркутского университета, 1985. – 280 с.

49. Голдина Р.Д. Исследование курганной части Бордовского могильника Приуралья. / Р.Д. Голдина // Приуралье в древности и средних веках. – Устинов: Изд-во УдГУ, 1986. – С. 47–99.
50. Голдина Р.Д., Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье./ Р.Д Голдина, Н.В. Водолаго. – Иркутск: Изд-во Иркут. Ун-та, 1990. – 174 с.
51. Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. / Голдина Р.Д. – Ижевск: Изд-во УдГУ 1997. – 464 с.
52. Голдина Р.Д., Волков С.Р. Шлемы Тарасовского могильника./ Р.Д. Голдина, С.Р. Волков // Уфимский археологический вестник. – 2000. – №2 – С. 98–122.
53. Голдина Р.Д. Миграции угров в Европу в I тыс. н.э. / Р.Д. Голдина // Угры. – Тобольск, 2003. – С. 57–63.
54. Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. / Р.Д. Голдина. – Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 2004. – Т. I – 320 с.
55. Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. / Р.Д. Голдина. – Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 2003. – Т. II. – 721 с.
56. Голдина Р.Д., Бернц В.А. Предварительные итоги раскопок бескурганной части Тураевского могильника. / Р.Д. Голдина, В.А. Бернц // Удмуртской археологической экспедиции–50 лет: материалы Всероссийской научной конференции. – Ижевск: Удмурт. ин-т истории яз. и лит, 2004. – С. 140–162.
57. Голдина Р.Д., Бернц В.А. Тураевский I могильник – уникальный памятник эпохи Великого переселения народов в Среднем Прикамье (бескурганная часть)/ Р.Д. Голдина, В.А. Бернц // Материалы и исследования Камско–Вятской археологической экспедиции. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский университет», 2010. – Т. 17. – 499 с.
58. Голдина Е.В., Голдина Р.Д. «Дальний импорт» Прикамья – своеобразное проявление процессов взаимодействия народов Евразии (VIII в. до н.э. – IX в. н.э.). / Е.В. Голдина, Р.Д. Голдина // Голдина Е.В. Бусы неволинской

культуры. – Ижевск: Изд-во «Удмуртский государственный университет», 2010. – 264 с.

59. Голдина Е.В., Липина Л.И. Бусы в захоронениях воинов (по материалам Тарасовского могильника). / Е.В. Голдина, Л.И. Липина// Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Археология и этнография. – 2015. – Т.17. № 3 – С. 287–294.

60. Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология мужских погребений III–V вв. Тарасовского могильника. / Р.Д. Голдина, В.А. Бернц // Поволжская археология. – 2016. – №3 (17) – С. 172–205.

61. Голдина Р.Д., Бернц В.А. Хронология погребений I–II вв. Тарасовского могильника./Р.Д. Голдина, В.А. Бернц // Поволжская археология. – 2016. – №1 (15) – С. 41–89.

62. Голдина Р.Д., Перевошиков С.Е. О клинковом оружии Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме. / Р.Д. Голдина, С.Е. Перевошиков // Уральский исторический вестник. – 2017. – №1 (54) – С. 113–122.

63. Горбунов В.В. Пластинчато – кольчатые панцири Западной Сибири и Приуралья эпохи Великого переселения народов. / В.В. Горбунов // Поволжская археология. – 2018. – № 4 (26) – С. 8 – 23.

64. Городцов В.А. Археологическая классификация./ В.А. Городцов. – Л : «Наука», 1925. – 59 с.

65. Гришаков В.В., Зубов С.Э. Андреевский курган в системе археологических культур раннего железного века Восточной Европы. / В.В. Гришаков, С.Э. Зубов. – Казань: Институт истории АН РТ, 2009. – 173 с.

66. Завьялов В.И. История кузнечного ремесла пермян: археометаллографическое исследование. / В.И. Завьялов. – Ижевск: Удмуртский ин-т истории языка и лит. УрО РАН, 2005. – 244 с.

67. Завьялов В.И., Розанова Л.С., Терехова Н.Н. История кузнечного ремесла финно–угорских народов Поволжья и Предуралья: К проблеме этнокультурных взаимодействий./ В.И. Завьялов, Л.С. Розанова, Н.Н. Терехова. – М: «Знак», 2009. – 264 с.

68. Засецкая И.П. Культура Кочевников Южнорусских степей в гуннскую эпоху (кон. IV–V вв.). / И.П. Засецкая. – СПб: Элипс Лтд, 1994. – 224 с.
69. Зубов С.Э. Ранние палаши Волго–Уралья. / С.Э. Зубов// Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – С. 124–133.
70. Зубов С.Э., Лифанов Н.А., Радюш О.А. Новые памятники писеральско–андреевского типа I–III вв. н.э. на территории Нижегородской области (предварительное сообщение). / С.Э. Зубов, Н.А. Лифанов, О.А. Радюш // Вояджер: мир и человек. – Самара: САГМУ, 2011. – № 1. – С. 13–30.
71. Зубов С.Э. Воинские миграции римского времени в Среднем Поволжье (I–III вв.). / С.Э. Зубов. – М.: LAP Lambert Academic Publishing, 2011. – 208 с.
72. Зубов С.Э., Радюш О.А. Шлемы Среднего Поволжья в среднесарматское время./ С.Э. Зубов, О.А. Радюш // Сарматы и внешний мир. Материалы VIII Всероссийской научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН Центр «Наследие», 2014. – С. 94–105.
73. Зубов С.Э., Саттаров Р.Р. Сарматские импорты и заимствования в вооружении племен пьяноборской культуры Икско–Бельского междуречья./ С.Э. Зубов, Р.Р. Саттаров // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Археология и этнография. – 2014. – Т.16. №3. – С. 314–320.
74. Збруева А.В. История населения Прикамья в анабинскую эпоху. / А.В. Збруева // МИА – М: Изд-во АН СССР, 1952. – 322 с.
75. Зыков А.П. Об этнокультурной ситуации в Среднем Прикамье в эпоху Великого переселения народов. / А.П. Зыков // Уфимский археологический вестник. – 2011. – №10. – С. 15–25.
76. Иванов В.А. Вооружение и военное дело финно–угров Приуралья в эпоху раннего железного века: I тыс. до н.э. – первая половина I тыс. н.э. / В.А. Иванов. – М: «Наука», 1984. – 88 с.

77. Иванов В.А. Финно–угры на Южном Урале и в Приуралье / В.А. Иванов // История татар с древнейших времен. Народы степной Евразии в древности. – Казань: Рухият, 2002. – Т.1. – С. 204–209.
78. Иштанович Э. Кульчар В. Мечи/кинжалы с боковыми вырезами в Карпатском бассейне. / Э. Иштанович, В. Кульчар // Гунны готы и сарматы между Волгой и Дунаем. Сборник научных статей. – СПб: Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – С. 143–152.
79. Казаков Е.П. Этнокультурная ситуация в IV–VII вв. н.э. в Среднем Поволжье. / Е.П. Казаков // *Finno-Ugrica*. – 2011. – №12 – 13 – С. 8–39.
80. Казанский М.М. Мастыкова А.В. «Царские» гунны и акациры. /М.М. Казанский, А.В. Мастыкова // Гунны готы и сарматы между Волгой и Дунаем. Сборник научных статей. – СПб. Факультет филологии и искусств СПбГУ, 2009. – С. 114–127.
81. Казанский М.М. Скандинавская меховая торговля и «Восточный путь» в эпоху переселения народов. / М.М. Казанский // Рим и варвары: от Августа до Августула // *Stratum plus*. – СПб, Кишинев, Одесса, Бухарест: Изд-во Stratum plus, 2010. – №4. – С. 19 – 20.
82. Казанский М.М., Мастыкова А.В. Федераты и империя: эволюция некрополя Цибилиум (II–VII вв.). / М.М. Казанский, А.В. Мастыкова // Вторая Абхазская международная археологическая конференция. Материалы конференции. – Сухум: ИИМК РАН; АБИГИ им. Д.И. Гулиа АНА, 2011. – С. 102–116.
83. Казанцева О.А. Кудашевский могильник – памятник эпохи великого переселения народов в Среднем Прикамье. / О.А. Казанцева //Материалы Всероссийской научной конференции посвященной 50–летию Удмуртской археологической экспедиции и 80–летию со дня рождения В.Ф. Генинга. – Ижевск: Изд-во УИИЯЛ УрО РАН, 2004. – С. 132–140.
84. Казанцева О.А. Каталог археологических памятников Бардымского района Пермской области. / О.А. Казанцева. – Ижевск: Изд-во Ижевский полиграфический комбинат, 2004. – 176 с.

85. Казанцева О.А. Красноярский могильник I–V вв. в бассейне р. Тулвы Среднего Прикамья. / О.А. Казанцева. Материалы и исследования Камско–Вятской археологической экспедиции. – Ижевск: Изд-во УдГУ, 2012. – Т.24. – 180 с.
86. Казанцева О.А. Кудашевский I могильник – источник эпохи Великого переселения народов в Пермском Крае. / О.А. Казанцева // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань: ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» Институт археологии АН РТ, 2014. – Т.I. – С. 333–336.
87. Казанцева О.А. Нагиев З.Ш. Погребение тяжеловооруженного всадника в Кудашевском I могильнике. / О.А. Казанцева, З.Ш. Нагиев // Поволжская археология. – 2017. – №2. – С. 73–91.
88. Казанцева О.А. Защитное вооружение воинов III–V вв. (по материалам Кудашевского I могильника). / О.А. Казанцева // XXI Уральское археологическое совещание посвященное 85–летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70–летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. – Самара: Изд-во СГСПУ, 2018. – С. 217–219.
89. Каменецкий И.С., Маршак Б.И., Шер Я.А. Анализ археологических источников (Возможности формализованного подхода). / И.С. Каменецкий, Б.И. Маршак, Я.А. Шер. – М.: «Наука», 1975. – 176 с.
90. Клейн Л.С. Понятие типа в современной археологии. / Л.С. Клейн // Типы в культуре. – Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1979. – С. 50–74
91. Клейн Л.С. Археологическая типология. / Л.С. Клейн. – Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1991. – 448 с.
92. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. / И.Д. Ковальченко. – М.: Изд-во «Наука», 1987. – 440 с.
93. Колобов А.В., Кулябина Н.В., Мельничук А.Ф. Античная гемма из Пермского Приуралья. / А.В. Колобов, Н.В. Кулябина, А.Ф. Мельничук //

Археология и этнография Среднего Приуралья. – Березники, 2001. – №1. – С. 103–107.

94. Коробов Д.С. Социальная организация алан Северного Кавказа: IV–IX вв. н.э. / Д.С. Коробов. – СПб: Алетей, 2003. – 380 с.

95. Коренюк С.Н., Мельничук А.Ф., Перескоков М.Л. Погребальный обряд поздней части Мокинского могильника в Среднем Прикамье (по материалам раскопок 1994 г.). / С.Н. Коренюк, А.Ф. Мельничук, М.Л. Перескоков // Вестник Пермского университета. История. – 2011. – №1 (15). – С. 65–80.

96. Коренюк С.Н., Перескоков М.Л. К вопросу об этнокультурной ситуации в Прикамье в середине I тыс. н.э./ С.Н. Коренюк, М.Л. Перескоков // Исследования по средневековой археологии Евразии. – Казань: РИЦ, 2012. – С. 133–141.

97. Красноперов А.А. Украшения из раковин в погребальном инвентаре мазунинской культуры в Прикамье (первая половина – середина III – середина IV вв. н.э.). / А.А. Красноперов // Экология древних и традиционных обществ. – Тюмень: Вектор Бук, 2007. – №3. – С. 106–118.

98. Красноперов А.А. К атрибуции находок из раскопок Тарасовского могильника познесарматского времени в Прикамье. / А.А. Красноперов // Археология Казахстана в эпоху независимости: итоги перспективы. – Алматы, 2011. – Т.2. – С. 228–238

99. Красноперов А.А. Полихромные предметы с перегородчатой инкрустацией в Прикамье («догуннский» стиль перегородчатой инкрустации). / А.А. Красноперов // Лесная и лесостепная зоны Восточной Европы в эпохи римских влияний и Великого переселения народов. – Тула: Гос. музей–заповедник «Куликово – поле», 2012. – С. 218 – 255.

100. Кривошеев М.В. Вооружение познесарматского времени Нижнего Поволжья./ М.В. Кривошеев // Вооружение сармат : региональная типология и хронология : доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». – Челябинск: Изд-во ЮУрГУ, 2007. – С. 65–70.

101. Кропоткин В.В. О некоторых находках римских монет в Среднем Поволжье и Прикамье. / В.В. Кропоткин // Древности Евразии в скифо–сарматское время. – М: «Наука», 1984. – С. 137 – 141.

102. Лавров В.В. Готские войны III в. н.э.: римское культурное влияние на восточногерманские племена Северного Причерноморья./ В.В. Лавров // Проблемы античной истории Сборник научных статей к 70–летию со дня рождения проф. Э.Д. Фролова. – СПб: Изд–во С-Петерб. Ун-та, 2003. – С. 332 – 352.

103. Лещинская Н.А. Ошкинский могильник – памятник Пьяноборской эпохи на Вятке. / Н.А. Лещинская. //Научные доклады сотрудников Камско – Вятской археологической экспедиции. – Ижевск : Изд.-во УдГУ, 2000. – № 2. – 55 с.

104. Лещинская Н.А. Вятский край в пьяноборскую эпоху (по материалам погребальных памятников I–V вв. н.э.). / Н.А. Лещинская. // Материалы и исследования Камско–Вятской археологической экспедиции. – Ижевск: «Сарапульская типография», 2014. – Т.27. – 472 с.

105. Лещинская Н.А. Древности I–V вв. Вятского края как источник по межкультурному взаимодействию в условиях великого переселения народов. / Н.А. Лещинская. // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань: ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» Институт археологии АН РТ, 2014. – Т.I. – С. 345–349.

106. Лисюченко И.В. Эволюция двух видов мужских союзов у восточнославянских племен. / И.В. Лисюченко // Вестник ЧелГУ. История. – 2009. – № 41 (179) – С. 23–28.

107. Магомедов Б.В. Черняховская культура. Проблема этноса. / Б.В. Магомедов. – Люблин: Изд–во университета Марии Кюри – Склодовской, 2001. – 246 С.

108. Малашев В.Ю. Некоторые аспекты контактов носителей позднесарматской культуры южноуральских степей с населением лесной и лесостепной полосы Поволжья и Приуралья. / В.Ю. Малашев // Сарматы и

внешний мир. Материалы VIII Всероссийской (с международным участием) научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Уфимский археологический вестник. – Уфа: ИИЯЛ УНЦ РАН, Центр «Наследие», 2014. – №14. – С. 130–139.

109. Малых О.О. Халцедоновые навершия мечей или «Камни жизни». / О.О. Малых // Материалы XXXVIII Урало–Поволжской археологической студенческой конференции. – Астрахань: Изд-во «Астраханский университет», 2006 – С. 165–166.

110. Малых О.О. Типология мечей III–VI в. Прикамья. / О.О. Малых // Сообщения и доклады студенческого научного общества. ПГПУ. – Пермь: Изд-во ПГГПУ, 2007. – № 1. – С. 104–108.

111. Малых О.О. Типология наверший мечей III–VI вв. н.э. / О.О. Малых // Доклады XXXIX Урало–Поволжской научная конференция студентов и аспирантов: Материалы конференции. – Пермь: Изд-во ПГГПУ, 2007а. – С. 216–219.

112. Малых О.О. Обезвреживание длинноклинкового оружия в погребальных памятниках Прикамья./ О.О. Малых // Археологическая экспедиция: новейшие достижения в изучении историко–культурного населения Евразии. – Ижевск, Изд-во УдГУ, 2008. – С. 235 – 239.

113. Малых О.О. Палаши Раннего железного века в Прикамье. / О.О. Малых // Труды КАЭЭ. – Пермь : Изд-во ПГГПУ, 2009. – № 6. – С. 57– 66

114. Малых О.О. Двуручные мечи «азелинского типа». / О.О. Малых // Проблемы истории материальной и духовной культуры народов России и зарубежных стран: 9 Всероссийская научная конференция студентов и аспирантов: Материалы конференции. – Сыктывкар, Изд-во Сыктыв. Ун-та, 2010. – С. 103–105.

115. Малых О.О. Палаши Прикамья./ О.О. Малых // Труды КАЭЭ. – Пермь : Изд-во ПГГПУ, 2011. – № 7. – С. 81– 92.

116. Малых О.О. К вопросу о типологии длинноклинкового оружия Прикамья II–VII в. н.э. / О.О. Малых // Труды КАЭЭ. – Пермь: Изд-во ПГГПУ, 2012. – № 8. – С. 183–190.
117. Малых О.О. Проблема импорта мечей на территорию Прикамья в I половине I тыс. н.э. (по данным металлографии)./ О.О. Малых // V Русановские чтения. – Пермь, 2013. – № 5. Ч.1. – С. 183–185.
118. Малых О.О. Пути проникновения мечей в Пермское Предуралье в первой половине I тыс. н.э. // Труды КАЭЭ. – Пермь: Изд-во ПГГПУ, 2017. – №12. – С.26-32.
119. Малых О.О., Шмуратко Д.В. Опыт выделения конструктивно–хронологических типов мечей первой половины I тысячелетия н.э. Прикамья на основании дискриминантного анализа./ О.О. Малых, Д.В. Шмуратко // Самарский научный вестник. Исторические науки.– 2019. Т.8. №1 – С. 135–145.
120. Малых О.О. К вопросу о появлении палашей в Среднем Прикамье в I–II вв. н.э. / О.О. Малых // Самарский научный вестник. Исторические науки. – 2019а. – Т.8. №4 – С. 179–183.
121. Малых О.О. Импорты из погребений Тарасовского могильника второй половины III в. н.э. как источник сведений о военных походах населения Среднего Прикамья / О.О. Малых // Вестник Томского государственного университета.– 2022. – № 477. – С. 133-144.
122. Маслов В.Е. О датировки изображений на поясных пластинах из Орлатского могильника./ В.Е. Маслов // Евразийские древности. 100 лет Б.Н. Гракову. – М: «Наука», 1999. – С. 219–236.
123. Матвеев Р.В. Шлемы первой половины I тысячелетия из некрополей Волго–Камья./ Р.В. Матвеев // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезде в Казани. – Казань: Изд-во «Отечество», 2014. – Т.2. – С. 360 – 364.
124. Матвеева Г.И. Этнокультурные процессы в Среднем Поволжье в I тысячелетии н.э. / Г.И. Матвеева // Культуры Восточной Европы I тысячелетия. – Куйбышев: Куйбышевский государственный университет, 1986. – С. 158–171.

125. Мажитов, Н.А., К изучению археологии Башкирии I тысячелетия нашей эры / Н.А. Мажитов // Археология и этнография Башкирии. Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. – Уфа, 1964. – Т.2. – С. 101–110.
126. Мажитов Н.А., Пшеничнюк А. Х. Камышлы–Тамакский могильник. / Н.А. Мажитов, А.Х. Пшеничнюк // Археология и этнография Башкирии. Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. – Уфа: БФАН СССР, 1968. – Т.3. – С. 38–59
127. Медведев А.П. Развитие иерархических структур в обществах эпохи бронзы и раннего железного века юга Восточной Европы (Опыт дихронного историко–археологического анализа)./ А.П. Медведев // Кочевая альтернатива социальной эволюции. Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. – М: Ин–т Африки РАН, 2002. – С. 98–111
128. Мелюкова А.И. Вооружение скифов./ А.И. Мелюкова // САИ. Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда, 1964. – Д1–4. – 114 с.
129. Мингалев В.В., Перескоков М.Л. Результаты охранных раскопок Мокинского могильника III–VI вв. н.э. в Пермском Прикамье. / В.В. Мингалев, М.Л, Перескоков // Проблемы сохранения и использования культурного наследия. История, методы и проблемы охранных археологических исследований. Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. – Екатеринбург, Нефтеюганск: Изд–во Горбуновой, 2014. – С. 255–261.
130. Могильницкий Б.Г. Введение в методологию истории / Б.Г. Могильницкий. – М.: «Высшая школа». 1989. – 175 с.
131. Мошкова М.Г., Демиденко С.В. Воинское погребение в кургане 37 группы VI Лебедевского могильного комплекса. / М.Г. Мошкова, С.В. Демиденко // Археология и палеоантропология евразийских степей и сопредельных территорий. МИАР. Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда. – Казань: Изд–во «Отечество», 2010. – №13. – С. 254–261.
132. Мухамадиев А.Г. Древние монеты Поволжья. / А.Г. Мухамадиев. – Казань: Тат. кн. изд–во, 1990. – 192 с.

133. Мыц В.Л., Лысенко А.В., Щукин М.Б., Шаров О.В. Чатыр-Даг-некрополь римской эпохи в Крыму./ В.Л. Мыц, А.В. Лысенко, М.Б. Щукин, О.В. Шаров. – СПб: Изд-во СПбИИ РАН, 2006. – 186 с.
134. Мясникова О.В. мордва в эпоху Великого переселения народов./ О.В. Мясникова // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Археология и этнография. – 2014. – Т.16. №3(2) – С. 617–619.
135. Наговицин А.А., Семенов В.В. Городищенский могильник III–IV вв. / А.А. Наговицин, В.В. Семенов // Материалы к ранней истории населения Удмуртии. – Ижевск: НИИ при Совете Министров Удм. АССР, 1978. – С. 128–136.
136. Никоноров В.П., Худяков Ю.С. «Свистящие стрелы» Маодуня и «Марсов меч» Аттилы : Военное дело азиатских хунну и европейских гуннов./ В.П. Никоноров, Ю.С. Худяков. – СПб: из-во «Петербургское востоковедение». М: Изд-во «Филоматис», 2004. – 320 с.
137. Овсянников В.В. Погребения «военачальников» (к проблеме реконструкции военной организации у финно-пермяков Прикамья). / В.В. Овсянников // Вооружение и военное дело древних племен Южного Урала. – Уфа: ПКФ «Конкорд-Инвест», 1994. – С. 52–77.
138. Овчинников А.В. Новые материалы с Рождественского V и Нармонского могильников азелинской культуры./ А.В. Овчинников// Поликультурный мир Среднего Поволжья : социально-антропологические и исторические аспекты. – Казан : Изд-во КНИТУ, 2014. – Т.1. – С. 11–17.
139. Окшотт Э. Археология оружия. От бронзового века до эпохи ренессанса. /Э. Окшотт. – М: Центрполиграф, 2004. – 580 с.
140. Обломский А.М. Лесостепное Подонье. / А.М. Обломский // Раннеславянский мир. Археология славян и их соседей. – М: Институт археологии РАН, 2007. – №9. – С. 73–93.
141. Останина Т.Н. Нивский могильник III–V в. / Т.И. Останина. // Материалы по ранней истории населения Удмуртии. – Ижевск: «Удмуртия», 1978. – С. 92–117.

142. Останина Т.И. Покровский могильник I V–V вв. Каталог археологической коллекции. / Т.И Останина. – Ижевск: «Удмуртия», 1992. – 96 с.
143. Останина Т.И. Население Среднего Прикамья в III–V вв. / Т.И Останина. – Ижевск: УИИЯЛ, 1997. – 326 с.
144. Ошибкина С.В. Вятские древности: могильник Тюм-Тюм. / С.В. Ошибкина. Материалы охранных исследований. – М: Институт археологии РАН, 2010. – Т.13. – 212 с.
145. Пастушенко И.Ю., Бернц В.А. Халцедоновые диски в культуре населения Прикамья. / И.Ю. Пастушенко, В.А. Бернц // *Finno-Ugrica*. – 2008. – №11. – С. 12–23.
146. Пастушенко И.Ю. Этнокультурная ситуация в Прикамье в середине I тыс. н.э. / И.Ю. Пастушенко.// Материалы и исследования по археологии Восточной Европы. – Казань: Изд-во «Школа», 2009. – С. 112–118.
147. Ждановский А.М. Подкурганные катакомбы Среднего Прикубанья первых веков нашей эры. / А.М. Ждановский // Археолого–этнографические исследования Северного Кавказа. – Краснодар: Изд-во КубГУ, 1984. – С. 72–99.
148. Перевошиков С.Е., Сабиров Т.М. Металлургическая продукция в Среднем Прикамье по материалам Тарасовского могильника I–V веков./ С.Е. Перевошиков, Т.М. Сабиров.// Вестник Пермского университета. – 2014. – №1 (24). – С. 71–82.
149. Перевошиков С.Е., Малых О.О. К вопросу о происхождении мечей Тарасовского могильника (по данным металлографии)./ С.Е. Перевошиков, О.О. Малых// Вестник ЧелГУ. История. – 2014. – №61. – С. 18–24.
150. Перескоков М.Л. Погребальный обряд поздней части Мокинского могильника в Среднем Прикамье (по материалам раскопок 1994 г.)/ М.Л. Перескоков // Вестник Пермского университета. – 2011. – №1(15). – С. 65–80.
151. Перескоков М.Л. Курган с воинским погребением V в. на могильнике Кала–Урын. / М.Л. Перескоков // Вестник Пермского университета. История. – 2017. – №1. – С. 84–97.

152. Перескоков М.Л. Комплексы III века гляденовской культуры Пермского Прикамья (к вопросу об интеграции в систему связей Восточной Европы) // Вестник Пермского университета. История. – 2022. – №1 (56). – С. 48–71.
153. Петренко А.Г. Следы ритуальных животных в могилах древнего и средневекового населения Среднего Поволжья и Предуралья. / А.Г. Петренко. – Казань: «Школа», 2000. – 156 с.
154. Попов И. Армии Древнего Китая III в. до н.э. – III в. н.э. / И. Попов. – М: Изд-во «Астрель», 2001. – 50 с.
155. Пшеничнюк А.Х. Охлебининский могильник./ А.Х. Пшеничнюк // Археология и этнография Башкирии. – Уфа: БФАН СССР, 1968. – Т.III. – С. 59–104.
156. Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры). / А.Х. Пшеничнюк // Археология и этнография Башкирии. – Уфа: БФАН, СССР, 1973. – Т.V. – С. 162–243.
157. Пшеничнюк А.Х. Культура ранних кочевников Южного Урала./ А.Х. Пшеничнюк. – М: «Наука», 1983. – 203 с.
158. Пшеничнюк А.Х. Юлдашевский могильник./ А.Х. Пшеничнюк // Археологические работы в низовьях Белой: Сборник научных статей. – Уфа: БФАН СССР, 1986. – С. 45–72.
159. Пшеничнюк А.Х. Сарматский могильник Красный Яр в Оренбургской области./ А.Х. Пшеничнюк // Материалы по эпохе бронзы и раннего железного века Южного Приуралья и Нижнего Поволжья. – Уфа, 1989. – С. 99–199.
160. Проценко А.С. История изучения кара-абызских древностей в XX веке (начальный этап изучения археологической культуры) / А.С. Проценко // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Археология и этнография. – Т. 17. – № 3(2). – 2015. – С. 559-566.
161. Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке. / А.М. Ременников. – М : Изд-во Академии наук СССР, 1957. – 149 с.

162. Рузавин, Г.И. Методология научного исследования / Г.И. Рузавин. – М: ЮНИТИ, 1999. – 316 с.
163. Саттаров Р.Р. Результаты исследования Кипчаковского II могильника пьяноборской культуры в Икско–Бельском междуречье в 2015 г. / Р.Р. Саттаров // Археология евразийских степей. Казань: Изд-во "Orange Key", 2020. – №5. – С. 104–118.
164. Садыков М.Х. Сарматские памятники Башкирии. /М.Х. Садыков// Материалы и исследования по археологии СССР. – М–Л: Изд-во Акад. Наук СССР, 1962. – №115 – С. 242–273
165. Седов В.В. Славяне в древности. / В.В. Седов. – М: «Наука», 1994. – 344 с.
166. Сейткалиев М.К. Неординарный погребальный комплекс из могильника Каратобе в Западном Казахстане. / М.К. Сейткалиев // Stratum plus. «Римские орлы и сарматские драконы». – СПб, Кишинёв, Одесса, Бухарест : Изд-во Stratum plus, 2014. – №4 – С. 141–147.
167. Семенов В.А. Два могильника Мазунинской культуры в Прикамской Удмуртии./ В.А. Семенов // ВАУ. Ижевск, Свердловск: Удм. кн. Изд-во, 1967. – № 7. – С. 119–122.
168. Симоненко А.В. Сарматские всадники Северного Причерноморья. / А.В. Симоненко. – СПб: Изд-во Факультет филологии и искусств СПбГУ, Нестор – История, 2010. – 322 с.
169. Симоненко А.В. Шлемы сарматского времени из Восточной Европы. / А.В. Симоненко // Stratum plus. СПб, Кишинев, Одесса, Бухарест: Изд-во Stratum plus, 2014. – № 4. – С. 249–276.
170. Скрипкин А.С. К вопросу о происхождении позднесарматской культуры./ А.С. Скрипкин // Этнокультурные связи населения Урала и Поволжья с Сибирью, Средней Азией и Казахстаном в эпоху железа. – Уфа, 1976. – С. 28–30.
171. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия во II–IV вв. (Некоторые проблемы исследования)/ А.С. Скрипкин // СА. – 1982. – № 2. – С. 43–56.

172. Скрипкин А.С. Азиатская Сарматия. Проблемы хронологии и ее исторический аспект./ А.С. Скрипкин. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1990. – 299.с.
173. Скрипкин А.С. Китайские впечатления российского археолога. / А.С. Скрипкин // Нижегородский археологический вестник. – 2000. – № 3. – С. 145–157.
174. Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья./ А.П. Смирнов // Материалы и исследования по археологии СССР. – М: «Наука», 1952. – № 28. – 276 с.
175. Смирнов К.А. О времени Андреевского кургана./ К.А. Смирнов // Вопросы этнической истории Волго–Донья. Материалы научной конференции. – Пенза : ПГОКМ, 1992. – С. 3–6.
176. Смирнов К.Ф. Вооружение савроматов. / К.Ф. Смирнов // МИА – М: «Наука», 1961. – №101. – 161 с.
177. Сокольский Н.И. Боспорские мечи./ Н.И. Сокольский // МИА. – М: Изд-во Академии наук, 1954. – №.33 – С. 123–197.
178. Ставицкий В.В. Западный компонент в материалах Андреевского кургана. / В.В. Ставицкий // Вестник ННИГН при Правительстве Республики Мордовия. – Саранск, 2013. – № 3 (27). – С. 126–141.
179. Ставицкий В.В. Роль камского населения в формировании древней мордвы. / В.В. Ставицкий // Гуманитарные научные исследования. 2014. – №12. – [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2014/12/8337> (дата обращения: 30.11.2018).
180. Старостин П.Н. Этно–культурные общности предбулгарского времени в Нижнем Прикамье. / П.Н. Старостин // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. – Казань: Типография «Татполиграф», 1971. – № 1. – С. 37–54.
181. Старостин, П.Н., Азелинская культура. / П.Н. Старостин // Очерки по археологии Татарстана. – Казань: Школа, 2001. – С. 92–99.

182. Старостин П.Н. Нармонский могильник. / П.Н. Старостин. – Казань: Институт истории РИЦ «Школа», 2002. – 64 с
183. Старостин П.Н. О халцедоновых дисках из азелинских погребений. / П.Н. Старостин // *Finno-Ugrica*. – 2008. – № 11. – С. 8–11.
184. Старостин П.П. Рождественский V могильник./ П.Н. Старостин. – Казань: Институт истории АП РТ, 2009. – 144 с.
185. Спицын А.А. Древности Камской чуди по коллекции Теплоуховых. / А.А Спицын /. – С–Петербургъ: «Типография Безобразова и К», 1902. – 70 с.
186. Степанов П.Д. Андреевский курган (к истории мордовских племен на рубеже нашей эры) / П.Д. Степанов // Труды МНИИЯЛ. – Саранск: Мордов. кн. Изд–во, 1980. – № 27 – 116 с.
187. Стефанович П.С. Большая дружина» в ранних государствах Европы. / П.С. Стефанович // Средние века. Исследования по истории Средневековья и раннего Нового времени. – М: Изд–во «Наука», 2011. – №73 (3–4). – С. 27–57.
188. Сунгатов Ф.А. Волго–Уральский регион в эпоху тюркских каганатов / Ф.А. Сунгатов // История татар с древнейших времен. Народы степной Евразии в древности. – Казань: Рухият, 2002. – Т.1. – С. 268–276.
189. Сунгатов Ф.А., Гаустович Р.М., Юсупов Р.М. Приуралье в эпоху Великого Переселения народов. / Ф.А. Сунгатов, Р.М. Гаустович, Р.М. Юсупов. – Уфа: ГУП «Уфимский полиграфкомбинат», 2004. – 172 с.
190. Таганов Д.Н. SPSS – статистический анализ в маркетинговых исследованиях. / Д.Н. Таганов. – СПб: Изд–во «Питер», 2005. – 192 с.
191. Тацит Корнелий. О происхождении германцев и местоположении Германии (перевод А.С. Бобовича, ред. М.Е. Сергеенко) // *Анналы. Малые произведения*. / Корнелий Тацит.// – М: Научно–издательский центр «Ладомир», 1993. – Т.1. – 444 с.
192. Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М. Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе./ Н.Н. Терехова, Л.С. Розанова, В.И. Завьялов, М.М Толмачева. – М : Металлургия, 1997. – 320 с.

193. Тишкин А.А. Необходимые условия и возможные пути реконструкции социальной организации на основе археологических источников. /А.А. Тишкин.// Социальная организация и социогенез первобытных обществ: теория, методология, интерпретация. – Кемерово: Изд-во Кузбассвуиздат 1997. – С. 53–55.
194. Тишкин А.А., Дашковский П.К. Социальная структура и система мировоззрения населения Алтая. / А.А. Тишкин, П.К. Дашковский. – Барнаул: Изд-во Алт. Ун-та, 2003. – 430 с.
195. Трейсер М.Ю. Парфянские и раннесасанидские «импорты» в погребениях кочевников Восточной Европы (II в. до н.э. – III в. н.э.). / М.Ю. Трейсер // МАИАСК. – 2018. – №10. – С. 119–158.
196. Трейсер М.Ю. Длинные мечи с халцедоновыми навершиями в Сарматии и на Боспоре./ М.Ю. Трейсер // Древности Боспора. – 2019. – Т.24. – С. 553–581.
197. Федоров-Давыдов Г.А. Статистические методы в археологии / Г.А. Федоров-Давыдов. – М.: Изд-во «Высшая школа», 1987.–215 с.
198. Хазанов А.М. Очерки военного дела сарматов. / А.М. Хазанов. – М: «Наука», 1971. – 172 с.
199. Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа/ А.Х. Халиков // Железный век Марийского края. Труды МАЭ. – Йошкар Ола: Мар. кн. Изд-во, 1962. – Т.II – С. 7–187.
200. Халиков, А.Х. Истоки формирования тюркоязычных народов Поволжья и Приуралья / А.Х. Халиков // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Археология и этнография Татарии. – Казань: Изд-во Татполиграф, 1971. – № 1. – С. 8–24.
201. Халиков А.Х. Памятники писеральско-андреевского типа в Волжском правобережье и их этнокультурная интерпретация. / А.Х. Халиков // Древности Волго-Вятского междуречья. – Йошкор-Ола: АЭМК, 1987. – №. 12. – С. 8–24.

202. Худяков Ю.С. Вооружение средневековых кочевников Южной Сибири и Центральной Азии. / Ю.С. Худяков. – Новосибирск: «Наука», 1986. – 268 с.
203. Худяков Ю.С. Вооружение центральноазиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. / Ю.С. Худяков – Новосибирск: «Наука», 1991. – 192 с.
204. Худяков Ю.С., Су–Хуа Юй. Комплекс вооружения сяньби./ Ю.С. Худяков, Юй Су–Хуа. // Древности Алтая. – Горно–Алтайск: АКИН, 2000. – № 5. – С. 37–48.
205. Черных Е.М. Этногенез и этническая история народов Прикамья в работах Р.Д. Голдиной / Е.М. Черных // Исследовательские традиции в Археологии Прикамья. – Ижевск: Изд–во УдГУ, 2002. – С. 141–149.
206. Черных Е.М. Два новых могильника мазунинского типа в Удмуртском Прикамье. / Е.М. Черных // Труды IV (XX) Всероссийского археологического съезда в Казани. – Казань: ГНБУ «Академия наук Республики Татарстан» Институт археологии АН РТ, 2014. – Т. I – С. 438–441.
207. Черных Е.М., Перевозчикова С.А., Бернц В.А. Открытие и исследование нового могильника IV–V вв. на юге Удмуртии./ Е.М. Черных, С.А. Перевозчикова, В.А. Бернц // Археологическое наследие как отражение исторического опыта взаимодействия, человека, природы, общества. XIII Бадеровские чтения. – Ижевск : Изд–во УдГУ, 2010. – С. 455–457.
208. Шмуратко Д.В. Этнокультурная ситуация в Прикамье в эпоху Великого переселения народов./ Д.В. Шмуратко // Известия Российского государственного педагогического института имени А.И. Герцына. – М: Изд–во РГПУ им. А. И. Герцена 2010. – №126 – С. 100–107.
209. Щукин М.Б. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. / М.Б. Щукин. – СПб: Филологический факультет СПбГУ, 2005. – 576 с.
210. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь. Отв. ред. А.О. Чубарьян. – М: «Наука», 2014. – 576 с.

211. Яблонский Л.Т., Малашев В.Ю. Степное население Южного Приуралья в позднесарматское время: по материалам могильника Покровка 10. / Л.Т. Яблонский, В.Ю. Малашев. – М: Восточная литература, 2008. – С. 95–100.
212. Werner J. Beitrage zur Archaologie des Attila – Reicher. / J. Werner. Munchen, 1956. – 187 s.
213. Fried M.H. The evolution of political society; An essay in political anthropology. / M.H. Fried – New York: Random House, 1967. – 800 s

Приложения

Приложение 1. (Чегандинская культура)

1.1 Характеристика чегандинской культуры.

В 1880 г. в археологическое общество, существовавшее при Казанском университете, поступила коллекция находок, собранная у села Пьяный бор с этого времени начинается изучение памятников финального этапа Раннего железного века населения Нижнего и Среднего Прикамья. А.А. Спицын, основываясь на материалах, полученных в ходе раскопок Нырландинского I и II могильников, ввел в научный оборот понятие «пьяноборская культура» [Агеев, 1992. С. 3].

Идею существования пьяноборской культуры на основании изучения материалов раскопок могильников Нырланд I и II поддержал М.Г. Худяков, датировавший время ее существования периодом II в. до н.э. – V в. н.э. [Агеев, 1992. С. 4].

К рассмотрению проблемы развития этнической истории населения Прикамья обращался А.П. Смирнов. Переосмыслив имеющиеся материалы, исследователь изменил предложенную М.Г. Худяковым датировку пьяноборской культуры, определив эпоху ее существования III в. до н.э. – V в. н.э. [Смирнов, 1952. С. 109].

В пятидесятых годах XX века изучение памятников Среднего Прикамья продолжил В.Ф. Генинг. Под его руководством в 1954–1956 гг. проводились раскопки могильника Чеганда II. Основываясь на изучении чегандинского могильника и ряда других памятников, В. Ф. Генинг выдвинул предположение, что на территории Средней и Нижней Камы в период III в. до н.э. – II н.э. существовала чегандинская культура [Генинг, 1971. С. 5].

По мнению В.Ф. Генинга, в конце II – начале III в. рассматриваемая общность прекращает своё существование в результате столкновений представителей чегандинской культуры с группами угорского населения, ушедшего с территории Западной Сибири и появившегося в Прикамье. Взаимодействие местного и пришлого населения приведет к процессам генезиса

мазунинской культуры [Генинг, 1959. С. 14–17]. К 1972 году В.Ф. Генинг пришел к пониманию того, что до V века в Прикамье не появляется представителей инокультурного населения, способных изменить этническую ситуацию в регионе. Памятники мазунинской культуры являются результатом деятельности местного населения [Генинг, 1972. С. 240].

В этой связи стоит обратить внимание на исследования, проведенные О.А. Арматынской, результаты которых свидетельствуют о следующем. Коэффициент сходства памятников Среднего Прикамья периода III до н.э. – II в. н.э. и III–V в. н.э. составляет 91,8% [Арматынская, 1991. С. 102]. Основываясь на выводах, сделанных О.А. Арматынской, Р.Д. Голдина предложила рассматривать памятники III–V веков как позднюю стадию существования чегандинской культуры [Голдина, 1997. С. 226].

В исследовании, опубликованном в 1997 г. Т.И. Останиной, высказана идея о том, что в период III–V в. на территории Среднего Прикамья существовала единая историческая общность. Понятие мазунинская культура было предложено рассматривать как термин, позволяющий отделять памятники, существовавшие в III в. до н.э. – II в., от памятников III–V в.

Деление производится для удобства работы с материалами, а не для отражения наличия различных культурно–исторических общностей, существовавших на территории Прикамья в эпоху РЖВ [Останина, 1997. С. 16].

В рамках предложенного исследования будет поддержана точка зрения, предложенная Р.Д. Голдиной, о существовании в III в. до н.э. – V в. н.э. на территории Среднего и части Нижнего Прикамья единой культурно–исторической общности [Голдина, 1999. С. 226]. Для удобства работы с материалами они будут разделены на находки чегандинской стадии, относящиеся к периоду III в. до н.э. – II в. н.э., (далее чегандинская культура) и находки мазунинской стадии III–V в. (далее мазунинская культура)

Могильники чегандинской культуры выявлены при раскопках памятников, оставленных в древности на территории от устья р. Куваш до низовий Белой и от устья р. Ика до устья Малой Сарапулки.

Основываясь на принципе географического положения относительно р. Камы, возможно выделить две группы памятников, при раскопках которых было обнаружено длинноклинковое оружие: башкирская (правобережная) и удмуртская (левобережная). На левом берегу Камы расположены могильники Ныргында II, Чеганда II, Афонинский, Усть–Сарапульский, Ижевский, Покровский, Тарасовский, Нивский. Правобережную группу образуют Юлдашевский, Кушулевский III, Ново–Сасыкульский, Камышлы Тамакский могильники.

Могильники обычно располагаются на высоких берегах рек, и в их расположении прослеживается связь с близлежащими поселениями. Количество погребений может варьироваться от 50 до 1900. На момент обнаружения и исследования памятников не фиксируется внешних признаков совершения захоронений. В некоторых случаях на периферии памятника зафиксированы ямы с обломками керамики, костями животных, кострища, следы от столбов – остатки поминальных тризн. Остатки от этих же обрядов в виде разбитых глиняных сосудов встречались в засыпи некоторых могил.

Могильным ямам придавали прямоугольную форму, их параметры обычно колебались в пределах 180–230 х 50–80 см. Глубина захоронения редко превышает 50–60 см. Хоронили умерших, как правило, в ящиках из досок, сверху тоже закрытых досками, но есть факты захоронений в деревянных долбленых колодах. Отмечено несколько случаев, когда верхнее перекрытие было обуглено. На могильнике Чеганда II выявлены два погребения с обожженными костяками. Очевидно, сожжение производилось прямо в могиле. Большинство захоронений индивидуальные, совершены по обряду трупоположения (вытянуты на спине). Захоронения по площади памятника располагались в определенном порядке, образуя ряды, группы, разделенные свободным пространством или имеющие разную ориентировку.

Погребения весьма условно можно разделить на две группы: безынвентарные захоронения и захоронения, снабженные погребальным инвентарем. Отсутствие находок в ряде могил может отражать факт социального и экономического неравенства, существовавшего в древних обществах.

В мужских погребениях находились ножи или кинжалы, наконечники стрел и копий, удила и фрагменты конской сбруи – предметы, необходимые для охоты или профессиональной деятельности. В единичных случаях в захоронения помещали мечи, шлемы, железные кольчуги и панцири. Женщин сопровождали украшения различных форм и типов, ножи, шилья и прочие предметы бытового назначения.

Антропологические исследования, проведенные М.С. Акимовой, позволяют предполагать, что носители чегандинской культуры являются потомками представителей ананьинской общности. У представителей прикамского населения чегандинского времени прослеживается преобладание европеоидных черт [Акимова, 1968. С. 78.].

1.1 Могильники чегандинской культуры.

Могильники Башкирской группы.

Ново–Сасыкульский могильник. Могильник находится на восточной окраине д. Ново–Сасыкуль Бакалинского района БАССР, на песчаной дюне правого берега р. Ик. О памятнике известно с 1973г., после того, как из дюны начали брать песок для строительных работ. Было разрушено более 10 костяков, возле которых собраны бронзовые, костяные, железные и стеклянные предметы.

Могильник исследовался с 1976 по 1980 год археологической экспедицией Башкирского государственного университета и силами археологического кружка школы – интерната №5. Руководство раскопками погребений – 61 осуществлял С.М. Васюткин, а с 62 по 418 – В.К. Калинин.

Все 418 погребений расположены на площади 3660 кв.м. Заполнение площади могильника происходило в определенной последовательности. Первоначально захоронения производились на восточной окраине песчаной дюны, а в дальнейшем шли в западном и северном направлении [Васюткин Калинин, 1986. С. 95-96].

Кушулевский III могильник. Памятник находится в 1,5 км северо–восточнее д. Кушулево Дюртюлинского района бывшей БАССР, на левом берегу р. Куваш. Могильник был открыт в 1969 году во время раскопок могильника IX–X века. Раскопки могильника велись под руководством Б.Б. Агеева и Н.А. Мажитова в период с 1969 по 1971 год. Исследовано 324 погребения, совершенных в I в. до н.э. – III в. н.э. [Агеев, Мажитов, 1985. С. 2].

Погребение 66. 180 х 65 х 70. На груди сьюльгама с железным язычком ; на поясе – обломки ножа, между бедренными и голенными костями 3 бляшки, наконечник копья; у левой голени 8 железных наконечников стрел; под костяком – меч [Агеев, Мажитов, 1985. С. 9].

Погребение 306. 220 х 70 х 55. У правого бедра – кинжал; на поясе нож, круглая бляшка; у левого бедра – меч; между бедренными костями 6 бронзовых и 1 железный наконечник стрел; у ног наконечник копья [Агеев, Мажитов, 1985. С.17].

Могильники удмуртской группы.

Могильник Чеганда II. Могильник находится на правом берегу р. Ямаша, впадающей справа в Каму, около деревни Усть–Бельской, в 4,5 км от ее устья. Площадь могильника расположена на тупом мысу, омываемом с севера и востока рекой Ямаша. Высота над уровнем реки составляет 5–6м.

Раскопки могильника производились в период с 1954 по 1956г. под руководством В.Ф. Генинга. Было вскрыто 2620 кв.м, выявлено 220 погребений содержащих 223 костяка [Генинг, 1971. С. 7].

Погребение 7. На груди покойного железная застежка – сьюльгама, слева у бедра меч (палаш) с медной рукоятью в деревянных ножнах, обложенных медью. Между бедренными костями ног обнаружен нож с медными накладками, железная пряжка, 3 костяных колечка и 3 костяных наконечника стрел. Несколько ниже голени обломок железного предмета (нож?) [Генинг, 1971. С. 9].

Погребение 26. Над головой остатки железного ножа в ножнах, на которые прикреплены две медные накладки. Справа от таза круглая поясная кольцевая застежка из кости, а на тазу амулет из рыбьего позвонка. Между костями ног длинный меч с медной и крестовидной рукоятью. Меч находился в деревянных ножнах с медным наконечником и обкладкой крестовины. У середины ножен круглая пряжка для прикрепления к ремню, на котором висел

меч. Слева от меча остатки кинжала в ножнах с железным наконечником. Справа от меча 6 костяных наконечников стрел [Генинг, 1971. С. 14-15].

Погребение 33. Справа от черепа круглая гривна из меди, в области шеи несколько рассыпавшихся синих стеклянных бус. Слева вдоль бедренной кости нож в деревянных ножнах, которые отделаны железным наконечником и медными накладками–бляшками. Справа, вдоль бедренной кости, найден обломок меча или кинжала в деревянных ножнах, на которые наложены медная и серебряные бляшки. У левой ноги серебряная бляшка, три медных бляшки и круглая медная пряжка с железным язычком. В конце ямы, у ног, костяной наконечник стрелы [Генинг, 1971. С. 15].

Погребение 156. Около левой руки меч с обоюдоострым клинком. У берцовой кости левой ноги железная пряжка, на поясе, у бедра, обломок ножа и пряжка. Около правой руки и на груди железные удила. Около головы, справа, наконечник стрелы и железные обломки, между ног 2 медные накладки. Около меча, ближе к рукояти, костяная пластина [Генинг, 1971. С. 24].

Могильник Нырганда II. Исследование памятника началось в конце XIX века с началом проведения раскопок под руководством А.А. Спицына. В 1898 году было исследовано 36 погребений. В 1954 году под руководством В.Ф. Генинга были продолжены раскопки, в ходе которых изучено 34 погребения. В 1968 году раскопки были продолжены под руководством В.В. Одинцовой и В.Ф. Генинга. В 1969 году раскопки были продолжены В.В. Одинцовым и В.Ф. Генингом. В процессе исследования памятника было изучено 268 погребений (учитывая раскопки Спицына)

Исследователями вскрыта площадь около 478 м² на которой зафиксировано 40 погребений. В 1969 году раскопки были продолжены. Территория могильника обследована полностью, в процессе исследования было вскрыто 158 погребений [Генинг, Одинцов, 1970. С. 3].

Погребение 71. В могильной яме прямоугольной формы размером 214 на 72 см, на глубине 50 см обнаружен костяк ориентированный головой на восток. Костяк вытянут на спине, кости рук располагались вдоль тела. У левого бока лежал меч, выше которого расчищена медная рукоять с навершием в виде антенн. Выше правого бедра лежало 7 выпуклых бляшек средних размеров и 2 умбоновидные бляшки. У правого локтя фрагмент железной пряжки, у правой кисти железное кольцо [Генинг, Одинцов, 1970. С. 9].

Погребение 78. На глубине 80 см в могильной яме подпрямоугольной формы размером 190 x 68 см – остатки костяка очень плохой сохранности, ориентированные головой на В. Выше тазовых костей – медная сапожковая пронизка и счетверенные полуцилиндрики ; между берцовыми костями – железный наконечник ножен, ниже его – плоская средняя бляшка и фрагменты железного изделия; слева от костей н о г – железный меч, лежащий острием вниз. [Генинг, Одинцов, 1970. С. 2]

Погребение 79 . На глубине 100 см в могильной яме подпрямоугольной формы размером 195 x 65 см костяк, ориентированный головой на ВСВ. Костяк вытянут на спине, кости рук – вдоль скелета. Над черепом – 4 маленьких выпуклых и 1 средняя плоская бляшка, справа от черепа – 9 маленьких бляшек, 5 таких же – слева от черепа, здесь же – 2 плоских бляшки; на черепе – 2 плоские средние бляшки и 3 выпуклые; под челюстью 3 бусины; слева на груди – медная бляха с отверстием в центре и отверстием для крепления иглы ; справа от неё медная фибула, выше таза – фрагменты кинжала с наконечником из меди, обращен отверстием к левой руке; здесь же плоская бляшка. На тазовой кости слева – фрагмент железной пряжки; рядом – сапожковая полупронизка и 2 мелкие бляшки, лежащие на кинжале; от таза, между ног положен железный меч, длина клинка 80 см; сверх которого – бронзовая плоская бляха, разломанная на 2 части; у ступней – малая железная пряжка [Генинг, Одинцов, 1970. С. 3].

Погребение 152. В могильной яме размерами 245 на 100 см на глубине 50 см. находился костяк плохой сохранности ориентированный головой на северо – восток. На месте левой руки – бляшка, у правого бедра кинжал и 4 обоймочки. У левого бедра лежал меч и бляшки с обоймочками. У головы – пластинчатая застежка [Генинг, Одинцов, 1970. С. 17-18].

Погребение 181. В могильной яме размерами 195 x 80 см на глубине 40 см – костяк плохой сохранности, ориентированный головой на СВ. Кости рук отсутствуют. Костяк лежит вытянуто на спине, На груди – фрагменты железной гривны, справа от гривны – средняя плоская бляшка с двумя ушками и выпуклая бляшка, ниже гривны – фрагмент средней железной пряжки. В выше правого бедра – железные удила, на левом бедре – фрагменты железного наконечника ножен и плоская бляшка из белой бронзы, соединенная ремешком с 2 выпуклыми малыми бляшками, слева | от костяка, вниз от бедра, лежит, железный обоюдоострый меч без рукояти, между ступней ног – 2 железные обувные застежки [Генинг, Одинцов, 1970. С. 22].

Погребение 195. . В могильной яме размером 220 x 80 см на глубине 50 см – костяк, ориентированный головой на СВ. Костяк вытянут на спине. Левая рука уложена вдоль скелета, правая согнута в локте и уложена на таз. У левого бедра, вдоль ноги – обоюдоострый железный меч, между коленями – фрагменты железного ножа, слева от меча, внизу – плоская бляшка

среднего размера, у правой голени – нагрудная бляха диаметром 12 см, ниже костей ног – железные удила [Генинг, Одинцов, 1970. С. 25].

Погребение 196. В могильной яме размером 240 х 100 см на глубине 40 см – костяк хорошей сохранности, ориентированный головой на СВ. Костяк уложен на спине, правая рука вытянута вдоль скелета, левая согнута в локте и уложена на таз. На груди – медная проволоочная гривна: внутри которой фрагмент железного кольца, у правого локтя – железный шарик, выше таза – 2 сдвоенные бляшки, справа, на тазу – железная сюльгама, левее – железная пряжка, между бедер – железные удила, на кости правой ноги, вверху, железное кольцо с железным диском внутри, от правого бедра вниз, вдоль костяка, уложен железный обоюдоострый меч [Генинг, Одинцов, 1970. С. 25].

Тарасовский могильник. Могильник открыт в 1979 г. Н.Л. Решетниковым в ходе охранных работ на месте строительства нефтепровода. Памятник расположен на правом корневом мысу р. Камы, в 1 км к юго–востоку от с. Тарасово Сарапульского района Удмуртской республики. Памятник частично разрушен пахотой, строительством полевой дороги и нефтяных сооружений. Под руководством Р.Д. Голдиной в период с 1980 по 1997 г. проводились раскопки могильника, в ходе которых исследовано 1880 погребений [Голдина, 2004. Т. I. С. 2].

Погребение 608. М, до 30 лет. Яма имеет вертикальные стенки и плоское дно, ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ. Костяк удовлетворительной сохранности, нарушен анатомический порядок (плечевая кость правой руки лежит рядом с черепом) Умерший был вытянут на спине, руки вдоль тела, головой на ССЗ. Слева, у черепа, обнаружены стеклянные бусины и железный нож в бронзовых ножнах. Слева, от плеча к колену (рукоятью к плечу), был уложен меч, на клинке которого найдена бронзовая накладка. У правой бедренной кости расчищен фрагмент ножа, у правого колена – фрагменты удил и псалий. Найдено 7 бронзовых накладок, две подобные накладки обнаружены у костей ног [Голдина, 2004. Т. I. С. 109-110].

Погребение 733. Яма имеет вертикальные стенки и плоское дно, ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ. Северо–западная часть погребения разрушена поздней ямой. Северный торец могильной ямы соприкасается с южным торцом захоронения 760. На дне зафиксирован тлен от деревянного настила мощностью 0,2–0,3 см. Обнаружены кости ног двух погребенных, возможно уложенных головами в противоположные стороны, однако, точно установить

ориентацию покойных невозможно. Сопровождающий инвентарь предположительно можно разделить следующим образом. К костяку А относится: бронзовая сапожная пронизка, железные удила и однолезвийный клинок, лежащий рукоятью на ЮЮЗ. К костяку Б относится: 13 бронзовых (шейных) подвесок, 3 бронзовые накладки, фрагменты железных вещей, бронзовые пронизки. Бронзовые ножны с фрагментом железного ножа, костяная бусина и железная накладка (инвентарь расположен в северной половине погребения) [Голдина, 2004. Т. I. С. 130].

Погребение 1125. Яма имеет вертикальные стенки и плоское дно, ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ. На дне ямы, вдоль западной стенки, выявлен фрагмент продольной доски от погребальной конструкции, толщиной около 5–7 см. Костяк удовлетворительной сохранности был вытянут на спине, головой на ССВ. Вдоль правой руки, от плеча к ногам, был помещен меч. В области правого локтя найдены фрагменты железной вещи. В области груди бронзовая сольгама. У левой руки наконечник копья. На костях таза, слева, обнаружены бронзовые ножны с фрагментами железного ножа и бронзовая застежка. На бедренных костях, к коленям, обнаружено 10 бронзовых накладок. Расчищены фрагменты железных удилищ и псалий, рядом с которыми лежал фрагмент железного ножа. В области стоп лежали 2 железные пряжки [Голдина, 2004. Т. I. С. 178-179].

Погребение 1317. М, 40–50 лет. Яма имеет вертикальные стенки и плоское дно, ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ. Расчищен костяк плохой сохранности, вытянутый на спине, левая рука согнута в локте, кисть уложена на таз, головой на ССВ. Между бедренными костями обнаружено 9 бронзовых накладок, железный нож и пряжка. Слева, от локтя к колену, был помещен однолезвийный клинок [Голдина, 2004. Т. I. С. 210].

Камышлы–Тамакский могильник. Могильник обнаружен в 1959 г. на окраине дер. Камышлы–Тамак Бакалинского района. Могильник расположен на склонах небольшого мыса, образованного двумя неглубокими оврагами, спускающимися к пойме безымянного ручья. Территория могильника в центральной части нарушена при закладке фундамента клуба. По рассказам местных жителей, во время земляных работ было разрушено не менее 30 человеческих костяков; возле некоторых костяков находились различные металлические украшения. Часть вещей была передана в Башкирский краеведческий музей, остальные утеряны.

В 1961 г. могильник исследовался объединенной археологической экспедицией ИИЯЛ БФАН СССР, а также Института и музея антропологии Московского государственного университета.

На вскрытой площади 585 кв. м было обнаружено 101 погребение. Погребальный обряд могильника однороден. Все погребения совершены в грунте, в могильных ямах простой конструкции. На поверхности признаки могильных ям не прослеживаются; в древности они, видимо, как-то отмечались, так как нет ни одного случая, что бы одно погребение было нарушено другим. В расположении некоторых могил можно усмотреть ряды, в частности, погр. 12, 15, 38, 39, 54, 55, 73; 3, 26, 29, 57, 58, 86 и др. В четырех погребениях под костяками прослеживались остатки деревянной подстилки. В погр. 3 найдены кости животного. Костяки лежат на спине, с вытянутыми руками и ногами. Изредка встречаются костяки со слегка подогнутыми ногами; иногда кости рук лежат на груди или на тазовых костях. Ориентировка костяков неустойчивая. Изредка в почвенном слое между могилами были встречены остатки ритуальных захоронений конечностей и черепов лошади [Мажитов, Пшеничнюк, 1968. С. 38-41].

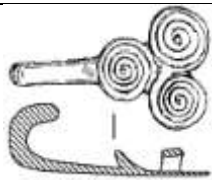
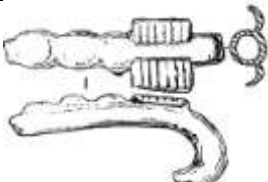
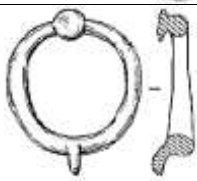
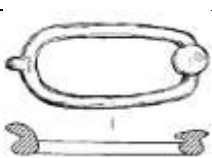
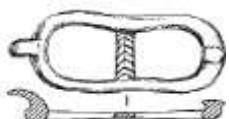
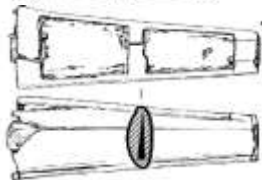
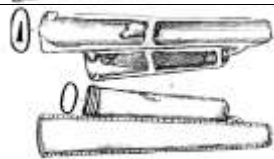
Погребение 68. 246 x 70 x 98 см. Мужское. Ориентировка ЮВ. Бронзовая рамчатая пряжка – у правого плеча; железный кинжал, железный нож, ажурная бронзовая бляха, рамчатая пряжка, 8 бронзовых сдвоенных накладок, бронзовая обойма – обкладка рукоятки кинжала, бронзовая круглая бляшка с ушком на обороте – с наружной стороны правого бедра; рамчатая пряжка – с наружной стороны правой голени; 2 маленькие рамчатые пряжки – с внутренней стороны правой голени; железный меч – вдоль левого бедра; железная бляшка и подвеска из просверленного зуба животного – рядом с перекрестием меча; железные удила – ниже правой ступни [Мажитов, Пшеничнюк, 1968. С. 56].

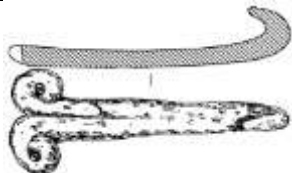
Охлебнинский могильник. Могильник находится в 5 км. восточнее с. Охлебинино Иглинского района, на высоком обрывистом берегу р. Белой, недалеко от устья р. Сим. На тупоугольном, изрезанном оврагами мысу, образованном течениями рек Сим и Белой, расположено огромное городище площадью более 20 га. Могильник занимает юго-западную часть городища и

тянется за пределы вала не менее чем на 500 м. Границы могильника точно выявить не удалось. От крайнего северо–восточного раскопа (раскоп II) до крайнего юго–западного (раскоп IV) 700 м. Далеко ли идут могилы в глубь террасы – неизвестно. Во всяком случае, в раскопе III, а также в раскопе, заложенном на валу, отстоящих от края террасы на расстоянии 30-40 м, погребения располагаются довольно густо. Это говорит о том, что здесь еще не периферия могильника. В 1965 г. нами раскопано около 500 кв. м, или примерно 1/60 часть всей площади могильника.

Могильник открыт в 1964 г. разведочным отрядом Башгосуниверситета при осмотре гравийного карьера. Там, где нами заложен раскоп IV в 500 м на запад отвала, были обнаружены человеческие кости и несколько изделий из бронзы: гривна, накладка пояса с изображением голов горных козлов, втульчатый наконечник стрелы, височная подвеска петлевидной формы. Эти находки, а также керамика с городища с ямочным орнаментом по шейке давали основание предполагать, что открыт новый могильник типа ранее известных Биктимировского или Нового Уфимского, относящихся к кара–абызской культуре [Пшеничнюк, 1968. С. 59].

Таблица 1. Хрономаркеры чегандинской культуры

Вещи характерные для чегандинских погребений I–II в.		
1	Поясные крючки конец одного из которых украшен треугольником из трех спиралей [Голдина, Бернц, 2016. Рис. 2–1]	
2	Поясные крючки конец одного из которых выполнен в виде стержня с «крыльями» [Голдина, Бернц, 2016. Рис. 2–6].	
3	Застежки с неподвижным крючком округлые кольцевидные без орнамента [Голдина, Бернц, 2016. Рис. 2–5]	
4	Застежки с неподвижным крючком овально – рамчатой формы [Голдина, Бернц, 2016. Рис. 2–9].	
5	Застежки с неподвижным крючком овально – рамчатой формы с перекладиной по середине [Голдина, Бернц, 2016. Рис. 2–7]	
6	Одинарные ножны конической формы [Голдина, Бернц, 2016. Рис. 2–3]	
7	Двучастные ножны конической формы [Голдина, Бернц, 2016. Рис. 2–4]	
	Короткие трехлопастные наконечники стрел [Голдина, Бернц, 2016. Рис. 3–12]	
8	Крупные выпуклые бляхи [Голдина, Бернц, 2016. Рис. 3–16]	

9	Железные колчаные крючки с волютообразным концом [Голдина, Бернц, 2016. Рис. 3–13]	
10	Многочастные пронизки сапожки [Голдина, Бернц, 2016. Рис. 4–21]	
11	Железные удила с кольчатыми псалиями [Голдина, Бернц, 2016. Рис. 4–30].	
12	Бронзовые круглая сюльгама из дрота с .валютообразными украшениями в основании [Голдина, Бернц, 2016. Рис. 4–27].	
13	Ажурная круглая пластинчатая сюльгама [Голдина, Бернц, 2016. Рис. 4–23].	
14	Одночастные пронизки в виде полутрубочек [Голдина, Бернц, 2016. Рис. 4–25] .	
15	Двучастные пронизки в виде полутрубоче [Голдина, Бернц, 2016. Рис. 4–26].	

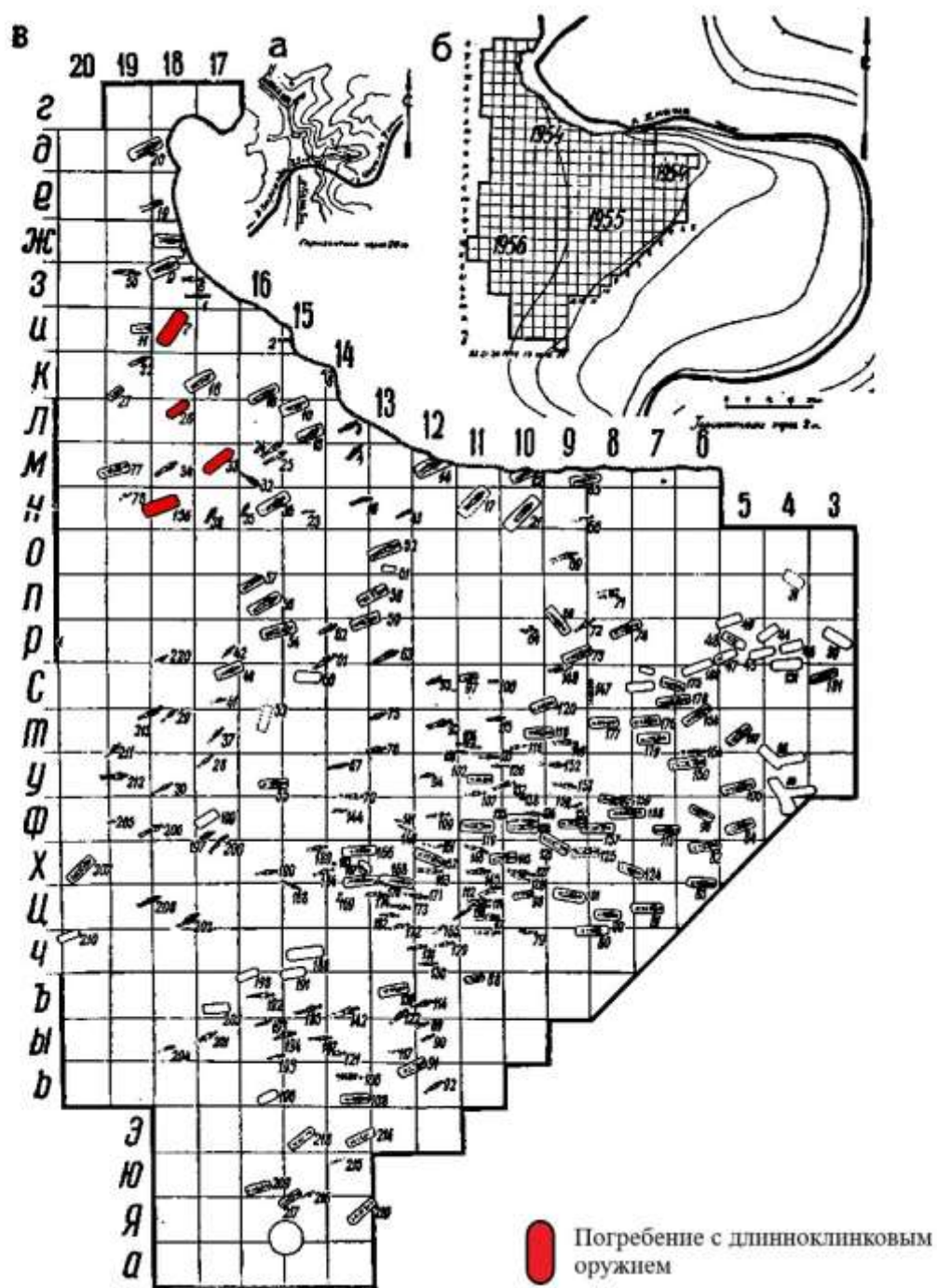

Рисунок 1. План могильника Чеганда II [Генинг, 1971. Рис. 2]

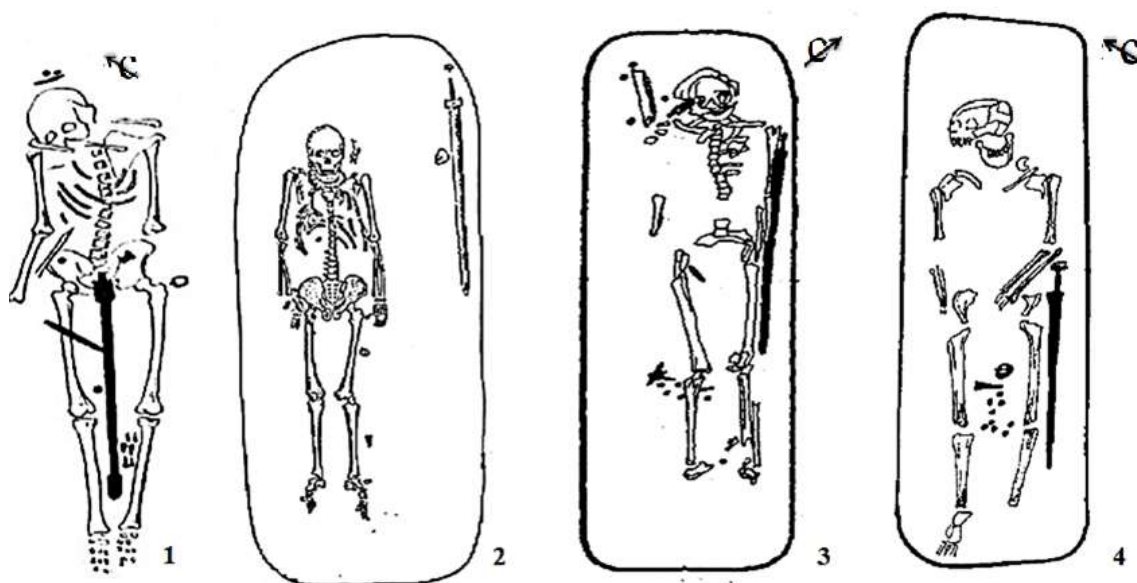

Рисунок 2. Погребения чегандинской культуры.

- 1) Погр.26 мог. Чеганда II [Генинг, 1971. Рис. 8]. 2) Погр.260 Ново-Сасыкульского мог. [Красноперов, 2011. Рис. 5] 3) Погр.608 Тарасовского мог. [Голдина, 2004. Т. II. Табл. 257]
4) Погр.1317 Тарасовского мог. [Голдина, 2004. Т. II. Табл. 509]

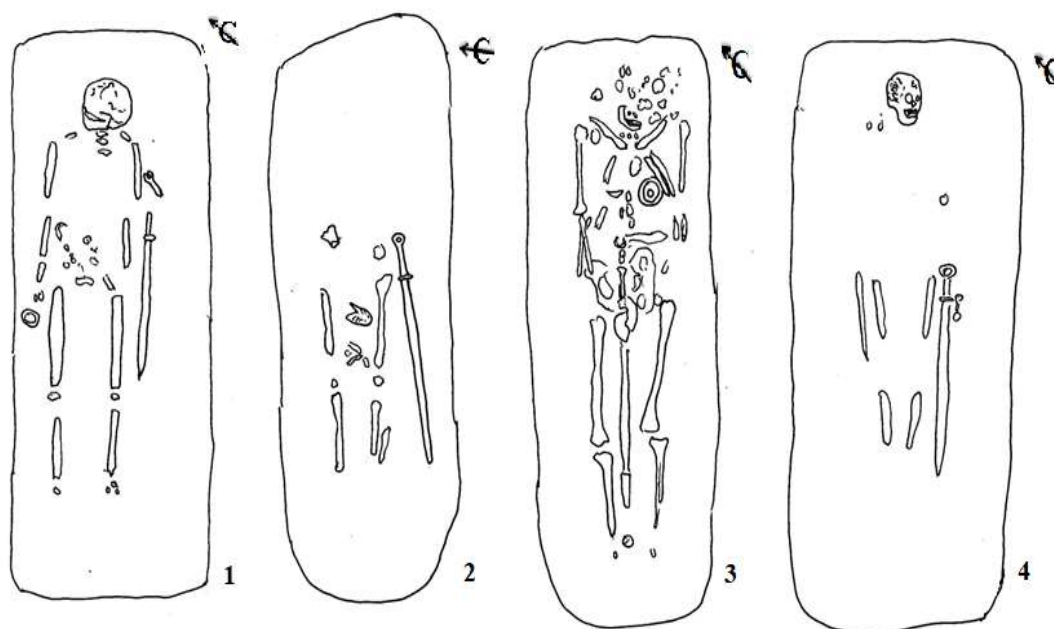

Рисунок 3. Погребения могильника Нырганда II.

- 1) Погр.71 [Генинг, Одинцов, 1969. С. 41] 2) Погр.78 [Генинг, 1970. Рис. 2–1] 3) Погр. 79 [Генинг, 1970.,Рис. 2–2] 4) Погр.152 [Генинг, 1970. Рис. 12–2]

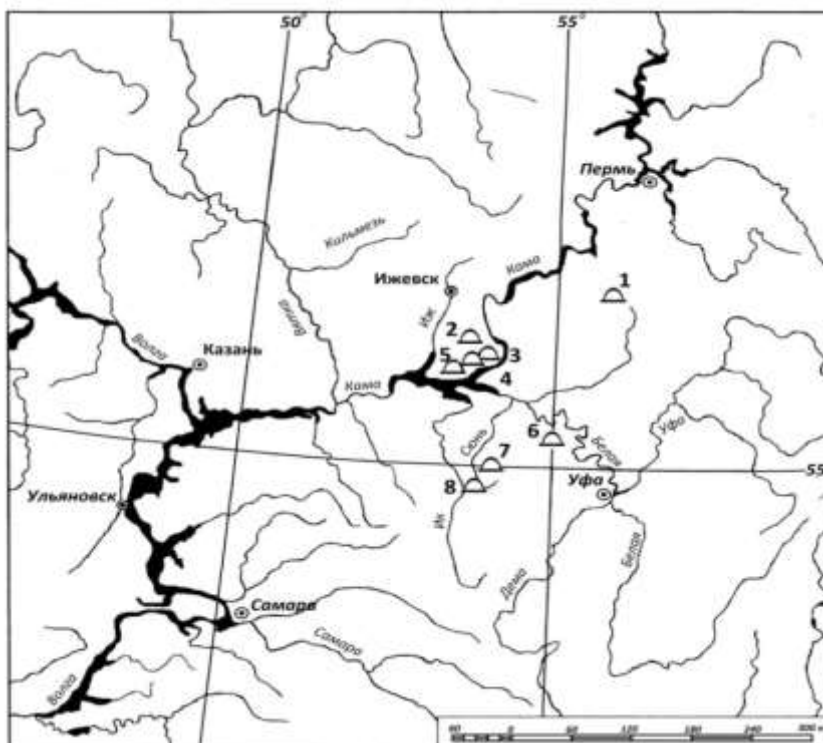

Рисунок 4. Могильники чегандинской культуры.

1) Красноярский мог. 2) Афонинский мог. 3) Тарасовский мог. 4) Мог. Нырганда II. 5) Мог. Чеганда II 6) Кушулевский III мог. 7) Камышлы Такманский мог. 8) Ново-Сасыкульский мог

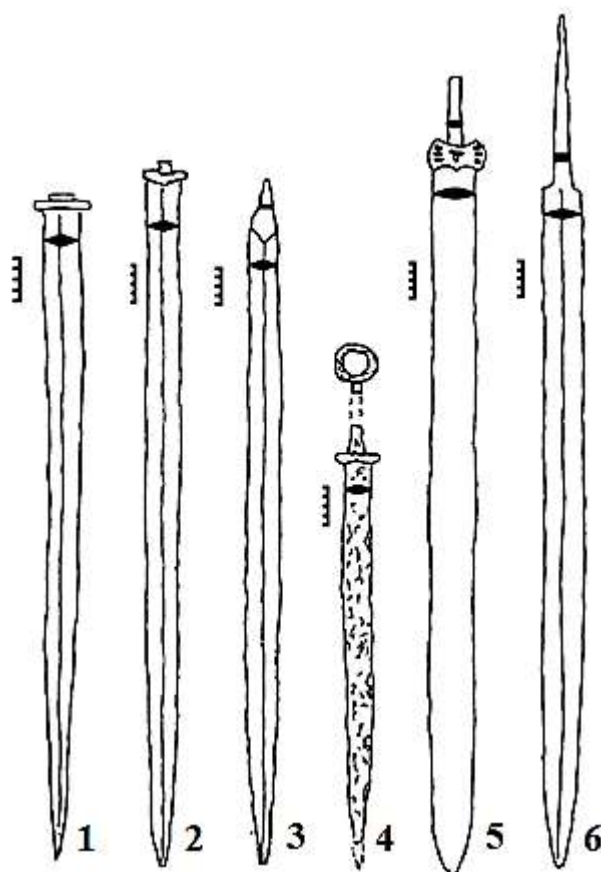

Рисунок 5. Мечи Ново-Сасыкульского могильника.

1) Погр. 361 [Васюткин, Калинин, 1986. Рис. 16–2] 2) Подъёмный материал (кв19/С) [Васюткин, Калинин, 198. Рис. 16–4] 3) Погр. 264 [Васюткин, Калинин, 1986. Рис. 16-2] 4) Погр.346 [Васюткин, Калинин, 1986. Рис. 16–5] 5) Погр. 260 [Васюткин, Калинин, 1986. Рис. 16–1] 6) Подъёмный материал кв 22/ж [Васюткин, Калинин, 1986. Рис. 16–9]

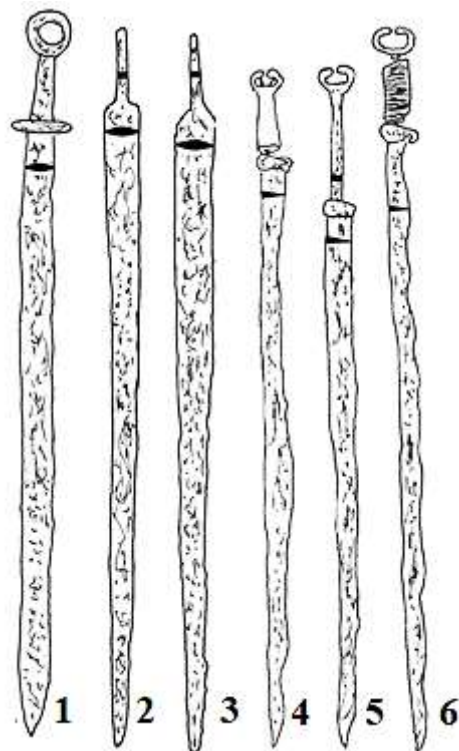

Рисунок 6. Длинноклиновое оружие могильника Нырганда II.

- 1) Погр. 152 [Генинг, 1970. Рис. 12–2] 2) Погр. 195 [Генинг, 1970. Рис. 15–1] 3) Погр. 196 [Генинг, 1970. Рис. 15–2] 4) Погр. 71 [Зубов, 2007. Рис. 2–3] 5) Погр. 78 [Зубов, 2007. Рис. 2–4] 6) Погр. 79 [Зубов, 2007. Рис. 2–2]

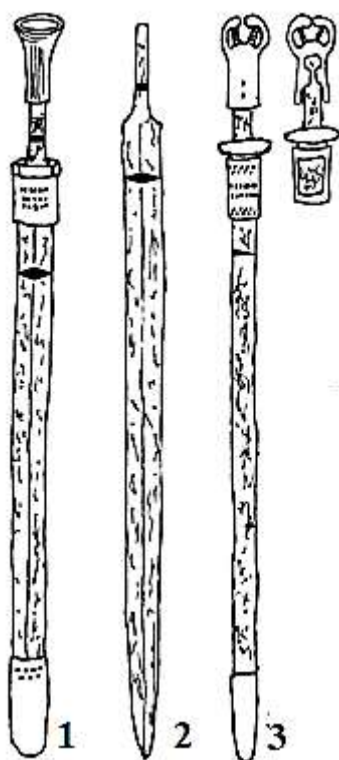

Рисунок 7. Длинноклиновое оружие могильника Чеганда II

- 1) Погр. 26 [Генинг, 1971. Табл. XI–7] 2) Погр. 156 [Генинг, 1971. Табл. XI–8] 3) Погр. 7 [Генинг, 1971. Табл. XI–1]

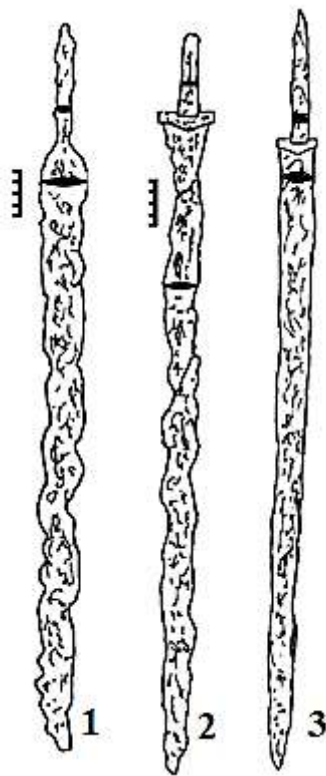

Рисунок 8.

- 1) Погр. 66 Кушелевского III мог. [Агеев, Мажитов, 1985. Рис. 5–1] 2) Погр. 306 Кушелевского III мог. [Агеев, Мажитов, 1985. Рис. 5–2] 3) Погр. 68 Камышлы Тамакского мог. [Зубов, Саттаров, 2014. Рис. 2–3].

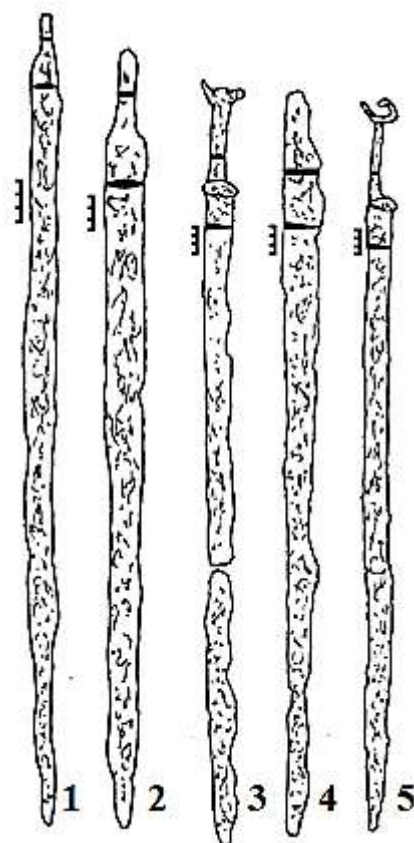

Рисунок 9. Длинноклинковое оружие Тарасовского могильника.

- 1) Погр. 608 [Голдина, 2003, Т. II. Табл. 257–15] 2) Погр. 1125 [Голдина, 2003, Т. II. Табл. 453–19]
3) Погр. 733 [Голдина, 2003, Т. II. Табл. 329–19] 4) Погр. 1291 [Голдина, 2003, Т. II. Табл. 499–3] 5)
Погр. 1317 [Голдина, 2003, Т. II. Табл. 509–10]

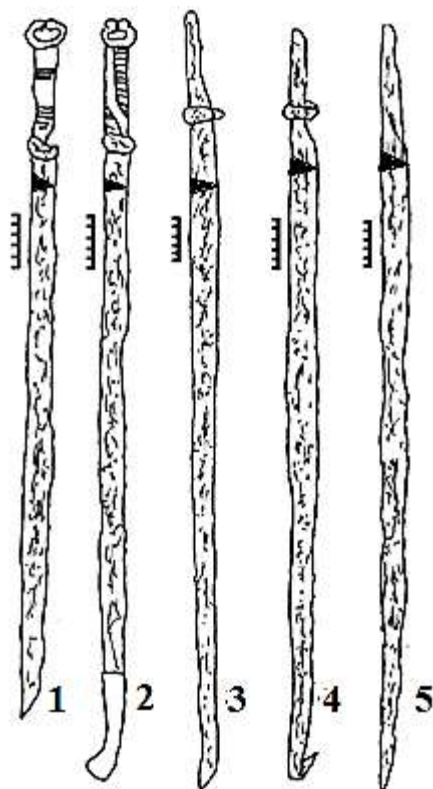

Рисунок 10. Палаши.

- 1) Погр. 133 Афонинского мог. [Зубов, 2007. Рис. 3–5] 2) Погр. 143 Афонинского мог. [Зубов, 2007. Рис. 3–6] 3) Погр. 230 Охлебнинского мог. [Зубов, 2007. Рис. 4–5] 4) Погр. 502 Охлебнинского мог. [Зубов, 2007. Рис. 4–6] 5) Погр. 210 Охлебнинского мог. [Зубов, 2007. Рис. 4–7]

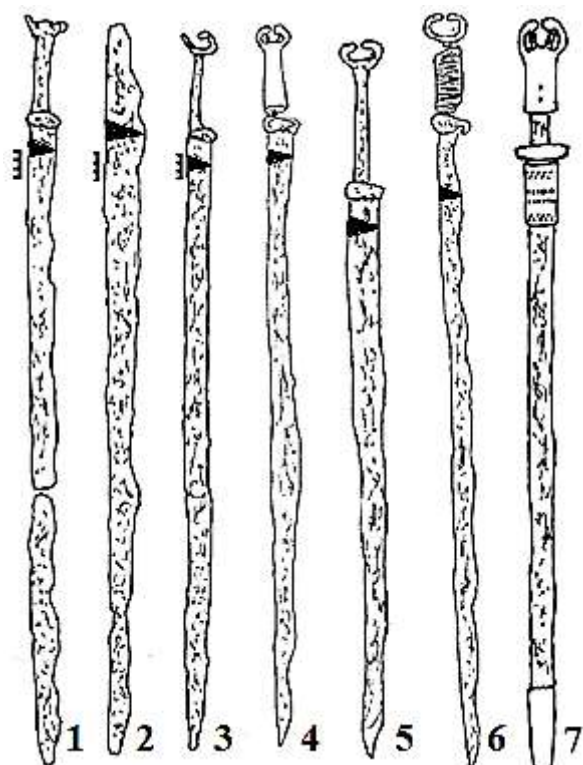

Рисунок 11. Палаши.

- 1) Погр. 733 Тарасовский мог. [Голдина, 2003. Т. II. Табл. 329–19] 2) Погр. 1291 Тарасовский мог. [Голдина, 2003. Т. II. Табл. 499–3] 3) Погр. 1317 Тарасовский мог. [Голдина, 2003. Т. II. Табл. 509–10] 4) Погр. 71 мог. Нырганда II [Зубов, 2007. Рис. 2–3] 5) Погр. 78 мог. Нырганда II [Зубов, 2007. Рис. 2–4] 6) Погр. 79 мог. Нырганда II [Зубов, 2007. Рис. 2–2] 7) Погр. 7 мог. Чеганда II [Генинг, 1971. Табл. XI – 1]

Приложение 2. (Мазунинская культура)

2.1 Характеристика мазунинской культуры.

Понятие мазунинская археологическая культура было введено в научный оборот В.Ф. Генингом по итогам изучения памятников Среднего Прикамья функционировавших в III–V вв.

В 1955–1956 г. раскопки были проведены на территории Мазунинского могильника. Позднее были выявлены и исследованы Сайгатский, Ижевский, Быргындинский, Сарапульский, Нивский, Чепанихинский могильники, материалы которых позволили В.Ф. Генингу заявить о существовании в Среднем Прикамье самостоятельной археологической культуры.

К особенностям материальной культуры носителей мазунинской культуры было отнесено наличие бабочковидных фибул, височных проволочных подвесок в виде кольца и отвеса к низу стержня с бусиной, поясных застежек у женских ремней в виде крюка и петли, изготовленных из раковины, блях – накладок к поясным наборам, умбоновидных бляшек, молоточковидных подвесок – пронизок, поясных накладок прямоугольной формы с насечками и выемками и накладок сердцевидной формы, круглодонных сосудов из глины с примесью песка и изредка мелкотолченой раковины, орнаментированных очень редко пояском ямок по шейке и насечками по венчику [Генинг, Мырзина, 1967. С. 55-56].

В 1964 г. Н.А. Мажитов выдвинул предположение о том, что памятники Среднего Прикамья не образуют самостоятельную культуру, а являются частью раннебахмутинской общности. В пользу выдвинутого предположения могут свидетельствовать неглубокие ямы, поясные наборы, височные подвески с напускными бусинами, состав ожерелий, положение жертвенных комплексов в берестяных коробочках [Мажитов, 1964. С. 102].

В 1971 г. С.М. Васюткин, рассматривая дискуссию В.Ф. Генинга и Н.А. Мажитова, выступил на стороне последнего. В реальности могильники обнаруживают близкое сходство между собой как в погребальном обряде, так

и в вещевом материале, а имеющихся различий не достаточно для выделения самостоятельной культуры [Васюткин, 1971. С. 97].

По мнению С.М. Васюткина, некоторое своеобразие памятников бельско–уфимского междуречья и юга Среднего Прикамья может быть обусловлено тем, что в предыдущее время в этих районах жили две группы населения – кара–абызская и пьяноборская, отличающиеся друг от друга погребальным обрядом и материальной культурой. В III в. на территории кара–абызских племен сложился один вариант культуры, а на части территории пьяноборских племен – другой [Васюткин, 1971. С. 104]. Оба варианта, по сути, составляют одну археологическую культуру, которую С.М. Васюткин предлагает называть «бахмутинской».

К иным выводам пришел В.А. Иванов в результате сравнения керамических комплексов населения уфимско–бельского междуречья и населения Среднего Прикамья. В результате был сделан вывод «сходство настолько близко, что со всей очевидностью можно говорить о принадлежности данных поселений к одной и той же культуре». На основании того факта, что первыми в научный оборот были введены материалы раскопок Мазунинского могильника культуру было предложено назвать мазунинской [Иванов, 1984. С. 22].

Первоначально В.Ф. Генинг связывал появление мазунинских памятников с проникновением в регион в III в. групп западносибирского населения. Взаимодействие местного чегандинского и пришлого населения привело к формированию мазунинской общности [Генинг, Мырсина, 1967. С. 48-49].

Последующие исследования привели ученого к мысли о том, что в III–V в. на территории Среднего Прикамья не появляется групп инокультурного населения, способного оказать влияние на процессы культурогенеза [Генинг, 1972. С. 247].

Сторонником местного происхождения мазунинских племен выступил В.А. Иванов, размаривающий мазунинские памятники как результат

изменения пьяноборской общности [Иванов, 2002. С. 118]. В этой связи стоит вспомнить об уже упомянутом исследовании О.А. Арматынской, в рамках которого было установлено, что особенности памятников Среднего Прикамья существовавшие в период III до н.э. – II в. н.э. и III–V вв. н.э. соотносятся на уровне 91,8% [Арматынская, 1991. С. 102]. Р.Д. Голдина предложила рассматривать памятники III–V вв. как позднюю стадию существования чегандинской культуры [Голдина, 1997. С. 226].

В рамках предложенного исследования понятие «мазунинская культура» будет использоваться в контексте финальной стадии существования чегандинской культуры, существовавшей в период III в. до н.э. – V в. н.э. и являвшейся результатом деятельности местного постананьинского населения.

Погребальный обряд среднекамских захоронений чегандинского и мазунинского времени не имеет принципиальных отличий, поэтому не будет повторно описываться.

Но при этом следует упомянуть ряд традиций, характерных для мазунинского населения. Данная практика, возможно, берет свое начало в ананьинское время, получая большее широкое распространение в чегандинскую эпоху, о чем свидетельствуют захоронения Чегандинского II, Афонинского, Ново–Сасыкульского, Юлдашевского могильников [Агеев , 1992. С. 26]. Согласно подсчетам О.В. Арматынской, в период III–V в. в 1/5 захоронений фиксируется практика помещения поясов вдоль тел умерших [Арматынская, 1991. С. 100].

Второй обряд представляет собой практику помещения в погребение жертвенных комплексов, содержащих различные виды украшений и мелких орудий труда, в основном ножей и шильев. Как и в предшествующем случае, начало рассматриваемой практики берет свое начало на чегандинском этапе развития населения Среднего Прикамья. На это указывают материалы раскопок Кушулевского III, Ново–Сасыкульского, Афонинского и иных могильников. В III–V вв. количество захоронений, содержавших в своем

составе жертвенные комплексы, составляет около 20% от исследованных к 1991 г. погребений.

2.1 Могильники мазунинской культуры.

Мазунинский могильник. Памятник расположен на правом берегу Камы, в 2 км к западу от села Мазунино Камбарского района Удмуртской АССР. Площадка, занятая им, носит у местного населения название «Каменки» и находится в 200 м к юго–западу от тракта в г. Сарапул.

Могильник введен в научный оборот в 1896 году казанским этнографом Н.И. Смирновым, совершившим в 1894 году поездку по Прикамью в поисках «чудских могильников». Раскопки, произведенные Н.И. Смирновым, не дали существенных материалов. Сарапульский краевед Л.П. Беркутов, в ходе осмотра территории памятника, обнаружил в одном из разрушенных погребений обломки меча. В период с 1955 по 1956 годы на памятнике производились раскопки под руководством В.Ф. Генинга, в ходе которых исследовано 69 погребений. Ни в одной из могил, обследованных в пятидесятых годах, не обнаружено ни одного меча [Генинг, 1967. С. 85].

Тарасовский могильник. Могильник открыт в 1979 г. Н.Л. Решетниковым в ходе охранных работ на месте строительства нефтепровода. Памятник расположен на правом корневом мысу р. Камы. В 1 км к юго–востоку от с. Тарасово Сарапульского района Удмуртской республики. Памятник частично разрушен пахотой, строительством полевой дороги и нефтяных сооружений. Раскопки могильника, в ходе которых исследовано 1880 погребений, проводились под руководством Р.Д. Голдиной в период с 1980 по 1997 г. [Голдина, 2004. Т. I. С. 1].

Погребение 4. Ориентировано по линии ССВ–ЮЮЗ. На дне сохранились остатки деревянной конструкции толщиной 0,5–1 см. Костяк сохранился фрагментарно. В области пояса обнаружены стеклянные бусы, нож в железных ножнах. Слева, вдоль тела, от плеча

к голени, был вытянут кожаный пояс с железной пряжкой и накладками из бронзы и орнаментированной раковины. Поверх пояса был положен меч в деревянных ножнах с халцедоновым диском и бронзовой накладкой, служившими навершием рукояти. Рядом с мечом, в области таза, найдены 3 бронзовые пряжки, вероятно от портупей. У левой бедренной кости обнаружены фрагменты железных удил [Голдина, 2004. Т. I. С. 10-11].

Погребение 6. Мужчина, 17–20 лет. Погребение ориентировано по линии ССВ–ЮЮЗ. Сохранились фрагменты деревянной погребальной конструкции, костяк сохранился фрагментарно. Ниже черепа зафиксирована бронзовая пряжка и фрагмент деревянной вещи с железным элементом. Слева, в области таза, бронзовая накладка, между бедренными костями железная и бронзовые пряжки. Между коленями наконечник ремня. У правого колена фрагменты 5 бронзовых накладок. У левой голени фрагменты железных удил. На тело погребенного, от правого локтя к ступням (по диагонали) был уложен меч в деревянных ножнах, под которым на правом бедре лежал нож в кожаных ножнах. В ноги с правой стороны был помещен железный шлем полусферической формы с небольшим наносником. К нижнему краю шлема при помощи шарниров крепилось лицевое покрытие – железные нащечники [Голдина, 2004. Т. I. С. 11].

Погребение 60. Мужчина, 35–40 лет. Ориентировано по линии ССВ–ЮЮЗ. Зафиксированы остатки деревянной конструкции, выполненной из досок длиной не менее 190см, скрепленных на торцах поперечными брусками. Костяк сохранился фрагментарно. Умерший был вытянут на спине головой на ССВ. С правой стороны, от плеча к тазу, находился кожаный пояс с железной пряжкой, бронзовыми накладками и бронзовой привеской. В области пояса, справа, был обнаружен бронзовый пинцет. В области таза бронзовая пряжка, халцедоновая бусина и нож. Выше ножа найдена бронзовая пряжка. У левого бедра расчищены бронзовые накладки на кожаном шнурке. С левой стороны от умершего рукоятью к плечу был помещен меч, рядом с острием, которого были найдены фрагменты железных вещей. У правой голени обнаружены детали и украшения конской упряжи и железные удила [Голдина, 2004. Т. I. С. 21].

Погребение 129. Мужчина, 30–40 лет. Погребение ориентировано по линии ССВ–ЮЮЗ. На дне выявлены фрагменты деревянной погребальной конструкции. Костяк удовлетворительной сохранности, был вытянут на спине головой на ССВ. У левого плеча обнаружены стеклянные бусины. У правого плеча фрагменты железных вещей. Между бедренными костями обнаружены фрагменты железных вещей. У левого бедра найден железный нож с фрагментами деревянных ножен. На костях левой голени фрагменты железных вещей и железные удила. Слева, вдоль тела, был вытянут кожаный пояс с

бронзовой пряжкой и накладками. Рядом с поясом, рукоятью к локтю, был уложен меч [Голдина, 2004. Т. I. С. 31].

Погребение 131. Яма имеет вертикальные стенки, плоское дно, ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ. В погребении зафиксировано два костяка, вытянутых на спине. Левая рука вдоль тела (костяк А), руки вытянуты вдоль тела, кисти уложены на таз (правая слегка согнута в локте) (костяк Б) Головами в противоположные стороны: погребенный А – головой на ССВ, умерший Б – головой на ЮЮЗ. Костяк А: слева, в изголовье, найдены стеклянные бусы и бисер, у левого плеча фрагменты железной пряжки. У левого локтя фрагменты бронзовых накладок, слева в области таза железный нож и фрагменты железной пряжки. У левой бедренной кости стеклянная бусина и фрагменты железной вещи. Слева, вдоль тела погребенного, рукоятью к левому плечу, был положен железный меч. Костяк Б: в области таза обнаружен железный нож с бронзовыми накладками рукояти, у левой бедренной кости фрагмент бронзовой накладки, у левого колена железная пряжка [Голдина, 2004. Т. I. С. 32].

Погребение 199. Мужчина, 40–50 лет. Яма имеет вертикальные стенки, плоское дно, ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ. На дне выявлен тлен от дощатого настила 260 X 80см, мощностью 0,2–0,4см. Умерший был вытянут на спине, руки вдоль тела, правая нога согнута в колене, левая вытянута. Тело ориентировано головой на ССВ. Справа, вдоль тела, уложен пояс с железной пряжкой и бронзовыми накладками. Рядом с поясом (правый локоть – правое колено) найден железный меч с фрагментами деревянных ножен, уложенный рукоятью к правому локтю, там же железные удила и фрагмент бронзовой вещи. В районе пояса (справа) бронзовый наконечник ремня. У правой голени найдены бронзовые накладки и их фрагменты. В области таза обнаружены фрагменты железных вещей. У левой бедренной кости железный нож. У стоп остатки бронзовых пряжек и наконечников ремней, вероятно, остатки обуви [Голдина, 2004. Т. I. С. 44].

Погребение 235. Яма имеет слегка изогнутую западную стенку, вертикальные стенки и плоское дно. Погребение ориентировано по линии С–Ю. На дне ямы обнаружены фрагменты деревянного настила общими размерами 240 x 65 см и мощностью 2см и торцевой доски в изголовье. От костяка сохранились кости черепа, рук и ног – умерший был уложен вытянутым на спине, головой на С. Слева в изголовье найден железный наконечник копья, справа, рядом с черепом – бронзовая пряжка. Ближе к центру ямы – железная пряжка, несколько ниже – стеклянная бусина. Слева, рядом с телом, был расчищен железный меч в деревянных ножнах с деревянной рукоятью и бронзовой обмоткой. Рядом с мечом обнаружена железная пряжка (у рукояти) и нож в деревянных ножнах (центр ямы) [Голдина, 2004. Т. I. С. 50].

Погребение 446. М, 30–35 лет. Яма имеет отвесные стенки, плоское дно, ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ. Восточная стенка могилы нарушена западной стенкой погребения 449. На дне зафиксирован костяк плохой сохранности, позволяющий установить положение умершего – вытянут на спине, руки вдоль тела, головой на ЮЮЗ. В изголовье, на костях черепа, расчищен точильный камень. Между бедренными костями, у левого колена, 5 бронзовых накладок. Справа, в области пояса (у правой руки), бронзовая пряжка с железным язычком. У правой бедренной кости железная пряжка, у левого бедра железный нож. У левого колена стеклянная бусина и бронзовая накладка. Кроме того, на тело умершего (левый локоть – правое колено), рукоятью к локтю, был положен железный меч, на котором сохранились фрагменты бронзовых накладок ножен [Голдина, 2004. Т. I. С. 84-85].

Погребение 474. Яма имеет слегка скошенный южный торец, отвесные стенки и плоское дно. Яма ориентирована по линии С–Ю, с небольшим отклонением к З. Выявлено пятно тлена от деревянного настила размерами 260 х 90 см и мощностью 0,2–0,3 см. Сохранились фрагменты деревянного гробовища. От костяка сохранились небольшие фрагменты черепа и кости ног, судя по которым умерший был уложен вытянутым на спине, головой на С. Справа, у зубов, обнаружен наконечник копья, слева – железная пряжка. В области таза, слева, фрагменты железной пряжки и железного ножа. Рядом с умершим, слева, лежал сломанный железный меч (нет острия), уложенный рукоятью к голове. Рядом (в области пояса) найдена стеклянная бусина [Голдина, 2004. Т. I. С. 89].

Погребение 608. (М до 30 лет) Яма имеет отвесные стенки и плоское дно ориентированная по линии ССЗ–ЮЮВ. Расчищен костяк удовлетворительной сохранности (правая плечевая кость лежит рядом с черепом) уложенный на спине. Справа у головы обнаружены стеклянные бусы (6 экз.) и железный нож в бронзовых ножнах. Слева, от плеча к колену был уложен меч, на клинке которого найдена бронзовая накладка. У правой бедренной кости расчищен фрагмент железного ножа, у правого колена – фрагменты железных удил и псалий и 7 бронзовых накладок, 2 подковообразные бронзовые накладки найдены у ступней ног [Голдина, 2004. Т. I. С. 109-110].

Погребение 733. Яма имеет отвесные стенки, плоское дно, ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ. Северо–западная часть погребения нарушена поздней ямой. Северный торец могильной ямы соприкасается с торцом захоронения 760. На дне зафиксирован тлен от дощатого настила, мощностью 0,2–0,3 см. Обнаружены кости ног двух погребённых, возможно, возможно уложенных головами в противоположные стороны. Сопровождающий инвентарь предположительно возможно разделить следующим образом. К костяку А относятся: бронзовая сапожковая пронизка, железные удила, палаш

лежащий рукоятью на ЮЮЗ. К костяку Б относятся: 13 бронзовых (шейных) подвесок, 3 бронзовые накладки, фрагменты железных вещей, бронзовые пронизки, бронзовые ножны с фрагментами железного ножа, костяная бусина и железная накладка [Голдина, 2004. Т. I. С. 130].

Погребение 765. Яма имеет вертикальные стенки и плоское дно, ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Северо–западная стенка нарушена юго–восточной стенкой погребения 764. В могиле обнаружены фрагменты двух костяков, каждый из которых был захоронен в отдельной деревянной погребальной конструкции (дощатый настил прямоугольной формы) Их фрагменты имеют следующие размеры: А – не менее 212 x 47см; Б – не менее 193x45 см.

Костяк А: судя по сохранившимся зубам и костям ног, умерший был уложен вытянутым на спине, головой на СВ. Слева, у черепа, найден свернутый кожаный пояс с бронзовыми накладками. На тело погребенного в области груди был уложен еще один пояс с железной пряжкой и бронзовыми накладками. Рядом с поясом найден халцедоновый диск с бронзовым шпеньком. Ниже и левее найдена стеклянная бусина, 2 железных ножа с фрагментами железных ножен и бронзовая пряжка. Слева, вдоль тела, рукоятью к поясу, был помещен меч, рядом с которым обнаружены фрагменты бронзовых накладок и пронизок, бронзовая пряжка и бронзовая деталь крепления ножен. Рядом с мечом был вытянут еще один пояс с бронзовой пряжкой и накладками, с серебряным наконечником ремня. Под мечом фрагменты железной вещи и крупная халцедоновая бусина. В ноги погребенного, справа, были помещены железные удила и фрагменты кожаной узды, украшенной бронзовыми накладками и привесками.

Костяк Б: судя по сохранившимся и костям правой ноги умерший был вытянут на спине головой на ССВ. Слева, вдоль тела, от пояса к ногам, был уложен меч, с халцедоновым диском и бронзовой накладкой в качестве навершия рукояти. У рукояти меча каменное точило, железная и деревянная вещи (неустановленного назначения) Деревянная вещь украшена бронзовой обмоткой. Вероятно, к портупей относятся 2 бронзовые пряжки. Рядом с мечом лежала железная пряжка, стеклянная бусина, бронзовая пряжка, бронзовые накладки. Под мечом найден железный крючок. Справа, вдоль тела погребенного, был вытянут кожаный пояс с железной пряжкой. У правого плеча бронзовые накладки и фрагменты железных вещей. У ног была уложена конская упряжь с бронзовыми украшениями. В ногах умершего найдены железные удила [Голдина, 2004. Т. I. С. 135-136].

Погребение 782. М, 18–20. Яма имеет вертикальные стенки и плоское дно, ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Западно–юго–западный угол ямы нарушен северо–

восточным углом погребения 783. На дне выявлены фрагменты дерева мощностью от 0,5 до 1,4 см от продольных плах погребальной конструкции; общие размеры конструкции 168х50см. Костяк плохой сохранности, однако, возможно установить, что погребенный лежал вытянутым на спине головой на СВ. У правого плеча найдены 2 бронзовые накладки, у левого – халцедоновый диск с бронзовым шпеньком (возможно, навершие меча) В области груди, слева, лежали фрагменты железных и бронзовых вещей, кожаной узды: бронзовые накладки и бронзовые подвески. Рядом с телом, слева, обнаружен меч в деревянных ножнах, уложенный рукоятью к левому плечу. На мече кожаный пояс с бронзовой пряжкой и железной пластиной. У левого локтя бронзовые накладки, у колена железный наконечник ремня. У меча лежали фрагменты железной пряжки, халцедоновая бусина, железный нож в деревянных ножнах, окрашенных красной краской. Вероятно, ножны меча были украшены бронзовыми накладками, а ремень ножен имел бронзовый наконечник ремня с бронзовыми обкладками и бронзовой привеской, державшийся на заклепках. У правой бедренной кости обнаружена бронзовая пряжка и фрагмент железной вещи, у левого колена железный крючок, ниже голени две бронзовые пряжки. У ступней ног, справа, собраны фрагменты железных удил. В ноги был уложен железный пластинчатый шлем с железными нащечниками и бронзовыми накладками. У торца ямы обнаружена круглая железная крица весом 5,2 кг [Голдина , 2004. Т. I. С. 138].

Погребение 790. Яма имеет вертикальные стенки и плоское дно, ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ. Западно–северо–западная стенка соприкасается с восточно–юго–восточной стенкой погребения 749 и нарушена восточно – юго – восточной стенкой могилы 786. На дне расчищены фрагменты дерева от дощатого настила прямоугольной формы и дощатого перекрытия (продольные и торцевые доски), общими размерами 245х78 см. От костяка сохранились фрагменты костей ног и черепа. Умерший был вытянут на спине, головой на ССВ. Слева, у черепа, расчищен наконечник копья, в области левой руки – нож в деревянных ножнах, окрашенных алой краской, и 3 железные пряжки. Рядом с телом, слева, был уложен меч с бронзовым украшением навершия и рукояти. Сохранились остатки деревянных ножен, покрытых алой краской, с бронзовыми креплениями. У рукояти найдена железная вещь. Обувь погребенного была украшена 2 бронзовыми пряжками и 2 бронзовыми наконечниками ремней [Голдина , 2004. Т. I. С. 139-140].

Погребение 1125. Яма имеет вертикальные стенки, плоское дно, ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ. На дне ямы, вдоль западной стенки, выявлен фрагмент продольной доски от деревянной погребальной конструкции толщиной 5–7 см. Судя по расположению костяка, умерший был уложен на спине, руки вдоль тела, головой на ССВ. Вдоль правой

руки, от плеча к ногам уложен железный меч, рукоятью к плечу. В области правого локтя найдены фрагменты железных вещей, в области груди бронзовая сюльгама, у левой руки – железный наконечник копья. На костях таза, слева, обнаружены бронзовые ножны с фрагментами железного ножа и бронзовая застёжка с неподвижным крючком, между бедренными костями фрагменты железной вещи. Кроме того, на бедренных костях расчищены 10 бронзовых накладок и фрагменты железных удил и псалий, фрагмент железного ножа. В области стоп лежали 2 железные пряжки [Голдина, 2004. Т. I. С. 187-188].

Погребение 1291. Яма имела плоское дно, ориентированная по линии ССВ–ЮЮЗ. Южная часть погребения перекрыта северо–западной частью захоронения 1295. Умерший был уложенным вытянуто на спине, головой на ССВ. В области пояса погребённого (слева), зафиксирована железная пряжка и нож. Рядом с левой бедренной костью лежали 3 бронзовые накладки. Вдоль тела умершего, слева, от пояса к ногам, был уложен палаш в деревянных ножнах [Голдина, 2004. Т. I. С. 207].

Погребение 1307. (М, 40–50 лет.) Яма имеет незначительное расширение в юго–западной части, отвесные продольные стенки, плоское дно, ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ. Судя по расположению фрагментов костей, умерший был уложен, вытянуто на спине, головой на ССВ. В изголовье, слева, расчищены бронзовая пронизка и 3 бронзовые накладки. Справа вдоль погребённого, от головы к ногам, был положен меч. У левого плеча найдена железная сюльгама, в области таза, справа, – нож. У правого колена зафиксированы фрагменты железной вещи, у левой берцовой кости – 3 бронзовые накладки, слева в ногах – бронзовая пронизка и железные удила [Голдина, 2004. Т. I. С. 209].

Погребение 1703. (М, 25–30 лет) Яма имеет отвесные стенки и плоское дно, ориентированная по линии С–Ю. Северо–северо–восточный угол ямы соприкасается с северо–северо–западным углом погребения 1680. На дне выявлен тлен от дощатого настила прямоугольной формы, размерами 242 x 98 см. От костяка сохранились зубы и тлен костей судя по которым умерший был уложен вытянуто на спине головой на С. В изголовье, справа, расчищена бронзовая гривна, слева в области таза находилась бронзовая пряжка и стеклянная бусина, чуть ниже нож в деревянных ножнах. Справа рядом с телом расчищен наконечник копья с древком около 177 см. Слева от локтя к колену был положен меч в деревянных ножнах. У правой голени лежало 3 бронзовых наконечника ремней [Голдина, 2004. Т. I. С. 258].

Погребение 1772. Яма имеет вертикальные стенки и плоское дно, ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ. На дне зафиксированы фрагменты дощатого настила прямоугольной

формы размерами 220 x 70 см. Костяк плохой сохранности был вытянут на спине, головой на ССЗ. Справа, у головы погребенного, был помещен наконечник копья (возможно, рядом лежало копье) Слева бронзовая вещь, завернутая в бересту. Рядом с нижней челюстью, слева, янтарная бусина. В области пояса, справа, обнаружены две бронзовые пряжки, бронзовый наконечник ремня и фрагменты бронзовой вещи, а так же железный нож в деревянных ножнах. Слева, вдоль тела погребенного, от пояса к ногам, был уложен меч в деревянных ножнах с бронзовыми накладками. Под ножнами расчищен бронзовый наконечник ремня со стеклянными вставками. Рядом обнаружена бронзовая пряжка. На ножнах обнаружена стеклянная бусина, а рядом с мечом 2 железных проушных топора. Кроме того, около меча зафиксированы фрагменты бересты, кожи, ткани – возможно фрагменты футляра, который был украшен стеклянными (?) вставками, бронзовой накладкой и золотой фольгой [Голдина , 2004. Т. I. С. 269].

Погребение 1779. Яма имеет вертикальные стенки и плоское дно, ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Северо–западный торец ямы соприкасается с юго–восточным торцом погребения 1785. На дне расчищено пятно тлена от дощатого настила прямоугольной формы размерами 186x64см. Костяк плохой сохранности был вытянут на спине, головой на СЗ. Справа, вдоль тела, от плеча к ногам, был вытянут кожаный пояс с бронзовой пряжкой. У правого плеча бронзовые накладки и фрагмент кожи. Слева, у черепа, найден наконечник копья с фрагментом деревянного древка. В области таза бронзовая пряжка. У левого бедра обнаружен нож и фрагменты железных ножен. В области стоп бронзовая пряжка (левая нога) и наконечник ремня (правая нога) Слева, вдоль погребенного, от плеча к ногам был помещен меч в деревянных ножнах. Несколько ниже рукояти меча, слева от нее, найдены бронзовая пряжка с железным язычком и стеклянная бусина. У острия меча бронзовый наконечник ремня и железный секировидный предмет [Голдина , 2004. Т. I. С. 271.

Погребение 1784. Яма имеет вертикальные стенки и плоское дно, ориентирована по линии СЗ–ЮВ. Форма ямы не восстанавливается, так как она была повреждена траншеей нефтепровода. Погребение не пострадало, так как находилось ниже уровня траншеи. На дне могилы обнаружены фрагменты дощатого настила прямоугольной формы, пятно размерами 250x80. Костяк плохой сохранности был вытянут на спине, головой на СЗ. Справа, у черепа, найдены фрагменты железного шлем с бармицей. У правого плеча найдена бронзовая пряжка. Слева, вдоль тела, от головы к ногам, был уложен меч с деревянной рукоятью и навершием из зеленого стекла. Сохранились остатки деревянных ножен. Рядом с мечом, в области локтя, обнаружен бронзовый наконечник ремня со стеклянными вставками. Бронзовая пряжка и глиняное пряслице. Рядом с левой тазовой и

левой бедренной костями расчищены бронзовая пряжка, наконечник ремня и железный нож в деревянных ножнах. Бронзовый пинцет и фрагменты черепа животного. У острия меча найдена кожаная уздечка, украшенная бронзовыми накладками, бронзовой пряжкой и железными удилами. У стоп зафиксированы 2 бронзовые пряжки и наконечника ремней. В южном углу, слева от ног умершего, расчищены фрагменты железной кольчуги, изготовленной из крупных колец (диаметром до 1 см). Вероятно, она была повреждена, так как имеет следы ремонта при помощи медной проволоки. Там же, у торцевой стенки, лежал проушный топор, 5 секировидных предметов. Железный наконечник копья с фрагментом древка и железной вещью [Голдина, 2004. Т. I. С. 272].

Покровский могильник. Находится в 0,7 км к ВСВ от деревни Сизяшур Малопургинского района Удмуртии, на землях подсобного хозяйства «Радист» Ижевского радиозавода. Памятник расположен на левом берегу р. Сизяшур, правом притоке р. Постолки, правом притоке р. Иж. Он занимает невысокий (3–9 м) серповидный мыс, ограниченный с двух сторон сухими логами. Оба лога и северная часть могильника заросли хвойным лесом. Могильник получил название от существовавшей до начала 70 годов деревни Покровское. Памятник обнаружен в 1973 году Ижевским разведывательным отрядом Камско–Вятской экспедиции под руководством К.И. Корепанова. В 1973 году вскрыто 6 погребений. В 1975 году под руководством Р.Д. Голдиной произведены раскопки памятника, в ходе которых исследовано еще 5 погребений. В течение 1977, 1980, 1982–1984 гг. крупномасштабные раскопки памятника проводила археологическая экспедиция Удмуртского республиканского краеведческого музея. Всего вскрыто 2786 м², где обнаружено 364 погребения [Останина, 1992. С. 5].

Погребение 19. Справа от головы лежала подвеска-уточка, у левого плеча бронзовая пряжка и наконечник ремня, вдоль левой ноги меч (длина клинка 52,2 см) рядом с ним, ближе к бедру, нож, выше лезвия меча, бляшка и фрагмент бусины (украшения рукояти) [Останина, 1992. С. 17].

Погребение 26. Слева вдоль тела лежал меч, длина клинка 70,7 см, с бляхой – раковинной (от набалдашника или рукояти). На поясе, справа, фрагмент ножа с бляшкой –

накладкой на рукояти. Ниже меча, на уровне голени, железные удила с бронзовыми трензелями [Останина, 1992. С. 19].

Погребение 59. У правой руки бронзовая пряжка, вдоль левой ноги меч (длина клинка 40см), под рукоятью которого находился нож. Рядом с мечом бусина (украшение ножен) [Останина, 1992. С. 21].

Погребение 63. Ноги умершего широко расставлены в коленках. Слева, перпендикулярно бедру, лежали нож и железная накладка от ножен (?) На левом плече бронзовая пряжка. У левой ноги находился меч (длина клинка 66 см) с бусиной (украшение ножен) У стоп обнаружен бронзовый наконечник ремня. У голени правой ноги лежали железные удила и обувная пряжка [Останина, 1992. С. 21].

Погребение 83. У левого плеча лежала бронзовая пряжка, вдоль тела, слева, расположен меч (длина клинка 56см) в деревянных ножнах, от которых остались фрагменты дерева, накладка, 2 бусины. От рукояти сохранился железный набалдашник. Между мечом и тазовыми костями нож, на поясе бронзовая пряжка [Останина, 1992. С. 23].

Погребение 99. У правого плеча найдена бронзовая пряжка, вдоль левой ноги меч (длина клинка 57 см) с бронзовой накладкой от ножен, у ступней обеих ног обувные бронзовые пряжки [Останина, 1992. С. 24].

Погребение 115. Вдоль левой ноги развернуто уложен пояс: пряжка, поясные накладки (18 экз.), наконечник ремня. На поясе лежал меч (длина клинка 77см) Судя по отдельным фрагментам дерева, меч находился в деревянных ножнах. В ногах железные удила [Останина, 1992. С. 27].

Погребение 261. Вдоль тела, слева, уложен меч (длина клинка более 72 см), на бедре нож. В ногах железные удила. У левого плеча бляха – раковина с крестообразной бронзовой накладкой (от рукояти меча) В ногах, справа, пряжка, на костях таза бусина, пронизка, колечко [Останина, 1992. С. 29].

Погребение 289. Вдоль тела уложен меч (длина клинка 82см), у рукояти которого лежали нож с обоймой от ножен. Халцедоновая бусина, железные пряжки. У острия клинка найдены железные удила с трензелями, топор. Под топором лежал железный предмет. Под удилами бронзовые слитки (2 экз.), вблизи тлен от поясных накладок (2 экз.) На уровне ступней, вдоль, 2 бронзовые пряжки [Останина, 1992. С. 31].

Погребение 325. У головы, справа, фрагмент топора (обух) Вдоль тела, слева, развернуто уложен пояс: бронзовый наконечник ремня, поясные накладки (24 экз.) У левого локтя бусина. Вдоль левой ноги меч в деревянных ножнах (длина клинка 53 см), на

уровне бедра нож. У голени правой ноги бронзовый наконечник ремня [Останина, 1992. С. 34].

Погребение 347. У правого плеча и на костях таза железная пряжка. Вдоль левой ноги меч (длиной более 52 см) с рукоятью, украшенной 2 бляшками, заклепками – полугорошинами и рядами проволоки. Длина рукояти 26,6 см, ширина деревянной части 4 см. Ножны украшены бусиной. У левой ноги нож [Останина, 1992. С. 37].

Ижевский могильник. Расположен на территории г. Ижевск, на Безымянной улице, в районе так называемой «Вшивой горки». Раскопки могильника были произведены в 1957 г., после того, как А.А. Никифоров принес несколько древних вещей в Удмуртский республиканский музей. Могильник находился на невысоком плоском мысу левого берега р. Иж (ныне Ижевского пруда). Трудно сказать, где в период использования могильника протекала река, но, скорее всего, не у подножья мыса с южной стороны площадки протекает небольшой ручеек, впадающий в р. Иж [Генинг, 1967. С. 124].

Погребение 10. На глубине 50 см остатки разрушенного погребения. Первоначальное положение сохранили лишь кости ног. Погребенный лежал вытянутым на спине, головой на СВ. Вдоль левого бедра железный меч с обоюдоострым клинком, сохранившийся в длину на 66 см. Черенок в виде бруска размером 14 x 1,8 x 0,5 см. У тазовых костей железный нож, медный наконечник пояса и обломки накладок [Генинг, 1967. С. 133].

Погребение 16. Могильная яма размером 210 x 55 см. На глубине 85 см мужской костяк на спине, ориентированный головой на СЗ. Вдоль левой ноги железный меч с обоюдоострым клинком длиной 79 см и черенком длиной 11 см. Около левой руки находилась деревянная рукоять меча. Диаметр ее около 4 см и длина около 40 см. На рукояти 5 медных колец. Слева, около бедер, железный кинжал и железная пряжка. На груди и тазовых костях кожаный пояс с железной пряжкой, 20 накладками и железными наконечниками. На костях стоп обеих ног обнаружены пряжки и наконечники ремней. Одна пряжка с железной задней пластинкой, другая с медной. Слева, у ног, два костяных наконечника стрел и железные двусоставные удила с крупными кольцами [Генинг, 1967. С. 134].

Нивский могильник. При археологических разведках в Боткинском районе Удмуртской АССР в 1956 г. в с. Перевозном местный житель И.С. Варламов сообщил о находках древних вещей недалеко от села. В ходе обследования был выявлен древний могильник. Могильник расположен на небольшом мысу, в 1 км к югу от д. Нивы Боткинского района и в 1 км от русла р. Сивы, правого притока р. Камы. Местность, где находится могильник, у местного населения называется «Селище». По ней проходит проселочная дорога из д. Нивы в д. Патраково [Семенов, 1967. С. 119].

Могильник частично разрушен тремя силосными ямами и траншеей, находящимися на территории памятника. При исследовании траншеи были выявлены четыре разрушенных погребения.

Усть–Сарапульский могильник. Памятник расположен на юго–западной окраине д. Усть–Сарапулки Сарапульского района Удмуртской АССР. Могильник занимает ровную возвышенность коренного берега безымянного ручья высотой 18 м, недалеко от места впадения ручья в р. Каму. Южная часть площадки памятника нарушена ямами фермы, существовавшей в 30 гг. XX в. Ранее поверхность могильника распахивалась, теперь занята постройками существующей сейчас фермы.

Могильник был открыт в 1983 г. сотрудником сарапульского музея Н.Л. Решетниковым. Раскопки проводились под руководством О.В. Арматынской [Арматынская, 1986. С. 26].

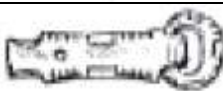
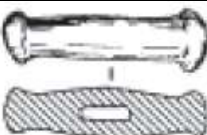
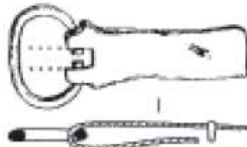
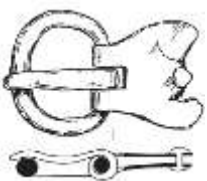
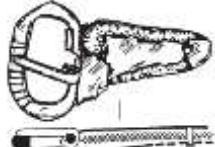
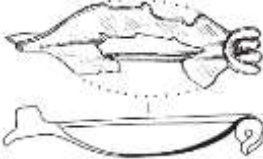
Погребение 89. В северо–восточной части ямы найдены фрагменты бронзовой накладки, халцедоновый диск – бляха, обломки бронзовой вещи. Вдоль восточной стенки лежал меч, с остатками деревянных ножен, украшенных бронзовыми накладками. У рукояти меча лежала сильно коррозированная железная пряжка [Арматынская, 1986. С. 40].

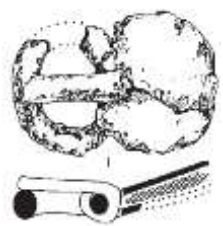
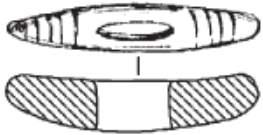
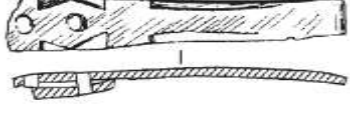
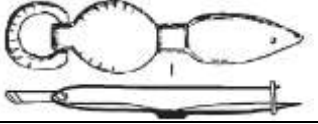
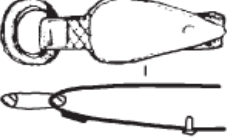
Красноярский могильник . Расположен на окраине д. Краснояр II, в 0,4 км к северо–востоку от Красноярского II селища на распахиваемом выступе коренной террасы правого берега р.Тулвы. Был открыт и стационарно

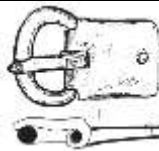
изучался отрядом КВАЭ под руководством О.А. Казанцевой в 1986–1989 гг. Всего вскрыто 2643 кв. м (144 погребения) На основании изучения вещевого инвентаря и погребального обряда памятника автором раскопок было сделано заключение о принадлежности данного археологического объекта осинскому варианту гляденовской культуры. Могильные ямы имеют прямоугольную с закруглёнными углами или овальную в плане форму и располагаются короткими рядами с широтной или меридиональной ориентацией. Антропологический материал встречен в нескольких погребениях, отличается плохой сохранностью. Из всей массы погребений 17,3% могил не имеют сопровождающего инвентаря. 21,5% захоронений содержат глиняные сосуды или фрагменты от них. Жертвенные комплексы найдены в 4,8% погребений и располагаются в одном из концов могилы. Вещевой набор достаточно разнообразен: бронзовые и железные украшения костюма, бусы предметы быта, вооружения, глиняная посуда [Казанцева, 2004. С. 21].

Погребение 83. Могильная яма размерами 197 x 75 см. прямоугольной формы. скошенные стенки, округлое дно. глубиной 14 см. ориентирована по линии 3–В. В западной части ямы обнаружены железные предметы: наконечник копья, нож, меч [Казанцева, 2012. С. 16].

Таблица 2. Хронологические маркеры мазунинской культуры.

Вещи характерные для первой половины III в.		
1	Ременные пряжки прямоугольной формы обильно фасетированные [Голдина, Бернц, 2017. Рис. 2–3]	
2	Прямоугольные накладки обильно фасетированные с подвеской кольцом [Голдина, Бернц, 2017. Рис. 2–14]	
3	Флаконовидные пронизки [Голдина, Бернц, 2017. Рис. 2–5]	
4	Флаконовидные костыльки [Голдина, Бернц, 2017. Рис. 2–6]	
5	Бронзовая трехсоставная пряжка средних размеров с овальной рамкой и прямоугольным щитком [Голдина, Бернц, 2017. Рис. 2–9]	
Вещи характерные для второй половины III в.		
6	Наконечники обувных ремней прямоугольной формы вытянутые со слегка пристроенным концом [Голдина, Бернц, 2017. Рис. 3–16]	
7	Трехсоставная пряжка со слегка наметившейся В – образной уплощенной в сечении рамкой гладким язычком и прямоугольным железным щитком [Голдина, Бернц, 2017. Рис. 3–23]	
8	Бронзовые трехсоставные пряжки с рифленой рамкой гладким язычком и длинными подтреугольными щитками с обильным фасетированием [Голдина, Бернц, 2017. Рис. 4–28].	
9	Одночленная пружинная фибула с завитком на конце сплошного пластинчатого приемника [Голдина, Бернц, 2017. Рис. 4–37]	
10	Прямоугольные накладки с четким ограничением краев и подвеской кольцом [Голдина, Бернц, 2017. Рис. 4–40]	

Вещи характерные для первой половины IV в.		
11	Железные трехсоставные пряжки средних размеров с округлыми квадратными или трапецевидными щитками [Голдина, Бернц, 2017. Рис. 5–43, 45]	
12	Пронизки – костыльки с поперечным орнаментом [Голдина, Бернц, 2017. Рис. 5–44]	
13	Бронзовые трехсоставные пряжки со слегка зауженными пластинами и язычками с выступами у основания [Голдина, Бернц, 2017. Рис. 5–51]	
14	Бронзовые цельнолитые пряжки с прямоугольной рамкой длинным подтреугольным щитком и овальным расширением на конце [Голдина, Бернц, 2017 Рис. 5–47]	
15	Наконечники ремней прямоугольной формы вытянутые с приостренным концом выполнение из одной или двух пластин [Голдина, Бернц, 2017. Рис. 5–48]	
Вещи характерные для второй половины III – IV в.		
16	Накладки в форме двух овалов соединённых перемычками в виде длинного или короткого стрежня или ромба [Голдина, Бернц, 2017. Рис. 6–53]	
17	Бронзовые накладки с конусовидной верхней частью округленной нижней частью и подвеской кольцом [Голдина, Бернц, 2017. Рис. 6–54]	
18	Бронзовые накладки подтреугольной формы с привеской–кольцом [Голдина, Бернц, 2017. Рис. 6–55]	
19	Бронзовые ромбовидные поясные накладки [Голдина, Бернц, 2017. Рис. 6–56]	
Вещи характерные для третьей четверти IV в.		
20	Пронизки–подвески в виде стилизованных фигурок медведей [Голдина, Бернц, 2017. Рис. 7–57]	
21	Многочастные железные составленные из нескольких полос наконечники ремня с железными подвесками [Голдина, Бернц, 2017. Рис. 7–59]	

22	Бронзовые трехсоставные пряжки с овальной слегка утолщенной впереди рамкой прямоугольным щитком язычками с ornamentацией уступом или выступом [Голдина, Бернц, 2017. Рис. 7–62].	

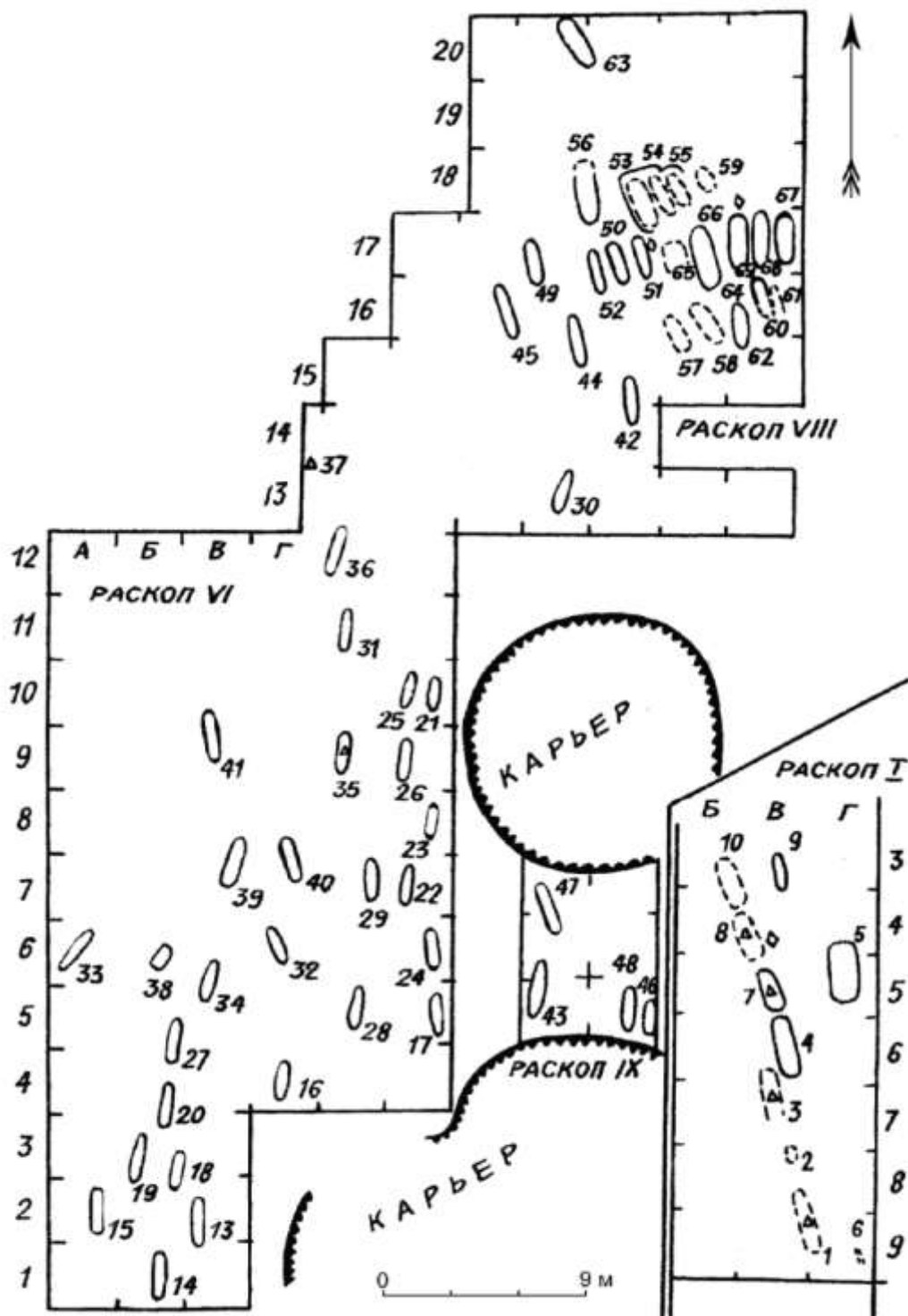

Рисунок 12. Мазунинский могильник [Генинг, 1967. Рис. 1]

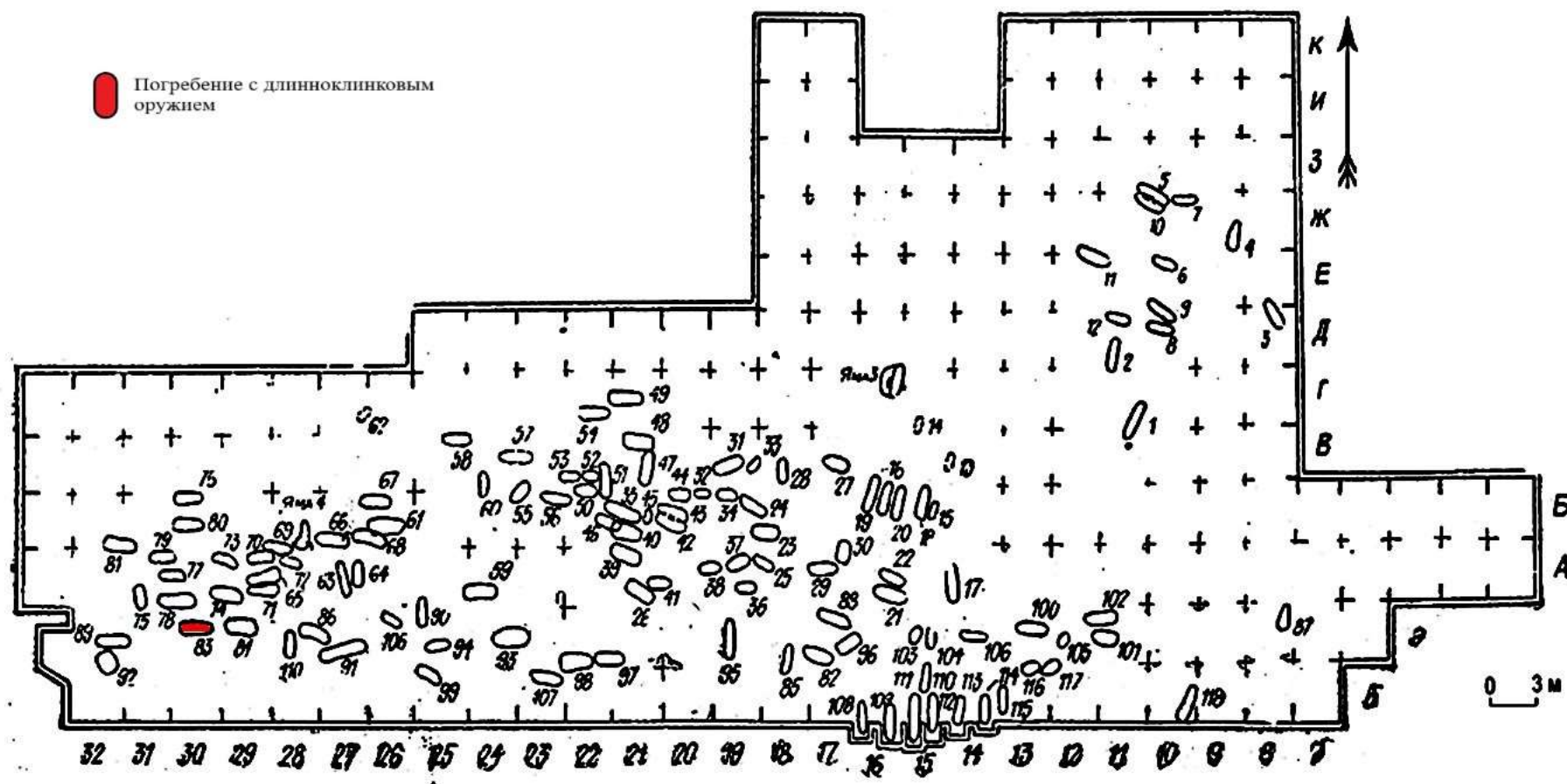

Рисунок 13. План Красноярского могильника [Казанцева, 2012. Рис. 4]

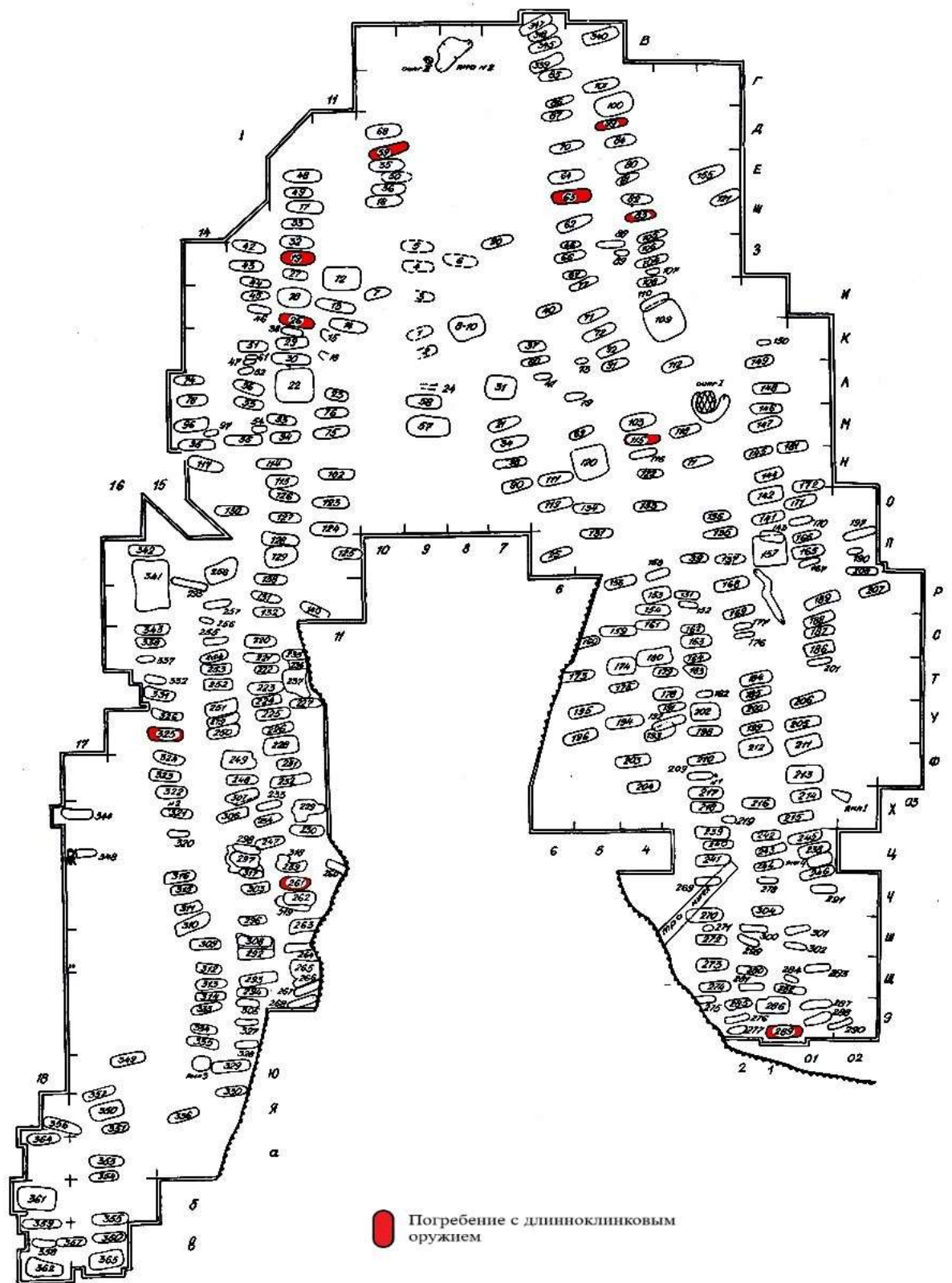

Рисунок 15. План Покровского могильника [Сабиров 2011. Рис. 33].

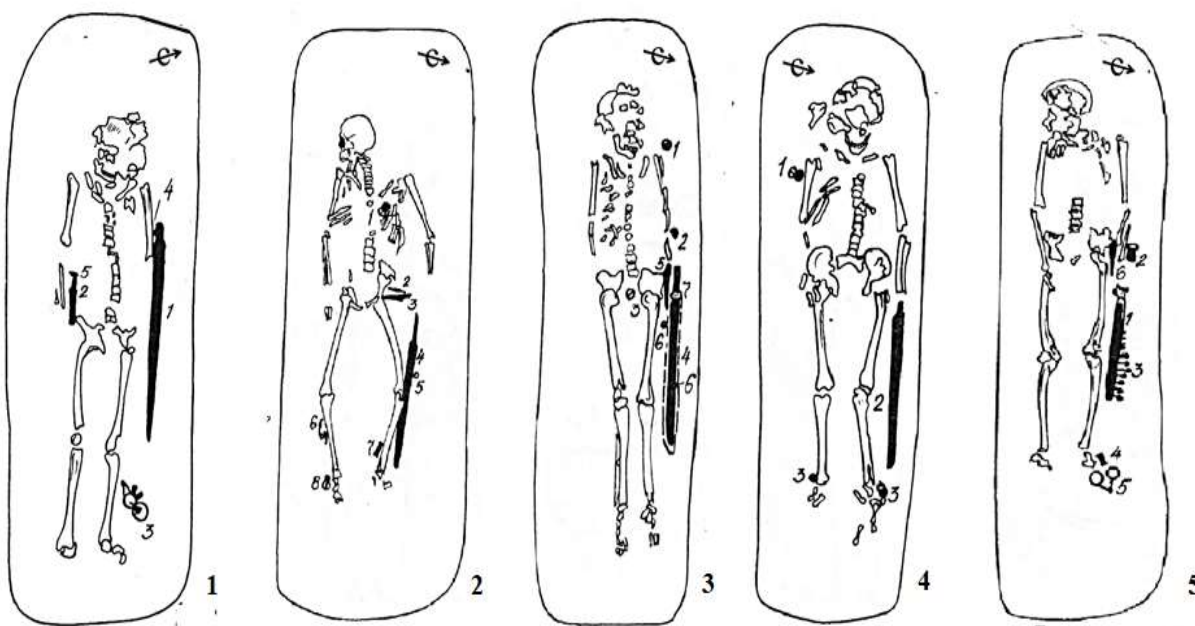

Рисунок 17. Погребения Покровского могильника.

1) Погр. 26 [Останина, 1992. Рис. 3 -2]. 2) Погр. 63 [Останина, 1992. Рис. 8 -5] 3) Погр. 83 [Останина, 1992. Рис. 8 -4]. 4) Погр. 99 [Останина, 1992. Рис. 8 -6] 5) Погр. 115 [Останина, 1992. Рис. 8-1]

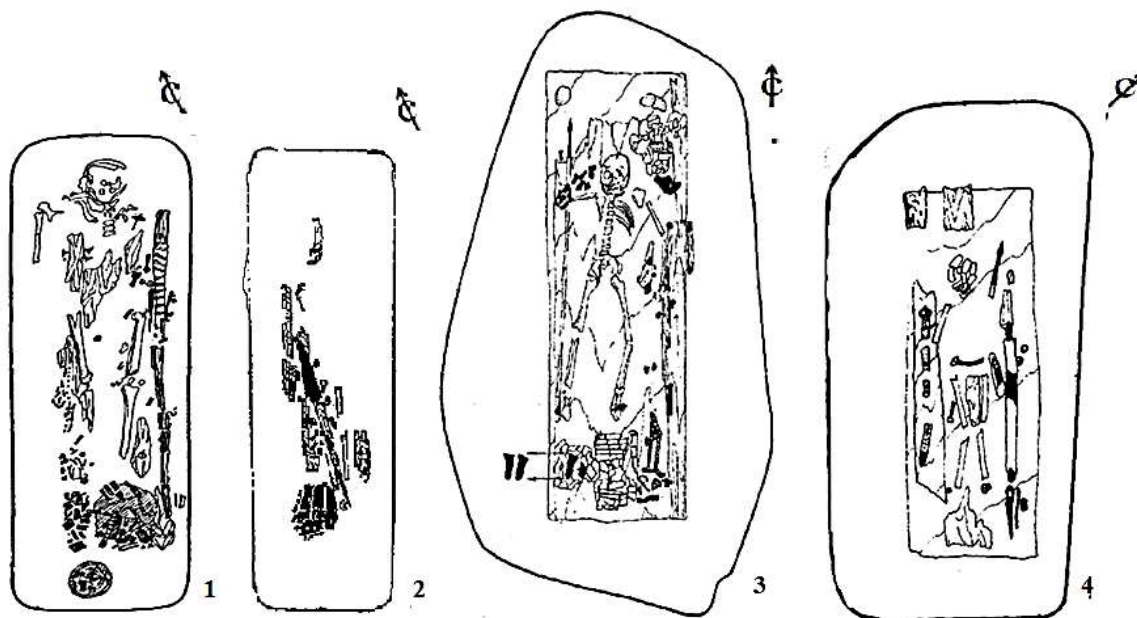

Рисунок 18. Погребения Тарасовского могильника.

1) Погр. 782 [Голдина, 2004, Т. II. Табл. 339]. 2) Погр. 6 [Голдина, 2004, Т. II. Табл. 4]. 3) Погр. 1685 [Голдина, 2004, Т. II. Табл. 617]. 4) Погр. 1779 [Голдина, 2004, Т. II. Табл. 661]

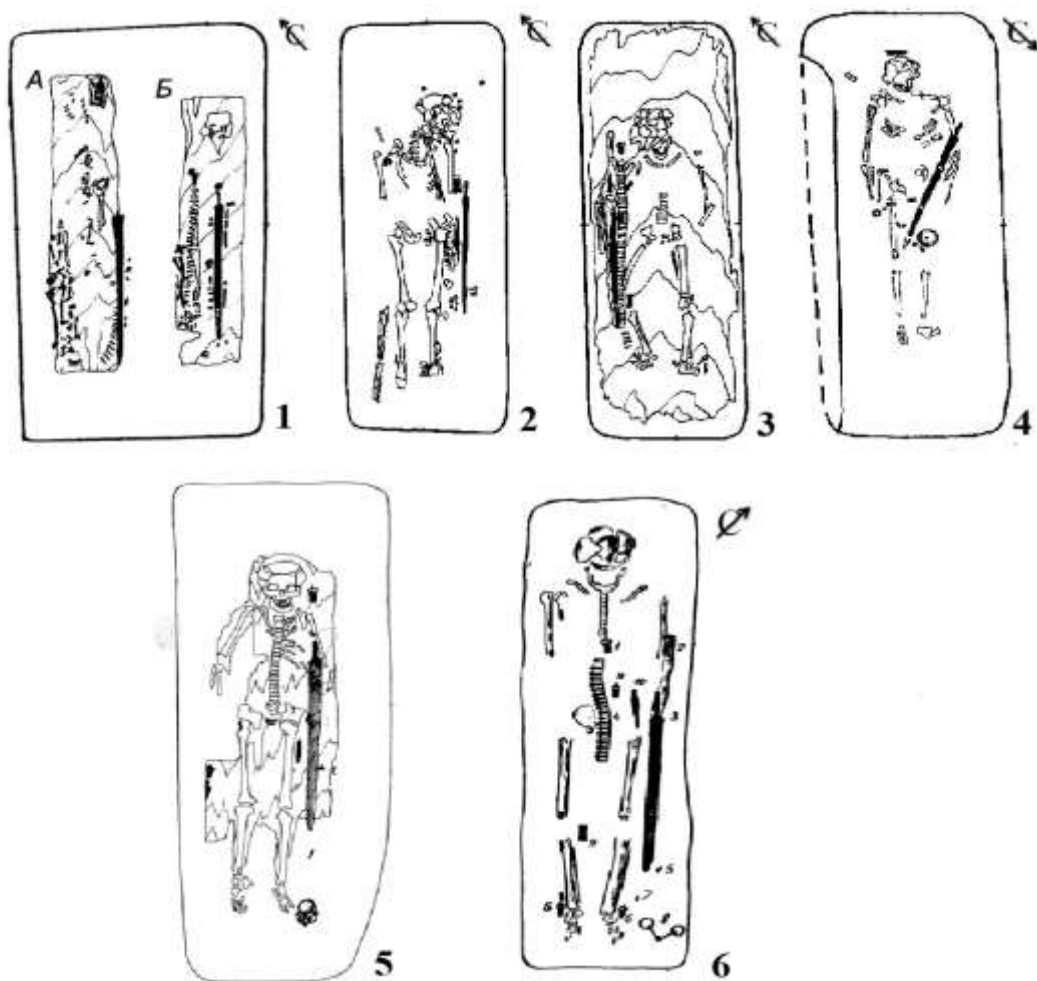

Рисунок 19..

- 1) Погр. 765 [Голдина, 2003, Т. II. Табл. 235] 2) Погр. 129 [Голдина, 2003, Т. II. Табл. 45] 3) 199
[Голдина, 2003, Т. II. Табл. 82] 4) Погр. 446 [Голдина, 2003, Т. II. Табл. 193] 5) Погр. 11
Дубровского мог. [Бернц и др., 2015. Рис. 2- А] 6) Погр. 16 Ижевский мог. [Генинг, 1967. Рис. 6]

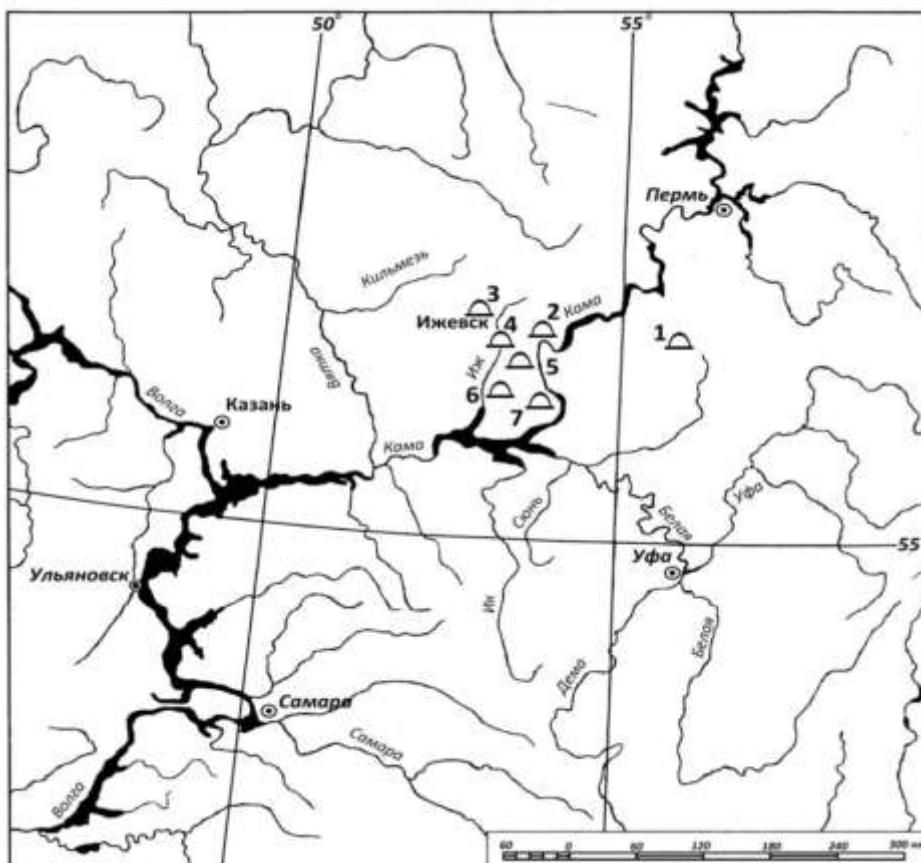

Рисунок 20. Могильники мазунинкой культуры.

1) Красноярский мог. 2) Нивский мог. 3) Покровский мог. 4) Ижевский мог. 5) Усть Сарапульский мог. 6) Дубровский мог. 7) Тарасовский мог.

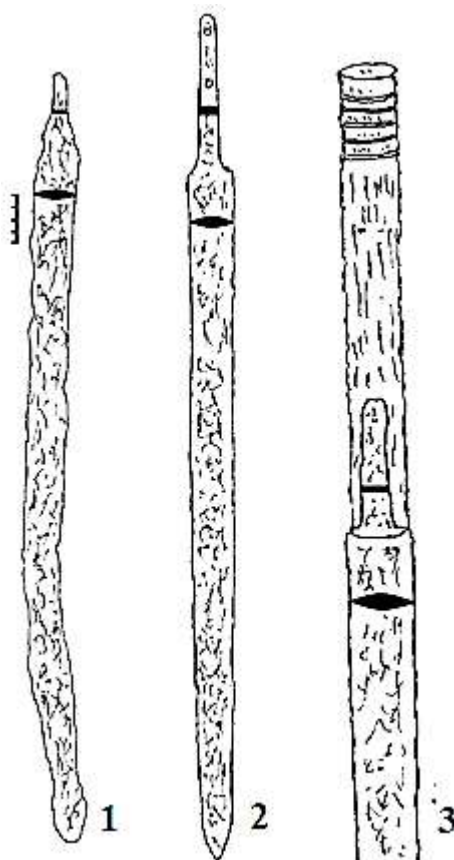

Рисунок 21. Мечи Ижевского могильника.

1) Погр. 110 2) Погр. 10 [Генинг 1967. Рис. 2–3] 3) Погр. 16 [Генинг 1967. Рис. 2–4]

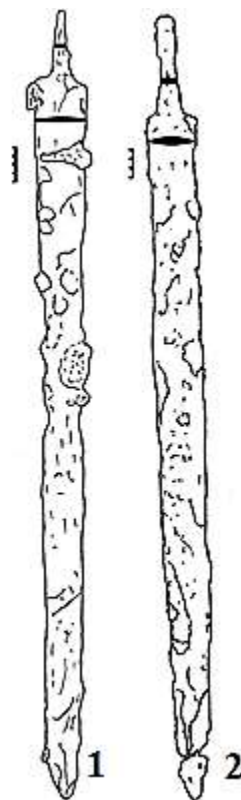

Рисунок 22. Мечи Дубровского могильника.

1) Погр. 11 [Черных и др., 2010, Рис. 2–8] 2) Погр. 29 [Бернц и др., 2015. Рис. 3–7]

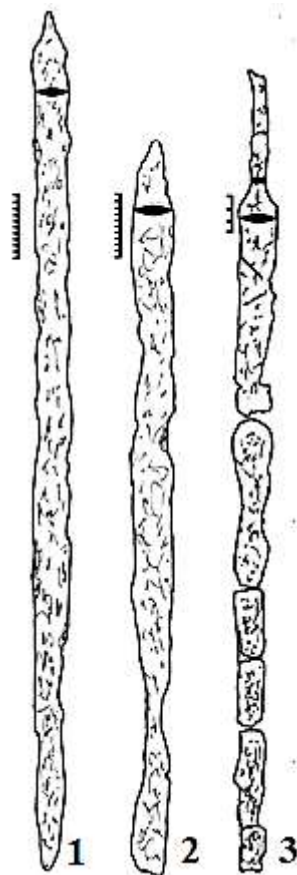

Рисунок 23. Мечи Усть Сарапульского могильника.

1) Погр. 104 [Арматынская, 1986. Рис. 62–2] 2) Погр. 105 [Арматынская. 1986. Рис. 62–1]
3) Погр. 89 [Арматынская, 1986. Рис. 6–19]

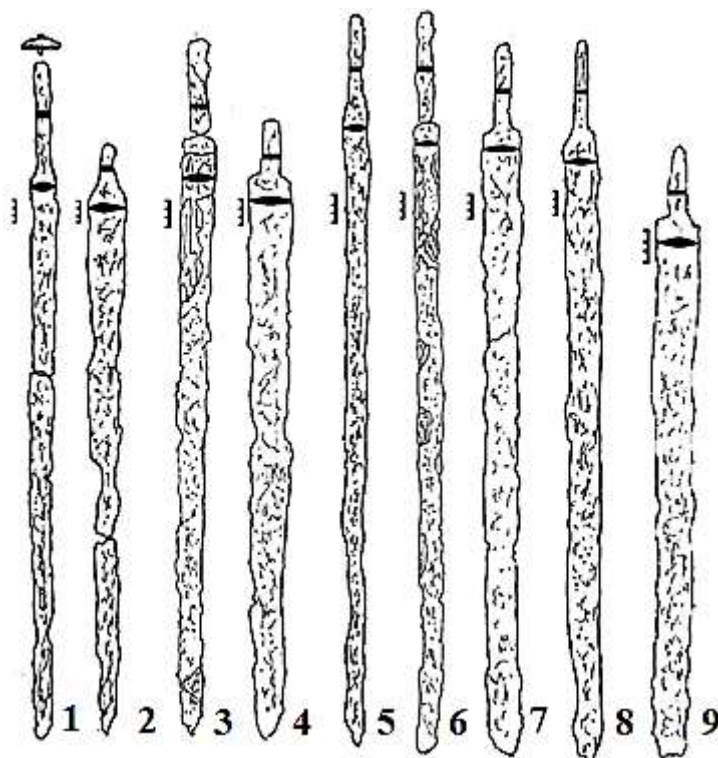

Рисунок 24. Мечи Тарасовского могильника.

- 1) Погр. 4 [Голдина, 2003. Т. II. Табл. 2–27] 2) Погр. 6. [Голдина, 2003. Т. II. Табл.22–32] 3) Погр. 60. [Голдина, 2003. Т. II. Табл.23–32] 4) Погр. 129. [Голдина, 2003. Т. II. Табл. 45–14] 5) Погр. 131 А. [Голдина, 2003. Т. II. Табл.47–13] 6) Погр. 199. [Голдина, 2003. Т. II. Табл.83–9] 7) Погр. 235. [Голдина, 2003. Т. II. Табл.99–8] 8) Погр. 446. [Голдина, 2003. Т. II. Табл.193–14] 9) Погр. 474 [Голдина, 2003. Т. II. Табл.205–3]

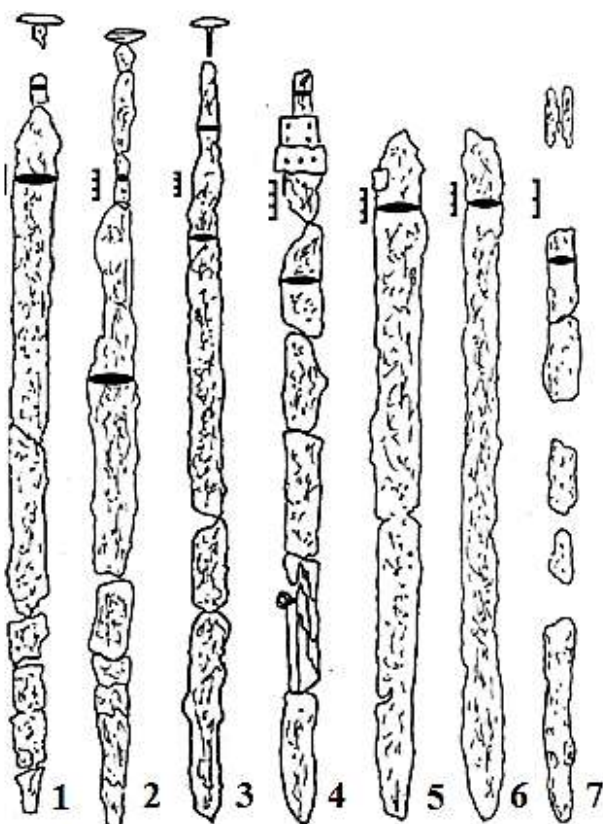

Рисунок 25. Мечи Тарасовского могильника.

- 1) Погр. 765 А [Голдина, 2003. Т. II. Табл. 329–19] 2) Погр. 765 Б [Голдина, 2003. Т. II. Табл. 330–13] 3) Погр. 782 [Голдина, 2003. Т. II. Табл. 341–38] 4) Погр. 790 [Голдина, 2003. Т. II. Табл. 347–13] 5) Погр. 1772 [Голдина, 2003. Т. II. Табл. 655–12] 6) Погр. 1779 [Голдина, 2003. Т. II. Табл. 661–7] 7) Погр. 1784 [Голдина, 2003. Т. II. Табл. 665–12]

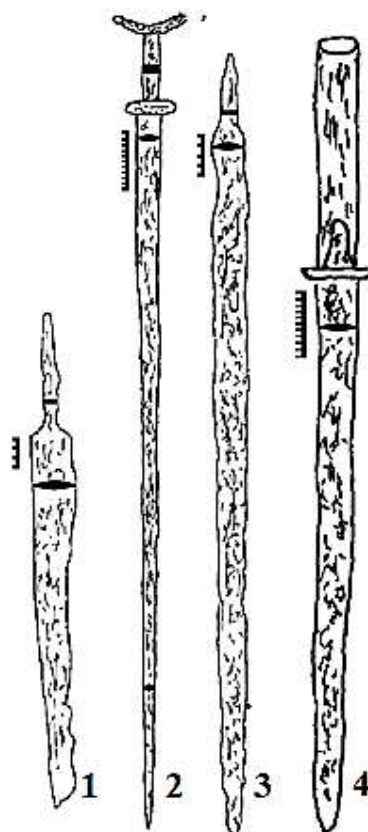

Рисунок 26.

1) Погр. 83 Красноярского мог. [Казанцева, 2004. Рис. 59 – 3] 2) Красноярский мог. подъёмный материал [Казанцева, 2004. Рис. 91 – 14] 3) Погр. 2 Городищенский мог. [Наговицын, Семенов, 1972. Табл. II – 4] 4) Погр. 17 Нивского мог. [Останина, 1971. Табл. V – 1]

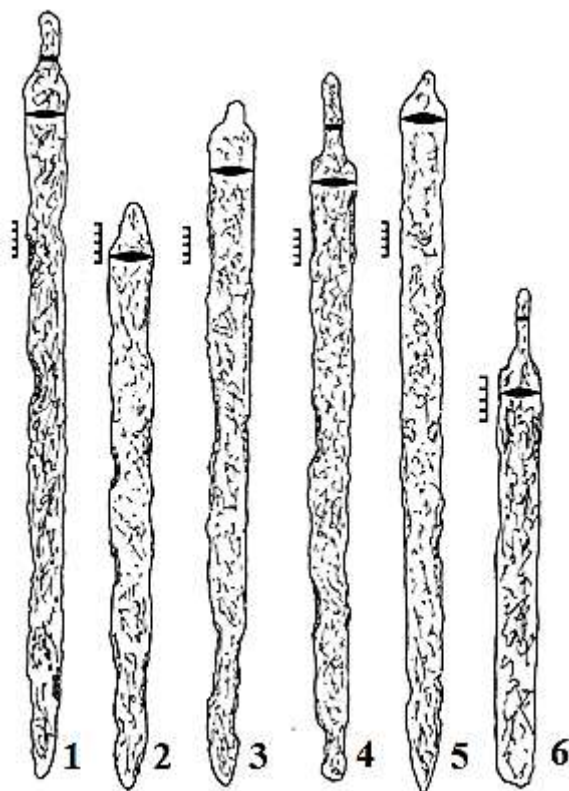

Рисунок 27. Мечи Покровского могильника.

1) Погр. 26 2) Погр. 63 3) Погр. 115 4) Погр. 261 5) Погр. 289 6) Погр. 59

3.1. Характеристика азелинской (худяковской культуры.)

Понятие азелинская культура было введено в оборот В.Ф. Генингом по результатам изучения Азелинского и Суворовского могильников, а также аналогичных памятников, расположенных в бассейне р. Вятка и р. Камы (Вичмарский, Воробьевский, Хлюпинский могильники, могильник Тюм–Тюм и др.) Территорию распространения памятников азелинской культуры возможно попытаться определить следующим образом: Волго–Вятское междуречье, правобережье Нижней Камы и часть правобережья Марийского Поволжья. Время существования рассматриваемой культуры определено исследователем как период III–V вв. [Генинг, 1963. С. 7].

В.Ф. Генинг рассматривал процесс генезиса азелинской культуры следующим образом. Предки азелинцев проживали на территории, прилегающей к устью р. Белой, но, столкнувшись с тюрко–угорским населением, спасавшимся от столкновения с гуннами, были вынуждены уйти на незаселенную территорию Волго–Вятского междуречья [Генинг, 1963. С. 16–17]. Другими словами происхождение азелинской культуры связывалось с миграцией на незаселенные северо–западные земли чегандинского населения, подвергшегося в той или иной мере влиянию западносибирского населения.

К 1972 году В.Ф. Генинг изменил свои взгляды на исторические процессы первой половины I тысячелетия. Исследователь пришел к выводу, что до начала V века в регионе не появилось инокультурного населения, способного изменить этническую ситуацию в регионе [Генинг, 1972. С. 240]. Следовательно, генезис азелинской культуры связан с деятельностью местного пьяноборского населения.

А.Х. Халиков и П.Н. Старостин признавали идею автохтонного происхождения азелинских племен, но обращали внимание и на то, что в его материальной культуре прослеживается влияние тюркского населения,

отождествляемого с носителями именьковской культуры [Халиков, 1971. С. 20].

В 2001 году П.Н. Старостин, рассматривая керамические комплексы азелинских поселений, обратил внимание на то, что лепные плоскодонные горшки с примесями шамота в тесте близки сосудам, обнаруженным при раскопках позднегородецких памятников. На основании данного факта исследователь предположил, что позднегородское население могло принять участие в формировании азелинской культуры [Старостин, 2001. С. 96-97].

Другую концепцию развития вятского населения развивала Н.А. Лещинская. Основываясь на результатах исследований последних десятилетий, Лещинская опровергла предположение В.Ф. Генинга о том, что территория Вятки не была заселена до начала функционирования Суворовского и Азелинского могильников [Генинг, 1963. С. 14]. Н.А. Лещинская, в след за Р.Д. Голдиной, пришла к выводу, что в период II в. до н.э. – V в. н.э. местное население образует единую культурно–историческую общность [Лещинская, 1995. С. 10-21]. Для определения этой общности был предложен термин – худяковская культура.

Н.А. Лещинская выделила три стадии существования худяковской культуры: первомайская стадия – III–I в. до н.э., ошкинская стадия – I – начало III в. н.э., азелинская стадия – III–V вв. н.э. [Лещинская, 1995. С. 17].

Учитывая материалы, введенные в научный оборот в последние десятилетия, в рамках нашей работы мы будем использовать понятие азелинская культура в контексте финальной стадии существования худяковской культуры. Следует обратить внимание еще на один аспект развития исторических процессов населения Волго–Вятского междуречья.

Несвойственные для Прикамья «воинские погребения», появление изделий из халцедона, некоторых предметов импорта, обряда кремации, наличие практики ритуального захоронения частей скелета лошади позволяют предположить, что в период III–IV веков в регионе появляются группы инокультурного населения. Мигранты были не многочисленны, их

появление не смогло в корне изменить материальную и духовную культуру местного населения, но они привнесли некоторые новые элементы. С появлением инокультурного населения стоит связывать процессы формирования азелинской стадии развития худяковской культуры.

Вопрос о происхождении инокультурного населения остается дискуссионным. Версия В.Ф. Генинга о появлении в III веке угорского населения не нашла подтверждения [Генинг, 1972. С. 240]. Р. Д. Голдина предположила, что инокультурное население, принявшее участие в формировании азелинских древностей, может быть связано с одной из волн переселения вельбарского населения в Поволжье [Голдина, 1997. С. 261-262]. В III–IV веках в Нижнем Поволжье формируется именьковская культура, связанная с миграцией черняховского населения [Седов, 1994. С. 309-314].

Аналогии в погребальном обряде и инвентаре части населения Нижнего Прикамья могут быть найдены в культуре представителей андреевско–писеральской общности Среднего Поволжья. Одним из первых в пользу подобной версии высказывался П.А. Старостин [Старостин, 2002. С. 25]. В рамках предложенного исследования будет поддержана версия о связи мигрантов с группами населения, пришедшими в Прикамье из Среднего Поволжья.

В местоположении могильников, относимых к азелинской культуре, не выявлено закономерностей или устоявшихся традиций. Некоторые памятники находятся в пойме реки, другие располагались на высоких берегах рек или находятся в удалении от водяных объектов. Могильники грунтовые, без следов могил на поверхности. В ряде случаев зафиксированы остатки (следы) срубной конструкции, которая могла служить надмогильным сооружением.

Основываясь на особенностях расположения могил Суворовского и Азелинского некрополей, Р.Д. Голдина предположила существование в прошлом курганов. «На площади Азелинского могильника можно выделить 8 курганов: I – погр. 19, 20; II–16–18; III–12–15; IV–1; V–8, 9; VI–10,11; VII–4,

5; VIII–2, 3, 6, 7; на Суворовском 16: I–погр. 21, 22; II–18–20; III–24, 25, 31; IV–11, 16; V–9, 10; VI–13; VII–17; VIII–6; IX–1, 2; X–4, 5; XI–12, 14; XII–29, 30; XIII–23, 26–28; XIV–15; XV–7, 8; XVI–3» [Голдина, 1997, С. 262]. Предположение, высказанное Р.Д. Голдиной, не нашло подтверждений, причина может заключаться в том, что территория памятников длительное время подвергалась распашке, в ходе которой курганные насыпи могли быть полностью разрушены.

Большинство захоронений совершено по обряду ингумации. Умерших укладывали вытянутыми на спине, руки вдоль тела или слегка согнуты, головой на север, реже на юг. В III–V в. в погребальных традициях происходят изменения в связи с появлением обряда кремации, который производилась на стороне, без вещей. Отмечены случаи неполной кремации [Голдина, 1999, С. 263].

В погребениях вне зависимости от пола находят пряжки, накладки и прочие сохранившиеся элементы одежды, расположенные в порядке их ношения. В большинстве погребений не выявлено керамических сосудов или их фрагментов.

В мужские захоронения помещали ножи, реже кинжалы, наконечники стрел и копий, топоры, удила и элементы конской сбруи. В ряде погребений обнаружены двуручные мечи, шлемы, кольчуги, щиты. Наличие в погребениях доспехов и большого количества оружия не характерно не только для населения лесостепной полосы, но и для сармат, для которых наличие оружия в погребениях является своего рода нормой. По расчетам Р.Д. Голдиной, на одно мужское погребение Суворовского могильника приходится 13,5 единиц оружия [Голдина, 1999, С. 262]. Следует обратить внимание на наличие в некоторых захоронениях кузнечных и столярных инструментов.

Женщин сопровождали ножи, пояса, украшения различных форм и видов, носимые в том же порядке, что и при жизни. Среди элементов женского костюма выделяются богато украшенные нагрудники.

Эполетообразные застёжки, скрепляющие женские пояса, являются одним из наиболее характерных элементов костюма. В женских, реже в мужских погребениях встречено большое количество изделий из халцедона (сапфирина), что является своего рода визитной карточкой азелинской культуры.

Зафиксированы следы обряда подарков умершим, которые складывали в эполетообразную застёжку. Данная традиция была распространена в период I–III вв. н.э. с середины III в. подарки складывали в берестяной короб с дном, покрытым тканью или мехом.

На наш взгляд, наиболее обоснованные и проработанные взгляды на проблему датирования азелинских древностей представила Н. А. Лещинская.

3.1 Могильники азелинской культуры.

Могильники нижекамской группы.

Рождественский V могильник. Могильник расположен у села Рождество Лаишевского района республики Татарстан, на мысу надлуговой террасы р. Меши, правого притока р. Камы. Известен еще с XIX века, вследствие разрушения части погребений неоднократно производился осмотр и сбор материала учеными – краеведами П.И. Кротовым и А.А. Штукенбергом. Памятник многослойный, содержит погребения эпохи бронзового века, погребения III–V в. н.э., оставленные носителями азелинской культуры, и мусульманские захоронения XII–XIV в. Под руководством А.Х. Халикова и Е. П. Казакова 1970–1974, 1976 г. проводились археологические раскопки, в ходе которых было вскрыто 273 погребения, 101 из них относится к эпохе ВПН [Старостин, 2009. С. 4].

Погребение 75. Захоронение совершено в могильной яме подчетырёхугольной в плане формы (размеры 199 x 57 см), вытянутой с северо–запада на юго–восток. В засыпи обнаружены угольки. На глубине 73 см от уровня современной поверхности вдоль южной стороны могильной ямы лежали остатки лошади: череп и кости ног. Череп уложен

резцовой частью к югу, лобной частью вниз. На глубине около 90 см находился костяк мужчины, лежащий вытянуто на спине, головой к северо–западу. Кости плохой сохранности. Под трубчатыми костями встречены остатки луба; вероятно, покойный был положен на лубяную подстилку. В ногах погребенного находился набор вещей, по–видимому, помещенных в берестяной туесок: остатки бересты зафиксированы под некоторыми находками. В состав комплекса входили семь черешковых наконечников стрел (шесть костяных и один железный), железные нож и «коса».. С внешней стороны правого бедра лежал короткий железный меч длиной 43 см с прямоугольными вырезами в основании клинка и бронзовое круглое в сечении кольцо, возможно, входившее в комплект портупей. На поверхности лезвия меча зафиксированы следы дерева, по–видимому, остатки ножен. Здесь же обнаружены железные двухзвенные кольчатые удила. В области пояса обнаружены обломки сильно коррозированных железных ножа и шила и остатки поясного набора : кусочки кожи красноватого цвета, 33 бронзовые поясные накладки, а также железная пряжка с овальной рамкой и коротким язычком. На пальце левой руки – бронзовый пластинчатый перстень [Старостин, 2009. С. 12].

Погребение 117. Захоронение совершено в могильной яме подчетырехугольной в плане формы (размеры 243 x 110 см), вытянутой с северо–запада на юго–восток. В нижнем горизонте засыпи могильной ямы встречаются отдельные угольки. На глубине около 110 см от уровня современной поверхности могильника обнаружены остатки двух коней в возрасте 7–8 лет. Остатки одной особи, представленные костями нижнего отдела конечностей, располагались вдоль южной стенки, остатки второй (череп и кости ног) – вдоль северной стенки погребения. Череп лошади находился в юго–восточном конце могильной ямы и был обращен резцовой частью в сторону юго–востока.

На глубине около 120 см от уровня современной поверхности на дне ямы находился костяк взрослого мужчины и значительное количество сопровождающих вещей. Погребенный был уложен на спину, вытянуто, головой к северо–западу. Костяк плохой сохранности. Под крупными трубчатыми костями встречены остатки ткани, меха, а также сгнившего луба. По–видимому, умерший был положен на лубяную подстилку.

Справа от черепа погребенного находились остатки железного очень сильно коррозированного пластинчатого шлема, внутри которого обнаружены кусочки меха. Видимо, изнутри шлем выстилался меховой подкладкой. Под шлемом также обнаружены кусочки сгнившего луба. Под черепом найдена бронзовая пряжка с круглой рамкой и длинной прямоугольной обоймой, украшенной гравировкой и факетировкой. На шее погребенного была надета бронзовая тордированная (псевдовитая) гривна с крючком и округлым щитком с отверстием для застегивания на концах. В области живота

зафиксированы остатки кожаного пояса красного цвета, к концу которого была прикреплена бронзовая пряжка с рифленой В – образной рамкой, коротким прогнутым язычком с квадратной площадкой у основания и с вытянутой обоймой с вогнутыми длинными сторонами и продольным рельефным валиком на лицевой стороне. Сразу за пряжкой к поясу были прикреплены две фигурные литые бронзовые накладки: фрагментированная узкая длинная накладка с В-образно расширенным концом, орнаментированная гравированной сеткой и фацетировкой и вытянутая подтреугольная секировидная накладка. Далее на поясе располагались литые бронзовые биромбические накладки (27 экз.) с плоскими овальными колечками, подвешенными к нижним частям накладок. Судя по остаткам, накладки крепились на поясе на расстоянии 0,5 см одна от другой. Предположительно к этому поясу был прикреплен слева железный меч в ножнах. Клинок меча обоюдоострый, очень сильно коррозированный, шириной 4 см, черешок четырехгранный в сечении. Сохранились остатки дерева от ножей, обтянутых кожей. Лицевая сторона ножен была украшена бронзовыми сферическими накладками диаметром 0,6 см, расположенными в один ряд; устье ножен оформлено широкой бронзовой пластиной, украшенной двумя рядами кружков, выполненных в технике чеканки; рукоять меча была, по-видимому, деревянной, длиной около 40 см. Это может быть документировано находкой навершия, обнаруженного в области груди погребенного. Последнее представляет собой железную чашечку диаметром около 4,5 см и толщиной 2–3 мм, закреплявшуюся на торце рукояти бронзовым заостренным штырем; вокруг штыря сохранилась древесная труха. Меч крепился к поясу двумя ремнями, один из которых застегивался овальной железной пряжкой. На этот же ремень могла нанизываться крупная стеклянная глазчатая бусина. Второй ремень мог застегиваться миниатюрной бронзовой пряжкой.

На таз и бедра погребенного был положен колчан для стрел. Корпус его, видимо, был изготовлен из бересты, донце – из дерева. Кусочки бересты зафиксированы в области таза погребенного, остатки дерева – под круглой пластинчатой бляхой, наложенной на нижнюю часть колчана. Сверху колчан, очевидно, был покрыт кожей, украшенной тремя рядами бронзовых сферических бляшек диаметром около 0,9 см, крепившихся на кожу тонкими штифтами. На левой стороне лицевой поверхности колчана были прикреплены две бронзовые фигурные накладки. Каждая пластина приклепывалась четырьмя тонкими штифтами. На нижнюю часть лицевой поверхности колчана была нашта круглая пластинчатая бляха с отверстием в центре, украшенная двумя зонами гравированных концентрических кругов; бляха сохранилась фрагментарно. К верхней части колчана была прикреплена бронзовая пряжка с овальной рамкой и литой фигурной обоймой,

украшенной гравировкой и факетировкой. Вторая пряжка – небольших размеров, с овальной рамкой, прогнутым язычком с квадратной площадкой у основания, согнутой из бронзовой пластинки и склепанной тонким штифтом – видимо, тоже крепилась к верхней части колчана. Конец ремня огибал рамку пряжки и закреплялся штифтом в бронзовой обойме. Под остатками кожи от колчана были обнаружены четыре костяных черешковых наконечника стрел довольно плохой сохранности .

Около колена левой ноги обнаружены остатки конской уздечки: железные двузвеньевые удила с круглыми кольцами, бронзовые овальные кольца с пластинчатыми обоймицами, склепанными тонкими штифтами с бронзовыми сферическими бляшками, бронзовые литые пластинчатые привески с округлым расширением внизу, закрепленные на полусферических накладках с петельками; нижняя часть петелек огибала ремешок и склепывалась с лицевой стороной тонким штифтом. Возможно, к уздечному набору относились семь подпрямоугольных пластинчатых накладок, крепившихся на ремень заклепками с круглыми головками. С уздечкой следует связывать также железную овально рамчатую пряжку.

Около голени правой ноги погребенного обнаружен железный наконечник копья, располагавшийся острием к юго–востоку; втулка наконечника стянута по краю бронзовым кольцом.

На щиколотке левой ноги погребенного обнаружена бронзовая пряжка с овальной рамкой и литой фигурной обоймой , аналогичная по форме пряжке на верхней части колчана , но меньших размеров. На щиколотке правой ноги найдена железная овально рамчатая пряжка. Под костями голени встречены следы кожи. По–видимому, погребенный был обут в мягкую кожаную обувь, стянутую на щиколотках ремешками с пряжками.

В ногах погребенного обнаружены остатки предмета из дерева и тонкой кожи красного цвета. Скорее всего, это была некая емкость (сосуд? мешок?) Края ее завершались большими деревянными зигзагообразными ручками, обтянутыми красной кожей, прибитой к деревянной основе ручек бронзовыми цельнолитыми гвоздиками с крупными массивными полусферическими головками и заостренными стерженьками подчетырехугольного сечения (толщина стержней около 2 мм, длина 1,3 – 2,3 см) Судя по остаткам, размер верхнего края сосуда составлял около 62 см. Под кожей около стоп погребенного были обнаружены: железный проушной топор, остатки бронзовых кругло – и овальнорамчатых пряжек, железный «нож – ложкарь» или «коса» , фрагмент каменной чашечки . Под некоторыми из этих находок также были обнаружены кусочки красной

кожи. Это позволяет утверждать, что рассматриваемые предметы были уложены в этот сосуд [Старостин, 2009. С. 15-16].

Гремячинский могильник. Могильник находится на территории республики Татарстан, Рыбно–Слободского района, у села Гремячка, на левом берегу р. Волги. Весной 1967 г. разведкой Р.С. Габяшева и Е.П. Казакова в зоне Куйбышевского водохранилища, к юго–западу от деревни, на размытом останце надлуговой террасы, собрана коллекция вещей азелинского типа (бронзовая эполетообразная застежка, обломки пластинчатых блях с циркульным орнаментом, железный втульчатый топор – кельт, железный молоток, наконечник копья и мелкие медные вещи), явно свидетельствующих о древнем могильнике. АЭ ИЯЛИ под руководством П.Н. Старостина на могильнике раскопаны остатки пяти погребений. В одном из погребений (погребение 3) обнаружен набор кузнечных инструментов азелинского типа (кузнечные клещи, молоток, напильник) [Старостин, 1971. С. 37-54].

Масловский могильник. Могильник расположен на территории республики Татарстан, Рыбно–Слободского района, у с Масловка, на правом берегу р. Ошняк, правого притока р. Камы. В 1900 г. у села при земляных работах под строительство амбара было выявлено 19 костяков и собрано некоторое количество вещей. Разведками 1956 г. новых погребений не выявлено. Среди вещей, выявленных на масловском могильнике в начале XX века: два железных проушных топора, втульчатый топор, три железных копья, железный двулезвийный меч, костяной наконечник стрелы [Генинг, 1963. С. 127].

Нармонский могильник. Могильник расположен на территории республики Татарстан, Лаишевского района, у села Нармонка, на левом берегу реки Нармонка, притока реки Меша. Весной 1967 г. от Р.Х.

Уразманова были получены сведения об обнаружении близ села при строительстве землянки старожилом Н.И. Имеевым древнего погребения. При посещении места находок Е.П. Казаков вскрыл остатки погребения с костяком, лежавшим головой к северу. В погребении была найдена бронзовая эполетообразная застёжка, остатки головного убора с тонкими пластинчатыми накидками – зажимами, железные пряжки, бусы. При обследовании памятника в 1974 г. было установлено, что могильник расположен к юго–востоку от села на краю невысокой надлуговой террасы. Поверхность памятника издавна распахивается. Экспедицией 1974 г. вскрыто 15 азелинских погребений с многочисленным вещевым материалом (орудия труда, оружие, украшения и принадлежности костюма) В 2004 г. Экспедицией ТАЭ под руководством П.Н. Старостина были продолжены раскопки могильника. Выявлено еще 4 погребения, в т.ч. 1 – с комплексом боевых средств [Старостин, 2002. С. 65].

Погребение 19. Могильная яма имела подпрямоугольную в плане форму, была ориентирована по линии ССВ–ЮЮЗ. Глубина 110 см, длина 240 см, ширина 100 см (стенки ямы ко дну сужались) Косяк хорошей сохранности. По данным антрополога И. Р. Газимзянова останки принадлежали мужчине 45–50 лет. Справа от головы покойника была положена костяная проколка, в изголовье – удила с железными грызлами, железными зажимами и бронзовыми кольцами. Чуть выше таза на умершего был положен пояс, к которому крепились бронзовые накладки. Накладка представляла собой согнутую пополам пластину с 8 – образной стороной, колечком, который помещался на изгиб пластины и двумя шпеньками, которые крепили накладку к поясу. Пояс украшала «подвеска – человечек» – полый цилиндр с валиками по краям с внешней стороны и с отходящими ножками – округлыми в сечении стержнями . Подобная подвеска найдена в погребении № 6 Нармонского могильника. Пряжка пояса была трехсоставной, общей длиной 4,5 см., с круглой равномерно утолщённой рамкой, округлой в сечении, со слегка прогнутым язычком, не выходящим за рамку и овальным щитком в виде согнутой пополам пластины со шпёнком посередине. На указательном пальце правой руки обнаружено кольцо из бронзовой проволоки в 1,5 оборота.

Между левой рукой, туловищем и левой ногой погребённого был положен двулезвийный меч длиной 1 м. Ширина клинка в районе соединения с черенком рукояти 5

см, ближе к кончику клинка его ширина сужается до 3, 3 см. Длина клинка 70 см. Черенок рукояти соединялся с клинком под углом 90°. Рукоять имела длину 30 см. В двух полос железа, а черенок рукояти изготовлялся путём последовательного загибания расплющенной верхней части железной полосы, из которой изготовлялся весь клинок совместно с черенком. Затем, в верхней части черенка делались отверстия, благодаря чему он крепился с деревянной обкладкой рукояти. Затем на рукоять, видимо, вбивался т.н. «кругляк» – круглый лист железа с загнутыми концами, который, скорее всего, имел 2 функции: укрепление деревянной обкладки рукояти и препятствие выскальзыванию меча из рук при ударе (последнее характерно для наверхия, но путать этот кругляк с наверхием не стоит) Меч имел деревянные ножны с тупым концом, окрашенные в красный цвет, в верхней их части имелись бронзовые обкладки. Украшением ножен была подвеска в виде халцедоновой бусины, которая находилась справа. Слева от ножен располагалась пряжка от портупей, на язычке которой сохранились остатки кожи пояса. Пряжка имеет овальную, утолщённую спереди рамку, сильно прогнутый язычок, не выходящий за пределы рамки, с фасетированным выступом – кубиком у основания. Щиток состоял из согнутой пополам пластины подтрапециевидной формы с треугольным вырезом в верхней части. Крепилась пряжка к ремню с помощью двух нижних шпеньков. Три верхних шпенька были ложными – имитировали шляпки. Меч имеет аналогии в погребениях азелинской и мазунинской культур. Рядом с мечом был обнаружен наконечник копья. В юго–восточную часть могилы был помещён комплекс, представленный черепом коня и четырьмя ногами нижнего отдела конечностей (начиная от костей запястья, заплюсны и ниже) [Овчинников, 2014. С. 15-16].

Усть–Брыскинский могильник. Могильник расположен на территории республики Татарстан, Лаишевского района, у села Именьково, на правом берегу р. Камы. Могильник открыт в 1974 г. отрядом АЭ ИЯЛИ под руководством П.Н. Старостина, ниже современного устья р. Брыска, к юго–западу от села, на краю надлуговой террасы. Могильник в значительной части размыт Куйбышевским водохранилищем. В осыпях обнажении собран многочисленный азелинский материал (обломки эполетообразных застёжек и нагрудников, коньковые привески, гривны, мечи, халцедоновые диски, наконечники копий и т. д.) В 1974, 1976 гг. на могильнике вскрыто 45

погребений азелинского типа, получена богатая коллекция вещевого материала [Матвеев, 2013. С. 236-237].

Могильники вятской группы памятников

Азелинский могильник. Могильник расположен на высоком левом берегу небольшого ручья, к северу от деревни Азелино Малмынского района Кировской области, к юго–востоку от могильника протекает р. Шошва. В 1929 близь села Азелино при рытье ямы для установки электрического столба были обнаружены древние вещи, позднее переданные в местный музей. При осмотре местности краеведом И.Г. Худяковым было установлено, что вещи происходят из разрушенных погребений. В 1959 году В.Ф. Генином в ходе раскопок было вскрыто 20 погребений [Генинг, 1963. С. 93].

Погребении 5. Могильная яма у дна размером 230 × 85 см углублена на 105 см. Покойник, ориентированный на ССВ, лежал вытянутым на спине. Слева от костяка обнаружен меч с длиной клинка 84,5 см, при ширине клинка 5 см. Черенок длиной 20 см имел два отверстия для крепления рукояти. Меч хранился в деревянных ножнах, покрытых красной минеральной краской, рядом обнаружена большая халцедоновая бусина. К ножнам медной обоймой была прикреплена деревянная пластина с небольшим стрежнем с кольцом, к которому, возможно, крепились портупея. Рядом с мечом у бедра железный нож. Между бедренными костями, ниже таза, железные удила, обрывки ремешков от уздечки с медными накладками, два медных кольца от концов ремней удили. Пояс украшали 19 медных накладок. На обеих коленных чашечках лежали накладки сольгамы. В ногах в могильную яму положены железный топор, наконечник копья, два железных рыболовных крючка. Под вещами сохранились остатки деревянного гробовища [Генинг, 1963. С. 100].

Суворовский могильник. В 1929 антропологической экспедицией МГУ был обследован могильник у деревни Суворово Уружмовского района Кировской области. Могильник располагается в 1,5 км к западу от д. Суворово, на левом берегу р. Буй, одного из притоков Вятки. Площадь могильника не имеет каких–либо природных ограничений, вблизи

отсутствуют ручки, овраги или лог. В 1955 году под руководством В.Ф. Генинга были проведены раскопки, в ходе которых вскрыто 31 погребение [Генинг, 1963. С. 107].

Погребение 1. Очертания ямы правильной прямоугольной формы размерами 290 × 125 см. Яма сильно уменьшалась и на глубине 127 см составляла 240 × 80 см.

В погребении обнаружен костяк мужчины в возрасте 40–50 лет, вытянутый на спине, ориентированный головой ССЗ. Обнаружены следующие вещи: слева от костяка обнаружен меч, у которого обломан хвостовик, сохранившаяся часть длиной 7 см. У основания клинка обнаружена крупная халцедоновая бусина, на расстоянии 36 см от верхней части клинка находился железный набалдашник. Положение навершия дает возможность судить о длине деревянной части рукояти, от которой осталось несколько деревянных фрагментов, окрашенных красной краской. Клинок меча находился в деревянных ножнах, так же покрытых красной краской. Длина клинка 86 см при ширине 40–47 мм. Примерно у середины клинка – несколько медных накладок от ремешка, укреплявшего меч, а в нижнем конце – обжимная обоймочка от футляра, от проколки или шила. Возможно, футляр был прикреплен к колчану, лежавшему рядом. В нижней части меча лежала железная пряжка – сюльгама. Рядом с ней обнаружен 21 костяной наконечник стрел. Около голени обнаружен топор – кельт, выше – железный наконечник копья, рядом с которым на бедренной кости – уздечка. Хорошо сохранились кожаные ремни, обильно украшенные медными накладками, у стыков ремней украшены обжимными пластинами. Железные удила на концах имели четыре трензевильные петли. На левой бедренной кости – большой железный нож с лезвием длиной 18 см. Между коленными суставами две большие бляхи – застёжки, а на костях стоп железные обувные пряжки. На костях таза сохранились остатки кожаного пояса, украшенные 32 медными накладками. На средних пальцах медные перстни, рядом с левой кистью браслет или кольцо от портупей меча [Генинг, 1963. С. 109].

Погребение 17. Очертания могильной ямы в верхней части значительно шире, чем у дна. Длина могилы в верхней части 250 см в нижней 220 см, при ширине от 80 до 55 см и глубине 90 см. Костяк мужчины лежал вытянутым на спине, головой на ССЗ, руки вытянуты вдоль тела, кисти на бедренных костях. У правой стопы железный топор, у левого бока погребенного обнаружен меч, длина клинка которого 74 см, ширина у основания 4,5 см, у острия 3,5 см, длина черешка 6 см. Возле острия клинка железный рыболовный крючок. У рукояти меча обнаружена большая стеклянная бусина, интерпретированная как украшение ножен. У правой голени лежало 7 костяных

наконечников стрел и 3. костяные втулки. На груди, рядом с рукоятью, обнаружено еще 2 костяных наконечника, выше несколько бусин. У тазовых костей сохранились остатки пояса, две медные пряжки и 17 накладок. Медное полукольцо для крепления ремешка ножен и наконечник ремня из обрубленных накладок. Справа, у бедра, обнаружен крупный нож и точильный камень [Генинг, 1963. С. 117-118].

Погребение 20. Размеры ямы составляют 250 × 80 см при глубине 135 см. Погребение разрушено, но можно проследить ориентацию ССЗ. Кости смещены, не потревоженными остались лишь кости стоп. Среди костей в беспорядке лежали следующие вещи: небольшие обрывки кольчуги, обломки кинжала в деревянных ножнах, остатки железного шлема с отделкой серебряным листом, навершие деревянной рукояти меча из железа с медной накладкой на торце. Две железные пряжки, остатки кожаного ремешка, пара крупных стеклянных бусин, халцедоновый диск – накладка с медной бляшкой – костяная бляшка – пластинка, два медных перстня и 13 наконечников стрел [Генинг, 1963. С. 120-121].

Погребение 30. Могильная яма у дна размером 260 × 69 см и глубиной 160 см, в изголовье небольшой подбой глубиной 25 см. На спине лежал мужской костяк хорошей сохранности, ориентированный головой ССЗ, руки согнут в локтях, кисти рук на тазовых костях. В изголовье, справа от черепа, железный шлем с медным ободом. Слева остатки удил из двух железных колец с двумя медными планками, но без мундштука. На груди медная гривна и две сольгамы. На тазовых костях сверху лежал поясной набор из пряжки, наконечника и 32 накладок. Кожа пояса по диагонали крест – накрест украшена прочерченным узором. На левой руке медный браслет и серебряный перстень. Левая рука обнимает меч, положенный сбоку. Деревянная рукоять окрашена в красный цвет, имеет длину 30 см и ширину 4,3 см. Верхний конец рукояти покрыт железной пластиной. Клинок меча обоюдоострый, длиной 83 см, шириной, у рукояти, 5,2 см. Меч был в деревянных ножнах, окрашенных в красный цвет. Ножны сверху имели медную оковку. От ножен здесь же был халцедоновый кружок. Вместе с мечом положен ремень с сетчатым резным узором, пряжкой, наконечником и накладками. Уздечка с медными удилами и кинжал с бусиной. Ниже меча железная петля, у левой стопы медная пряжка, железный рыболовный крючок, 18 костяных и 4 железных наконечника стрел. В южном конце могильной ямы железный наконечник копья, железный топор и коса. В очень многих местах могилы сохранились остатки дерева от гроба [Генинг, 1963. С. 12-125].

Могильник «Атамановы кости». Могильник памятник расположен на территории Кировская области, Малмыжского района, деревни Мари–Малмыж, правый берег р. Вятки, правого притока р. Камы. Могильник открыт в 1877 г. С.К. Кузнецовым. По его описанию, объект расположен вытянувшись вдоль подмываемого р. Вяткой берега, на второй надпойменной террасе, заросшей травой. Длина могильника не превышала 32 м. Естественными границами могильника являлись два оврага. В 1881 г. С.К. Кузнецов раскопал на могильнике одно погребение, но большинство предметов он получил из подъемного материала и в результате купли у местных крестьян. В 1888 г. на могильнике вел раскопки П.А. Пономарев (результаты неизвестны) Могильник содержал комплекс украшений, орудий труда и оружия, характерного для раннеазелинского населения [Матвеев, 2013. С. 238].

Ошкинский могильник. Могильник расположен на подтреугольном мысу высотой 4–5 м, коренного правого берега р. Буй (правого притока р. Вятки), в 1, 5 км к юго–востоку от д. Вершинята и в 1,5 км к юго–западу от д. Ошки Уржумского района Кировской области. Южный склон мыса прорезан грунтовой дорогой, площадка полностью залесена.

Первые материалы из Ошкинского могильника были обнаружены при работе с архивами краеведческого музея г. Уржума Кировской области в 1986 году. Комплекс бронзовых украшений пьяноборского облика был собран местными жителями в окрестностях д. Вершинята, на залесенном мысу правого берега р. Буй, в слое почвы, поднятой корнями рухнувшей сосны. С целью проверки сведений на месте находок был заложен рекогносцировочный раскоп площадью 58 кв. м и выявлено 5 погребений. В 1987 г. изучение памятника было продолжено. На площади 355 кв. м было исследовано 27 погребений и одна яма [Лещинская, 2000. С. 56].

Погребение 27. Погребенный лежал вытянутым на спине, голова повернута вправо, правая рука вытянута вдоль туловища, левая слегка согнута в локте, кисти на тазовых

костях, В области грудной клетки находилась крупная железная пряжка. Рядом с кистью правой руки найдены: бронзовая коньковая подвеска и бронзовые пронизки; под кистью железный топор, 3 бронзовые накладки плохой сохранности. Несколько ниже обнаружен железный нож. На кисти левой руки находился бронзовый перстень, рядом бронзовая застежка с неподвижным крючком. Слева, вдоль ног погребенного, лежал острием вверх железный меч. На костях голени обеих ног зафиксированы 2 бронзовые плоские бляхи, вокруг которых найдено 15 бронзовых бляшек. На фалангах правой ноги зафиксирована бронзовая пряжка с железным язычком [Лещинская, 2000. С. 74].

Могильник Тюм–Тюм. Могильник расположен ориентировочно в полутора километрах от деревни Тюм–Тюм Уржумовского района Кировской области. Исследование могильника было начато в 1931 г. О. Н. Бадером, которым была проведен осмотр и шурфовка памятника, в ходе которой были обнаружены вещи периода РЖВ. Погребений не зафиксировано. В 1956 А.Х. Халиковым были проведены раскопки, в ходе которых было вскрыто 11 погребений, относящихся к XVII–XVIII вв. В период 1970–1983 гг. раскопки производились под руководством С.В. Ошибкиной. Было исследовано 86 погребений XVII–XVIII вв. и 78 погребений, относящихся к III–IV вв. [Ошибкина, 2010. С. 5].

Погребение 36. Погребение оказалось очень глубоким - 160см, ориентировано СЗ–З, отклонение на запад 20 градусов. Сохранились части черепа и левая бедренная кость. Погребение принадлежало мужчине – воину, рост которого составлял не менее 178–180 см (рассчитан по формуле Пирсона, хотя расчет по одной кости дает только примерные результаты) Тело погребенного было приподнято, его голова лежала на остатках деревянного бруса, срезанного наискось в виде подголовника. Брус. частично сохранился, так как был обуглен. Остатки горелого дерева, мелкие угли и сажа были обнаружены под верхней частью скелета, который, видимо, лежал на длинной деревянной доске. Сохранившиеся кости скелета обожжены не были.

Выше головы погребенного лежала конская сбруя, кожаные ремни которой были проклепаны круглыми бронзовыми накладками. Шею украшала серебряная гривна с застежками в виде простых крючков, один из которых был сломан.

Сохранились части широкого кожаного пояса, к которому слева был прикреплен короткий обоюдоострый железный меч с закругленным концом. Меч находился в

деревянных ножнах, покрытых тонкой красной кожей (сафьяном) и по краям с двух сторон обшитых бронзовой полоской, укрепленной множеством мелких круглых заклепок. Около рукояти меча были проложены две точно такие же поперечные бронзовые полоски. Рукоять меча не сохранилась, однако осталось роговое перекрестие, на поверхности которого остались следы обработки поверхности срезами при помощи острого орудия, скорее всего, ножа. Деревянные ножны сохранили остатки мехового чехла. Меч находился у внутренней стороны левого бедра и, видимо, дополнительно пристёгивался к бедру тонким ремешком при помощи изящной маленькой пряжки из бронзы, которая лежала у верхней части меча и рядом с бедром.

Рядом с мечом на поясе висело на длинном кожаном шнурке фигурное бронзовое украшение в меховом чехле. К поясу был также подвешен небольшой точильный камень с отверстием для привязывания. Около внешней стороны правого бедра лежал железный втульчатый наконечник копья с коротким пером, обращенным острием вниз, к стопам. На обеих кистях погребенного мужчины было надето по бронзовому кольцу с напаянными шариками.

Примерно на коленях погребенного воина помещался шлем, собранный из железных полос, сужающихся кверху, укрепленных внизу на широком внешнем ободке при помощи серебряных заклепок. Ободок не имел выступа, защищающего нос, как, например, у шлема из Суворовского могильника. Два ряда светлых заклепок не только скрепляли конструкцию из железных полосок, но были своего рода декоративным элементом. Верхняя часть шлема представляла собой круглую пластину, собранную из узких железных деталей, к которой подобными заклепками снизу прикреплялись боковые полоски. В центре верхней части шлема находилась квадратная пластинка с девятью заклепками. Ниже размещались рядами округлые детали, под ними проходили концы боковых полосок. Внизу, по краям, шлема было сделано несколько петель, служивших, может быть, для прикрепления покрывала или кольчуги. В центре верхней круглой пластины шлема был укреплен тонкий бронзовый диск, в его узком отверстии сохранился маленький меховой султан. Для укрепления диска в вертикальном положении на верхней пластине шлема было специальное устройство с полукруглыми пластинками и заклепками. Подобные бронзовые плоские круги или диски встречены в нескольких мужских погребениях. Обычно они помещались на груди или колене погребенного, могли входить в состав воинского костюма как специальное украшение, которому придавали особое значение. Например, в погребении 33, в перевернутой эполетовидной застежке, упомянутой выше, оказалось четыре подобных бронзовых диска.

На ногах погребенного остались части обуви – бронзовая пряжка и наконечник тонкого ремешка с обрывком кожи. Около ног лежал топор – кельт, без рукояти, в чехле, сплетенном из лыка. Весь набор вещей и детали погребального обряда в данном случае представляют большой интерес, поскольку дают представление о сложных обрядах захоронения и достаточно высоком уровне развития населения, оставившего памятник [Ошибкина, 2010. С. 14-15].

Погребение 76. Погребение мужское, глубина 95 см, ориентация СЗ–З. Нижняя часть погребения разрушена осыпью, поэтому прослежена только часть могильного пятна. Возможно, первоначальная глубина захоронения была значительно больше. Из вещей представлено только железное оружие. Меч длиной 96 см оказался сломанным на три части, на сохранившейся рукояти сверху лежал нож (15 см в длину). Немного ниже и с внешней стороны от меча найден наконечник копья (19 см), помещенный пером вниз, как обычно было принято в мужских захоронениях [Ошибкина, 2010. С. 24].

Погребение 94. Мужское погребение, совершенное на глубине 120–160 см, ориентировано по линии С–З. Единственное парное захоронение, расположенное в центре могильника. Сопровождающий инвентарь состоял из множества оружия и орудий труда, бронзовых украшений и ряда вещей неясного назначения. Всего насчитывается 80 предметов. Размеры могильной ямы определялись по расположению инвентаря, а также по контурам темного заполнения. Ширина ямы достигала 160–70 см, длина – 240 см. По составу инвентаря погребение можно определить как воинское.

Сверху двойное захоронение было целиком покрыто тонкой и пластичной темной прослойкой содержащей органику. Возможно, в свое время это было покрывало из кожи. Покрытие со временем разрушилось и пропитало верхний слой засыпки органическими остатками. Над кожаным покрывалом сохранились участки, прикрытые лубом или берестой. Между кожаным покрытием и, непосредственно, погребальным инвентарем пролегал тонкий слой глинистой почвы. Очевидно, погребение было первоначально засыпано, затем покрыто кожаным покровом и потом слоем луба. Сверху, на кожаном покрытии, были сделаны первые находки (группа вещей Д) Над восточным захоронением (А) лежали диск из халцедона и железный нож, над западным (Б) – такой же халцедоновый диск, но разбитый пополам, и кружок, вырезанный из луба. В нижней части могилы, под покрытием и пластиной луба, был виден большой бронзовый котел и сверток с оружием. Западная граница погребения 94 обозначалась длинным железным предметом, сильно коррозированным и похожим на меч, справа от западного погребения (94–Б)

Скелеты не сохранились, осталась только костная крошка. Оружие и прочий инвентарь внутри могилы лежали отдельными группами, рядом с останками погребенных

мужчин. При расчистке и дальнейшем описании погребения обозначены литерами – А (восточное) и Б (западное), инвентарь рассматривается в связи с каждым погребением по группам А, Б и В, в которую вошли предметы, найденные в скоплении в ногах погребенных. Отдельную группу вещей (Д) составили предметы, найденные над покровом, которым была прикрыта вся могила.

Погребение 94–А представляется основным. На шее погребенного воина помещались две бронзовые гривны со сломанными застежками (обе диаметром 15, 5 см) Одна гривна дрововая, круглого сечения, без орнамента, вторая, более массивная, прямоугольного сечения, украшена пуансонным орнаментом из рядов мелких ямок, разделенных зонами продольных насечек. с правого плеча погребенного спускалась узкая кожаная лента, сафьяновая, красного цвета.

В скоплении вещей, справа от погребенного 94–А, лежал длинный обоюдоострый меч (86,8 см), который, судя по расположению, не был прикреплен к поясу. Рядом с мечом и примерно у пояса находились два длинных железных кинжала или ножа с остатками деревянных рукоятей. Выше рукояти меча, поперек скопления предметов, лежал железный предмет неясного назначения, а над ним деформированный сосуд из тонкого бронзового листа, с круглыми ручками и тонкими стенками. Форму сосуда определить не удалось, его диаметр был примерно 40 см. Он лежал на конской сбруе – кожаные ремни с бронзовыми накладками в виде круглых бляшек и удила. Здесь же находились наконечник копья и длинный нож.

Под сосудом, сбруей и оружием обнаружено скопление железных боевых топоров, выложенных узким прямоугольником, внутри которого находились два кожаных пояса с бронзовыми накладками и множество мелкого зеленого бисера – остатки женского украшения. Один из поясов был широким, его украшали накладки сложной формы с колечками внизу. Второй узкий пояс сохранился вместе с пряжкой, мелкими прямыми накладками и наконечником.

Топоров оказалось 11 экземпляров трех размеров: длиной 32 см (1 экз.), 25 см (4 экз.), 22 см (6 экз.) Самый большой топор отличался расширенной лопастью и малым проушным отверстием (диаметром 1,6 см) Это говорит о невозможности насадки рукояти и о практическом применении топора, что свидетельствует о его вероятном votивном назначении. Остальные топоры длинные и узкие, выкованные из единой полоски металла, все со слишком узкими отверстиями для рукояти.

Над прямоугольником из топоров лежал наконечник копья, как обычно, лезвием вниз, и рядом с ним тонкая бронзовая палочка с круглым сечением длиной 50 см, обвитая красной сафьяновой лентой. Конец этой ленты свисал с верхнего конца палочки в виде

кисти. Когда прямоугольник из топоров был расчищен, внутри оказалось много цветного бисера и среди него двое очень крупных кузнечных клещей, инструмент для вырезания ложек (ложкарь), втульчатое долото с остатками деревянной рукояти. К этой группе инвентаря относятся также три железных орудия (косы или стригили) – один найден примерно около головы погребенного, другой у пояса, третий в ногах.

Примерно над средней частью меча, около колен погребенного, находился шлем, состоявший из железных полос, внизу укрепленный широким внешним ободком и двумя рядами бронзовых заклепок. К сожалению, шлем был очень сильно разрушен. По сохранившимся деталям он соответствовал железному воинскому шлему, найденному в погребении №36 могильника Тюм–Тюм, а также известным в Суворовском могильнике шлемам более сложной конструкции.

Над головой погребения 94–А найден крупный проушной топор. Как удалось заметить, в мужских погребениях могильника Тюм–Тюм топоры нередко помещали в головах погребенных. В данном случае это правило соблюдается, хотя топор помещен между двумя погребенными, что следует отметить как особое отношение к воинам, вероятно, погибшим и погребенным одновременно.

Погребение 94–Б. Сопровождалось меньшим количеством инвентаря, но здесь представлены женские украшения и детали погребального обряда, которые окрашены эмоциональным отношением, если можно так выразиться. На груди найден разрушившийся бронзовый диск на кружке бересты и обломки железного предмета, похожего на кресало, в плетеном лыковом чехле. Плетенка изделия косая, из узких полосок лыка, диагонального плетения.

Справа от остатков костяка обнаружены длинный обоюдный меч (93,2 см), сломанный в трех местах, над ним два наконечника копий, расположенных в разные стороны пером. Под мечом находился кинжал (35 см) и проушной топор. В середине скопления вещей, сверху, лежали остатки женского головного убора с бронзовыми накладками по всей длине сохранившейся ленты, рядом бронзовая фигурка лошадки, три разбитых халцедоновых диска, маленький нож и шило. Надо заметить, что халцедон очень прочный камень, чтобы его разбить, нужны определенные усилия, поэтому набор женских украшений и разбитые диски, безусловно, связаны с трауром по умершему воину. Комплект этих украшений представляет собой дары умершему воину, помещенные сверху после первой засыпки могилы.

Группа вещей В. Скопление вещей в ногах погребений (94–В) относилось к обоим умершим и включало множество разнообразных предметов, уложенных в нескольких уровнях. Непосредственно над свертком с оружием помещался большой бронзовый котел,

сильно деформированный весом грунта. Кроме того, на поверхности сосуда остались узкие поперечные пробоины, нанесенные рубящим орудием. Котел круглодонный, вытянутых пропорций (диаметр 32 см, высота без ручек 40 см). Отдельные сломанные фрагменты найдены среди обломков бронзы в свертке, что позволило реконструировать сосуд графически. Он имел круглые ручки, переходящие на внешней стороне в декоративные волнистые полосы. В верхней части сосуда декор состоял из волнистой полосы и круглых рельефных углублений над нею, ниже шла витая полоса металла. Весь узор выполнен в технике литья. Одна ручка оказалась бронзовой, другая железной, укрепленной после починки бронзовыми заклепками. Стенки котла сравнительно тонкие (0,3 см), дно усилено круглой по форме массивной пластиной (до 0,8 см), припаянной к днищу изнутри. С внешней стороны эта круглая пластина прикрыта прямоугольной пластиной, концы которой согнуты внутрь и укреплены на дополнительной круглой пластинке. Сложная конструкция днища и следы починки показывают особую ценность подобных предметов для населения азелинской культуры. Внутри котла сохранились какие-то органические остатки и неопределимые железные предметы, разрушенные коррозией.

Рядом с большим котлом, приблизительно в ногах погребения 94–Б, лежал малый бронзовый котел (диаметр 15 см, высота без поддона 14 см), с полукруглыми ручками, завершенными наверху выступами, с поддоном воронковидной формы.

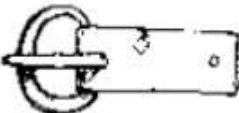
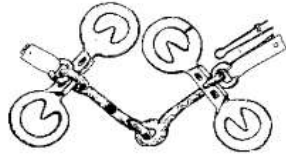
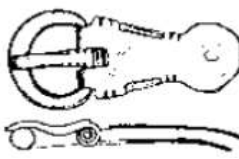
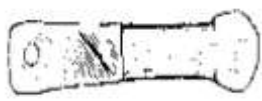
Под большим котлом обнаружены куски кожи и конская сбруя, а под ними в чехле из луба большой сверток оружия. В свертке оказались три наконечника копий, повернутых пером влево, длинный обоюдоострый меч с рукоятью, помещавшийся в деревянных ножнах, обшитых красным сафьяном, пять боевых топоров, лежащих лезвиями влево. Под ними лежали большой наконечник копья, пером вправо, и еще один маленький наконечник копья в том же положении. В основании скопления находились следующие предметы: двуручный струг, пешня, железная палочка с бронзовым кольцом, укрепленном на широком конце, а также две бронзовые палочки с кольцами, обращенными в разные стороны, втульчатый топор и остатки разрушившихся изделий из бронзы. Среди предметов в ногах погребенных, в группе 94–В, оказалась связка железных наконечников стрел (5 экз.), плохо сохранивших форму из-за коррозии поверхности, с треугольным пером и длинным черешком, и костяной предмет, похожий на четырехгранный наконечник тупой стрелы. Под свертком орудий, на дне ямы, найдена крупная круглая халцедоновая бусина, шестая по счету в погребении № 94 [Ошибкина, 2010. С. 26-29].

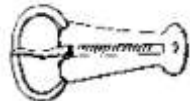
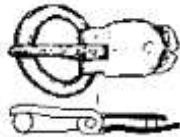
Первомайский могильник. Впервые памятник был открыт в 1986 г. в ходе разведочных работ отряда Камско–Вятской археологической экспедиции Удмуртского госуниверситета под руководством Л.Д. Макарова. Им же в 1987 г. проведены рекогносцировочные стационарные раскопки. На площади 51 кв.м изучено 11 погребений первой половины I тыс. н.э. В 1988 г. стационарное исследование Первомайского могильника было продолжено под руководством Р.Д. Голдиной. На площади в 705 м² изучено 65 погребений и 3 ямы, которые можно связать с периодом функционирования некрополя. В целом, общее количество захоронений составило 76 погребений. Памятник расположен на юго–западной окраине пос. Первомайский Слободского района Кировской области, на ровной распахиваемой террасе, высотой 7 м, правого берега р. Вятки. Площадка с северо–востока и юго–запада ограничена глубокими залесенными оврагами. Край террасы интенсивно разрушается. Судя по плотности могил вдоль края террасы, какая–то часть некрополя была уничтожена обрывом. В процессе раскопок были выявлены культурные напластования мезолита, бронзы, ананьино, нарушенные могильными ямами. В свою очередь захоронения первой половины I тыс. н.э. перекрыты слоем русского селища XVII–XIX вв. Основное заполнение могильных ям–серая супесь, слабо фиксируемая в культурных напластованиях, поэтому значительная часть погребений выявлена на уровне погребальных вещей и костных останков [Лещинская, 2014. С. 372].

Погребение 9. Погребение зафиксировано на глубине 70 см. Могильная яма прямоугольной формы, с плоским дном и отвесными стенками. Размеры ямы 246 x 101 см, глубиной 165 см. В центре могилы, на дне, зафиксировано прямоугольное углубление размерами 108 x 31см и глубиной 5 см, с плоским дном. СВ стенка ямы нарушена в верхней части погребениями 7 и 8. в заполнении ямы – красный перемешанный суглинок, в верхней его части, на уровне 85–95см, обнаружены отдельные чубы человека, фрагменты керамики, бронзовая накладка и фрагмент железной вещи. В придонной части расположены остатки костяка, ориентированного на СЗ. Сохранность костяка плохая, сохранился лишь череп, кости таза, конечностей, отдельные фаланги пальцев. На одной из

фаланг обнаружен бронзовый перстень. К СЗ от черепа располагался железный шлем с бронзовым наносником, в области шеи бронзовая гривна с халцедоновой бусиной, железная пряжка. Фрагмент железной вещи с бронзовой заклепкой. В области грудной клетки и пояса найдены железные удила, железный наконечник дротика, кожаный пояс с бронзовыми накладками. Железная и бронзовая пряжки, железное кольцо. Вдоль левого бедра, вниз от пояса, располагались железный меч и нож, железная и бронзовая пряжка, халцедоновая бусина. Бронзовые наконечники ремней, крестовидная подвеска. В области правого бедра найдена бронзовая обойма с фрагментами кожи. В ногах обнаружен железный втульчатый топор. В углублении находок не выявлено [Лещинская, 2014. С.64-65].

Таблица 3. Хронологические маркеры азелинской культуры.

Вещи характерные для азелинских погребений III в.		
1	Трехсоставные пряжки с округлой рамкой слегка утолщенной передней части простым язычком удлиненным прямоугольным щитком без фасетировки входящие в состав уздечного набора. [Лещинская, 2014. Табл. 83–9]	
2	Двусоставные удила со стержневидными псалиями плоского сечения с прорезными кольцами на концах украшенные треугольным выступом во внутреннем поле. [Лещинская, 2014. Табл. 83–28].	
3	Трёхсоставные бронзовые пряжки с овальной рамкой уплощенной в сечении с простым язычком. Развитой фасетировкой рамки и щитка. [Лещинская. 2014. Табл. 85–19].	
4	Одночленные прямоугольные накладки с фасонированием [Лещинская, 2014. Табл. 85–17].	
5	Цельнолитые обувные пряжки с длинным прямоугольным изогнутым в профиле щитком прямоугольной рамкой уплощенной в сечении которая по ширине равна или слегка превышает ширину щитка. Щиток орнаментирован продольными сглаженными рельефными линиями . [Лещинская. 2014. Табл. 85-20].	
6	Трехсоставные бронзовые пряжки с коротким сужающимся щитком и округлым выступом на конце. Рамка изделия овальная утолщенная спереди язычок простой или с уступом слегка провисающий. Щиток иногда язычок имеют явное или сглаженное фасетирование [Лещинская, 2014. Табл. 84–6].	
7	Наконечники ремней вытянутой подпрямоугольной формы с овальным расширением на концах крепящиеся к ремню в верхней части при помощи штифтов и дополнительной пластины с внутренней стороны [Лещинская, 2014. Табл. 84–7].	
Вещи характерные для азелинских погребений IV в. (Без последней четверти)		

9	Массивные пряжки прямоугольным щитком имеющие вогнутые продольные стороны [Лещинская, 2014. Табл. 88–1]	
10	Крупные наконечники ремней из согнутых пополам пластин с вогнутыми сторонами и штифтовым креплением [Лещинская, 2014. Табл. 88–3]	
11	Обувные пряжки с прямоугольным сужающимся щитком с овальным расширением на конце [Лещинская 2014 Табл. 89–11]	
12	Трехсоставные пряжки с коротким овальным щитком слегка оттянутым от кольца за счет петель. Округлая рамка пряжек утолщена спереди язычок чаще простой закрывающий рамку сверху. [Лещинская, 2014. Табл. 89–1]	

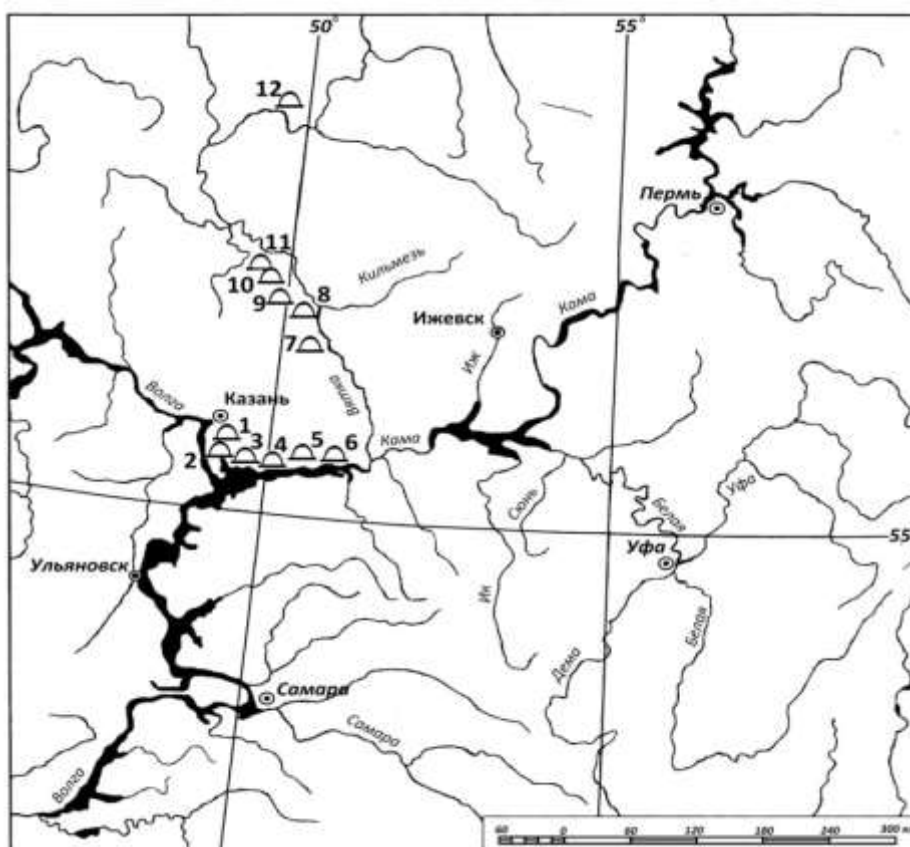

Рисунок 28. Могильники азелинской культуры.

- 1) Нармонский мог. 2) Серебряхинское селище 3) Рождественский V мог. 4) Усть Брыскинский мог. 5) Масловский мог. 6) Гремячинский мог. 7) Мог. Атамановы кости 8) Азелинский мог. 9) Мог. Тюм Тюм 10) Ошкинский мог. 11) Суворовский мог. 12) Первомайский мог.

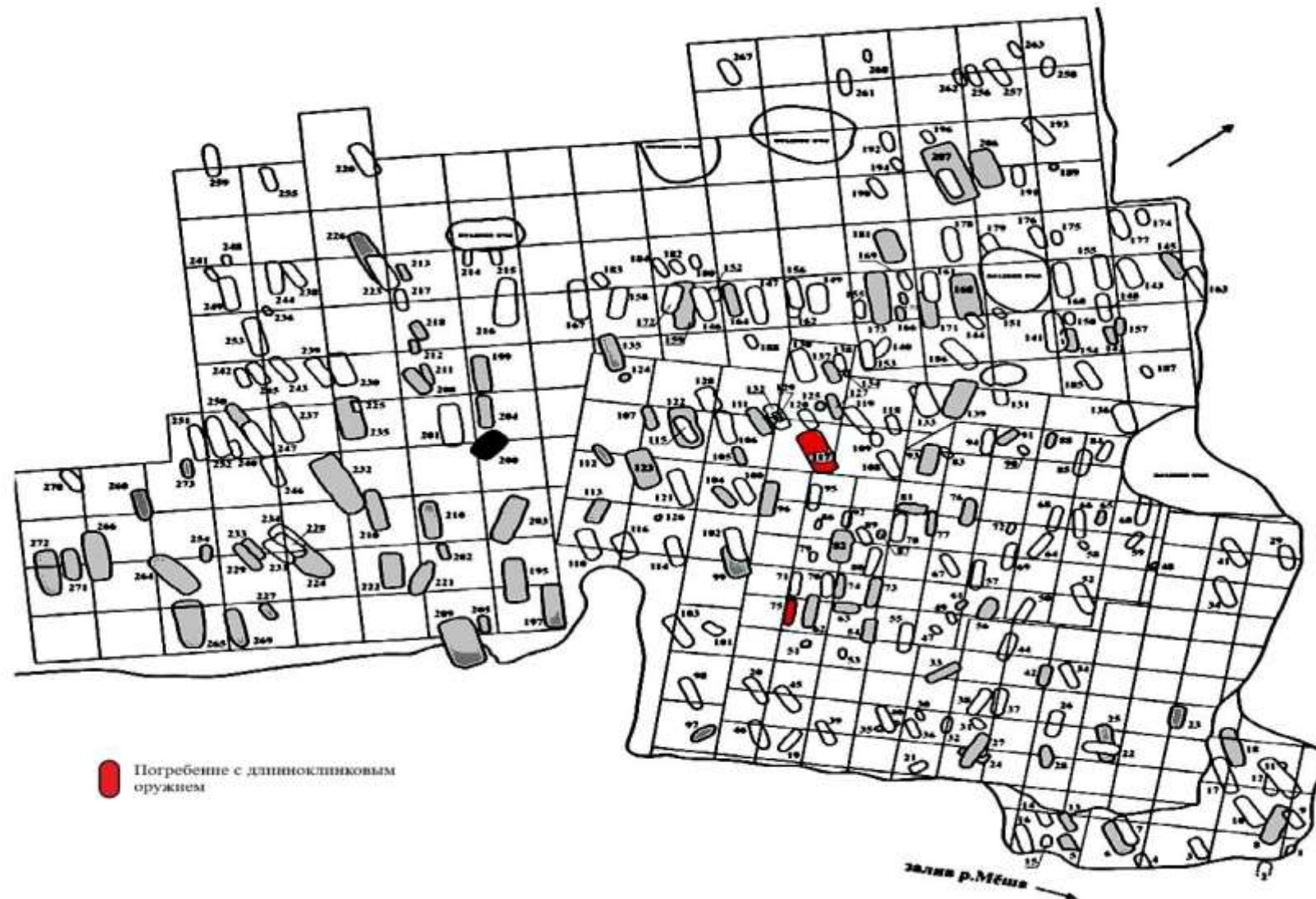
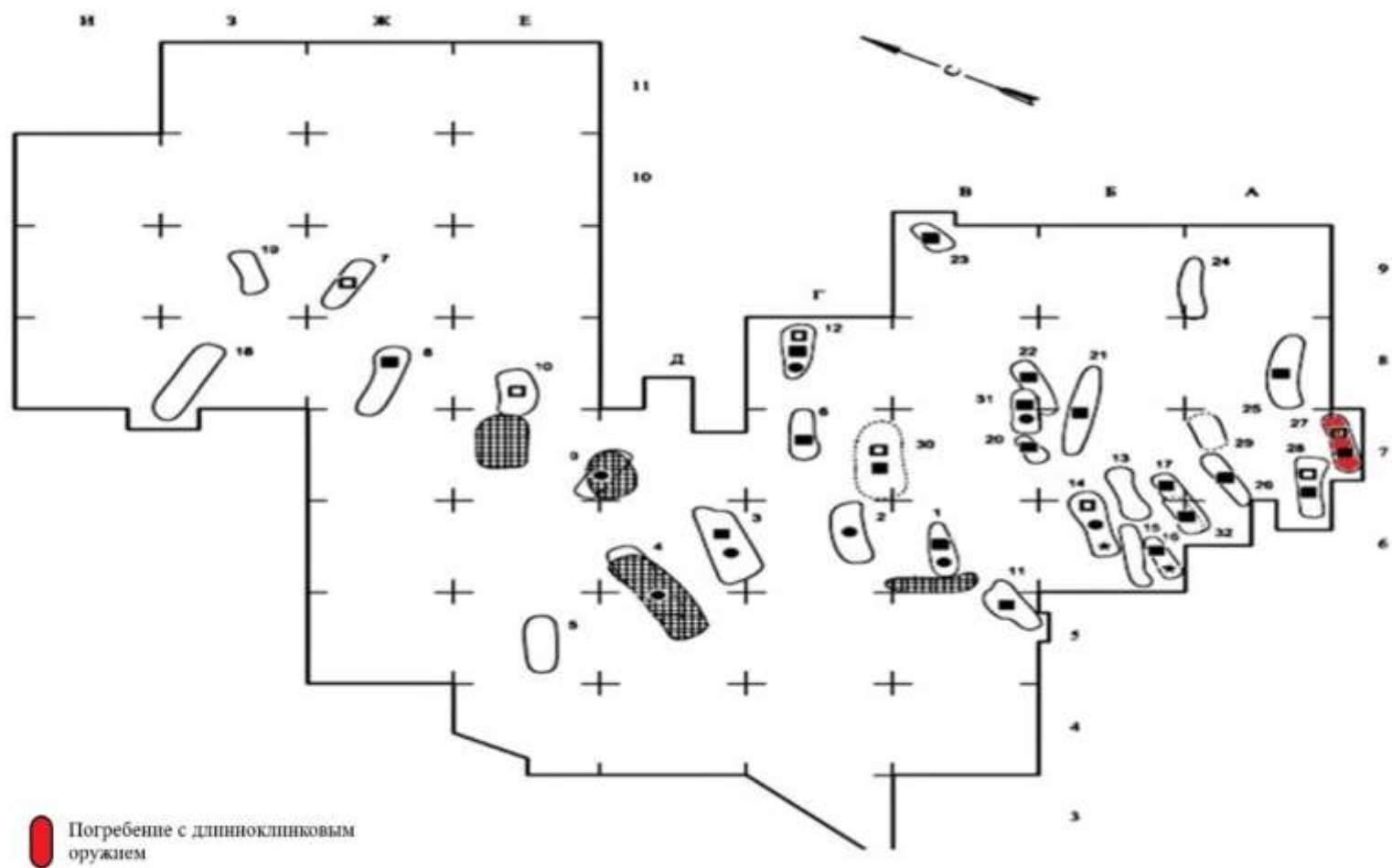

Рисунок 29. Рождественский V могильник. [Старостин, 2009. Рис. 2].

П

Рисунок 30. Ошкинский могильник. [Лецинская, 2014. Прил. 6]

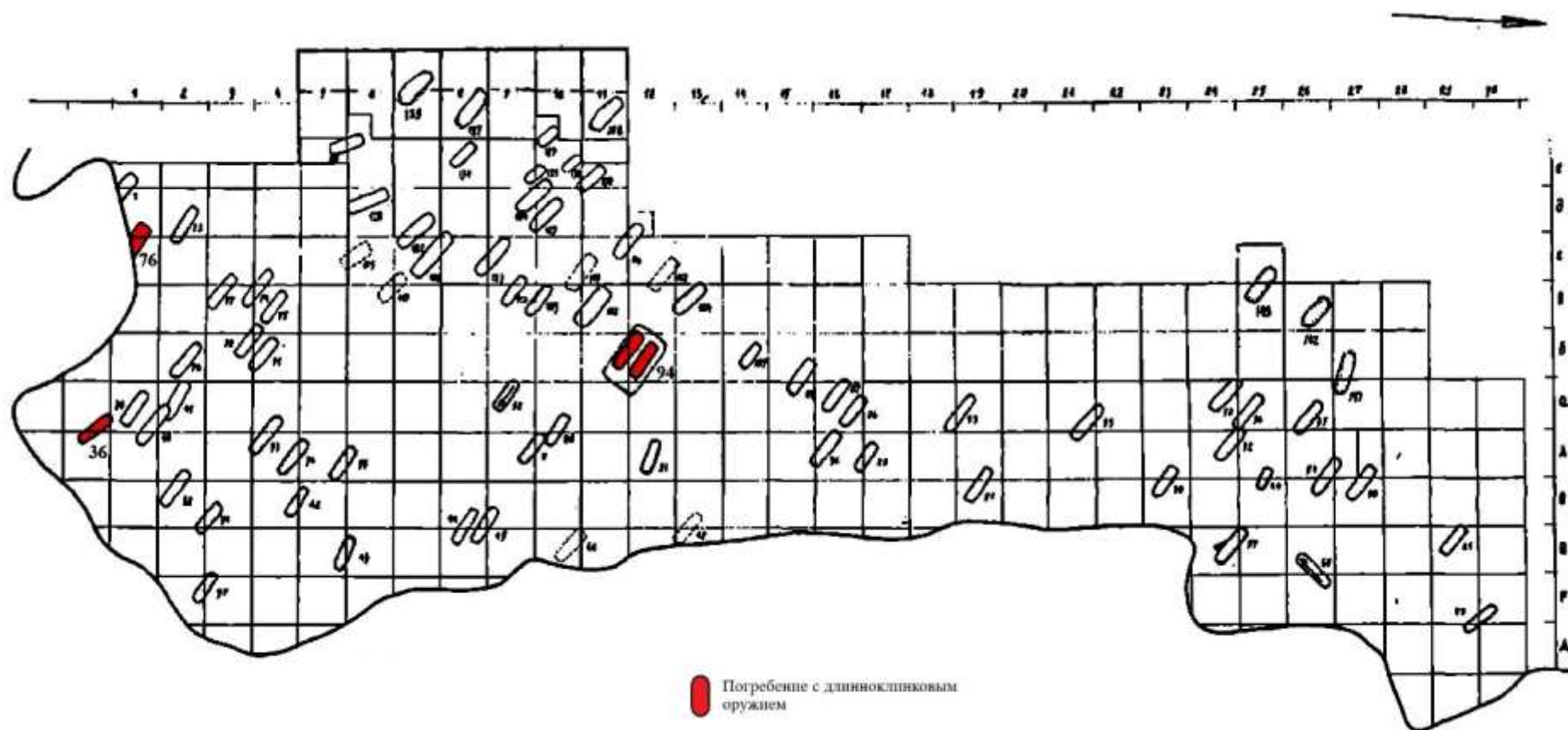

Рисунок 31. Могильник Тюм Тюм. [Ошибкина, 2010. Рис. 4].

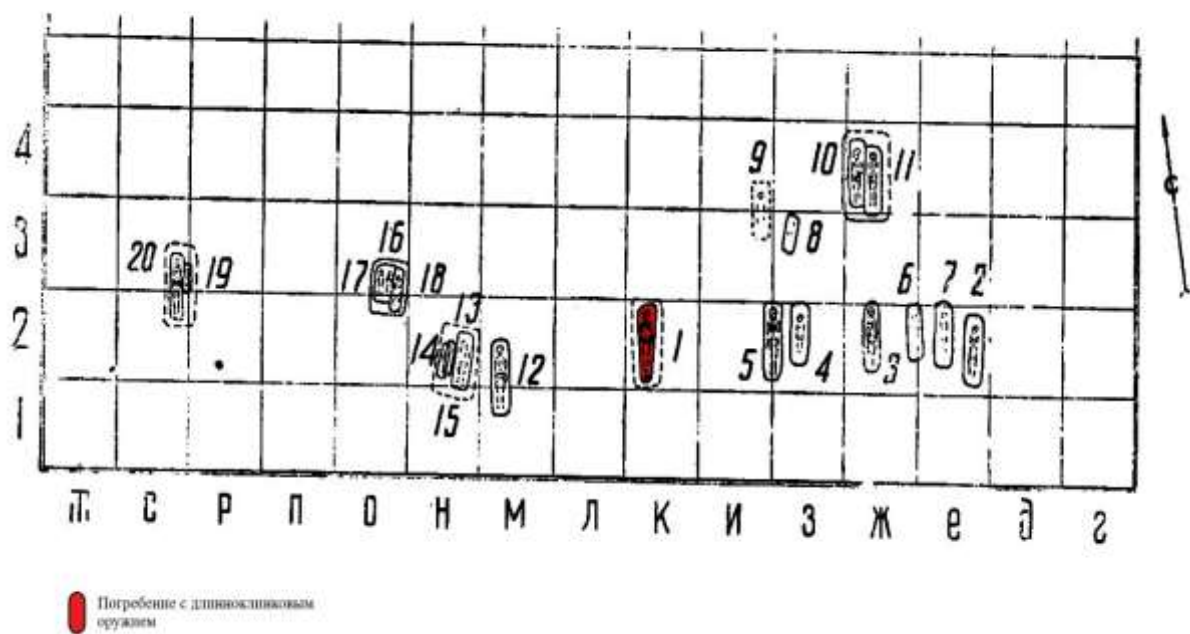

Рисунок 32. План Азелинского могильника [Генинг, 1963. Рис. 46]

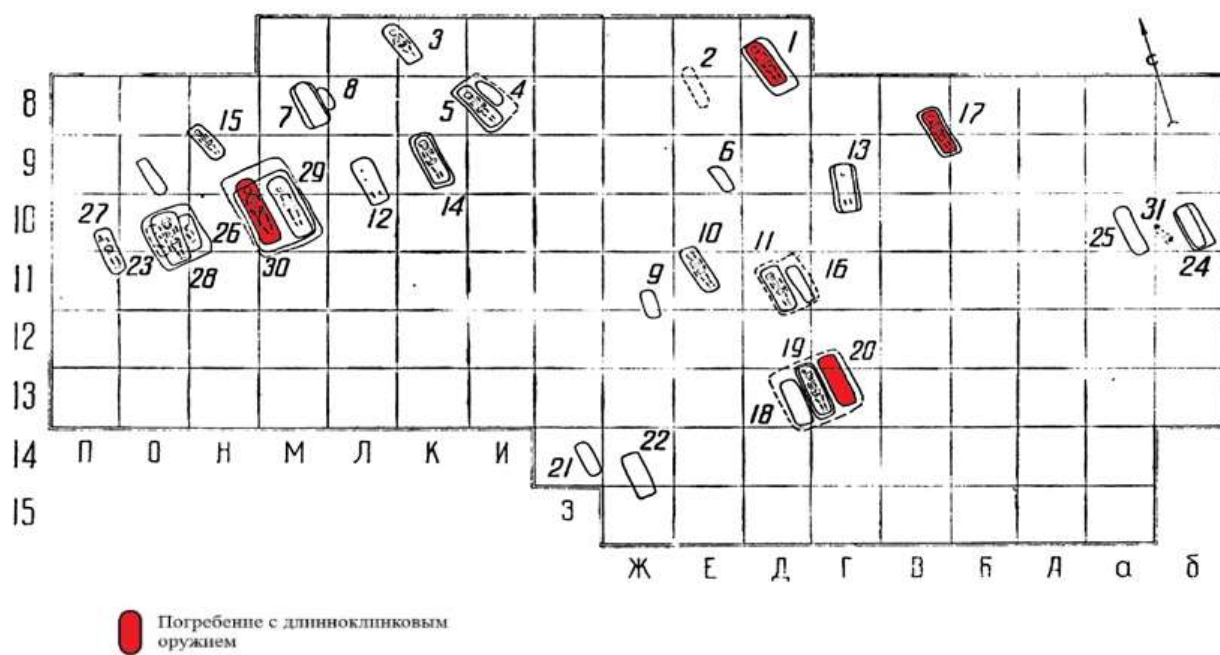

Рисунок 33. План Суворовского могильника [Генинг, 1963. Рис. 55].

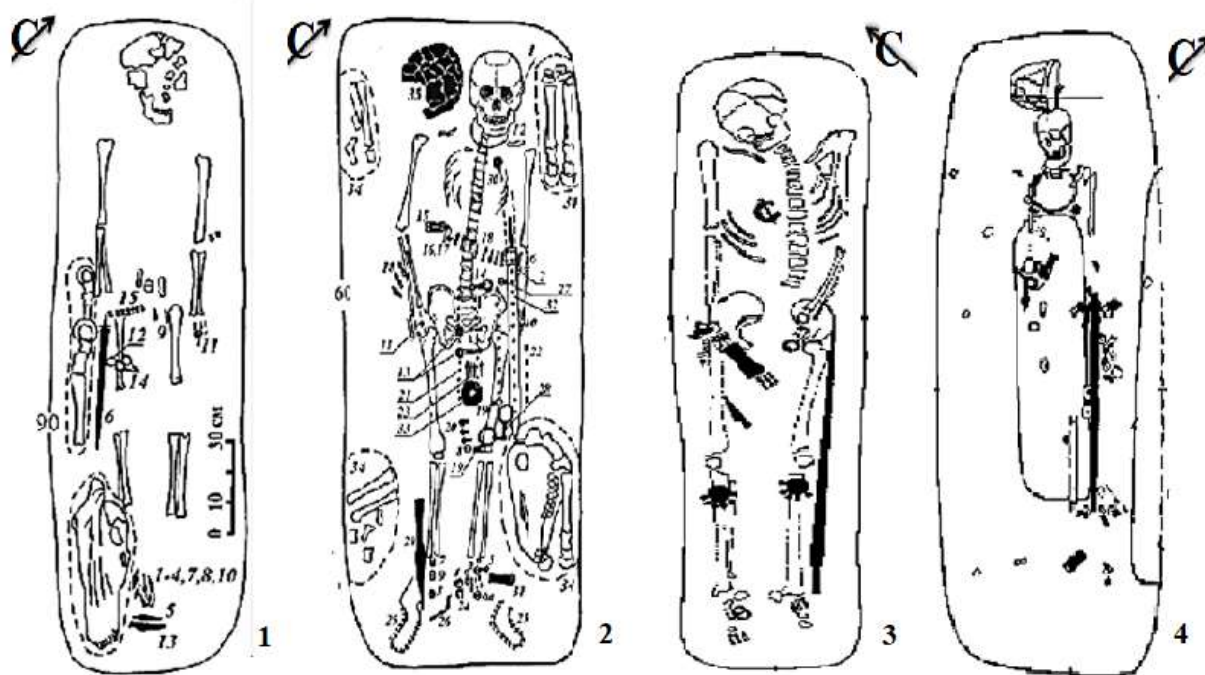

Рисунок 34.

1) Погр. 75 Рождественского V мог. [Старостин, 2009. Рис. 16.13]. 2) Погр. 117 Рождественского V мог. [Старостин, 2009. Рис. 24–1] 3) Погр. 27 Ошкинского мог. [Лещинская, 2014. Табл. 32.] 4) Погр. 9 Первомайского мог. [Лещинская, 2014. Табл. 139]

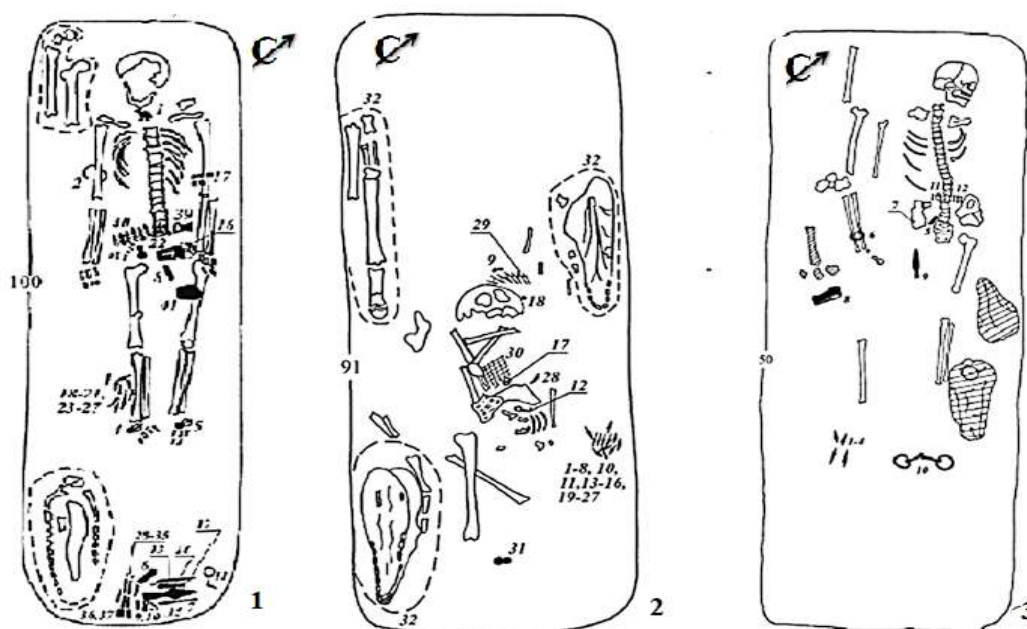

Рисунок 35. Погребения Рождественского V могильника.

1) Погр. 74 [Старостин, 2009. Рис. 15]. 2) Погр., 82 [Старостин, 2009. Рис. 12]. 3) Погр. 207 [Старостин, 2009. Рис. 32].

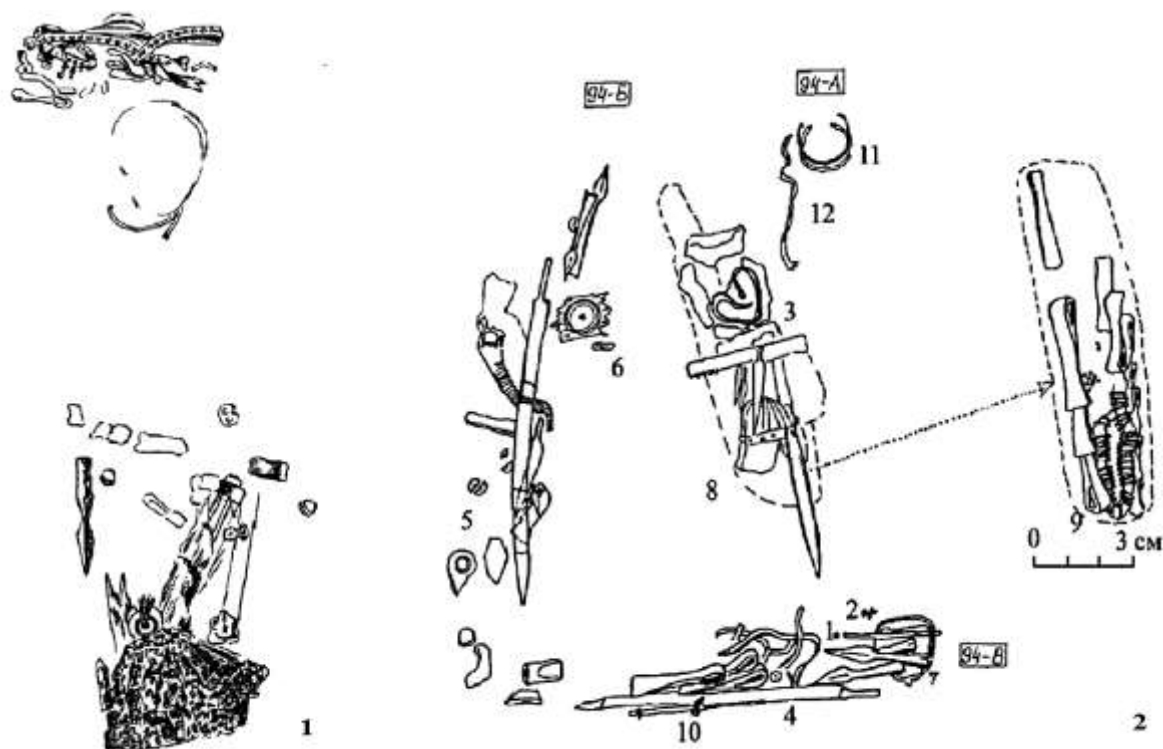

Рисунок 36. Погребения могильника Тюм Тюм.

1) Погр. 36 2) Погр. 94 [Ошибкина, 2010. Рис. 9-31]

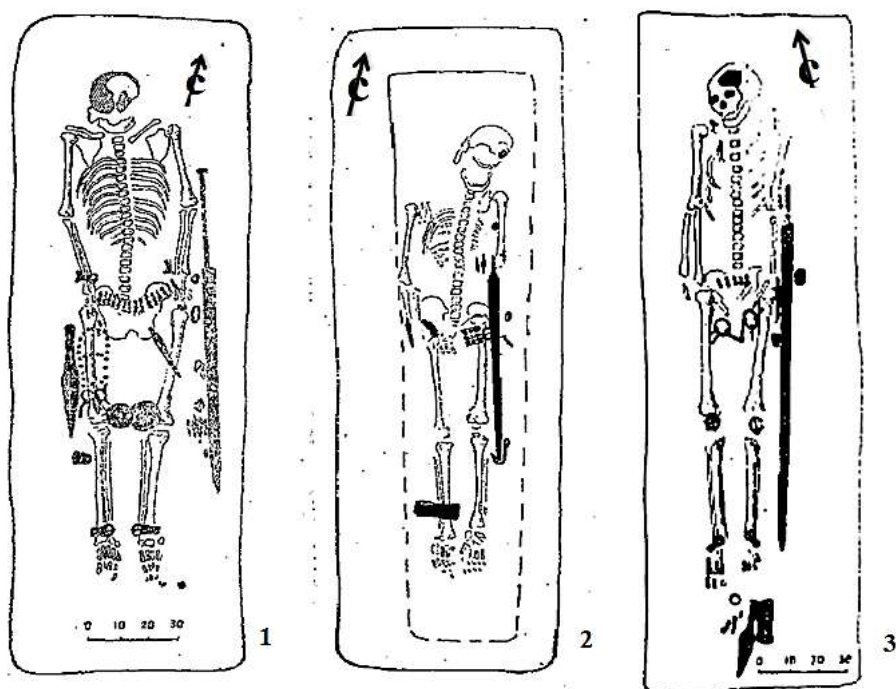

Рисунок 37. Погребения Суворовского могильника

1) Погр. 1 Суворовского мог. [Генинг, 1963. Рис. 56]. 2) Погр. 17 Суворовского мог. [Генинг, 1963. Рис. 64] 3) Погр. 5 Азелинского мог. [Генинг, 1963. Рис. 48-1]

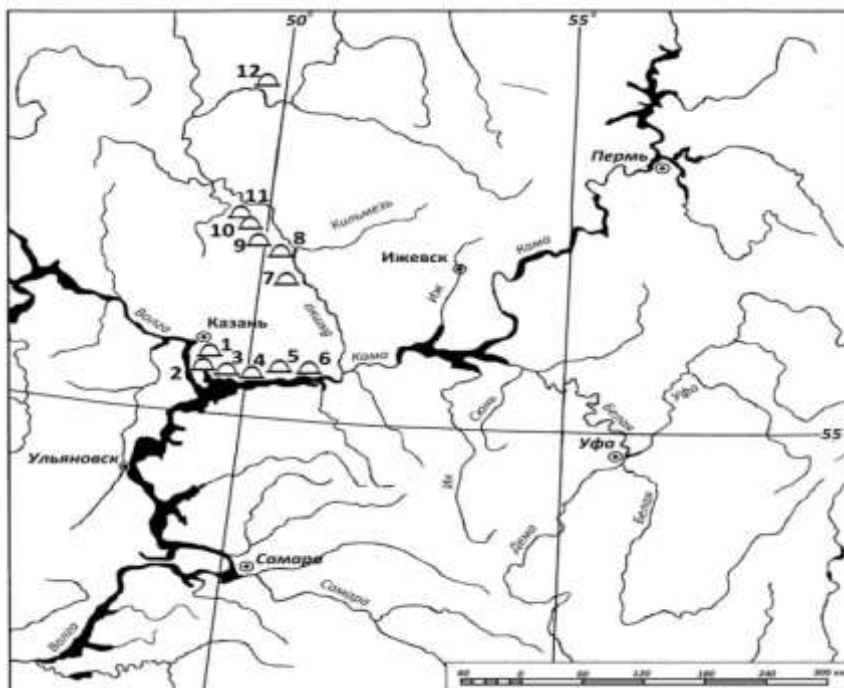

Рисунок 38. Могильники азелинской культуры.

- 1) Нармонский мог. 2) Серебряхинское селище 3) Рождественский V мог. 4) Усть Брынский мог. 5) Масловский мог. 6) Гремячинский мог. 7) Мог. Атамановы кости 8) Азелинский мог. 9) Мог. Тюм Тюм 10) Ошкинский мог. 11) Суворовский мог. 12) Первомайский мог

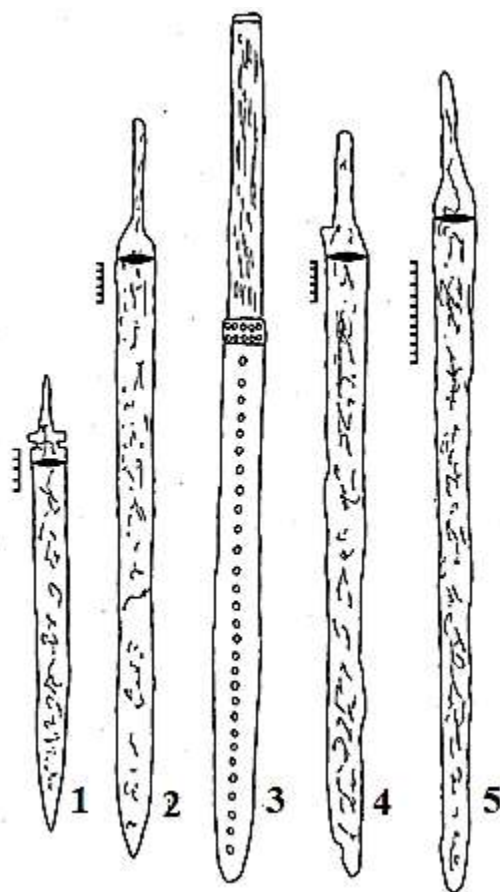

Рисунок 39. Мечи.

- 1) Погр.75 Рождественского V мог. [Старостин, 2009/ Рис. 16–6] 2) Погр.117 Рождественского V мог. [Старостин, 2009. Рис. 24–32] 3) Погр.117 (реконструкция) [Старостин, 2009.Рис. 24 – 32А] 4) Подъемный материал Рождественского V мог. [Матвеев, 2013. Рис. 10 -3] 5) Подъемный материал Масловский мог. [Матвеев, 2013. Рис. 9 -14]

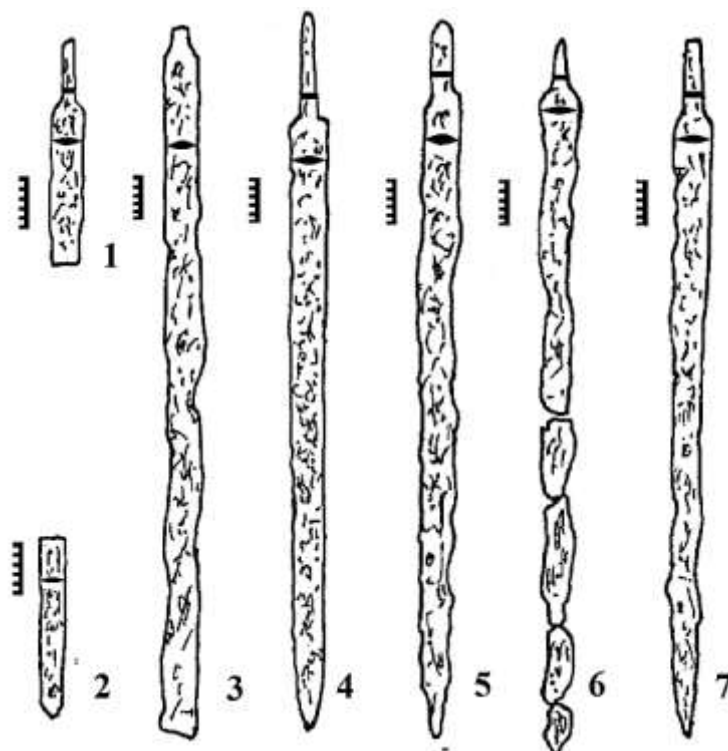

Рисунок 40. Мечи Усть Брыскинского могильника.

- 1) Подъёмный материал [Матвеев, 2013. Рис. 9 –1] 2) Подъёмный материал [Матвеев, 201. Рис. 9–2]
 3) Погр. 17 [Матвеев, 2013. Рис. 9–3] 4) Погр. 23 [Матвеев, 2013. Рис. 9–4] 5) Погр. 36 [Матвеев, 2013. Рис. 9–5] 6) Погр. 44 [Матвеев, 2013. Рис. 9–6] 7) Подъёмный материал [Матвеев, 2013. Рис. 9–8]

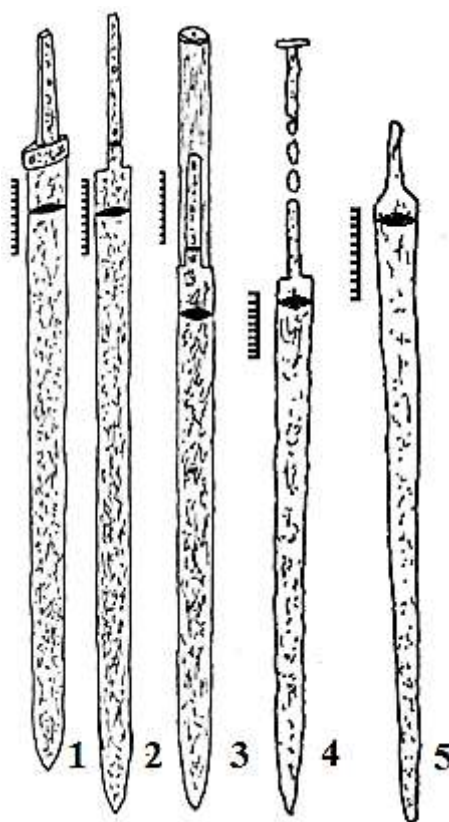

Рисунок 41.

- 1) Погр. 30 Суворовского мог. [Генинг, 1963. Табл. XIX–10] 2) Погр. 5 Азелинского мог. [Генинг, 1963. Табл. XIX–10] 3) Погр. 19 Нармонского мог. [Овчинников, 2014. Рис. 12–1] 4) Погр. 1 Суворовского мог. [Генинг, 1963. Рис.63] 5) Погр. 17 Суворовского мог. [Генинг, 1963. Рис. 64]

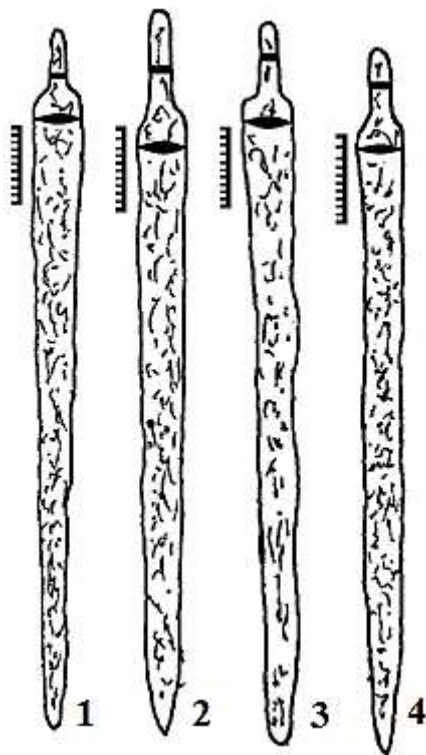

Рисунок 42. Мечи могильника Тюм Тюм.

- 1) Погр. 76 [Ошибкина, 2010. Табл. 64–1] 2) Погр. 94 В [Ошибкина, 2010. Табл. 64 –4] 3) Погр. 94 Б [Ошибкина, 2010. Табл. 64–2] 4) Погр. 94 А [Ошибкина, 2010. Табл. 64 –3]

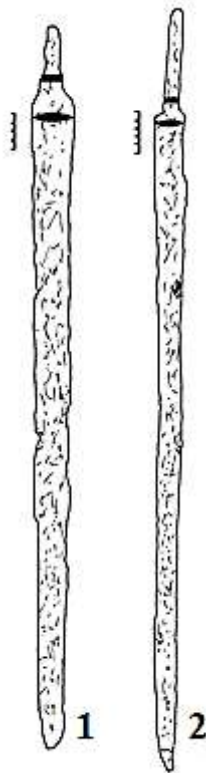

Рисунок 43.

- 1) Погр. .9 Первомайского мог [Лещинская, 2014. Табл.140–8]. 2) Погр. .27 Ошкинского мог. [Лещинская, 2000. Рис. 26–4].

Приложение 4. (Харинская общность)

4.1 Характеристика харинской культурно–исторической общности.

В начале XX в. В.Л. Борисов провел исследование Харинского могильника, расположенного в Гайнском районе Пермского края. Публикация материалов раскопок данного памятника дала название группе курганно–грунтовых могильников, функционировавших в начале раннего Средневековья на территории Верхнего Прикамья. Позже А.В. Шмидт, используя материалы раскопок могильника Качка, выделил среди прикамских материалов комплексы эпохи Великого переселения народов и обобщил их в «харинский период культуры пермского среднего железного века» [Шмуратко, 2012. С. 16].

В пятидесятых годах проблемой изучения верхнекамских могильников занимался А. П. Смирнов, датировавший появление курганных захоронений периодом III–V вв., отнеся их к финальной стадии пьяноборской культуры [Смирнов, 1952. С. 81-82]. Смирнов одним из первых исследователей обратил внимание на наличие среди погребального инвентаря курганных захоронений могильников Качка и Харино предметов, находящих аналогии в южных регионах, что позволило предположить, что в Прикамье могли появиться сарматы.

Несколько иную позицию занимали два известных пермских ученых О.Н. Бадер и В.А. Оборин. Не отрицая возможности миграции сармат, они предположили, что в период ВПН в движение пришло угорское население, увлекшие за собой часть ираноязычных племен. Угры рассматривались как основа переселенцев, оказавшихся в нашем регионе [Бадер, Оборин, 1958. С. 140].

Противником сарматского происхождения харинских курганов являлся В.Ф. Генинг. Он указывал, что не выявлено погребений устойчивой северной ориентировкой. В ряде погребений обнаружены захоронения людей, чьи

черепки подверглись при жизни искусственной деформации, но данные деформации не соответствуют особенностям деформации черепов, принятых у сармат. Аналогии погребального обряда харинского населения исследователь видел в Южном Зауралье в среде угорских племен [Генинг, 1959. С. 185].

В.Ф. Генинг отнес захоронения харинской группы к ламоватовской культуре, выделенной А.А. Спицыным [Спицын, 1902. С. 22]. Исследователь выделил два этапа существования данной культуры: харинский – с III до середины VI в. и неволинский – с середины VI до конца VIII в. [Генинг, 1959. С. 184].

В 1971 году А.Х. Халиков выдвинул предположение о единстве курганно–грунтовых могильников Прикамья, объединив их понятием «тураево–старомуштино–харинское» население. Исследователь связывал появление курганов с деятельностью тюркского (гуннского) населения, оказавшегося на территории нашего региона [Халиков. 1971. С. 16]. Позднее данную точку зрения поддержал Ф.А. Сунгатов, отметивший, что комплексы вооружения, поясные наборы и элементы конской упряжи материалов находят прямые аналоги не только среди синхронных памятников степной полосы, но демонстрируют высокую степень соответствия с материалами джетыясарской культуры Восточного Приуралья [Сунгатов, 2002. С. 155]. Версия связи населения, оставившего харинские комплексы, с джетыясарской культурой не получила значимых подтверждений и не имеет большого количества сторонников.

Характеризуя ломоватовские древности, Р.Д. Голдина не без оснований говорила об их «двукомпонентности». Первый из компонентов представлен материалами курганных могильников со своеобразным обрядом погребения в квадратных ямах со срубами, с положенными вдоль тел погребенных поясами и глиняной посудой в виде круглодонных чаш с резким перегибом в средней части. Все перечисленные особенности не имеют прямых аналогий в прикамских культурах предшествующего времени и, следовательно,

являются привнесенными. Второй компонент, наоборот, свидетельствует о близости с располагавшимися в предшествующее время на Средней Каме гляденовскими памятниками. Близость прослеживается в деталях устройства костниц, наличии жертвенных чашечек, votивных вещей, культовых изображений, бус [Голдина, 1977. С. 43]. Р.Д. Голдиной сделан вывод о том, что «возникновение ломоватовской культуры следует связывать с притоком нового населения. Очевидно, оба компонента появляются на Верхней Каме одновременно» [Голдина, 1977. С. 45].

В работе «Ломоватовская культура в Верхнем Прикамье» исследователь пересмотрела версию существования харинских памятников, предложенную В.Ф. Генингом. Период функционирования памятников был определен концом IV–VI вв., толчком к их появлению стала миграция групп инокультурного населения [Голдина, 1985. С. 123]. Происхождение мигрантов связывается с представителями саргатской культуры [Голдина, 2003. С. 59].

Следует заметить, что Р. Д. Голдина обосновывала идею объединения курганно–грунтовых могильников Сылвенско–Иреньского междуречья понятием неволинская культура. Культуры, родственной ломоватовской, но имеющей ряд отличий, позволяющих рассматривать ее как самостоятельную общность, а не как локальный вариант [Голдина, 1968. С. 87– 98]. В рамках предложенного исследования памятники раннего этапа ломоватовской культуры и памятники неволинской культуры будут объединены понятием памятники харинского типа на том основании, что они отражают процессы взаимодействия групп прикамского населения с группами мигрантов, появившихся в сопоставимое время и на сопоставимой территории.

В последние десятилетия было сформировано несколько версий поликультурного состава мигрантов, принявших участие в формировании могильников харинской группы. Е.М. Черных предложила рассматривать процесс создания неволинской общности как результат миграции на земли в бассейне р. Сылвы зауральских угорских групп, представляющих собой

сложный конгломерат этнических групп. К числу данных групп могли относиться саргаты, ираноязычные группы поздних сармат [Черных, 2002. С. 143].

С.Г. Боталовым выдвинуто следующее предположение: «В Зауралье гунно–сарматское население смешивается с угорскими зауральскими племенами (кашинский и прыговский археологические типы) и мигрирует вдоль бассейна реки Чусовой далее на северо–запад, в нижнее течение реки Камы, где участвует в формировании харинских памятников ломоватовской культуры» [Боталов, 2009. С. 127]. Отличие взглядов С.Г. Боталова заключается в том, что он обращает внимание на поликультурный или даже полиэтнический состав переселенцев, осевших на землях Верхнего Прикамья.

На основании применения методов кластерного и дискретного анализов материалов 1815 погребальных комплексов, принадлежащих 34 памятникам, 11 археологическим культурам, Д. В. Шмуратко пришел к выводу о миграции на территорию Верхнего Прикамья групп позднесарматского населения, тем самым исследователь поддержал гипотезу, выдвинутую А.П. Смирновым [Смирнов, 1952. С. 81-82]. По мнению исследователя, материалы раскопок верхнекамских памятников свидетельствуют о взаимосвязи с населением, принявшим участие в формировании салиховских и турбаслинских могильников Южной Башкирии [Шмуратко, 2012. С. 160].

В рамках предложенного исследования нами будет поддержана версия появления в регионе групп позднесарматского населения. Учитывая бурные события второй половины IV в., допустимо, предположение о поликультурном составе мигрантов, но при этом основную массу переселенцев могли составлять сарматы.

Р.Д. Голдина выделила несколько групп памятников, основываясь на их географическом положении: в устье р. Шаквы, правого притока р. Сылвы (Броды, Спас, Плеханово) В низовьях р. Сылвы (у оз. Дикого, Заборье, Калашниково, Курманаево) В среднем течении р. Шаквы (Копчиково,

Кляпово, Верх–Сая) На левобережье р. Камы, южнее современного г. Перми (Качка, Салтанаиха, Мокино) На правобережье р. Камы, севернее г. Перми (Полуденка, Беклемишево, Бурково, Б. Висим) [Голдина, 1997. С. 276].

Всего в Верхнем Прикамье известно 14 могильников «харинского типа», на которых чуть более 300 погребений [Шмуратко, 2012. С. 18].

Могильники расположены на невысоких коренных террасах небольших рек или стариц р. Камы. Курганы в плане округлой формы диаметром от 4 до 9 м при высоте насыпей в современном состоянии от 10 см до 1 м. В процессе раскопок выявлены следы кольцевых или полукольцевых канавок, из которых брался грунт для сооружения насыпи. В основном земля для насыпи бралась из ям вытянутой формы глубиной около 40–70 см, расположенных с разных сторон кургана. В некоторых случаях в заполнении канавок встречены кости животных, угли и фрагменты керамики (Бурковский могильник) На пыштайском могильнике известны жертвенные ямы [Генинг, Голдина, 1973. С. 61].

Под одним курганом находилось 1–2 погребения, реже 3–4. На митинском могильнике выявлены разновременные погребения, совершенные под одной насыпью. Выделяется три способа совершения погребения: трупоположение, трупосожжение на уровне дневной поверхности, трупосожжение в могильных ямах. Трупосожжение в ямах характерно для курганной части Бурковского могильника, на котором подобные погребения составили 20,9 %. Кремация на уровне дневной поверхности зафиксирована при раскопках Бурковского и Митинского могильников [Генинг, Голдина, 1973. С. 61].

Обряд трупоположения является самым распространенным погребальным обрядом. Захоронение совершалось в подпрямоугольных ямах, тело укладывалось вытянутым на спине. Встречаются разные типы внутримогильных сооружений. На Бурковском могильнике зафиксированы остатки срубных конструкций. В могильниках «косинской группы» зафиксированы остатки гробовищ или рам, собранных из «досок». Часть

деревянных фрагментов внутримогильных сооружений сильно обожжены, что дает основание предполагать наличие традиции погребального костра, остатки которого ссыпались в погребение. В могилах встречаются остатки бересты, которой могли выстилать дно могил. На дне некоторых могил выкопаны канавки длиной около 1 м, глубиной и шириной около 5–6 см [Генинг, Голдина, 1973. С. 62-63].

Погребальный инвентарь в мужских погребениях представлен ножами, кинжалами, удилами, наконечниками стрел, реже наконечниками копий, топорами или мечами. В женских погребениях в основном находят височные подвески, бусы или отдельные бусины, зооморфные подвески. В большинстве случаев предметы обнаружены в том порядке, в котором они носились на одежде. Во многих случаях зафиксировано, что кожаный пояс складывался вдоль тела с правой стороны. В ходе раскопок обнаружена масса подвесок, накладок и прочих предметов, стилизованных под изображение лошади, что дает основание предполагать наличие «культа коня». Культ коня в большей степени характерен для степного населения, нежели для народов, проживавших в лесной зоне. В степи лошадь является основополагающим элементом хозяйственной, торговой и военной деятельности.

Из погребального инвентаря, по мнению Р.Д. Голдиной, наиболее часто встречаются височные подвески «харинского типа» (они же «калачиковидные серьги»), они же серьги «луничного типа» пластинчатые шейные гривны, дисковидные янтарные бусы, своеобразные пояса с прямоугольными накладками, пряжки со свободно вращающимся кольцом и длинным язычком, ножи с продольными желобками и т.д., к этому списку можно добавить еще детали поясных наборов, изготовленные в полихромном стиле [Богачев, 1996. С. 99; Богачев, 1996. С. 99].

4.1. Могильники харинской культурно–исторической общности.

Бродовский могильник находите на северо–восточной окраине д. Броды Кунгурского района Пермского края и подъема на Спасову гору. Четырнадцать слабо различимых курганов расположены у подножия горы на выступе второй надпойменной террасы древнего русла р. Шаквы. Поверхность курганов на нижней террасе сильно нарушена силосными траншеями, а также бутовкой навоза с МТФ. В центре насыпей видны следы грабительских вкопов.

Могильник известен с 1897 г., А.А. Спицыным и Н.Н. Новокрещенных исследовано 138 погребений бескурганной чести и курганы № 1 и 2. В 1950 г. В.Ф. Генингом было изучено 3 бескурганных захоронения. В 1969 г. был раскопан самый большой курган нижней группы (№3) отрядом Камской экспедиции Пермского университета и Кунгурского краеведческого музея под руководством Н.А. Воронковой и В.А. Оборина. Выявлено 12 погребений. В 1978–1979 г. могильник исследовала Камско–Вятская экспедиция Удмуртского университета под руководством Р.Д. Голдиной. В 1978 г. было раскопано 29 курганов, содержащих 45 погребений. В 1979 г. исследовано 19 курганов и 49 погребений. Бескурганная часть, очевидно, разрушена постройками и распахана [Голдина, 1990. С. 6].

Курган 22. Погребение 1. В засыпи могилы встречены фрагменты керамики. На глубине 0,45 м обнаружен костяк хорошей сохранности. Умерший лежал вытянуто на спине головой на ЮЮВ, руки вдоль тела. На дне могилы в области ног и черепа сохранились остатки деревянного гробовища сколоченного из досок толщиной 2–3 см. В древесном тлене найдены остатки железных гвоздей. На глубине 0,45–0,6 м, рядом с костями черепа, у левого плеча (фрагмент) и на костях стоп (2 экз.), обнаружены бронзовые пряжки. У левого бедра найден меч с остатками деревянных ножен, на костях грудной клетки обнаружено железное кольцо. У пояса зафиксированы остатки железного кольца правого плеча найдена височная подвеска. У левой ступни железные удила с бронзовыми псалиями. Между бедренных костей лежал нож. Рядом с левым предплечьем находились обломки железной вещи [Голдина, 1990. С. 16].

Курган 24. Погребение 4. Имеет плоское дно и вертикальные стенки. Заполнение ямы – светло – коричневый суглинок. На глубине 0,65 м обнаружен костяк вытянутый на спине головой на ЗСЗ. Руки вдоль тела, слегка согнуты в локтях. У правой ноги и левой руки погребенного сохранились остатки деревянной конструкции размерами 0,75 х – 0,6 х 0,03 – 0,004 х 0,01 м. У левого бедра найден меч, у колена нож и удила, железный крючок и бронзовый наконечник ремня [Голдина, 1990. С. 14].

Курган 25. Погребение 1. Стенки могилы вертикальные. Заполнение светло–серый пестроцветный суглинок. По периметру ямы зафиксирован уступ шириной 0,05–0,62 м и высотой от дна 0,75 м. На глубине 0,9 м обнаружены остатки прямоугольной рамы, сооруженный из плах шириной 4–17 см, толщиной 3–6 см. На глубине 1,24 см расчищен костяк плохой сохранности. Умерший лежал вытянуто на спине головой на ЗСЗ, руки вдоль тела. У левой руки найден железный меч и бронзовая пряжка с каменными вставками и позолотой. Между бедренных костей – нож, ниже костей стоп железная пряжка. У левой голени костяной наконечник стрелы, а у правой стопы – 14 фрагментов железных вещей и удила [Голдина, 1990. С. 14].

Курган 25. Погребение 2В. Могильная яма имеет вертикальные стенки и заполнение аналогичное погр. 1. На глубине 0,8 м обнаружены семь плохо сохранившихся костяков. Над костяком Е и частично над костяком Д сохранились остатки деревянного покрытия размерами 1,8 х 0,6 х 0,01 м, а у левой голени костяка Ж – фрагмент дерева размерами 0,3 х 0,07 м. Судя по наиболее сохранившимся костякам (Б, В, Ж) умершие лежали, вытяну на спине, руки вдоль тела головой на ЗСЗ. Слева от костяка В найден меч у левого колена нож. По одному ножу обнаружено между берцовыми костяка Г. Между колен костяка Е найден нож [Голдина, 1990. С. 14-15].

Могильник Качка. Площадка, занятая могильником, находится в 300 м к юго–востоку от д. Верхняя Качка Краснокамского района Пермской области. Размеры ее невелики, с востока на запад она тянется на расстояние, около 100 м и с севера на юг на 70 м. Никаких естественных границ площадь, занятая погребениями, не имеет. Это обширное и довольно ровное плато на водоразделе между р. Камой и р. Качка. Площадка могильника отмечена многочисленными ямами неправильно – овальной формы длиной до 1-2 м и глубиной 0,5-1 м. Происхождение этих ям установить с полной достоверностью трудно.

Остатки же курганов в обычном нашем представлении находятся лишь у северо–восточной окраины могильника. Здесь удастся различить до 7-8 курганных насыпей преимущественно вытянутой с СЗ на ЮВ формы [Генинг, 1959. С. 196].

Бурковский могильник. Могильник расположен в 1 км к ЮЗ от д. Бурково Добрянского района Пермской области. На невысоком мысу левого берега р. Скальной, правого притока р. Малый Туй, правого притока р. Камы. На площади памятника находилось 20 расплывшихся курганных насыпей, вытянутых четырьмя рядами в направлении С–Ю. Могильник исследован в 1952–1953 гг. Добрянским отрядом КАЭ под руководством В.Ф. Генинга. Исследовано 17 курганов, под которыми зафиксировано 38 погребений, и 94 погребения на распаханной площадке (восточный раскоп). Если судить по остаткам канавок и ям, из которых бралась земля для насыпей, возможно, что и в данной части могильника погребения были совершены по курганному обряду захоронения. На восточной окраине могильника могли находиться грунтовые захоронения, так как в этой части отсутствуют ямы – канавки [Генинг, 1973. С. 88].

Погребение 17. В восточном конце и юго–западном углу обнаружены остатки бревен сруба. Погребение ограблено, и в средней части на дне ямы – масса обломков железных вещей, среди которых различимы фрагменты меча. На дне ямы в южной стороне, вдоль могилы, сохранились отпечатки от меча. У нижнего конца отпечатка лежало два колечка с обоймами. Медное кольцо, в средне–западной стороне – еще одно железное кольцо [Генинг, 1973. С. 97].

Погребение 3. Курган 5. Курган диаметром 9 м и высотой около 20 см содержал три погребения. В погребении 3 в западной части могилы находились кости ног, возле берцовых костей ног находились две медные пряжки. И еще одна пряжка в области пояса. С левой стороны костяка лежал железный меч со следами деревянных ножен, в области перекрестия которого с каждой стороны лежало по медной пряжке. У нижнего конца меча находился кинжал. У западной стороны могилы обнаружены удила, железное кольцо и пряжка [Генинг, 1973. С. 92].

Митинский могильник. Памятник находится в 1,5 км от д. Митино Кочевского района Коми–Пермяцкого национального округа Пермской области. Могильник расположен на низкой террасе левого берега р. Кычдез, правого притока р. Лолог, левого притока р. Косы. Могильник был

исследован в 1956 г. экспедицией Кудымкарского краеведческого музея под руководством В.Ф. Генинга. Большая часть могильника так же распахана, сохранились лишь 6–7 курганов. Курганы вытянуты по линии СЗ–ЮВ. Исследованы 5 курганов с 10 погребенными и 41 захоронение, курганные насыпи которого были распаханы [Генинг, 1973. С.106].

Погребение 23. В могиле слева у бедренной кости найден железный меч с медным ободком и кожа от ножен. Клинок меча обломан еще в древности. Чуть выше рукояти меча – железные удила и кинжал, правее пряжка и между берцовыми костями, у костей стоп – две медные пряжки [Генинг, 1973. С. 112].

4.2. Могильники, в формировании которых приняли участие группы инокультурного населения.

Тураевский могильник. Могильник расположен в 2 км от правого берега р. Камы, на высоком плато коренной террасы, постепенно понижающейся к реке. В 0,5 км к северо–востоку от могильника протекает небольшой ручей Чукма (Чемек), за которым расположена деревня Тураево Елабужского района Татарской АССР.

Могильник открыт в 1959 г., и в этом же году были начаты раскопки курганов № 1 и 2. В 1960 г. раскопки были продолжены, исследованы курганы № 3 и 5–9. После продолжительного перерыва раскопки были продолжены. В 1969 г. были вскрыты курган 8 и 8 погребений в северной части памятника. В общей сложности на могильнике В.Ф. Генингом исследовано 23 погребения [Генинг, 1976. С. 55].

Курган I находился в центре южной группы и представлял собой насыпь высотой 0,5 м при диаметре 7–8 м. Насыпь кургана состоит из глины, перемешанной темной землей, под которой залегает слой древней погребенной почвы толщиной, в среднем, 15 см. Толщина современного слоя насыпи не превышает 50 – 60 см. Для насыпи использовался грунт, взятый из канавки, выкопанной вокруг кургана.

Глубина ее в северной стороне была около 50 – 60 см от древней поверхности, а в остальных частях до 1 м. Ширина канавки в северной стороне составляла около 1 м, в

остальных шире, и сливалась с канавками других курганов. В верхней части насыпи, особенно в северо-западной стороне, часто встречались камни.

Подкурганная площадка имела округлую форму диаметром 7 м и содержала три погребения, из которых северное (№ 3) сильно разрушено грабительским вкопом. В юго-западной стороне кургана на погребенной почве лежал выкид глины из погребения № 1, а уже над ним, отделенный небольшой прослойкой темного грунта, находился выкид глины из погребения 2. Это наблюдение позволяет считать могилу № 1 более ранней, чем могилу 2, отчего, очевидно, и конфигурация подкурганной площадки несколько некруглая. Определить время сооружения могилы № 3 из-за сильной разрушенности не представлялось возможным. На поверхности погребенной почвы в северо-западной половине кургана обнаружены остатки трех кострищ в виде скопления углей диаметром 60-80 см. Это, вероятно, остатки очистительных костров, зажженных перед сооружением могилы. Интересно, что во всех трех случаях они располагались в одной стороне по отношению к могильным ямам [Генинг, 1976. С. 56].

Погребение 1. В южной части кургана, на уровне погребенной почвы не очень ясные контуры могилы имели размер 240 × 100 см. В верхней части, вдоль северо-западной стенки, находился уступ шириной в 15-20 см и глубиной до 30 см. Яма углублена на 215 см от погребенной почвы*, при ширине основной части 80-85 см. У юго-западного угла могильной ямы сверху был сделан небольшой прикоп почти квадратной формы (60 × 70 см) глубиной 40-45 см., в котором лежал череп человека без нижней челюсти и с частично отрубленной затылочной костью.

На глубине 150 см могила была сплошь выложена каменными плитами в два слоя. Плиты размером в 1-2 ладони были аккуратно уложены друг к другу. Всего при выемке насчитано более двухсот штук.

На дне могилы, имевшей несколько овальную форму, обнаружен древесный тлен от гробовища размером 200 × 55 см, среди которого находились остатки костяка плохой сохранности. Погребенный уложен вытянуто на спине, головой на ЮЗ, но череп здесь отсутствовал. Возможно, что череп в прикопе и принадлежал захороненному здесь мужчине. Сохранившаяся правая рука была вытянута вдоль костяка.

В левом углу у изголовья были положены крупный точильный брусок, железная коса и воткнут железный наконечник копья. Вдоль левой стороны погребенного был положен железный меч в деревянных ножнах, тлен от которых во многих местах сохранил красную краску. В средней части меча лежали халцедоновый диск и два наконечника ремня с золотыми накладками и инкрустацией. У нижнего конца меча находились еще два наконечника ремня. Справа от тазовой кости лежали медная пряжка и наконечник от

ремня и у бедра – железный кинжал. На костях стоп обнаружено по две пряжки и наконечника ремня от обуви. В ногах слева находилось еще три пряжки и накладка, возможно, от уздечек, так как рядом лежали сильно поврежденные железные удила. У самого края гроба обнаружена еще одна медная пряжка [Генинг, 1976. С. 56-60].

Курган 2 находился у северо–западного края южной группы. Высота насыпи не превышала 30-40 см, диаметр ее около 8-9 м. В центре кургана глубокая впадина от грабительского раскопа. Под насыпью открыта круглая подкурганная площадка диаметром 7,5 м, окруженная канавкой глубиной 50-70 см. На погребенной почве в восточной части площадки сохранились следы кострища. В центре находилась сильно разрушенная яма размером 235 × 70 см и глубиной 205 см, ориентированная в направлении ЮЗ–СВ. На дне ямы древесный тлен от гробовища, разбросанные части скелета, в частности, куски черепа, в ЮЗ стороне ямы. В перекопе встречены обломки нескольких медных пряжек и накладок, железных удил, клинка меча и косы [Генинг, 1976. С. 63].

Курган 3 примыкает вплотную к юго–восточному краю кургана I и к северному краю кургана IV. Под насыпью высотой 30-40 см открыта подкурганная площадка круглой формы диаметром около 7,5 м. Края площадки кругом косо срезаны на ширину около 1 м, и уже за пределами этого среза находится кольцевая канавка шириной 1 м и глубиной 40-50 см. Диаметр кургана в пределах канавки – 9–10 м. Подкурганная площадка внутри косого среза имеет предварительную подсыпку грунтом, т. е. специально подготовленную возвышенную площадку, на которой затем уже выкапывались могильные ямы. Курган III является одним из наиболее ранних – его канавки прорезаются канавками курганов I и IV. В насыпи кургана, очевидно, в грабительском перекопе, найден медный наконечник ремня длиной 75 мм, зуб коровы и фрагменты лепного сосуда, изготовленного с примесями песка, с заглаженной красноватой наружной поверхностью. В середине подкурганной площадки находилось два погребения на расстоянии 1,1 м друг от друга [Генинг, 1976. С. 65].

Погребение 2. Находилось в могильной яме размером 260×105 см и глубиной 270 см, ориентированной в направлении ЗЮЗ–ВСВ. Сверху могильная яма сильно испорчена грабительским раскопом, остатки погребения полностью разрушены.

Сопровождающий инвентарь находился в грабительском перекопе:

6 экз. медных пряжек длиной от 36 мм до 45 мм с треугольными задними пластинами. Медная пряжка длиной 22 мм с овальной задней пластиной и подобной формы пряжка длиной 36 мм с железными кольцом и иглой, а также медной задней пластиной. Обломки малой медной пряжки. 3 экз. концевых подвесок – наконечников с кольцами

длиной 26 мм. Пластинчатый наконечник длиной 44 мм. Обломок наконечника ремня в виде коробочки шириной 23 мм. Двусоставные удила с очень крупными кольцами и трензелями длиной до 67 мм. Обломки черенка и клинка меча, ножа и кинжала, бабка лошади [Генинг, 1976. С. 65-66]:

Курган 5. Находится на юго-западной окраине могильника, между курганами IV и VI. Насыпь кургана представляла собой довольно правильное сферическое возвышение диаметром около 12-13 м и высотой около 1,5 м, в центре которого находилась впадина от грабительских раскопок. Под насыпью кургана, на глубине 80-100 см, в центре, залегал слой погребенной почвы в круге диаметром 6,5-7 м. Вокруг этой площадки был сделан косой срез грунта шириной в 1-2 м и глубиной до 0,5 м, окруженный затем кольцевой канавкой шириной, в среднем, 1-1,2 м и глубиной 0,8-1 м.

По внутреннему краю канавки диаметр площадки под курганом 9-10 м. В восточной стороне канавка кургана V пререзается более поздней канавкой кургана I, а в северной, наоборот, канавка V кургана пререзает канавку кургана VI.

В центре кургана, вокруг могилы, на погребенной почве залегает тонкая прослойка желтой глины, перекрытой в пределах внутренней подкурганной площадки первоначальной подсыпкой. Из-за сильной разрушенности всей верхней части могилы невозможно установить, была ли желтая глина выкидом из могилы или частью подсыпки площадки.

В северо-западной поле кургана, под насыпью, находилась челюсть барана, а в восточной, у края площадки, фрагменты сосуда из серой плотной глины с примесями песка и хорошо заглаженной поверхностью.

В центре подкурганной площадки находилась могильная яма, сверху разрушенная грабителями. У юго-западного угла поперечной стенки к яме был сделан прямоугольный прикоп размером 30 × 50 см и глубиной около 60 см от древней поверхности. В прикопе находилось два медных наконечника ремня длиной по 75 мм, железная и деревянная пластинки. Ниже прикопа яма имела прямоугольную форму размером 270 × 113 см и глубину 355 см от погребенной почвы. До глубины 3-х м яма была перекопана грабителями. Что помешало им докопать яму до конца не ясно. На дне могилы находились остатки дерева от гроба размером 225 × 65 см., в котором вытянуто на спине, головой на ЗЮЗ, лежал костяк мужчины.

В изголовье, за гробом, находились два железных топора и три пластины с проухами неясного назначения. Еще один топор был врублен в дно гроба у правого плеча погребенного.

В этом же углу в гробу лежала железная кольчуга, покрытая сверху боевым шлемом и деревянным щитом. Слева в изголовье стояли стеклянный и деревянный сосуды. Вдоль правой стороны погребенного лежал меч в ножнах с богатой портупеей; кинжал в ножнах также, очевидно, с портупеей; точильный брусок, копье, две косы, нож, серп, какой-то деревянный футлярчик и удила. Вместе со всеми этими вещами находилось множество пряжек, накладок и наконечников ремней, но разобрать, от каких деталей они происходят, было невозможно. На тазовых костях лежали медная пряжка и наконечники от пояса. На костях стоп лежали пряжки и наконечники от обуви, справа железная обойма. Около ног найдены две железные пряжки и в углу гроба – фрагменты деревянного сосуда с медной оковкой и кольцом [Генинг, 1976. С. 67-69].

Курган 6. Находился между курганами I, II и III, почти сливаясь с насыпями курганов I и V. Высота насыпи, имеющей в центре глубокую грабительскую впадину, не превышала 40 см при диаметре 5-7 м. Под насыпью сохранился слой погребенной почвы на овальной площадке диаметром 6,5-7,5 м, окруженной кольцевой канавкой глубиной в 20-45 см. Канавка во многих местах разрушена канавками соседних курганов, что позволяет заключить, что курган VI – самый ранний среди окружающих. На погребенной почве в южной половине кургана обнаружено кострище, рядом челюсть лошади, а у юго-западного края площадки – мелкие фрагменты сосуда. Еще одна трубчатая кость находилась у северо-восточного края подкурганной площадки. Могильная яма, расположенная в центре кургана, ориентирована в направлении ЗЮЗ-ВСВ и сильно разрушена грабителями. На уровне древней поверхности размеры ямы были не менее 340 × 164 см. На глубине 120 см, вдоль северной и западной стенок, яма имела уступ шириной 20-35 см, а вдоль южной и восточной стенок – не более 10 см. Вдоль южной продольной стенки, на глубине 145 см, прослеживается второй уступ шириной около 25 см. Ниже уступов размеры могильной ямы 305 × 90 см при общей глубине 275 см от уровня погребенной почвы.

На различной глубине, чаще у дна ямы, залегали в беспорядке кости человека. Здесь же собраны различные вещи из сопровождающего инвентаря: обломки клинка меча и кинжала. Фрагменты железных удил с крупными кольцами и трензелями из меди. Мелкие обрывки железной кольчуги. Три медные пряжки. Обломки задней пластины от медной пряжки и обломки еще трех медных пряжек. Медные наконечники ремней в виде коробочек с цилиндрическим расширением: 2 экз. длиной 46 мм; 1 экз. длиной 25 мм; 2 экз. длиной 16 мм, еще один обломок наконечника. Медный пластинчатый наконечник ремня длиной 51 мм. Медные концевые подвески – наконечники длиной 22 мм – один с

три шпеньками и два с одним шпеньком. Две серебряные накладки шириной 19 мм. Две железные пряжки с овальными кольцами [Генинг, 1976. С. 73-74].

Кудашевский могильник. Памятник расположен в 50 м к юго-западу от д. Кудаш, в 160 м. к югу от р. Большая Амзя, на невысоком (2 м) выступе распахиваемого берега этой реки.

Могильник открыт О.А. Казанцевой в 1989 году. Стационарно исследовался в 1990–91, 1993–94, 1999, 2003 гг. Общая исследованная площадь составляет 1366 кв.м, на которой выявлено 174 погребения (вскрыто 2 кургана, 8 погребений, что составляет 262 кв.м; грунтовая часть – 1104 кв. м, 168 погребений) [Казанцева, Нагиев, 2017. С. 69].

Погребение 160. Отмечено на уровне – 40 см, имеет размеры 234 × 5 см, ориентировано по линии СВ–ЮЗ, прямоугольной формы. В ЮЗ половине ямы обнаружены: тлен черепа, зубы человека и железный ажурный шлем (парадный?) с бронзовыми накладками, бармицей на глубине – 64–74 см. Под шлемом, на глубине – 74–75 см, были найдены фрагменты железной бармицы (диаметр колец 7–8 мм, толщина 1,5–2,0 мм) традиционного плетения (1 кольцо в 4 соседних) Внутри шлема, в верхней части (на высоте 3 см), на глубине – 68 см обнаружен халцедоновый диск диаметром 3,9 см. В лицевой части черепа, перед шлемом, отмечены следы охры. Рядом с черепом (справа) отмечены бронзовые вещи: пряжка и пронизка на уровне – 73 см. Вдоль пряжки, справа, следы охры. В области пояса умершего, на глубине – 70 см, обнаружена бронзовая пряжка. В ЮЗ половине найден железный меч, рукоять которого была деревянной. На остатках рукояти отмечены следы охры. На уровне – 73–76 см найдены 2 железные косы – горбуши, железный нож, железный наконечник копья. На глубине – 62–73 см зафиксирован железный панцирь, состоящий из наборных пластин размерами 20–23,5 × 2,0–1,6 см. При расчистке панциря под ним, на глубине – 70–72 см, были обнаружены 7 бронзовых пряжек и 2 бронзовые пронизки, железная пряжка – 2 экз., железные удила с бронзовыми накладками на глубине – 68–72 см, железная пластина с железной обоймой на уровне – 71 см. Все предметы располагались на тлене. Интересна погребальная конструкция, состоящая, вероятно, из специальных носилок, на которые был уложен умерший [Казанцева, Нагиев, 2017. С. 74–76].

Старо–Муштинский могильник. Могильник находится в 0,5 км к юго–востоку от с. Старая Мушта Краснокамского р–на республики Башкортостан на террасе правого берега р. Белая. Памятник открыт в 1982 г. Г.Н. Гарустовичем, исследовавшим его в 1988–91 гг. с 2002 г. раскопками некрополя руководит Ф.А. Сунгатовым. Относится к курганно–грунтовым могильникам. Состоит из более 200 курганов с земляными насыпями, исследовано 22 (102 захоронения) Умершие погребены в простых могильных ямах вытянуто на спине, головой на север. Керамика представлена круглодонными сосудами, изготовленными из глины с примесью дресвы. Погребальный инвентарь составляют предметы вооружения мечи, ножи, топоры, наконечники копий, наконечники стрел, принадлежности конской сбруи, поясной гарнитуры. Для муж. захоронений характерно наличие жертвенных комплексов, состоящих из жен. украшений. Обнаружены остатки жертвенной пищи, следы меловой посыпки, угли [Сунгатов и др., 2004. С. 3-5].

Курган 5. Диаметр 8 м, высота 0,25 м. Стратиграфия: 5–7 см – дерн и корневища, 0,35–0,75 м – серая супесь, 0,25 м – светло – коричневая супесь (погребальная почва), материк – красно – коричневая глина.

В насыпи хорошо был замечен грабительский вкоп округлой формы, диаметром 2 × 1,5 м и глубиной 1 м от вершины кургана. Заполнение грабительского вкопа – сильно гумусированная супесь темного цвета с золотистым углем.

В южной части курганной найден развал серо–черного цвета с растительными примесями в глине. Сосуд имел прямой венчик, украшенный прямоугольными оттисками в четыре ряда. Другой фрагмент из насыпи представлен обломком венчика острореберного сосуда серо–черного цвета. Сосуд украшен пояском из ямок у края венчика и горизонтальной «елочкой» из клиновидных оттисков по стенке. Курган содержит 2 погребения, 1 яму, 3 зольника [Сунгатов и др., 2004. С. 58].

Погребение 1. Могильная яма подпрямоугольной формы, с закругленными углами. Ориентирована по линии СВ–ЮЗ. Длина 3,2 м, ширина в северном конце 1,1м, в южном 1,5м, глубина 1,4 м. Центр восточной стенки разрушен грабительским вкопом. В заполнении могилы на разной глубине встречены древесные угольки и кусочки вздувшегося железа. Дно могилы посыпано мелом, поверх которого был уложен хворост.

Погребение ограблено. Череп с разрушенной лицевой частью лежал в южном конце могилы. Судя по нему и тому, что пяточные кости в северном конце ямы, можно предполагать, что умерший был ориентирован головой на Ю–ЮЗ.

Инвентарь погребения: у западной стенки лежала бронзовая оковка длиной 1,2 м, сделанная из сложенной вдвое бронзовой пластинки и крепившаяся к краю деревянного сосуда (чаши?) мелкими бронзовыми гвоздиками. Здесь же находился обломок железного предмета (втулка копья?) Рядом с черепом, среди обломков костей руки, обнаружена бронзовая пластинка (рамка от ремня или наконечник ремня?) с двумя бронзовыми заклепками. С другой стороны костей руки лежала еще одна бронзовая пластина, видимо, наконечник ремня. Рядом с бедренной костью найден железный предмет со следами дерева. Ближе к восточной части ямы, ниже черепа, лежал обломок височной подвески. Рядом с черепом и вокруг нижней челюсти найден бисер сине–зеленого цвета. Между нижней челюстью и бедренными костями лежали две 2 бусины: одна – круглая и плоская, светло–зеленого цвета, другая – бабочковидной формы, с ребристой поверхностью, позолоченная. Между бедренными костями и западной стенкой найден обломок железной пластины с заклепкой (обломок ножа?) В центре погребения находились обломки железной пряжки с подвижным язычком, обломок лезвия ножа длиной 13 см и бронзовая обкладка деревянного прямоугольного в сечении бруска длиной 1,2 см. Бронзовая обкладка крепилась к дереву бронзовыми гвоздиками. Между бедренными костями и западной стенкой найдена бронзовая пронизка длиной 1,3 см. В различных частях могильной ямы найдено множество мелких железных обломков височных подвесок, среди которых имеются остатки крючков. В грабительском выбросе обнаружены обломки меча [Сунгатов и др., 2004. С. 12].

Курган 17. Диаметр по линии В–З 12 м, по линии С–Ю 13 м, высота 1,2 м. В центре насыпи заметна оплывшая воронка грабительского вкопа.

Стратиграфия кургана: 6–10 см – слой дерна, 0,5–1,55 м – слой светло – серой супеси, 0,1–0,25 – серо – коричневая супесь с пятнами красноватой глины (погребальная почва); материк – желто – коричневая супесь с глиной и прослойками извести или соли.

В насыпи на различной глубине встречены мелкие древесные угольки и фрагменты стенок сосудов с примесью шамота и мелкого песка в глиняном тесте. В северо–восточном секторе, на уровне погребальной почвы, располагался зольник размерами 1,95 × 0,95 м и мощностью около 10 см.

Находки в насыпи кургана представлены костями ног и зубов лошади, фрагментом орнаментированного пояском оттисков шнура и ямочного накола венчика ананьинского сосуда с примесью шамота в глиняном тесте, фрагментом орнаментированного парными

ямочными наколками венчика сосуда эпохи финальной бронзы, а так же орнаментированным сосудином со слегка отогнутым наружу венчиком. В кургане выявлено 4 погребения [Сунгатов и др., 2004. С. 20].

Погребение 3. Вся северо–восточная часть могильной ямы разрушена грабительским вкопом. Яма имеет длину 3,35 м, ширину 1,5–2 м, глубиной 1,8 м. В южном конце ямы грабительский вкоп углублен ниже дна могилы. Заполнение ямы – серая, местами темно–серая гумусированная супесь с угольками и мелкими фрагментами керамики.

Костяк разрушен грабителями. Череп был сдвинут, лежал на южном конце ямы, здесь же фиксировался зольный слой. В погребении найдены обломки железа, фрагменты керамики с примесью песка в тесте глины. Бронзовая пряжка с полукруглым щитком, бронзовый наконечник ремня. Обломки двух венчиков со слабопрофилированных ананьинских сосудов. Раздавленный сосуд мазунинской культуры.

Рядом с могильной ямой найден «тайник», устроенный на уровне почвы в неглубокой яме. В «тайнике» найдено 29 предметов. Среди них меч длиной 104 см, шириной лезвия 4,5–5 см, черешком 12 см, шириной 1,5 –2 см. Лезвие имеет в сечении ромбовидную форму. На черешке сохранились остатки деревянной рукояти. На лезвии меча «прикипевшие» волокна деревянного футляра ножен. Ножны поверх деревянной основы были покрыты кожей, окрашенной в красный цвет.

В тайнике так же найдены: разогнутая серебряная гривна, железные двусоставные удила с маленькими кольцами. Бронзовая пряжка без щитка с подвижным язычком. Наконечник ремня из серебряной пластинки, наконечники из двух бронзовых прямоугольных пластин с секировидными окончаниями. Шесть бронзовых овальных рамок от пряжек, с язычками и без них. Железная пряжка с овальной рамкой, подвижным язычком и полукруглым щитком. Пряслице (навершие рукояти меча) из известняка диаметром 3 см. Серебряная пряжка с овальной рамкой, подвижным язычком и щитком полукруглой формы, 6 заклепок со шляпками для украшения ремня. Височные подвески с напускными бусами и железный проушный топор длиной 12,5 см [Сунгатов и др., 2004. С. 21-23].

Мокинский могильник. Памятник расположен в 0,3 км к югу от деревни Мокино Пермского района Пермского края и занимает мыс подпрямоугольной формы левого берега реки Нижняя Мулянка. Памятник известен с 1924 г. Он был выявлен А.В. Шмидтом и отнесен им к железному веку. Также были найдены фрагменты ананьинской и раннеломоватовской

керамики, кости животных и фрагменты человеческого черепа. Однако раскопки памятника не проводились. В 1950 г. памятник осматривался В.Ф. Генингом и был определен как Мокинское селище ананьинской и ломоватовской культур. В 1987 г. на памятнике были проведены раскопки отрядом КАЭ Пермского университета под руководством В. А. Оборина. В ходе работ был открыт могильник IV–V вв. и изучено 62 погребения. Исследование могильника продолжалось в 1989–1990 и 1992 гг. Н.В. Соболевой, благодаря чему в прибрежной части некрополя изучена его ранняя часть. Всего на могильнике обследовано 241 погребение и различные сооружения в виде культового рва и жертвенников [Перескоков, 2011. С. 65].

Погребение 98. Погребение перекопано, вероятно, в древности. Глубина перекопа соответствует глубине могильной ямы – 1,4 м от дневной поверхности. Южная стенка перекопа почти отвесная, северная – с резким уступом на глубине 90 см. Верхняя часть перекопа заполнена темно – серым суглинком с зольно – углистыми прослойками. В этом слое найдены мелкие фрагменты неорнаментированной лепной посуды и кости животных. Под ним на уровне 1,15 м залегал слой серо–коричневого глинистого пестроцвета. Придонная часть заполнена темно–серой глиной, насыщенной углем. Погребение почти полностью разрушено перекопом, сохранились лишь небольшие фрагменты дна. Размеры могильной ямы 2,2 × 0,77 м. Она ориентирована по оси ЗЮЗ–ВСВ. На дне погребения и в придонном слое выявлены разрозненные кости человеческого скелета. Кости черепа отмечены в ЗЮЗ окончании могильной ямы. Здесь же зафиксированы многочисленные кусочки дерева от гробовища. В центральной части погребения возле фрагментов нижних конечностей собраны мелкие фрагменты сильно коррозированного железного меча или кинжала. Рядом с обломками оружия найдены фрагменты обкладки ножен из серебряной фольги, декорированные тисненым зигзагообразным орнаментом. В придонном слое могильной ямы к северу от костей черепа найден черешковый, ромбический в сечении, костяной наконечник стрелы. К северу от фрагментов железного оружия на самом дне погребения найдена гемма из голубовато–серого халцедона (сапфирина) [Перескоков, 2022.С. 49-50].

Погребение 105. Погребение не перекопано, заполнено глиной, не отличимой от материка. Дно зафиксировано на глубине 0,95 м. Сохранность деревянных конструкций и костного материала очень плохая: от дерева сохранился тонкий сероватый налет на дне погребения, от костей–также тлен желтого цвета. Размеры погребения 2,06 × 0,65 м. Оно

ориентировано по линии ЮЗ–СВ, головой на ЮЗ. Уверенно можно говорить о наличии деревянного настила на дне погребения, вдоль северо–западной стенки кое–где фиксируются небольшие фрагменты доски, поставленной на ребро. Очевидно, в данном случае имело место гробовище из досок. Остатки перекрытия не фиксируются, хотя надо предполагать его наличие. На дне погребения в анатомическом порядке лежат остатки скелета взрослого человека. Основная часть погребального инвентаря лежала вдоль северо–западной стенки. Здесь были найдены кольчатые железные удила (на уровне головы погребенного), рядом с ними – бронзовая пряжка со свободно вращающейся округлой рамкой и прямоугольным щитком, с другой стороны удил лежали две бронзовые накладки, округлой формы с прямоугольным выступом, под ними сохранилась шерсть от шкуры животного. Ниже, также у стенки, лежали две накладки прямоугольно вытянутой формы, под ними сохранились кусочки кожи вероятно, от ремня или портупей меча, поскольку далее вплотную к стенке гробовища лежал длинный обоюдоострый меч без перекрестия. Вдоль всего меча фиксируются мелкие чешуйки древесины с красной краской – остатки ножен. Между костями ног лежал крупный железный нож, у правой голени – железная рамчатая пряжка [Перескоков, 2022. С. 50].

Погребение 232. Ориентировано по линии запад–восток с небольшим отклонением к северу. Могильная яма прямоугольной формы размером 2,6 x 1,32 м в разрезе имеет крутые, почти отвесные стенки и плоское дно. Глубина погребения достигает 0,70 м. Погребенный, вероятно, находился в положении на спине головой на запад. В западной части зафиксирован развал черепа, в восточной – фрагменты костей нижних конечностей, в центре – овальное пятно размером 1,0 x 0,7 м, заполненное пережженными костями. По северной стенке погребения отмечен деревянный тлен толщиной до 1 см. В восточной части, в районе нижних конечностей, найдены сильно коррозированные удила и фрагменты псалий из железа. Близ фрагментов железных удил находились четыре бронзовые трехсоставные пряжки. Рядом с пряжками отмечены медные прямоугольные поясные накладки и серебряный наконечник ремня в виде серебряной обоймы. Ближе к центру могилы, у пятна с пережженными костями, рядом с фрагментом бедренной кости, выявлены остатки меча с обкладками ножен из серебряной фольги. Близ него и на фрагменте меча найдены две бронзовые овальные рамчатые пряжки. Рядом располагался фрагмент берцовой кости, около которого обнаружены две поясных накладки. К северу от берцовой кости, ближе к стенке могилы, зафиксированы фрагменты железного ножа с серебряной обкладкой. Судя по остаткам дерева, нож был в деревянных ножнах. Чуть дальше к западу от ножа был найден оригинальный предмет в виде серебряного навершия и железный крючок. В центре погребения, к югу от овального пятна пережженных костей,

обнаружена серебряная поясная накладка. К северу от него расчищены фрагменты золотой фольги и еще один фрагмент меча. Близ него найдена серебряная поясная накладка. Ближе к развалу черепа, у северной стенки, находилась бронзовая трехсоставная пряжка, покрытая золотой фольгой и украшенная зернью и стеклянными вставками. К западу от нее найдены серебряные поясная накладка и наконечник ремня, а к югу – серебряные поясные накладки. К востоку от черепа выявлен коррозированный железный предмет и серебряные штифты. У южной стенки, к юго-западу от пятна с пережженными костями, отмечены 2 серебряные прямоугольные накладки, фрагмент трехсоставной бронзовой пряжки и поясная накладка с кольцом для подвешивания. Следует отметить, что погребение было перекрыто слоем коричневого суглинка с пятнами материковой глины. Погребение произведено по обряду частичной кремации [Коренюк и др., 2011. С. 66].

Погребение 255. подпрямоугольное (2,33 x 3,39 м), ориентировано в широтном направлении и заполнено коричнево-красной переотложенной материковой глиной. В могиле фиксируется четыре разновременных перекопа, но даже самый ранний из них не достигал ее дна. Глубина погребения от уровня фиксации – 1,03 м. На глубине – 0,65 м по всем сторонам могильной ямы, вероятно, был сделан уступ, однако из-за грабительских вкопов он фиксировался не по всему периметру погребения. Размеры нижней части погребения – 1,88 x 3,05 м. Дно и стенки в нижней части погребальной камеры были выстланы кожей. На дне из плах был сделан «короб». Над остатками кожи фиксировался деревянный настил из плах, который снизу был скреплен тремя поперечными брусками. Между настилом и коробом фиксировался «зазор» шириной 3–5 см. Это позволяет предположить, что на данном настиле погребенного опустили в деревянный короб. В некоторых частях погребения прослежены остатки плах, также расположенные выше уровня дна могилы (на 20–26 см). Исходя из этого, можно утверждать, что после установки короб с умершим был перекрыт дополнительным настилом, который впоследствии был разрушен многочисленными грабительскими вкопами.

Костей погребенного не сохранилось, что не является редкостью для Мокинского могильника. Многие исследователи это связывают с обрядом «обезвреживания» покойника. Первые вкопы в погребения были совершены, несомненно, почти сразу после захоронения умершего. При создании данного погребения было вынуто более 8,1 кубометров глины. Это намного больше среднего показателя для данного памятника. Обычно объем грунта, выкопанный при сооружении одной могилы, не превышал 1 кубометр. Сложная конструкция погребальной камеры и большие трудозатраты,

затраченные на ее сооружение, указывают на высокий статус погребенного [Мингалев, Перескоков, 2014. С. 257].

Могильник Кала–Урын. Комплекс археологических памятников Кала–Урын, включающий одноименное городище, два селища и могильник, в 2,2–2,5 км к юго–востоку от д. Баш–Култаево Пермского района Пермского края. Могильник находится на левом берегу р. Нижняя Мулянка, а городище и селища – на правом. Могильник известен местному татарскому населению с XVIII в. Впервые он был обследован Г.Т. Ленц в 1983 г., в дальнейшем Н.В. Соболевой в 1985 г., А.Е. Старковым в 1991 г. А.Е. Старковым составлен топографический план его, выделены 17 курганных насыпей, расположенных в трёх курганных группах. На распаханной площади памятника собраны фрагменты керамики. Памятник был датирован в границах раннего средневековья, V–VI вв. Могильник расположен на мысу надпойменной террасы высотой 6–7 м, на левом берегу р. Нижняя Мулянка. Площадка памятника ограничена с севера небольшой ложбиной, с северо–востока и востока – краем террасы, местами круто обрывающимся в реку. Курганы расположены группами в северо–западной, северо–восточной и юго–восточной частях памятника. Все три группы заросли густым смешанным лесом, что затрудняет детальное обследование и описание курганов. Свободные от леса центральная, западная и юго–западная части памятника регулярно распахируются.

Всего можно определить около 17 курганных насыпей, расположенных указанными группами по краю площадки. Кроме насыпей выделяется около 32 оплывших углублений (в том числе в центральных частях почти всех курганов) – грабительских вкопов XVIII–XIX вв. и несколько более свежих ям. Курганные насыпи имеют высоту не более 1 м, их диаметр не превышает 10 м. В 2012–2013 гг. памятник обследовался К.В. Доткиным и М.Л. Перескоковым. В 2014 г. автором данной статьи произведены небольшие

раскопки на памятнике. Было исследовано пять погребений в трех курганных насыпях [Перескоков, 2017. С. 84].

Курган 2. Насыпь кургана №2 фиксировалась достаточно четко, хотя и была сильно оплывшей. В центральной части насыпи находилась впадина от грабительского вкопа. Диаметр насыпи около 5 м. Представление о структуре насыпи дает стратиграфия северной стенки раскопа по линии IVV/19 и западной стенки по линии V/18–19. Курган состоит из красной глины, иногда с известковыми включениями, которая является материковым слоем. Курганных канавок ни у одной из трех исследованных насыпей не зафиксировано, что может быть связано с малой площадью раскопа. Вполне вероятно, что глину для насыпи могли брать с края террасы, на котором расположены исследованные курганы, формируя при этом не канавку, а эскарп. Курган №2 содержал погребения №3 и 4

Погребение 3. Погребение расположено на уч. IV–V/18–19 и является центральным под насыпью кургана №2. Глубина фиксации погребения составила 0,98–1,16 м от усл. 0, который соответствовал наивысшей точке кургана №1. Погребение имело подпрямоугольную форму, размерами 3,20 x 1,70 м. Ориентировано оно по линии ЗСЗ–ВЮВ. Заполнение погребения – слой плотной красной глины с ленточными известковыми прослойками (слой 2а), сверху фиксируется прослойка серого суглинка (слой 3), а над ним – прослойка прокаленной красной глины с примесью извести (слой 10) В верхней части погребения есть уступ в виде заплечников вдоль всего периметра погребения. Этот уступ заполнен красной глиной, которая составляет заполнение насыпи кургана (слой 2) В плане этот слой представляет собой окантовку по периметру погребения шириной 0,05 м. Внутри её присутствует окантовка из известкового слоя (слой 11) шириной 0,05 м и глубиной 0,10 м. Вероятнее всего, погребение было закопано и заложено дерном (слой 3) с добавлением извести, которая играла в погребальном обряде важную роль. Затем на этом месте провели поминальную тризну, вследствие его образовался слой 10, содержащий золу и фрагменты керамики. Рядом с погребением найден развал сосуда на древней дневной поверхности. После этого было совершено погребение (№4), которое нарушает край могильной ямы. Вероятно, в нем был похоронен близкий родственник. После этого был насыпан курган №2. Западную часть погребения разрушает грабительский вкоп. Вкоп достигает дна погребения и полностью разрушает его. Заполнен перекоп слоем глинистого пестроцвета (слой 5) и слоем красной глины с вкраплениями извести, содержащей значительное количество угля (слой 15)

Погребенный ориентирован ногами на В (к реке Н. Мулянка) Сохранность костяка неудовлетворительная. Удалось зафиксировать лишь тлен нижних трубчатых костей и пальцев правой руки. Погребенный был укрыт сверху деревянным настилом. Располагался костяк также на деревянном настиле, на котором его и опускали в могилу.

В погребении были найдены наборы обувной ременной гарнитуры (пряжка + наконечник ремня), железный нож, обломки меча (палаша?), железный наконечник копья, фрагменты деревянных ножен меча (бронзовые накладки крепления портупей, наконечник портупейного или поясного ремня), две янтарные таблетковидные бусины, керамика. Под деревянным настилом на дне погребения были выявлены следы органического покрытия дна могильной ямы (кожа?). Вероятно, это органическое покрытие служило чем-то вроде полотенец в православной погребальной традиции, с помощью которых опускают умершего в могилу. При финальной зачистке погребения под настилом и покрытием дна, у самой его стенки, был найден воткнутый в дно костяной наконечник стрелы, видимо, имевший некую сакральную функцию. Возможно, аналогичную сакральную функцию в находящемся рядом погребении №2 кургана №1 выполнял бронзовый втульчатый трехлопастной наконечник стрелы. Также на дне погребения была зафиксирована подсыпка из извести. Глубина погребения достигает 2,15 м от усл. 0 [Перескоков, 2017. С. 85].

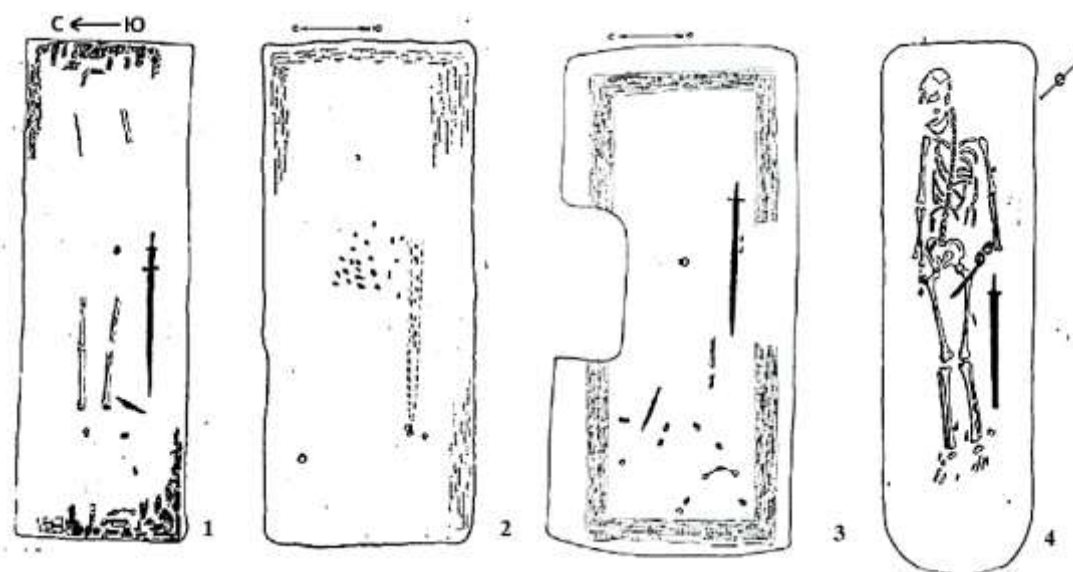

Рисунок 44.

- 1) Погр. 3 кургана 5 Бурковского мог. [Генинг, Голдина, 1973. Рис. 6] 2) Погр. 17 Бурковского мог. [Генинг, Голдина, 1973. Рис. 7] 3) Погр. 75 Бурковского мог. [Генинг, Голдина, 1973. Рис. 8] 4) Погр. 23 Митинского мог. [Генинг, Голдина, 1973. Рис. 13 – 1]

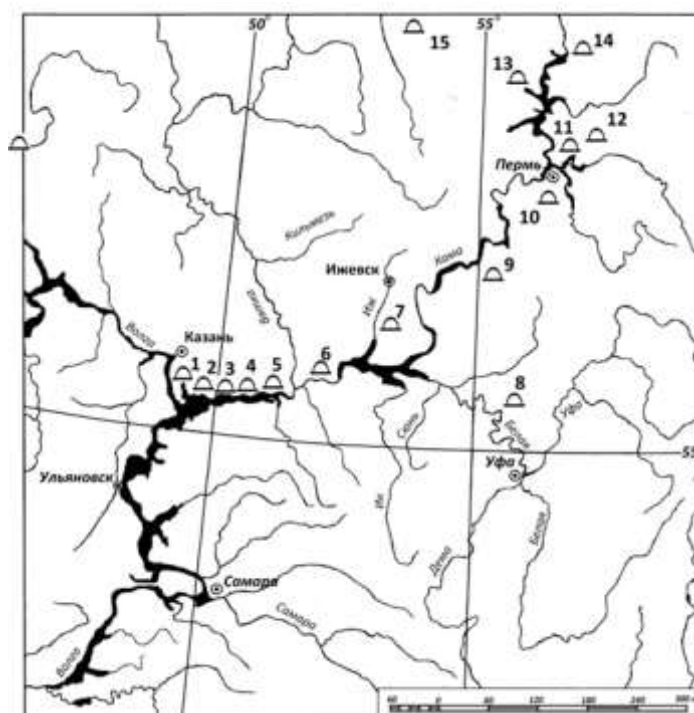

Рисунок 45. Могильники, в формировании которых приняли участие группы инокультурного населения.

- 1) Нармонский мог. 2) Рождественский V мог. 3) Усть Брынский мог. 4) Масловский мог. 5) Гремячинский мог. 6) Тураевский мог. 7) Дубровский мог. 8) Старо Муштинский мог. 9) Кудашевский мог. 10) Мокинский мог. 11.) Калашниковский мог. 12) Бродовский мог. 13) Бурковский мог. 14) Больше Висимский мог. 15) Митинский мог.

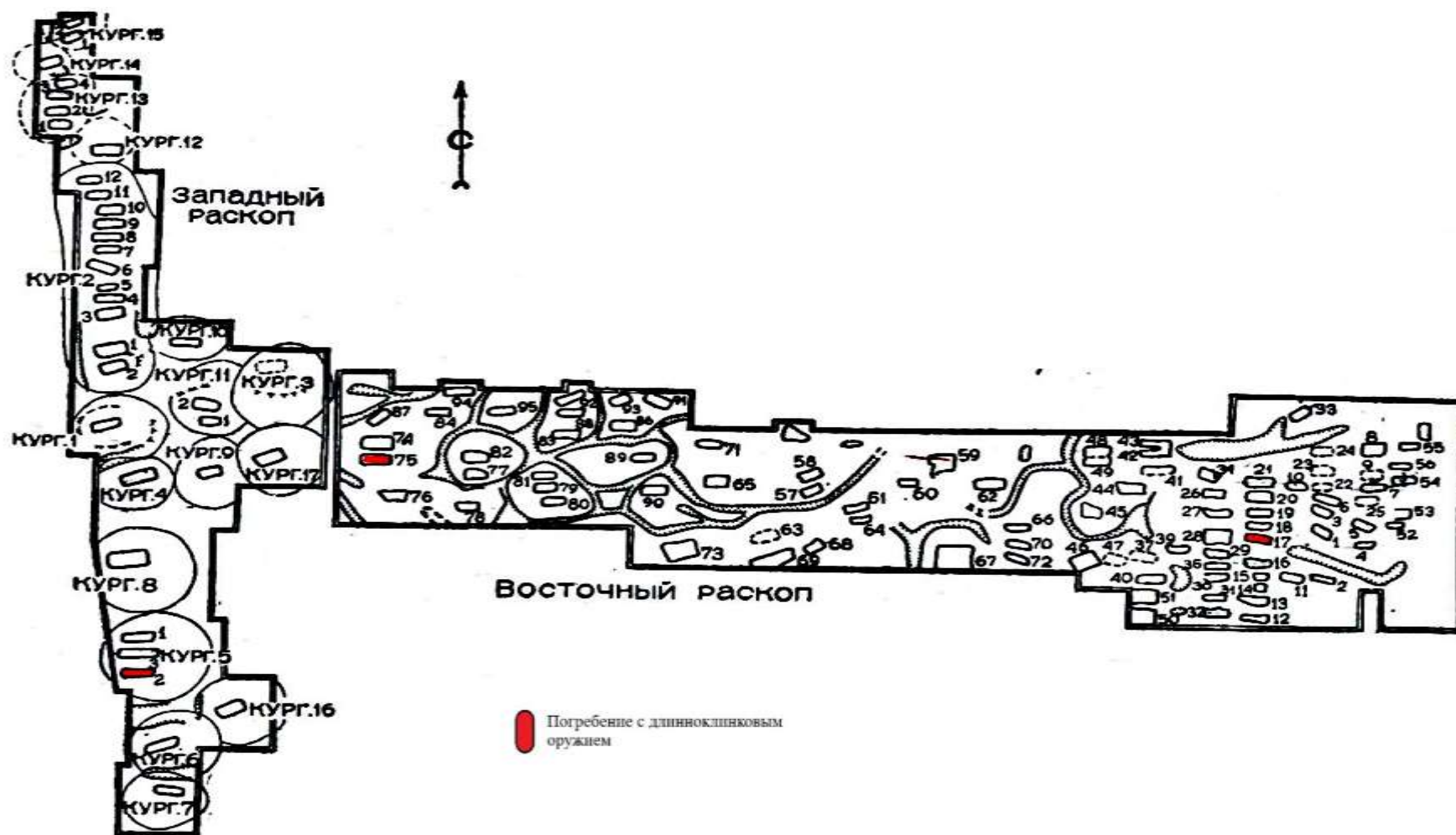

Рисунок 46–Б. Бурковский могильник [Генинг Голдина 1973. Рис. 2].

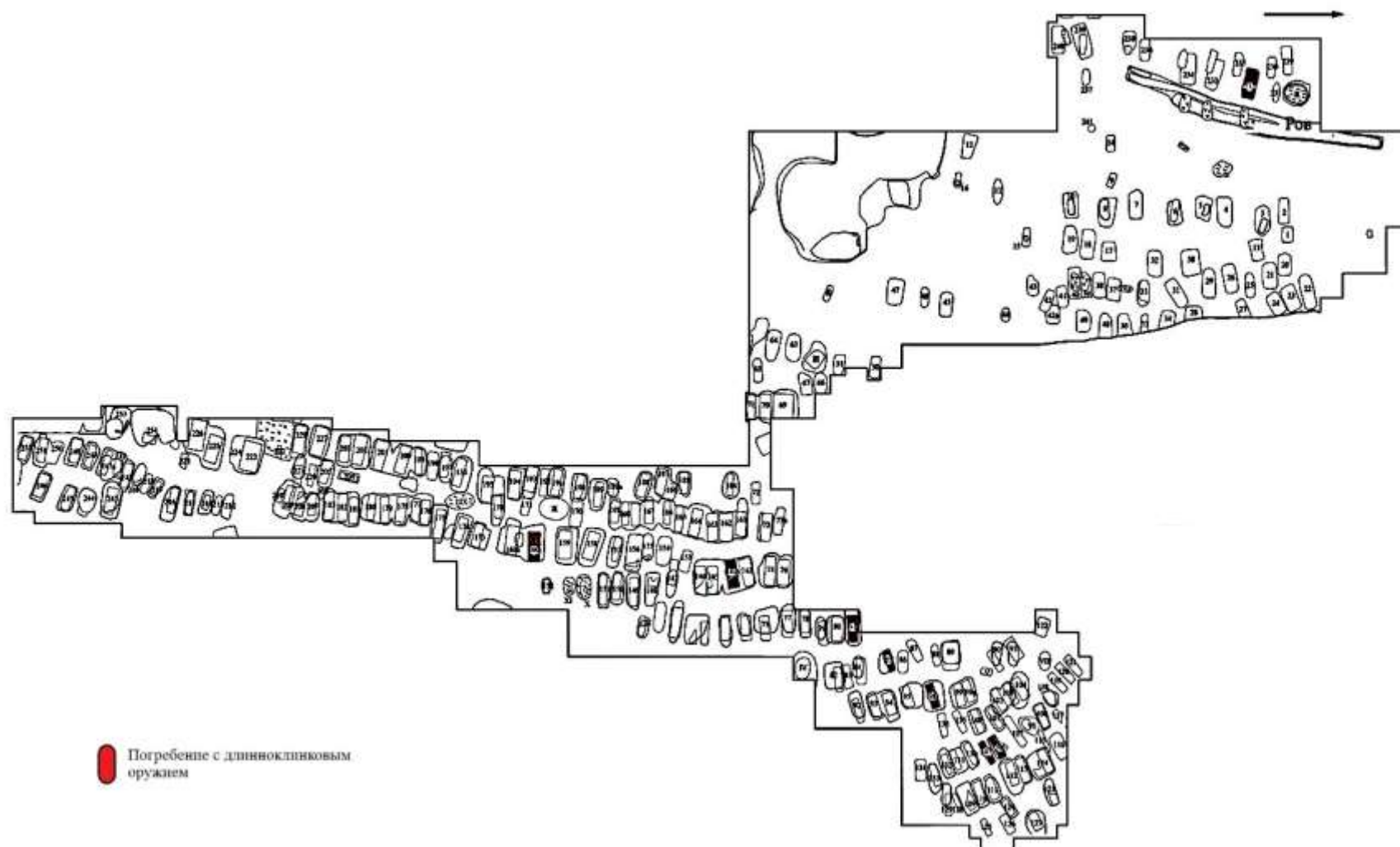

Рис. 46–В. Мокинский могильник (раскопы 1987–1998 гг.) [Перескоков 2013. Т. II. Рис. 21]

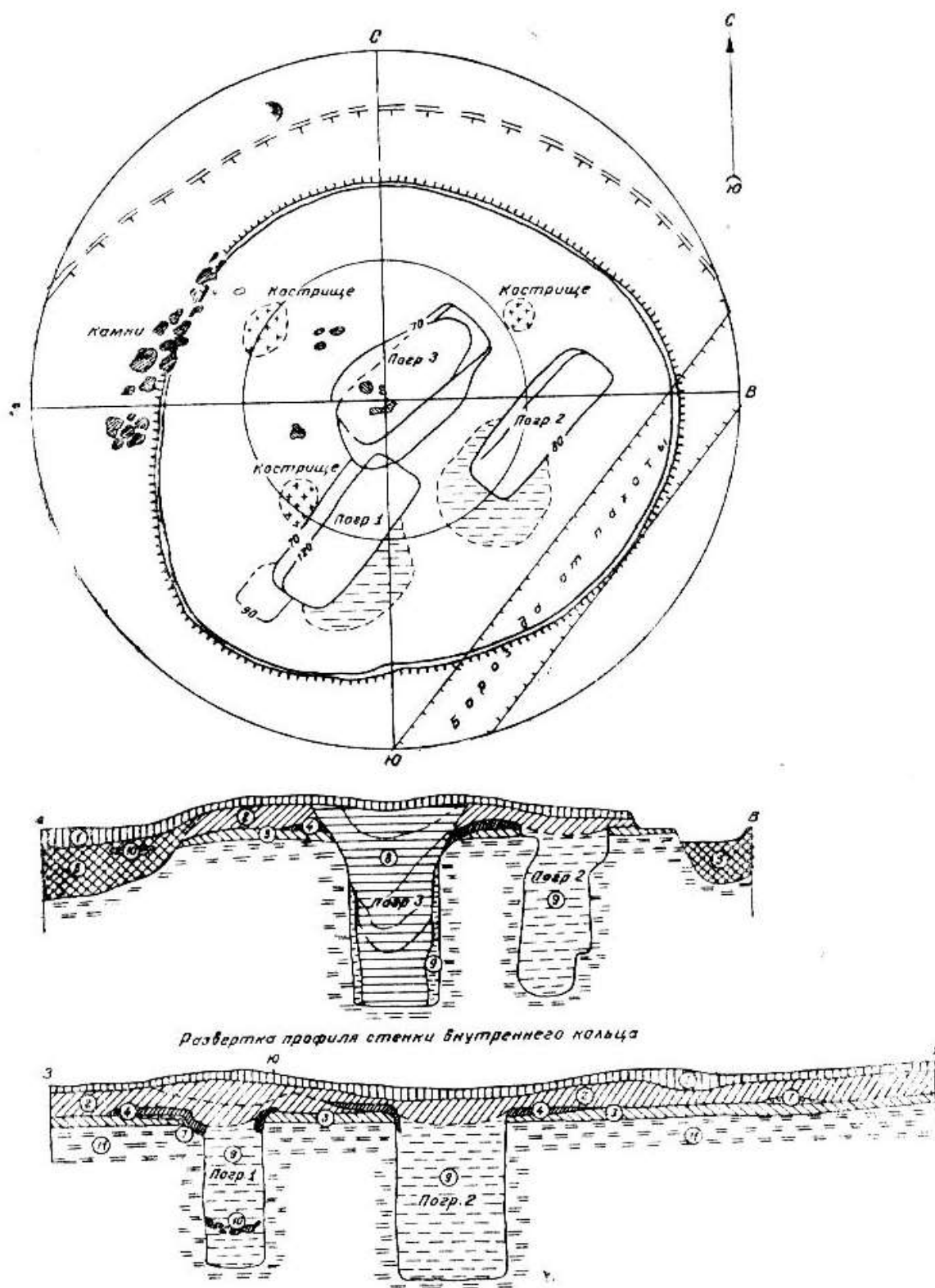

Рисунок 47. План кургана 1 Тураевского могильника. [Генинг, 1976. Рис. 3]

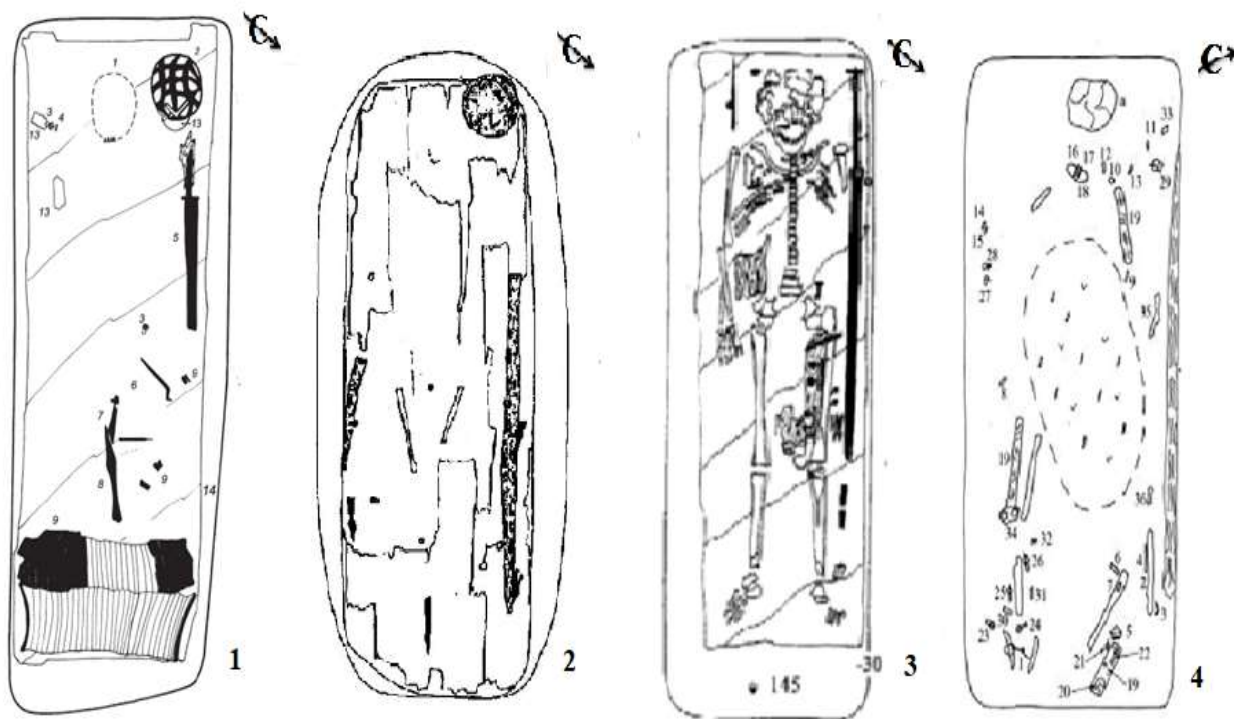

Рисунок 48 - А.

1) Погр. 160 Кудашевского мог. [Казанцева, Нагиев. 2017. Рис. 1]. 2) Погр. 7 Кудашевского мог. [Казанцева, 2004. Рис. 14] 3) Погр. 171 Тарасовского мог. 4) Погр. 232 Мокинского мог. [Коренюк и др., 2011. Рис. 2].

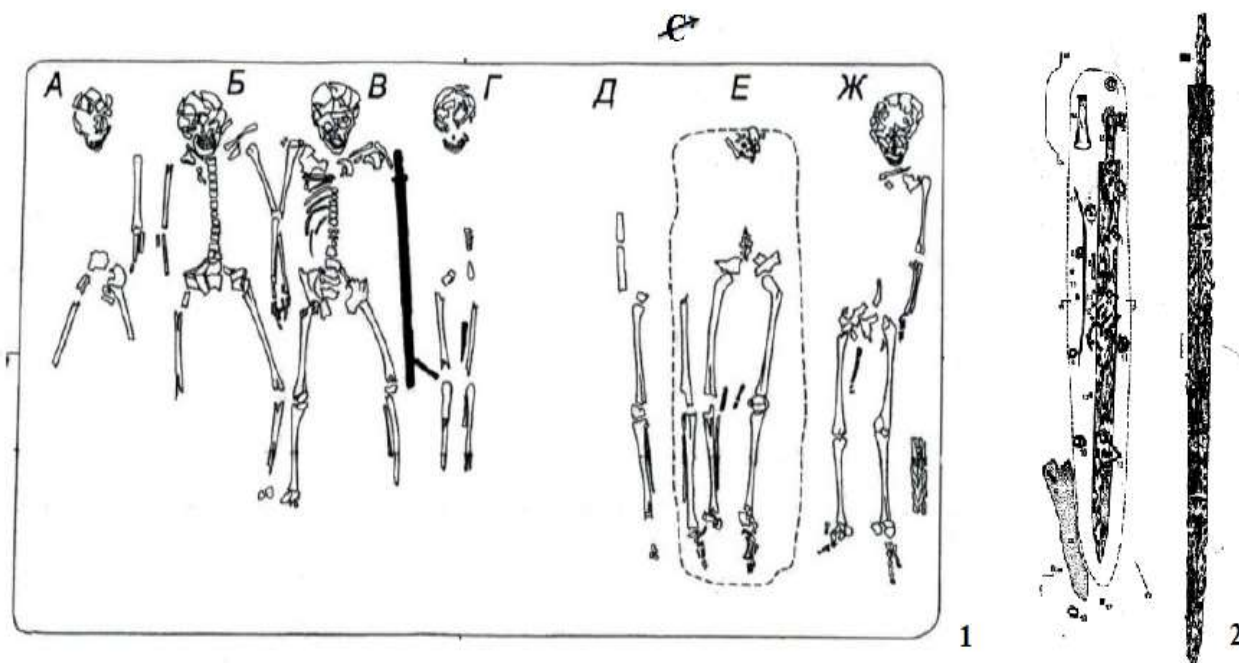

Рисунок. 48-Б.

1) Погр. 2 кургана 25 Бродовского мог. [Перескоков 2013. Т. II. Рис. 124] 2) Тайник кургана 17 Старо Муштинского мог. [Сунгатов и др. 2004. Рис. 36]

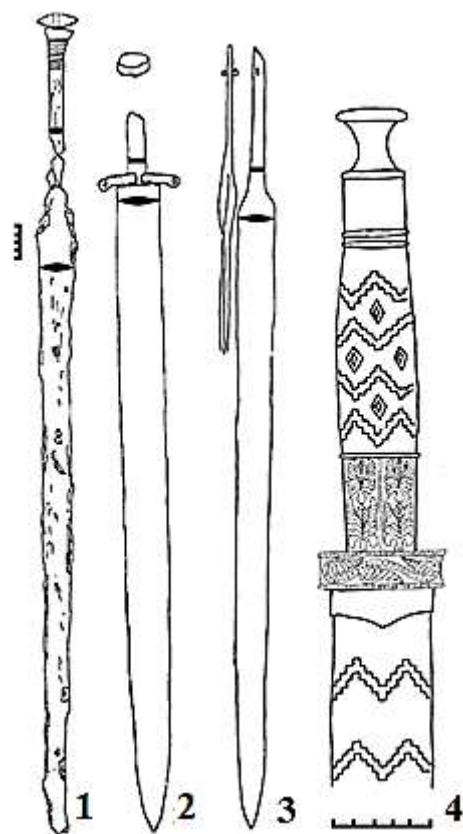

Рисунок 49. Мечи Тураевского могильника

- 1) Погр. 171 [Голдина, Бернц, 2016. Рис. 2–8] 2) Погр. 1 кургана 1 [Генинг, 1976. Рис. 26–13] 3) Погр. 1 Б курган 7 [Генинг, 1976. Рис. 31–9] 4) Курган 5 [Генинг, 1962. Рис. 30–2]

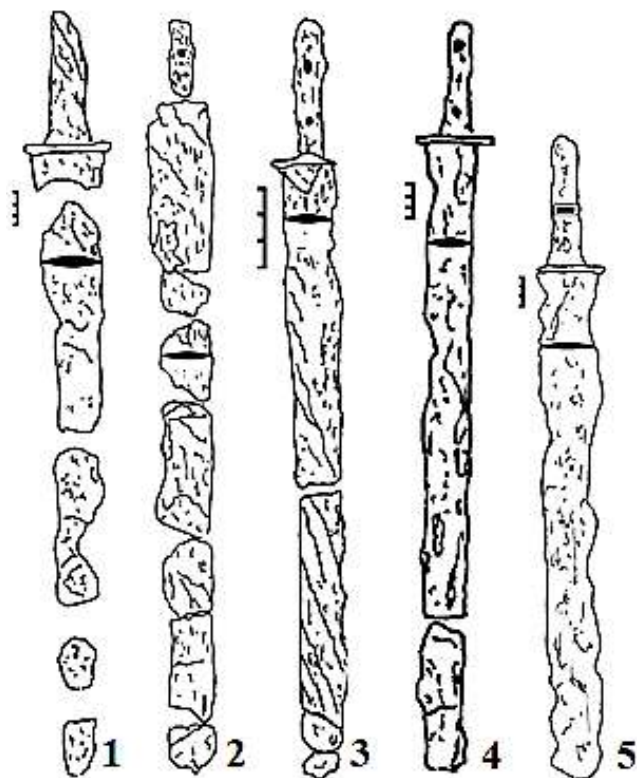

Рисунок 50. Мечи Кудашевского могильника.

- 1) Погр. 6. [Казанцева, 2004. Рис. 1 -4]. 2) Погр. 8 [Казанцева, 2004. Рис. 1 -4] 3) Погр. 7 [Казанцева, 2004. Рис. 14 -15] 4) Погр. 16 [Казанцева, 2004. Рис. 15 -14]. 5) Погр. 160 [Казанцева, Нагиев, 2017. Рис. 3–22]

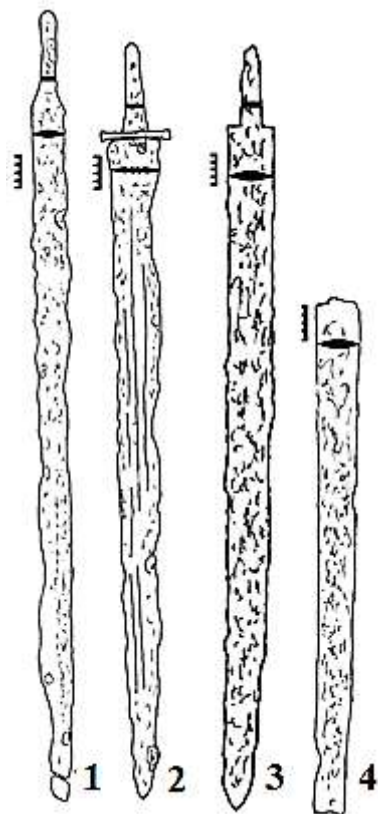

Рисунок 51.

1) Погр.105 Мокинского мог [Перескоков, 2013. Т. II. Рис. 56–1]. 2) Погр.81 Мокинского мог. [Перескоков, 2013. Т. II. Рис. 56–2]. 3) Тайник кургана 17 Старо Муштинского мог. [Сунгатов, и др., 2004. Рис. 36]. 4) Подъемный материал Старо Кобановский мог. [Сунгатов и др., 2004. Рис. 73 -1]

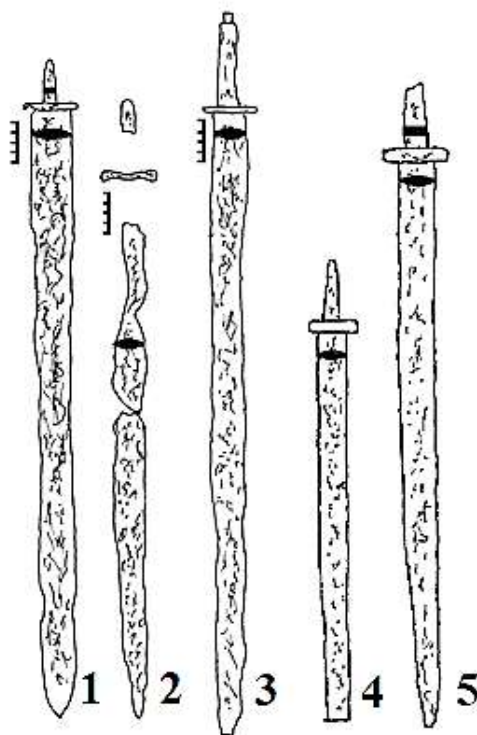

Рисунок 52. Мечи Бродовского могильника.

1) Курган 25 погр.2 Бродовского мог. [Голдина, Водалаго, 1990. Табл. ЛII - 2] 2) Курган 25 погр. 1 Бродовского мог [Голдина, Водалаго, 1990. Табл. ЛII - 3] 3) Курган 24 погр. 4 Бродовского мог. [Голдина, Водалаго, 1990. Табл. ЛII - 1] 4) Погр. 23 Митинского мог [Генинг, Голдина, 1973. Рис. 13 - 1] 5) Курган 5 погр. 3 Бурковского мог. [Генинг, Голдина, 1973. Рис. 6 - 1]

5.1 Отделы

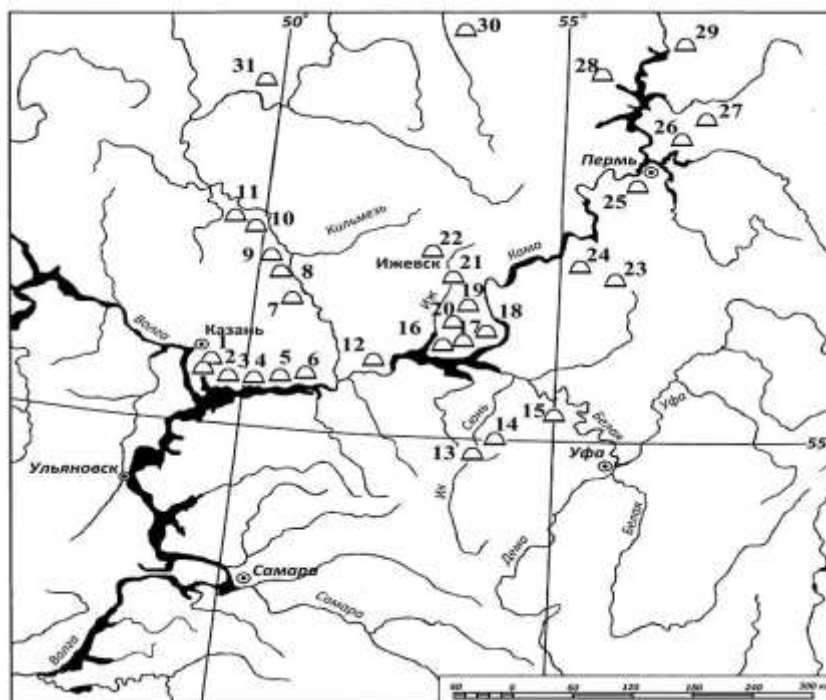

Рисунок 54. Памятники при раскопках которых обнаружены мечи.

- 1) Нармонский мог. 2) Серебряхинское селище 3) Рождественский V мог. 4) Усть Брыский мог. 5) Масловский мог. 6) Гремячинский мог. 7) Мог. Атамановы кости 8) Азелинский мог. 9) Мог.Тюм Тюм 10) Ошкинский мог. 11) Суворовский мог. 12) Тураевский мог. 13) Ново Сасыкульский мог. 14) Камышлы Такманский мог. 15) Кушулевский III мог. 16) Мог.Чеганда II 17) Мог. Нырганда II 18) Тарасовский мог. 19) Усть Сарапульский мог. 20) Афонинский мог. 21) Ижевский мог. 22) Покровский мог. 23) Красноярский мог. 24) Кудашевский мог. 25) Мокинский мог. 26) Калашниковский мог. 27) Бродовский мог. 28)Бурковский мог. 29) Большевисимский мог. 30) Митинский мог. 31) Первомайский мог.

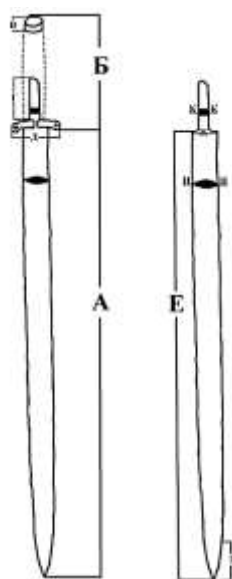

Рисунок 55. Конструкция меча.

- А – Клинок
- Б – ЭфеС. (Рукоять)
- В – Навершие
- Г – Хвостовик (Черенок)
- Д – Перекрестие (Гарда)
- Е – Лезвие
- Ж – Основание клинка (пята)
- З – Острие
- И – Сечение клинка
- К – Сечение хвостовика

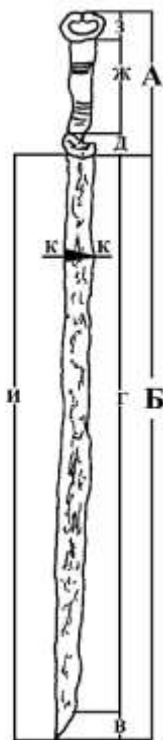

Рисунок 56. Конструкция палаша.

А – Эфес.
Б – Клинок
В – Острие
Г – Лезвие
Д – Перекрестие
Ж – Рукоять
З – Навершие
И – Обух клинка (спинка клинка)
К – Сечение клинка

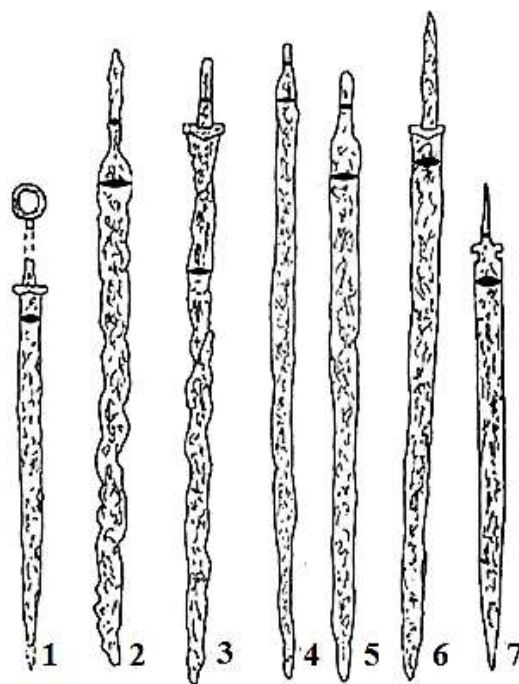

Рисунок 57. Мечи отдела 1.

1) Погр. 346 Ново Сасыкульского мог. 2) Погр 66 Кушулевого III мог. 3) Погр. 306 Кушулевого III мог. 4) Погр. 608 Тарасовского мог. 5) Погр. 1125 Тарасовского мог.

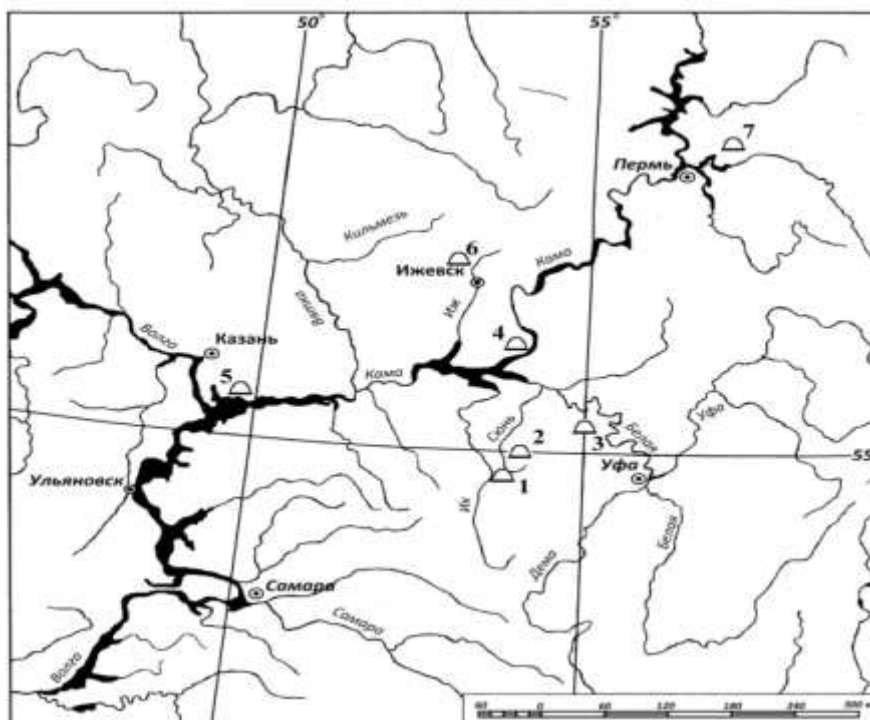

Рисунок 58. Карта распространения мечей отдела 1.

- 1) Ново – Сасыкульский мог. 2) Камышлы Такманский мог. 3) Кушулевский III мог. 4) Тарасовский мог. 5) Рождественский V мог. 6) Покровский мог 7) Бродовский мог.

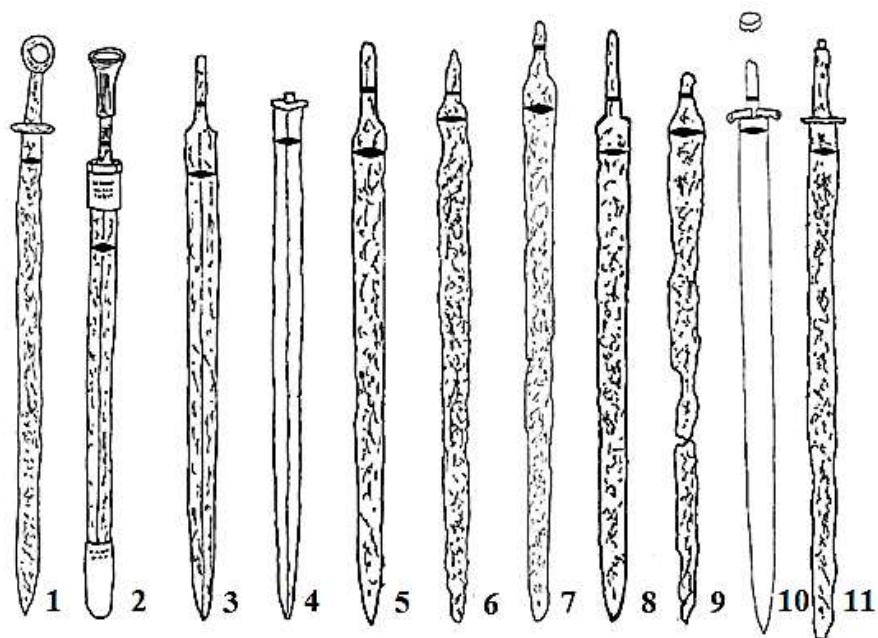

Рисунок 59. Мечи отдела 2.

- 1) Погр 152 Нырганда II 2) Погр. 26 Чеганда II 3) Погр 156 мог. Чеганда II 4) Подъёмный материал (кв.19/С) Ново Сасыкульский мог. 5) Погр. 94 А мог. Тюм Тюм 6) Погр. 2 Городищенский мог. 7) Погр. 9 Первомайский мог. 8) Погр 23 Усть Брыскинского 9) Погр 6 Тарасовского мог. 10) Погр.1 Кургана1 Тураевского мог. 11) Погр. 4 кургана 24 Бродовского мог

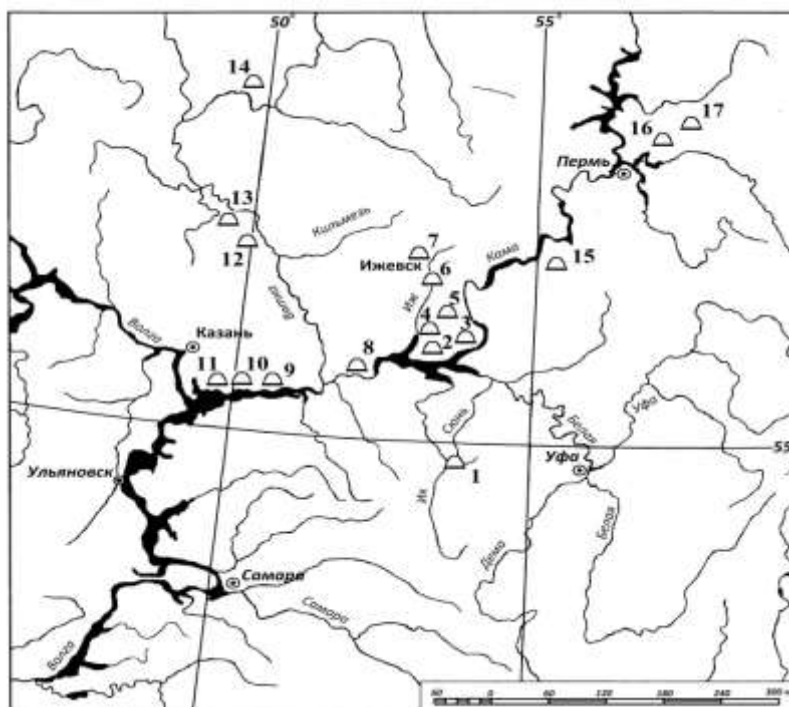

Рисунок 60. Карта распространения мечей отдела 2.

- 1) Ново Сасыкульский мог. 2) Мог. Чеганда II 3) Тарасовский мог. 4) Дубровский мог. 5) Усть Сарапульский мог. 6) Ижевский мог. 7) Покровский мог. 8) Тураевский мог. 9) Масловский мог. 10) Усть Брынский мог. 11) Рождественский V мог. 12) Мог. Тюм Тюм 13) Суворовский мог. 14) Первомайский мог. 15) Кудашевский мог. 16) Бродовский мог 17) Бурковский мог

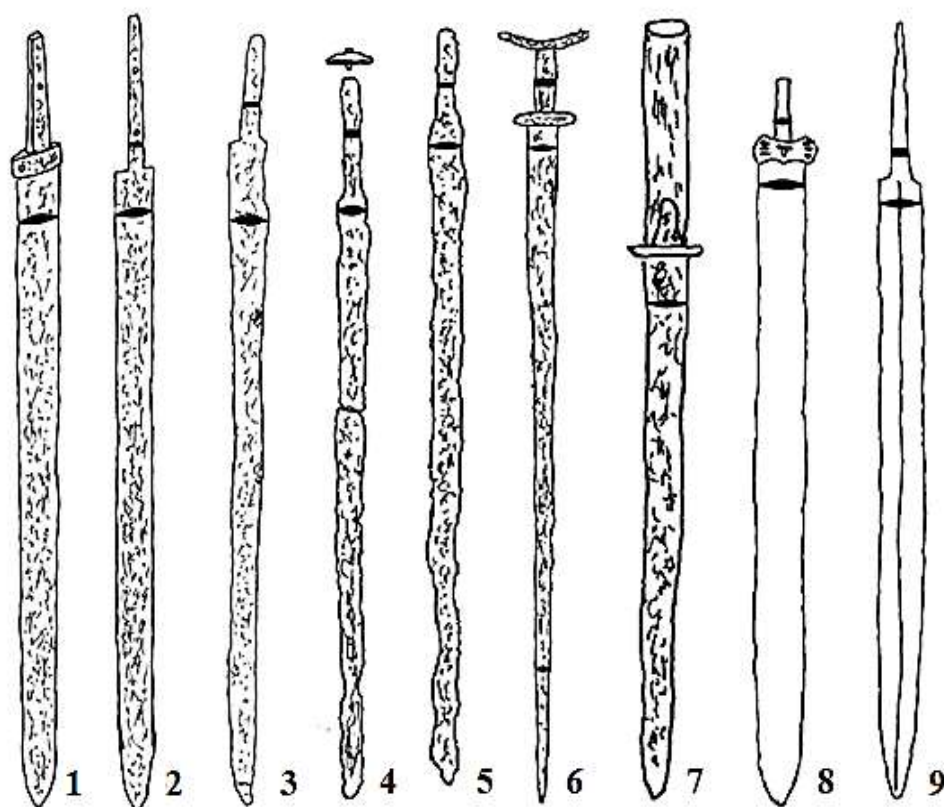

Рисунок 61. Мечи отдела 3.

- 1) Погр. 30 Азелинского мог. 2) Погр. 5 Суворовского мог. 3) погр. 27 Ошкинского мог. 4) погр 4 Тарасовского мог. 5) погр. 131 А Тарасовского мог. 6) Подъемный материал Красноярский мог. 7) Погр. 17 Нивского мог. 8) Погр. 260 Ново Сасыкульский мог. 9) Подъемный материал Ново Сасыкульский мог.

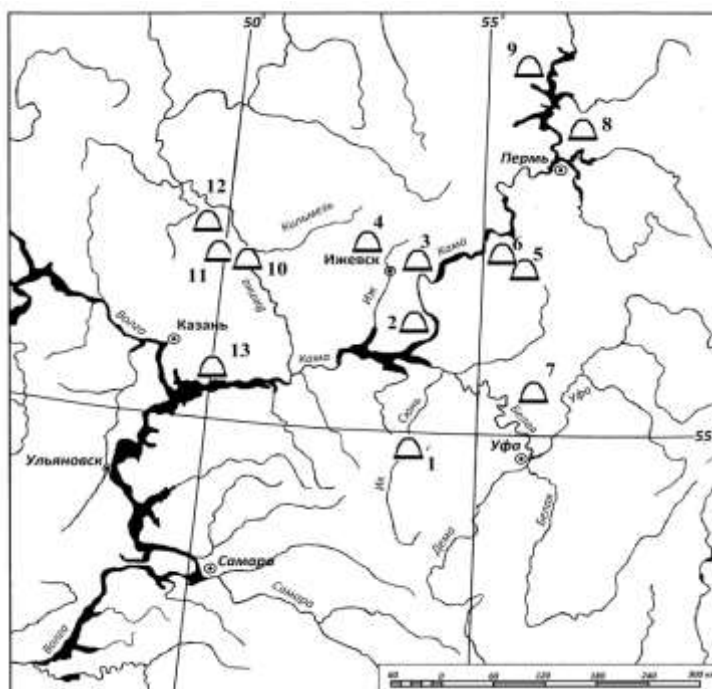

Рисунок 62. Карта распространения мечей отдела 3.

- 1) Ново Сасыкульский мог. 2) Тарасовский мог. 3) Нивский мог. 4) Покровский мог. 5) Красноярский мог. 6) . Кудашевский мог. 7) Старо Муштинский мог. 8) Калашниковский мог. 9) Бурковский мог. 10) Азелинский мог. 11) Мог. Тюм Тюм 12) Суворовский мог. 13) Усть Брыскинский мог.

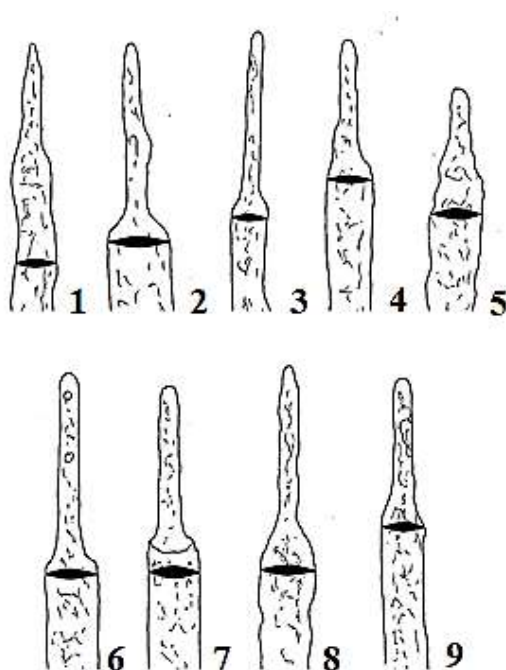

Рисунок 63. Мечи раздела А.

- 1) Погр. 2 Городищенского мог. 2) П. 83 Красноярского мог. 3) Погр. 27 Ошкинского мог. 4) Погр. 9 Первомайского мог. 5) Погр. 110 Ижевского мог. 6) Погр. 10. Ижевского мог. 7) Погр. 16 Ижевского мог. 8) Погр. 66 Кушулевого мог. 9) Погр. 105 Мокинского мог.

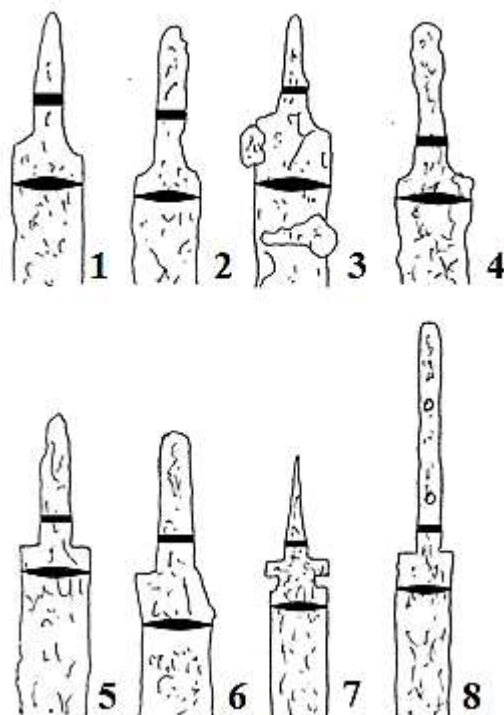

Рисунок 64. Рукояти мечей раздела А.

1) Погр. 474 Тарасовского мог. 2) Погр. 235 Тарасовского мог. 3) Погр. 11 . Дубровского мог. . 4.) Погр. 29 Дубровского мог. 5) Тайник кургана 17 . Старо Муштинского мог. 6.) Подъемный материал Рождественского V мог. 7) Погр. 75 Рождественского мог. 8) Погр. 5 Суворовского мог.

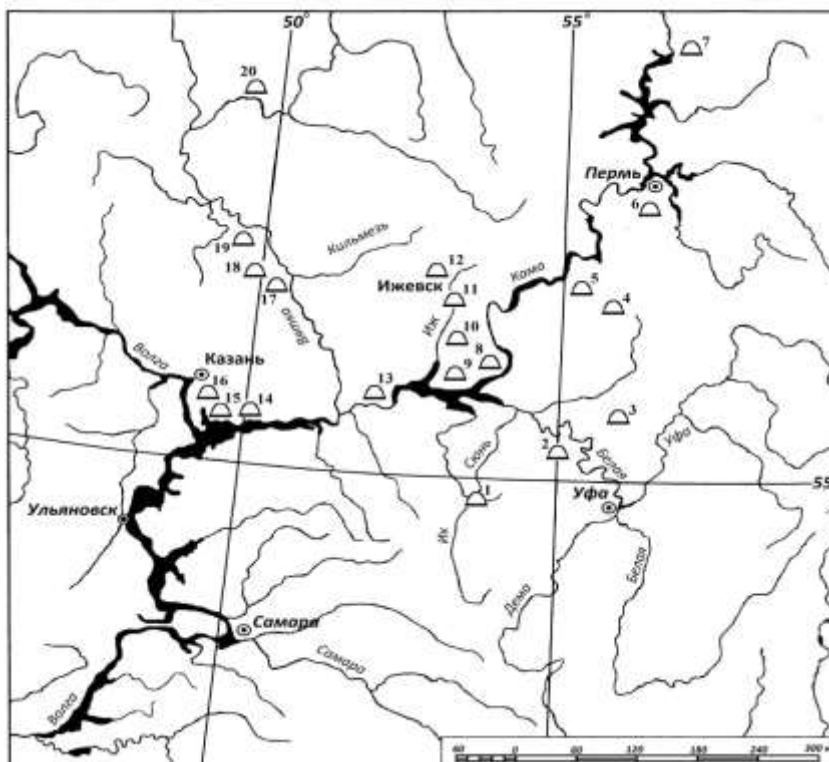

Рисунок 65. Карта распространения мечей с рукоятями раздела А.

1) Ново Сасыкульский мог. 2) Кушелевский III мог. 3) Старо Муштинский мог. 4) Красноярский мог. 5) Кудашевский мог. 6) Мокинский мог. 7) Большевисимский мог. 8) Тарасовский мог. 9) Мог. Чеганда II 10) Дубровский мог. 11) Ижевский мог. 12) Покровский мог. 13) Тураевский мог. 14) Усть Брыскинский мог. 15) Рождественский V мог. 16) Нармонский мог. 17) Азелинский мог. 18) Мог. Тюм Тюм 19) Суворовский мог. 20) Первомайский мог.

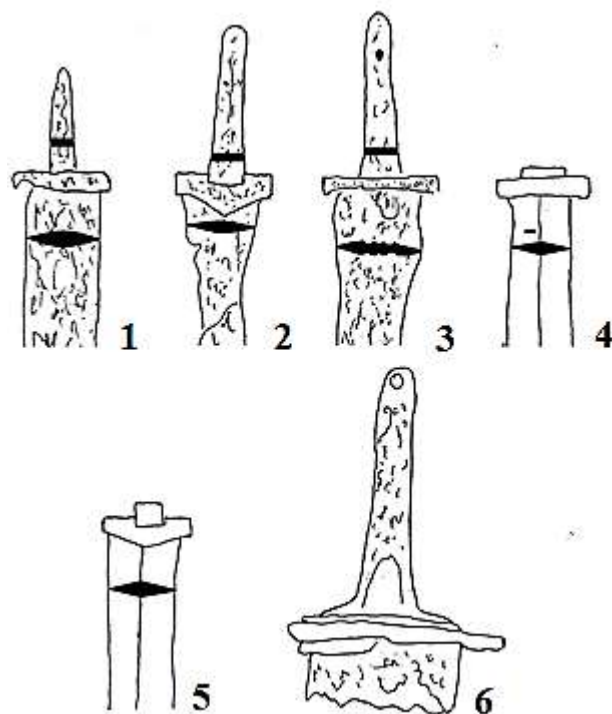

Рисунок 66. Рукоятей мечей раздела Б.

1) Погр. 2 В курган 25 Бродовского мог. 2) Погр. 306 Кушулевого мог. 3) Погр. 81 Мокинского мог. 4) Погр. 361 Ново – Сасыкульского мог. 5) Подъёмный материал кв.19 /С. Ново –Сасыкульского мог. 6) Погр. 23 Митинского мог.

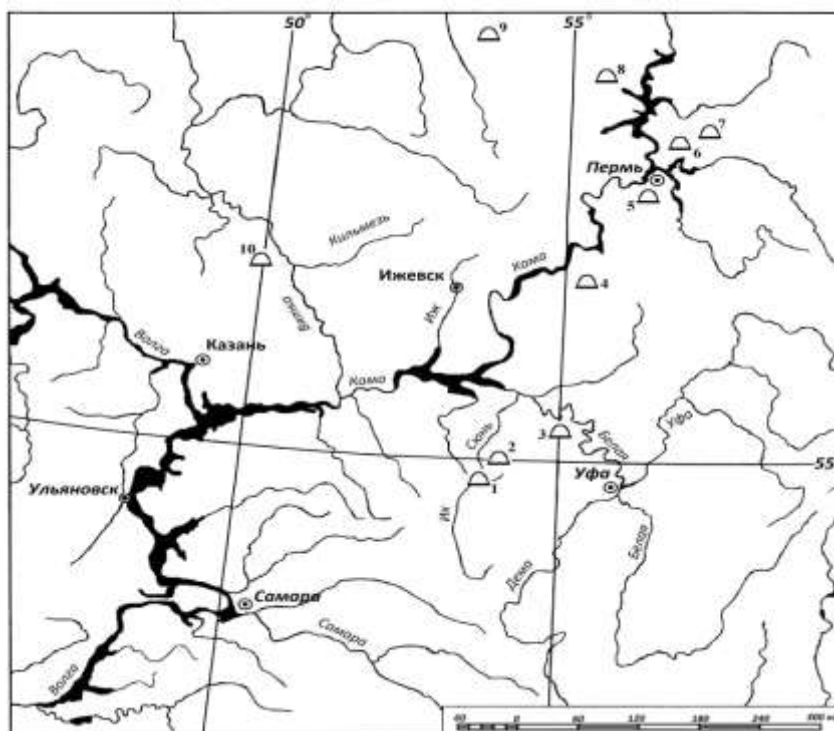

Рисунок 67. Рисунок 59. Карта распространения мечей с рукоятями раздела Б.

1)Ново Сасыкульский мог 2) Камышлы Такманский мог. 3) Кушулевский III мог. 4) Кудашевский мог. 5) Мокинский мог. 6) Калашниковский мог. 7) Бродовский мог. 8) Бурковский мог. 9) Митинский мог. 10) Мог. Тюм Тюм

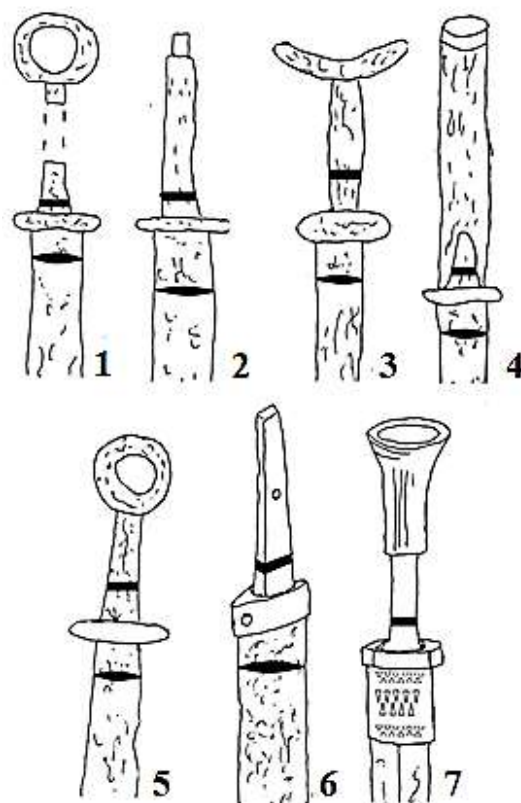

Рисунок 68. Рукояти мечей раздела Г.

1) Погр. 346 Ново Сасыкульского мог. 2) Погр. 4 курган 24 Бродовского мог. 3) Подъемный материал Красноярского мог. 4) Погр. 17 Нивского мог. 5) Погр. 152 мог. Нырганда II. 6) Погр. 30 Суворовского мог. 7) Курган 5 Тураевского мог. 8) Погр. 26 мог. Чеганда 2.

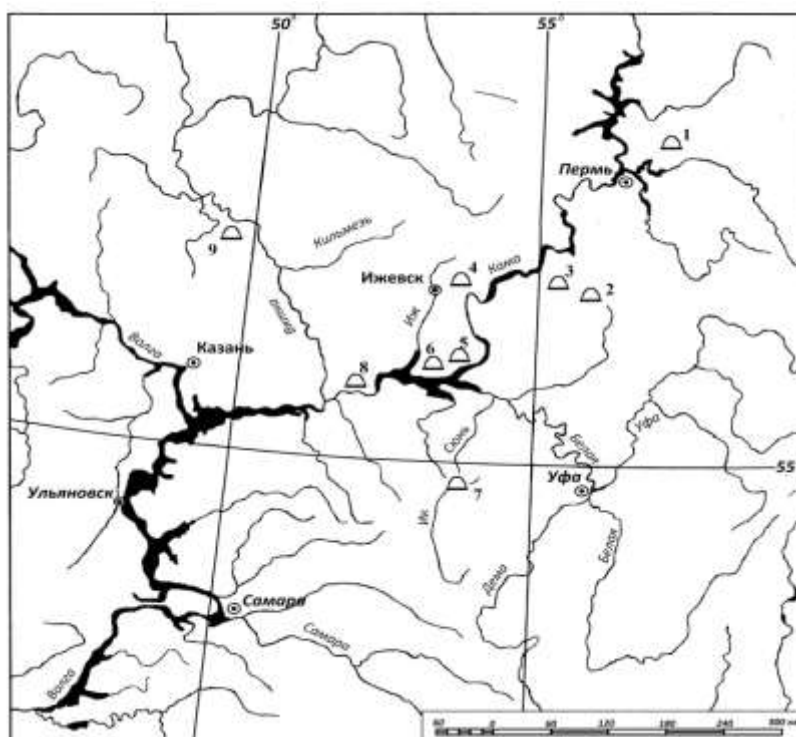

Рисунок 69. Карта распространения мечей с рукоятями раздела Г.

1) Бродовский мог. 2) Кудашевский мог. 3) Красноярский мог. 4) Нивский мог. 5) Мог. Нырганда II 6) Мог. Чеганда II 7) Ново Сасыкульский мог. 8) Тураевский мог. 9) Суворовский мог.

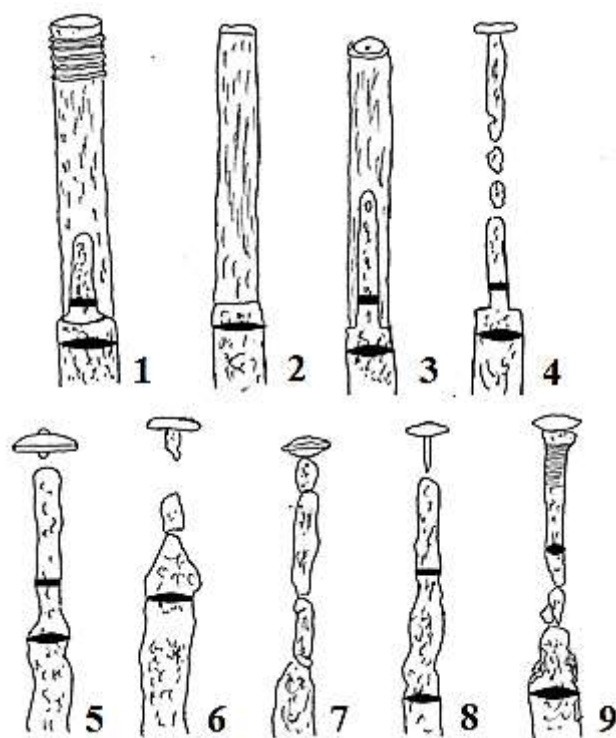

Рисунок 70. Рукояти мечей раздела В.

- 1) Погр. 16 Ижевского мог. 2) Погр. 117 Рождественского мог. 3) Погр. 19 Нармонского мог. 4) Погр. 1 Суворовского мог. 5) Погр. 4 Тарасовского мог. 6) Погр. 765 А Тарасовского мог. 7) Погр. 765 Б Тарасовского мог. 8) Погр. 782 Тарасовского мог. 9) Погр. 171 Тураевского мог.

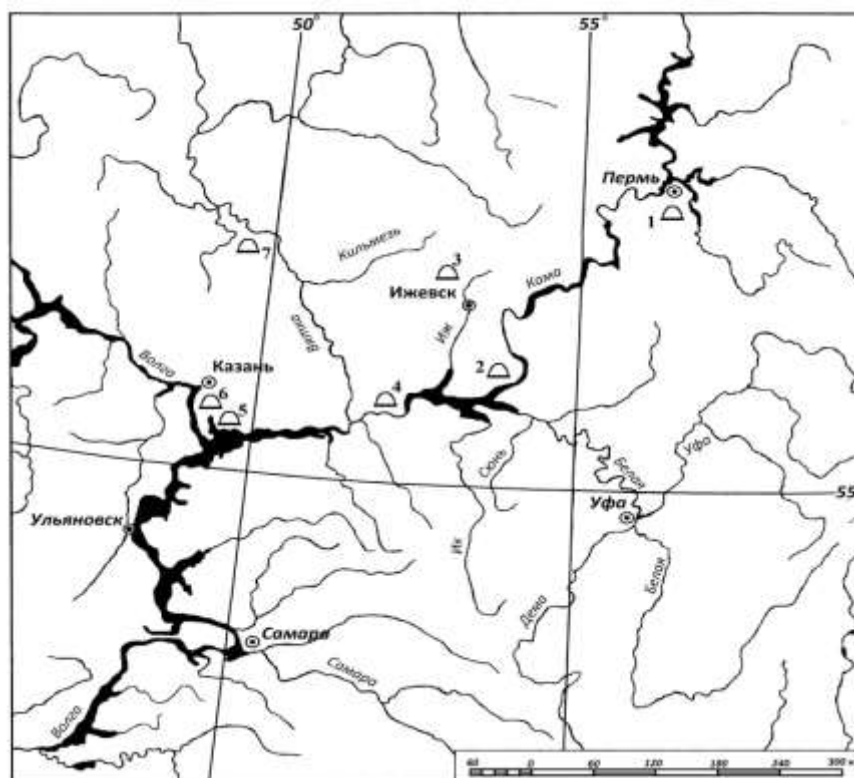

Рисунок 71. Карта распространения мечей с рукоятями раздела В.

- 1) Мокинский мог. 2) Тарасовский мог. 3) Покровский мог. 4) Тураевский мог. 5) Рождественский V мог. 6) Нармонский мог.

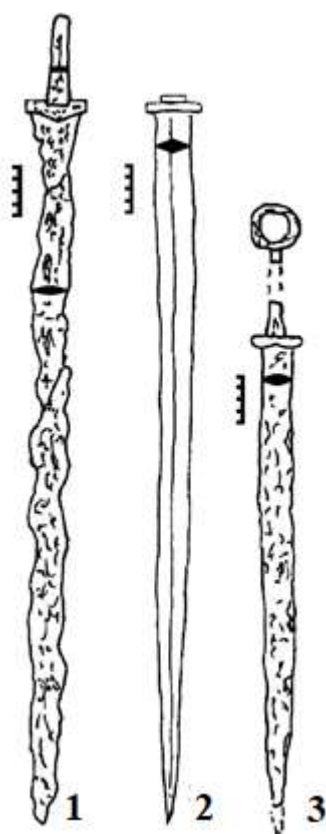

Рисунок 72. Мечи эталонной группы 1 (I–II вв.)

1) Погр. 306 Кушелевского III мог. 2) Погр. 361 Ново Сасыкульского мог. 3) Погр. 346 Ново Сасыкульского мог

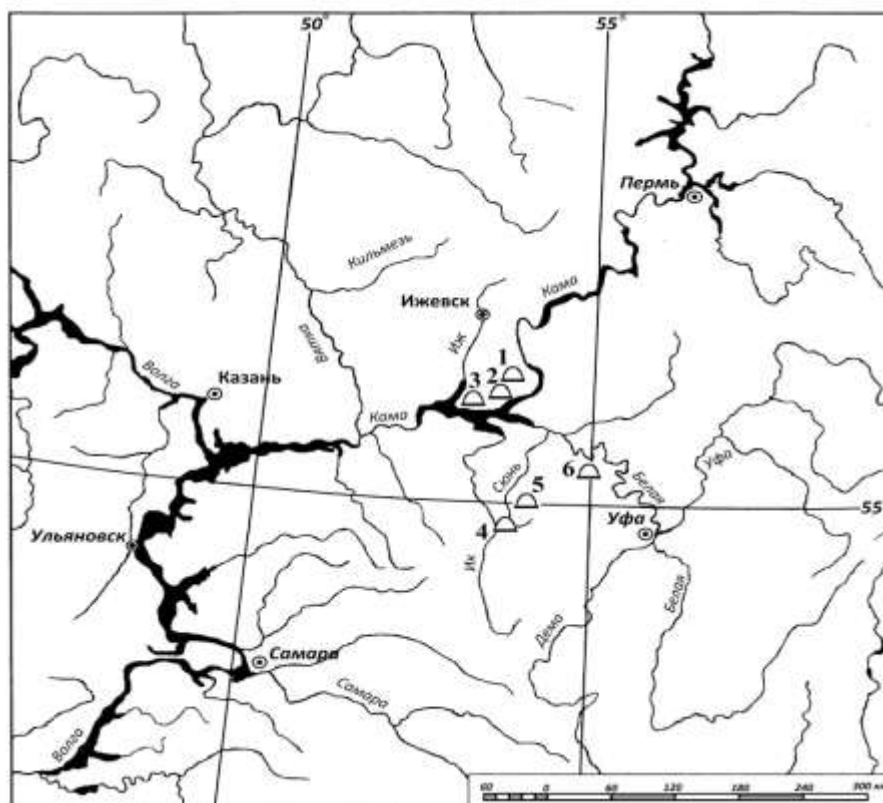

Рисунок 73. Карта распространения мечей в I–II вв. н.э.

1) Тарасовский мог. 2) Мог. Нырганда II 3) Мог. Нырганда II 4) Ново Сасыкульский мог. 5) Камышлы Такманский мог. 6) Кушулевский III мог.

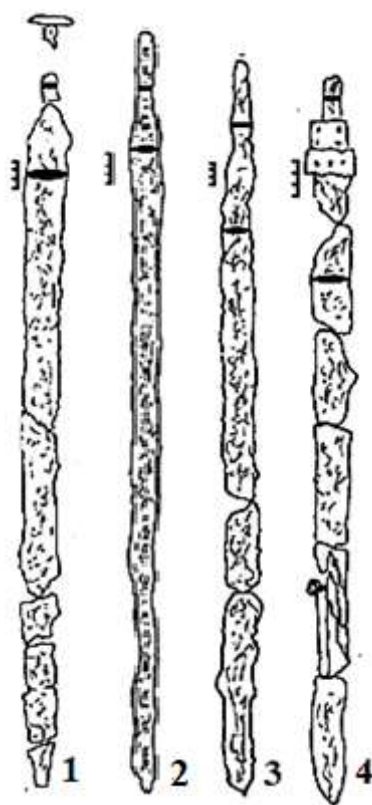

Рисунок 74. Мечи эталонной группы 2. (III в.)

- 1) Погр. 4 Тарасовского мог. 2) Погр. 131 А Тарасовского мог. 3) Погр. 782 Тарасовского мог. 4) Погр. 790 Тарасовского мог.

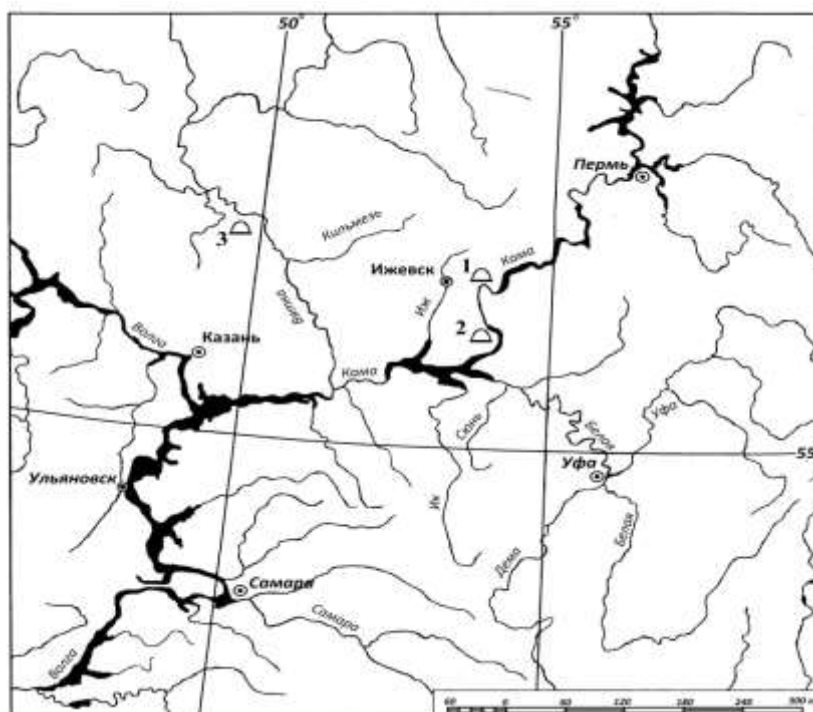

Рисунок 75. Карта распространения мечей в III в. н.э.

- 1) Нивский мог. 2) Тарасовский мог. 3) Ошкинский мог.

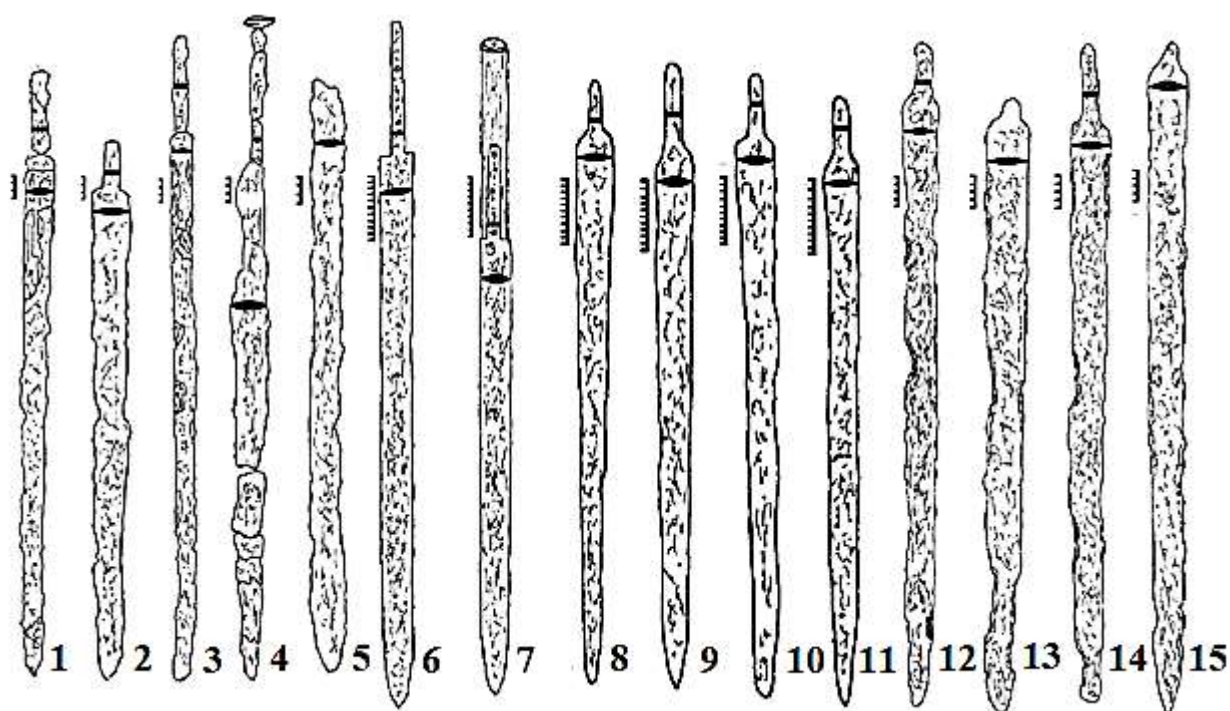

Рисунок 76. Мечи эталонной группы 3. (IV в. (без последней четверти века))

- 1) Погр. 60 Тарасовский мог. 2) Погр. 129 Тарасовский мог. 3) Погр. 199 Тарасовский мог. 4) Погр. 765 б Тарасовский мог. 5) Погр. 1779 Тарасовский мог. 6) Погр. 5 Суворовского мог. 7) Погр. 19 Нармонского мог. 8) Погр. 76 мог. Тюм Тюм 9) Погр. 94 В мог. Тюм Тюм 10) Погр. 94 Б мог. 11) Погр. 94 А мог. 12) Погр. 26 Покровский мог. 13) Погр. 115 Покровский мог. 14) Погр. 261 Покровский мог. 15) Погр. 289 Покровский мог.

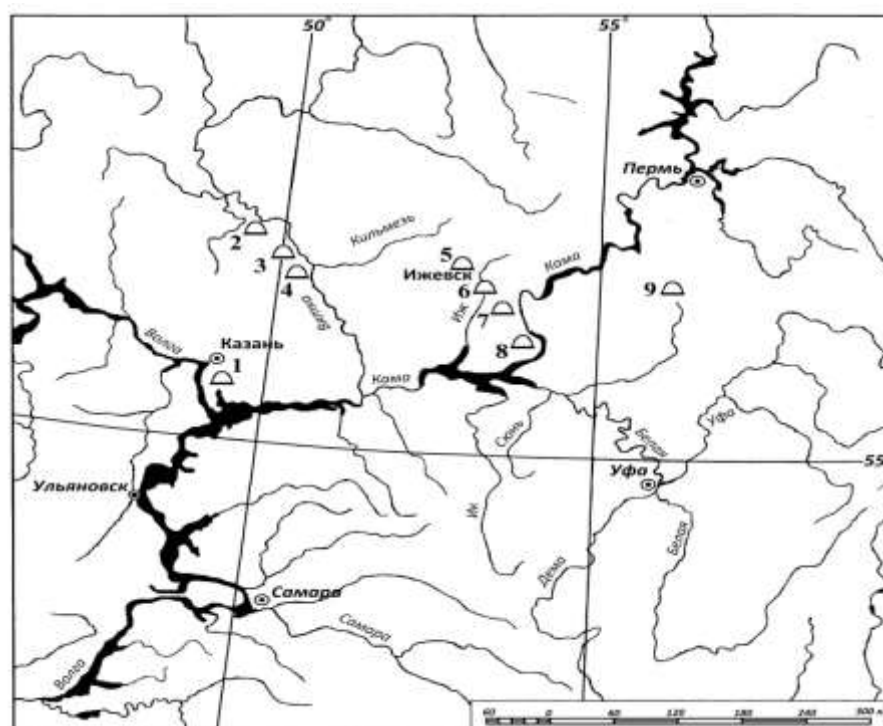

Рисунок 77. Карта распространения мечей в IV в. н.э.

- 1) Нармонский мог. 2) Суворовский мог. 3) Мог. Тю Тюм 4) Азелинский мог. 5) Покровский мог. 6) Ижевский мог. 7) Усть Сарапульский мог. 8) Тарасовский мог. 9) Красноярский мог.

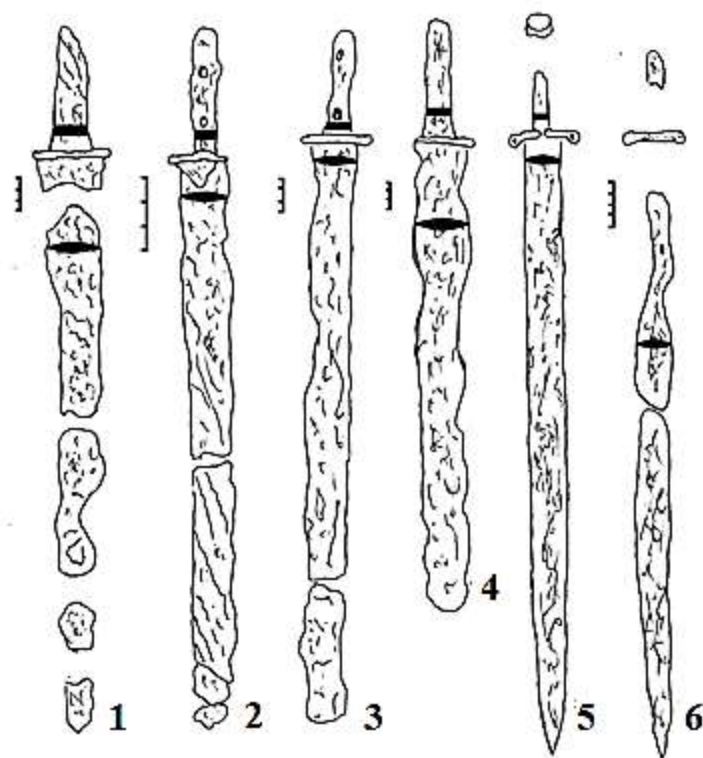

Рисунок 78. Мечи эталонной группы 4. (Вторая половина IV–V вв.)

- 1) Погр. 6 Кудашевский мог. 2) Погр. 7 Кудашевский мог. 3) Погр. 16 Кудашевский мог. 4) Погр. 160 Кудашевский мог 5) Курган 1 погр 1 Тураевский мог. 6) Курган 25 погр. 1 Бродовский мог.

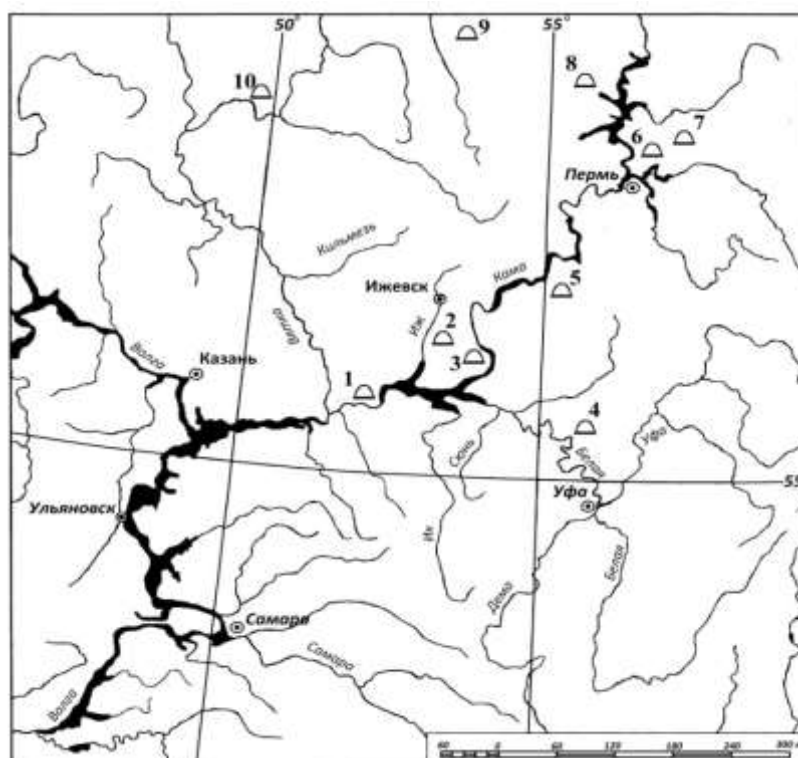

Рисунок 79. Карта распространения мечей в конце IV–V вв. н.э.

- 1) Тураевский мог. 2) Дубровский мог. 3) Тарасовский мог. 4) Старо Муштинский мог. 5) Кудашевский мог. 6) Калашниковский мог. 7) Бродовский мог. 8) Бурковский мог. 9) Митинский мог. 10) Первомайский мог.

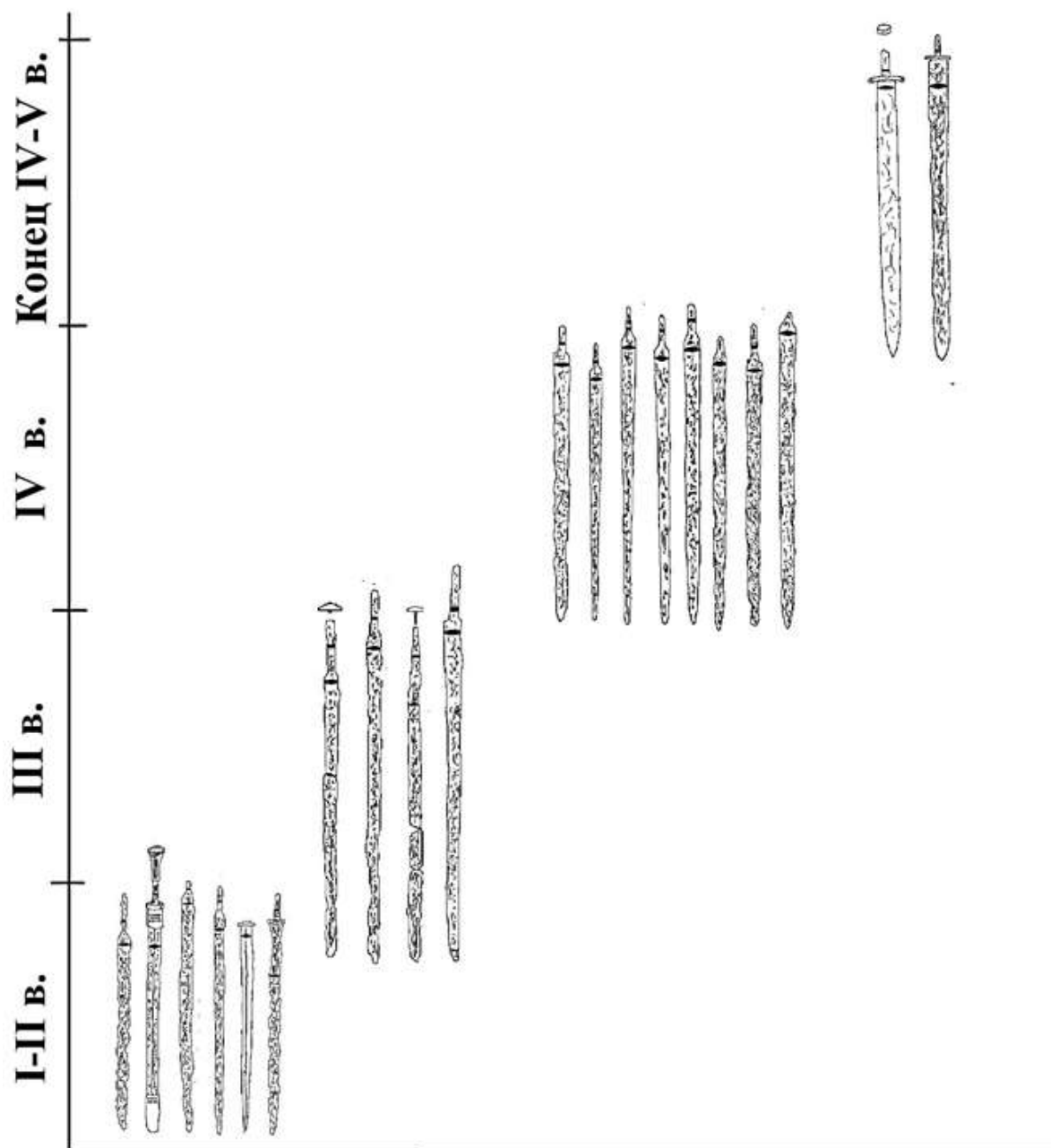

Рисунок 80.

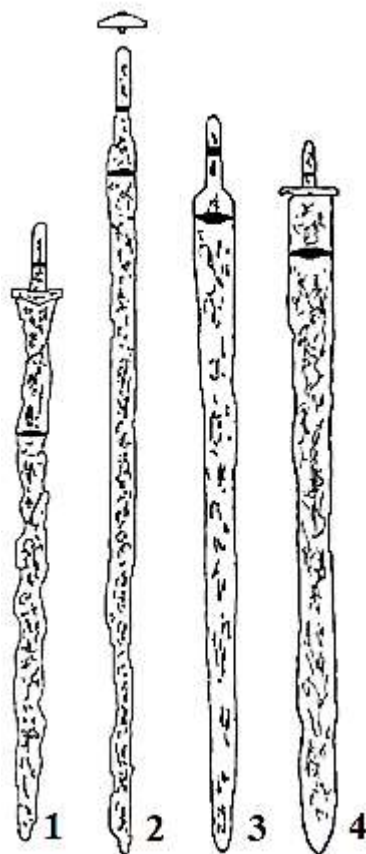

Рисунок 81. Типы мечей.

1) Тип 1 2) Тип 2 3) Тип 3 4) Тип 4.

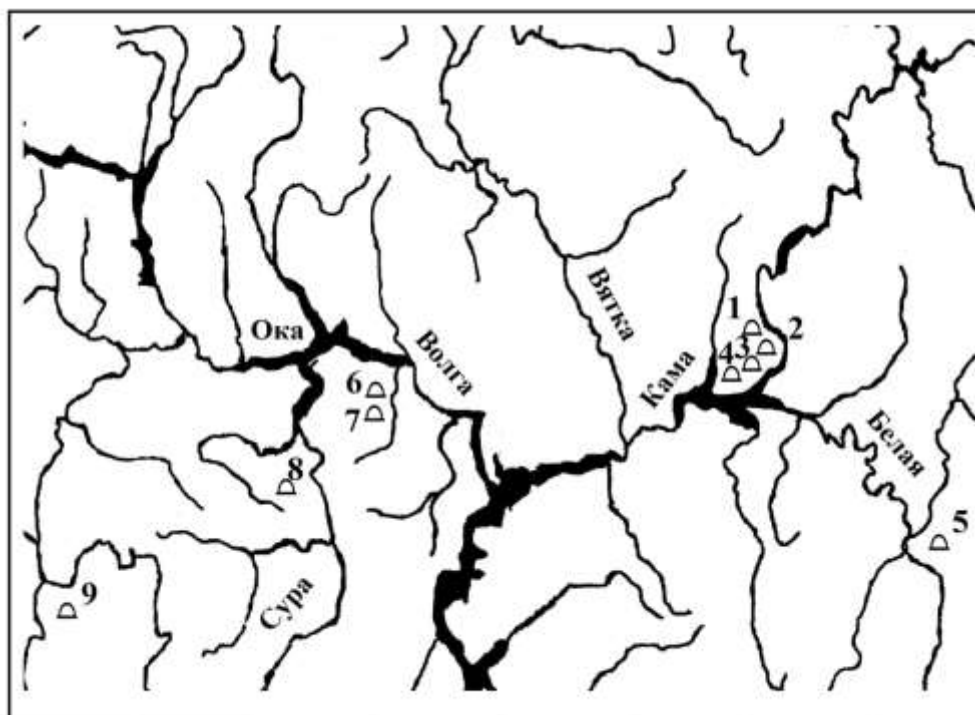

Рисунок 82. Карта распространения палашей в Волго – Камском междуречье.

1) Афонинский мог. 2) Тарасовский мог. 3) Мог. Нырганда II 4) Мог. Чеганда II 5) Охлебнинский мог. 6) Писеральский мог. 7) Климовский мог. 8) Андреевский курган 9) Кошебеевский мог

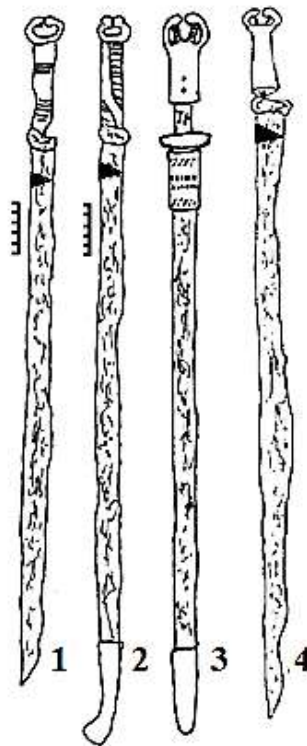

Рисунок 83. Палаши конструктивной группы 1.

- 1) Погр. 133 Афонинского мог. [Зубов, 2007. Рис. 3–5] 2) Погр. 143 Афонинского мог. [Зубов, 2007. Рис. 3–6]. 3) Погр. 7 мог. Чеганда II [Генинг, 1971. Табл. XI. –1]. 4) Погр. 71 мог. Нырганда II [Генинг, Одинцов, 1968. С. 9].

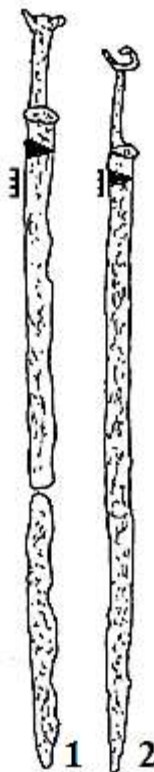

Рисунок 84. Палаши конструктивной группы 2.

- 1) Погр. 733 Тарасовского мог. [Голдина, 2003. Т. II. Табл. 325–19] 2) Погр. 1317 Тарасовского мог. [Голдина, 2003, Т. II. Табл. 509 – 10]

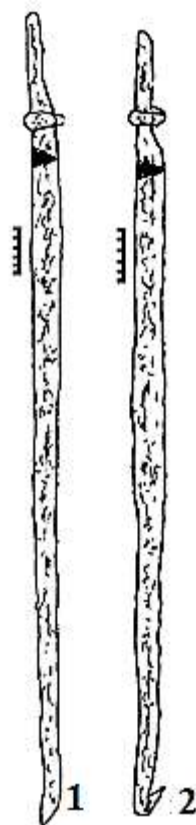

Рисунок 85. Палаши конструктивной группы 3.

1) Погр. 230 Охлебнинский мог. [Зубов, 2007. Рис. 4–5]. 2) Погр. 502 Охлебнинский мог. [Зубов, 2007. Рис. 4–6].

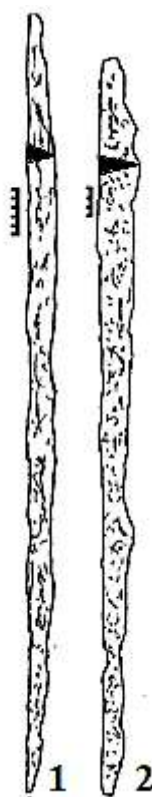

Рисунок 86. Палаши конструктивной группы 4.

1) Погр. 210 Охлебнинского мог. [Зубов, 2007. Рис. 3–6]. 2) Погр. 1297 Тарасовского мог. [Голдина, 2003, Т. II. Табл. 325–19].

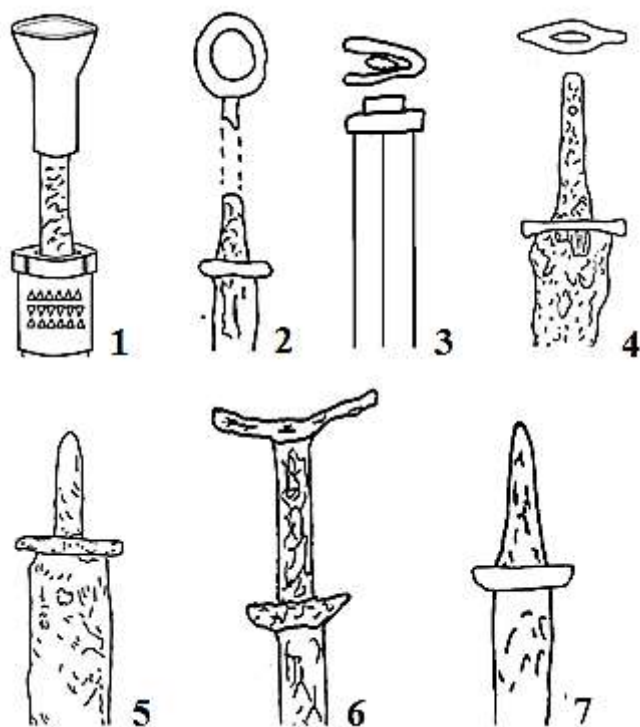

Рисунок 87. Рукояти мечей с перекрестиями группы А.

1) Погр. 26 мог. Чеганда II 2) Погр. 346 Ново Сасыкульского мог. 3) Погр. 361 Ново Сасыкульского мог. 4) Погр. 81 Мокинского мог. 5) Погр. Курган Бродовского мог. 6) Красноярский мог. (подъёмный материал) 7) Погр. 17 Нивского мог.

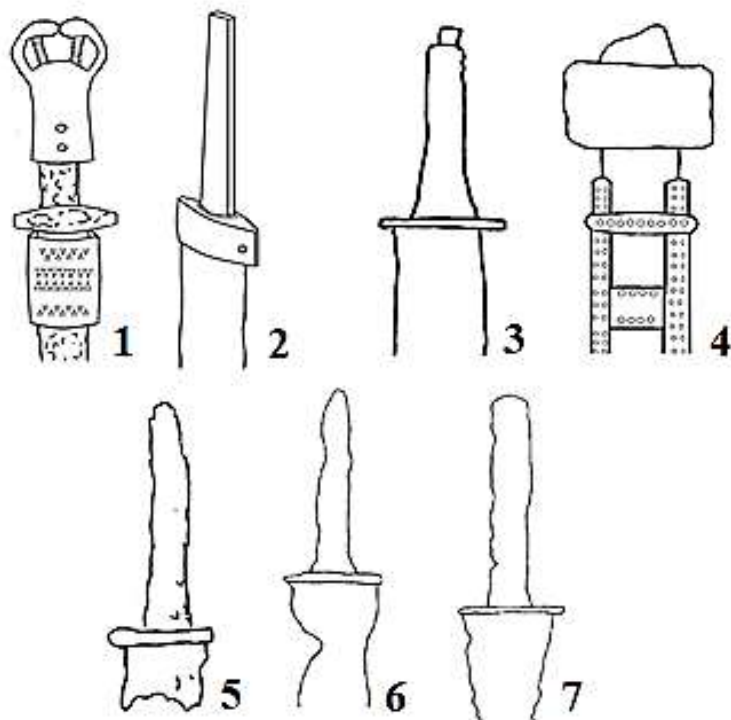

Рисунок 88. Мечи рукояти, которых снабжены перекрестиями группы А.

1) Погр. 7 мог. Чеганда II. 2) Погр. 30 Суворовский мог. 3) Погр. 4 курган 24 Бродовский мог. 4) Погр. 36 мог. Тюм Тюм. 5) Погр. Кудашевского мог. 6) Погр. Кудашевского мог.

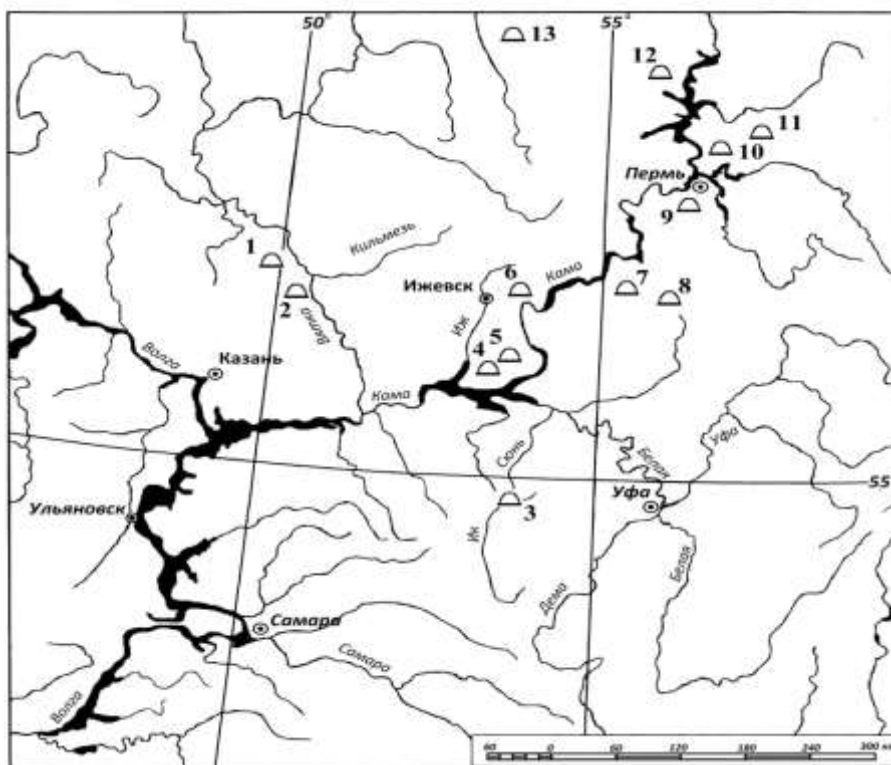

Рисунок 89. Карта распространения мечей с перекрестиями группы А.

- 1) Мог. Тюм Тюм 2) Азелинский мог. 3) Ново Сасыкульский мог. 4) Мог. Чеганда II 5) Мог. Нырганда II 6) Нивский мог. 7) Кудашевский мог. 8) Красноярский мог. 9) Мокинский мог. 10) Калашниковский мог. 11) Бродовский мог. 12) Бурковский мог. 13) Митинский мог.

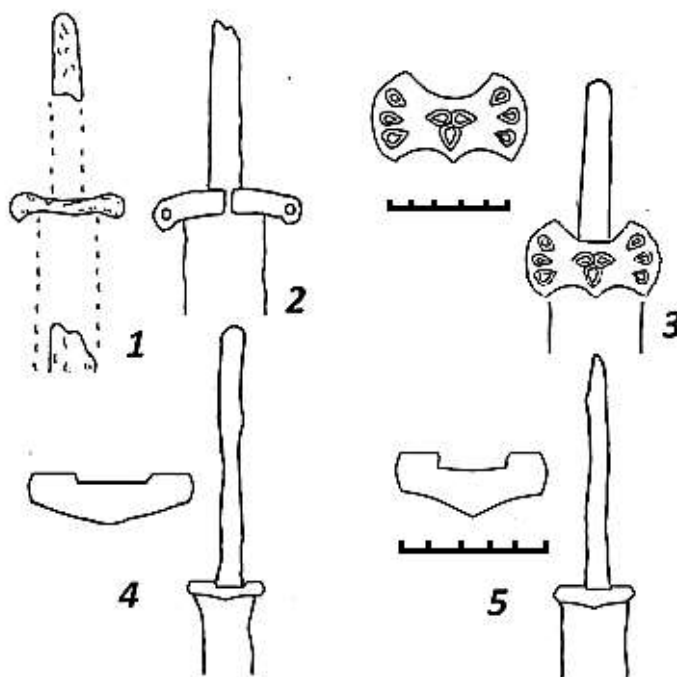

Рисунок 90. Рукояти мечей с перекрестиями группы Б.

- 1) Погр. 1 кургана 1 Бродовского мог. 2) Погр. 1, кургана 1 Тураевского мог. 3) Погр.. 260 Ново Сасыкульского мог. 4) Погр. 8 Кипчаковского I мог. 5) Погр. 68 Камышлы Такманского мог

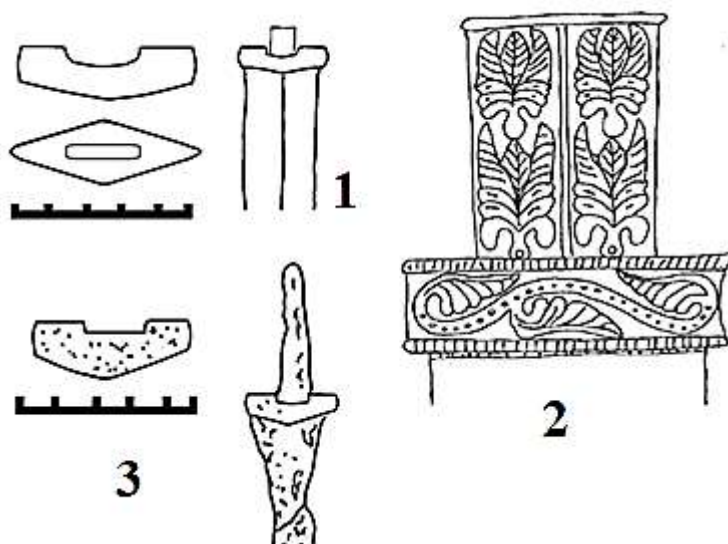

Рисунок 91. Рукояти мечей с перекрестиями группы Б.

1) Подъёмный материал кв. 19 /С. Ново Сасыкульского мог. 2) Курган 5 Тураевского мог. 3) Погр. 306 Кушулевского III мог.

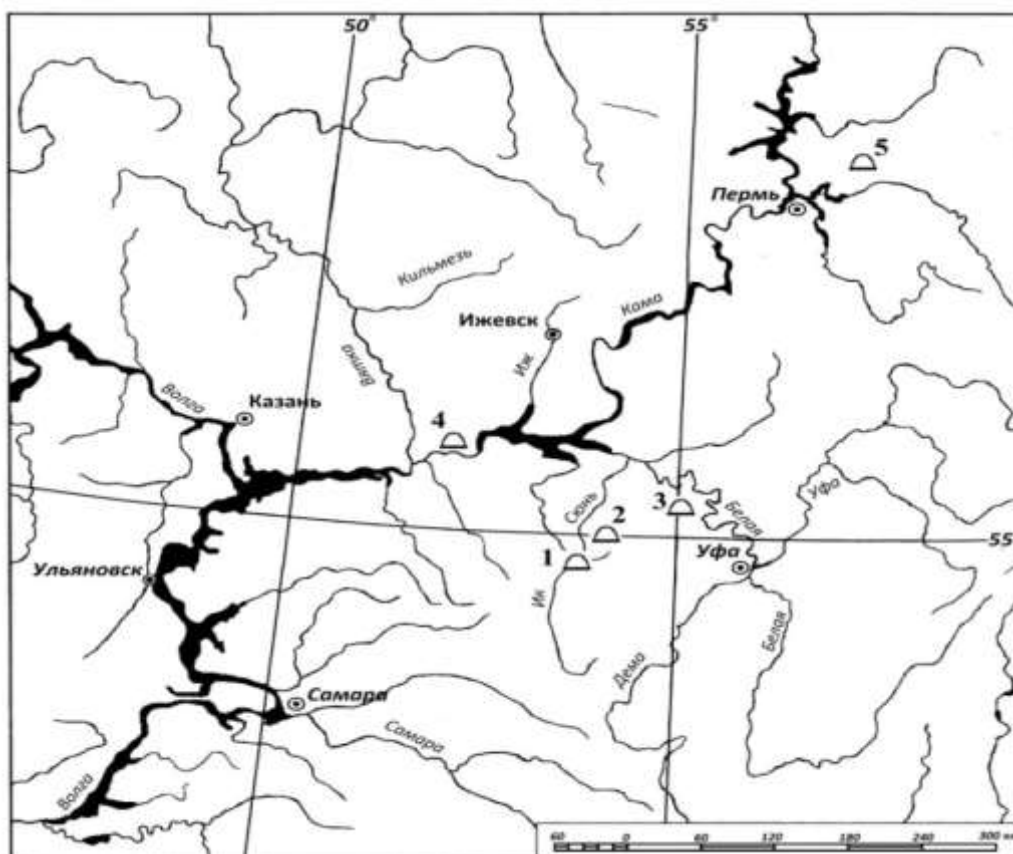

Рисунок 92. Карта распространения мечей с перекрестиями группы Б

1) Ново Сасыкульский мог. 2) Камышлы Такманский мог. 3) Кушулевский III мог. 4) Тураевский мог. 5) Бродовский мог.

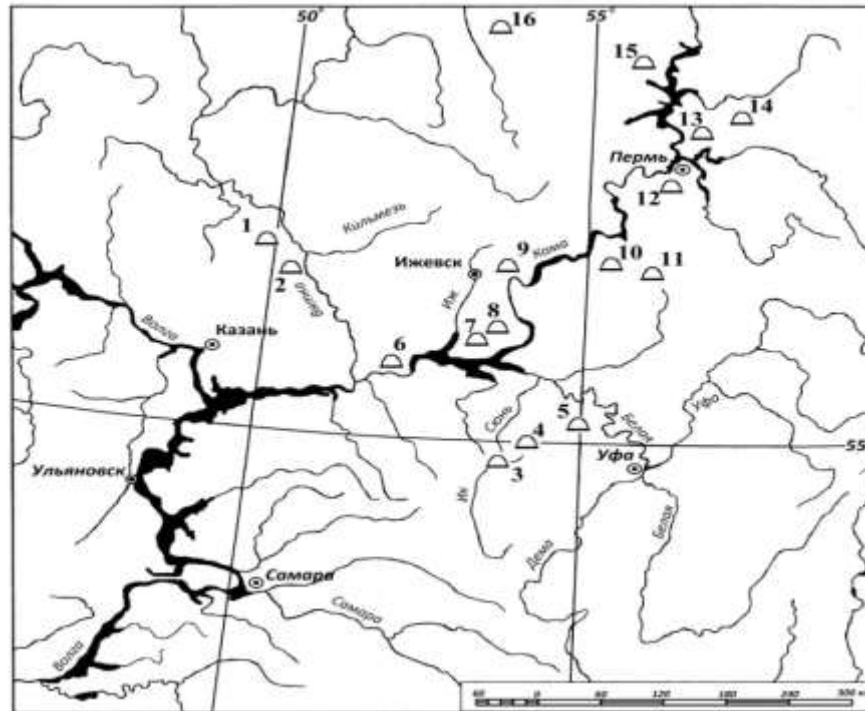

Рисунок 94. Карта распространения мечей рукояти, которых снабжались перекрестиями.

- 1) Мог. Тюм Тюм 2) Азелинский мог. 3) Ново Сасыкульский мог. 4) Камышлы Такманский мог. 5) Кушулевский III мог. 6) Тураевский мог. 7) Мог. Чеганда II 8) Мог. Нырганда II 9) Нивский мог. 10) Кудашевский мог. 11) Красноярский мог. 12) Мокинский мог. 13) Калашиковский мог. 14) Бродовский мог. 15) Бурковский мог. 16) Митинский мог.

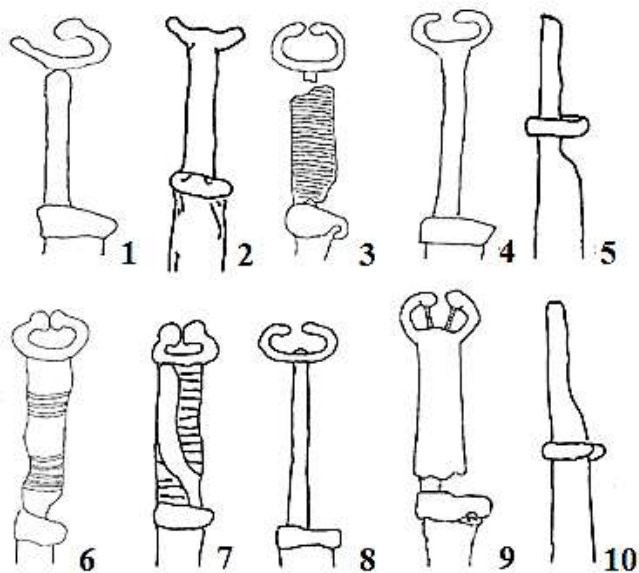

Рисунок 93. Палаши с перекрестиями группы В.

- 1) Погр. 1317 Тарасовского мог. 2) Погр. 733 Тарасовского мог. 3) Погр. 79 мог. Нырганда II. 4) Погр. 78 мог. Нырганда II. 5) Погр. 502 Охлебнинского мог. 6) Погр. 133 Афониного мог. 7) Погр. 143 Афониного мог. 8) Погр. 71 мог. Нырганда II. 9) Погр. 79 мог. Нырганда II 10) Погр. 230 Охлебнинского мог

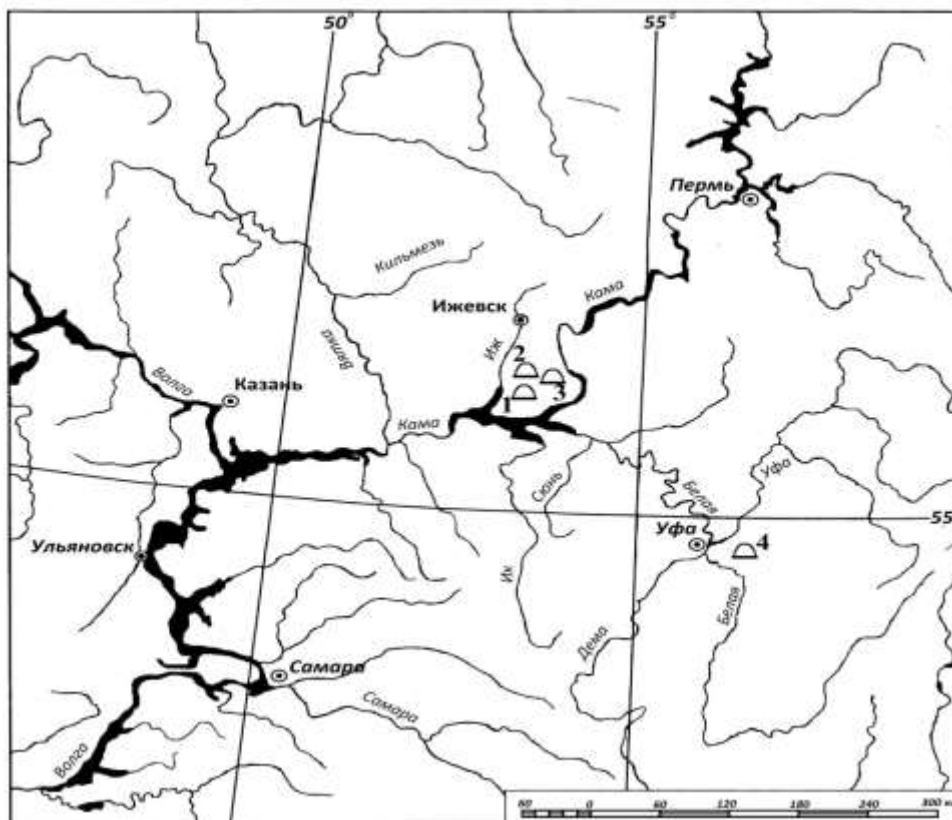

Рисунок 96. Карта распространения палашей с перекрестиями группы В.

1) Мог. Чеганда II 2) Афонинский мог. 3) Тарасовский мог. 4) Охлебнинский мог.

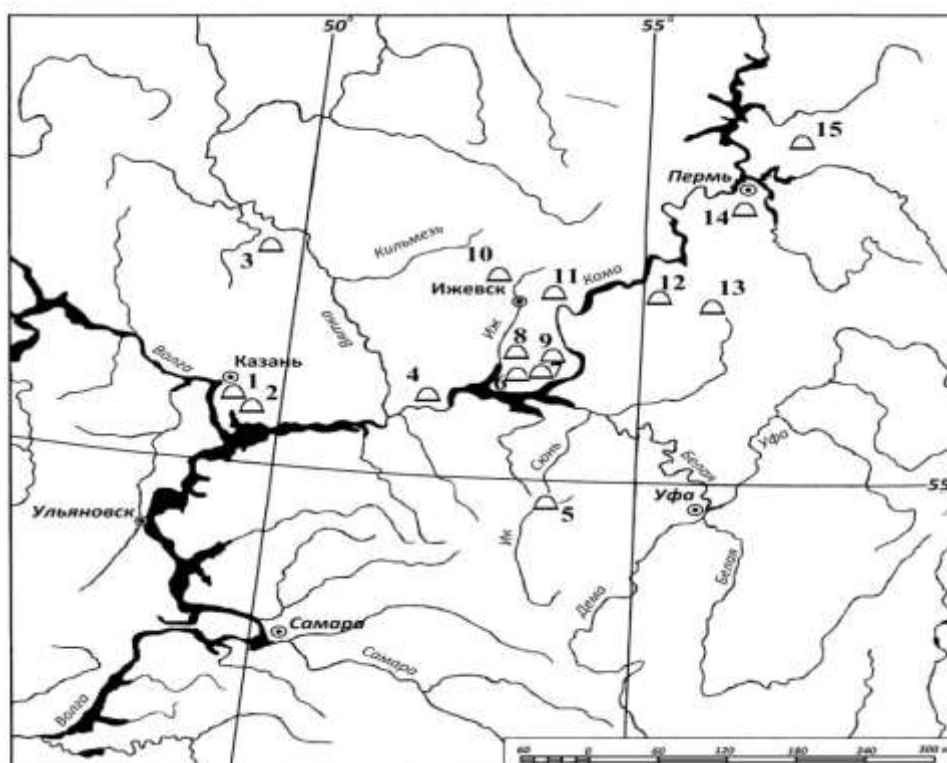

Рисунок 97 . Карта распространения мечей с наконечниками.

1) Нармонский мог. 2) Рождественский V мог. 3) Суворовский мог. 4) Тураевский мог. 5) Ново Сасыкульский мог. 6) Мог. Чеганда II 7) Мог. Нырганда II 8) Афонинский мог. 9) Тарасовский мог. 10) Покровский мог. 11) Нивский мог. 12) Кудашевский мог. 13) Красноярский мог. 14) Мокинский мог. 15) Бродовский мог

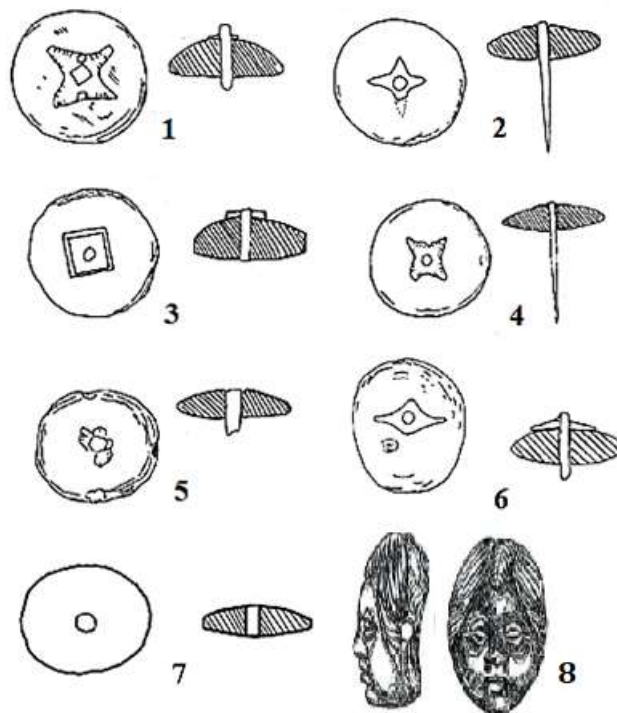

Рисунок 98. Навершия группы 1.

1) Погр. 4 Тарасовского мог. [Голдина, 2003. Т. II. Табл. 2–26] 2) Пор. 765 А Тарасовского мог. [Голдина, 2003. Т. II. Табл. 330–6] 3) Погр. 765 Б Тарасовского мог. [Голдина, 2003. Т. II. Табл. 332–8] 4) Погр. 782 Тарасовского мог. [Голдина, 2003. Т. II. Табл. 339–2.] 5) Погр. 1685 Тарасовского мог. [Голдина, 2003. Т. II. Табл. 618–.34] 6) Погр. 5 Кудашевского мог [Казанцева, 2004. Рис. 1–3] 7) Погр. 160 Кудашевского мог. [Казанцева, Нагиев, 2017. Рис. 3–4] 8) Погр. 98 Мокинский мог. [Колобов и др., 2000. Рис. 2]

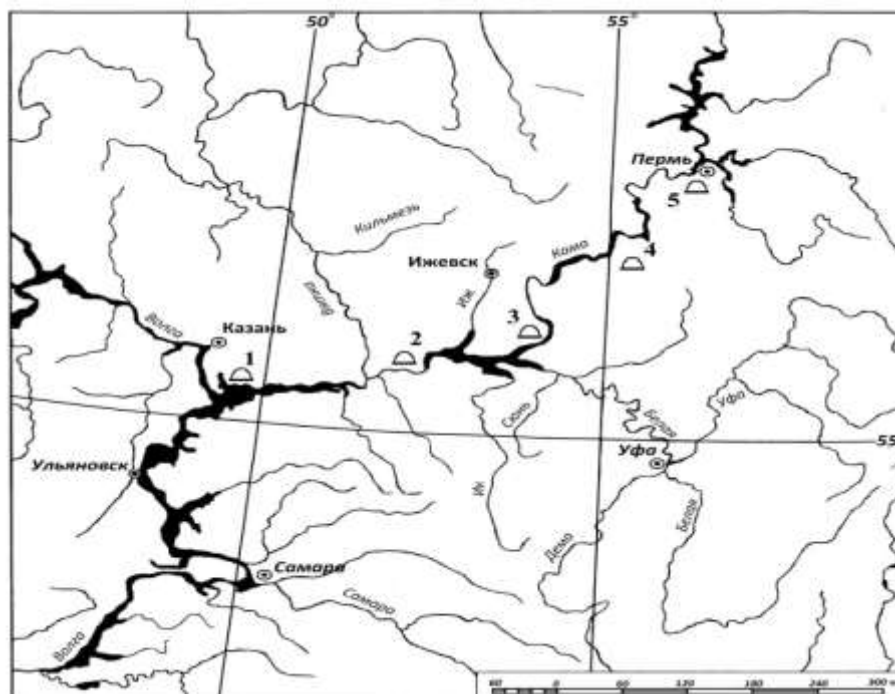

Рисунок 99. Карта распространения мечей с халцедоновыми навершиями и навершиями дискообразной формы.

1) Рождественский V мог. 2) Тураевский мог. 3) Тарасовский мог. 4) Кудашевский мог. 5) Мокинский мог.

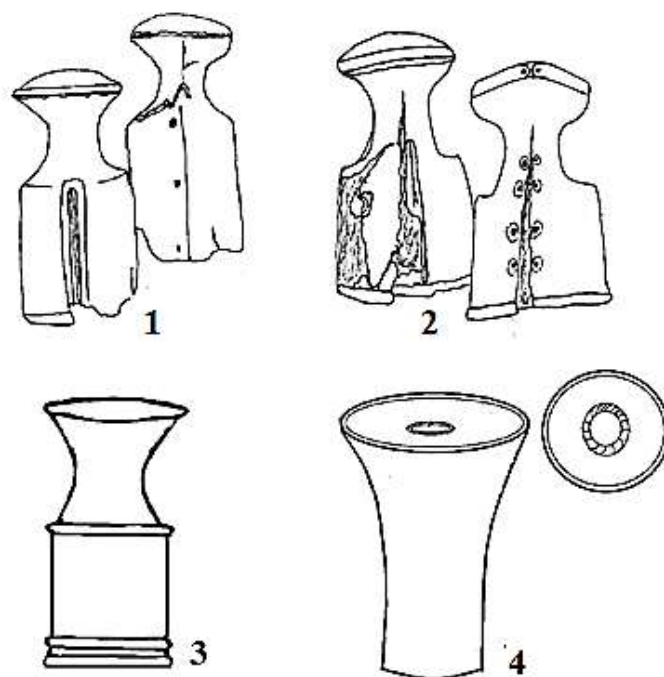

Рисунок 100. Навершия группы 4.

- 1) Погр. 10 Кудашевский мог. [Казанцева, 1991. Рис. 20]. 2) Погр. 6 Кудашевский мог. [Казанцева, 2004. Рис. 1–5]. 3) Курган 5 Тураевский мог. [Генинг, 1962. Рис. 30]. 4) Погр. 26 мог. Чеганда II [Генинг, 1971. Табл. XI–7].

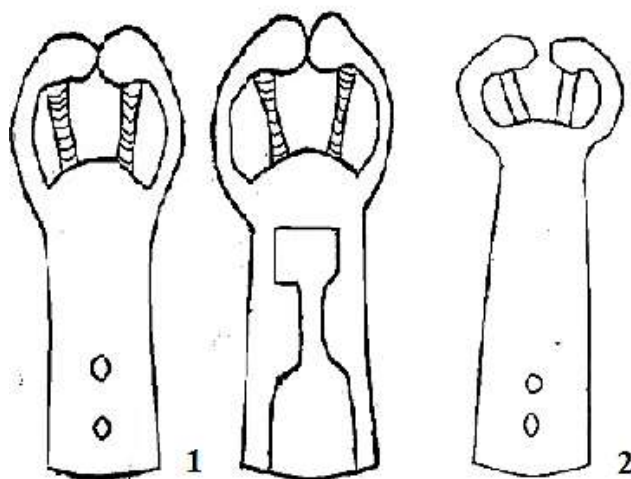

Рисунок 101. Навершия группы 5.

- 1) Погр. 7 мог. Чеганда II [Генинг, 1971. Табл. XI–1] 2) Погр. 71 мог. Нырганда II [Генинг, Одинцов, 1969. С. 25]

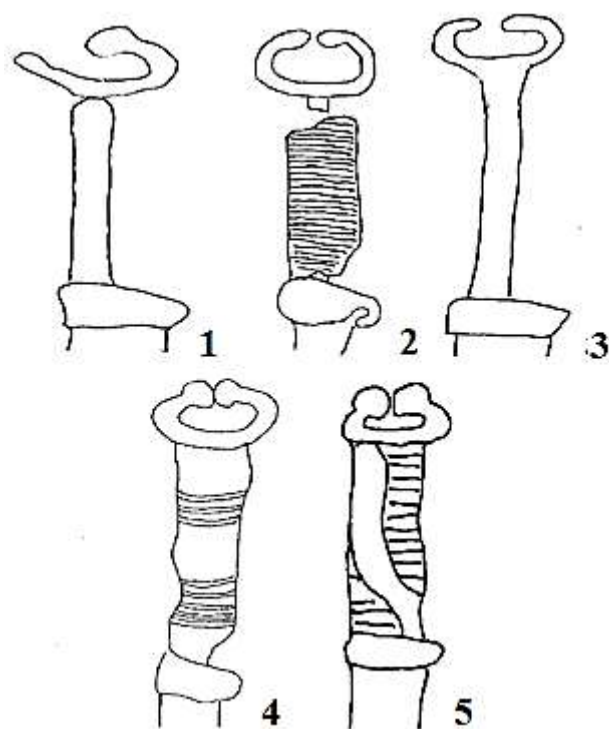

Рисунок 102. Навершия группы 7.

1) Погр. 1317 Тарасовского мог. [Голдина, 2004, Т. II. Табл. 509–10] 2) Погр. 79 мог. Нырганда II [Генинг, 1970, Табл. X–2] 3) Погр. 78 мог. Нырганда II [Генинг, 1970, Табл. III–9]. 4) Погр. 133 Афонинского мог. [Зубов, 2007. Рис. 3–5] 5) Погр. 143 Афонинского мог. [Зубов, 2007. Рис. 3–5]

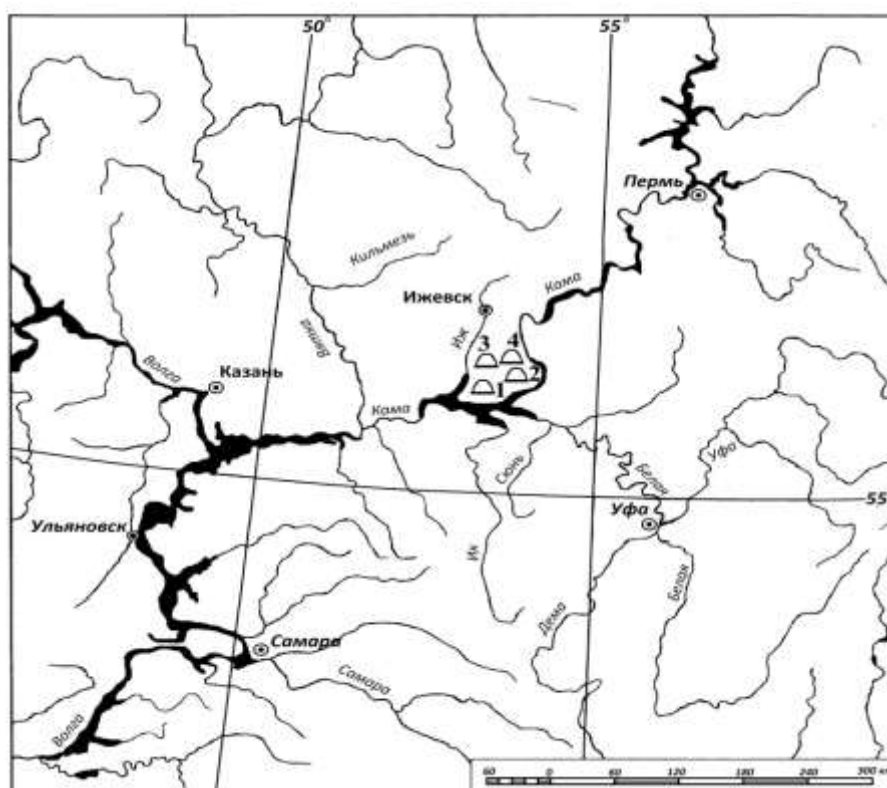

Рисунок 103. Карта распространения палашей с навершиями группы 7

1) Мог. Чеганда II 2) Мог. Нырганда II 3) Афонинский мог. 4) Тарасовский мог.

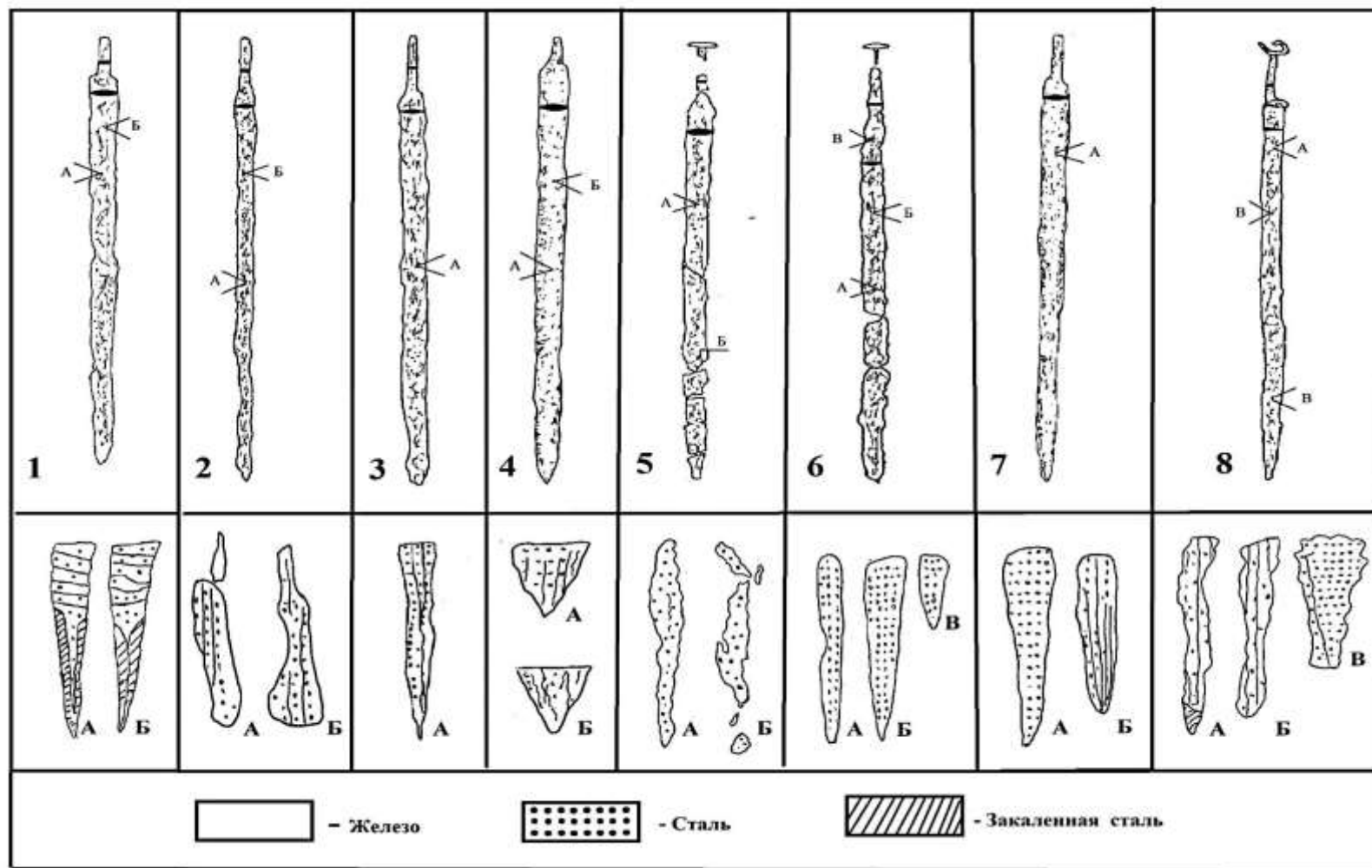

Рисунок 104. Технологические схемы изготовления длинноклинкового оружия.

- 1) Погр. 129 Тарасовского мог. [Голдина, Перевошиков, 2017. Рис. 2–6] 2) Погр. 131 А Тарасовского мог. [Голдина, Перевошиков, 2017. Рис. 1–7]
 3) Погр. 446 Тарасовского мог. [Голдина, Перевошиков, 2017. Рис. 1–8] 4) Погр. 608 Тарасовского мог. [Голдина, Перевошиков, 2017. Рис. 1–4] 5)
 Погр. 765 А Тарасовского мог. [Голдина, Перевошиков, 2017. Рис. 2–5] 6) Погр. 782 Тарасовского мог. [Голдина, Перевошиков, 2017. Рис. 1–9] 7)
 Погр. 1125 Тарасовского мог. [Голдина, Перевошиков, 2017. Рис. 1–5] 8) Погр. 1317 Тарасовского мог. [Голдина, Перевошиков, 2017. Рис. 1–3]

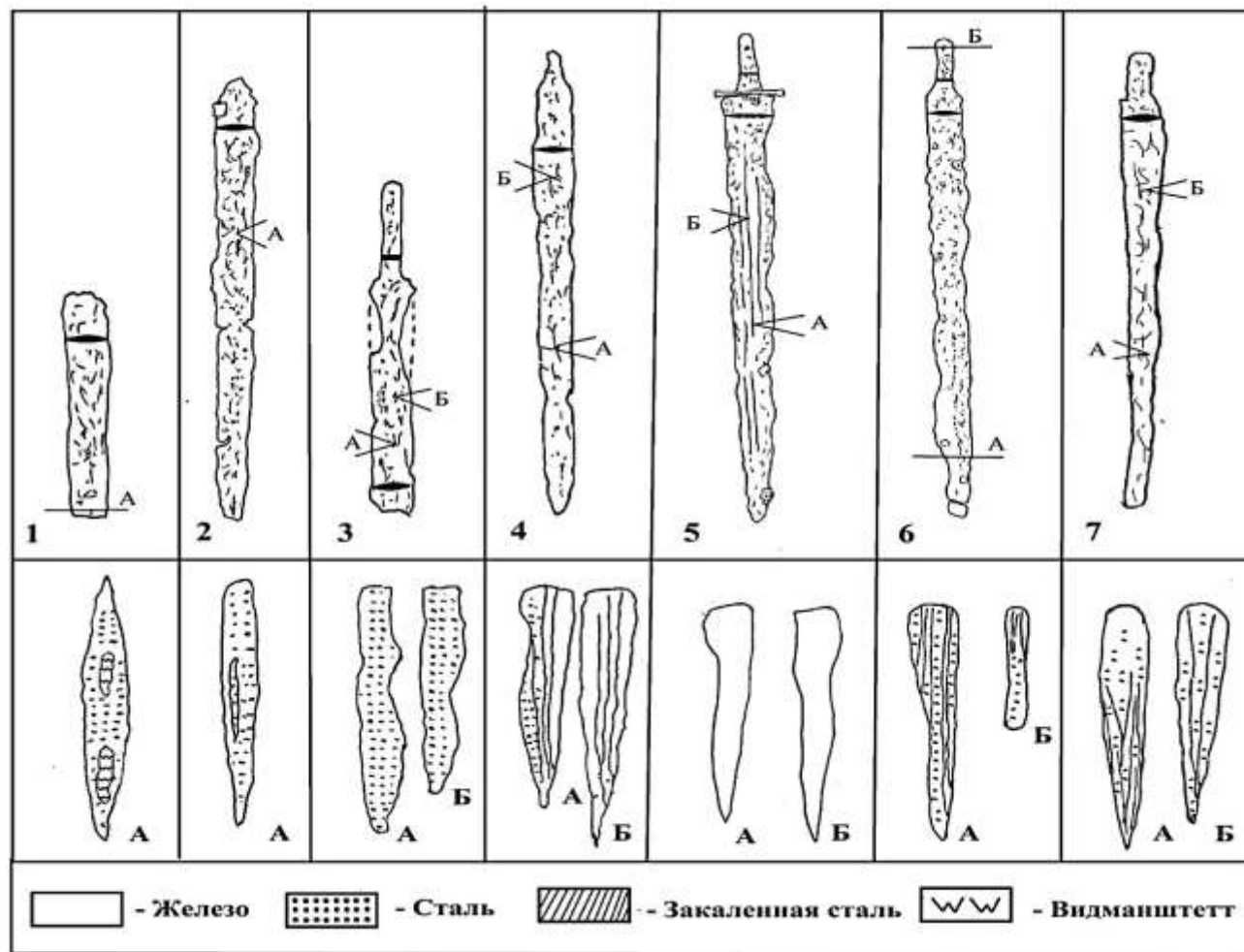

Рисунок 105. Технологические схемы изготовления мечей.

- 1) Погр. 1737 [Голдина, Перовошиков, 2017. Рис. 2–2] 2) Погр. 1772 Тарасовского мог. [Голдина, Перовошиков, 2017. Рис. 2–10]
 3) Подъёмный материал Тарасовский мог. [Голдина, Перовошиков, 2017. Рис. 2–15] 4) Подъёмный материал Тарасовский мог. [Голдина, Перовошиков, 2017. Рис. 2–15] 5) Погр. 81 Мокинский мог. [Завьялов, 2005. Рис. 37] 6) Погр. 105 Мокинский мог. [Завьялов, 2005. Рис. 37]. 7) Погр. 2 кургана 4 Калашниковского мог. [Завьялов, 2005. Рис. 37]

Таблица 4. Результаты металлографического исследования длинноклинкового оружия

№	Памятник	Способ формирования основы	Микротвёрдость			Дополнительные сведения
1	Тарасовский мог. погр. 129	Многослойная основа слои которой сварены поперек. Лезвия образуют наварные пластины	Основа	Лезвие		Присутствуют следы термообработки
			128–225 кг/мм ²	304–554 кг/мм ²		
2	Тарасовский мог. погр. 131	Многослойная железная заготовка	Основа	Лезвие		Возможно была проведена проковка лезвия в остывшем состоянии. Содержание углерода 0,2–0,25 %
			160 кг/мм ²	235– 40 кг/мм ²		
3	Тарасовский мог. погр. 446	Основа набрана из 3 стальных полос	Основа	Лезвие		Метал и сварные швы свободны от шлаковых включений
			208 кг/мм ²	158–163 кг/мм ²		
4	Тарасовский мог. погр. 608	Многослойная железная заготовка	Феррит	Феррито–перлит		Вдоль сварочных швов идут короткие цепочки шлаковых включений
			110–143 кг/мм ²	151–170 кг/мм ²		
5	Тарасовский мог. погр. 1125	Равномерно науглероженная стальная заготовка	128–143 кг/мм ²			Клинок возможно был нагрет до 700° после чего медленно остывал
6	Тарасовский мог. погр. 1307	Основа ковалась из полосы железа и стали которая многократно перегибалась и подковывалась	Феррит	Феррито–перлит		Шлаковые включения присутствуют только в металле хвостовика
			221–254 кг/мм ²	297–322 кг/мм ²		
7	Тарасовский мог. погр. 1307	Палаш ковался из пакетной заготовки набранной из полос неравномерно науглероженной стали	Феррит	Феррито–перлит	Сорбит	Клинок в верхней части подвергнут локальной цементации. Проведена мягкая закалка готового предмета
			103-146 91–129 кг/мм ²	178-229 292 кг/мм ²	636 кг/мм ²	

8	Тарасовский мог. погр. 1737	Цельно стальная основа изготовлена из заэвтектоидной стали	206 кг/мм ²		В теле клинка выявлены области видманштетта
9	Тарасовский мог. погр. 1772	Цельно стальная равномерно науглероженная заготовка	Основа	Лезвие	
			254 до 334 кг/мм ²	160 кг/мм ²	
11	Мокинский мог. погр. 81	Железная основа	110–193 кг/мм ²		Металл клинка сильно засорен шлаковыми включениями
12	Мокинский мог. погр. 105	Основа набрана 6 стальных полос	Феррит	Феррито–перлит	Содержание углерода в металле колеблется от 0,4 до 0,5%
			122–143 кг/мм ²	160–297 кг/мм ²	
13	Калашниковский мог. курган 4 погр. 2	Основа набрана из неопределимого количества полос металла с различным содержанием углерода	Феррит	Феррито–перлит	Содержание углерода колеблется от 0,3–0,4 до 0,6–0,7 %. В металле присутствуют шлаковые включения . Выявлены широкие сварочные швы.
			206–236 кг/мм ²	221–254 кг/мм ²	
14	Кудашевский мог. погр. 160	Цельно стальная основа изготовлена из заэвтектоидной стали	181–236 кг/мм ²		Структура металла представляет собой зернистый цементит который мог образоваться после непродолжительного нагрева изделия при температуре 750–780° с последующим медленным охлаждением.

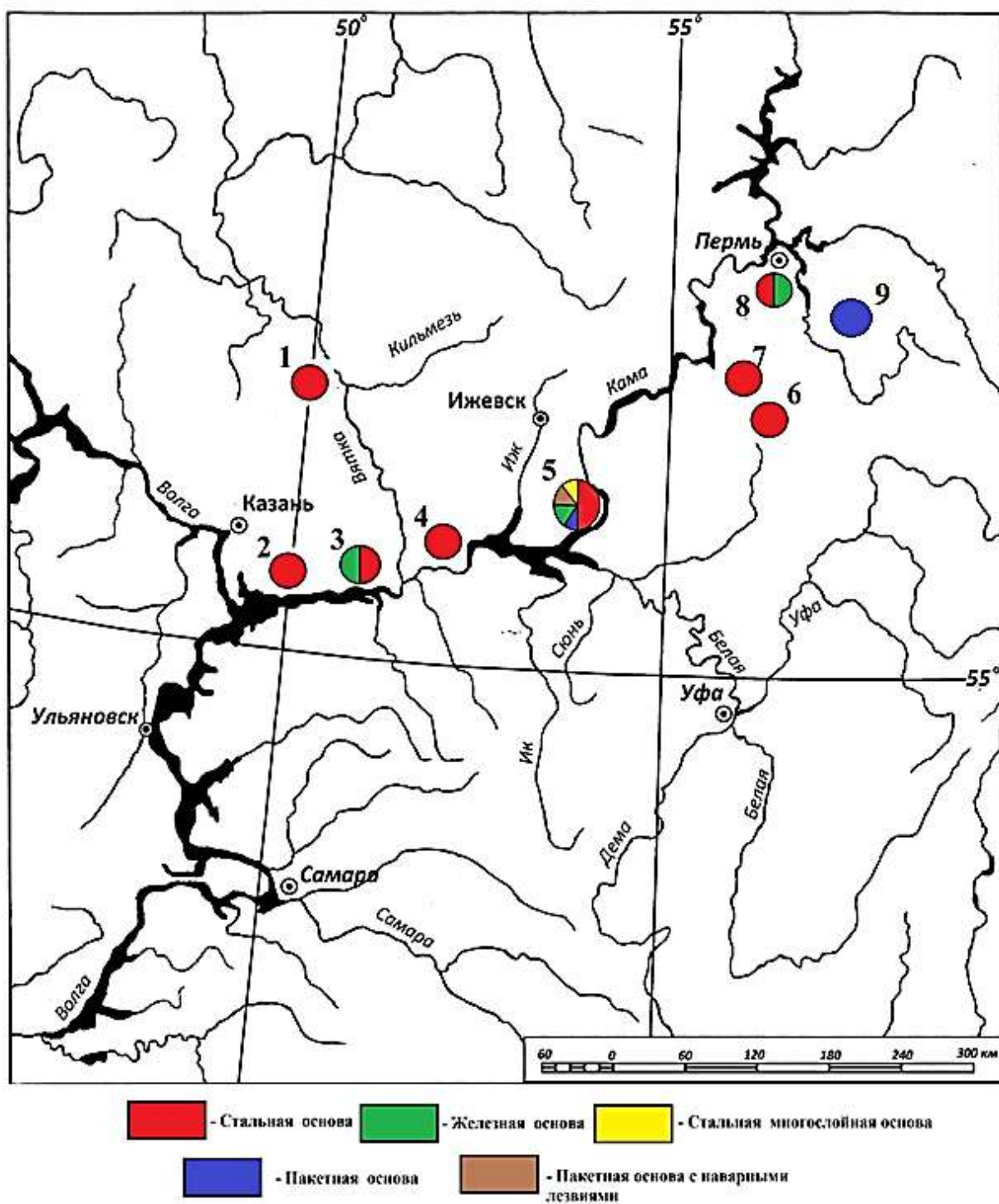

Рисунок 106. Карта распространения технологий изготовления длиннокалиберного оружия.

- 1) Мог. Тюм Тюм 2) Усть Брынский мог. 3) Гремячинский мог. 4) Тураевский мог. 5) Тарасовский мог. 6) Красноярский мог. 7) Кудашевский мог. 8) Мокинский мог. 9) Калашниковский мог.

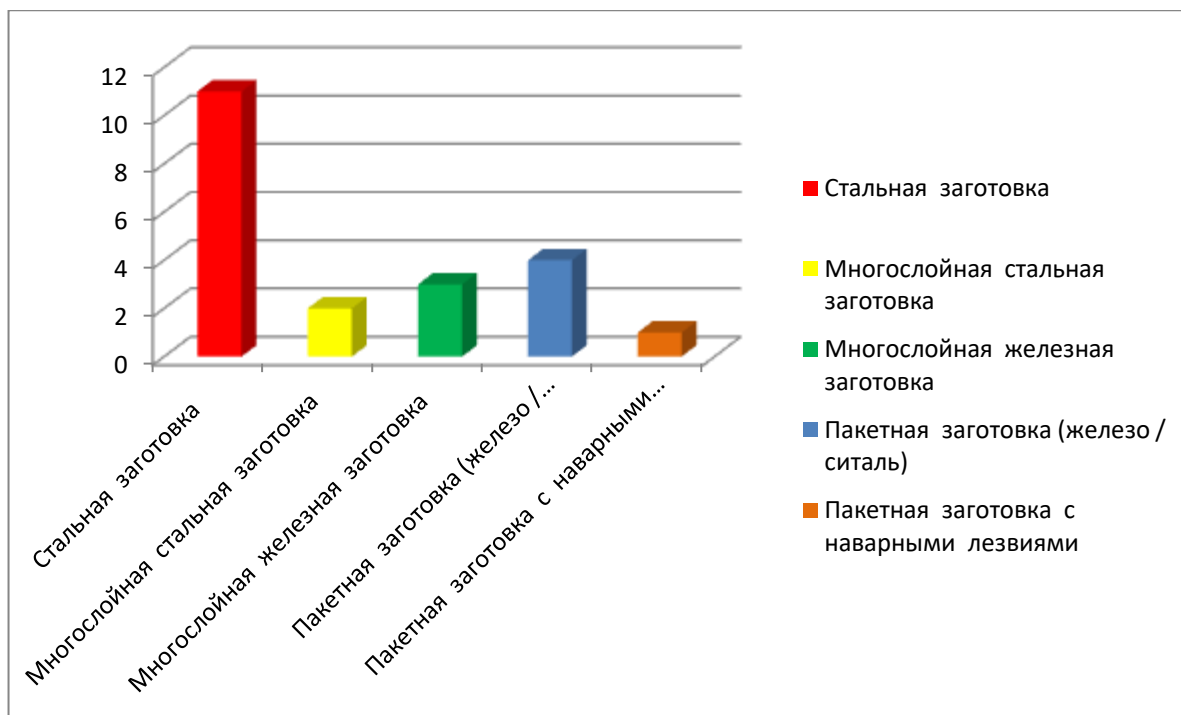

График 1. Соотношение технологических схем изготовления длинноклинкового оружия.

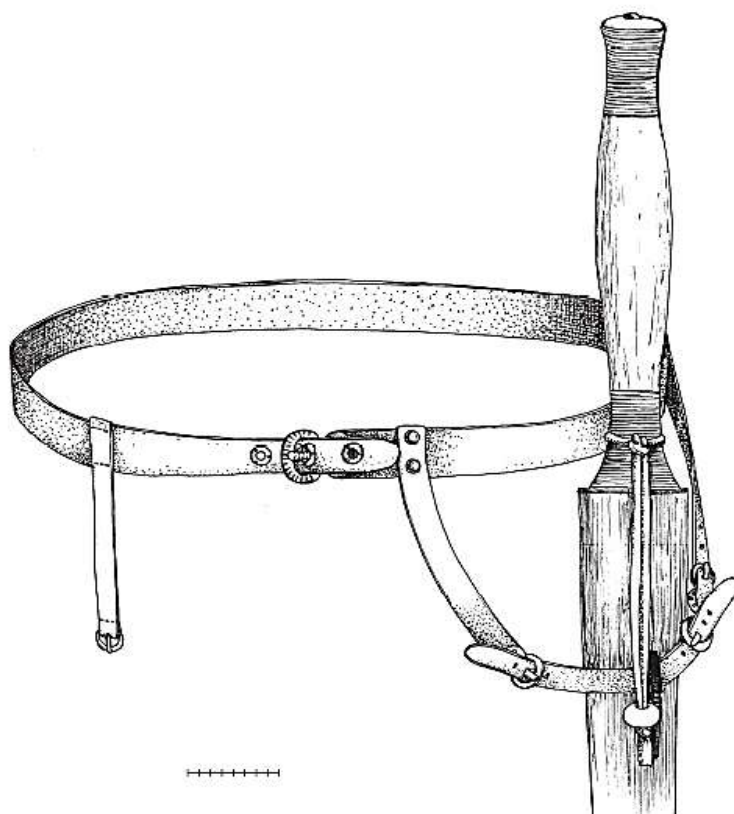

Рисунок 107. Реконструкция способа крепления меча из погр. 1685 Тарасовского могильника. [Голдина, Липина, 2015. Рис. 2]

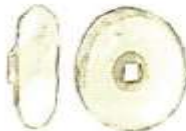
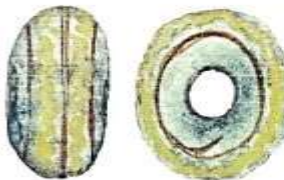
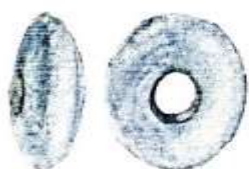
№ типа*		Характеристика бусины	№ погр.	Высота бусины (см)	Диаметр бусины (см)	Диаметр отверстия (см)	
	IVA 59	стеклянные	зонная сине-фиолетовая непрозрачная	446	0,6	0,9	0,3
	IVA 66		зонная оливкового слабого цвета полупрозрачная	4	0,8 0,7	1,4 1,7	0,2 0,3
	IVA 71		бочонкообразная сине-фиолетовая непрозрачная	4	1,2	1,4	0,6
	VIIA 1		зонная зеленая полупрозрачная	1685	1,3	2,3	0,8
	VIII B 1a		зонная зеленая полупрозрачная с поперечными чередующимися красно-коричневыми полосами и желтыми волнами	1772	1,5	2,2	0,6
	XII 2	хрустальная зонная	6	0,9	1,2	0,2	
	XIE 3	халцедоновая зонная	60	1,2	1,9	0,5	
			765A	1,9	2,1	0,5	
			782	1,5	2,9	0,9	
	XIVA 7	из раковины в форме шайбы	1779	0,8	2,6	0,5	

Рисунок 108. Характеристика бусин Тарасовского могильника обнаруженных рядом с мечами. [Голдина, Липина. 2015. Табл. 1]

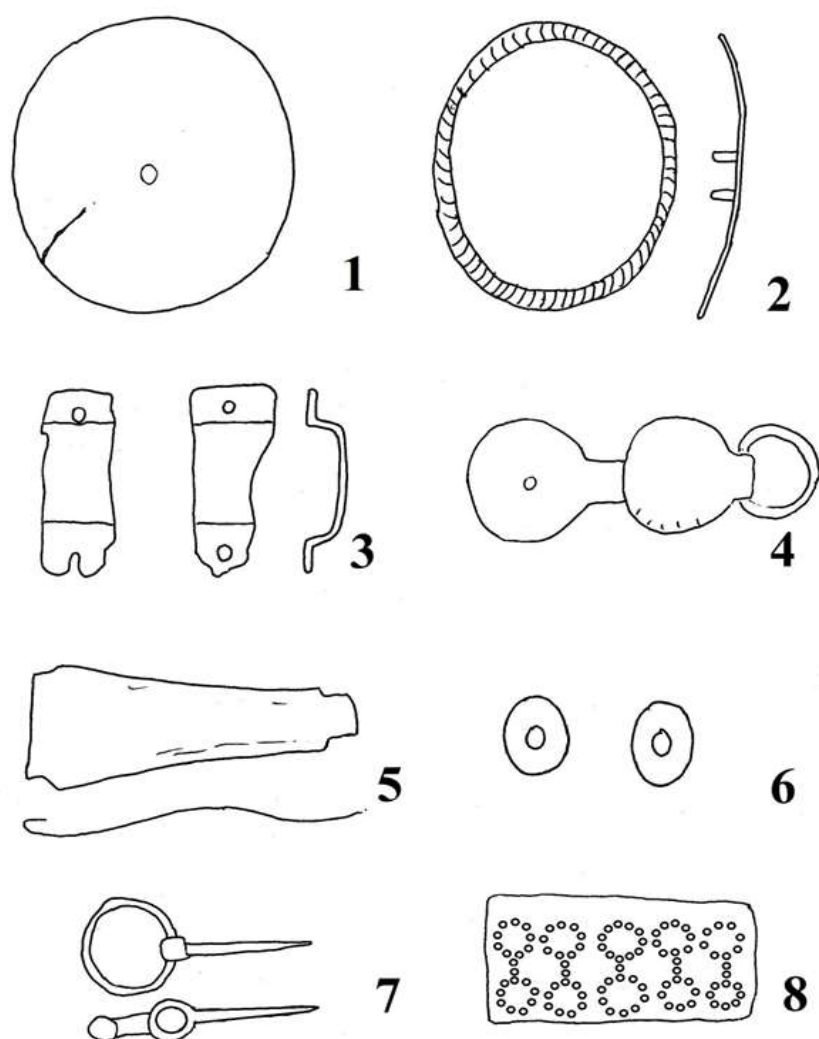

Рисунок 111. Элементы конструкции и украшения ножен длинноклинкового оружия.

- 1) Погр. 79 мог. Нырганда [Генинг, 1970. Табл. 4–10] 2) Погр. 608 Тарасовского мог. [Голдина, 2003. Т. II. Табл. 257 – 12] 3) Погр. 446 Тарасовского мог. [Голдина, 2003. Т. II. Табл. 193 – 7, 8] 4) Погр. 765 А Тарасовского мог. [Голдина, 2004. Т. II. Табл. 329 – 4] 5) Погр. 89 Усть Сарапульского мог. [Арматынская, 1985. Рис. 6–11] 6) Погр. 790 Тарасовского мог. [Голдина, 2003. Т. II. Табл. 347 – 5, 6] 7) Погр. 117 Рождественского V мог. [Старостин, 2009. Рис. 24–21] 8) Погр. 117 Рождественского V мог. [Старостин, 2009. Рис. 24–32А]

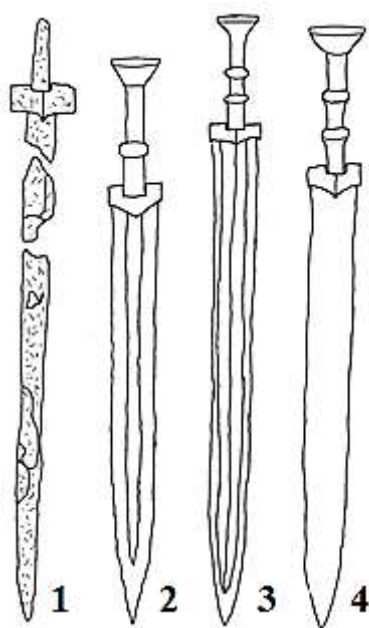

Рисунок 112. Мечи с ромбовидными перекрестиями.

1) Меч из Орлатский мог. [Скрипкин, 2000. Рис. 2 – 7] 2–4) Мечи эпохи Восточного Чжоу [Скрипкин, 2000. Рис. 3 – 1, 4, 7].

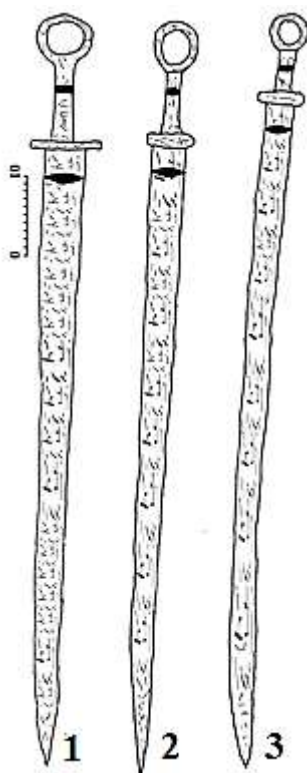

Рисунок 113. Мечи с кольцевидными навершиями.

1) Курган 4 мог. Барбастау III 2) Погр. 1 кургана 14 мог. Барбастау III 3) погр. 2 кургана 12 мог. Карасау I [Скрипкин, 1990, Рис. 21– 6, 8, 9].

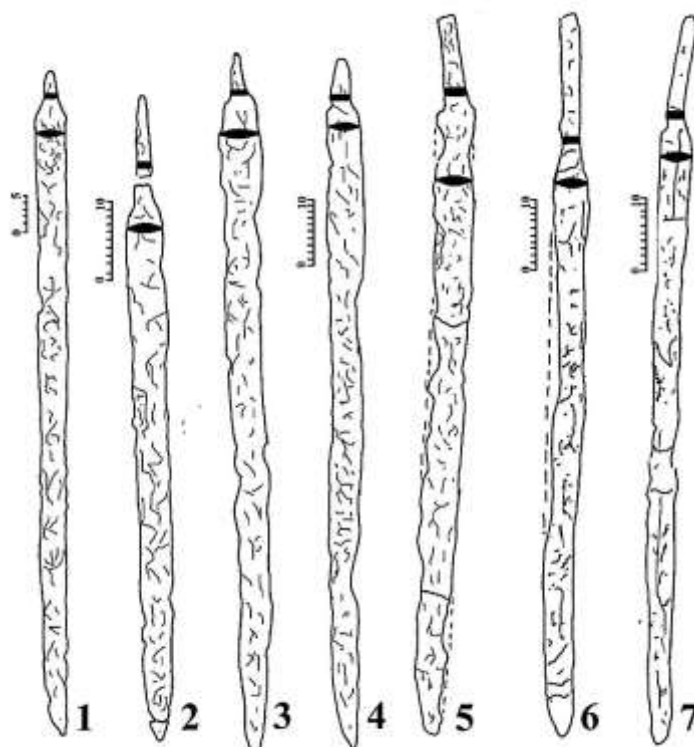

Рисунок 113.

1) Погр. 29 Андреевский мог. [Зубов 2011. Рис. 17–2] 2) Погр. 81 мог. Кораблино [Ахмеров, 2014. Рис. 3–1] 3) Куземкинский мог. (подъёмный материал) [Ахмеров, 2014. Рис. 3–2] 4) Погр. 2 курган 20 мог. Ново –Александровка I [Безуглов, 2000. Рис. 3– 1] 5) Погр. 8 кургана 16 мог. Центральный VI [Безуглов, 2000. Рис. 3– 2] 6) Погр. 6 кургана мог. «Четыре Брата» [Безуглов, 2000. Рис. 3–9]

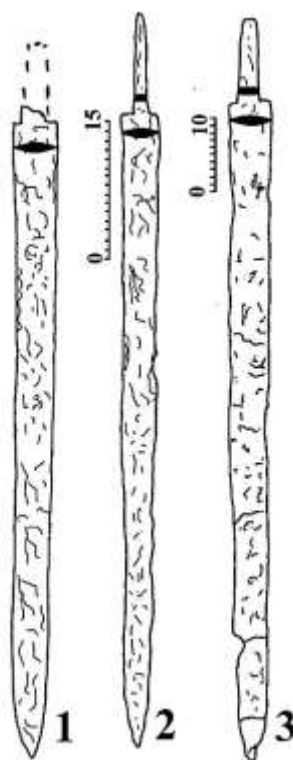

Рисунок 114.

1) Погр. 151 Абрамовского мог. [Нефедкин 2004. Рис. 3–8]. 2) Погр. 50 мог. Ундрих [Ахмеров, 2007. Рис. 17 – 14]. 3) Шахта Моспинская [Симонеко, 2009. Рис. 32–1].

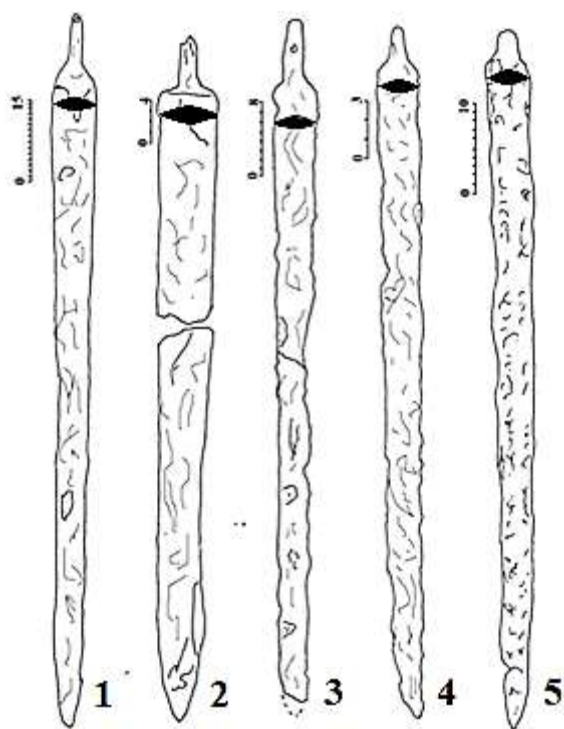

Рисунок 115.

- 1) Курган 3 мог. Абганеры [Хазанов, 1971. Табл. XI – 2]. 2) Курган 1 мог. Фриденберг II [Хазанов, 1971. Табл. XII – 2] 3) Случайная находка у д. Щербаковка [Хазанов, 1971. Табл. XII– 3]
4) Погр. 29 Андреевского кургана [Зубов, 2011. Рис. 17–2] 5) Погр. 10 кургана 2 Писеральского мог. [Зубов, 2011. Рис. 53 –7]

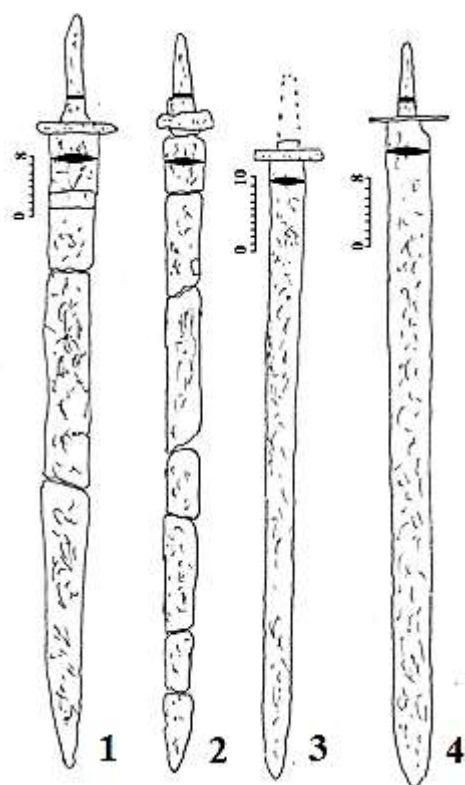

Рисунок 116.

- 1) Курган 3 мог. Абганеры [Хазанов, 1971, Табл. XI – 2] 2) Курган 1 мог. Фриденберг II [Хазанов, 1971. Табл. XI – 1] 3) Погр. 4 Старокадомского мог. [Нефедкин, 2004. Рис. 3–5] 4) Погр. 9 у села Новогригорьевки [Засецкая, 1994. Табл. 3 –1].

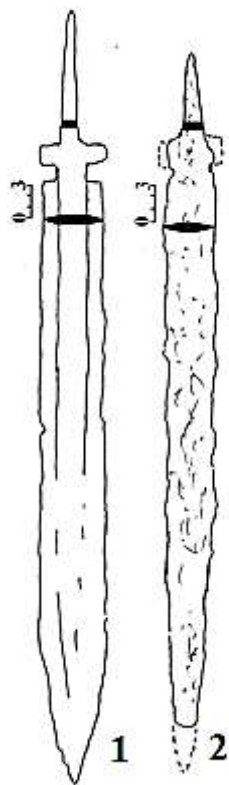

Рисунок 115.

1) Погр. 4 мог. Ясберень – Селе – Дюле [Иштанович, Кульчар, 2009. Рис. 1 –1] 2) Погр. 40 мог. Чонград – Кендерфелдек 3 [Иштанович, Кульчар, 2009. Рис. 1 –2]

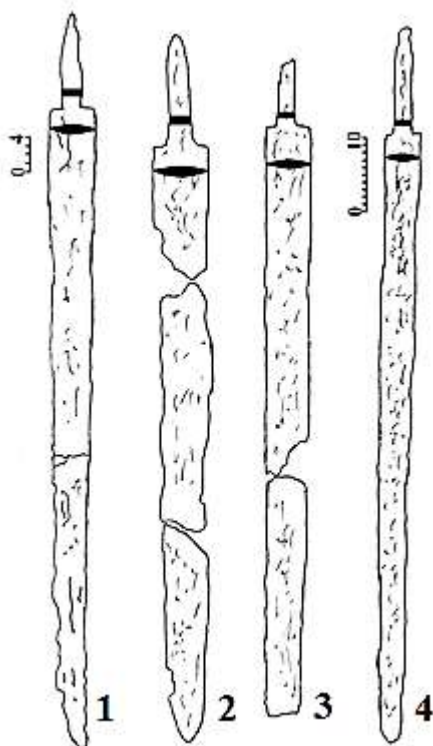

Рисунок 116.

1) Погр. 1 кургана 13 хутор Кузин [Хазанов, 1971. Табл. XII–1] 2) Меч из раскопок А.Б. Ашика (1841 г.) [Сокольский, 1954. Табл. VI –1] 3) Случайно обнаруженные у станции Ново – Успенровка [Засецкая, 1994. Табл. 42–9] 4) Курган 10 мог. Высочино I [Безуглов, 2001. Рис. 3–3]

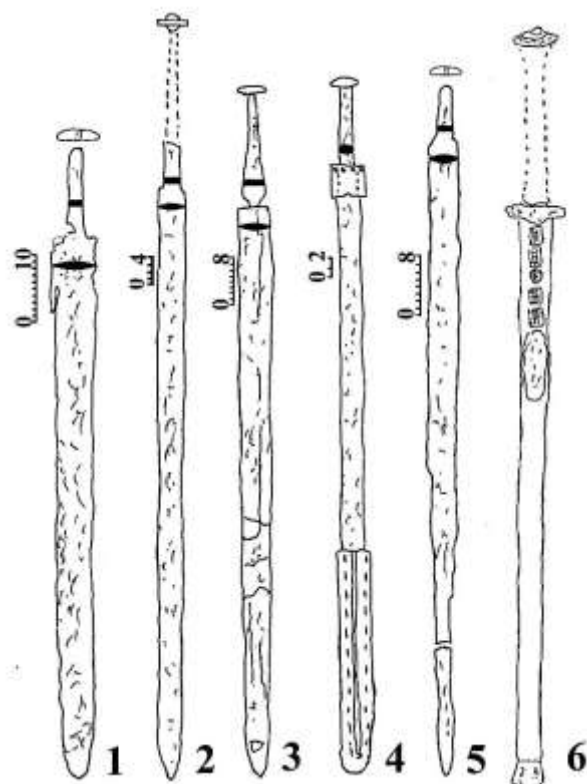

Рисунок 117.

1) погр. 4 мог. Каратобе [Сейткалиев, 2014. Рис. 2–13] 2) Курган 37 мог. Лебедевка VI [Мошкова, Демиденко, 2010. Рис. 1–1] 3) Курган 6 Целинный I [Боталов, 2009. Рис. 46 –1] 4) Курган у поселка Солнце [Боталов , 2009. Рис. 39–2] 5) Курган 1 мог. Покровка [Боталов, 2009. Рис. 35–37] 6) Меч из Рошава Драгана [Симоненко, 2009. Рис. 44–2]

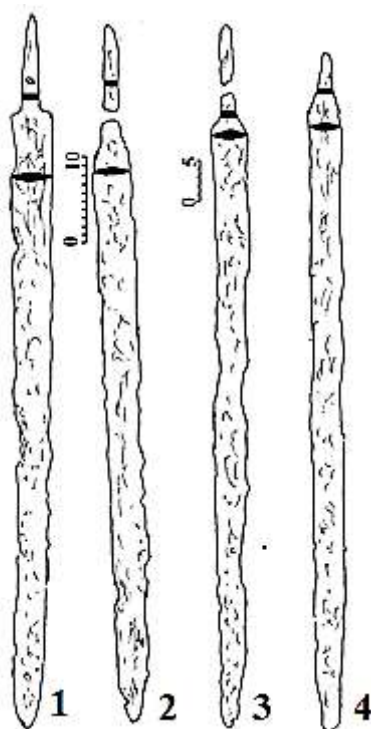

Рисунок 118.

1) Погр. 75 Кошебеевского мог. [Ахмеров, 2007. Рис. 17–14] 2) Погр. 81 мог. Кораблино [Ахмеров, 2014. Рис. 5–1] 3) Погр. 265 мог. Борок II [Ахмеров, 2007. Рис. 20–7] 4) Погр. 41 Кузьминковского мог. [Ахмеров, 2007. Рис. 16–11]

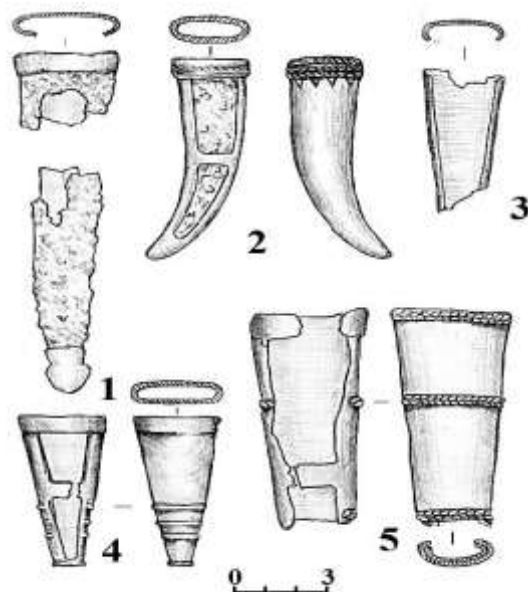

Рисунок 119. Наконечники ножен длинноклинового оружия Среднего Поволжья.

[Зубов, 2011. Рис. 33]

1–3) Пильнинский мог. 4) Погр. 25–1 Андреевского кургана 5) Погр. 18 кургана 1 Климкинського мог.

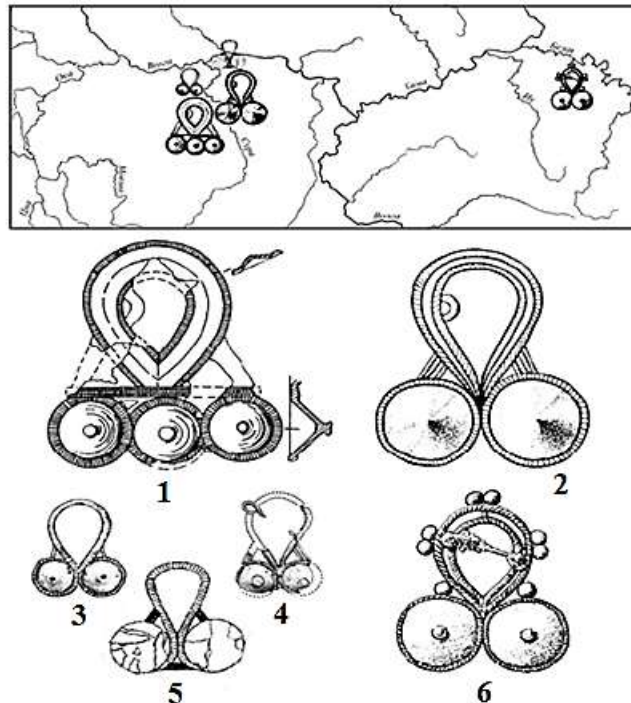

Рисунок 120. Схема распространения ажурных застёжек сюльгам с миндалевидной рамкой.

1) Погр. 39 Андреевского кургана 2) Случайная находка Красноармейского р-на р. Чувашии 3–4) Подъёмный материал Пильнинского I мог. 5) Кургана 1 погр. 12 Климкинського мог. 6) Погр. 66 Кушулевогo III мог. [Зубов, 2011. Рис. 62]

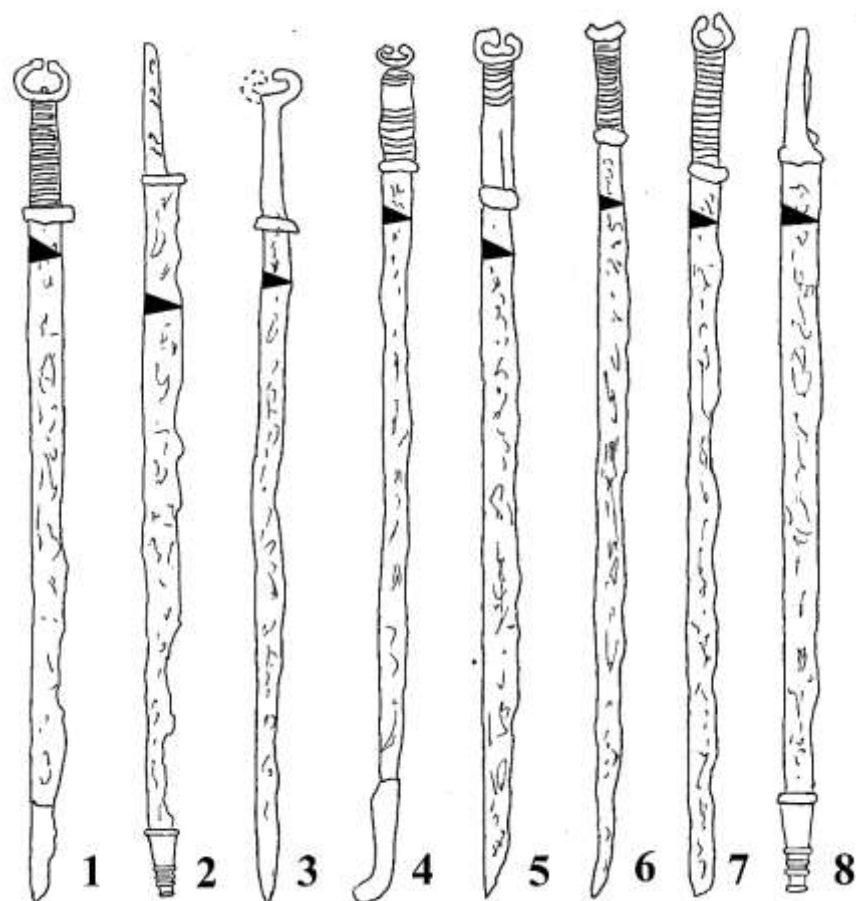

Рисунок 121. Палаши населения Среднего Поволжья.

- 1) Погр. 43 Андреевского мог. [Зубов, 2011. Рис. 5 - 1] 2) Погр. 25 /1 Андреевского мог. [Зубов, 2011. Рис. 5 - 2] 3) Погр. 13 Кошебеевского мог. [Зубов, 2011. Рис. 2 -1]
 4) Погр. 32 Андреевского мог. [Зубов, 2011. Рис. 3 -1] 5) Картофельная яма Андреевский мог. [Зубов, 2011. Рис. 3 -2] 6) Погр. 21 Андреевского мог. [Зубов, 2011. Рис. 3 -3] 7) Погр. 43 Андреевского мог. [Зубов, 2011. Рис. 3 – 4] 8) Погр. 50 Андреевского мог. [Зубов, 2011. Рис. 4 - 3]

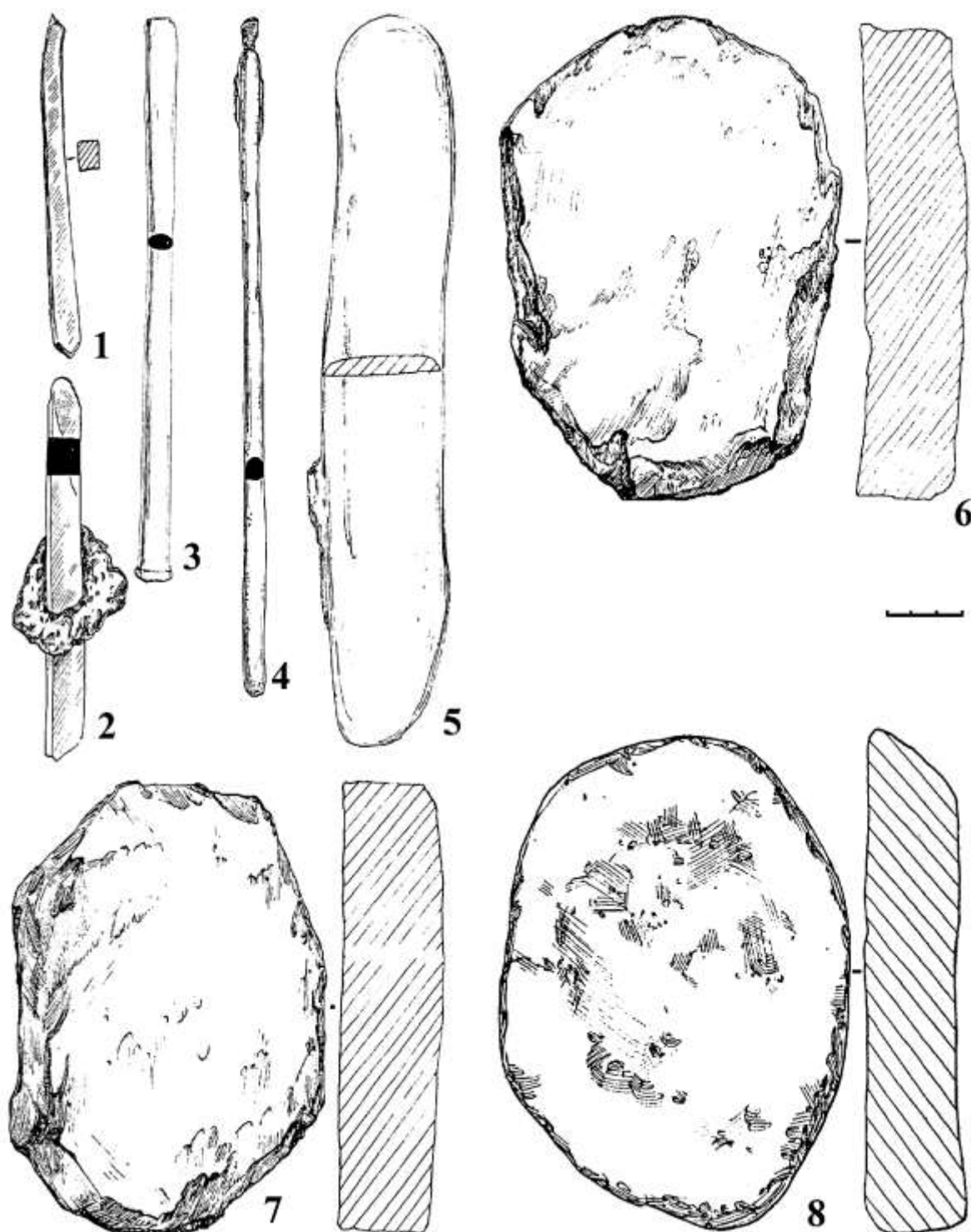

Рисунок 122. Металлургические полуфабрикаты Тарасовского могильника.
[Перескоков, Сабиров, 2014. Рис. 1].

1) Погр. 238. 2) Погр. 156. 3) Погр. 335. 4) Погр. 1850. 6–7) Погр. 1679. 8) Погр. 782.

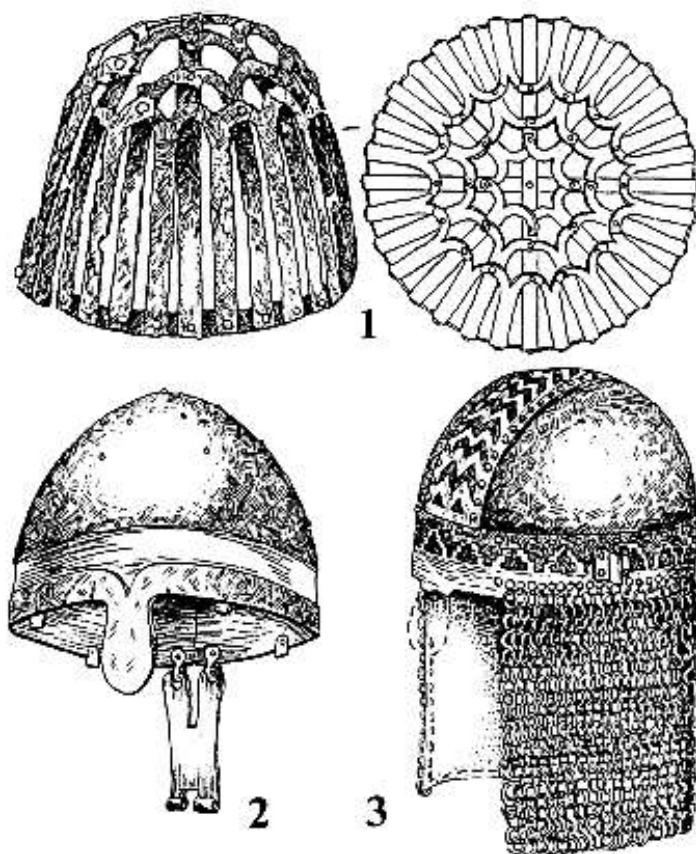

Рисунок 123. Шлемы. [Голдина, Волков. 2000, Рис. 18]

1) Погр. 27 Суворовского мог. 2) Погр. 30 Суворовского мог. 3) Погр. 1 кургана 7 Тураевского мог.

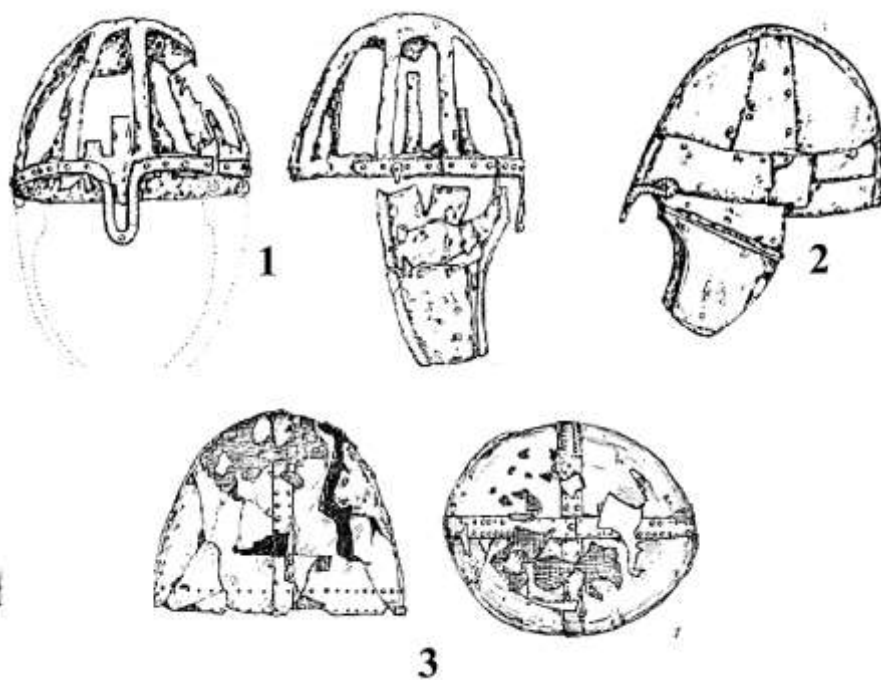

Рисунок 124. Шлемы Тарасовского могильника

1) Погр. 782 [Голдина, 2004. Т. II. Табл. 342] 2) Погр. 6 [Голдина, 2004. Т. II. Табл. 4-17] 3) Погр. 1784 [Голдина, 2004. Т. II. Табл. 668]

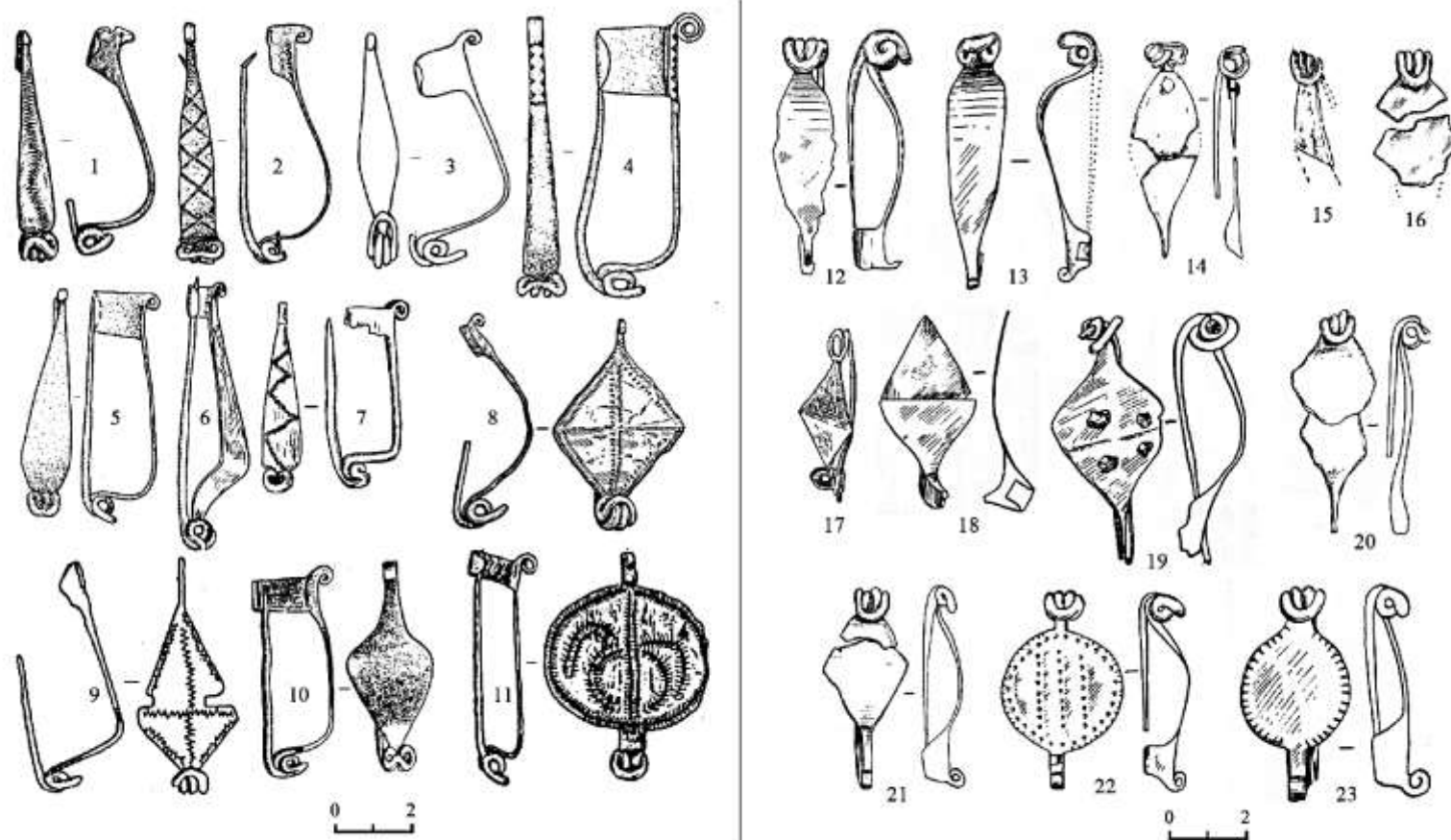

Рисунок 125. Фибулы обнаруженные при раскопках памятников позднесарматской и мазунинской общностей
[Малашев, 2014. Рис. 1].

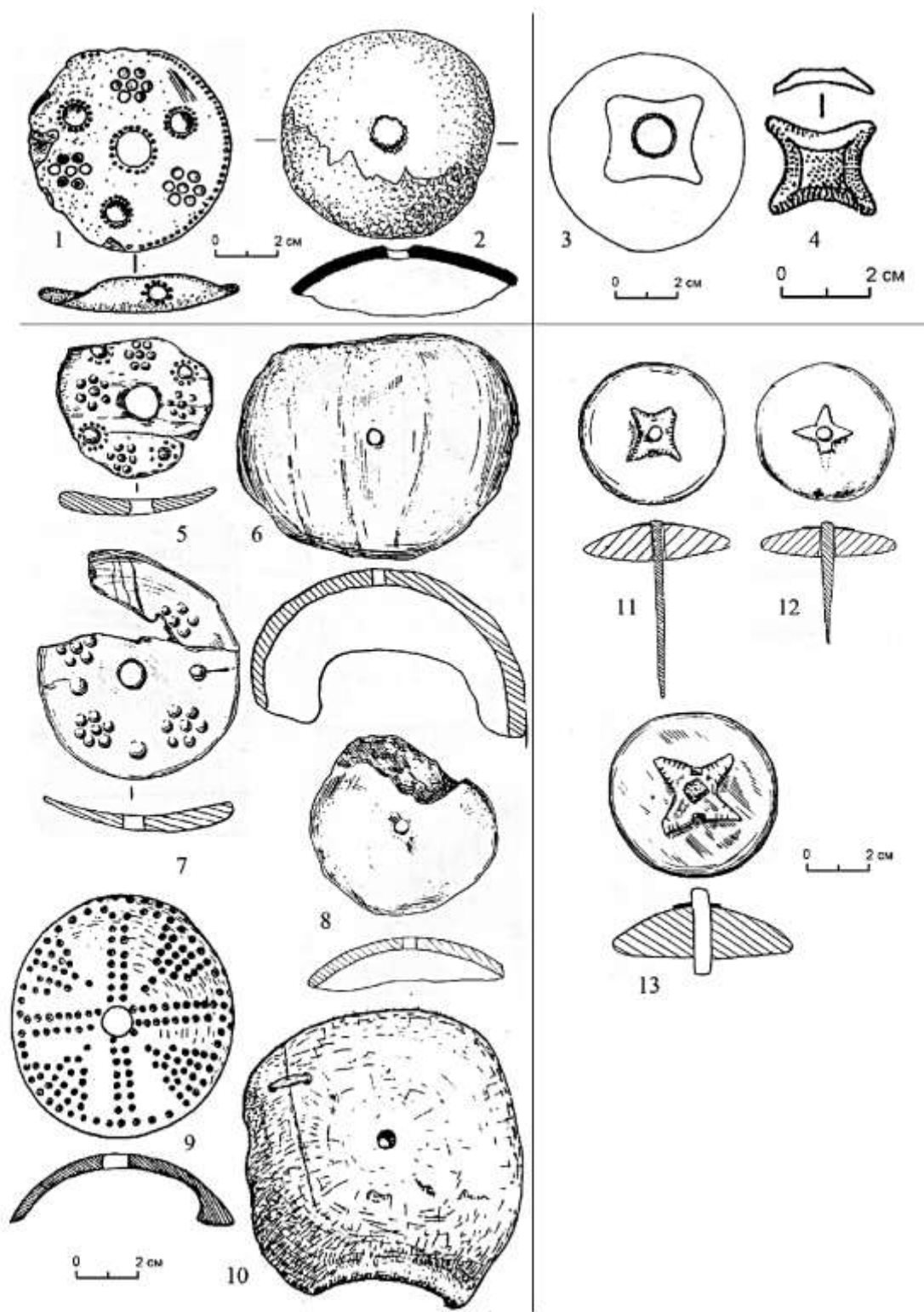

Рисунок 126. Детали мечей и элементы портупей из памятников позднесарматской и мазунинской общности [Малашев, 2014. Рис. 3].

Приложение 7. (Таблицы и графики)

7.1 Графики

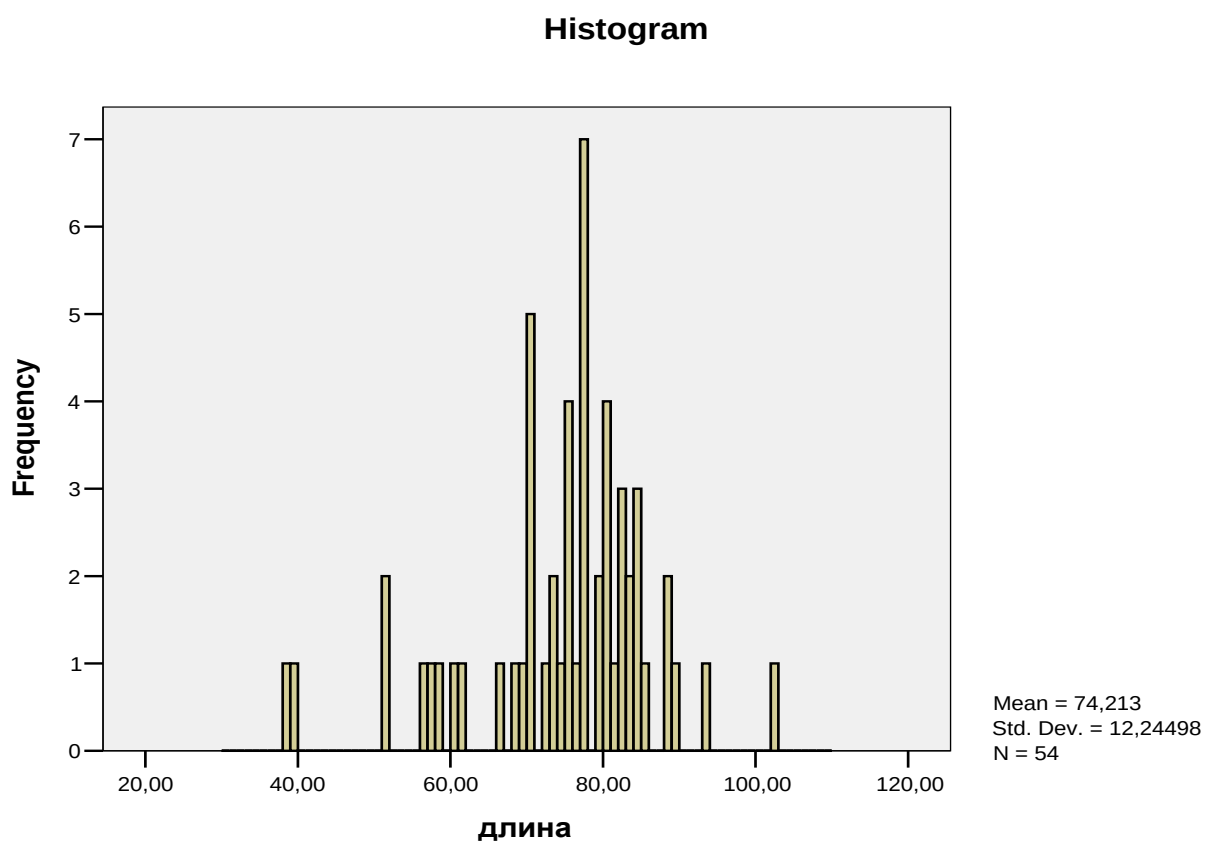

График 2. Результаты анализа параметров длины клинков.

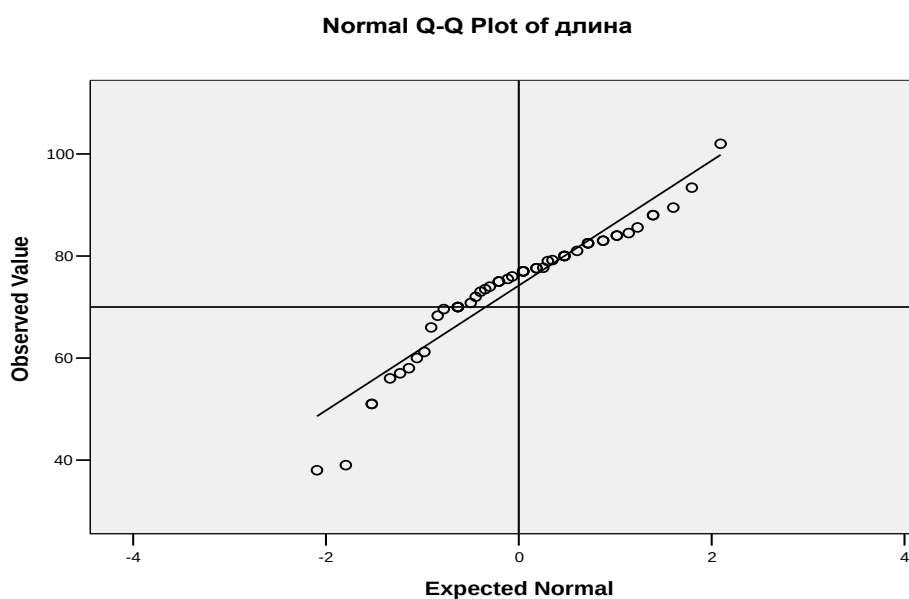

График 3. Результаты анализа параметров длины клинков

Tests of Normality

	Kolmogorov – Smirnov(a)			Shapiro – Wilk		
	Statistic	df	Sig.	Statistic	df	Sig.
длина	149	54	004	926	54	002

a. Lilliefors Significance Correction

Значение Sig. Меньше 0 005 говорит о том что выборка не соответствует нормальному распределению т.е. является смешанной.

Histogram

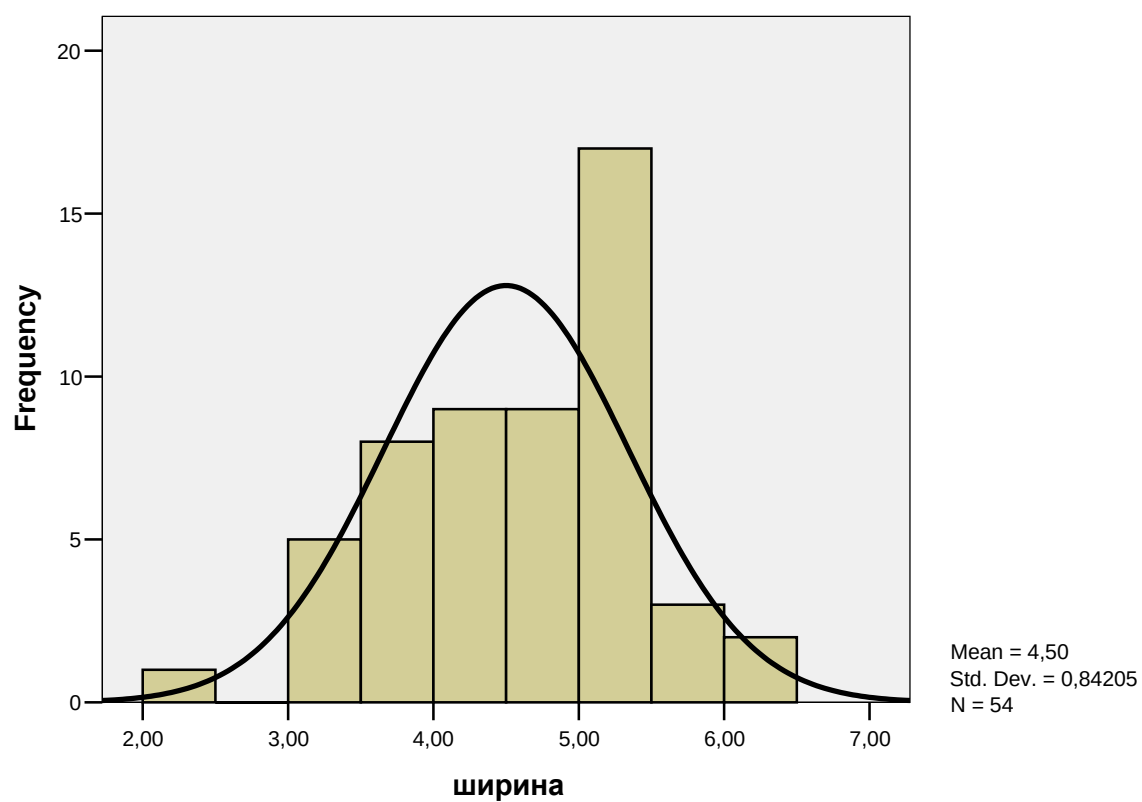

График 4. Результаты анализа ширины клинков.

Tests of Normality

	Kolmogorov-Smirnov ^a			Shapiro-Wilk		
	Statistic	df	Sig.	Statistic	df	Sig.
ширина	,131	54	,021	,973	54	,257

a. Lilliefors Significance Correction

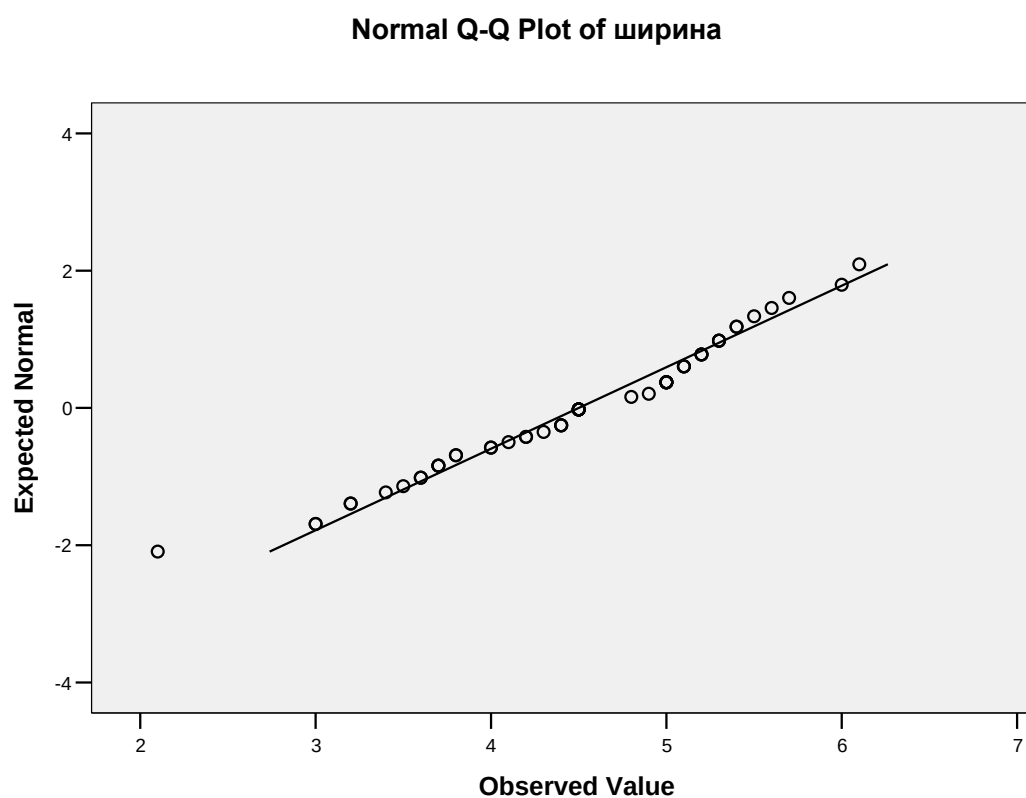

График 5. Результаты анализа ширины клинков.

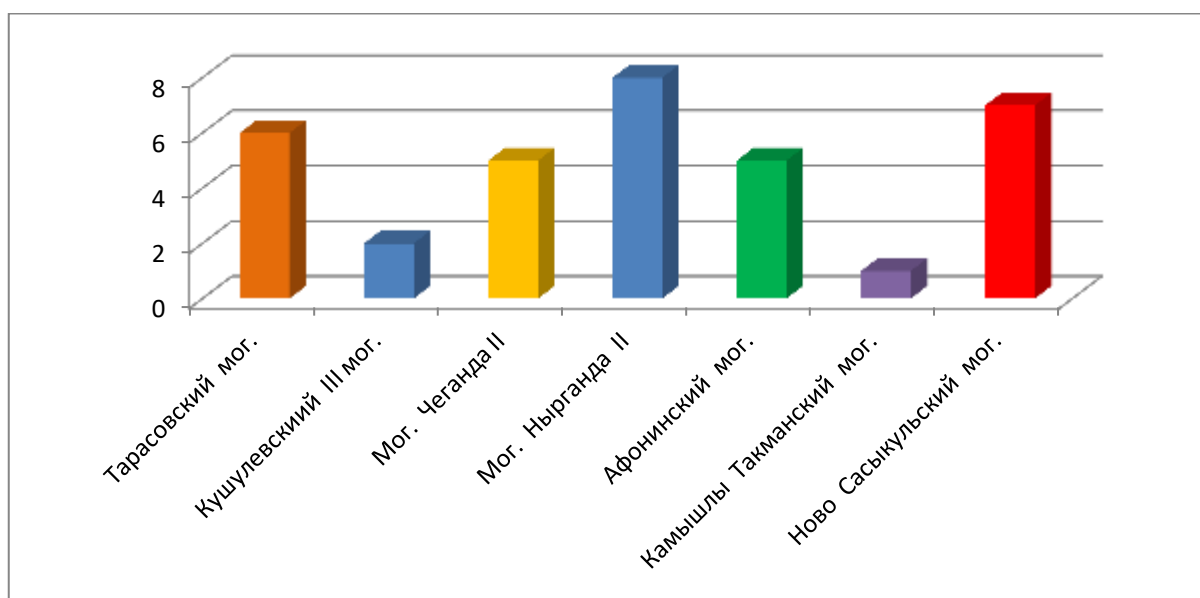

График 6. Соотношение количества находок длинноклинкового оружия обнаруженного при раскопках могильников чегандинской культуры.

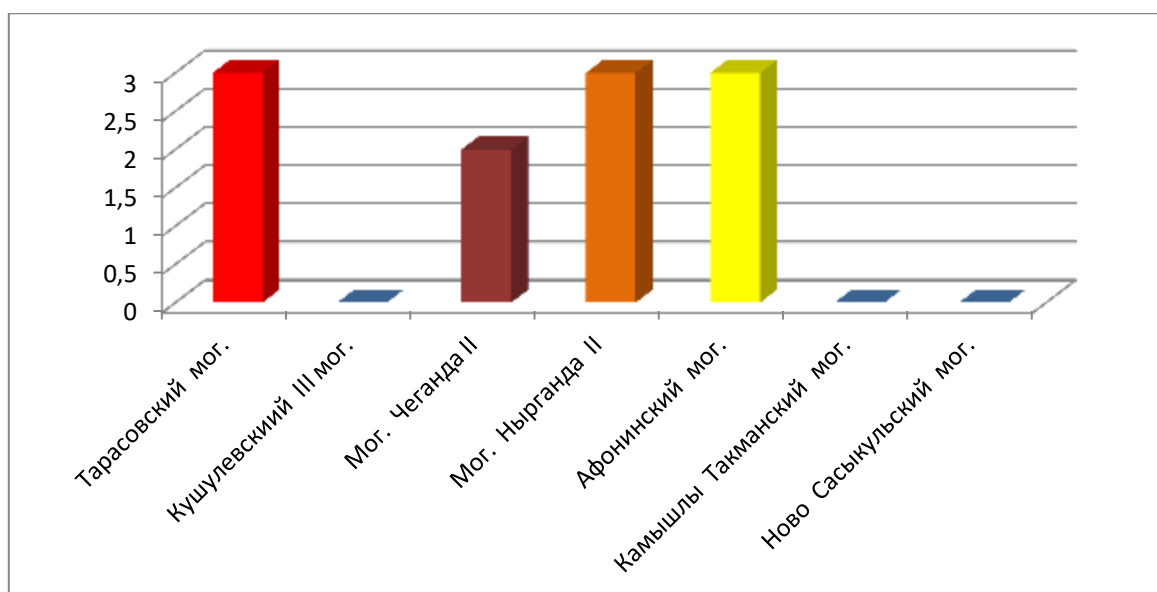

График 7. Соотношение находок ранних палашей обнаруженных при раскопках могильников чегандинской культуры.

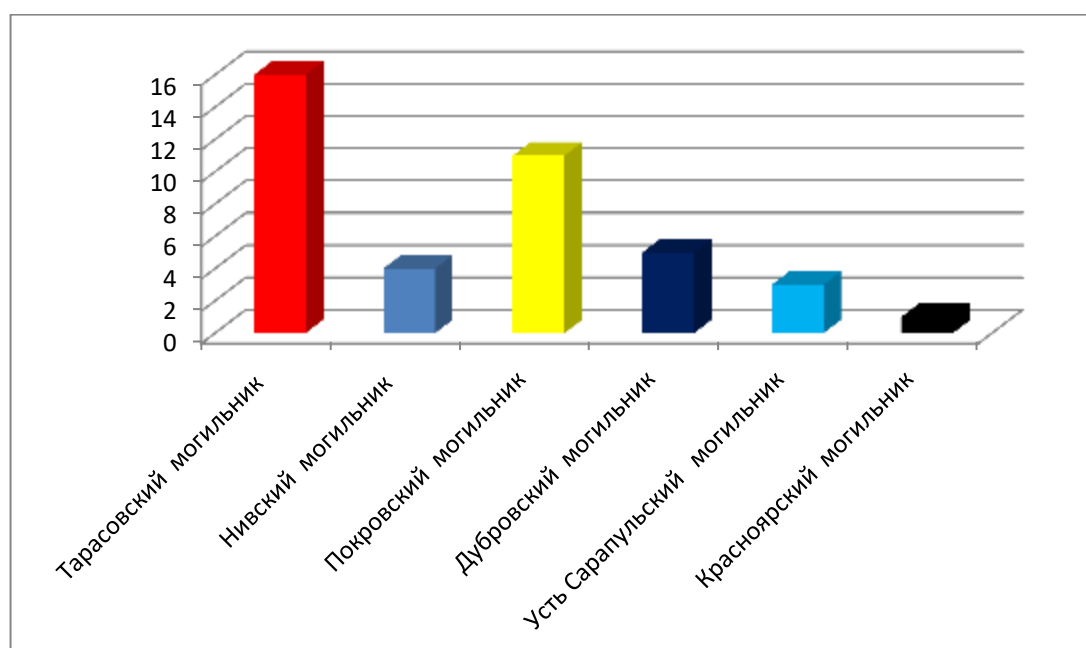

График 8. Соотношение находок мечей обнаруженных при раскопках могильников мазунинской культуры.

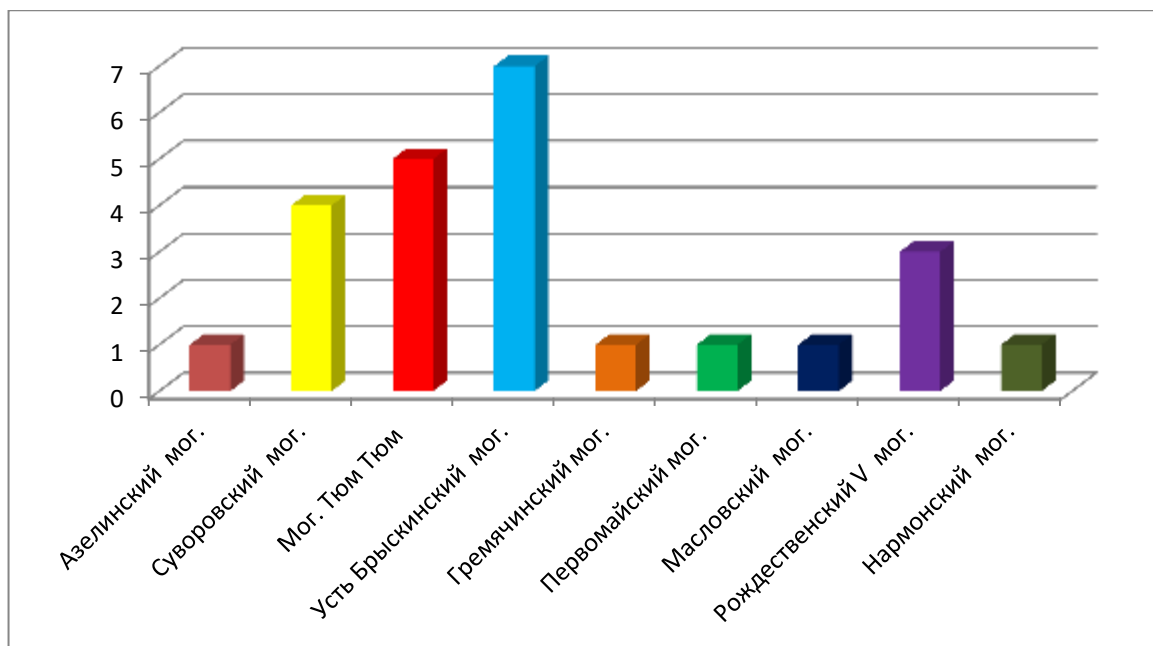

График 9. Соотношение находок мечей обнаруженных при раскопках могильников азелинской культуры.

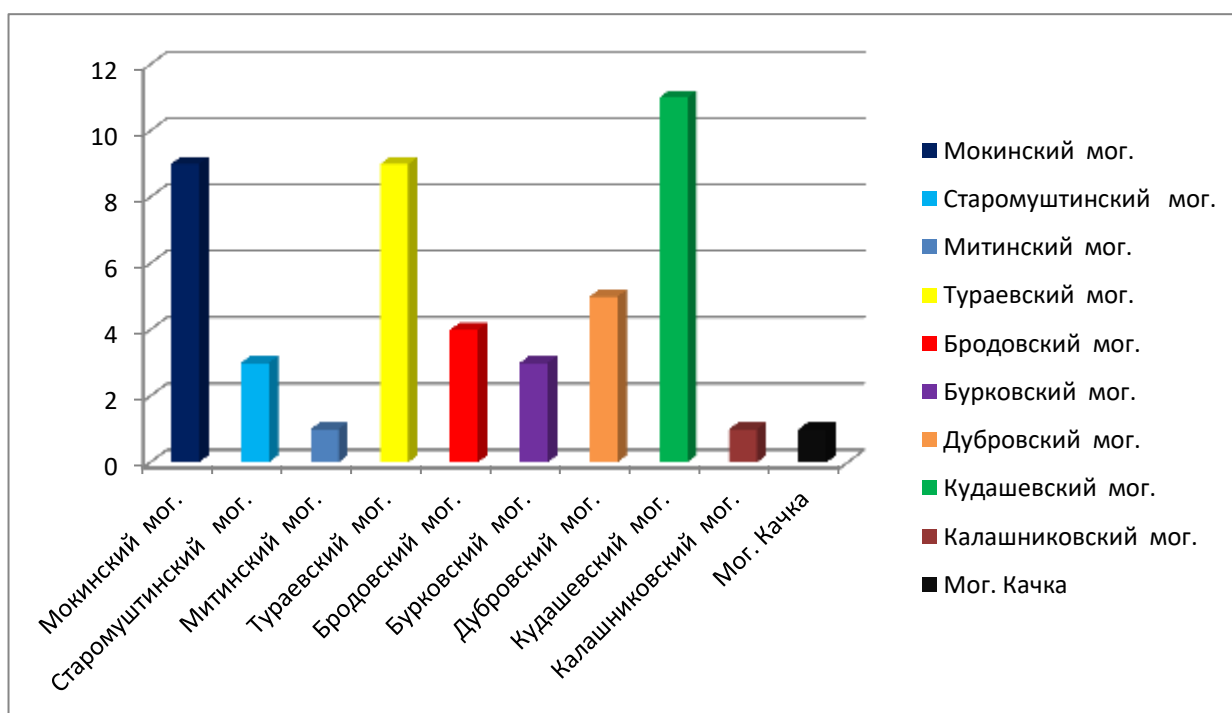

График 10. Соотношение находок мечей обнаруженных при раскопках могильников на территории которых присутствуют погребения групп инокультурного населения.

Classification Results^a

			Predicted Group Membership				Total
			1,00	2,00	3,00	4,00	
Original	Count	Период 1,00	9	3	1	2	15
		2,00	0	6	2	1	9
		3,00	0	4	29	1	34
		4,00	4	0	11	11	26
		Ungrouped cases	3	4	10	1	18
	%	1,00	60,0	20,0	6,7	13,3	100,0
		2,00	,0	66,7	22,2	11,1	100,0
		3,00	,0	11,8	85,3	2,9	100,0
		4,00	15,4	,0	42,3	42,3	100,0
		Ungrouped cases	16,7	22,2	55,6	5,6	100,0

a. 65,5% of original grouped cases correctly classified.

Таблица 5. Результаты дискриминантного анализа мечей.

7.2. Таблицы для дискриминантного анализа

Таблица 6. Исходные данные для дискриминантного анализа.

Могильник	Короткий_клинок	Средний_клинок	Длинный_клинок	Узкий_клинок	Широкий_клинок	Отсутствие_перекрестия_навершия	Перекрестие	Навершие	Хвостовик_до_10 см	Хвостовик_свыше_11 см	Период_	Расшифровка
Нырганда_II_п. 152	0	1	0	0	1	0	1	1	1	0	1	I–II вв.
Камышлы_Тамакский_п. 68	1	0	0	1	0	0	1	0	0	1	1	I–II вв.
Чеганда_II_п. 26	0	1	0	1	0	0	1	1	1	0	1	I–II вв.
Чеганда_II_п. 156	0	1	0	0	1	1	0	0	1	0	1	I–II вв.
Ново–Сасыкульский_п. 260	0	0	1	0	1	0	1	1	1	0	1	I–II вв.
Ново–Сасыкульский_п. 264	0	1	0	1	0	1	0	0	0	0	1	I–II вв.
Ново–Сасыкульский_п. 346	1	0	0	1	0	0	1	1	0	0	1	I–II вв.
Ново–Сасыкульский_п. 361	1	0	0	1	0	0	1	0	0	0	1	I–II вв.
Кушелевский_III_п. 66	1	0	0	1	0	1	0	0	1	0	1	I–II вв.
Кушелевский_III_п. 306	1	0	0	1	0	0	1	0	1	0	1	I–II вв.
Городищенский_п. 2	0	1	0	1	0	1	0	0	1	0	1	I–II вв.
Ошкинский_п. 27	0	0	1	1	0	1	0	0	0	1	2	III в.
Тарасовский_п. 4	0	0	1	1	0	0	0	1	0	1	2	III в.
Тарасовский_п. 6	0	1	0	0	1	1	0	0	0	0	2	III в.

Тарасовский_ п. 60	0	1	0	0	1	1	0	0	0	1	3	IV в.
Тарасовский_ п. 129	0	1	0	0	1	1	0	0	1	0	3	III в.
Тарасовский_ п. 131 А	0	0	1	1	0	1	0	0	0	1	2	III в.
Тарасовский_ п. 199	0	0	1	0	1	1	0	0	0	1	3	III в.
Тарасовский_ п. 235	0	0	1	0	1	1	0	0	1	0	4	вторая половина IV – начало V вв.
Тарасовский_ п. 446	0	0	1	0	1	1	0	0	0	1	2	III в.
Тарасовский_ п. 474	0	1	0	0	1	1	0	0	1	0	4	вторая половина IV – начало V вв.
Тарасовский_ п. 608	1	0	0	1	0	1	0	0	0	0	1	I–II вв.
Тарасовский_ п. 680	0	0	1	1	0	1	0	0	0	0	1	I–II вв.
Тарасовский_ п. 765а	0	1	0	1	0	0	0	1	0	0	3	IV в.
Тарасовский_ п. 765б	0	0	1	0	1	0	0	1	0	0	3	IV в.
Тарасовский_ п. 782	0	0	1	1	0	0	0	1	0	1	2	III в.
Тарасовский_ п. 790	0	1	0	1	0	1	0	0	0	0	2	III в.
Тарасовский_ п. 1125	1	0	0	1	0	1	0	0	1	0	1	I–II вв.
Тарасовский_ п. 1307	1	0	0	1	0	1	0	0	1	0	1	I–II вв.
Тарасовский_ п. 1685	0	0	1	0	1	0	0	1	0	0	3	IV в.
Тарасовский_ п. 1703	0	0	1	0	1	1	0	0	0	1	4	вторая половина IV – начало V вв.
Тарасовский_ п. 1772	0	1	0	0	1	1	0	0	0	0	4	вторая половина IV – начало V вв.
Тарасовский_ п. 1779	0	1	0	0	1	1	0	0	1	0	3	IV в.
Суворовский_ п. 1	0	0	1	0	1	0	0	1	0	1	3	IV в.
Суворовский_ п. 17	0	1	0	0	1	1	0	0	1	0	3	IV в.
Суворовский_ п. 30	0	0	1	0	1	0	1	1	0	1	3	IV в.
Рождественский_ V_ п. 75	1	0	0	1	0	1	0	0	1	0	0	
Рождественский_ V_ п. 117	0	1	0	1	0	0	0	1	0	1	0	
Азелинский_ п. 5	0	0	1	0	1	1	0	0	0	1	3	IV в.
Тюм_Тюм_ п. 76	0	1	0	0	1	1	0	0	1	0	3	IV в.
Тюм_Тюм_ п. 94а	0	0	1	0	1	1	0	0	1	0	3	IV в.
Тюм_Тюм_ п. 94б	0	0	1	0	1	1	0	0	1	0	3	IV в.
Тюм_Тюм_ п. 94в	0	1	0	0	1	1	0	0	0	1	3	IV в.

Нормонский_ п. 19	0	0	1	0	1	0	0	1	0	1	3	IV в.
Усть_Брыскинский_ п. 23	0	1	0	0	1	1	0	0	0	1		
Усть_Брыскинский_ п. 36	0	1	0	0	1	1	0	0	1	0		
Усть_Брыскинский_ п. 44	0	1	0	0	1	1	0	0	1	0		
Нивский_ п. 17	0	0	1	0	1	0	1	1	0	0	2	III в.
Нивский_ п. 16	0	1	0	1	0	1	0	0	1	0	2	III в.
Покровский_ п. 19	1	0	0	0	1	1	0	0	1	0	3	IV в.
Покровский_ п. 26	0	0	1	0	1	0	0	1	1	0	3	IV в.
Покровский_ п. 59	1	0	0	0	1	1	0	0	1	0	3	IV в.
Покровский_ п. 63	0	1	0	0	1	1	0	0	1	0	3	IV в.
Покровский_ п. 83	1	0	0	0	1	1	0	0	0	0	3	IV в.
Покровский_ п. 99	1	0	0	0	1	1	0	0	0	0	3	IV в.
Покровский_ п. 115	0	1	0	0	1	1	0	0	0	0	3	IV в.
Покровский_ п. 261	0	1	0	0	1	1	0	0	1	0	3	IV в.
Покровский_ п. 289	0	0	1	0	1	1	0	0	0	0	3	IV в.
Покровский_ п. 325	1	0	0	0	1	1	0	0	0	0	3	IV в.
Покровский_ п. 347	1	0	0	0	1	1	0	0	0	0	3	IV в.
Ижевский_ п. 10	0	1	0	0	1	1	0	0	0	1	3	IV в.
Ижевский_ п. 16	0	1	0	0	1	1	0	0	0	0	3	IV в.
Тураевский_ п. 171	0	1	0	0	1	0	0	1	0	0	4	вторая половина IV – начало V вв.
Тураевский_ п. 1к.1	0	1	0	0	1	0	1	1	1	0	4	вторая половина IV – начало V вв.
Тураевский_ к.5	0	1	0	1	0	0	1	1	0	0	4	вторая половина IV – начало V вв.
Тураевский_ п. 1а_к.7	0	1	0	0	1	1	0	0	0	1	4	вторая половина IV – начало V вв.
Тураевский_ п. 16_к.7	0	1	0	0	1	1	0	0	0	1	4	вторая половина IV – начало V вв.
Мокинский_ п. 81	0	1	0	0	1	0	1	0	1	0		
Мокинский_ п. 105	0	1	0	1	0	1	0	0	1	0		
Старо_Муштинский_к.17	0	0	1	0	1	1	0	0	0	1	4	вторая половина IV – начало V вв.
Дубровский_ п. 128	0	1	0	0	1	1	0	0	1	0	4	вторая половина IV – начало V вв.

Дубровский п. 29	0	1	0	0	1	1	0	0	0	1	4	вторая половина IV – начало V вв.
Усть_Сарапульский п. 89	0	1	0	1	0	1	0	0	0	1	3	IV в.
Усть_Сарапульский п. 104	0	0	1	1	0	1	0	0	0	0	3	IV в.
Усть_Сарапульский п. 105	0	1	0	0	1	1	0	0	0	0	3	IV в.
Красноярский п. 83	0	1	0	0	1	1	0	0	0	1	3	IV в.
Кудашевский п. 5	0	1	0	0	1	0	1	0	0	0	4	вторая половина IV – начало V вв.
Кудашевский п. 6	0	1	0	0	1	0	1	1	0	0	4	вторая половина IV – начало V вв.
Кудашевский п. 7	0	1	0	0	1	0	1	0	0	0	4	вторая половина IV – начало V вв.
Кудашевский п. 8	0	1	0	0	1	0	1	1	0	0	4	вторая половина IV – начало V вв.
Кудашевский п. 10	0	1	0	0	1	0	1	1	0	0	4	вторая половина IV – начало V вв.
Кудашевский п. 15	0	0	1	0	1	0	1	0	0	0	4	вторая половина IV – начало V вв.
Кудашевский п. 16	0	0	1	0	0	0	1	0	0	1	4	вторая половина IV – начало V вв.
Бурковский п. 3 к.5	0	1	0	0	1	0	1	0	1	0	4	вторая половина IV – начало V вв.
Митинский п. 23	0	1	0	1	0	0	1	0	1	0	4	вторая половина IV – начало V вв.
Калашниковский к.4	0	0	1	0	1	0	1	0	1	0	4	вторая половина IV – начало V вв.
Первомайский п. 9	0	1	0	0	1	1	0	0	1	0	4	вторая половина IV – начало V вв.
Бродовский п. 4к.24	0	1	0	1	0	0	1	0	1	0	4	вторая половина IV – начало V вв.
Бродовский п. 2в к.25	1	0	0	0	1	0	1	0	1	0	4	вторая половина IV – начало V вв.
Ижевский п. 110	0	1	0	1	0	1	0	0	0	0	3	IV в.
Бродовский п. 1 к.25	0	1	0	0	1	0	1	0	1	0	4	вторая половина IV – начало V вв.
Ново Сасыкульский кв 19/с	0	1	0	1	0	0	1	0	0	0	0	
Ново Сасыкульский кв 22/ж	0	0	1	0	1	1	0	0	0	1	0	
Старо Кобановский могильник	0	1	1	0	1	1	0	0	0	0	0	
Красноярский могильник	0	0	1	1	0	0	1	1	1	0	0	
Ижевский могильник	0	1	0	1	0	1	0	0	0	0	0	
Рождественский могильник	0	1	0	0	1	1	0	0	0	1	0	
Масловский могильник	0	1	0	0	1	1	0	0	0	1	0	
Серебряхинское селище	0	1	0	1	0	1	0	0	1	0	0	

Усть_Брыкинский_могильник_1_	0	1	0	0	1	1	0	0	1	0	0	
Усть_Брыкинский_могильник_2	0	0	1	0	1	1	0	0	0	0	0	
Д. Старокабаново	0	1	0	0	1	1	0	0	0	0	0	

Таблица 7. Мечи хронологической группы 1 (I–II вв.)

№	Могильник	Короткий_клинок	Средний_клинок	Длинный_клинок	Узкий_клинок	Широкий_клинок	Отсутствие_перекрестия_навершия	Перекрестие	Навершие	Хвостовик_до_10_см	Хвостовик_свыше_11см	Период_	Период_дискр	Вер_1	Вер_2	Вер_3	Вер_4
1	Камышлы_Тамакский_ п. 68	1	0	0	1	0	0	1	0	0	1	1	1	0,98380	0,00748	0,00159	0,00713
2	Чеганда_II_ п. 26	0	1	0	1	0	0	1	1	1	0	1	1	0,53680	0,28676	0,00963	0,16681
3	Ново–Сасыкульский_ п. 346	1	0	0	1	0	0	1	1	0	0	1	1	0,98380	0,00748	0,00159	0,00713
4	Ново–Сасыкульский_ п. 361_	1	0	0	1	0	0	1	0	0	0	1	1	0,98380	0,00748	0,00159	0,00713
5	Кушелевский_III_ п. 66	1	0	0	1	0	1	0	0	1	0	1	1	0,90837	0,06275	0,02608	0,00280

6	Кушелевский_III_п. 306	1	0	0	1	0	0	1	0	1	0	1	1	0,98380	0,00748	0,00159	0,00713
7	Тарасовский_п. 608	1	0	0	1	0	1	0	0	0	0	1	1	0,90837	0,06275	0,02608	0,00280
8	Тарасовский_п. 1125	1	0	0	1	0	1	0	0	1	0	1	1	0,90837	0,06275	0,02608	0,00280
9	Тарасовский_п. 1307	1	0	0	1	0	1	0	0	1	0	1	1	0,90837	0,06275	0,02608	0,00280

Таблица 8. Мечи I–II вв. Хронологическая группа Б.

№	Моги́льник	Короткий_клинок	Средний_клинок	Длинный_клинок	Узкий_клинок	Широкий_клинок	Отсутствие_перекрестия_навершия	Перекрестие	Навершие	Хвостовик_до_10 см	Хвостовик_свыше_11 см	Период_	Период_дискр	Вер_1	Вер_2	Вер_3	Вер_4
1	Ново–Сасыкульский_п. 264	0	1	0	1	0	1	0	0	0	0	1	2	0 15864	0,76993	0,05043	0,02100
2	Городищенский_п. 2	0	1	0	1	0	1	0	0	1	0	1	2	0,15864	0,76993	0,05043	0,02100
3	Тарасовский_п. 680	0	0	1	1	0	1	0	0	0	0	1	2	0,15864	0,76993	0,05043	0,02100
4	Ново–Сасыкульский_п. 264	0	1	0	1	0	1	0	0	0	0	1	2	0,15864	0,76993	0,05043	0,02100

Таблица 9. Мечи хронологической группы 2 (III в.)

№	Могильник	Короткий_клинок	Средний_клинок	Длинный_клинок	Узкий_клинок	Широкий_клинок	Отсутствие_перекрестия_навершия	Перекрестие	Навершие	Хвостовик_до_10 см	Хвостовик_свыше_11 см	Период_	Период_дискр	Вер_1	Вер_2	Вер_3	Вер_4
1	Ошкинский_ п. 27	0	0	1	1	0	1	0	0	0	1	2	2	0,15864	0,76993	0,05043	0,02100
2	Тарасовский_ п. 4	0	0	1	1	0	0	0	1	0	1	2	2	0,15864	0,76993	0,05043	0,02100
3	Тарасовский_ п. 131_A	0	0	1	1	0	1	0	0	0	1	2	2	0,15864	0,76993	0,05043	0,02100
4	Тарасовский_ п. 782	0	0	1	1	0	0	0	1	0	1	2	2	0,15864	0,76993	0,05043	0,02100
5	Тарасовский_ п. 790	0	1	0	1	0	1	0	0	0	0	2	2	0,15864	0,76993	0,05043	0,02100
6	Нивский_ п. 16	0	1	0	1	0	1	0	0	1	0	2	2	0,15864	0,76993	0,05043	0,02100

Таблица 10. Мечи хронологической группы 3 (IV в. без последней четверти века)

№	Могильник	Короткий_клинок	Средний_клинок	Длинный_клинок	Узкий_клинок	Широкий_клинок	Отсутствие_перекрестия_навершия	Перекрестие	Навершие	Хвостовик_до_10 см	Хвостовик_свыше_11 см	Период_	Период_дискр	Вер_1	Вер_2	Вер_3	Вер_4
1	Тарасовский_ п. 60	0	1	0	0	1	1	0	0	0	1	3	3	0,01310	0,13053	0,62589	0,23047
2	Тарасовский_ п. 129	0	1	0	0	1	1	0	0	1	0	3	3	0,01310	0,13053	0,62589	0,23047
3	Тарасовский_ п. 199	0	0	1	0	1	1	0	0	0	1	3	3	0,01310	0,13053	0,62589	0,23047
4	Тарасовский_ п. 7656	0	0	1	0	1	0	0	1	0	0	3	3	0,01310	0,13053	0 62589	0 23047
5	Тарасовский_ п. 1685	0	0	1	0	1	0	0	1	0	0	3	3	0,01310	0,13053	0,62589	0,23047
6	Тарасовский_ п. 1779	0	1	0	0	1	1	0	0	1	0	3	3	0,01310	0,13053	0,62589	0,23047
7	Суворовский_ п. 1	0	0	1	0	1	0	0	1	0	1	3	3	0,01310	0,13053	0,62589	0,23047
8	Суворовский_ п. 17	0	1	0	0	1	1	0	0	1	0	3	3	0,01310	0,13053	0,62589	0,23047
9	Азелинский_ п. 5	0	0	1	0	1	1	0	0	0	1	3	3	0,01310	0,13053	0,62589	0,23047
10	Тюм_Тюм_п.,76	0	1	0	0	1	1	0	0	1	0	3	3	0,01310	0,13053	0,62589	0,23047

11	Тюм_Тюм_ п. 94а	0	0	1	0	1	1	0	0	1	0	3	3	0,01310	0,13053	0,62589	0,23047
12	Тюм_Тюм_ п. 94б	0	0	1	0	1	1	0	0	1	0	3	3	0,01310	0,13053	0,62589	0,23047
13	Тюм_Тюм_ п. 94в	0	1	0	0	1	1	0	0	0	1	3	3	0,01310	0,13053	0,62589	0,23047
14	Нормонский_ п. 19	0	0	1	0	1	0	0	1	0	1	3	3	0,01310	0,13053	0,62589	0,23047
15	Покровский_ п. 19	1	0	0	0	1	1	0	0	1	0	3	3	0,17050	0,02417	0,73542	0,06990
16	Покровский_ п. 26	0	0	1	0	1	0	0	1	1	0	3	3	0,01310	0,13053	0,62589	0,23047
17	Покровский_ п. 59	1	0	0	0	1	1	0	0	1	0	3	3	0 17050	0,02417	0,73542	0,06990
18	Покровский_ п. 63	0	1	0	0	1	1	0	0	1	0	3	3	0,01310	0,13053	0,62589	0,23047
19	Покровский_ п. 83	1	0	0	0	1	1	0	0	0	0	3	3	0,17050	0,02417	0,73542	0,06990
20	Покровский_ п. 99	1	0	0	0	1	1	0	0	0	0	3	3	0,17050	0,02417	0,73542	0,06990
21	Покровский_ п., 115	0	1	0	0	1	1	0	0	0	0	3	3	0,01310	0,13053	0,62589	0,23047
22	Покровский_ п. 261	0	1	0	0	1	1	0	1	1	0	3	3	0,01310	0,13053	0,62589	0,23047
23	Покровский_ п. 289	0	0	1	0	1	1	0	0	0	0	3	3	0,01310	0,13053	0,62589	0,23047
24	Покровский_ п. 325	1	0	0	0	1	1	0	0	0	0	3	3	0,17050	0,02417	0,73542	0,06990
25	Покровский_ п. 347	1	0	0	0	1	1	0	0	0	0	3	3	0,17050	0,02417	0,73542	0,06990
26	Ижевский_ п. 10	0	1	0	0	1	1	0	0	0	1	3	3	0,01310	0,13053	0,62589	0,23047
27	Ижевский_ п. 16	0	1	0	0	1	1	0	0	0	0	3	3	0,01310	0,13053	0,62589	0,23047
28	Усть_Сарапульский_ п. 105	0	1	0	0	1	1	0	0	0	0	3	3	0,01310	0,13053	0,62589	0,23047
29	Красноярский_ п. 83	0	1	0	0	1	1	0	0	0	1	3	3	0,01310	0,13053	0,62589	0,23047

Таблица 11. Мечи IV в. (Без последней четверти века) Хронологическая группа А.

№	Могильник	Короткий_клинок	Средний_клинок	Длинный_клинок	Узкий_клинок	Широкий_клинок	Отсутствие_перекрестия_навершия	Перекрестие	Навершие	Хвостовик_до_10 см	Хвостовик_свыше_11 см	Период_	Период_дискр	Вер_1	Вер_2	Вер_3	Вер_4
1	Тарасовский_ п. 765а	0	1	0	1	0	0	0	1	0	0	3	2	0,15864	0,76993	0,05043	0,02100
2	Усть_Сарапульский_ п. 89	0	1	0	1	0	1	0	0	0	1	3	2	0,15864	0,76993	0,05043	0,02100
3	Усть_Сарапульский_ п. 104	0	0	1	1	0	1	0	0	0	0	3	2	0,15864	0,76993	0,05043	0,02100
4	Ижевский_ п. 110	0	1	0	1	0	1	0	0	0	0	3	2	0,15864	0,76993	0,05043	0,02100
5	Тарасовский_ п. 765а	0	1	0	1	0	0	0	1	0	0	3	2	0,15864	0,76993	0,05043	0,02100
6	Усть_Сарапульский_ п. 89	0	1	0	1	0	1	0	0	0	1	3	2	0,15864	0,76993	0,05043	0,02100
7	Усть_Сарапульский_ п. 104	0	0	1	1	0	1	0	0	0	0	3	2	0,15864	0,76993	0,05043	0,02100

Таблица 12. Мечи хронологической группы 4 (конец IV–V вв.)

	Могильник	Короткий_клинок	Средний_клинок	Длинный_клинок	Узкий_клинок	Широкий_клинок	Отсутствие_перекрестия_навершия	Перекрестие	Навершие	Хвостовик_до_10 см	Хвостовик_свыше_11 см	Период_	Период_дискр	Вер_1	Вер_2	Вер_3	Вер_4
1	Тураевский_ п. 1к.1	0	1	0	0	1	0	1	1	1	0	4	4	0,02170	0,02380	0,05849	0,89601
2	Кудашевский_ п. 5	0	1	0	0	1	0	1	0	0	0	4	4	0,02170	0,02380	0,05849	0,89601
3	Кудашевский_ п. 6	0	1	0	0	1	0	1	1	0	0	4	4	0,02170	0,02380	0,05849	0,89601
4	Кудашевский_ п. 7	0	1	0	0	1	0	1	0	0	0	4	4	0,02170	0,02380	0,05849	0,89601
5	Кудашевский_ п. 8	0	1	0	0	1	0	1	1	0	0	4	4	0,02170	0,02380	0,05849	0,89601
6	Кудашевский_ п. 10	0	1	0	0	1	0	1	1	0	0	4	4	0,02170	0,02380	0,05849	0,89601
7	Кудашевский_ п. 15	0	0	1	0	1	0	1	0	0	0	4	4	0,02170	0,02380	0,05849	0,89601
8	Кудашевский_ п. 16	0	0	1	0	0	0	1	0	0	1	4	4	0,02170	0,02380	0,05849	0,89601

9	Бурковский_п. 3_к.5	0	1	0	0	1	0	1	0	1	0	4	4	0,02170	0,02380	0,05849	0,89601
10	Калашниковский_к. 4	0	0	1	0	1	0	1	0	1	0	4	4	0,02170	0,02380	0,05849	0,89601
11	Бродовский_ п.1_к.25	0	1	0	0	1	0	1	0	1	0	4	4	0,02170	0,02380	0,05849	0,89601

Таблица 13. Случайные находки.

№	Могильник	Короткий_клинок	Средний_клинок	Длинный_клинок	Узкий_клинок	Широкий_клинок	Отсутствие_перекрестия_навершия	Перекрестие	Навершие	Хвостовик_до_10_см	Хвостовик_свыше_11_см	Период_дискр	Вер_1	Вер_2	Вер_3	Вер_4
1	Ново_Сасыкульский_кв_19/с	0	1	0	1	0	0	1	0	0	0	1	0,53680	0,28676	0,00963	0,16681
2	Красноярский_могильник	0	0	1	1	0	0	1	1	1	0	1	0,53680	0,28676	0,00963	0,16681
3	Ижевский_могильник	0	1	0	1	0	1	0	0	0	0	2	0,15864	0,76993	0,05043	0,02100
4	Серебряхинское_селище	0	1	0	1	0	1	0	0	1	0	2	0,15864	0,76993	0,05043	0,02100
5	Ново_Сасыкульский_кв_22/ж	0	0	1	0	1	1	0	0	0	1	3	0,01310	0,13053	0,62589	0,23047
6	Старо_Кобановский_могильник	0	1	1	0	1	1	0	0	0	0	3	0,01310	0,13053	0,62589	0,23047
7	Рождественский_могильник	0	1	0	0	1	1	0	0	0	1	3	0,01310	0,13053	0,62589	0,23047

8	Масловский_могильник	0	1	0	0	1	1	0	0	0	1	3	0,01310	0,13053	0,62589	0,23047
9	Усть_Брыскинский_могильник_1_	0	1	0	0	1	1	0	0	1	0	3	0,01310	0,13053	0,62589	0,23047
10	Усть_Брыскинский_могильник_2	0	0	1	0	1	1	0	0	0	0	3	0,01310	0,13053	0,62589	0,23047
11	Д._Старокабаново	0	1	0	0	1	1	0	0	0	0	3	0,01310	0,13053	0,62589	0,23047

Таблица 14. Ошибки дискриминантного анализа.

	Могильник	Короткий_клинок	Средний_клинок	Длинный_клинок	Узкий_клинок	Широкий_клинок	Отсутствие_перекрестия_навершия	Перекрестие	Навершие	Хвостовик_до_10	Хвостовик_свыше_11	Период_	Период_дискр	Вер_1	Вер_2	Вер_3	Вер_4
1	Нырганда_II_п. 152	0	1	0	0	1	0	1	1	1	0	1	4	0,02170	0,02380	0,05849	0,89601
2	Ново-Сасыкульский_п. 260	0	0	1	0	1	0	1	1	1	0	1	4	0,02170	0,02380	0,05849	0,89601
3	Чеганда_II_п. 156	0	1	0	0	1	1	0	0	1	0	1	3	0,01310	0,13053	0,62589	0,23047
4	Нивский_п. 17	0	0	1	0	1	0	1	1	0	0	2	4	0,02170	0,02380	0,05849	0,89601
5	Суворовский_п. 30	0	0	1	0	1	0	1	1	0	1	3	4	0,02170	0,02380	0,05849	0,89601
6	Тураевский_к.5	0	1	0	1	0	0	1	1	0	0	4	1	0,53680	0,28676	0,00963	0,16681
7	Митинский_п. 23	0	1	0	1	0	0	1	0	1	0	4	1	0,53680	0,28676	0,00963	0,16681
8	Бродовский_п. 4к.24	0	1	0	1	0	0	1	0	1	0	4	1	0,53680	0,28676	0,00963	0,16681
9	Бродовский_п. 2в_к.25	1	0	0	0	1	0	1	0	1	0	4	1	0,45019	0,00703	0,10956	0,43323

7.3 Сводные таблицы

Таблица 15. Мечи.

№	Могильник	Комплекс	Датировка памятника	Состояние	Сечение	Длина клинка (см.)	Тип перехода от клинка к хвостовику	Ширина клинка (см)	Длина рукояти (см)	Длина хвостовика (см)	Форма наваршия	Материал наваршия	Длина гарды (см)	Форма гарды	Источник
1	Нырганда II	Погр. 152	I в. до н.э. – III в. н.э.	Сохранность полная	Линз.	76		4,6	9		Кольцеобразная	Железо	7,5	Прямая	Генинг В.Ф. Одинцов В.В. Отчет о раскопках Ныргандинского II могильника. Свердловск, 1970. С. 18
2	Нырганда II	П. 181	I в. до н.э. – III в. н.э.												Генинг В.Ф. Одинцов В.В. Отчет о раскопках Ныргандинского II могильника. Свердловск, 1970. С. 22
3	Нырганда II	П. 195	I в. до н.э. – III в. н.э.												Генинг В.Ф. Одинцов В.В. Отчет о раскопках Ныргандинского II Свердловск, 1970. С. 25
4	Нырганда II	П. 196	I в. до н.э. – III в. н.э.												Генинг В.Ф. Одинцов В.В. Отчет о раскопках Ныргандинского II могильника. Свердловск. 1970. С. 25

5	Камышлы Тамакский	П. 68	II в. до н.э. – II в. н.э.	Сохранность полная		61		3		14			5		Зубов С.Э. Саттаров Р.Р. Сарматские импорты и заимствования в вооружении племен пьяноборской культуры Икско – Бельского междуречья.// Известия Самарского научного центра академии наук. Самара, 2014. Т.16. №3. Рис. 2–3
7	Чеганда II	П. 26	III в. до н.э. – II в. н.э.	Сохранность полная	Ромб.	70	Прям	3,4		8	Цилиндрч еская	Медь	6,5	Прямая	Генинг В.Ф. История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху.// ВАУ. Свердловск, 1971. №10. С. 63.
8	Чеганда II	П. 36	III в. до н.э. – II в. н.э.	фрагмент		23									Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. // ВАУ. Свердловск, 1971. №10. С. 63.
9	Чеганда II	П. 156	III в. до н.э. – II в. н.э.	Сохранность полная	Ромб.	80	Треуг.	4,3		9					Генинг В.Ф. История населения Удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху. // ВАУ. Ижевск, 1970. Вып. 10. С. 63
10	Афонинский	П. 15	I-III вв.												Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа, 1990. С. 118
11	Афонинский	П. 169	I-III вв.												Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа, 1990. С. 118
12	Ново– Сасыкульский	П. 260	I–III вв	Сохранность полная	Линз.	84	Прям.	5		9,4	Неправиль ный овал	Раковина	8	Секирооб разная	Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново–Сасыкульский могильник //Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986. Рис. 16–1
13	Ново– Сасыкульский	П. 264	I–III вв	хвостовик сохранился не полностью	Ромб.	75	Треуг.	3		5	Неправиль ный овал	Раковина			Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново–Сасыкульский могильник //Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986. Рис. 16–3

14	Ново-Сасыкульский	П. 346	I–III вв.	Отсутствует часть хвостовика	Линз.	44	Прям.	3,2		5	Кольцеобразная	Железо	5	Прямая	Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново–Сасыкульский могильник.// Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986. Рис. 16–5
15	Ново-Сасыкульский	П. 361	I–III вв.	Хвостовик отсутствует	Ромб.	61,2	Прям.	3,7	,	Нео.			5	Прямая	Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново–Сасыкульский могильник .//Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986. Рис. 16–2
16	Кушелевский III	П. 66	I–II вв.	Вероятно отсутствует острие лезвия сильно вышерблены	Линз.	51	Треуг.	3,6	,	10					Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. Новый памятник пьяноборской культуры в Башкирии. Уфа, 1985. Рис. 5–1
17	Кушелевский III	П. 306	I–II вв.	Сохранность полная	Линз.	56	Прям.	3,6		4,5			5	Ромбовидная	Агеев Б.Б., Мажитов Н.А. Новый памятник пьяноборской культуры в Башкирии. Уфа, 1985. С. 8 Рис. 5–2
18	Городищенский	П. 2	III–IV вв.	Сохранность полная	Ромб.	70	Треуг.	3,8		8,3					Наговицын Л.А. Семенов В.А. Городищенский могильник III–V вв. // Материалы к ранней истории населения Удмуртии. Ижевск, 1978. Табл. 2–4. С. 123
19	Ошкинский	П. 27	II–III вв.	Сохранность полная	Линз.	81	Прям.	3,7		14					Лещинская Н.А. Ошкинский могильник–памятник пьяноборской эпохи на Вятке. //Научные доклады сотрудников Камско–вятской археологической экспедиции. Ижевск, 2000. №2. С. 65
20	Тарасовский	П. 4	I–V вв.	Клинок сломан но его фрагменты не утрачены	Линз.	82,5	Треуг.	3,5	,	18	Дискообразная	Халцедон			Голдина Р.Д., Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск, 2003. Т. II. Табл. 2–27

21	Тарасовский	П. 6	I–V вв.	Клинок сломан утрачена часть лезвия. Хвостовик сохранился не полностью	Ромб.	73,5	Треуг.	5		5,5					Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск, 2003. Т. II. Табл. 22–32
22	Тарасовский	П. 60	I–V вв.	Острие разрушено и основание клинка разрушены	Ромб.	74	Нео.	4		12					Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск, 2003. Т. II. Табл. 23–32
23	Тарасовский	П. 129	I–V вв.	хвостовик сохранился не полностью	Линз.	73,3	Прям.	5,3		6,6					Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск, 2004. Т. II. Табл. 45–14
24	Тарасовский	П. 131A	I–V вв.	Сохранность полная	Линз.	85,6	Треуг.	3		11					Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск, 2003. Т. II. Табл. 45–14
25	Тарасовский	П. 199	I–V вв.	Основание клинка и острие разрушено	Линз.	83	Треуг.	5		15					Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск, 2003. Т. II. Табл. 83–9
26	Тарасовский	П. 235	I–V вв.	Острие разрушено	Линз.	83	Прям.	4,5		10					Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск, 2003. Т. II. Табл. 99–8
27	Тарасовский	П. 241	I–V вв.	Фрагментирован											Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск, 2004. Т. I. С. 51
28	Тарасовский	П. 446	I–V вв.	Острие разрушено	Линз.	81,5	Нео.	5		11					Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск, 2003. Т. II. Табл. 193–14
29	Тарасовский	П. 474	I–V вв.	Отсутствует часть клинка у острия	Линз.	54	Прям.	5		7,4					Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск, 2003. Т. II. Табл. 205–3

30	Тарасовский	П. 608	I–V вв.	Часть хвостовика утрачена	Линз.	51	Треуг.	2,1		3					Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск, 2003. Т. II. Табл. 257–15
31	Тарасовский	П. 680	I–V вв.	Сломан хвостовик	Линз.	81	Треуг.	3,1		3,5					Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск, 2003. Т. II. Табл. 329–19
32	Тарасовский	П. 765А	I–V вв.	Клинок сломан в 5 местах. Отсутствует часть хвостовика	Линз.	74	Треуг.	4		3	Дискообразная	Халцедон			Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск, 2003. Т. II. Табл. 329–19
33	Тарасовский	П. 765Б	I–V вв.	Клинок сильно поврежден основание клинка разрушено. Хвостовик в нескольких местах сломан.	Линз.	76	Нео.	4,3	20		Дискообразная	Халцедон			Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск, 2003. Т. II. Табл. 330–13
34	Тарасовский	П. 782	I–V вв.	Клинок сломан в двух местах но утерянные фрагменты не значительны	Линз.	102	Треуг.	3,2		16	Дискообразная	Халцедон			Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск, 2003. Т. II. Табл. 341–38
35	Тарасовский	П. 790	I–V вв.	Клинок сломан в 5 местах утраченные части вероятно незначительны. Часть хвостовика утрачена.	Линз.	65	Прям.	4		4,7					Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск, 2003. Т. II. Табл. 2–14

36	Тарасовский	П. 1125	I–V вв.	Сохранность полная	Линз.	58	Треуг.	3,2		7,2					Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск, 2003. Т. II. Табл. 453–19
37	Тарасовский	П. 1307	I–V вв.	Сохранность полная	Ромб.	60		4		8,5					Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск, 2003. Т. II. Табл. 506–3
38	Тарасовский	П. 1685	I–V вв.	Клинок сильно фрагментирован.	Линз.	85	Нео.	5,5	2		Дискообразная	Халцедон			Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск, 2003. Т. II. Табл. 618–32.
39	Тарасовский	П. 1703	I–V вв.	Разрушено острие и часть лезвий в средней части клинка	Линз.	84	Треуг.	4,5		13					Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск, 2003. Т. II. Табл. 632–10
40	Тарасовский	П. 1737	I–V вв.	Фрагмент клинка	Линз.	30		4							Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск, 2003. Т. II. Табл. 642–10
41	Тарасовский	П. 1772	I–V вв.	Основание клинка и хвостовик утрачены	Линз.	64	Нео.	4,6							Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск, 2003. Т. II. Табл. 655–12
42	Тарасовский	П. 1779	I–V вв.	Хвостовик и основание клинка отсутствуют	Линз.	65	Нео.	4,5							Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск, 2003. Т. II. Табл. 661–7
43	Тарасовский	П. 1784	I–V вв.	Клинок фрагментирован	Линз.	27	Нео.	3,2			Дискообразная	Стекло			Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск, 2003. Т. II. Табл. 665–12
44	Суворовский	П. 1	III – V вв.	Сохранность полная	Линз.	85		5,2	36	11	Набалдашник	Железо			Генинг В.Ф. Азелинская культура// ВАУ. Ижевск, 1963. №5. Рис.56

45	Суворовский	П. 17	III–V вв.	Сохранность полная	Линз.	74	Треуг.	4,5		10					Генинг В.Ф. Азелинская культура// ВАУ. Ижевск, 1963. №5. С. 118
46	Суворовский	П. 20	III–V вв.												Генинг В.Ф. Азелинская культура// ВАУ. Ижевск, 1963. №5. С. 118
47	Суворовский	П. 30	III–V вв.	Сохранность полная	Линз.	83	Прям.	5,3	30	12	Набалдашн ик	Железо	6	Прямая	Генинг В.Ф. Азелинская культура// ВАУ. Ижевск, 1963. №5. Табл. XIX–11
48	Рождественск ий V	П. 75	III–IV вв.	Сохранность полная	Линз.	38	Прям.	4,2		5					Старостин П. Н. Рождественский V// Археология евразийских степей. Казань, 2009. №9. Рис.16–6
49	Рождественск ий V	П. 117	III–IV вв.	Сохранность полная	Линз.	70	Прям.	4	40	14	Дискообраз ная	Бронза			Старостин П. Н. Рождественский V// Археология евразийских степей. Казань, 2009. №9. Рис. 24–32
50	Азелинский	П. 5	III–IV вв.	Сохранность полная	Линз.	84,5	Прям.	5		20					Генинг В.Ф. Азелинская культура// ВАУ. Ижевск, 1963. №5. Табл. XIX–10
51	Тюм Тюм	П. 36	III–IV вв.	Сохранился фрагментарн о	Линз.										Ошибкина С.В. Вятские древности: могильник Тюм Тюм.// Материалы охранных исследований. М, 2010. Т.13. Табл. 10-1
52	Тюм Тюм	П. 76	III–V вв.	Сохранность полная	Линз.	76	Треуг.	4,4		6,8	,				Ошибкина С.В. Вятские древности : могильник Тюм Тюм. // Материалы охранных исследований. М, 2010. Т.13. Табл. 64–1
53	Тюм Тюм	П. 94А	III–IV вв	Сохранность полная	Линз.	77,6	Треуг.	4,8		9,2					Ошибкина. С.В. Вятские древности: могильник Тюм Тюм.// Материалы охранных исследований. М, 2010. Т.13. Табл. 64 –4

54	Тюм Тюм	П. 94Б	III–IV вв.	Сохранность полная	Линз.	84		5,2		9,2					Ошибкина С.В. Вятские древности: могильник Тюм Тюм. // Материалы охранных исследований. М, 2010. Т.13. Табл. 64–2
55	Тюм Тюм	П. 94В	III–IV вв.	Отсутствует часть острия	Линз.	77,6	Треуг.	5,6		15					Ошибкина. С.В. Вятские древности: Тюм Тюм.// Материалы охранных исследований. М, 2010. Т.13. Табл. 64 –3
56	Нармонский	П. 19	III–IV вв.	Сохранность полная	Линз.	77	Прям.	5,1		15	Набалдаш ик	Железо			Овчинников А.В. Новые материалы с Рождественского V и Нармонского могильников азелинской культуры// Поликультурный мир Среднего Поволжья: социально–антропологические и исторические аспекты. Казань, 2014. Т.1. Рис. 12
57	Усть– Брыскинский	П. 17	III–IV вв	Не сохранилось острие и хвостовик	Линз.	19,6									Матвеев Р.В. Вооружение населения Волго–Вятского междуречья в конце II–IV вв. н.э. Казань, 2013. Рис. 9–3
58	Усть– Брыскинский	П. 23	III–IV вв.	Сохранность полная	Линз.	80	Прям.	5,4		12					Матвеев Р.В. Вооружение населения Волго–Вятского междуречья в конце II–IV вв. н.э. Казань, 2013. Рис. 9–4
59	Усть– Брыскинский	П. 36	III–IV вв.	Сохранность полная	Линз.	80	Треуг.	5,4		10					Матвеев Р.В. Вооружение населения Волго–Вятского междуречья в конце II–IV вв. н.э. Казань, 2013. Рис. 9–5
60	Усть– Брыскинский	П. 44	III–IV вв.	Клинок сломан на 5 частей	Линз.	80	Треуг.	5,2		10					Матвеев Р.В.. Вооружение населения Волго–Вятского междуречья в конце II–IV вв. н.э. .Казань, 2013. Рис. 9–6

61	Нивский	П. 10	IV–V вв.	фрагмент	Линз.										Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1997. С. 266
62	Нивский	П. 17	IV–V вв.	Хвостовик мог сохраниться не полностью	Линз.	88	Прям.	5,3	33	6,5	Набалдашн ик	Железо		Прямая	Останина Т.Н. Нивский III–V в. Материалы по ранней истории населения Удмуртии. Ижевск, 1971. Табл. V
63	Нивский	П. 16	IV–V вв.	Сохранность полная	Линз.	75,5	Треуг.	3,7		10					Останина Т.Н. Нивский III V в. Материалы по ранней истории населения Удмуртии. Ижевск, 1971. Табл. V
64	Покровский	П. 19	IV–V вв.	Острие и хвостовик частично повреждены	Линз.	51,8	Треуг.	5,5		5					Останина Т.И. Покровский могильник. Каталог археологической коллекции. Ижевск, 1992. С. 17
65	Покровский	П. 26	IV–V вв.	Утрачена часть хвостовика и острия	Линз.	89,5	Треуг.	4,5		6,5	Неправиль ный овал	Раковина.			Останина Т.И. Покровский могильник. Каталог археологической коллекции. Ижевск, 1992. С. 17
66	Покровский	П. 59	IV–V вв.	Отсутствует часть острия	Линз.	39	Треуг.	4,4		5					Останина Т.И. Покровский могильник. Каталог археологической коллекции. Ижевск, 1992. С. 19
67	Покровский	П. 63	IV–V вв.	Хвостовик сломан вышербины на лезвии	Линз.	75	Треуг.	4,3		4,5					Останина Т.И. Покровский могильник. Каталог археологической коллекции. Ижевск, 1992. С. 23
68	Покровский	П. 83	IV–V вв.		Линз.	56					Набалдашн ик	Железо			Останина Т.И. Покровский могильник. Каталог археологической коллекции. Ижевск, 1992. С. 23
69	Покровский	П. 99	IV–V вв.	Сохранность полная	Линз.	57	Треуг.	4,9		6,5					Останина Т.И. Покровский могильник. Каталог археологической коллекции. Ижевск, 1992. С. 23

70	Покровский	П. 115	IV–V вв.	Хвостовик сломан лезвия клинки сильно повреждены	Линз.	77	Треуг.	4,7		2,7					Останина Т.И. Покровский могильник. Каталог археологической коллекции. Ижевск, 1992. С. 23
71	Покровский	П. 261	IV–V вв.	Разрушено острие и поврежден хвостовик	Линз.	72	Треуг.	4,5		9	Неправиль ный овал	Раковина			Останина Т.И. Покровский могильник. Каталог археологической коллекции. Ижевск, 1992. С. 33
72	Покровский	П. 289	IV–V вв.	Отсутствует часть хвостовика	Линз.	82	Треуг.	5		3					Останина Т.И. Покровский могильник. Каталог археологической коллекции. Ижевск, 1992. С. 34
73	Покровский	П. 325	IV–V вв.	Отсутствует хвостовик и часть острия.	Линз.	53	Треуг.	4,4		Нео.					Останина Т.И. Покровский могильник. Каталог археологической коллекции. Ижевск, 1992. С. 36
74	Покровский	П. 347	IV–V вв.		Линз.	52			27						Останина Т.И. Покровский могильник. Каталог археологической коллекции. Ижевск, 1992. С. 38
75	Ижевский	П. 5	IV–V вв.		Линз.										Генинг В.Ф. Ижевский IV–V вв. //ВАУ. Свердловск, 1967. №7. С. 133
76	Ижевский	П. 10	IV–V вв.	Сохранность полная	Линз.	66		4,5		14					Генинг В.Ф. Ижевский IV–V вв. //ВАУ. Свердловск, 1967. №7. С. 133
77	Ижевский	П. 16	IV–V вв.	Сохранность полная	Линз.	79	Треуг.	4,5	40	Н					Генинг В.Ф. Ижевский IV–V вв. //ВАУ. Свердловск, 1967. №7. С. 134
78	Ижевский	П. 110	IV–V вв.	Отсутствует хвостовик	Линз.	73,8	Треуг.	4,1							

79	Тураевский	П. 171	Вторая полови на IV–V вв	Сохранность полная	Линз.	70.8	Прям.	5,1	21		Дискообраз ная	Халцедон			Голдина Р.Д Бернц В.А. Предварительные итоги раскопок бескурганной части Тураевского могильника.// Удмуртской археологической экспедиции 50 лет. Ижевск, 2004. С. 158
80	Тураевский	П. 1 Курган 1	Вторая полови на IV–V вв	Сохранность полная	Линз.	77	Прям.	5		8	Набалдашн ик	Железо	9	Прямая	Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (Захоронения военачальников)// Из археологии Волго–Камья Казань, 1976. С. 60
81	Тураевский	Курган 2	Вторая полови на IV– V вв	Фрагменты клинки											Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (Захоронения военачальников)// Из археологии Волго–Камья. Казань, 1976. С. 63
82	Тураевский	Курган 5	Вторая полови на IV–V вв	Сохранность полная	Линз.	77	Прям.	4	24		Рюмкообра зная	Серебро.	6	Ромбовид ная	Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (Захоронения военачальников)// Из археологии Волго–Камья. Казань, 1976. С. 70
83	Тураевский	П. 2 Курган 3.	Вторая полови на IV–V вв	Фрагменты клинки											Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (Захоронения военачальников)// Из археологии Волго–Камья. Казань, 1976. С. 66
84	Тураевский	Курган 6.	Вторая полови на IV–V вв	Фрагменты клинки											Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (Захоронения военачальников)// Из археологии Волго – Камья. Казань, 1976. С. 74
85	Тураевский	П. 1 А Курган 7.	Вторая полови на IV – V вв	Сохранность полная	Линз.	75		4,5		15					Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (Захоронения военачальников)// Из археологии Волго–Камья. Казань, 1976. С. 76
86	Тураевский	П. 1 Б Курган 7.	Вторая полови на IV – V вв	Сохранность полная	Линз.	70	Треуг.	4,5		11					Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (Захоронения военачальников)// Из археологии Волго–Камья. Казань, 1976. С. 78

87	Тураевский	П. 2 Курган 7.	Вторая полови на IV–V вв	Сохранились обломки											Генинг В.Ф. Тураевский могильник V в. н.э. (Захоронения военачальников)// Из археологии Волго–Камья. Казань, 1976. С. 78
88	Мокинский	П. 81	III–VI вв.	Сохранность полная	3 дола	73	Прям.	5,7		10			7,7	Прямая	
89	Мокинский	П. 85	III–VI вв.	Фрагментиро ван	Линз.	8,2		3,5							
90	Мокинский	П. 98	III–VI вв.	Фрагментиро ван							Фалера	Халщедон			Колобов А.В. Кулябина Н.В. Мельничук А.Ф. Античная гемма из Пермского Приуралья. //Археология и этнография среднего Приуралья. Березники, 2001. №1. С. 107
91	Мокинский	П. 105	III–VI вв.	Сохранность полная	Линз.	77,7	Треуг.	3,8		9,6					
92	Мокинский	П. 106	III–VI вв.	Фрагментиро ван											Колобов А.В., Кулябина Н.В., Мельничук А.Ф. Античная гемма из Пермского Приуралья.//Археология и этнография среднего Приуралья. Березники, 2001. №1. С. 107
93	Мокинский	П. 144	III–VI вв.	Фрагменты клинки											Соболева Н.В. Отчет о раскопках Мокинского могильника в 1991. Пермь 1991. С. 13
94	Мокинский	П. 160	III–VI вв.	Фрагментиро ван											Соболева Н.В. Отче о раскопках Мокинского а в 1991 году. Пермь, 1992. С. 22
95	Мокинский	П. 232	III–VI вв.	Фрагментиро ван											Перескоков М.Л. Погребальный обряд поздней части Мокинского могильника в Среднем Прикамье (по материалам раскопок 1994г.)// Вестник Пермского университета. Пермь, 2011. №1 (15). С. 66.
96	Мокинский	П. 255	III–VI вв.	Фрагмент клинки											Мингалев В.В. Перескоков М.Л. Результаты охранных раскопок Мокинского могильника III–VI в.

															в Пермском Прикамье в 2013г.// Проблемы сохранения и использования культурного наследия. Екатеринбург, 2014. Рис. 2–2.
97	Старо–Муштинский	Тайник курган 17	III–IV вв.	Сохранность полная	Линз.	93,4	Прям.	5,5		12					Сунгатов Ф.А. Тарустович Г.Н. Юсупов. Р.Н. Приуралье в эпоху Великого переселения народов. Уфа, 2004. Рис. 36
98	Старо–Муштинский	Курган 2	III–IV вв.	Фрагментирован											Сунгатов Ф.А. Тарустович Г.Н. Юсупов Р.Н. Приуралье в эпоху Великого переселения народов. Уфа 2004. Рис. 36
99	Старо–Муштинский	П. 1 Курагн 5.	III–IV вв.	Фрагментирован											Сунгатов Ф.А. Тарустович Г.Н. Юсупов Р.Н. Приуралье в эпоху Великого переселения народов. Уфа, 2004. Рис. 36
100	Дубровский	П. 11	IV–V вв.	Сохранность полная	Линз.	91	Прям.	6		8,5					Черемных Е.М., Перевозчикова С.А., Бернц В.А. Открытие и исследование нового могильника IV–V вв. на юге Удмуртии// XIII Бадеровские чтения. Ижевск, 2010. С. 209
101	Дубровский	П. 21А	IV–V вв.												Черемных Е.М., Перевозчикова С.А., Бернц В.А. Открытие и исследование нового могильника IV–V вв. на юге Удмуртии// XIII Бадеровские чтения. Ижевск, 2010. С. 209
102	Дубровский	П. 22	IV–V вв.												Черемных Е.М., Перевозчикова С.А., Бернц В.А. Открытие и исследование нового могильника IV–V вв. на юге Удмуртии// XIII Бадеровские чтения. Ижевск, 2010. С. 209

103	Дубровский	П. 128	IV–V вв.											Черемных Е.М., Перевозчикова С.А., Бернц В.А. Открытие и исследование нового могильника IV–V вв. на юге Удмуртии // XIII Бадеровские чтения. Ижевск, 2010. С. 209
104	Дубровский	П. 29	IV–V вв.	Сохранность полная	Линз.	77	Прям.	5		12				Черемных Е.М., Перевозчикова С.А., Бернц В.А. Открытие и исследование нового могильника IV–V вв. на юге Удмуртии// XIII Бадеровские чтения. Ижевск, 2010. С. 209
105	Усть Сарапульский	П. 89	IV–V вв.	Клинок состоит из 5– 7 фрагментов но не сохранилось видимо только острие	Линз.	58	Треуг.	3,8		11	Дискообраз ная	Халцедон		Арма тынская О.В. Усть– Сарапульский могильник // Приуралье в древности и средние века. Устинов, 1986. С. 105
106	Усть Сарапульский	П. 104	IV–V вв.	Утрачена часть хвостовика	Линз.	78,2		4,1						Арма тынская О.В. Отчет о работах в Сарапульском районе удмуртской АССР и Менделеевском р–оне в 1986. Инский и Усть–Сарапульский могильники. Устинов,. 1986. С. 13
107	Усть Сарапульский	П. 105	IV–V вв.	Утрачен хвостовик и острие клинки	Линз.	71,5		5,5						Арма тынская О.В. Отчет о работах в Сарапульском районе удмуртской АССР и Менделеевском р–оне в Инский и Усть–Сарапульский могильники. Устинов, 1986. С. 13
108	Красноярский	П. 83	III–V вв.	Отсутствует нижняя половина клинки	Линз.	34,3	Треуг.	4,5		11				Казанцева О.А. Каталог археологических памятников Бардымского района Пермской области. Ижевск, 2004. С. 166

109	Кудашевский	П. 5	IV–V вв.	Клинок сильно фрагментиро ван	Линз.	53,9		6,4	11				7,4	Прямая	Казанцевой О.А. Кудашевский могильник. Отчет о работах в Бардымском районе Пермской области. Ижевск, 1990. Рис. 33
110	Кудашевский	П. 6	IV–V вв.		Линз.	53,7		7	15		Рюмкообра зная	Серебро.	7,7	Прямая	Казанцевой О.А. Кудашевский могильник. Отчет о работах в Бардымском районе Пермской области. Ижевск, 1990. С. 8–9 Рис. 36
111	Кудашевский	П. 7	IV–V вв.	Клинок фрагментиро ван	Линз.	65,6		5,8	12						Казанцевой О.А. Кудашевский могильник. Отчет о работах в Бардымском районе Пермской области. Ижевск, 1990. С. 9 Рис. 50
112	Кудашевский	П. 8	IV–V вв.	Клинок сильно фрагментиро ван. Утрачена часть перекрестия	Линз.	58,1		Н	11		Дискообраз ная	Халцедон .	Н		Казанцевой О.А. Кудашевский могильник. Отчет о работах в Бардымском районе Пермской области. Ижевск, 1990. С. 10
113	Кудашевский	П. 10	IV–V вв.	Клинок фрагментиро ван часть фрагментов видимо отсутствует	Линз.	70		5,8	6,6		Рюмкообра зная	Серебро.	6 2	Прямая	Казанцевой О.А. Кудашевский могильник. Отчет о работах в Бардымском районе Пермской области. Ижевск, 1991. Рис. 20
114	Кудашевский	П. 15	IV–V вв.	Клинок сильно фрагментиро ван	Линз.	85		4,7	7,5				6,2	Прямая	Казанцевой О.А. Кудашевский могильник. Отчет о работах в Бардымском районе Пермской области. Ижевск, 1991. Рис. 15
115	Кудашевский	П. 16	IV–V вв.	Клинок сломан в нижней трети. Острие не сохранилась	Линз	79,2	Прям.	6,1		14			9,4	Прямая	Казанцевой О.А. Кудашевский могильник. Отчет о работах в Бардымском районе Пермской области. Ижевск, 1991. Рис. 49

116	Бурковский	П. 17	V–VI вв.	Обнаружено несколько фрагментов клинки	Линз.										Генинг В.Ф. Голдина Р.Д. Курганные и харинского типа в верхнем Прикамье // ВАУ. Ижевск, 1973. №12. С.97
117	Бурковский	П. 75	V–VI вв.		Линз.										Генинг В.Ф. Голдина Р.Д. Курганные и харинского типа в верхнем Прикамье // ВАУ. Ижевск, 1973. №12. С.97
118	Бурковский	П. 3 Курган 5	V–VI вв.			88		5		9			Прямая		Генинг В.Ф. Голдина Р.Д. Курганные и харинского типа в верхнем Прикамье // ВАУ. Ижевск, 1973. №12. С.89
119	Митинский	П. 23	V–VI вв.		Линз.	50		3,8		8			Прямая		Генинг В.Ф. Голдина Р.Д. Курганные и харинского типа в верхнем Прикамье // ВАУ. Ижевск, 1973. №12. С.112
120	Калашниковский	Курган 4.	V–VI вв.	Сохранность полная	Линз.	83	Прям.	5		9			9	Прямая	
121	Качка	П. 4	III–V вв.	Обломки клинки											Генинг В.Ф. Качка //Отчет Камской (Воткинской) экспедиции. М, 1959. №1–2. С. 199
122	Первомайский	П. 9	Вторая половина IV в.	У клинка отсутствует острие сохранность хвостовика неполная .	Линз.	69,4	Треуг.	5,6		8,8					Макаров Л.Д. Отчет о работах в 1987 в Кировской области. Ижевск, 1987. С. 63
123	Бродовский	П. 4 Курган 24	IV–V вв.	Сохранность полная	Линз.	69,6	Треуг.	4,2		7			5 9	Простая	Голдина Р.Д Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990. Табл. LI
123	Бродовский	П. 2В Курган 25.	IV–V вв.	Сохранность полная	Линз.	53	Прям.						6	Прямая	Голдина Р.Д Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990. Табл. LI

124	Бродовский	П. 1 Курган 25	IV–V вв.		Линз.	68,3	Прям.	5		5			6	Прямая	Голдина Р.Д. Водолаго Н.В. Могильники неволинской культуры в Приуралье. Иркутск, 1990. Табл. LII

Таблица 16. Палаши.

№	Могильник	Комплекс	Датировка памятника	Состояние	Длина клинка	Ширина клинка 0	Длина рукояти	Длина хвостовика	Форма навершия	Материал навершия	Длина перекрестия	Форма перекрестия	Материал перекрестия	Источник
1	Нырганда II	П. 71	I в. до н.э. – III в. н.э.	Сохранность полная	51	2,8			Антеннови дная	Бронза	3 8	Прямая	Железо	Генинг В.Ф. Одинцов В.В. Отчет о раскопках могильника Нырганда II в Каракульском р-он Удмуртской АССР произведенных удмуртским отрядом Нижне-Камской экспедиции в 1968. Свердловск, 1969. С. 9.
2	Нырганда II	П. 78	I в. до н.э. – III в. н.э.	Сохранность полная					Антеннови дная	Железо		Прямая		Генинг В. Ф. Одинцов В.В. Отчет о раскопках могильника Нырганда II в Каракульском р-он Удмуртской АССР произведенных удмуртским

														отрядом Нижне–Камской экспедиции в 1969. Свердловск,. 1970. Табл. III–9.
3	Нырганда II	П. 79	I в. до н.э. – III в. н.э.	Сохранность полная					Антеннови дная	Бронза		Прямая		Генинг В. Ф. Одинцов В.В. Отчет о раскопках могильника Нырганда II в Каракульском р – он Удмуртской АССР произведенных удмуртским отрядом Нижне – Камской экспедиции в 1969. Свердловск, 1970. С. 62 Табл. X – 2.
4	Тарасовский	П. 733	I – V вв.	Обломаны концы навершия	72,5	3	16		Антеннови дная	Железо	5	Прямая	Железо	Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск, 2003. Т. II. Табл. 329–19
5	Тарасовский	П. 1291	I–V вв.	Сохранность полная	69	3		7						Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск, 2003. Т. II. Табл. 499–3
6	Тарасовский	П. 1317	I–V вв.	Сохранность полная	77,4	3,2	11		Антеннови дная	Железо		Прямая		Голдина Р.Д. Тарасовский могильник I–V вв. на Средней Каме. Ижевск, 2003. Т. II. Табл. 509–10
7	Афонинский	П. 133	I–III вв.	Сохранность полная	50,5	2,6	9		Антеннови дная	Железо	3 2	Прямая	Железо	Зубов С. Э. Ранние палаши Волго–Уралья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск ,2007. Рис. 3–3

8	Афонинский	П. 143	I-III вв.	Сохранность полная	54	2,6	9		Антенновидная	Железо	3,2		Железо	Зубов С. Э. Ранние палаши Волго–Уралья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск, 2007. Рис. 3–4.
9	Афонинский	П. 167	I-III вв.	Сохранность полная										Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа, 1992. С. 125
10	Чеганда II	П. 7	III в. до н.э.–II в. н.э.	Сохранность полная	55	3	13,5	6 5	Антенновидная	Бронза	6	Прямая	Железо	Генинг В.Ф. История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху.// ВАУ. Ижевск, 1971. №10. С. 7.
11	Чеганда II	П. 33	III в. до н.э.–II в. н.э.	Обнаружен фрагмент клинка	42,5	3								Генинг В.Ф. История населения удмуртского Прикамья в пьяноборскую эпоху.//ВАУ. Ижевск, 1971. №10. С. 63
12	Охлебнинский	П. 210	IV до н.э.–III в. н.э.	Сохранность полная	69	2,4		10			4,2	Прямая		Зубов С. Э. Ранние палаши Волго–Уралья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск, 2007. Рис. 3–5

13	Охлебнинский	П. 230	IV до н.э.– III в. н.э	Сохранность полная	60	2,4	,	10			3,5	Прямая	Зубов С. Э. Ранние палаши Волго–Уралья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск, 2007. Рис. 3–6.
14	Охлебнинский	П. 502	IV до н.э.– III в. н.э	Сохранность полная	71	2,4		5,3					Зубов С. Э. Ранние палаши Волго–Уралья // Вооружение сарматов: региональная типология и хронология: доклады к VI международной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Челябинск, 2007. Рис. 4–7
15	Кала–Урын	П. 3 Курган 2	V–VI вв.	Обнаружены обломки клинки									Перескоков М.Л. Курган с воинским погребением V в. на могильнике Кала–Урын. // Вестник Пермского университета. (История) Пермь, 2017. №1.С. 85

Таблица 17. Случайные находки мечей.

№	Памятник	Состояние	Сечение	Длина клинка	Ширина клинка	Длина хвостовика	Длина гарды	Форма гарды	Материал гарды	Форма наваршия	Материал наваршия	Источник
1	Ново Сасыкульский мог– Кв.19/С	Хвостовик отсутствует	Ромб.	75	3,2		4,5	Ромбовидная	Медь			Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново–Сасыкульский могильник.//Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986. Рис. 16–4
2	Ново Сасыкульский . Кв.22/Ж	Сохранность полная	Ромб.	80	4,4	20						Васюткин С.М., Калинин В.К. Ново–Сасыкульский могильник.//Археологические работы в низовьях Белой. Уфа, 1986. Рис. 16–9
3	Ново Сасыкульский Кв. / 18 И											Агеев Б.Б. Пьяноборская культура. Уфа. 1992. С. 118
4	Старокабановский .	Отсутствует острие и хвостовик	Линз.	57,3	5,7							Сунгатов Ф.А., Тарустович Г.Н., Юсупов Р.Н Приуралье в эпоху Великого переселения народов. Уфа, 2004. Рис. 73–1.
5	Деревня Старокабаново	Отсутствует острие и хвостовик	Линз.	60,5	5,8							Сунгатов Ф.А., Тарустович Г.Н., Юсупов Р.Н Приуралье в эпоху Великого переселения народов. Уфа, 2004. С. 59
6	Больше Висимский .	Отсутствует часть хвостовика и острия	Линз.	37	3,7							
7	Мазунинский	Обломок клинка										Генинг В.Ф., Мырсина Е.М. Мазунинский могильник. //БАУ. Свердловск, 1967. №7. С. 85.
8	Нивский	Обнаружен фрагмент клинка		20	5							Семенов В.А. Два могильника мазунинской культуры в Прикамской Удмуртии //БАУ. Ижевск, 1976. №7 С. 120
9	Красноярский	Железная рукоять сломана у основания.		105	3		5	Прямая	Железо	Антенновидная	Железо	Казанцева О.А. Красноярский могильник I–V вв. в бассейне р. Тулвы Среднего Прикамья. // Материалы и исследования Камско–Вятской археологической

												экспедиции. Ижевск, 2012. Т. II. Табл. 78–18
10	Рождественский V	Сохранность полная	Линз.	79,2	4,7							Старостин П. Н. Рождественский V могильник. // Археология евразийских степей. Казань, 2009. №9. Рис. 47–8
11	Масловский	Отсутствует острие и часть хвостовика	Линз.	70,8	5,9	13						Матвеев Р.В. Вооружение населения Волго–Вятского междуречья в конце II–IV вв. Казань, . 2013. Рис. 9–14
12	Тарасовский	Поврежден хвостовик	Линз.									Голдина Р.Д. Перевошиков С. Е. О клинковом оружии Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме.// Уральский исторический вестник. №1 (54) Екатеринбург 2017. Рис. 2–15
13	Тарасовский	Поврежден хвостовик сохранилась только часть клинка	Линз.									Голдина Р.Д. Перевошиков С. Е. О клинковом оружии Тарасовского могильника I–V вв. на Средней Каме.// Уральский исторический вестник. №1 (54) Екатеринбург 2017. Рис. 2–14
14	Атамановы кости											Матвеев Р.В. Вооружение населения Волго–Вятского междуречья в конце II–IV вв. Казань, 2013. Рис. 9–8
15	Гремячинский											Матвеев Р.В. Вооружение населения Волго–Вятского междуречья в конце II–IV вв. Казань, 2013. Табл. 1–3
16	Серебрячихинское селище			78	4	7						Матвеев Р.В. Вооружение населения Волго–Вятского междуречья в конце II–IV вв. Казань, 2013. Табл. 1–2
17	Усть–Брыскинский	Обломок клинка	Линз.	24	5							Матвеев Р.В. Вооружение населения Волго–Вятского междуречья в конце II–IV вв. Казань, 2013. Рис. 9–1
18	Усть–Брыскинский	Отсутствуют хвостовик и острие	Линз.	76	5,2	10,2						Матвеев Р.В. Вооружение населения Волго–Вятского междуречья в конце II–IV вв. Казань, 2013. Рис. 9–2.
19	Усть–	Сохранность полная	Линз.	87	6	4						Матвеев Р.В. Вооружение населения Волго–Вятского междуречья в конце II–IV вв. Казань, 2013. Рис. 9–8

7.4 Таблицы и графики анализа погребальной обрядности

Таблица 18. Погребальный инвентарь захоронений с длинноклинковым оружием I–II вв.

Погр.	Возраст	Меч\ Палаш*	Шлем	Кольчуга / Панцирь*	Топор	Копье	Нож /кинжал *	Наконечник стрелы	Конская упряжь	Количество находок	Количество категорий находок	Параметры могильной ямы			
												Длина (см)	Ширина (см)	Глубина (см)	Объём
Тарасовский могильник															
608	До 30	1					1		1	15	6	239	71	54	0,9
733А		1*							1	3	3	255?	120	46	1,4
1125		1				1	1		1	19	9	252	65	130	2,12
1291		1*					1			4	4	191	66?	35	0,44
1307	40–50	1					1		1	11	6	214	66	61	0,86
1317	40–50	1*					1			10	4	240	73	48	0,84
Кушулевский III могильник															
66		1				1	1	8		16	6	180	65	70	0,81
306		1				1	1/1*	7		11	5	220	70	55	0,84
могильник Чеганда II															
7		1*					1	3		11	7	270	73	40	0,78
26		1					1/1*	6		12	7			45	
33		1					1	1		13	7			40	
36		1*					1	6		11	6	255	80	70	1,42
156		1					1	1	1	9	7	230	94	100	2,1
Могильник Нарганда 2															
71		1*								12	5	214	72	50	0,77
78		1*								4	4	190	68	80	1,03
79		1*					1*			40	7	195	65	100	1,23
152		1					1*			13	5	245	100	50	1,25
181		1								10	5	195	80	40	0,62
195		1					1		1	5	4	220	80	50	0,88
196		1								8	7	240	100	40	0,96
Камышлы–Тамакский могильник															
68		1					1/1*		1	19	8	246	70	98	1,68

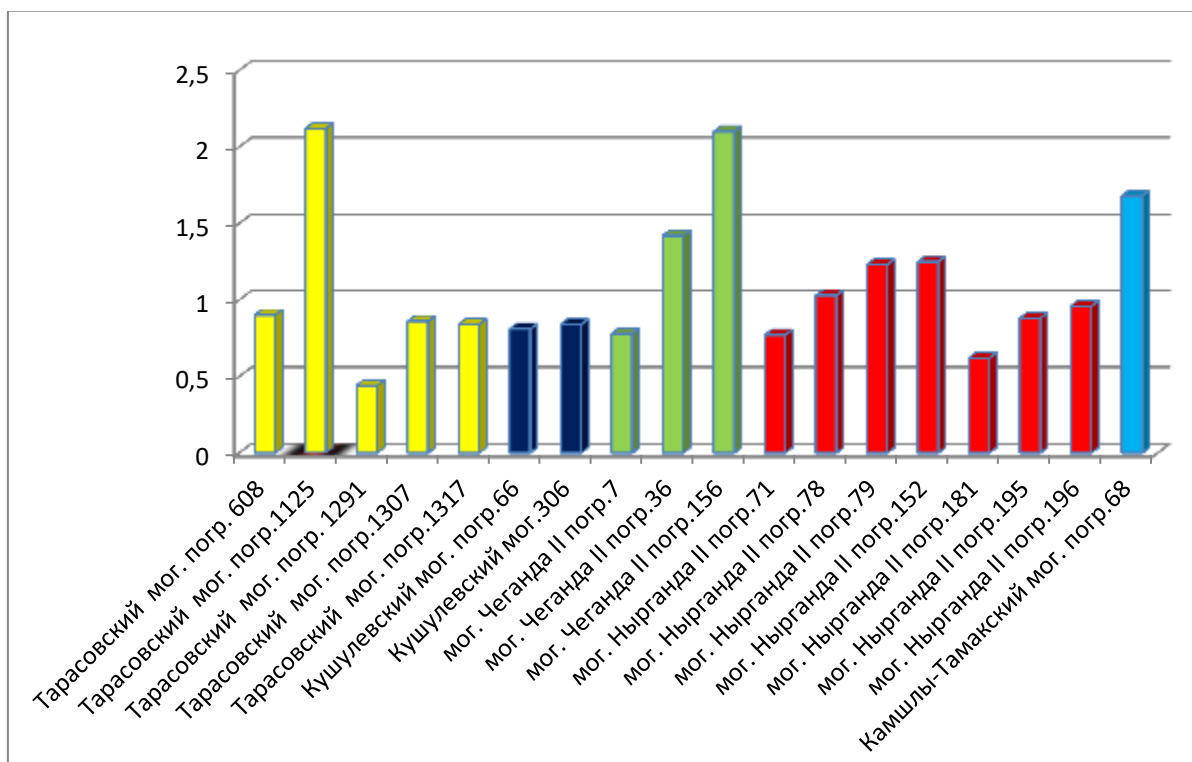

График 12. Объем могильных ям захоронений с длинноклиновым оружием I–II вв.

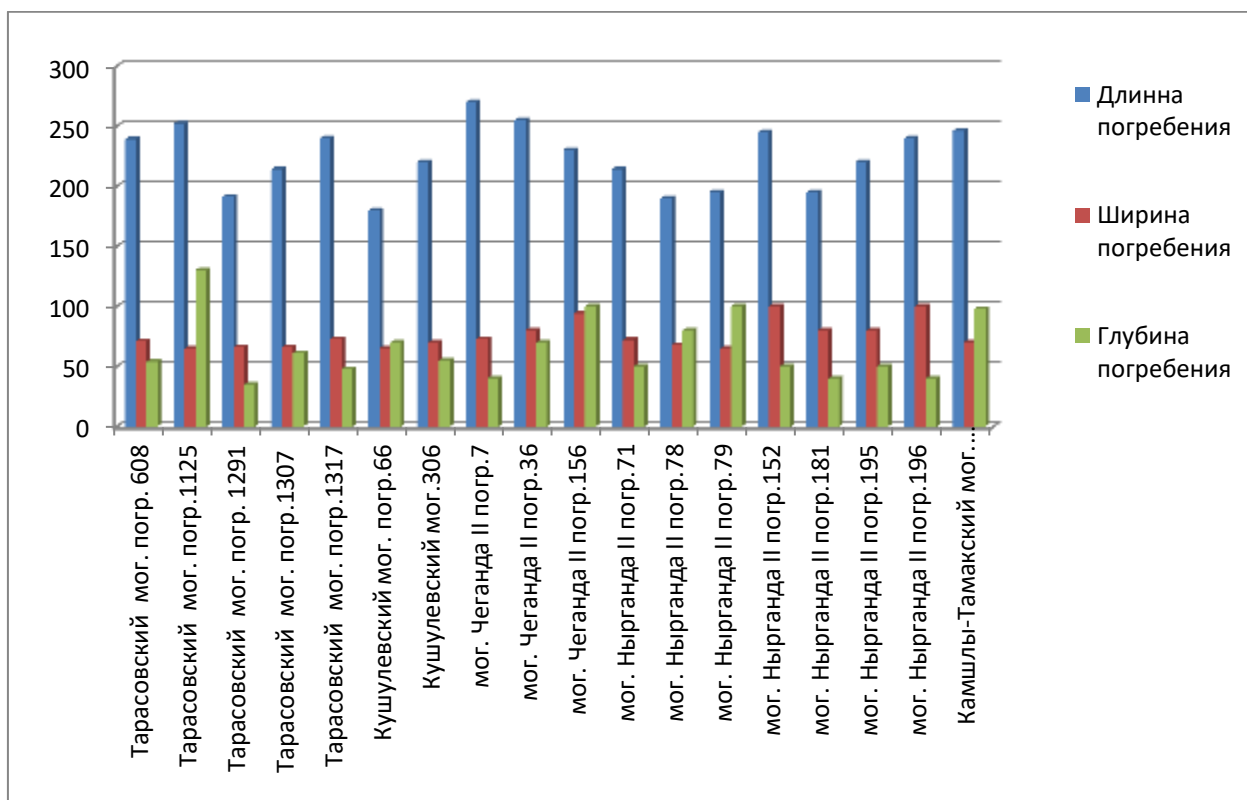

График 13. Параметры могильных ям захоронений с длинноклиновым оружием I–II вв.

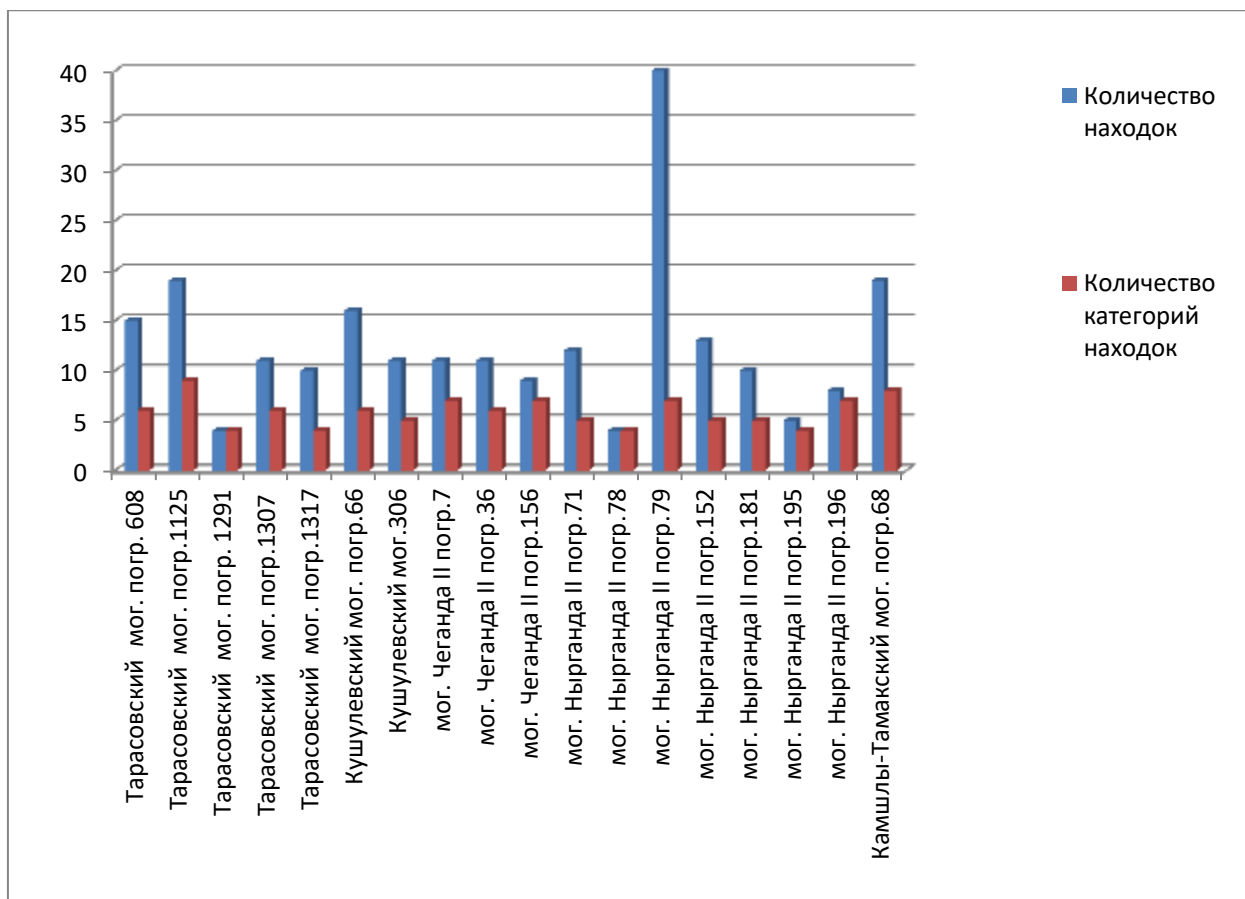

График 14. Соотношение погребального инвентаря захоронений с длинноклинковым оружием I–II вв.

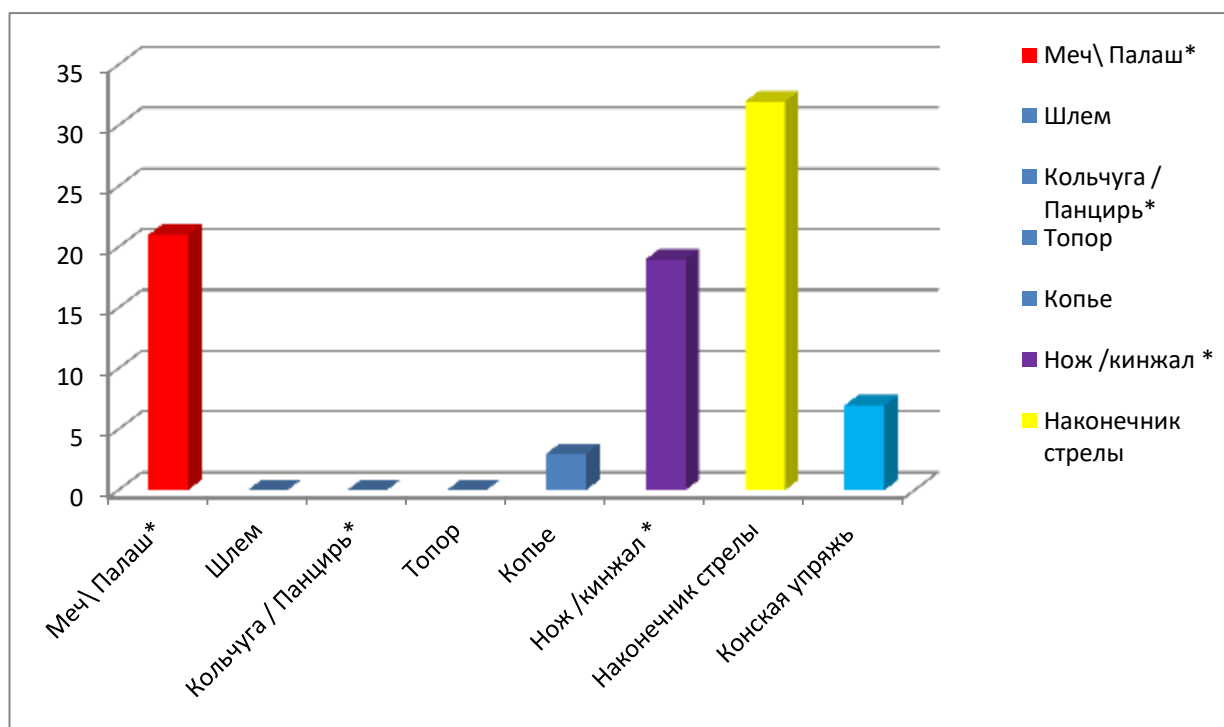

График 15. Соотношение предметов вооружения в захоронениях с длинноклинковым оружием I–II в.

Таблица 19. Погребальный инвентарь захоронений с длинноклиновым оружием III – начала IV вв.

Погр.	Возраст	Меч\ Палаш *	Шлем	Кольчуга / Панцирь *	Топор	Копье	Нож /кинжал *	Наконечник стрелы	Конская упряжь	Количество находок	Количество категорий находок	Параметры могильной ямы			
												Длина (см)	Ширина (см)	Глубина (см)	Объём
Тарасовский могильник															
4	25–35	1					1		1	28	6	271	106	83	2,38
6	17–20	1	1				1		1	19	12	249	81	62	1,25
782	18–20	1	1				1		1	80	14	255	75	108	2
790	20–25	1				1	1			13	6	282	107	163	4,9
Усть,– Сарапульский могильник															
89		1								3	3	224	75	23	0,38
104		1					1			9	6				
105		1					1			3	3				
Ошкинский могильник															
27	35–45	1			1		1			29	9	210	50	60	0,63
Городищенский могильник															
2		1					1			8	6	229	110	90	2,26
Азелинский могильник															
5		1		1	1	1	1		1	29	8	230	85	105	2,05
Суворовский могильник															
1	40–50	1		1	1	1	1	21	1	68	13	290	125	127	4,6
17		1			1		1	9		36	8	250	80	90	1,8
20		1	1	1			1*	13		25	9	250	80	135	2,7
30		1	1				1*	22	1	69	14	260	69	160	2,87
Рождественский V могильник															
75		1					2	8	1	48	7	199	57	90	1
117		1	1		1	1		4	1	21	16	243	110	120	2,9
Нармонский могильник															
19	45–50	1							1	5	5	240	100	110	2,64
Могильник Тюм Тюм															
36		1	1		1	1			1	12	11			160	
76		1				1				2	2			95	
94 А		1	1		1	2	2/2*		1	36	19	240	160	120	6,5
94Б		1				2	1/1*			14	10				
Скопление вещей		1			6	5		6	1	25	10				

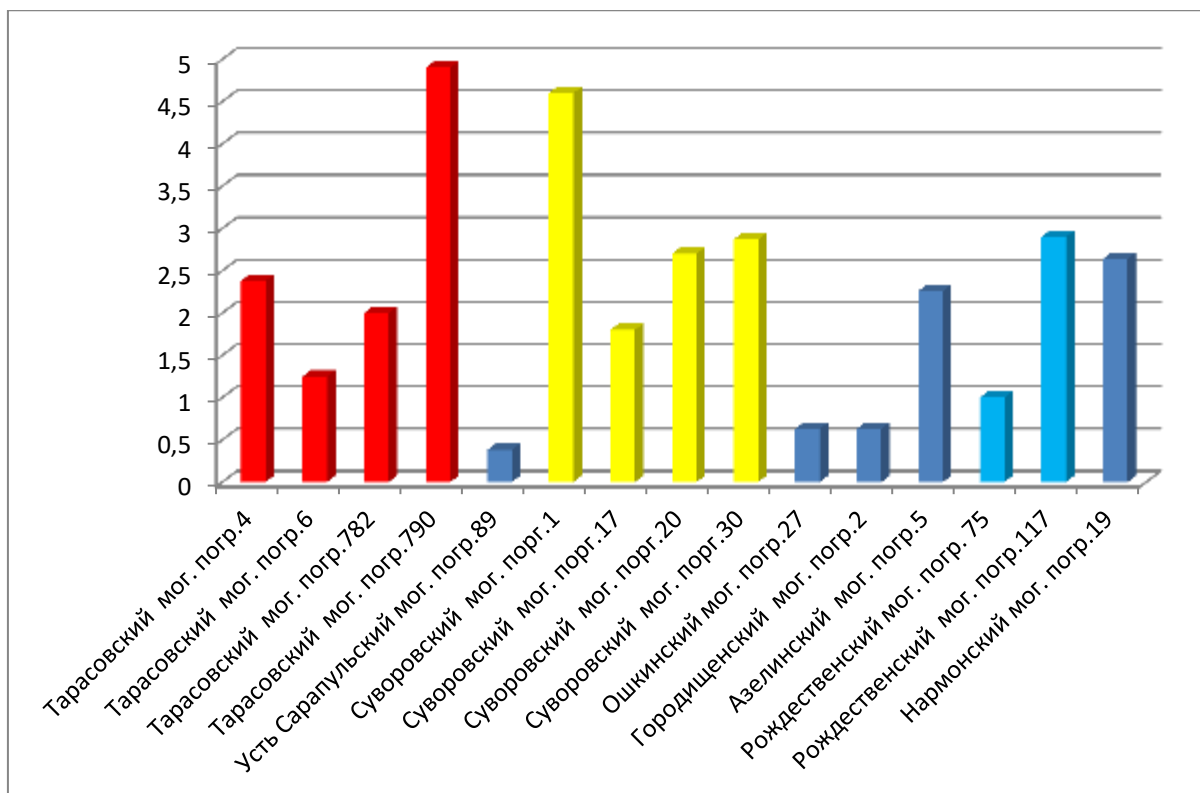

График 16. Объем могильных ям захоронений с длинноклинковым оружием второй половины III – начала IV вв.

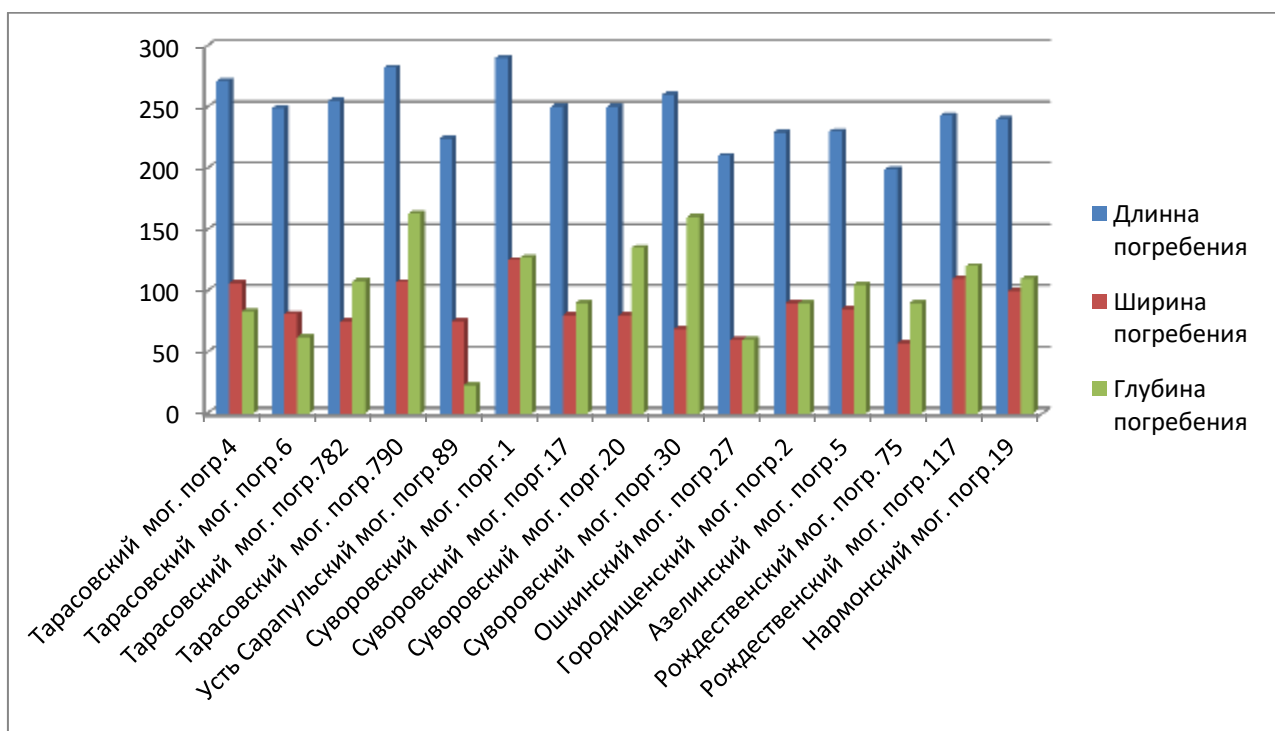

График 17. Параметры могильных ям захоронений с длинноклинковым оружием второй половины III – начала IV вв.

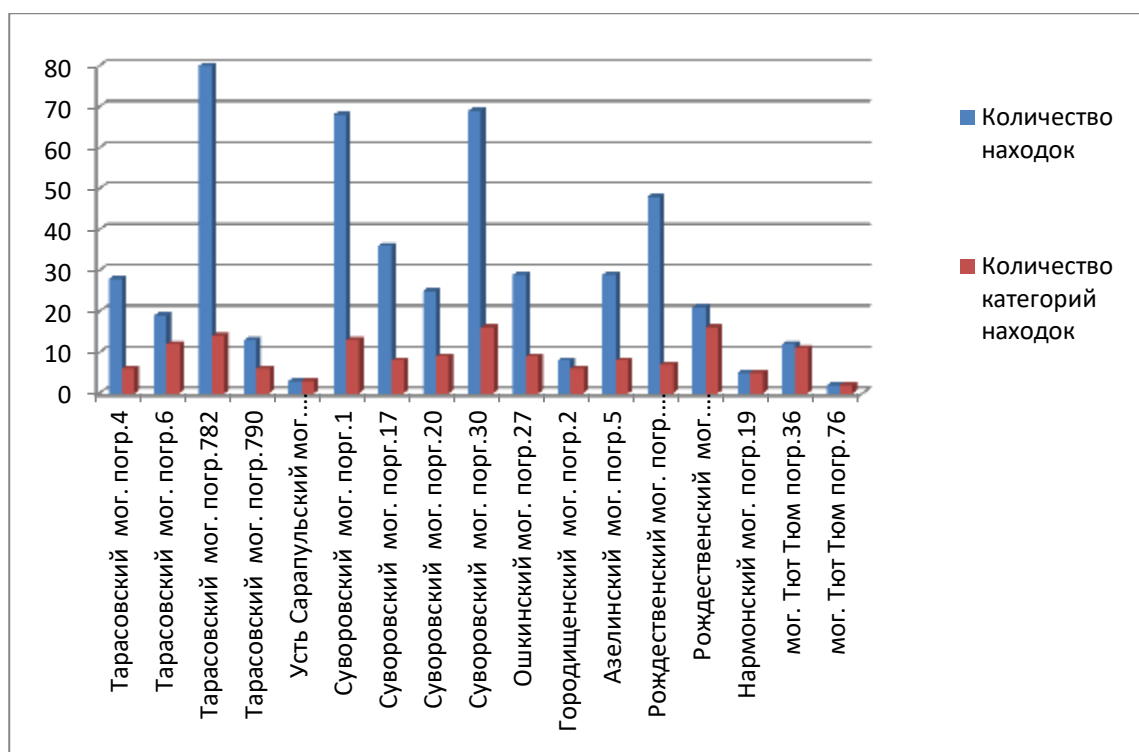

График 18. Соотношение погребального инвентаря захоронений длинноклинковым оружием второй половины III – начала IV вв.

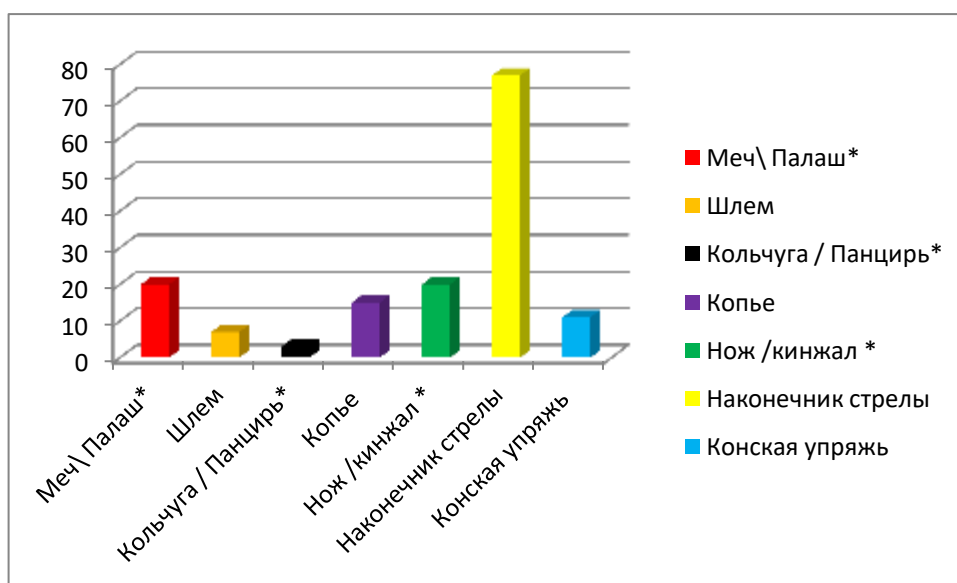

График 19. Соотношение предметов вооружения в захоронениях с длинноклинковым оружием второй половины III – начала IV вв.

**Таблица 20. Погребальный инвентарь захоронений с длинноклинковым оружием
первой половины IV – треть четверть IV вв.**

Погр.	Возраст	Меч\ Палаш*	Шлем	Кольчуга / Панцирь*	Топор	Копье	Нож /кинжал *	Наконечник стрелы	Конская упряжь	Количество находок	Количество категорий находок	Параметры могильной ямы			
												Длина (см)	Ширина (см)	Глубина (см)	Объём
Тарасовский могильник															
241	25–35	1						4		41	6	214	105	115	2,58
1737	35–40	1					1		1	10	7	240	95	70	1,59
Ижевский могильник															
10		1					1			4	4				
16		1					1*	6	1	34	6	210	55	85	0,98
Покровский могильник															
19	45–55	1					1			5	5	240	80–100	109	2,6
26	20–30	1					1		1	3	3	242	85	126	2,59
59	35–55	1					1			3	3	266	81	92	1,9
63	25–40	1					1		1	7	6	267	108	90	2,59
83	14–18	1					1			6	4	220	70	90	1,38
99	25–50	1					1		1	5	3	230	67	91	1,44
115	30–50	1							1	23	6	246	68	69	1,16
261		1					1		1	8	6	238	88–99	123	2,92
289		1			1		1		1	14	9	255	78–90	72	1,65
325	35–40	1			1		1			30	6	240	90	97	2
347	20–25	1					1			9	3	248	74	98	1,7

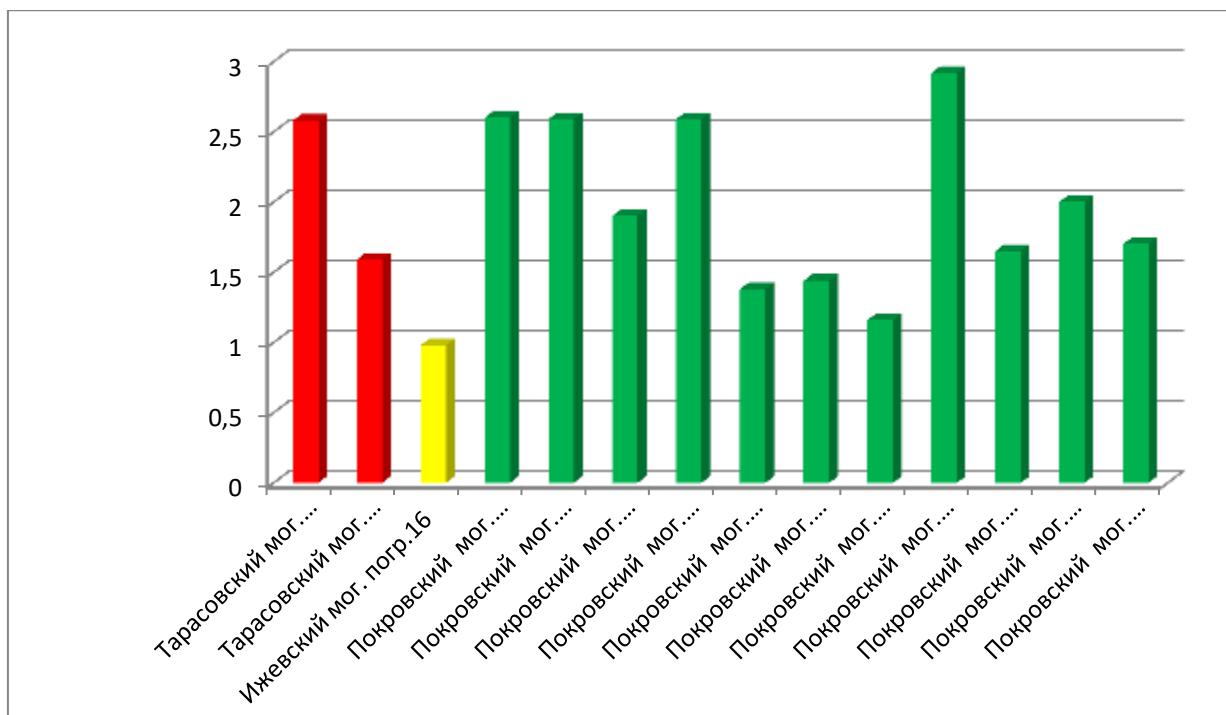

График 20. Объем могильных ям захоронений с длинноклинковым оружием первой половины–третьей четверти IV вв.

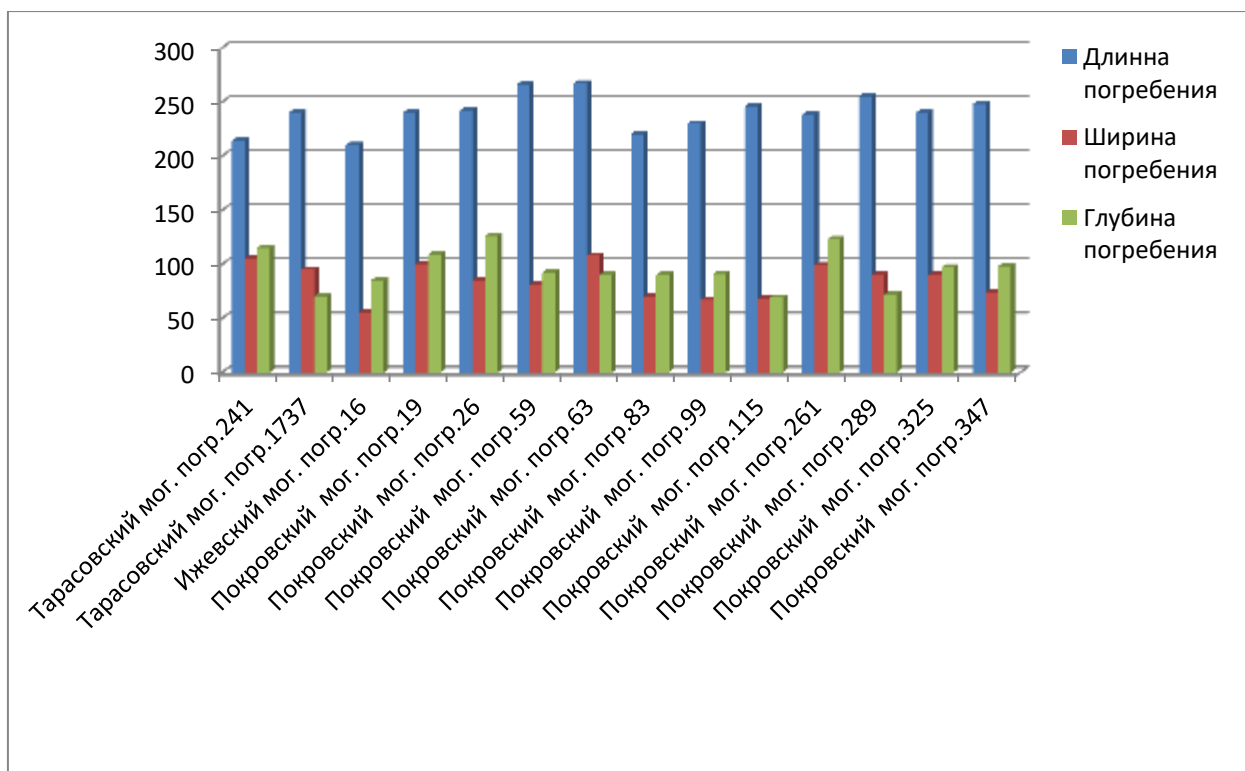

График 21. Параметры могильных ям захоронений с длинноклинковым оружием первой половины – третьей четверти IV вв.

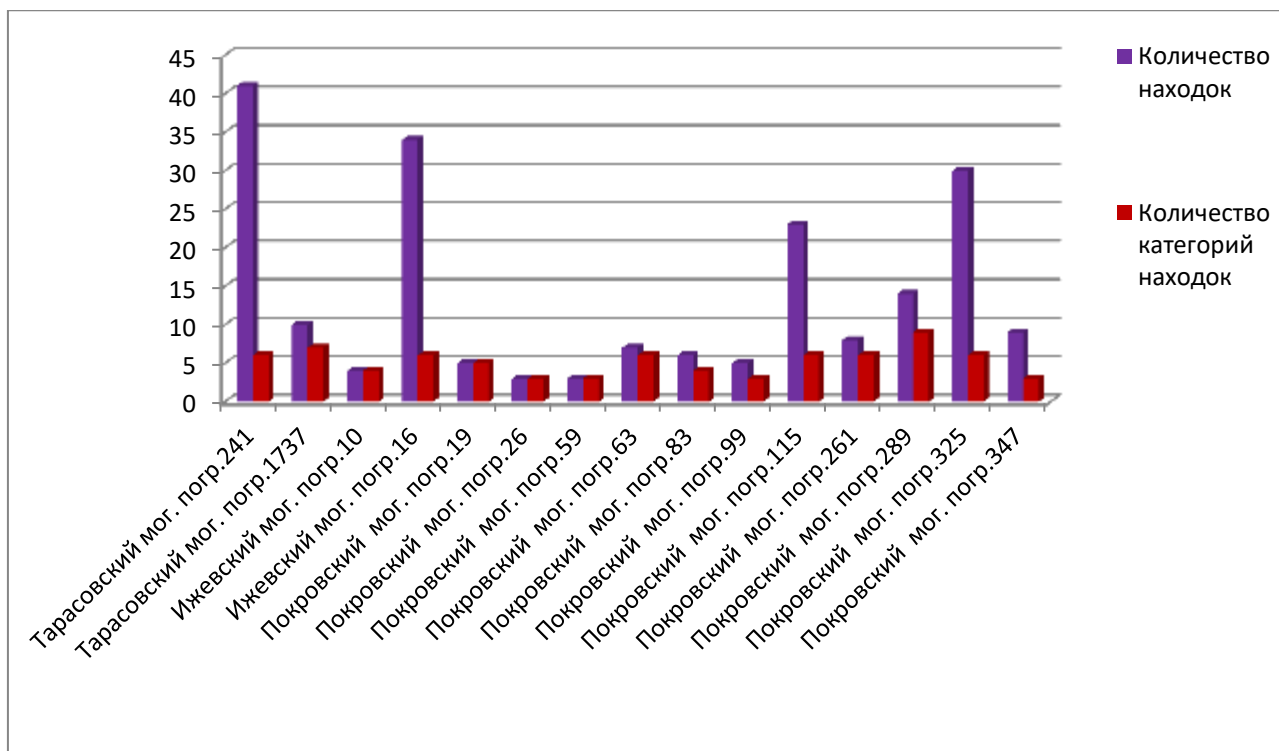

График 22. Соотношение погребального инвентаря захоронений с длинноклинковым оружием первой половины – третьей четверти IV вв.

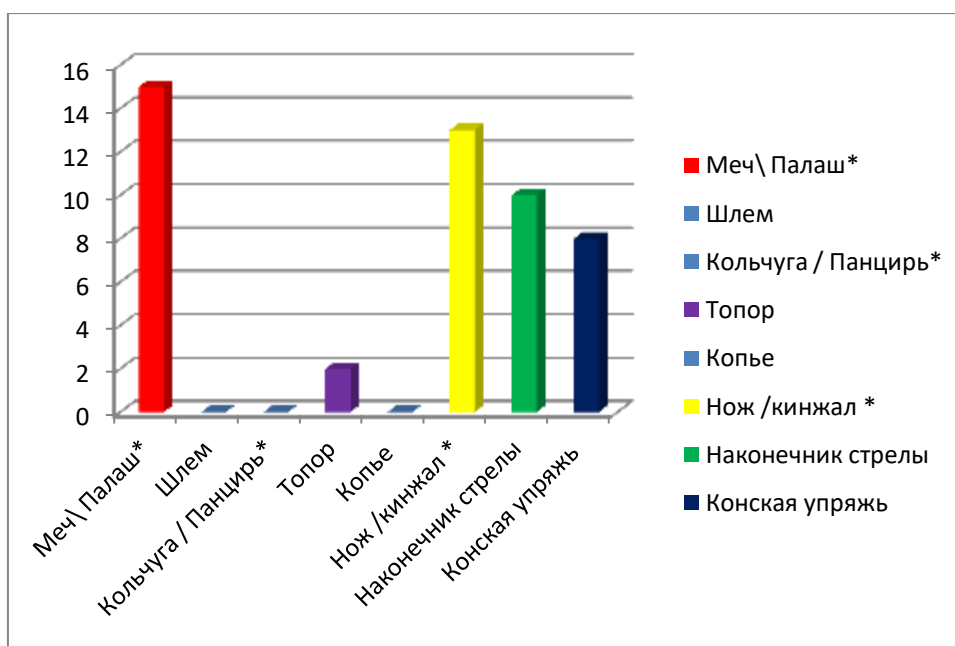

График 23. Соотношение предметов вооружения в захоронениях с длинноклинковым оружием первой половины – третьей четверти IV вв.

**Таблица 21. Погребальный инвентарь захоронений с длинноклинковым оружием
второй половины IV – начало V вв.**

Погр.	Возраст	Меч\ Палаш*	Шлем	Кольчуга / Панцирь*	Топор	Копье	Нож /кинжал *	Наконечник стрелы	Конская упряжь	Количество находок	Количество категорий находок	Параметры могильной ямы			
												Длина (см)	Ширина (см)	Глубина (см)	Объём
Тарасовский могильник															
60	35–45	1					1		1	32	9	233	95	85	1,88
129	30–40	1					1		1	14	7	252	96	75	1,81
765 А	18–20	1					1		1	65	10	302	180	112	6,08
765 Б	18–20	1					1		1	45	7				
1685	25–30	1	1	1*	5	1	1		1	52	12	360	230	213	17,63
1779	11–12	1				1	1			12	7	260	130	255	8,61
235		1				1	1			8	5	283	98	150	4,1
474		1				1	1			6	6	302	120	177	6,79
1703	25–30	1				1	1			10	6	280	123	170	5,85
1772	16–17	1			2	1	1			12	7	270	125	260	8,77
1784		1	1	1	1	1	1		1	31	16	184?	210	270	10,43
Тураевский могильник															
Курган 1 погр. 1		1				1	1*		1	16	9	240	100	215	
курган 5		1	1	1	3	1	1*		1	62	19	270	113	355	10,8
курган 7 погр. 1а		1	1	1*	1	1	1*	3	1	39	16	250	107/153	224	6,8
курган 7 погр. 1б		1				1	1*		1	12	8				
Кудашевский могильник															
5		1	1				1					235	98	120	2,76
6		1	1			2	1					242	90	115	2,5
7		1	1		1	2	1		1			230	105	115	2,77
10		1	1				1		1			250	120	150	4,5
159		1				2	1		1	7	6	232	75	67	1,16

160		1	1	1*		1	1		1	23	10	234	85		77	1,53
Первомайский могильник																
9	35-45	1	1		1	1	1		1	24	12	246	101		165	4
Бурковский могильник																
курган 5 погр. 3		1					1*		1	12	4	310	130		68	2,74
75		1					1*		1	13	4	280	120		80	2,68
Митинский могильник																
23 А		1					1*		1	7	4	285	165		49	2,3
Бродовский могильник																
курган 25 погр. 1		1					1	1	1	8	5	330	160		128	6,75
курган 25 погр. 2В		1					1			2	2	421	225		83	7,86
курган 22 погр. 1		1					1		1	9	7	450	275		178	22

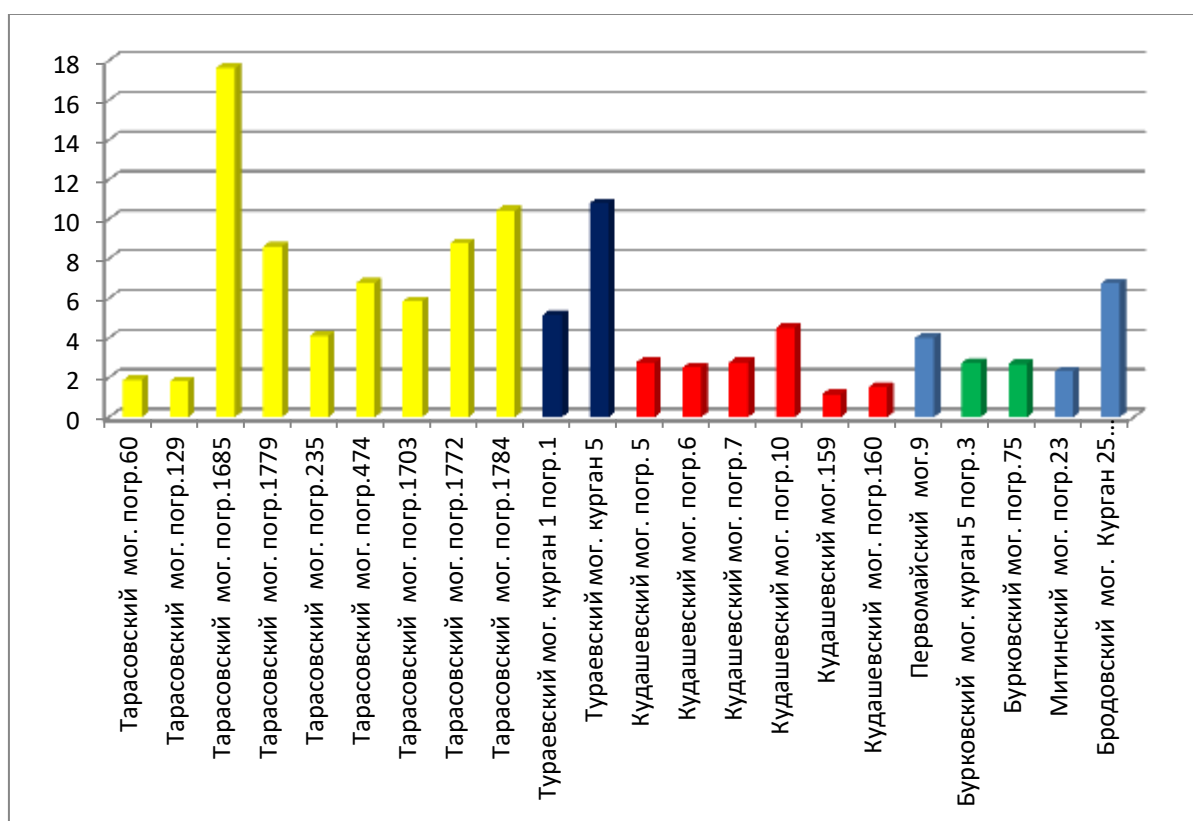

График 24. Объем могильных ям захоронений с длинноклиновым оружием второй половины IV – начала V вв.

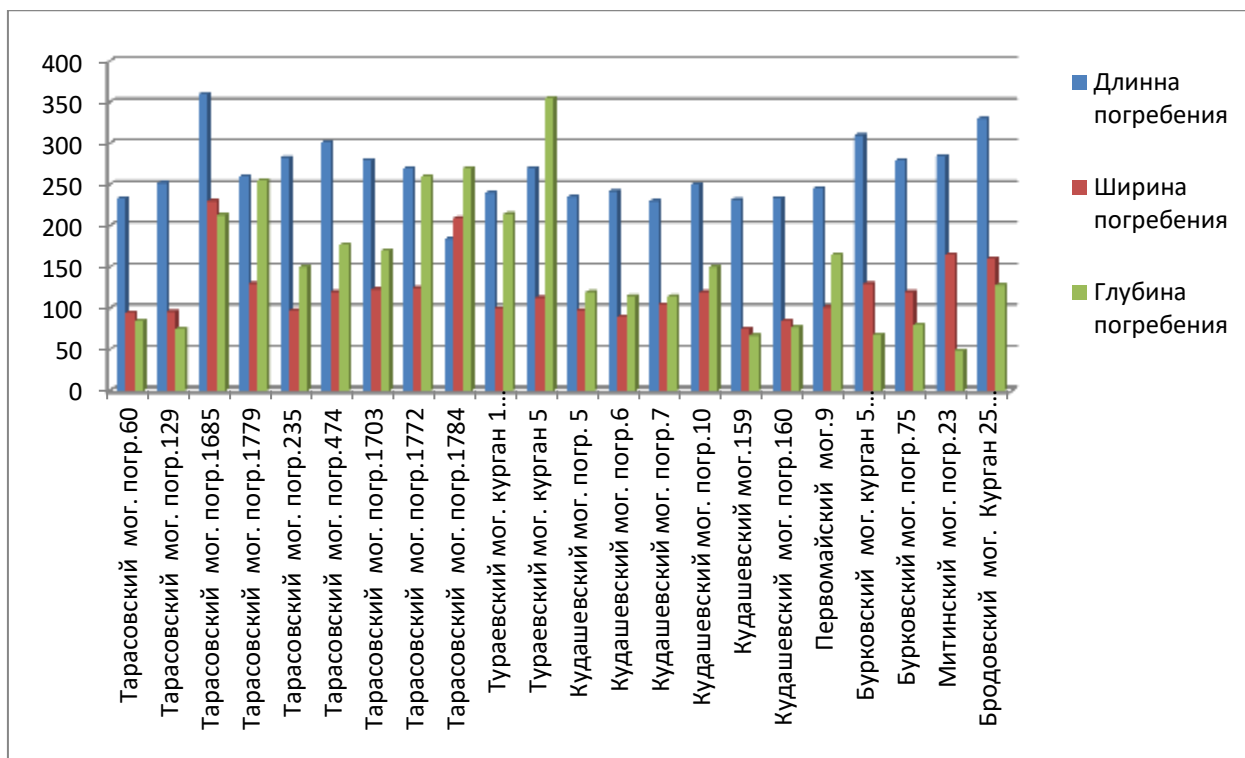

График 25. Параметры могильных ям захоронений с длинноклинковым оружием второй половины IV – начала V вв.

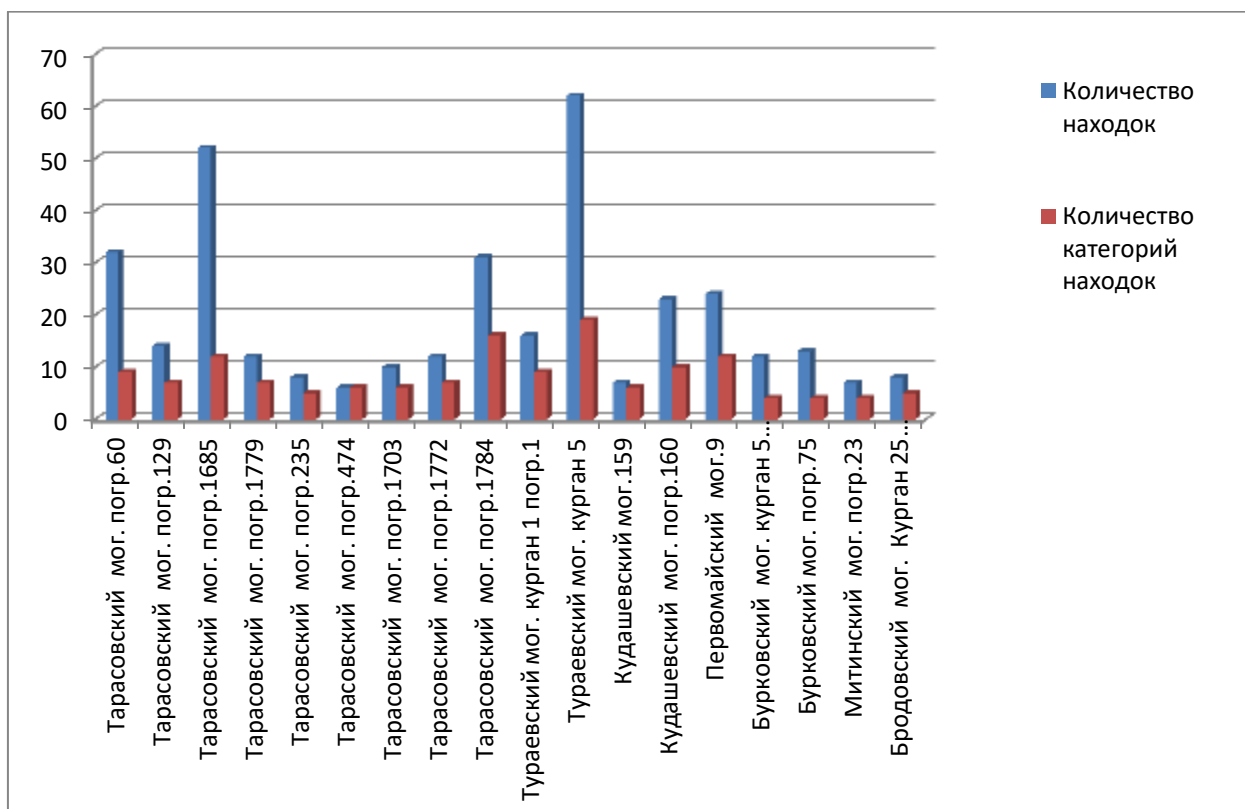

График 26. Соотношение погребального инвентаря захоронений с длинноклинковым оружием второй половины IV – начала V вв.

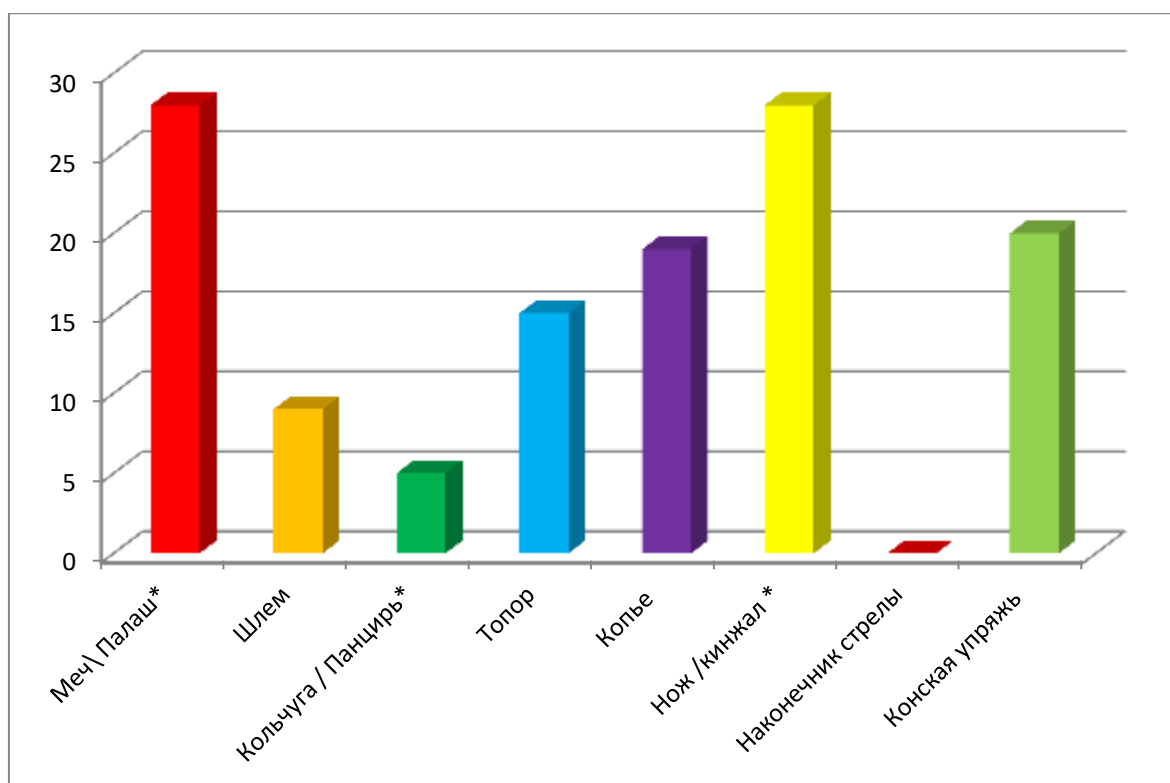

График 27. Соотношение предметов вооружения в захоронениях с длинноклинковым оружием второй половины IV – начала V вв.

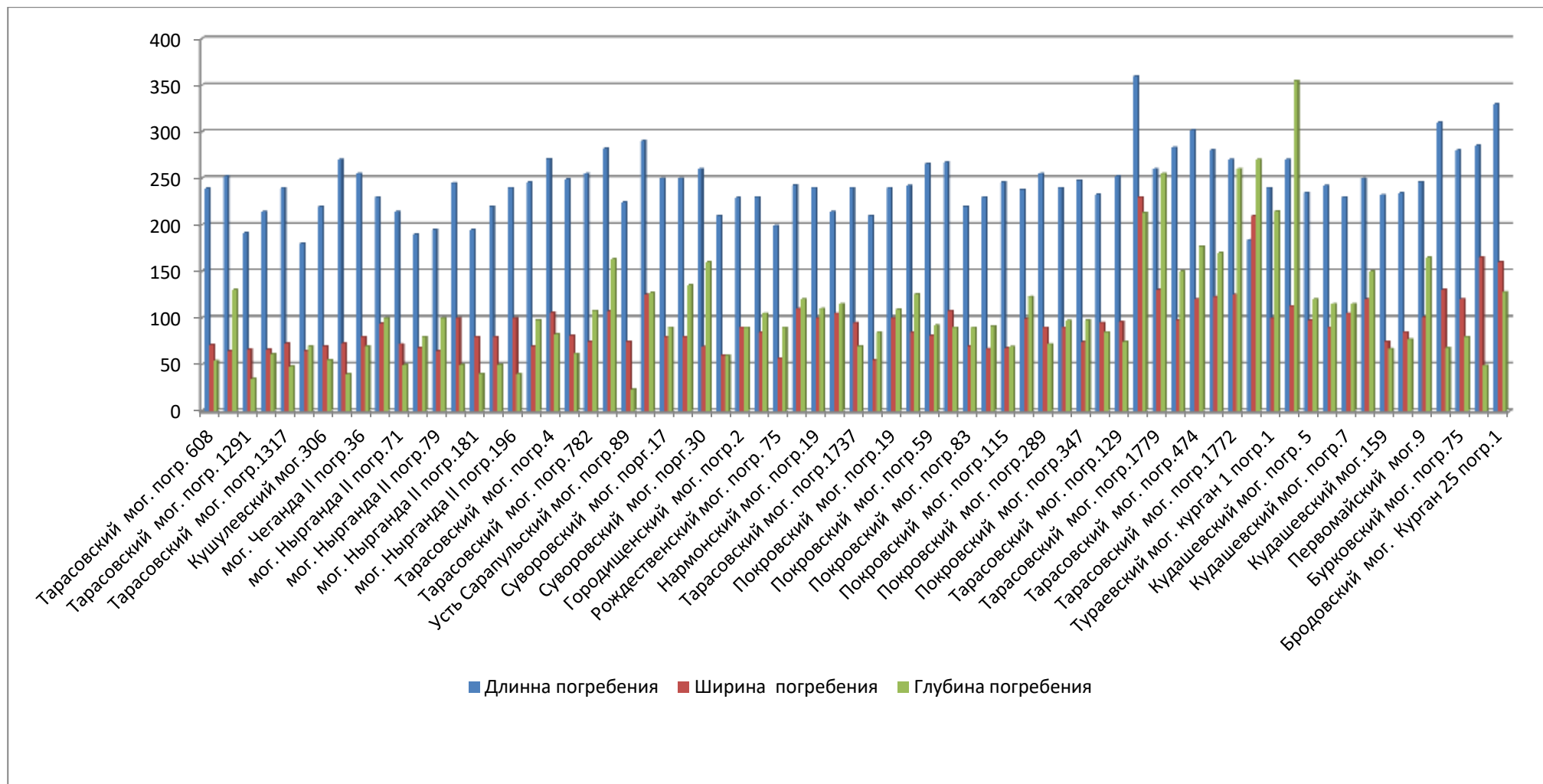

График 28. Параметры могильных ям захоронений с длинноклиновым оружием первой половины I тыс. н.э.

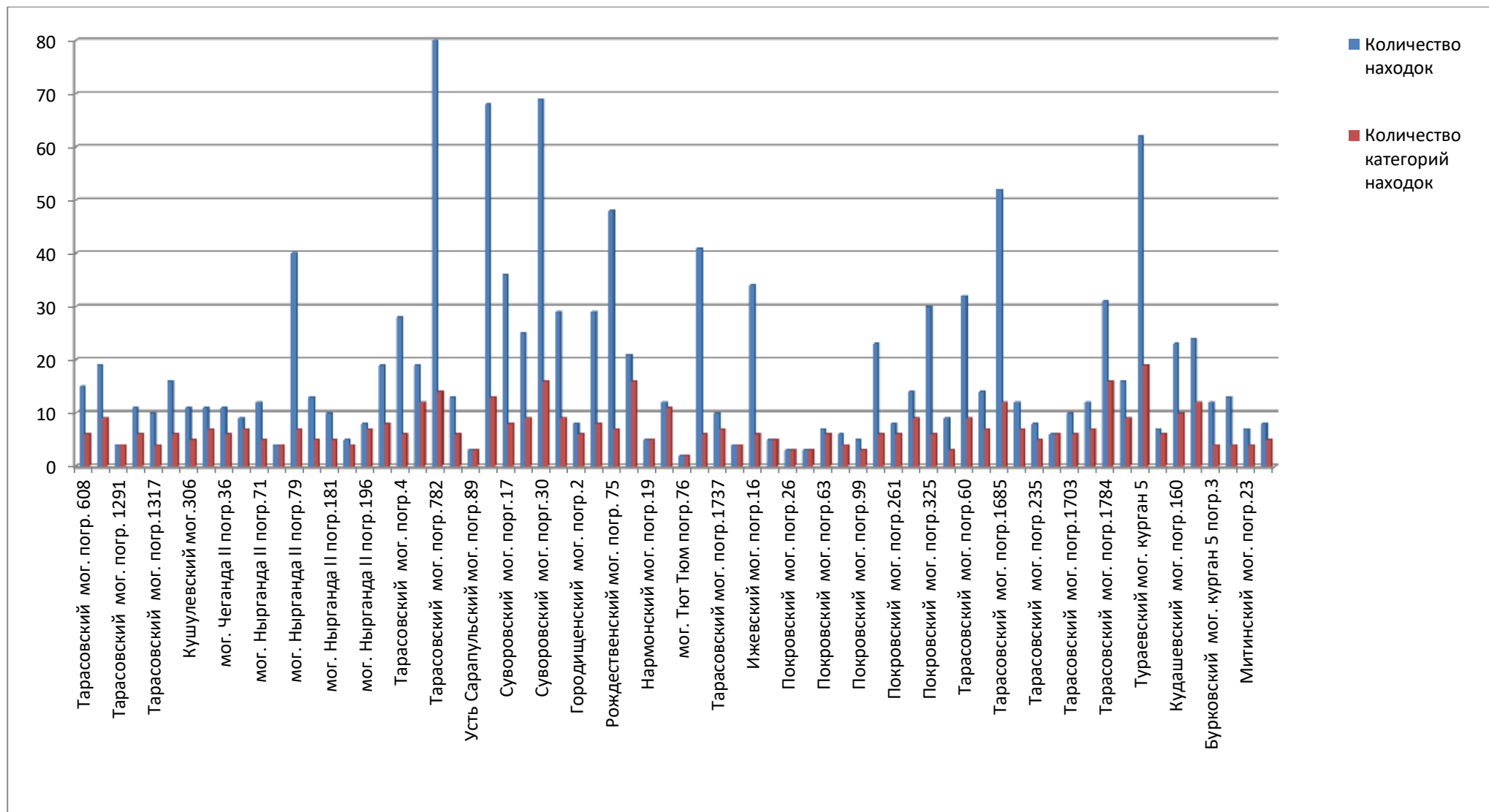

График 29. Параметры могильных ям захоронений с длинноклинковым оружием первой половины I тыс. н.э.

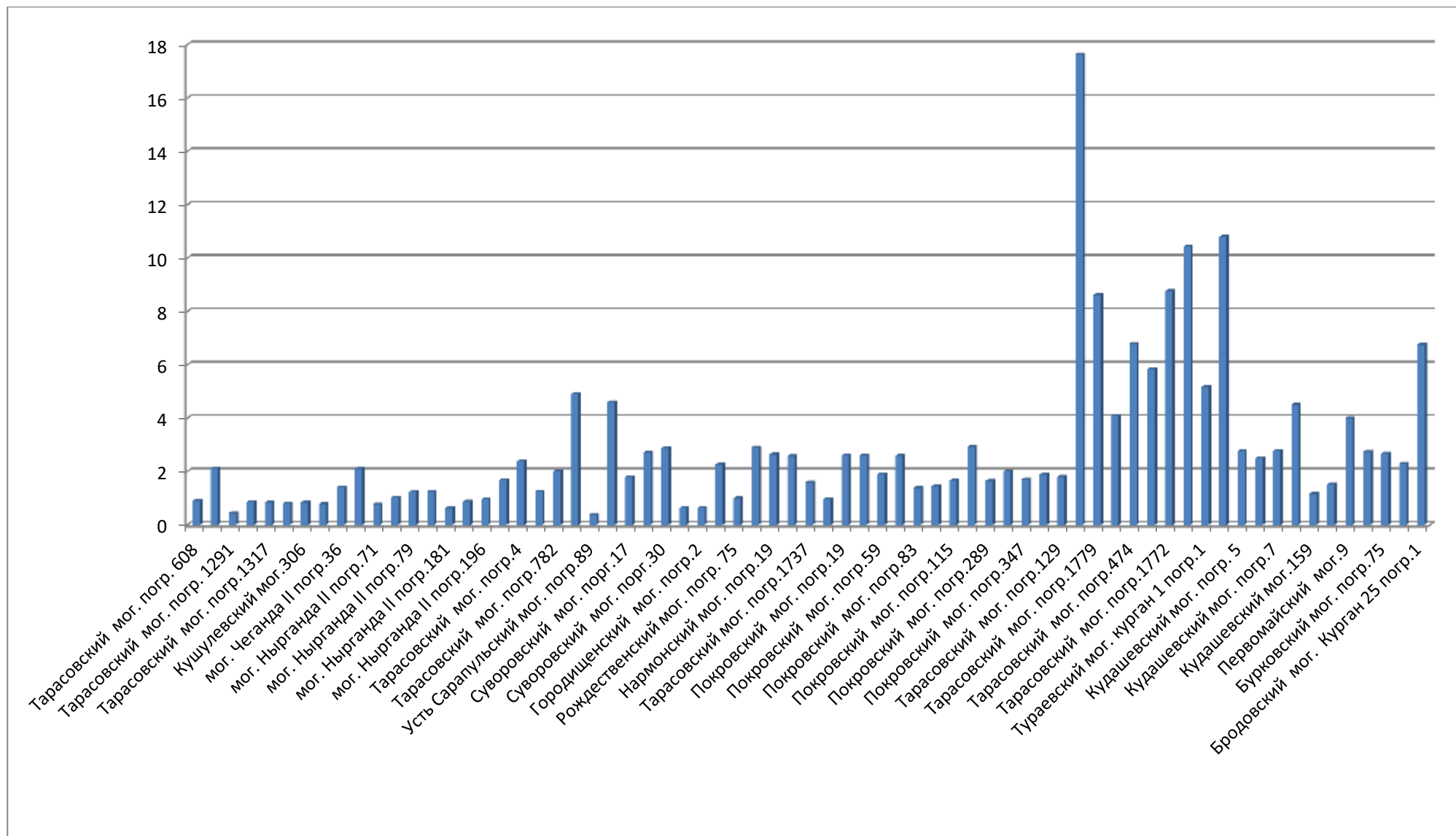

График 30. Соотношение погребального инвентаря захоронений с длинноклинковым оружием первой половины I тыс. н.э.

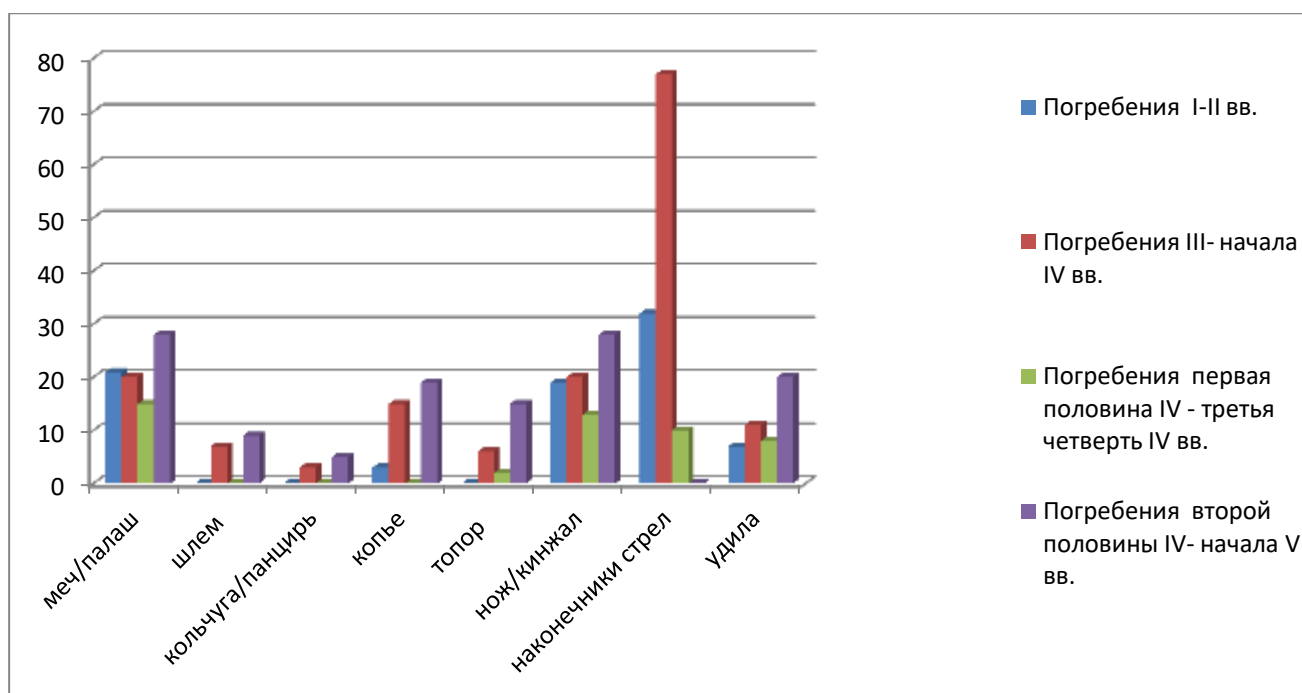

График 31 Соотношение предметов вооружения в захоронениях с длинноклинковым оружием первой половины I тыс. н.э.